ЧИНГИСХАН

СВОД СВИДЕТЕЛЬСТВ СОВРЕМЕННИКОВ

«Сокровенное сказание монголов». Легенды и предания о Чингисхане.
Свидетельства современников.
«Великая книга Ясы» и «Билик» Чингисхана.
Хронология жизни Чингисхана

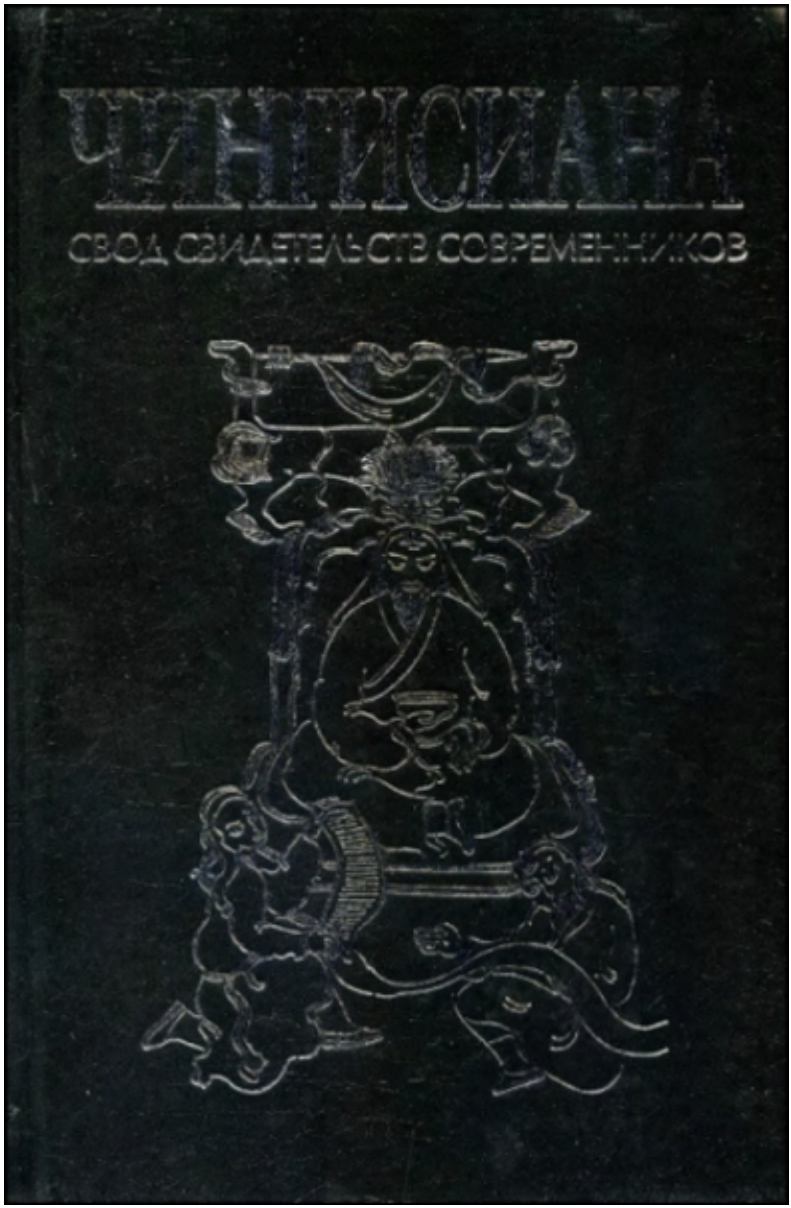
SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Место и роль Чингисхана в истории масштабны и многогранны. Собиратель монгольских земель, создатель единого Монгольского государства, он признан величайшим полководцем, равных которому не было ни до, ни после него. Как и много веков назад, интерес к эпохе Чингисхана не ослабевает и в наше время.

В сборник «Чингисиана. Свод свидетельств современников» вошли важнейшие исторические и литературно-художественные памятники, созданные в Монголии и других странах в XII–XVII вв. и посвященные Чингисхану. Главный из них — «Сокровенное сказание монголов» — шедевр монгольской культуры, образец изящной словесности, стоящий в одном ряду с великими древними литературными памятниками, такими, как «Илиада», «Одиссея» и «Слово о полку Игореве». Кроме этого, в книге собраны легенды и предания о Чингисхане, многие из которых были специально переведены для этого сборника, а также фрагменты его знаменитой «Великой Ясы» (свода имперских законов XIII века) и сборника высказываний и наставлений «Билик».

Собранный материал дает обширную пищу для размышлений о личности и могучих дарованиях великого полководца, о породивших его времени и народе и, наконец, о месте, которое занимает Чингисхан в истории человечества.



* * *

Предисловие президента Монголии Намбарына Энхбаяра

* * *

© А. Мелехин. Перевод, составление, комментарии, 2009

© Г. Ярославцев, наследники. Перевод, 2009

© С. Дулан. Вступительная статья к первому разделу, 2009

© А. Цендина. Вступительная статья ко второму разделу. Перевод, 2009

© Н. Бичурин. Перевод, 2009

© Ж. Саруулбуян. Иллюстрации к первому и второму разделам

Фото на обложке:

James L. Stanfield / National Geographic/Getty Images/Fotobank

- ЧИНГИСИАНА:
  - От составителя
  - Предисловие
  - ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ
    -
    - ГЛАВНАЯ КНИГА МОНГОЛОВ
      -
      - ПРИМЕЧАНИЯ
    -
    -
    -
  - ВТОРОЙ РАЗДЕЛ
    -
    - ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО
      -
      - ПРИМЕЧАНИЯ
    -
    -
    -
  - ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ
    -
    - «ВЕЛИКАЯ ЯСА», ИЛИ СКРИЖАЛИ ЧИНГИСХАНА

- ■
- ■ ПРИМЕЧАНИЯ
- ■
- ■

○ ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗДЕЛ

- ■
- ■ ЭПОХА ЧИНГИСХАНА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ
  - ■
  - ■ ПРИМЕЧАНИЯ
- ■
- ■
- ■
- ■ ■
  - ■ Джованни дель ПЛАНО КАРПИНИ
    - ■
    - ■ ГЛАВА ПЕРВАЯ
    - ■ ГЛАВА ВТОРАЯ
    - ■ ГЛАВА ТРЕТЬЯ
    - ■ ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
    - ■ ГЛАВА ПЯТАЯ
    - ■ ГЛАВА ШЕСТАЯ
    - ■ ГЛАВА СЕДЬМАЯ
    - ■ ГЛАВА ВОСЬМАЯ
  - ■ Гильом де Рубрук

○ КОММЕНТАРИИ

- ■ СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ МОНГОЛОВ
  - ■
  - ■ ПРИМЕЧАНИЯ
- ■ ПРАРОДИТЕЛИ ЧИНГИСХАНА
- ■ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЧИНГИСХАНА
- ■ ЖИЗНЕОПИСАНИЕ УГЭДЭЙ-ХАНА
- ■ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ХАНЕ — РОДОНАЧАЛЬНИКЕ
- ■ ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЧИНГИСХАНЕ
- ■ ЛЕГЕНДЫ О ЧИНГИСХАНЕ В УСТНОЙ ТРАДИЦИИ
- ■ «ВЕЛИКАЯ ЯСА»
- ■ «БИЛИК»
- ■ ИЗ ТЮРКСКИХ ИСТОЧНИКОВ
- ■ ИЗ ПЕРСИДСКИХ ИСТОЧНИКОВ
- ■ ИЗ КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ
- ■ ИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

○ ПРИЛОЖЕНИЯ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

ЧИНГИСИАНА:

СВОД СВИДЕТЕЛЬСТВ СОВРЕМЕННИКОВ

От составителя

Уважаемые читатели!

В сборник «Чингисиана. Свод свидетельств современников» вошли ранее доступные лишь узкому кругу специалистов важнейшие исторические и литературно-художественные памятники, созданные в Монголии и других странах в XII–XVII вв. и посвященные собирателю монгольских земель, создателю единого Монгольского государства, великому полководцу — Чингисхану.

Основными источниками, достоверно повествующими о жизни и деяниях Чингисхана, по праву являются монгольские историко-литературные памятники. И в первую очередь шедевр монгольской культуры и словесности — «Сокровенное сказание монголов», которое является первоисточником для летописных, литературно-художественных и научных произведений о Чингисхане и его эпохе, созданных во всем мире за последние семьсот с лишним лет.

Надеюсь, что наши читатели с интересом познакомятся с осуществленным впервые в России художественным переводом этого памятника, словно пропитанного ароматом степных монгольских просторов. Написанный эпическим стилем, этот литературный шедевр XIII века не может не очаровать читателя ритмической напевностью речи героев и образностью их поэтического языка. Перед вами, уважаемые читатели, образец монгольской изящной словесности, стоящий в одном ряду с великими древними литературными памятниками, такими как «Илиада», «Одиссея», «Слово о полку Игореве»; в рамках этого эпического произведения обрела завершенную форму давняя и устойчивая традиция художественной словесности монгольского народа.

Многие события жизни Чингисхана — от великих деяний до частных поступков — отражены в легендах и преданиях о нем, в его высказываниях и наставлениях. Целенаправленно собранные монгольскими летописцами и включенные ими в их хроники, эти малые формы эпической литературы зачастую восходят к первой половине XIII века и даже к XII веку. Многие из них были специально переведены для этого сборника.

В отдельном разделе «Чингисианы» собраны воедино

дошедшие до нашего времени фрагменты знаменитой «Великой Ясы» Чингисхана (Свода имперских законов XIII века) и сборника высказываний и наставлений Чингисхана — «Билик», дабы дать возможность читателям получить представление о составе и содержании этих памятников средневекового законотворчества монголов и, главное, оценить Чингисхана как государственного деятеля, творца нового имперского права, мудрого дидактика.

Собранные вместе в сборнике «Чингисиана» фрагменты средневековых исторических фолиантов позволят нашим читателям увидеть эпоху Чингисхана не только глазами его соотечественников, но и глазами современников — персов, арабов, китайцев, западноевропейцев.

Особо выделим среди них фундаментальный летописный свод крупнейшего историка XIV века Рашид ад-Дина «Сборник летописей», ценные китайские исторические памятники XIII века, в частности, «Юань ши», «Ган-му» и другие.

Наиболее интересные фрагменты книг Плано Карпини «История монгалов» и Гильома де Рубрука «Путешествие в восточные страны» живописуют различные стороны жизни Монгольской империи в эпоху ближайших потомков Чингисхана, как бы подытоживая грандиозные деяния одного из знаменитейших полководцев и государственных деятелей второго тысячелетия нашей эры.

Надеемся, что материалы, собранные в этом сборнике, позволят нашим читателям по достоинству и непредвзято оценить эту многогранную личность и будут способствовать восстановлению исторической истины о выдающемся феномене Чингисхана.

А. Мелёхин

Предисловие

Чингисхановедение, являющееся ядром международного монголоведения, прошло в своем развитии многолетний путь. Этот путь не был легким и проторенным. Чингисхановедение постоянно умышленно или неумышленно фальсифицировалось, подвергалось идеологическому давлению. Оно преодолело немалые преграды, чтобы предстать сегодня перед нами в его нынешнем виде.

Понятно, что по мере появления и развития многочисленных отраслей мировой науки чингисхановедение становилось предметом изучения многих из них. Современная философия, история, военная наука, политология, психология, правоведение, международные отношения, менеджмент и многие другие науки стали всесторонне изучать жизнь и деятельность Чингисхана.

Годы детства и отрочества Чингисхана пришлись на период мировой истории, характеризующийся раздробленностью стран и народов и повсеместными междоусобными войнами. Так, в Европе раздробленные на части государства воевали между собой не на жизнь, а на смерть. В исламском мире сильные государства Средней и Малой Азии подчиняли себе слабейших. На юге от земель, занятых монгольскими племенами, постоянно враждовали между собой чжурчжэньская империя Алтан-хана, тангудское царство Си-Ся, государства южных Сунов, каракиданей, тибетцев.

Особой враждебностью в отношении монгольских племен отличалась империя Алтан-хана, который, желая установить над ними свое господство, пытался любыми путями и средствами внести раскол в их ряды, регулярно раз в три года посылал на север свои войска для демонстрации силы. Ко всему прочему, в это время и сами монголоязычные племена — хэрэйды, найманы, мэргэды, татары, жившие обособленно на возвышенностях Центральной Азии, постоянно враждовали друг с другом. Как сказано в «Сокровенном сказании монголов»,

Над Землей многозвездное
Небо вне законов и правил кружилось.
Многотемная рать в поле бранном

с ратью столь же великою билась.
Возвращались с богатым полоном,
пригоняли коней, что в теле.
Ни один из нас, многих тысяч,
месяцами не спал в постели.

В это смутное время они могли стать легкой добычей рвущихся к господству над ними чужеземных завоевателей.

Именно в это время Тэмужин должным образом осознал, что умами многих монголов уже давно овладело стремление к объединению под властью единого правителя, к миру и согласию всех монголоязычных племен. Тэмужин выделялся среди прочих претендентов на единоличную власть острым природным умом и талантом. Веление времени и потребности средневекового монгольского общества обусловили его появление на исторической арене.

Многочисленные разрозненные монголоязычные роды и племена постепенно признали и по достоинству оценили его характер, авторитет, широту ума, выдающиеся организаторские способности, энергичные действия. Аристократия монголоязычных племен, собравшись в 1189 году на Великий хуралдай, являвшийся, говоря сегодняшним языком, официальным государственным институтом монголов, провозгласила Тэмужина Чингисханом, правителем родоплеменного объединения Хамаг Монгол («Все Монголы»), а в 1206 году — Святейшим Владыкой Чингисханом государства Великая Монголия.

Место и роль Святейшего Владыки Чингисхана в истории масштабны и многогранны. И, несомненно, для того, чтобы сделать окончательные выводы по этой непростой проблеме, потребуется еще много времени и сил. На мой взгляд, при обсуждении этой проблемы для нас не столь важно, каким человеком был Чингисхан: хорошим или плохим, жестоким или милосердным. Давая ему оценку, следует исходить из того, что он сделал, свершил выдающегося, важного для истории. При этом нелишним будет вспомнить слова прославленного русского ученого, академика Б. Я. Владимирцова: «Как бы ни были гениальны его способности, Чингисхан был сыном своего времени, сыном своего народа, поэтому его и надо рассматривать действующим в обстановке своего века и своей среды, а не переносить его в другие века и другие места земного шара».

Перечислим некоторые важнейшие достижения многосторонней деятельности Чингисхана.

Создание в результате неустанной борьбы единого Монгольского государства — наиглавнейшая заслуга Чингисхана. Это памятник, воздвигнутый ему в монгольской и мировой истории.

Великая Монголия — это государство новой молодой нации, которая осуществила переход от кочевого родо-племенного строя к новой форме государственности — единому государству. Чингисхан чувствовал, что новым единым Монгольским государством нельзя управлять старыми методами, которыми управлялись прежде монголоязычные роды и племена; он осознал необходимость сильного государства, предложил его новую структуру и форму и сам же осуществил задуманное.

Государство Великая Монголия по своему типу и форме было неограниченной монархией. Вся верховная власть была в руках хана; его указы были обязательны к исполнению на всей территории государства. Монархическая форма управления государством Великая Монголия стала самой эффективной формой правления кочевого государства, соответствующей реальным политическим условиям, психологии общества того времени, а также особенностям кочевой цивилизации.

В системе государственной организации Великой Монголии важную роль играл Великий хуралдай, на котором обсуждались и решались такие важные государственные вопросы, как возведение хана на престол, объявление войны, заключение мира. Великий хуралдай функционировал на правах совещательного института аристократии при хане, созываемый время от времени в целях обсуждения важнейших вопросов государственной жизни и выработки рекомендаций хану

Структура судебной власти того времени была относительно самостоятельным государственным институтом Великой Монголии. Хотя в действительности хан обладал правом высшей судебной инстанции, по указанию Чингисхана судебная деятельность была относительно независимой, для чего вводилась должность верховного судьи, который, как сказано в «Сокровенном сказании монголов», «карал за ложь и взыскивал за воровство, подсудных всех судил и выносил всем смертный приговор, кто был достоин смерти…». Верховный судья, осуществлявший государственную судебную власть по согласованию с ханом и от его имени, вершил правосудие, разрабатывал письменные законы, утверждал их у хана и следовал им в своей деятельности. Таким образом, суд из общественного института был превращен в государственный. Чингисхан считал, что, если законы не будут выполняться, государство ослабнет и погибнет, поэтому контроль за

соблюдением законов вменялся верховному судье в особую обязанность.

Организационной основой административной системы единого монгольского государства была децимальная система древних монголов, которую Чингисхан превратил в единую военно-административную систему. Всем тумэнам была отведена определенная территория, на каждый возложены конкретные задачи по обеспечению государственной безопасности; путем запрета самовольного перехода любого человека, кем бы он ни был, из одной десятки в другую строго регламентировалась их жизнедеятельность.

Эта система явилась лучшей, специфической административной и военной структурой, соответствовавшей исторической обстановке и условиям того времени, традициям государственности монголов, образу жизни кочевой цивилизации, позволившей на одном временном и пространственном уровне должным образом решать политические, экономические и военные дела нового государства. Таким образом, Чингисхан обеспечил централизованное руководство государством, смог создать единую силу, которая в любой момент была готова к военным действиям.

Хишигтэн — гвардия Чингисхана — являлся одной из составных частей организационной структуры единого государства. Если на первых порах хишигтэн выполнял роль стражи, обеспечивавшей безопасность хана и его ставки, то после образования государства Великая Монголия его структура, функции и деятельность изменились и расширились; с одной стороны, хишигтэн стал составной частью постоянной монгольской армии, с другой стороны — крупной государственно-административной организацией, институтом государственной службы.

Финансовый механизм государства Великая Монголия основывался на налоговой системе. Прямой наследник Чингисхана Угэдэй-хан ввел в систему торговли и налогообложения монеты, а ханы различных государств, входивших в империю, — бумажные деньги. Эти меры явились новым методом повсеместного упорядочивания хозяйственной деятельности, совершенствования управления экономикой, стали выдающимся вкладом монголов в мировое развитие.

Современные ученые-политологи считают, что в результате формирования структуры и организации, соответствующих образованному им государству, Чингисхан создал реальные возможности обеспечения нижеследующих принципов и условий государственного управления. А именно:

— формирование и устойчивое функционирование единой, многоступенчатой структуры государственного строительства;

— обеспечение бесперебойного характера государственной деятельности на основе взаимозависимости всех субъектов государственной власти, правильного распределения их полномочий и обязанностей;

— создание оптимальной структуры государственного управления по горизонтали и вертикали;

— формирование оптимальной системы централизации полномочий на основе усиления центростремительных и ослабления центробежных тенденций в сфере компетенции государства;

— оптимальный выбор и использование в процессе концентрации государственной власти консультативного механизма, являющегося одной из принципиальных форм коллективного правления;

— эффективное использование различных мнений и позиций при принятии единых решений государственной политики;

— гибкое и оперативное осуществление многосторонних политических, а также экономических и военных связей через единую государственную структуру

Специфическая модель государственного устройства, сформированная Чингисханом на основе традиционной монгольской концепции государства, вытекающее из этой модели разделение властных полномочий, механизм государственного управления стали неиссякаемым источником традиций монгольской государственности.

В результате образования государства Великая Монголия сформировалась территориальная и культурная общность монголов, сложились условия формирования монгольской нации и монгольского национального сознания, которые, передаваясь из поколения в поколение, дошли до нашего времени. Монголоязычные народы с гордостью отмечают в этом великую бессмертную заслугу Чингисхана.

Важным вкладом Чингисхана в монгольскую и мировую историю является то, что он заложил основы государственного законодательства. Великая Монголия была правовым государством, основы которого закрепляла «Великая Яса».

«Великая Яса» — прославленный законодательный акт, вошедший в историю правовой мысли Монголии. Иностранные исследователи неоднократно отмечали, что «Великая Яса» оказала большое влияние на становление и развитие государственности и законотворчества не только империй потомков Чингисхана и государств, входивших в них, но и многих

иностранных государств.

Чингисхан внес весомый вклад в становление и развитие монгольской культуры. Он объявил старомонгольскую письменность государственной, инициировал написание историко-художественных произведений, письменных законов, обучение детей грамоте и разным наукам. Все это явилось толчком к развитию духовной культуры монголов.

Письменность Чингисхана сохраняется нами, нынешним поколением монголов, как предмет национальной гордости; мы продолжаем использовать эту письменность. Чингисхан высоко чтил образованность и просвещенность, он превратил в опору монгольского государства духовный потенциал ученых из многих стран мира. Политика просветительства, проводившаяся Чингисханом, превратила его народ в великую историческую нацию, молва о которой не умолкает и по сей день.

В 1220 году им была заложена столица Великой Монголии — город Каракорум; для его возведения со всей империи были собраны лучшие мастера своего дела, труд которых Чингисхан всячески поддерживал и поощрял. Это свидетельствует о том, что Чингисхану не была ненавистна культура оседлых народов, и он осознавал необходимость разумного сочетания кочевой и оседлой цивилизаций. Путешественники из западных и восточных стран, побывавшие в Каракоруме, описали существовавшие в нем в то время металлургическое, ткацкое и кожевенное производства, храмы четырех главных мировых религий, Комитет наук, составлявший государственные исторические хроники, а также занимавшийся переводческой деятельностью, расположенные по четырем сторонам города восточные базары, на которые съезжались торговцы из многих стран, земледельческие угодья в окрестностях столицы. Дело, начатое Чингисханом, продолжили его потомки, превратившие столицу Великой Монголии в центр, где разрабатывалась мировая государственная, экономическая и военная политика.

Усилия Чингисхана в деле развития внешних связей Великой Монголии являются его вкладом в историю международных отношений. При нем Великая Монголия поддерживала связи с народами, проживавшими на огромной территории между государством Сунов в Южном Китае и Багдадским халифатом, между закавказскими государствами, Русью и Кореей. При его потомках эти отношения охватили почти весь цивилизованный мир того времени. Правила дипломатического протокола, принцип неприкосновенности послов и другие нормы, изложенные Чингисханом в его поучениях, превратились в важные принципы сегодняшних международных отношений.

Чингисхан проводил политику открытости, направленную на развитие международной торговли, осуществление контроля на торговых путях, обеспечения ее безопасности.

Благодаря созданию разветвленной сети уртонов (ямских станций) Чингисхану удалось связать воедино пути следования торговых караванов, путешественников, послов. При его наследниках эта сеть распространилась помимо сухопутных и на водные пути, охватив тем самым весь цивилизованный мир того времени. Благодаря именно этой сети невиданных масштабов достиг культурный обмен между Западом и Востоком. Тем самым монголы внесли весомый вклад в развитие мировой цивилизации. Некоторые сегодняшние исследователи, в частности корейский ученый Ким Жон Рэ, называют эти деяния древних монголов предтечей современной глобализации, а уртонную сеть — своеобразным прототипом сети Интернет.

Хотя Чингисхан сам исповедовал шаманизм и искал опору в управлении государством в силах Неба, он не только не навязывал другим народам свою религию, но впервые в мире провозгласил свободу вероисповедания и принцип мирного сосуществования различных религий. Именно поэтому народы Азии получили невиданную прежде свободу исповедовать свои религии, а священники различных конфессий свободно проповедовать свою веру и вести миссионерскую деятельность.

Человечество признало Чингисхана выдающимся полководцем, равных которому в мире не было ни до, ни после него. В ходе борьбы за создание государства Великая Монголия Чингисхан победил более чем в тридцати больших и малых сражениях. Кроме того, он вышел победителем более чем в семидесяти сражениях за пределами своей страны. Им были повержены тангуды с населением 2,5 млн человек, Хорезм с населением 20 млн человек, захвачены четыре из пяти столиц многомиллионной империи чжурчжэньского Алтан-хана. Кроме того, войска Чингисхана вторглись в Северный Иран, на Кавказ, в Восточную Европу, где также одерживали победы.

Однако агрессия и захват чужих земель не были конечной целью походов Чингисхана. На первом этапе они в основном носили характер самообороны, и их причинами были:

— с политической точки зрения — укрепление суверенитета и безопасности государства Великая Монголия;

— с экономической точки зрения — взятие под свой контроль путей международной торговли и путешествий, создание условий безопасного проезда и свободной коммерции;

— с правовой точки зрения — создание в Монголии и вне ее единого правового пространства, обеспечение правопорядка;

— с психологической точки зрения — отмщение врагам, посягнувшим на жизни родных, близких, соплеменников.

Впоследствии, в силу многих обстоятельств, причины военных походов Чингисхана изменились. Он пришел к убеждению, что «на небе должен быть один бог, а на земле — один хан» и что все его замыслы будут реализованы благодаря покровительству Неба. Успехи, достигнутые Чингисханом в военных кампаниях на Востоке, побудили его к новым походам. При этом следует отметить, что завоевания Чингисхана были не первой и не последней попыткой установления господства над культурными народами Азии и Европы. Однако его концепция создания мировой империи была оригинальной по своему содержанию, и ее можно рассматривать как один из средневековых вариантов современной политики глобализации, который полностью соответствовал политическому климату той эпохи. После смерти Чингисхана его концепция дала монгольским завоевателям возможность сохранения своего господства на огромной территории в течение нескольких веков.

Разумеется, походы Чингисхана по-разному влияли на ход развития экономики и производительных сил захваченных стран. В годы военных походов, начатых Чингисханом и продолженных его потомками, между Западом и Востоком установились тесные, как никогда прежде, связи, получил ускорение процесс образования новых государств, формирования новых наций, из Европы в Азию один за другим потянулись многочисленные караваны путешественников. Можно сказать, что европейцы XIV–XV веков были тем самым подвигнуты на великие географические открытия.

Не только на бескрайних просторах Монголии, но и за ее пределами есть много легендарных мест, гор, рек, связанных с деяниями Чингисхана. Чингисхан и Монголия в истории человечества навечно вместе, всегда на слуху в мире. Любой цивилизованный человек не питает ненависти к монголам как потомкам Чингисхана, наоборот, считает их великой исторической нацией. А мы, монголы, на протяжении всей своей истории вплоть до сегодняшнего дня следуем завету Чингисхана как зеницу ока хранить и укреплять монгольское государство, построенное им ценой неимоверных усилий.

Мы, монголы, осознаем, что Чингисхан, сын Монголии, рожденный под ее вечно голубым небом, ныне принадлежит всему человечеству. Мы гордимся этим великим человеком и уверены, что нынешнее просвещенное человечество сможет почерпнуть много полезного и поучительного из истории его жизни и его наследия.

В этой связи с удовольствием представляю вам уникальное издание: это отличающийся если не исчерпывающей, то, во всяком случае, беспрецедентной до нынешнего времени полнотой СВОД СВИДЕТЕЛЬСТВ СОВРЕМЕННИКОВ о выдающемся человеке второго тысячелетия, великом Владыке монгольского народа ТЭМУЖИНЕ — ЧИНГИСХАНЕ. Собранный в этом сборнике материал дает обширную пищу для глубоких многоаспектных размышлений о его могучих дарованиях, многогранной яркости его личности, о времени и народе, его породивших, и, наконец, о месте, которое занимает Чингисхан в истории человечества.

Президент Монголии Н. Энхбаяр

ПЕРВЫЙ РАЗДЕЛ

СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ МОНГОЛОВ

ГЛАВНАЯ КНИГА МОНГОЛОВ

Каждый исторический период увековечивает себя в творениях рук и разума человеческого. Творения эти обретают вечность в душе нации; с каждым новым столетием они становятся все ценнее и значимее для нас, подобно злату, все ярче сверкают они — эти подлинные сокровища культуры.

Одним из таких столпов культуры и словесности является «Сокровенное сказание монголов». Эпоха, давшая нам это «Сказание», — первая половина XIII века — была периодом пробуждения национального самосознания, временем осознания самой монгольской нацией потребности самовыражения на исторической арене. Именно тогда, вслед за возникновением многочисленных номадистских протогосударств, созданных древними предками монголов, впервые в единое государство были объединены все монголоязычные народы, имевшие общие исторические корни и судьбы. Это государство обрело невиданное досель экономическое и политическое могущество; в духовной жизни пред нацией открылись невиданные прежде пути, и аккумулировалась энергия для создания новых шедевров культуры и искусства. В коловращении противоборств различных-родоплеменных союзов, вступая на путь объединения раздробленных монгольских родов и племен в единое централизованное государство и создания невиданной прежде в истории человечества империи, наши предки ощутили потребность оставить потомкам правдивое художественное описание своей истории.

«Сокровенное сказание монголов» — единственный имеющийся в нашем распоряжении художественно-исторический памятник того времени. Однако нет оснований полагать, что подобных произведений не было до него, а также что в это время не было других произведений, которые могли бы стоять с ним в одном ряду. И тем не менее сравнительный анализ «Сокровенного сказания монголов» с более поздними памятниками свидетельствует о том, что оно, безусловно, является вершиной монгольской художественно-исторической литературы.

Древняя культура монголов богата традициями изустной передачи исторических знаний. В те далекие времена, когда знание истории предков считалось священным для каждого члена племени, человек, не знавший своей родословной, сравнивался с «обезьяной, блуждающей в лесу». Из поколения в поколение старейшины рода — сродникам, родители — детям передавали как самое дорогое наследство историю своего рода-племени,

которая дошла и до нас в виде своеобразной «родописи». «Обычай монголов таков, — писал в начале XIV века персидский историк Рашид ад-Дин, — что они хранят родословие [своих] предков и учат, и наставляют в [знании] родословия каждого появившегося на свет ребенка. Таким образом, они делают собственностью народа слово о нем, и по этой причине среди них нет ни одного человека, который бы не знал своего племени и происхождения» [1][1].

По мере обогащения истории фактами передача ее изустно стала невозможной, ибо в ней начали появляться варианты описаний, отличавшиеся один от другого, порождавшие споры и различные толкования, и возникла потребность в письменных канонах, а значит, в летописцах, которые вели бы записи. Они появились в эпоху Чингисхана, в самом начале XIII века. Тогда первые монгольские летописцы собрали и зафиксировали письменно ранее передававшиеся изустно и таким образом сохранившиеся в памяти народной древние предания, мифы и легенды о предках Чингисхана. Эта «родопись» 22 поколений (!) предков Чингисхана и составляет первую часть «Сокровенного сказания монголов», в котором впервые описывается 500-летняя генеалогия его «золотого рода». В последующих монгольских летописях этот перечень лишь корректировался с учетом различных политических и религиозных факторов.

Автор, а может быть, авторы[2], «Сокровенного сказания монголов», имя которого до сих пор неизвестно, был наделен бессмертным талантом и умом, позволившими ему достойно выполнить свою историческую миссию; он, безусловно, родился и вырос на монгольской земле, был приближенным Чингисхана, лично участвовал во многих событиях того времени, обо всем был хорошо осведомлен. Автор «Сокровенного сказания монголов» досконально знал родословную монголов, их кумиров и духов-хранителей, в его распоряжении были «родописи», указы и повеления Чингисхана и Угэдэй-хана, их «тайная» история; он хранил в своей памяти перлы народной мудрости, в совершенстве владел поэтикой и стилистикой народного фольклора, секретами композиции. Более того, он был талантливым поэтом.

В начальных главах «Сокровенного сказания монголов» он подробно описывает события, основываясь на легендах и преданиях, в следующих главах опирается на письменные исторические источники и документы, а к концу повествования явно чувствуется его личное участие в излагаемых событиях.

Временные рамки, в которые заключены события, отраженные в «Сокровенном сказании монголов», составляют ни много ни мало 500 лет: от середины VIII века н. э.[2] до середины XIII века.

В истории человечества это было время активного взаимопроникновения народов, установления широких связей между Востоком и Западом. И следует отметить, что монголы сыграли в этом немаловажную роль. События, о которых повествует «Сказание», разворачиваются от океана на востоке и почти до океана на западе, в бескрайних степях и тайге, в горах и долинах, в пустынях и оазисах; в их круговорот вовлечены народы, обжившие в то время большую часть Евразии, Дальний Восток, Юго-Восточную Азию, Индию, Среднюю Азию, Кавказ, Южную Сибирь,

Русь, Восточную и Среднюю Европу. «Сокровенное сказание монголов» повествует о завоевании воинами Чингисхана, помимо всех монголоязычных племен (мэргэдов, тайчудов, татар, хэрэйдов, найманов, жадаранцев, «лесных народов» и т. д.), земель и подданных чжурчжэньского Алтан-хана в Северном Китае, Илуху Бурхан-хана в стране тангудов, хорезмшаха в Туркестане, а также о «подчинении державной власти одиннадцати других народов чужеземных»: ханлинцев, кипчаков, бажигидов (башкир), русских, маджаров (венгров) и т. д. Больше семидесяти названий чужеземных стран, городов, поселений, гор, рек, которые были на слуху в то время и в большинстве своем сохранились по сей день, находим мы в «Сказании». Все это свидетельствует о том, что монголы XIII века обладали обширными познаниями в мировой географии и этнографии и использовали эти знания при изучении врага, выборе союзника, в боевых походах. И все же большинство из почти двухсот географических названий, упоминающихся в «Сказании», связано с территорией собственно Монголии, а на ней — с бассейном трехречья (реки Онон, Керулен и Тола). Многократное упоминание в «Сказании» реки Онон (32 раза) и горы Бурхан халдун (28 раз) подтверждает то, что именно эти места были колыбелью монгольской нации.

В «Сокровенном сказании монголов» мастерски переплетены историческая правда и художественный вымысел. Скрупулезно описываются в нем подлинные исторические события, что и делает этот памятник своеобразным критерием истины в отношении всех более поздних летописей.

Отдельные события, личные отношения героев, их поступки и высказывания описаны красочно и живо, с использованием многочисленных народных пословиц и поговорок, богатой палитры изобразительных средств литературного языка, великого разнообразия тем и форм лирической поэзии (песни, восхваления, посольские слова, клятвы, молитвы, покаяния), обширного мифологического материала.

«Сокровенное сказание монголов» — подлинная энциклопедия этнографии, традиций и обычаев наших предков. Традиции побратимства и сватовства, праздничных пиршеств и поминания усопших подробно и красочно описываются творцом этого памятника. Именно поэтому в жанровом отношении «Сокровенное сказание монголов» можно отнести к историческому эпосу, совершенному по своему сюжету, композиции и стилю. Сочетание прозы, поэзии и ритмической прозы роднит этот памятник с древневосточным эпосом.

Легенды о прародителях монголов Бортэ чоно и Хоо марал, о циклопе Дува сохоре, матушке Алан гоо, поучавшей своих пятерых сыновей, эпизоды о поклонении монголов Вечному Небу и Матери-Земле, об их вере в провидение и гадания шаманов, в сны и предчувствия, — все это является художественным стержнем эпоса, на который нанизываются исторические события.

Таким образом, «Сокровенное сказание монголов» представляется нам своеобразным синтезом исторического и художественно-мифологического мышления. Хотя «родопись», о которой шла речь выше, — всего лишь лаконичное перечисление имен и географических названий, вслед за летописцем обратим внимание читателей на следующие моменты.

Во-первых, мы узнаем, что прародитель Чингисхана — Бортэ чоно был рожден «по благоволению Неба». Эта же мысль главенствует в мифологии и шаманизме древних монголов, которые почитали Вечное Синее Небо как верховное божество, дарующее жизнь и душу, управляющее миром и руководящее делами человека, иногда посылающее на землю своего избранника, которому суждено быть вершителем великих дел. Отметим, что эта «небесная избранность» рода Чингисхана и его самого проходит лейтмотивом в течение всей жизни нашего героя. Таким образом, изложение легендарной родословной Чингисхана, предваряющей его собственную биографию во второй части «Сказания», не только дань уважения к достославным предкам, но и художественный прием, использованный монгольскими летописцами для возвеличивания и прославления «золотого рода» Чингисхана.

Во-вторых, имена самих прародителей Чингисхана — Бортэ чоно и его супруги Хоо марал, в переводе с монгольского означающие Серый Волк и Каурая Лань, свидетельствуют о тотемизме древних монголов. Именно поэтому родоначальники монголов были названы именами их тотемных кумиров — Волка и Лани. Несерьезно было бы полагать, что предки монголов действительно были волком и ланью.

Древние источники не только однозначно свидетельствуют о

том, что Бортэ чоно и его жена — реальные исторические личности, но и сообщают, что Бортэ чоно был вождем рода хиад, который главенствовал среди многочисленных монгольских родов, откочевавших в VIII веке из легендарной местности Эргунэ-кун, где в свое время нашли прибежище остатки монголоязычных племен Империи Хунну[3]. Эти племена, в то время носившие общее имя Дарлегин или Турлигин[4], под водительством Бортэ чоно, миновав озеро Хубсугул, пришли к священной горе Бурхан халдун, в места, ставшие колыбелью монгольской нации. Именно здесь, в бассейне рек Онон, Керулен и Тола[5], после того, как Бортэ чоно во главе подвластных ему родов подчинил себе здешнее население, зародилась страна монголов.

Глубокие мифологические корни «Сокровенного сказания монголов» просматриваются в образах и ключевых героев памятника — Дува сохора, имевшего «лишь один глаз посередь лба, которым он видел на три поприща вперед», и легендарной матушки Алан гоо, родившей «сына Неба» Бодончар мунхага, в роду которого — боржигин — суждено было появиться на свет Чингисхану.

Отметим, что образ циклопа, встречающийся в мировой мифологии, был также и в мифологии монгольской. Однако Дува сохор из «Сокровенного сказания монголов» не имеет ничего общего с диким, хищным чудовищем, которое нам знакомо по «Одиссее» Гомера или по монгольской легенде о циклопе Мэрзе. Дува сохор благодаря своей зоркости не только увидел прекрасную девицу Алан гоо и предложил сосватать ее брату Добун мэргэну, но провидчески рассмотрел в ней прародительницу будущего ро-до-племенного объединения нирун монголов[3]. Таким образом, единственный глаз Дува сохора — это не простой глаз обычного человека, а «око пророка». Интересно, что в мифологии, религиозных и философских трактатах Востока око провидца, пророка изображается именно посреди лба.

Легенда о матушке Алан гоо является, пожалуй, одним из ключевых мест «Сокровенного сказания монголов» и повествует о времени (вторая половина X века), когда чуть было не прервался род, ведший свое начало от родившегося «по благоволению Неба» Бортэ чоно. Случилось, что после смерти Добун мэргэна его вдова Алан гоо родила трех сыновней. У братьев Бэлгунудэя и Бугунудея, родившихся у Алан гоо от Добун мэргэна, возникли подозрения, как их мать родила им троих братьев (в юрте, кроме слуги-раба, других мужчин не было) и чьи они сыновья? Узнав об этих подозрениях, матушка Алан гоо поведала старшим сыновьям

историю рождения их братьев: «…К нам в юрту каждой ночью через верхнее орхо[6] посланец Неба исходил, вокруг сияние исторгая. Он гладил чрево грешное мое, сияние его в меня входило. Когда ж луна должна сойтись и разминуться с солнцем, он, словно желтый пес, виляющий хвостом, поспешно уходил; хвост света яркого за ним струился. Уже ли нужно что-то молвить боле. Ведь ваши братья — Неба сыновья…»[4].

«Посланец Неба, излучающий сияние» (в дословном переводе «бело-желтый человек»), — это, по-видимому, Наран тэнгри (божество-создатель Солнце), особо почитавшийся в монгольской мифологии наряду с божеством-создателем Луной. Интересно, что монголы обычно сравнивают солнечные лучи с «длинным желтым человеком». Так, вместо того чтобы сказать «вешние дни наступили», «дни стали длиннее», говорят «пришел длинный желтый человек».

Обращает на себя внимание и следующая фраза Алан гоо: «Когда ж луна должна сойтись и разминуться с солнцем, он, словно желтый пес, виляющий хвостом, поспешно уходил…» (ССМ, 2001,17). Во-первых, упоминание луны и солнца снова наводит на мысль о мифологических божествах-создателях Солнце и Луне. И, во-вторых, поскольку у монголов табуировано слово «волк» и последний зовется «хангайской собакой», «степной собакой», а в некоторых местах «желтой собакой», можно предположить, что «желтый пес» в устах Алан гоо — это уважительное название прародителя монголов — Бортэ чоно. А это, естественно, дало основание Алан гоо говорить, что родившиеся уже после смерти мужа три сына — «Неба сыновья». К тому же, согласно верованиям древних монголов, Небо, верховное божество, иногда посылает на землю избранного, которому назначено быть вершителем великих дел; такой посланец входит в бытие сверхъестественным образом, примером чему и является предание о рождении трех сыновей Алан гоо. Все это помогло Алан гоо убедить сыновей и сородичей в своей непорочности, но главное, подтвердить право своих сыновей на главенствующее положение среди коренных монгольских родов и племен, которое, судя по древним источникам, начало было подвергаться сомнению. Тем более действия Алан гоо были своевременны, поскольку в процессе развития древнемонгольского сообщества наметились центробежные, сепаратистские тенденции.

Монгольские источники свидетельствуют о необыкновенной красоте и стати Алан гоо, ее житейской мудрости, вошедшей у монголов в легенду. Ее пророчеству было суждено сбыться. Простые и доходчивые слова ее наставления своим детям,

дошедшие до нас благодаря «Сокровенному сказанию монголов», передаваясь из поколения в поколение, стали хрестоматийными, по своей сути выражают доктрину существования монгольской государственности.

Помимо этих, полулегендарных героев, в «Сокровенном сказании монголов» перед нами проходят около пятисот других персонажей, среди которых в первую очередь можно выделить две группы: «люди вольной воли» или «свободные граждане», представленные Тэмужином и его нукерами, и степная знать в лице вождя племени жадаран, побратима Тэмужина-Чингисхана с детства, Жамухи и его союзников.

Если рассматривать «Сказание» в аспекте явленных в нем персонажей, то перед нами история того, как «вольный человек», юный Тэмужин стал великим владыкой Чингисханом, повелителем не только соплеменников, а затем и всех монголоязычных народов, но и половины мира.

После смерти Есухэй-батора, отца Тэмужина, возглавлявшееся им родо-племенное объединение распалось, а его семье, брошенной соплеменниками на произвол судьбы, пришлось преодолеть тяжелые дни одиночества и сиротства, полуголодного существования, преследования со стороны соперников и ненавистников. Но именно эта борьба определила будущее Тэмужина, его великую судьбу. Не испытай он в детстве сиротской нужды и бедности, он, подобно найманскому хану Таяну и хэрэйдскому наследнику Сэнгуму, так и остался бы капризным, избалованным отпрыском степной знати, неспособным стойко встречать удары судьбы.

Обстоятельства вынудили его перейти в разряд «вольных людей», которые, уйдя от своих хозяев, свободно оседали там, где хотели. Главная наука, которой овладел он в годы тяжелых испытаний, — это наука познания людей, выбора соратников. С ранних лет на всю жизнь он усвоил, какую силу несет в себе единство и согласие и какой ущерб — раскол и предательство. На примере своей семьи Тэмужин уразумел, что значит «не пожалеть сродника во имя державы». Речь идет об убиении Тэмужином и его младшим братом Хасаром их сводного брата Бэгтэра вроде бы из-за того, что последний отбирал у них пойманную рыбу и птицу. Большинство ученых сходятся во мнении, что эта история показывает, как с раннего детства проявлялся жестокий нрав будущего завоевателя мира. И только русский ученый Л. Н. Гумилев, хочется думать, нашел вполне логическое объяснение непонятным поступкам героев[5]. По мнению Л. Н. Гумилева, Бэгтэр доносил врагам-тайчудам обо всем, что происходило в семье Тэмужина, и Тэмужин, использовав первый

же повод, избавился от соглядатая. За это Тэмужин попал в еще большую немилость у тайчудов, которые долго охотились за ним и все же поймали и обременили шейной колодкой. Со своей стороны добавим: отсутствие каких-либо упоминаний о том, что мать Бэгтэра, вторая жена Есухэй-батора, — Сочигэл и его родной брат

Бэлгутэй затаили обиду или возненавидели Тэмужина и Хасара за убийство Бэгтэра, косвенно свидетельствует о признании ими факта его предательства. И в то же время их родная мать Огэлун в сердцах серьезно отчитывает своих детей за убийство сводного брата.

В пользу доводов русского ученого говорят характер и развитие образа Тэмужина: история неблаговидного поведения Бэгтэра, по-видимому, сформировала один из главных жизненных принципов Тэмужина-Чингисхана — быть беспощадным к людям, изменяющим своим хозяевам, но прощать, приближать и делать своими нукерами тех мужей, которые верой и правдой служили своим владыкам. Именно поэтому на протяжении всего повествования мы видим, как Чингисхан, выбирая себе сподвижников (нукеров), руководствовался не их родословной или родственными узами (они могли быть из другого рода-племени или даже в прошлом из вражеского лагеря), но их отвагой в бою, честностью и личной преданностью. Такова, к примеру, история приближения мужа Зургадая из войска тайчудов, который, когда был пленен, бесстрашно признался, что ранил Чингисхана в бою. Он был великодушно прощен владыкой, взят в нукеры и наречен новым именем — Зэв, что означает «наконечник стрелы».

Своего рода эталоном дружбы и верности стал первый из первых нукеров Тэмужина — Борчу, сын Наху баяна; не предполагая, естественно, что Тэмужин станет ханом всех монголов, а лишь видя его тогдашнее бедственное положение, Борчу, не колеблясь, приходит ему на помощь. Именно тогда Тэмужин в полной мере осознал, сколь важно окружить себя верными, могучими сподвижниками-нукерами. Такими, как Борчу, Зэлмэ, Борохул, Чулун, Зэв, которые были готовы, как «семижильные волы», верой и правдой служить своему владыке. Как явствует из «Сокровенного сказания монголов», именно благодаря верным сподвижникам Чингисхан одолел своего анду-побратима и соперника в борьбе за ханский престол — Жамуху. В этом заключается мудрая поучительная идея «Сокровенного сказания монголов». Действительно, еще не став великим полководцем, Чингисхан уже был дипломатом, прекрасно разбирался в людях, верно оценивал их возможности.

Способностям каждого примкнувшего к нему нукера, как явствует из «Сокровенного сказания монголов», Чингисхан находил наилучшее применение. И на ханство выдвинули его не только военный талант и воинская доблесть, но и присущие ему здравомыслие, уравновешенность, дальновидность, ощущение собственной высокородности (по-современному — самоуважение). Монгольские летописцы в своем «Сказании» подробно рассказали нам о том, как, получив власть (титул «Чингис» вмещает в себя понятие полноты власти, истинности правления), Чингисхан тотчас приложил талант и силы к ее расширению и установлению твердого порядка в собственной ставке, войске и улусе в целом.

«Сокровенное сказание монголов» сохранило для потомков непреложные факты того, что Чингисхан являл своим братьям и детям, союзникам и врагам пример политической мудрости, умеренности, расчетливости. Чингисхан всегда очень по-своему толковал справедливость, щедрость, великодушие, которые умел совмещать с требованием полной покорности, безусловного подчинения всех и вся (как это было в отношении самых близких ему сородичей, вознамерившихся ему перечить) его ханской власти. Неотвратимостью возмездия за своеволие (так было в отношении вождей племени журхин) внушал уважение к себе и трепет окружающих. В то же время Чингисхан и в друзьях, и в недругах уважал верность клятве, союзническим обязательствам и договорам. И здесь кроется таинственная загадка монгольской истории того времени, которая еще не раз наведет на серьезные, глубокие раздумья внимательных читателей и дотошных исследователей этого литературного памятника: загадка взаимоотношений Тэмужина-Чингисхана и его побратима Жамухи…

Пути-дороги Тэмужина и Жамухи, ставших побратимами еще в детстве, снова сошлись в тяжелое для Тэмужина время: в плен к мэргэдам попала его жена — Бортэ ужин. История вызволения Бортэ ужин, а также последующие полтора года жизни «бок о бок в мире и согласии» вроде бы свидетельствовали об их братских отношениях. Однако, как говорится, все познается в сравнении. Соплеменникам, людям, подвластным Тэмужину и Жамухе, по-видимому, стала ясна разительная разница между побратимами: с одной стороны, чванливость, жесткий нрав, диктаторские замашки «золотопоясной» знати — у Жамухи, а с другой стороны, свободолюбие, дружелюбие, способность притягивать к себе людей, оценивать их за смелость и преданность, так характерные для «людей вольной воли», — у Тэмужина. Подобное «прозрение» привело к переходу бывших подданных Есухэй-батора, которые

после его смерти прибились к Жамухе, а также соплеменников самого Жамухи в стан Тэмужина. И тогда Жамуха, уразумев, что именно Тэмужин становится главным препятствием на пути его возвышения над всеми монгольскими племенами, фактически предлагает побратиму впредь кочевать врозь.

Дальнейшие события показали, что этот разрыв, хотя и произошел достаточно мирно и спокойно, развел побратимов навсегда, стал поворотным этапом в их судьбах. Именно после этого разрыва поведение и поступки Жамухи становятся, по меньшей мере, странными, внутренне противоречивыми, трудно объяснимыми. Действительно, почему Жамуха, который отделился от анды-побратима Тэмужина, ибо вроде бы претендовал на престол хана всех монголов и даже всемирного владыки, вдруг выступает против своих потенциальных союзников, которые могли помочь ему в достижении его цели, более того, сообщает в самый критический момент своему побратиму численность и расположение войск его противников или повергает их «психологической обработкой» в страх и сомнения, что в конечном счете привело врагов Чингисхана к краху? Все это наводит на мысль о том, что Жамуха, возможно, и не помышлял серьезно бороться с Чингисханом за власть, но специально, удалившись от него и распознав замыслы и человеческие качества его врагов, приближал их к себе, дабы избавить анду-побратима от коварных временных союзников. Можно предположить, что ставшие в детстве побратимами Чингисхан и Жамуха уже позднее, предчувствуя, что одному из них суждено будет встать во главе борьбы за создание единого монгольского государства, «тайно поклялись» друг другу в том, что ради достижения этой цели каждый из них будет готов пожертвовать честью и даже жизнью. И, поклявшись в этом, они разошлись как «заклятые враги», тем не менее тайно всячески поддерживали друг друга…

Однако более правдоподобной нам представляется другая версия. Когда сила и влияние Жамухи росли, он не мог себе представить, что однажды его побратим — всеми отвергнутый и попранный Тэмужин — воспрянет силой и духом и станет его главным соперником в борьбе за общемонгольский ханский престол. И как только ему стали видны первые признаки этого возрождения, он поспешил отдалиться от Тэмужина, дабы достичь своей цели первым. Но со временем Жамухе становится ясно, что события развиваются в пользу его побратима, и замышлявшееся им дело объединения всех монгольских племен осуществляется отнюдь не по его сценарию. И тогда, желая, хоть и с опозданием, внести свой вклад в это великое дело, Жамуха начинает тайно

помогать Чингисхану, формально оставаясь в стане его противников. Когда же чаша весов в борьбе за единоличную власть над всеми монголоязычными племенами окончательно склонились в сторону Чингисхана, а сам Жамуха был предан и сдан своими же нукерами бывшему побратиму, барская гордыня, нежелание еще большего позора не позволили Жамухе вымаливать у Чингисхана жизнь за оказанную анде-побратиму помощь, которую последний признавал; Жамуха предпочел почетную смерть, нежели до конца своих дней коптить небо в тени славы Чингисхана. Как бы то ни было на самом деле, Жамуха остается самым удивительным и трагическим героем «Сокровенного сказания монголов», а его судьба — одной из многих неразгаданных тайн этого памятника.

Сказав лишь об одной из загадок этого памятника, хотелось бы еще раз подчеркнуть и то, что не вызывает никаких сомнений: центральная идея «Сокровенного сказания монголов» заключается в том, что его автор, (или авторы) желал правдиво и художественно выразить стремление наших далеких предков покончить с раздорами и междоусобицами и прийти к единству и согласию всей монгольской нации, показать, как в жестоких противоречиях и кровавой борьбе из многочисленных, разрозненных монгольских племен и родов создавалась могущественная монгольская держава. Именно этому периоду жизни и деятельности Тэмужина-Чингисхана отведено в «Сокровенном сказании монголов» главное место. При этом заметим, что не всякое деяние Тэмужина-Чингисхана поддается объяснению с точки зрения современных понятий о благочестии, гуманности, этике. Действительно, как писал Проспер Мериме в своем предисловии к «Хронике царствования Карла IX», «поступки людей XVI века не следует судить с точки зрения понятий XIX века»[6]. И прославленный русский ученый, академик Б. Я. Владимирцов, говоря о необходимости взвешенной оценки деяний Чингисхана, указывал нам, людям XXI столетия, практически на то же самое: «…Чингисхан был сыном своего времени, сыном своего народа, поэтому его и надо рассматривать действующим в обстановке своего века и своей среды, а не переносить его в другие века и другие места земного шара»[7].

* * *

В течение шести столетий, прошедших с начала научного изучения «Сокровенного сказания монголов»[8], благодаря усилиям ученых, переводчиков Китая, России, Монголии, Англии,

Америки, Австралии, Венгрии, Франции, Германии, Чехии, Польши, Турции, Болгарии, Японии и других стран, исследование этого классического памятника монгольской истории и литературы превратилось в самостоятельную дисциплину монголоведческой науки[9].

В истории изучения «Сокровенного сказания монголов» есть четыре наиболее трудных для решения, но, можно сказать, в основном все же разрешенных проблемы:

1) о годе создания памятника;

2) о названии и структуре памятника;

3) об авторах памятника;

4) о тексте оригинала памятника.

Все указанные выше проблемы (в особенности первые три) взаимосвязаны: от того, как решается одна, зависит решение другой.

Итак, проблема года создания памятника. Глава Российской духовной миссии в Пекине П. И. Кафаров (архимандрит Палладий)[10], открывший и познакомивший ученый мир за пределами Китая с этим памятником[11], а вслед за ним ученые Н. Мичиёо [12], Ш. Хаттори[13], Ш. Ивамура[14] (Япония), Э. Хениш[15] (Германия), Ц. Дамдинсурэн[16] (Монголия), С. Козин[17] (Россия), П. Поуха[18] (Чехия), Баяр[19] (Китай), почти не учитывая сведения колофона памятника и считая его единым произведением, утверждают, что год создания памятника — 1240-й (год Мыши). Для этих ученых особо важными были сведения из биографии Угэдэй-хана, о котором говорится в конце памятника, а также то, какой год Мыши приходится на конец его правления.

Другие ученые стремились найти в тексте памятника факты, отображающие события, имевшие место после 1240 года, и, приводя собственные доводы, называют другие даты создания памятника: Р. Груссе[20](Франция) — 1252 год; Г. Ледьярд[21] (США) — 1264 год; А. Уэйли[22] (США) и Г. Дорфер[23] (Германия) — 1276 год. Таким образом, год создания «Сокровенного сказания монголов» отодвигался на последующие (согласно двенадцатилетнему циклу) годы Мыши, и, как нам известно, японский ученый М. Мураками[24], исходя из некоторых сведений колофона, даже полагал, что годом составления памятника является 1324 год — год Синей мыши.

На первом этапе изучения текста памятника решение вопроса о годе его создания было значительно затруднено тем, что преобладала точка зрения, согласно которой он рассматривался как единое, цельное произведение. Однако, судя по структуре и стилю памятника, нет оснований полагать, что он был составлен

единовременно, так сказать, на одном дыхании. И потому вопрос о годе создания памятника следует рассматривать вместе с его структурой, при этом внимательно изучив сведения, содержащиеся в колофоне. А в нем мы читаем следующее: «В месяц дождей года Мыши, когда сошлись все на Великий хуралдай и стали ставкой на Худо арале, что на Керулене, в долине между Долон болдогом и Шилхинцэгом, сказание свое мы завершили» (ССМ, 2001,242).

В этих нескольких строках памятника содержатся важные сведения о времени и месте создания, а также о состоявшемся тогда Великом хуралдае (сейме) и о местонахождении ханской ставки в то время. Достоверные источники по монгольской истории свидетельствуют о том, что в годы Мыши, приходящиеся на 1240, 1252, 1264, 1276 годы, события, о которых идет речь в колофоне, не имели место одновременно. А это, в свою очередь, опровергает приведенные выше мнения ученых относительно года создания памятника.

В то же время внимание некоторых ученых привлекло то, что в год Желтой мыши — 1228-й — все события, о которых упоминается в колофоне, совместились. И тогда появилась гипотеза о том, что «Сокровенное сказание монголов» не является целостным произведением. Эту крайне важную идею, выдвинутую китайским ученым Дин Цянем[25], впоследствии поддержали и развили Т. Кобаяши[26], С. Уэмура[27] (Япония), а также И. де Рахевильц[28] (Австралия), И. Иринчин[29] (Китай), Ш. Гаадамба[30] (Монголия).

Ценность этой точки зрения заключается в том, что она не только не противоречит сведениям колофона, но и основывается на скрупулезном изучении текста памятника. В частности, сочинение Лубсан Данзана «Алтан тобчи» (около 1655 года), которое было составлено автором, опираясь на уйгуро-монгольский оригинал «Сокровенного сказания монголов», содержит в себе сведения последнего только до 268-го параграфа включительно. Это означает, что основная часть памятника, посвященная Чингисхану, была завершена в 1228 году (именно в этом году ханская ставка перекочевала на Худо арал, что на реке Керулен, и там состоялся Великий хуралдай, о чем нам сообщается в колофоне памятника), а история правления Угэдэй-хана была дописана и добавлена в памятник позднее.

По нашему мнению, установление, таким образом, года создания имеет важное значение для комплексного решения указанных выше трех других проблем. Что же касается не подкрепленных историческими документами гипотез о других годах создания памятника (1240-й, 1252-й и т. д.), то они ведут к

подтверждению целостности его содержания и закреплению авторства за каким-ли-бо одним человеком. Иначе говоря, авторы этих гипотез (каждый по-своему), прослеживая отраженный в памятнике ход событий, проводят под ним черту последним годом Мыши, который, по их мнению, завершал череду этих событий; кроме того, они «выдвигают» в авторы памятника кого-либо из просвещенных людей, живших в соответствующий период времени. Думается, однако, что, сосредоточиваясь лишь на одной «подсказке» («год Мыши»), которую дал потомкам автор (или авторы) памятника в его колофоне, и оставляя без внимания остальные три, эти ученые методологически не правы. В конце концов, следует либо учитывать все сведения колофона, либо вовсе не обращать на них внимания. Но последнее — непозволительная роскошь для исследователя.

Признание годом составления основной части «Сокровенного сказания монголов» 1228 год дает возможность положительного решения второй из четырех вышеуказанных проблем: о названии и структуре памятника.

Что касается названия, прежде всего следует установить, являются ли его китайское название «Юань-чао миши» и его дословный монгольский перевод — «Монголын нууц товчоо» действительными названиями памятника. Немаловажен и вопрос о том, кто, когда и в каком значении понимал слово «нууц» (тайный). Как указывалось выше, история Угэдэй-хана, начинающаяся с 269-го параграфа памятника, была написана и добавлена в него позднее (ССМ, 2001,230). Однако следует тщательно рассмотреть структуру и основной части памятника (ССМ, 2001, 15—230).

Поскольку первые слова, с которых начинается памятник («Прародители Чингисхана»), были отделены от последующего текста и вынесены вверх в виде заголовка, появилась гипотеза, по которой эти слова и являются первым действительным заглавием памятника. Однако подобное «выделение строки», встречающееся еще в «Чингисовом камне» (1219 г.) и других древнемонгольских письменных памятниках, может обозначать и выражение особого почитания великих предков. Но прежде чем продолжать разговор о заглавии памятника, отметим следующее: тщательный анализ памятника показывает, что он состоит из трех частей, стилистически заметно отличающихся друг от друга. Профессором И. Иринчином[31] выделены следующие три основных части памятника:

1-я часть — «Родословие Чингисхана» (параграфы 1—59);

2-я часть — «История» (История Чингисхана, или Золотая история) (параграфы 60 — 268);

3-я часть — «История» (История Угэдэй-хана) (268–282).

Если считать 1228 год годом завершения первых двух частей памятника, то следует признать, что позднее он был дополнен «Историей Угэдэй-хана». Все это соответствует существующей традиции составления биографий монгольских ханов — прижизненных и посмертных. Начало биографии Чингисхана также было положено при его жизни, а закончена она была на следующий год после его смерти, т. е. в 1228 году. И есть все основания считать заглавием параграфов 60—268-го памятника слова «История Чингисхана» или «Золотая история», как назвал историю «золотого рода» Чингисхана Лубсан Данзан. Что же касается первой части (параграфы 1—59) памятника, в которой была зафиксирована письменно ранее передаваемая изустно история предков Чингисхана, то слова «Прародители Чингисхана», начинающие повествование и выделенные в отдельную строку, могли являться и заглавием этой части памятника.

Таким образом, можно предположить, что китайские компиляторы — авторы «минского ксилографического издания» памятника, — создавая учебное пособие (словарь) для своих соотечественников, изучающих монгольский язык, объединили три произведения, непосредственно связанные между собой, и дали им единое заглавие «Юнь-чао ми-ши», соответствующее монгольскому «Монголын нууц товчоо» или русскому «Сокровенное сказание монголов». Думается, что не по воле самих монголов, но все тех же китайских компиляторов, в руки которых попали столь важные документы, доселе столь тщательно скрывавшиеся от них, «Сказание» превратилось в «тайное» (секретное, сокровенное).

Таким образом, при решении вопроса о времени создания памятника, о его названии и структуре становится ясным: существовавшая на начальном этапе исследования памятника гипотеза о том, что он с первой до последней строки был создан рукою одного автора, устарела. Ни Шигихутуг,[7] ни Харгасун хорчи,[8] ни Та-татунга[9] не могли создать этого произведения в одиночку. Вернее всего предположить, что авторов было несколько. Похоже, ближе всех к истине китайский профессор И. Иринчин, писавший: «В исторических источниках нет никаких сведений о тех, кто написал «Сказание» по-монгольски. Исследователи хотя и выдвигают свои гипотезы по этому вопросу, однако не в силах представить доказывающие их исторические свидетельства» (Irincin, 1984,85). Действительно не перечесть всех просвещенных мужей, которые здравствовали в то время и могли быть авторами памятника, потому и существует много гипотез на

этот счет. Но доказательств, раз и навсегда решающих эту проблему, пожалуй, не найти.

И все же для нас несомненно одно: в разные годы в своей отчине приближенные Чингисхана, самые просвещенные среди монголов того времени, блистательно соединившие в себе устную традицию и письменную культуру своего народа, создали по частям бессмертное творение «Сокровенное сказание монголов». Попытка же назвать конкретного автора представляется нам малопродуктивной в научном плане.

Четвертая проблема — текста оригинала памятника — непосредственно связана с вопросом о системах письма. В XIII веке монголы использовали четыре системы письма: «китайско-монгольское», «квадратное», «уйгурское», «уйгуро-монгольское» письмо (так называемый «худам монгол»). Существуют различные гипотезы составления оригинала «Сказания» «китайско-монгольским», «квадратным» либо «уйгуро-монгольским» письмом. Русский ученый-монголовед С. Козин в свое время сделал предположение, что оригинал памятника был написан «китайско-монгольским» письмом, представлявшим собой китайские иероглифы, адаптированные для изображения на письме звуков родной речи монголов; так, науке известен эдикт Чингисхана, написанный этим письмом в 1223 году[32]. Иначе говоря, китайские ученые эпохи династии Мин не протранскрибировали китайскими иероглифами первоначальный текст памятника, написанный «уйгуро-монгольским» письмом, а лишь скопировали оригинал, написанный «китайско-монгольским» письмом. Возможно, к этой гипотезе С. Козина привело то, что китайская транскрипция хорошо отражала фонетические особенности среднемонгольского языка.

Изучая это явление, японский ученый Ш. Хаттори неоднократно выдвигал гипотезу о том, что китайская транскрипция «Сокровенного сказания монголов» была сделана с оригинала, написанного «квадратным» письмом[33]. Несомненно, исследования японского ученого крайне важны для уточнения произношения звуков монгольского языка, записанных в то время китайской иероглифической транскрипцией и «квадратным» письмом, однако это отнюдь не является доказательством того, что «Сказание» первоначально было написано именно «квадратным» письмом. Достаточно одного аргумента, чтобы опровергнуть утверждение японского ученого: если мы считаем, что «Сокровенное сказание монголов» было написано в 1228 году (в равной мере это относится и к 1240, 1252, 1264 годам), то его оригинал не мог быть написан «квадратным» письмом, которое было создано учителем Хубилай-хана — Пагва-ламой в 1269 году.

Другое дело считать, что иероглифическая транскрипция «Сказания» является важным свидетельством, проясняющим произношение звуков монгольского языка того времени; и в этом смысле она сумела отразить те же звуковые явления монгольского языка, которые были зафиксированы в памятниках «квадратного» письма.

Предложение о том, что оригинал «Сокровенного сказания монголов» был написан «уйгуро-монгольским» письмом, было и остается главным, подкрепляясь все новыми и новыми доказательствами. И после того, как в 1926 году монгольский ученый С. Жамьян нашел и ввел в научный оборот текст летописи Лубсан Данзана «Алтан тобчи» («Золотой изборник»), почти не осталось исследователей, сомневающихся в этом. Дело в том, что в летописи Лубсан Данзана «Алтан тобчи» скопированы 234 параграфа «Сокровенного сказания монголов». Это значит, Лубсан Данзан в качестве главного источника использовал оригинальный текст «Сокровенного сказания монголов», написанный «уйгуро-монгольским» (так называемым «худам монгол») письмом.

Решающийся таким образом вопрос об оригинале «Сказания», написанном «уйгуро-монгольским» письмом, порождает целый ряд других вопросов: кто последним держал в руках оригинал, когда, где и при каких обстоятельствах оригинал «Сказания» был утрачен?

Судя по первой иероглифической транскрипции памятника («минское ксилографическое издание»), можно утверждать, что оригинал (или одна из его копий), написанный «уйгуро-монгольским» письмом, наверное, хранился среди прочих монгольских книг и документов в библиотеке монгольских ханов династии Юань вплоть до ее краха (1368 г.) и затем попал в хранилище минских правителей, которые в конце XIV века воспользовались им для подготовки вышеназванного издания, после чего его следы затерялись, и, по-видимому, навсегда.

В этой связи особую важность в работе над его восстановлением имеет вопрос об оригиналах и копиях иероглифических транскрипций памятника и об их перетранскрибировании латиницей и кириллицей.

Прототипом всех последующих копий и изданий иероглифической транскрипции «Сокровенного сказания монголов», как было сказано выше, является «минское ксилографическое издание», которое в полном объеме до нас не дошло. Однако оно (иероглифическая транскрипция, подстрочник и перевод) было воспроизведено с разбивкой на 15 книг (цзюаней) в собрании произведений истории, литературы,

философии, науки и искусства — «Юн-лэ дадянь» (1403–1408), составленного в эпоху минского императора Юн-лэ (1403–1425). В дальнейшем копии текста «Сокровенного сказания монголов» из «Юн-лэ дадянь» (сам текст «Сказания» из этого собрания утрачен) получили в Китае наиболее широкое распространение. Среди наиболее авторитетных иероглифических транскрипций «Сокровенного сказания монголов» назовем следующие:

1. Копия текста «Сказания», сделанная прославленным китайским ученым, филологом, историком Цянь Дасинем (1728–1804); в основу положен текст из «Юн-лэ дадянь». Труд этот опубликован под названием «Сокровенное сказание империи Юань» в 15 книгах.

2. Список текста «Сокровенное сказание монголов», составленный Гу Гуанцы (1770–1839) на основе сопоставления вышеназванной копии Цянь Дасиня в 15 книгах и найденной им в библиотеке одного чиновника в прибрежном районе юго-восточного Китая копии «Сказания», восходящей к «минскому ксилографическому изданию». Последнее, а значит, и особую ценность для исследователей списка Гу Гуанци подтвердила неожиданная находка, сделанная в 1933 году в Пекине: 41 лист «минского ксилографического издания», которые полностью совпадали с соответствующими местами в списке Гу Гуанци.

3. Рукописная копия, сделанная в 1805 году на основе текста «Юн-лэ дадянь» и дополненная в результате сопоставления с неполным «минским ксилографическим изданием» китайским ученым Бао Тинбо (1728–1814). Эта копия в 1872 году была приобретена П. И. Кафаровым и передана через А. М. Позднеева в восточный отдел библиотеки Санкт-Петербургского университета. Факсимиле этой копии в 1962 году было опубликовано Б. И. Панкратовым.

4. Издание, осуществленное в 1841 году Чжан Му (1805–1849) и названное им «Публикация «Сокровенного сказания империи Юань». В данном издании были скопированы иероглифическая транскрипция и перевод из «Юн-лэ дадянь», сверенная со списком Гу Гуанци. Именно китайский перевод «Сказания», опубликованный Чжан Му, использовал П. И. Кафаров, делая свой перевод на русский язык. Эта работа увидела свет в 1866 году в IV томе Трудов Российской духовной миссии в Пекине под названием «Старинное монгольское сказание о Чингисхане».

5. Полный текст «Сокровенного сказания монголов» (иероглифическая транскрипция, подстрочник и китайский перевод), опубликованный в 1908 году китайским ученым Е Дэхуэем; данный труд был осуществлен на основе сопоставления

копии списка Гу Гуанци в 12 книгах, хранившегося в библиотеке ученого Ван Тинши, с имевшимися в распоряжении Е. Дехуэя копиями текста памятника в 15 книгах. С момента его опубликования до наших дней полный текст памятника Е Дэхуэя остается главным источником для многих ученых-монголоведов в работе по полной реконструкции памятника.

В связи с иероглифическим транскрибированием текста «Сокровенного сказания монголов» следует отметить капитальный труд китайского профессора Чэнь Юаня «Об иероглифических транскрипциях «Сокровенного сказания монголов» (1934), в котором он исследовал принципы транскрипции монгольского оригинала китайскими иероглифами и сделал вывод о том, что иероглифические транскрипторы, использованные авторами «минского ксилографического издания» текста «Сказания», относятся не к эпохе Юаньской империи, а были созданы в эпоху минской династии в процессе транскрибирования текста «Сокровенного сказания монголов».

Как уже отмечалось выше, первую попытку перетранскрибировать китайскую транскрипцию памятника кириллицей осуществил П. И. Кафаров. В дальнейшем ученые, осуществлявшие в целях реконструкции монгольского оригинала перетранскри-бирование иероглифической транскрипции буквами латинского алфавита или кириллицы, придерживались двух различных принципов. Если немец Э. Хэниш (1935,1937,1962), русский С. А. Козин (1941 г.), японец К. Ширатори (1942), монгол Баяр (1981) в первую очередь учитывали произношение китайских транскрипционных знаков, то француз П. Пеллио (1949), венгр Л. Лигетти (1964, 1971), австралиец И. де Рахевильц (1972), японец Ш. Озава (1984–1989), монгол Т. Дашцэдэн (1985) стремились отразить фонетические законы и особенности среднемонгольского языка. Следует подчеркнуть, что, несмотря на значительный прогресс в деле полной реконструкции «Сокровенного сказания монголов», эта работа еще далека от завершения.

Помимо научных транскрипций текста «Сокровенного сказания монголов», существует большое количество переводов памятника на многие языки мира, переложения на многие монгольские диалекты, что также свидетельствует о явном прогрессе, достигнутом в реконструкции текста и его толковании.

Первым переводом по праву может считаться «минское ксилографическое издание», в котором, кроме иероглифической транскрипции разделенного на 282 параграфа уйгуро-монгольского текста, был подстрочный и краткий резюмированный перевод каждой части текста. И в дальнейшем в

Китае велась кропотливая работа по изучению памятника, неоднократно осуществлялись переводы «Сокровенного сказания монголов» [34]. Так, в 1748 году Вань Гуантай (1717–1755) сделал краткий перевод «Сказания»; в 1896 году исследователь Ли Вэньтянь опубликовал комментарий к переводу, основываясь на издании Чжан Му; в 1951 году ученый Се Цзайшань опубликовал в китайском переводе версию, изданную Е Дэхуэем; комментированный перевод памятника, сделанный Яо Цунъу и Жагчид Сэцэном и впервые опубликованный в 1960–1961 гг., был переиздан в 1979 году на Тайване.

Перевод на русский язык «Сокровенного сказания монголов», осуществленный П. И. Кафаровым в конце прошлого века, явился важным событием для российского и европейского монголоведения того времени. Именно тогда, после этой публикации, ученые многих стран мира с интересом начали заниматься его изучением и переводом. Следует особо отметить и фундаментальный труд академика С. А. Козина (1941). Помимо первого полного перевода «Сказания» на русский язык, этот труд содержал обширный исследовательский материал (транскрипции текстов, словари). Свой вклад в изучение «Сокровенного сказания монголов» также внесли российские ученые А. М. Позднеев, В. Л. Котвич, Б. Я. Владимирцов, В. В. Бартольд, Н. Н. Поппе, Н. Ц. Мункуев, Б. И. Панкратов и многие другие[35].

Большую работу по изучению и переводу памятника проделали и ученые других стран [36]. Работу по переводу и комментированию «Сказания», осуществленную японским китаистом

Н. Мичиёо (1907), продолжили его соотечественники монголоведы Ш. Хаттори и Т. Кобаяши. «Сокровенное сказание монголов» было переведено на немецкий язык Э. Хэнишем (1941) [37], французский (первые шесть глав) — П. Пеллио (1949), и позднее полный перевод М.-Д. Эвен, Р. Поп (1994)[38], чешский — П. По-уха (1955)[39], венгерский — Л. Лигети (1962)[40], польский — С. Калужински (1979)[41], казахский — С. Магауя (1979)[42], английский — И. де Рахевильцом (1971–1985)[43] и Ф. В. Кливзом (1982)[44].

Что касается переложения памятника на современный монгольский язык, то они неоднократно осуществлялись как во Внутренней Монголии (КНР) — Бухэ-Хэшигом (1940), Хэшигбатом (1941), Алтан-Очиром (1941), Баяром (1981), Дугаржавом (1984), Мансаном (1985), Элдэнтэем и Ардажавом (1987), так и собственно в Монголии[45]. Первым в Монголии сделал попытку восстановления текста «Сокровенного сказания монголов» в 1917 году заместитель министра иностранных дел автономной

Монголии баргинский гун Бавуугийн Цэнд (1875–1932), который переложил на старомонгольскую графику китайскую иероглифическую транскрипцию, изданную Е. Дэхуэем, и осуществил перевод «Сказания» на монгольский язык с китайского перевода.

Начиная с 40-х годов в Монголии началась подлинно научная работа по изучению, восстановлению текста памятника и его переводу на современный монгольский язык. В 1941–1942 годах академик Ц. Дамдинсурэн публикует семь глав, а в 1947 году полный перевод «Сказания» на уйгуро-монгольской графике. В 1957, 1976 и 1990 годах этот перевод переиздается в новой графике (кириллица). Этот труд Ц. Дамдинсурэна имеет непреходящее значение, выполнен на высоком научном уровне, свидетельствует о большом литературном таланте переводчика.

Большой вклад в изучение «Сокровенного сказания монголов» как литературного памятника внес Ш. Гаадамба[46]. Его текстологические исследования увенчались изданием восстановленного текста памятника в его старомонгольской графике (1990) с толкованием около 700 слов и словосочетаний, которые поняты и восстановлены автором иначе, чем это было в иероглифических транскрипциях и китайских переводах, которые им критически сопоставлялись.

Также в результате тщательного сопоставления и критического анализа всех известных в мировом монголоведении транскрипций «Сокровенного сказания монголов» монгольский ученый Т. Дашцэдэн[47] опубликовал первую в Монголии научную транскрипцию этого литературного памятника (1985), которая является попыткой фонетической реконструкции среднемонгольского языка оригинала, на котором он был написан.

Монгольский ученый Д. Цэрэнсодном[48] начал изучение «Сокровенного сказания монголов» с рассмотрения мифологических представлений монголов, отраженных в «Сказании», его художественных достоинств, этимологии различных слов и выражений. Своеобразным обобщающим итогом его многолетней работы стал научный перевод этого литературного памятника (1990) с толкованием более 700 устаревших слов и словосочетаний.

В заключение отметим, что отличительной особенностью перевода, осуществленного монголоведом А. В. Мелёхиным и поэтом-переводчиком Г. Б. Ярославцевым, является то, что это первая попытка полного художественного перевода на русский язык «Сокровенного сказания монголов». Хочу выразить надежду, что российские читатели с интересом познакомятся с

художественным переводом «Сокровенного сказания монголов», являющегося воплощением национального духа монгольского народа.

С. Дулам,

заслуженный деятель науки Монголии,

доктор филологических наук, профессор

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Рашид ад-Дин. Сборник летописей, М.: Ладомир, 2001. Т. 1, кн. 2. С. 13 [Рашид ад-дин 2001].

2. По мнению монгольского ученого Х. Пэрлээ, прародитель Чингисхана, Бортэ чоно, родился в 758 году.

3…нирун монголов. — Рашид ад-Дин так классифицирует монгольские племена: «…племена монголов состоят из двух отделов: монгол-дарлегины и монгол-нируны. Под монголами-дарлегин имеются в виду монголы вообще, а под монголами-нирун — те, которые происходят из непорочных чресел, т. е. из рода и чресел Алан гоо…

Те племена, которые принадлежат к роду Алан гоо и ее сыновей, делятся на три части в следующем подразделении.

Первая — те, которые происходят из рода Алан гоо до шестого ее поколения, в котором был Хабул-хан. Всех этих людей из [числа] сыновей, племянников и их роды (уруг) независимо называют нирун. Точно так же нирунами называют братьев Хабул-хана и их род.

Вторая — те, которых хотя они нируны, но называют хиад. Они суть колено, которое ведет свой род от шестого поколения Алан гоо, от рода Хабул-хана.

Третья — те, которых, хотя они происходят из племени нирун-хиад и чистого рода Алан гоо и появились на свет от прямого ее потомка в шестом (колене), Хабул-хана, называют хиад-боржигин. Их происхождение таково: они зародились от внука Хабул-хана, Есухэй-батора, отца Чингисхана» (Рашид ад-Дин. 2001. С. 152–153).

4. Сокровенное сказание монголов / Пер. А. В. Мелёхина и Г. Б. Ярославцева; вступительная статья С. Дулама. М.: Сталкер, 2001. — 256 с. С. 17. [ССМ 2001].

5. Гумилев Л. Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ, 2000. С. 441. [Гумилев 2000].

6. Мериме Проспер. Хроника царствования Карла IX. М.: «ИД «Комсомольская правда», 2007. С. 5.

7. Владимирцов Б. Я. Чингисхан. В кн. Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2002. С. 205. (Владимирцов 2002).

8. Изучение этого памятника началось в Китае в эпоху правления династии Мин (1368–1643), когда, как следует из династийной хроники, император в 1382 году поручил государственной канцелярии подготовить и издать книгу под названием «Хуа-и и-юй» (1389) — своеобразное учебное пособие (словарь) для подготовки переводчиков и чиновников, направляющихся в Монголию. Именно тогда этот памятник (или отдельные его части) попал в руки китайских ученых Хо Юаньцзе и Маша и-хэ, которые затранскрибировали текст, написанный уйгуро-монгольским письмом, китайскими иероглифами; кроме того, рядом с каждым словом имелось его толкование, а каждый параграф заканчивался кратким переводом на китайский язык. Таким образом, к этому труду, известному в науке как «минское ксилографическое издание», так или иначе восходят все последующие рукописные и печатные копии, о которых будет сказано ниже.

9. Литература о «Сокровенном сказании монголов» достаточно обширна. В книге «Монголын нууц товчооны ном зуй, судлалын тойм» (на монг. яз. Улаанбаатар, 1990) перечислены основные работы, посвященные этому памятнику.

10. Кафаров П. И. Старинное монгольское сказание о Чингисхане или «Анекдотические сказания о Чингисхане». — ТЧРДМ, IV, 1866 (Кафаров 1866).

11. В 1866 году П. И. Кафаров, использовав китайский перевод этого памятника (1848 г.), опубликовал перевод на русский язык китайского текста этого сочинения с предисловием и комментариями. В 1872 году П. И. Кафаров приобрел рукопись памятника, которая содержала китайскую транскрипцию монгольского текста с подстрочным и литературным переводами на китайский язык, перетранскрибировал его кириллицей, сделал перевод китайского подстрочника. Рукопись этой неизданной работы ученого через профессора А. М. Позднеева попала в библиотеку императорского Санкт-Петербургского университета, а ныне хранится в архиве востоковедов ЛО ИВ АН.

12. Naka Michiyo/Нака Мичиё. Chingis khan jitsuroku/Чингис хаан жицуроку. А-5, 677, Дайнихон тошё, 1907.

13. Hattori Shirou/Хаттори Широ. Gencho hishi ni tsuite Seigohyou/ Гэнчёо хиши ни цуйтэ сэйгохёо. Мооко, 1940.

14. Iwamura Shinobu/Ивамура Шинобу. Gencho hishi chingis khan jituroku/Гэнчёо хиши Чингис хаан жицуроку. В-40,203, Токио, Чюуо ко-роншя, 1963.

15. Haenisch E. Grammatische Besonderheiten in der Sprache des Manghol-un Niuca Tobca'an. — SOF. XIV: 3. Pp. 3—24 [Haenisch 1950].

16. Damdinsurvng Ce. Mongyol-un niyuca tobciyan. Qayucin mongyol kelen-e6e odu-yin mongyol kele-ber or6iyuluysan. Ulayanbayatur, 1947 [Damdinsurung 1947].

17. Козин С А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongyol-un Niyuca Tobciyan — Юань Чао Би Ши — Монгольский обыденный изборник. Т., Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссари. М-Л, 1941. 619 с. [Козин 1941].

18. Poucha P. Die Geheime Geschichte der Mongolen: Als Geschich-tsquellee und Literaturdenkmal: Ein Beitrag zu ihrer Erklarung. AOSu. IV, 1956. 248 s. [Poucha 1956].

19. Bayar. Erte edtige-yin «Mongyol-un niyuca tobciyan» [neyite yurban debter]. Mongyol tistig kiged olan ulus-un yaliy-iyar orciyuluysan. Kokeqota, 1981, 1467 + 233 niyur [Bayar 1981].

20. Grousset R. L' Empire des steppes: Attila, Gengis-Khan, Tamerlan. Paris: Payot, 1941. P. 230, 303 [Grousset 1985].

21. Ledyard G. The Mongol Campaigns in Korea and the Dating of the Secret History of the Mongols. CAJ. IX: 1, 1964. Pp. 1—22 [Ledyard 1964].

22 Waley A. Notes on the Yuan— ch'ao pi-shih. BSOAS. XXIII: 3, 1960. Pp. 523–529. [Waley 1960].

23. Doerfer G. Zur Datierung der Geheime Geschichte der Mongolen. ZDMG. CXIII: 1, 1963. Ss. 87-111. [Doerfer 1963].

24. Murakami Masatsugu / Мураками Масацугу. Mongoru chingis khan-monogatari / Монгору Чингис хаан\моногатари. Токио, Биданшя, Тоёобунко, 1976.

25. Дин Цянь. Проверка географических данных в «Сокровенном сказании монголов» (на китайском языке). Серия № 2 библиотеки области Жэзян, 1915; Он же. Об авторстве «Сокровенного сказания монголов» (на китайском языке). Серия № 2 библиотеки области Жэзян, 1915а.

26. Kobayashi Takashiwu/Кобаяаши Такагииро. Mokohishino-gengo ni tsute / Моокохишино гэнгони цуйтэ, 432, Нихон гакужюцу киокай, 1954.

27. Uemura Seiji/Уэмура Сэйжи. Gencho hishi shosetsu/Гэнчёо хиши шёосэцуДохогаку 10,108–119,1955.

28. Rachewiltz I. de The Secret History of the Mongols. Chs.I–XII, Additions and Corrections. PFEH 4, 5, 10, 13, 16, 18,21, 23, 26, 30,

31, 33 / Canberra, 1971, 1972, 1974, 1976,1977, 1978, 1980, 1981, 1982, 1984, 1985, 1986.

29. Irincin Ye. Mongyol-un niyuca tobciyan — uyiyurjin bicig-un sergugelte, filologi6i doktim tayiburi jici, nouray orusil — Obur mongyol-un yeke suryayuli-yin erdem sinjilgen-u sedktil. 1984. № 3. Niyur 74—108. № 4, 89-104 [Irincin 1984]

30. Гаадамба Ш. Над строкой «Сокровенного сказания». «Альманах библиофила». Книга Монголии. Вып. 24. М.: Книга, 1988. С. 153–159 [Гаадамба 1988].

31. Irincin Ye. Mongyol-un niyuca tobciyan — uyiyurjin bibig-un sergtigelte, filologici doktim tayiburi jici, nouray orusil — Obtir mongyol-un yeke suryayuli-yin erdem sinjilgen-ti sedktil, 1984. № 3. Niyur 83.

32. Козин С. А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongyol-un Niyuca Tobciyan — Юань Чао Би Ши — Монгольский обыденный изборник. Т., Введение в изучение памятника, перевод, тексты, глоссари. М. — Л, 1941. С. 14, 17.

33. Hatton Sh. On the hP'ags-pa Intermediary of the Ytian-ch'ao pi- shih. GK. XXIII, 1952. Pp. 19–20 [Hattori 1952].

34. Булаг. Изучение «Сокровенного сказания» в Китае. В кн.: Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». Восточная литература; Наука, 1993. С. 87.

35. Яхонтова. История изучения «Юань-чао би-ши» в России и СССР. В кн.: Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». Восточная литература; Наука, 1993. С. 7. [Яхонтова 1993].

36. Таубе М. К реконструкции и переводам Mongyol-un Niu6a To6ba'ап на европейские языки. В кн.: Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». Восточная литература, Наука, 1993. С. 40. [Таубе 1993].

37. Haenisch E. Die Geheime Geschichte der Mongolen: Aus einer mongolischen Niederschrift des Jahres 1240 von der Insel Kode'e im Keluren — Fluss erstmalig tibersetzt und erlautert / Das Mongolische Weltreich: Quellen und Forschungen I. Leipzig: Otto Harrassowitz, 1941, XXXII + 210 s. [Haenisch 1941].

38. Histoire secrete des Mongols (Mongghol-un ni'uca tobciyan): Chronique mongole du XIH-e si£cle. Traduit du mongol, presente et annote par Marie-Dominique Even et Rodica Pop. Paris / Gallimard, 1994. 350 p.

39. Poucha P. Tajna Kronika Mongolu. Praha, 1955. 282 p. [Poucha 1955].

40. Ligeti L. A Mongolok Teitkos Tortenete. Mongolbol forditotta L. Ligeti, A verseket forditotta Kepes Geza. Budapest, 1962. 243 p.

41. Kaluzynski St. Tajna Historia Mongolow. Anonimova kronika

mongolska z XIII w. Prz lozyl z mongolskiego, wstepem I komentarzami opatrzyx S. Kaluzynski. Warszawa, 1970. 203 p. [Kaluzynski 1970].

42. Магауя С. Монголдын купия шежиреси. 0лгий, 1979. 150 х. [Ма-гауя 1979]

43. Rachewiltz I. de The Secret History of the Mongols. Chs. I–XII, Additions and Corrections. PFEH 4, 5, 10, 13, 16, 18,21, 23, 26, 30, 31, 33 / Canberra, 1971, 1972, 1974, 1976, 1977, 1978,1980, 1981, 1982, 1984, 1985, 1986.

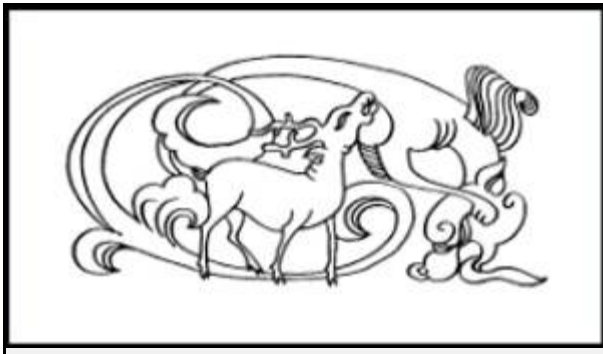
44. Cleaves F. W. The Secret History of the Mongols. For the First Time Done into English out of the Original Tongue, and Provided with an Exegetical Commentary by F. W. Cleaves, v.I (Translation). Cambridge, 1982. XV + 277 p. [Cleaves 1982].

45. Цендина АД. Изучение «Сокровенного сказания» в МНР. В кн.: Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». Восточная литература; Наука, 1993. С. 54. [Цендина 1993].

46. Гаадамба Ш. Монголын нууц товчоо (Худам монгол бичгээр монгол бичиг, утга судлалын ууднээс Шанжмятавын Гаадамбын тесеелен нягталж сэргээсэн сийруулгэ, эх тайлбар). Улаанбаатар, 1990 [Гаадамба 1990].

47. Дагицэдэн Т. Монголын нууц товчоо. Галиглаж хервуулсэн Т. Даш-цэдэн / редактор Ц. Дамдинсурэн, Н. Ишжамц. CSM, XXI, I. Улаанбаатар, 1985 [Дашцэдэн 1985].

48. Цэрэнсодном Д. Монголын нууц товчоо (Эрдэм шинжилгээний орчуулга) / редактор Д. Темертогоо. Улаанбаатар, 2000. 386 т.х. [Цэрэнсодном 2000].



I
ПРАРОДИТЕЛИ ЧИНГИСХАНА

Легенда о Бортэ чоно, рожденном по благоволению Неба

Прародитель Чингисхана, рожденный по благоволению Неба*[10], — Бортэ чоно* и его жена Хоо марал — переправились через воды реки Тэнгэс, пошли и сели в окрестностях горы Бурхан халдун, что в верховьях реки Онон*. И родился у них сын, нареченный Батачи-ханом*. Батачи-хан родил Тамачу*; Тамача родил Хоричар мэргэна, что значит Хоричар — меткий стрелок; Хоричар мэргэн родил Ужим борохула*; Ужим борохул родил Сали хачагу; Сали хачагу родил Их нудэна*; Их нудэн родил Сэм сочу*; Сэм сочи родил Харчу*. Харчу родил Боржигидай мэргэна. У Боржи-гидай мэргэна была жена Монголжин гоо, что значит Монголжин прекрасная, и сын Торголжин баян, что значит богач Торголжин. У Торголжин баяна была жена Борогчин гоо, молодой слуга Бо-ролдай суялби и два любимых сивых скакуна*. Торголжин баян родил двух сыновей — Дува сохора, что значит Дува незрячий, и Добун мэргэна*.

У Дува сохора был лишь один глаз посередь лба, которым он видел на три поприща* вперед. Однажды Дува сохор вместе с братом меньшим, Добун мэргэном, взошли на гору Бурхан халдун. Дува сохор увидал оттуда, что по направлению к речушке Тунхэ-лиг горхи кочует группа людей. Обратившись к брату, Дува сохор сказал: «Средь тех кочующих к реке людей в кибитке на высоком передке сидит прекрасная девица. И коли незамужняя она, давай сосватаем ее тебе, брат Добун мэргэн».

И, сказав сии слова, послал он Добун мэргэна взглянуть на девушку. Показалась она Добун мэргэну: и лицом красна, и телом ладна, да рода знатного, да еще не сватана. А зовут — Алан гоо.

Отец Алан гоо — хорь тумэдский ноён* Хорилардай мэргэн, а мать — Баргужин гоо; родилась Алан гоо в уделе хорь тумэдов в местности, называемой Ариг ус. Ее мать Баргужин гоо — дочь Баргудай мэргэна, вождя племени Хул Баргужин тухумов, чьи земли лежат в дальней дали*. А люди, с которыми кочевала Алан гоо, стало быть, племя ее отца — Хорилардай мэргэна.

Хорилардай мэргэн отошел от пределов хорь тумэдских по причине раздоров, вспыхнувших меж близживущих родов, кои желали отвоевать друг у друга уделы, обильные зверем — соболем и белкой. Хорилардай мэргэн и люди его обособились, и прозвались они племенем Хорилар по имени ноёна своего. Познав, что в окрестностях Бурхан халдуна зверя в изобилии, хорилары перекочевали в удел Шинчи баяна урианхайского*,

который поставил на горе Бурхан халдун кумира для поклонения духам-хранителям той горы. Итак, сосватал Добун мэргэн прекрасную Алан гоо, дочь хорь тумэдского ноёна Хорилардай мэргэна, родившуюся в местности Ариг ус, и стала она женой его.

У Алан гоо и Добун мэргэна родились два сына — Бугунудэй и Бэлгунудэй. У Дува сохора, старшего брата Добун мэргэна, было четыре сына. После смерти Дува сохора его сыновья перестали почитать Добун мэргэна за своего родного дядю, поносили его и прекословили ему, а затем и вовсе отвратились от него и сели вместе с подвластными им людьми отдельно. И прозывалось с тех пор племя четырех братьев этих Дурвун*, а люди их — дурвудами.

По прошествии времени как-то раз Добун мэргэн взошел на сопку Тогоцог поохотиться; в лесу он наехал на одного урианхайца, убившего оленя-трехлетку и теперь поджаривавшего его ребрышки. Приступив к нему, Добун мэргэн сказал: «Истинно говорю тебе: спознаешь друга, когда с тобою он поделится добычей!»

Охотник-урианхаец отсек голову оленя и вместе с сердцем и легкими взял себе*, а остальное мясо отдал Добун мэргэну. Когда, нагрузив на коня тушу оленя, Добун мэргэн возвращался домой, по дороге он наехал на изможденного, оборванного человека, ведшего за руку отрока.

«Какого рода-племени ты будешь?» — спросил у него Добун мэргэн. На это бедняга отвечал: «Сам я из племени Малиг баягудай*. Я голоден и выбился из сил. Прошу, дай мяса мне для пропитанья. Тогда отдам тебе я в услуженье сына своего».

Добун мэргэн согласился и отдал голодному бедняге ляжку оленя, а сына его увел с собою. С тех пор отрок прислуживал ему.

Легенда об Алан гоо

По прошествии многих дней Добун мэргэн скончался. По смерти Добун мэргэна вдова его, Алан гоо, родила трех сыновей и дала им имена — Бугу хатаги, Бугуту салжи и Бодончар мунхаг*, что значит Бодончар-простофиля.

Родившиеся во дни здравия отца своего Бэлгунудэй и Бугунудэй втайне от матери Алан гоо говорили такие слова: «Мать наша, ни родичей отца, ни прочих мужей не имея, троих нам братьев родила. Но в доме нашем все же есть один чужой мужчина: слуга из племени Малиг баягудай. Должно быть, дети от него»*.

Прознав, что втайне от нее старшие сыновья ведут такие

речи, Алан гоо однажды по весне сварила вяленое мясо, накормила им сыновей своих — Бэлгунудэя, Бугунудэя, Бугу хатаги, Бугуту салжи и Бодончар мунхага, посадила их в ряд пред собой И, дав каждому из них по стреле, сказала: «Преломите!» Что те легко и сделали. Когда же Алан гоо, связав пять стрел вместе, дала каждому из них со словами: «Преломи!» — никто из них не смог сломать связку.

Тогда она сказала: «Бэлгунудэй, Бугунудэй, сыны мои! У вас явились недоуменья, как это ваша мать троих вам братьев народила и чьими будут эти сыновья. В своих сомнениях сыновьих вы правы. Но вам неведомо одно лишь только. И истинно вам это говорю: к нам в юрту каждой ночью чрез орхо посланец Неба нисходил*, вокруг сиянье исторгая. Он гладил чрево грешное мое, сияние его в меня входило. Когда ж луна должна сойтись и разминуться с солнцем, он, словно желтый пес, виляющий хвостом, поспешно уходил; и яркий свет за ним струился. Ужели нужно что-то молвить боле. Ведь ваши братья — Неба сыновья.

Негоже вам, сыны мои,
Уподоблять их черновласой черни.
Когда владыками над всеми
Взойти им время подойдет,
Великий смысл рожденья сыновей моих
Откроется простолюдинам».

И заповедала им мать Алан гоо: «Из чрева родились не одного ли вы, пятеро сынов моих?! И коли разлучитесь вы друг с другом, любой из вас легко врагом повержен будет; точь-в-точь как та стрела, которую вы с легкостью такою преломили. Но коль родство и дружество меж вами укрепятся, вы уподобитесь той связке стрел, которые не так уже легко сломать; и вас, сыны мои, не просто будет одолеть злым силам».

Так они жили, доколе матери их, Алан гоо, не стало.

Легенда о Бодончаре

И когда матери их, Алан гоо, не стало, Бэлгунудэй, Бугунудэй, Бугу хатаги и Бугуту салжи разделили на четверых весь скот и еды припасы, Бодончар мунхагу же его долю не дали: «Не родня, — сказали, — он нам, потому как глуп и бестолков».

Бодончар мунхаг, от которого отреклись родные братья, решил не оставаться более в родных пределах. «Жизнь не красна,

да и смерть не страшна», — подумал он про себя и, оседлав свою сивую клячу, отправился к реке Онон. Пришел он в местность, называемую Балжийн Арал*, выстроил себе шалаш и поселился в нем. Увидев однажды, как ястреб рвет пойманного тетерева, Бодончар мунхаг свил из волоса своей сивой клячи силок и изловил того ястреба. Пропитания вовсе не имея, Бодончар мунхаг подкрадывался к косулям, загнанным волками в овраги, и убивал их меткою стрелой; не гнушался он и падалью, обглоданной волками, а ястреба того все кормил да приручал. Так прошел год. Когда же наступила весна и прилетела всякая птица, он долго морил голодом своего ястреба; потом выпустил его на волю, и тот враз словил ему уток и гусей великое множество; и тогда

На каждой ветке
Подвешивал он битых птиц за лапки;
На каждом пне они лежали,
И портились
И запах издавали.

В то самое время, перевалив через лесистую сопку, к речушке Тунхэлиг горхи перекочевали люди неизвестного ему рода-племени. Каждый день Бодончар выпускал ястреба, дабы охотиться, и ходил к людям тем, дабы напиться кумыса. И лишь к ночи он возвращался в свой шалаш. Те люди выпрашивали у него ястре-ба-птицелова, но он не отдавал. Они не допытывались, кто он и откуда. И Бодончар тоже не пытал, что они за люди.

Немного спустя Бугу хатаги, старший брат Бодончара мунхага, сказал: «Отправился к реке Онон наш простофиля. Пойду и разыщу его».

Наехал он на тех людей, что кочевали по речушке Тунхэлиг горхи, и спросил, видали ли они такого-то на лошади такой-то. Те отвечали: «К нам наезжает каждый день один и тот же человек; отведает кумыса — и отъедет. Тот человек и сивая его кобыла, похоже, те, кого ты ищешь. Есть у него отличный ястреб-птицелов. Приют его ночной, однако, нам неведом. Одно мы знаем: когда северо-западные ветры вдруг задуют, тотчас на небе вьюгой снежной взовьются перья, пух гусей и уток, которых, видимо, без счета ему приносит верный ястреб. А это значит, его жилище недалече. Обыкновенно в это время он объявляется у нас. Ты подожди его, однако».

Вскоре показался всадник, скачущий вдоль речушки Тунхэлиг горхи. Когда он подъехал ближе, Бугу хатаги узнал в нем младшего брата Бодончара и увел его за собой вверх по реке

Онон.

Скача за старшим братом, Бодончар сказал: «Послушай, брат! Любому телу голова нужна, как дэлу* — ворот!» Но Бугу хатаги значенья не придал его словам. Тогда брат Бодончар реченное им слово снова молвил. Но Бугу хатаги по-прежнему молчал. Когда же в третий раз он к брату с теми же словами подступил, брат старший Бугу хатаги воскликнул: «Почто талдычишь ты одно и то же, Бодончар?» И младший брат сказал ему в ответ: «Те люди, что сидят на берегу речушки Тунхэлиг горхи, ничьи: главой над ними не стоит никто. И меж собою все они равны. Я истинно вам говорю: добычей легкой станут эти люди, коль нападем всей братией на них. Пусть будут впредь лишь нам они подвластны».

Брат старший Бугу хатаги сказал: «Что ж, коли так, мы приберем к рукам людей ничейных. Но прежде с братьями нам сговориться надо».

Возвратившись, братья держали совет и решили покорить тех людей. Передовым дозорным был послан Бодончар. По пути Бодончару попалась беременная женщина.

«Какого рода-племени ты будешь?» — он спросил.

«Я из Жарчуд аданхан урианхайцев», — молвила она.

Покинув свой удел, пять братьев полонили люд ничейный, и скот, и скарб их к рукам прибрали, и превратили в подданных своих.

Предание о потомках Бодончара, родоначальника боржигонов

Беременная, что повстречалась на пути, вошла в дом Бодончара и родила сына, которого нарекли Жажирадаем, то есть сыном чужого племени. Род Жадаран начался с него. Жажирадай родил сына Тугудэя, Тугудэй — сына Бури булчира, Бури булчир — сына Хар хадана, Хар хадан — сына Жамуху. Все они принадлежали к роду Жадаран*.

Та женщина родила сына и от Бодончара. Нарекли ему имя Баридай, то есть сын пленницы. И начался с него род Барин. Баридай родил Чидухул буха. Чидухул бух взял в жены много женщин и имел тьму детей. И составили они род мэнэн Барин.

От Бэлгунудэя пошел род Бэлгунуд. От Бугунудэя — род Бугунуд. От Бугу хатаги — род Хатагин. От Бугуту салжи — род Салжуд. От Бодончара — род Боржигин*.

Первая жена Бодончара родила от него сына Хабичи по прозвищу толстоногий*. У матери Хабичи-батора была служанка. Бодончар сделал ее своей наложницей. И родила она от него сына, которому дали имя Жэгурэдэй. Пока Бодончар был жив,

Жэгурэдэй участвовал средь прочих в родовых жертвоприношениях. После смерти Бодончара сына оного Жэгурэдэя обвинили в том, что мать прижила его от одного из мужей рода Аданхан урианхадай, и прогнали*. С Жэгурэдэя начался род Жэгурэйд.

Хабичи-батор родил сына Мэнэн тудуна. Мэнэн тудун родил семь сыновей, и нарекли им имена Хачи хулуг, Хачин, Хачигу, Хачула, Харалдай, Хачигун, Начин-батор.

У Хачи хулуга и жены его Номулун родился сын Хайду*.

Хачин родил сына Ноёгидая. Был он высокомерен, словно ноён, потому род, пошедший от него, прозывался Ноёхон.

Хачигу родил сына Баруладая. Был он телом огромен, прожорлив, потому и род его прозывался Барулас, что значит ненасытные.

Сыновья Хачулы также ненасытны были в еде, и прозвали их Большой Барула и Малый Барула, а их братьев — Умный Барула и Глупый Барула. И все они были из племени Барулас.

Сыновья Харалдая словно крупа перемешались, старшинства не зная меж собой. Потому и был прозван их род Будад, что значит крупины.

Хачигун родил сына Адархидая. Среди братьев он был первый спорщик и забияка, и род, пошедший от него, назывался Адархин, что значит раздорные.

Начин-батор родил сыновей Уругудая и Мангудая. И пошли от них роды Уругуд и Мангуд*. От первой жены Начин-батора родились сыновья Шижудай и Доголадай.

Хайду родил сыновей Бай шинхора, прозванного догшин, что значит грозный, Чарахай линху и Чаужин ортэгэя.

Бай шинхор догшин родил сына Тумбинай сэцэна, что значит Тумбинай мудрый*.

Чарахай линху родил сына Сэнгум билгэ, от которого пошел род Амбагайтан Тайчуд*. Чарахай линху взял себе в жены старшую невестку, и родился у них сын, нареченный Бэсудэем. И пошел от него новый род Бэсуд.

Чаужин ортэгэй родил шесть сыновей, от которых пошли роды Оронар, Хонхотадай, Арулад, Сонид, Хабтурхас, Гэнигэс.

Тумбинай сэцэн родил сыновей Хабул-хана* и Сэм Сэчулэ. Сэм Сэчулэ родил сына Булгэчу-батора.

Хабул-хан родил семерых сыновей. Старшего из них звали Охин бархаг, а остальных — Бартан-батор, Хутугту мунгур, Хутула-хан, Хулан, Хадан, Тудугэн отчигин.

Охин бархаг родил сына Хутугту журхи. Хутугту журхи родил сыновей Сача бэхи* и Тайчу. И пошел от них род Журхи.

Бартан-батор родил сыновей Мэнгэту хиана, Нэхун тайши*,

Есухэй-батора*, Даридай отчигина.

Хутугту мунгур родил сына Бури буха. Того самого, что рассек плечо Бэлгудэю, брату Чингиса, на пиру в роще у реки Онон.

Хутула-хан родил троих сыновей — Жочи, Гирмау и Алтана.

Хулан родил сына Их чэрэна, слуги которого Бадай и Хишилиг во времена правления Чингиса стали дархадскими ноёнами*.

У Хадана и Тудугэна потомства не было.

И повелевал тогда улусом Хамаг Монгол* Хабул-хан. И хотя имел Хабул-хан семерых сыновей, он наказал возвести на престол после себя Амбагай-хана*, сына Сэнгум билгэ.

По реке Оршун, что течет между озерами Буйр и Хулун, сидели татарские племена* — айригуды и буйругуды. Амбагай-хан выдал за татарина свою дочь и отправился провожать ее в пределы татарские. И был схвачен там Амбагай-хан татарами и выдан ими Алтан-хану хятанскому*. И послал тогда Амбагай-хан гонца по имени Балахачи из племени Бэсудэй и заповедал: «Пойди ты к Хутуле, среднему сыну Хабул-хана, приди к Хадан тайши, среднему сыну из десяти сынов моих, и передай им: впредь пусть будет именем моим заказано улуса Хамаг Монгол всем владыкам самим сопровождать их дочерей. Татарами я схвачен здесь.

Так мстите ж за владыку своего,
Пока все ногти с пальцев не сорвете
И десять пальцев ваших
До конца не обессилят!»

Рассказ о том, как Есухэй-батор похитил Огэлун

Охотившийся в ту пору на реке Онон на птицу Есухэй-батор повстречался с Их чилэду из племени Мэргэд*, который, взяв в жены девушку из племени Олхунуд, возвращался теперь восвояси. Есухэй-батор заглянул в возок и увидал в нем несравненной красоты девушку. Он тут же поскакал домой, позвал с собой старшего брата Нэхун тайши и младшего брата Даридай отчигина, и они втроем бросились вдогонку за Их чилэду.

Завидев конную погоню, убоялся Их чилэду, стеганул своего каурого коня по ляжкам и поскакал прочь по склону горы. Трое преследователей, скача друг за дружкой, не отставали. Их чилэду обогнул сопку и возвратился к возку, в котором его ожидала

жена. Огэлун ужин* воскликнула тогда: «Ты понял, что замыслили те трое?! Уж слишком подозрительны их лица. С тобой они расправиться хотят. Любимый, коли в здравии ты будешь, жену себе достойную отыщешь.

У нас в повозке каждой девушка сидит,
В возке любом невеста ожидает.

А коль у новой суженой твоей другое имя будет, прозвание Огэлун дай ей. Сейчас подумай о себе! Вдохни мой запах на прощанье и тотчас прочь скачи».

С этими словами Огэлун сняла свою нательную рубашку и подала ее Их чилэду. Когда он нагнулся с коня и взял ее, из-за холма показались трое преследователей. Их чилэду стеганул по ляжкам своего каурого коня и умчался прочь вверх по реке Онон.

Семь перевалов перевалили трое его преследователей, пока гнались за ним. Да так и не догнали, отступились, повернули назад к возку. И взяли они Огэлун и повезли. Есухэй-батор вел на поводу ее лошадь, старший брат его Нэхун тайши ехал впереди всех, а младший — Даридай отчигин следовал сбоку. И возопила тогда Огэлун ужин:

«За что, скажи, за что, мой Чилэду,
Такую бог нам шлет судьбу-беду!
Тебе — в степи широкой голодать,
Скитаться у ветров на поводу.
А мне где косы расплетать-сплетать?
Куда же без тебя я побреду?!»
И стенала она так, что
Река Онон вздыбилась волнами,
А бор лесной заколыхался, будто от ветра.
Даридай отчигин увещевал Огэлун:
«Кого ты ласкала, кого обнимала,
Тот ныне на той стороне перевала.
По ком убиваешься ты и рыдаешь,
Уже пересек рек и речек немало.
Стенай не стенай, он тебя не услышит,
Дорогу к нему ты бы не разыскала;
Ни тени его, ни следа не увидишь,
И лучше бы было, чтоб ты замолчала».

И привез Есухэй-батор Огэлун в дом свой и женою сделал своею. Вот и весь сказ о том, как Есухэй-батор взял себе в жены

Огэлун ужин.

Тем временем Хамаг Монгол и тайчуды собрались на берегу реки Онон в местности, именуемой долиной Хорхонаг, и, сговорившись, поставили над собой ханом Хутулу*, ибо плененный Амбагай-хан заповедал передать слово свое двоим — Хадану и Хутуле.

В чести у монголов пиры да танцы. Потому, возведя Хутулу на ханский стол, они пировали и плясали под священным раскидистым деревом Хорхонагским* до тех пор,

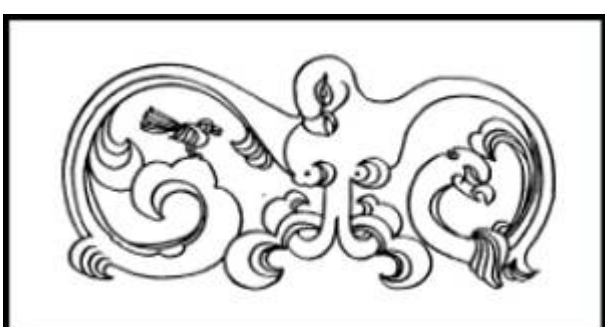
Пока ребра не треснули,
Пока ноги не отвалились.

И как стал Хутула ханом, пошел он вместе с Хадан тайши в пределы татарские, чтобы отомстить им, как было завещано Амбагай-ханом. И бились они с Хутун барахом и с Жали бухом татарскими все тринадцать раз, но так и не смогли

Отмщением отомстить,
Воздаянием воздать
За хана Амбагая своего.

И воротился Есухэй-батор восвояси*, захватив в полон татарских Тэмужин Угэ, Хори буха и других, а жена его, Огэлун ужин, тем временем разрешилась Чингисом* в местности, называемой Дэлун болдог*, что на Ононе.

И родился Чингис, сжимая в правой руке сгусток крови величиной с пальчик*. И нарекли ему имя Тэмужин*, ибо рожденье его совпало с пленением татарского Тэмужин Угэ.



II
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ ЧИНГИСХАНА

Сказ о сватовстве Тэмужина и смерти его отца Есухэй-батора

От Огэлун ужин родилось у Есухэй-батора четверо сыновей — Тэмужин, Хасар, Хачигун и Тэмугэ*. И родилась у них дочь, и нарекли ее Тэмулун. Когда Тэмужину исполнилось девять лет, Жочи Хасару было семь, Хачигун элчи — пять, Тэмугэ отчигину — три года; Тэмулун и вовсе лежала в люльке.

И когда исполнилось Тэмужину девять лет, Есухэй-батор отправился вместе с ним к родичам жены — олхунудам сватать сыну невесту*. На по л пути между урочищами Цэгцэр и Чихургу повстречали они Дэй сэцэна из племени Хонгирад*.

«Сват Есухэй, куда путь держишь?» — спросил Дэй сэцэн.

«У олхунудов, родичей жены, хочу посватать я невесту сыну», — ответил Есухэй.

«Мне люб твой сын, —
Дэй сэцэн молвил.—
У отрока в глазах огонь,
И ликом светел он.

Сват Есухэй, поверишь, прошлой ночью сон удивительный привиделся мне вдруг: как будто птица, белый сокол, в когтях неся луну и солнце, спустилась на руки ко мне. Другим уже я говорил: «То — доброе знамение судьбы!» И вдруг приехал вместе с сыном ты! Сну моему не это ль изъяснение? Да сон ли это был?!

То — знак во сне явившегося гения-хранителя Хиадов*. Мы, хонгирады, исстари

Чужие земли и народы не воюем,
Мы светлоликих дочерей милуем,
Статью, красой не заблещут покуда.
Черного мы запрягаем верблюда,
Деву в возок-одноколку посадим,
С ласкою в ханскую ставку спровадим.
Из хонгирадского рода невеста
С ханом поделит высокое место.
Нет у нас тяги ни к битвам, ни к войнам.
Дело другое считаем достойным:
Дочку, что выросла в холе да в ласке,
В путь снаряжаем мы в крытой коляске.
Ставим в упряжку верблюда седого —

Вот и невеста для хана готова.
С ханом высоким, довольна судьбиной,
Сядет достойной его половиной.

У хонгирадов издревле пригожестью пленяли девы,
Блистали наши жены красотой;
Со славой этой из поколенья в поколенье жили мы.
Сыны у нас хозяйничают в отчине своей,
А дочери пленяют взор заезжих женихов.
Сват Есухэй, войди в мой дом.
Есть малолетняя дочурка у меня.
Взгляни и оцени».

С этими словами Дэй сэцэн проводил Есухэя в свою юрту, и взглянул на дитя Есухэй,

И пришлась по сердцу она ему,
Ибо ликом светла была она,
И в глазах ее сверкал огонь.

Девочку звали Бортэ*; было ей десять лет, и была она на год старше Тэмужина.

Переночевав у Дэй сэцэна, наутро Есухэй-батор стал сватать его дочь. И молвил Дэй сэцэн в ответ:

«Заставь упрашивать себя —
Да уважаем будешь,
Без долгих уговоров согласясь —
Униженным пребудешь.

Хотя и говорят в народе так*, но дочь я все равно тебе отдам. Негоже ей у отчего порога век женский коротать. А сына оставляй у нас. Отныне он наш зять»*.

На это Есухэй-батор отвечал;

«Я сына, так и быть, тебе оставлю. Прошу, любезный сват, лишь об одном: собак боится сын мой, Тэмужин; не допусти, чтоб псы его пугали»*.

И отдал Есухэй-батор свату Дэй сэцэну в подарок заводного коня своего и, оставив сына в зятьях, отправился восвояси.

По пути в степи Цэгцэрской наехал Есухэй-батор на татарский стан и попал на татарский пир. И сошел с коня утолить

жажду на пиру. И признали татары Есухэя из хиадского рода, и усадили, и потчевали его на пиру. А сами, отмщения жаждя, сговорились тайно и подмешали в еду ему яду. И на пути домой от стана татарского занемог Есухэй-батор и домой чуть живой воротился через три дня.

«Мне плохо! Есть рядом кто-нибудь?» — вскричал Есухэй-батор.

«Я подле вас», — ответил Мунлиг, сын старика Чарахи из племени Хонхотадай.

Призвав его к себе, Есухэй-батор молвил: «Послушай, Мунлиг! Дети — малолетки у меня. А Тэмужина, старшего из них, оставил я у свата Дэй сэцэна. Но по пути домой в татарском стане я был отравлен. О, как же худо мне! Так позаботься ты, мой верный Мунлиг, о сиротах моих и о вдове. И сына, Тэмужина моего, немедля привези ко мне…» И, заповедав Мунлигу сие, он опочил.

Мунлиг, выполняя волю Есухэй-батора, пришел к Дэй сэцэну и молвил: «Достопочтенный Есухэй по сыну своему истосковался, и я приехал, чтоб его забрать».

И отвечал ему тогда Дэй сэцэн: «Коли скучает сват по сыну, мы Тэмужина тотчас же домой отправим. Но вскорости ему прибыть обратно надлежит». Отец Мунлиг* выслушал эти слова, забрал Тэмужина и привез в отчину.

Рассказ о предательстве тайчудов

В тот год весной*, когда жены Амбагай-хана — Орбай и Сохатай — принесли дары к жертвеннику на могилах предков, Огэлун ужин запоздала, и ей не досталась ее доля поминальных кушаний. Приступив к Орбай и Сохатай, Огэлун ужин сказала: «Почто обделена я вами на поминальной трапезе сегодня? Не потому ли, что скончался Есухэй, а сыновья мои еще не повзрослели?

Неужто даже и глаза в глаза
Мы будем лишены почтенья,
Неужто даже о перекочевках
Не будете нас впредь предупреждать?!»

Услышав сие, Орбай и Сохатай вознегодовали:

«Ты приглашений, подношений ждешь? —
К чему поспела, тем и рот набьешь.

Прислуживать тебе? — Нужна ты больно!..
Что ухватила, тем и будь довольна.

Не потому ли, что нет с нами хана Амбагая, осмеливается теперь глумиться даже Огэлун над нами?!»

И стали они подбивать соплеменников: «Давайте откочуем все отсюда, а Огэлун здесь бросим вместе с сыновьями».

Наутро следующего дня Таргудай хирилтуг и Тудугэн гир-тэ, предводители тайчудов*, во главе своего племени двинулись к реке Онон. Так соплеменники покинули Огэлун и ее сыновей.

Тогда старик Чараха из племени Хонхотадай поскакал и нагнал их, и стал уговаривать вернуться. И сказал ему Тудугэн гиртэ:

«Пересохший род. Ни воды, ни травы,
И потрескались белые камни, увы».

И не вняли словам старца тайчуды и пошли дальше. А Тудугэн гиртэ ударил старика Чараху копьем в спину и прогнал прочь со словами: «Будешь знать, старик, как мне перечить!»

Возвратился старик Чараха раненым и лежал, страданиями мучимый, когда пришел к нему Тэмужин. И молвил старик Чараха из племени Хонхотадай: «Откочевав, тайчуды увели с собою весь народ, что собран был отцом твоим достойным; его нагнал я, воротить желая, да сам, как видишь, едва живым вернулся». И заплакал Тэмужин, и ушел от старика весьма опечаленным.

Тогда Огэлун ужин сама поскакала вослед ушедшим, и держала она в руке знамя святое*. Воротила она иных из ушедших, но и они вскоре удалились вслед за тайчудами.

Так братья-тайчуды покинули вдовицу Огэлун ужин и сыновей ее малолетних и отошли от родных пределов*.

От рожденья премудрая, мать Огэлун
Дэл свой поясом повязала,
По теченью Онона то вверх, то вниз
Все бродила она, кочевала.
Что в степи съедобного было,
Тем детей она и кормила.
Дни в пути, в трудах проводила.
От рожденья упорная мать Огэлун
Шла не знающим устали шагом
С суковатой дубовою палкой в руках

По ложбинам да по оврагам,
Вверх и вниз… Набравшись терпенья,
Все искала, копала коренья.
Было трудно ей, горько было,
Но достойных сынов вскормила.
От рожденья прекрасная мать Огэлун
Берегами речными бродила,
Собирала по осени дикий лучок,
Даже рыбу удою удила.
Не жалела рук, не жалела ног
И сынов державных взрастила.
Был характер тверд, был порядок строг —
Вот что в жизни детей укрепило.
Ясноликая ханша-мать,
Ты сумела детей поднять,
От щедрот питая степных.
Сыновей научила мать Званье, долг свой осознавать,
Гордость ты заронила в них.
С берегов Онона-реки Стали дети кидать крючки,
Сами стали рыбу ловить,
Чтобы мать Огэлун накормить.
Строгих правил держится мать —
Сыновьям державными стать.
Тот рыбак и этот рыбак —
Год за годом мужали так.
Наловчились рыбу ловить, —
Могут братья мать прокормить.

Предание об убиении Бэгтэра

И вот однажды Тэмужин, Хасар, Бэгтэр и Бэлгудэй* ловили рыбу, и попалась на крючок светлая рыбешка. Но Бэгтэр и Бэлгудэй себе ее забрали. И приступили тогда Тэмужин и Хасар к матери и с обидой говорили: «Сейчас поймали мы рыбешку, но братья Бэгтэр и Бэлгудэй себе ее забрали».

На это мать им отвечала:

«Что за охота вам, братьям, так препираться?!
Иль вам неведомо, что ныне
Нет у вас друга, кроме вашей тени,
Как нет и плети, кроме конского хвоста.

Коли такие промеж вас раздоры, как сможем мы отмстить отмщением ворогам-тайчудам?! Неужто рознь вас одолела, как прежде сыновей Алан гоо? Я истинно вам говорю: не смейте!»

Но не вняли Тэмужин и Хасар материнским словам, прекословили: «Вчерашний день пичугу подстрелили мы, так Бэгтэр с Бэлгудэем также отобрали. И нынче тоже отняли улов. Но коль они такие, как жить нам вместе дальше?!»

И, вознегодовав, вышли они прочь и в сердцах громко хлопнули дверью. И подкрались Тэмужин и Хасар один сзади, другой спереди к Бэгтэру, когда тот на пригорке пас девять соловых коней. Узрев, что братья приложили стрелы к тетиве и уж готовы выстрелить в него, он возопил: «Покамест мы разора у тайчудов ждем, пока отмщением отмстить им не сумели, за что вы, братья, погубить меня решили; ресницею глазной, навек падучей, блевотиной, ртом извергающейся вон, зачем меня хотите обратить? Пока у нас нет друга, кроме нашей тени, как нет и плети, кроме конского хвоста, почто меня вы вознамерились убить? Прошу, не разоряйте мой очаг, не погубите брата Бэлгудэя!» С этими словами Бэгтэр сел, скрестив ноги, и смиренно ждал, что будет. И тогда Тэмужин и Хасар пустили в него свои стрелы, один спереди, другой сзади, и убили его*.

Когда Тэмужин и Хасар воротились, Огэлун ужин, воззрившись на них, все враз уразумела и вознегодовала:

«Братоубийцы вы, предатели,
Себе подобных пожиратели!
Как, Тэмужин, тебя я родила,
Не зря ж ладонь твоя в крови была!..
Вы — изверги!
О, как вы многозлобны,
Вы черной суке бешеной подобны.
Повадки ястребиные у вас.
Откуда ярость львиная взялась!
Зловредный мангас*, хищник, живоглот —
Сравненье вам обоим подойдет.
Детенышей кусать — вот нрав верблюжий,
Взбесившихся верблюдов вы похуже.
Вы — огари: они утят гоняют
И, силы потерявших, пожирают.
Волк беспощаден, если пищу ищет
Иль защищает логово-жилище.
А вы — вы к брату были беспощадны,
Как тигры хищны, люты, кровожадны.
Пока у нас нет друга, кроме нашей тени,

Как нет и плети, кроме конского хвоста,
Пока мы ждем разора недругов-тайчудов
И помышляем им отмщением отмстить,
Зачем вы, сыновья мои, такое сотворили?»

Долго бранила-вразумляла Огэлун ужин сыновей своих.

Старопрежние притчи им сказывала,
Словами предков сокровенными поучала.

Рассказ о пленении Тэмужина тайчудами и его вызволении семьей Сорхон шара

Немного спустя, замыслив недоброе против Огэлун и ее сыновей, Таргудай хирилтуг из племени Тайчуд сказал:

«Полиняла у ягненка шерсть.
Знать, подрос,
Раз слюни перестали течь».

И, сказав так, Таргудай хирилтуг со товарищи ополчился на Огэлун и сыновей ее. Убоявшись недругов тайчудских, Огэлун ужин вместе с сыновьями бежала в лес. Там Бэлгудэй возвел укрытие из дерев, что срублены им были. Хасар метал стрелы в наседавших ворогов. Тем временем меньшие — Хачигун, Тэмугэ и Тэмулун — отошли в горное ущелье.

И возопили тогда тайчуды: «Выдайте нам старшего брата вашего, Тэмужина*. Прочие нам вовсе не нужны!»

Услыхав речи тайчудские, братья понудили Тэмужина бежать в лес. Проведали о том тайчуды и пустились вослед.

И пробрался Тэмужин в дебри лесные, что на горе Тэргун ундур, а тайчуды не смогли пробиться, и отступили они в бор и выставили дозорных.

Три дня просидел Тэмужин в дебрях лесных, а на четвертый день замыслил возвернуться к родичам. И шел он по лесу, ведя за повод коня своего, как вдруг седло соскользнуло и упало наземь. Глянул Тэмужин: и седельная подпруга, и ремень нагрудный — все на месте, а седло таки упало. «Могла подпруга соскользнуть, ремню нагрудному не соскользнуть, однако. Никак знамение мне Небо посылает!» — воскликнул Тэмужин.

И остался он в чаще лесной, и просидел там еще три дня. И

снова хотел было выйти из лесу, но путь ему преградил белый валун величиной с юрту. «Неужто шлет знамение мне Небо снова», — молвил он и вдругорядь вернулся в чащу и просидел еще три дня.

Все девять дней просидел он в лесу без пищи и наконец решил: «Чем в чаще так бесславно сгинуть, уж лучше из лесу мне выбраться, пожалуй!» И пошел он из чащи лесной, ведя за повод коня, и обошел стороной лежавший на дороге белый валун величиной с юрту. А обходя тот валун, рубил он ножом, коим правят стрелы, деревья, стеной стоявшие на его пути. А как вышел Тэмужин из лесу, так и схватили его недруги-тайчуды.

Таргудай хирилтуг привел его в пределы тайчудские, и учинили над ним тайчуды расправу и понудили Тэмужина ходить у них в прислужниках, каждый день передавая его из одной семьи в другую.

На шестнадцатый день первого летнего месяца тайчуды сошлись на берегу реки Онон и пировали там до захода солнца. В ту пору к Тэмужину был приставлен один слабосильный отрок. Когда пировавший люд угомонился и разошелся по своим юртам, Тэмужин, улучив момент, ударил отрока по голове шейной колодкой, которой был обременен, и бросился бежать в рощу, что на берегу Онона; но, опасаясь быть замеченным в роще ононской, Тэмужин лег в заводи на спину; и лежал он в заводи с запрокинутой головой, а шейная колодка его была водою скрыта.

«Пленника упустил!» — возопил отрок, стерегший Тэмужина.

И сошлись снова разбредшиеся было по юртам тайчуды, и светлой, будто день, лунной ночью бродили они в ононской роще в поисках беглеца.

Сорхон шар из племени Сулдус набрел на то место, где в заводи лежал Тэмужин*. Узрев его, Сорхон шар молвил: «Ты трижды прав, что схоронился здесь. В глазах твоих огонь, ты ликом светел и мудр не по годам*. Вот почему тайчуды так тебя не любят. Будь здесь, мой Тэмужин, тебя не выдам я». С этими словами Сорхон шар удалился.

И сошлись тайчуды порешить, как дальше искать беглеца, и сказал им Сорхон шар: «Пусть каждый еще раз пойдет тропой, где только что прошел, да заново округу оглядит».

«Согласны», — молвили в ответ тайчуды, и каждый из них пошел обратно по уже пройденному однажды пути.

И приступил Сорхон шар к Тэмужину еще раз и молвил ему: «Тайчуды-братья хотят тебя найти во что бы то ни стало. Так жаждут твоей крови, аж наточили зубы. Будь стоек, Тэмужин, и с места не сходи». С этими словами Сорхон шар удалился.

Не нашли тайчуды Тэмужина и собрались вместе вдругорядь,

чтоб сговориться о разыскании его. И молвил тогда Сорхон шар: «Средь бела дня мы упустили человека; так разве среди ночи нам сыскать его?! Пусть каждый еще раз пройдет своей тропою, округу напоследок оглядит, тогда не грех и по домам нам разойтись. А поутру на поиски сойдемся снова — в колодке далеко он не уйдет».

Тайчуды согласились с ним, и каждый пошел своей тропой. И приступил Сорхон шар к Тэмужину в третий раз и молвил: «Тайчуды по домам решили разойтись, дабы назавтра на розыски пуститься снова. Тотчас, когда все разбредутся, ты к матери и братьям поспеши. Да только старика не выдай, коли столкнешься с кем-нибудь в пути!» С этими словами Сорхон шар удалился.

И когда тайчуды разбрелись, задумался Тэмужин, что делать дальше: «Когда принудили меня тайчуды-недруги служить им, из семьи в семью переходя, ведь только Сорхон шара сыновья — Чулун и брат его Чимбай* — явили милость мне, освободили на ночь от колодки. И нынче Сорхон шар меня не выдал. Быть может, эти люди выручат меня».

Так порешив, Тэмужин в поисках юрты Сорхон шара побрел к реке Онон. Из юрты Сорхон шара и днем и ночью доносился стук мутовки — здесь вечно пахтали кумыс. По стуку этому Тэмужин и разыскал его юрту.

Узрев Тэмужина, Сорхон шар молвил: «Почто ты здесь? Не говорил ли я, чтобы ты к матери и братьям поспешал?!»

Чулун и брат его Чимбай воспрекословили отцу, однако: «Пичуга малая, от ястреба спасаясь, спешит прибежище найти во глубине кустов. И милостиво куст дарует ей спасенье. Так что же ты, отец, такое говоришь, когда у нас приюта ищет человек!»

И освободили Тэмужина братья от шейной колодки и сожгли ее, а его самого схоронили в стоявшей за юртой телеге, нагруженной с верхом овечьей шерстью. И поручили его заботам младшей сестры своей по имени Хадан* и наказали строго-настрого ей не проговориться о Тэмужине ни одной живой душе.

На третий день розысков тайчуды заподозрили, что Тэмужина мог схоронить кто-то из своих, и порешили обыскать все айлы*. И пришли обыскивающие к Сорхон шару, и перерыли они все в юрте и во дворе и добрались до стоявшей за юртой телеги, нагруженной овечьей шерстью. И стали они стаскивать шерсть с края телеги и уже было добрались до ног Тэмужина, как вдруг Сорхон шар молвил: «В такое пекло разве человек способен усидеть в возу с овечьей шерстью?!» И согласились с ним обыскивавшие, и пошли прочь со двора его.

И после их ухода приступил Сорхон шар к Тэмужину и сказал ему: «Едва по ветру ты не пустил мой прах. И потому ступай

тотчас же к матери и братьям, не то и впрямь на нас беду накличешь!»

И отправил Сорхон шар Тэмужина восвояси, усадив на яловую саврасую кобылу, дав ему в дорогу жирной вареной ягнятины, бурдюк с кумысом, лук да две стрелы; седла же и огнива ему не дал.

И удалился Тэмужин от пределов тайчудских и добрался до возведенного в лесу братом его, Бэлгудэем, укрытия, и вверх по течению реки Онон поспешил по примятой траве вослед прошедшим здесь родичам. Так добрался он до речушки Химурга горхи, текущей с запада. И пошел он вверх по течению ее и повстречался с матерью, братьями и сестрой в урочище Хорчухой болдог у скалистого мыса Бэдэр. И, соединившись все вместе, они пошли и сели в местности, называемой Хар зурхний Хух нур, что на южном склоне горы Бурхан халдун у речушки Сэнгур горхи. Там они и жили, промышляя ловлей тарбаганов* и сусликов.

Сказ о том, как Борчу помог отыскать восемь соловых коней Тэмужина и стал его первым нукером

И вот однажды на их стойбище налетели конокрады и на глазах у всех угнали восемь соловых коней*, что паслись подле юрты. И не оказалось у Тэмужина и у его сродников под рукой коня, дабы вдогонку броситься за конокрадами. Как на грех, Бэлгудэй на буланом с коротким хвостом коне поехал поохотиться на тарбаганов. Солнце уже зашло, когда Бэлгудэй возвратился, ведя за повод своего буланого, едва передвигающего ноги под тяжестью нагруженных на него тарбаганов.

И сказали ему сродники, что конокрады умыкнули их соловых, и тотчас Бэлгудэй вызвался ехать в погоню. Но, прекословя брату, Хасар молвил: «Отбить коней не сможешь ты, в погоню я отправлюсь сам!»

И приступил тогда к братьям Тэмужин и сказал: «Коней отбить вам будет не под силу, братья. Я ж этих конокрадов догоню!»

С этими словами Тэмужин вскочил на буланого и поскакал по примятой траве вослед прошедшим здесь соловым жеребцам. Три дня ехал он по следу, а на четвертый день утром наехал на большой табун, и узрел при нем Тэмужин смуглолицего молодого табунщика, доившего кобылицу. И вопрошал он табунщика о восьми жеребцах своих соловых. И сказал молодой табунщик ему в ответ: «Сегодня рано утром, до восхода солнца, прогнали восемь лошадей здесь. Я след их укажу тебе, пожалуй».

С этими словами молодой табунщик пустил в табун буланого коня Тэмужина, а взамен дал ему серого жеребца. И прикрыл он подойник и бурдюк и оставил их прямо средь степи. И, не заглянув домой, вскочил он на саврасого жеребца и молвил: «Видать, изрядно ты измучился в степи. У всех мужей заботы схожи. Я верным нукером тебе отныне стану*. Отец мой прозывается Наху баяном; его единственный я сын, зовусь Борчу»*.

И пустились они вдвоем вдогонку за конокрадами и ехали так три дня по следам соловых коней. И на четвертый день под вечер, когда солнце уже катилось под гору к закату, наехали на курень*. И увидали они пасущихся подле него восемь соловых коней Тэмужина. И сказал Тэмужин: «Будь здесь, Борчу, мой верный нукер! Соловых, что у куреня пасутся, я мигом пригоню». И сказал Борчу ему в ответ: «Я нукером пошел с тобой сюда. К чему тогда мне хорониться здесь?!»

И наехали они на курень вдвоем и погнали обратно восемь соловых коней Тэмужина. Из куреня повыскакивали люди и в погоню бросились за ними. Когда один из преследователей, на белом коне с укрюком* в руке, уже было настиг их, Борчу вскричал: «Отдай мне лук и стрелы, нукер Тэмужин! Стрелою меткой я их остановлю».

И сказал ему Тэмужин в ответ: «Отстреливаться буду я. А ты, мой нукер, поостерегись: из-за меня тебе лишаться жизни, право же, не стоит!»

И пускал стрелу за стрелой Тэмужин в наседавшего сзади ворога. И поотстал тогда всадник на белом коне, и стал он знаки подавать скакавшим сзади соплеменникам, размахивая укрюком своим. Когда нукеры-соплеменники поравнялись с ним, солнце уже катилось под гору, смеркалось. И отстали они, не в силах настичь беглецов.

Как отбили лошадей Тэмужин и Борчу, проскакали они всю ночь напролет, а потом скакали еще три дня и три ночи. И когда приблизились они к юрте Борчу, Тэмужин сказал: «Без помощи твоей, Борчу, я разве бы вернул своих коней! Теперь тебе добром я отплачу. Скажи лишь, сколько взять коней желаешь?»

И сказал Борчу ему в ответ: «Не из корысти, лишь искренне помочь желая, с тобой поехал я. Единственный я сын Наху баяна. На жизнь мне хватит и отцовского добра. Нет, мне коней твоих не надо! Возьми я их — какая ж это помощь!»

Так подъехали они к юрте Наху баяна. А Наху баян уж который день оплакивал пропавшего сына. Как узрел Наху баян сына своего единственного, возрадовался радостью великою. И приступил он к сыну, то плача, то браня его; и вопрошал он

Борчу: «Сын мой, с тобою что произошло, отцу поведай».

И сказал ему Борчу в ответ: «Когда прознал я, что достойный нукер Тэмужин, ища своих коней, плутает, я тотчас вместе с ним на поиски пустился. А нынче воротился восвояси».

И с этими словами Борчу поскакал в степь и привез оставленные там бурдюк и подойник. И стали они снаряжать Тэмужина в обратный путь: зарезали на харчи ягненка, что покрупнее, приторочили к седлу бурдюк питья. И молвил Наху баян на прощанье: «Вы молоды, живите в дружбе вечной, друг друга не бросайте никогда!»

И отправился Тэмужин в обратный путь, и скакал он три дня и три ночи, а на четвертый день достиг родной юрты на речушке Сэ-нгур. Как увидали Тэмужина мать его Огэлун, брат Хасар и другие сродники, прошли их скорбь и печаль, возрадовались души.

Рассках о женитьбе Тэмужина на Бортэ

С тех пор, когда девятилетним отроком Тэмужин впервые увидал Бортэ, они больше не встречались. И вот поехал Тэмужин вместе с Бэлгудэем на реку Керулен, дабы разыскать суженую свою — Бортэ ужин*.

Дэй сэцэн вместе с прочими хонгирадами сидел меж урочищами Цэгцэр и Чихургу. Дэй сэцэн, узрев Тэмужина, возрадовался радостью великою и молвил: «Прознал я, будто братия тайчудская питает злую ненависть к тебе. Сие услышав, опечалился весьма я и по сей день был крайне удручен. О, как я рад с тобою новой встрече!»

И отдал Дэй сэцэн дочь свою Тэмужину, и, когда Тэмужин вместе с Бортэ ужин отправились в дорогу, он с женой своею поехал их проводить. И доехал Дэй сэцэн вместе с ними до местечка Ураг цул, что на Керулене, и воротился оттуда в свои пределы. Супруга его по имени Чотан проводила дочь Бортэ ужин до юрты семьи Тэмужина, что кочевала в урочище Хурэлху на речушке Сэ-нгур.

И послал Тэмужин брата Бэлгудэя проводить тещу Чотан до стойбища хонгирадов и призвать к нему Борчу. И выслушал Борчу Бэлгудэя и, слова не сказав отцу, набросил на плечи серую бурку, вскочил на горбатого буланого коня, и вскорости явились они вместе с Бэлгудэем к Тэмужину. Вот и весь сказ о том, как Борчу стал верным нукером Тэмужина*.

И откочевал Тэмужин от речушки Сэнгур, пришел и сел в местности Бурги эрэг, что в верховьях Керулена. И взял тогда он

черного соболя доху, подаренную ему тещею Чотан, и вместе с братьями Хасаром и Бэлгудэем отправился к хэрэйдского народа владыке Ван-хану*. Прежде предводитель племени Хэрэйд, Ван-хан был андой-побратимом их отца, Есухэй хана*.

«Анда отца мне равно что отец» — так думал Тэмужин, отправляясь в Черную рощу на берегу Толы, в ставку Ван-хана. И, прибыв к нему, Тэмужин сказал: «Вы, побратим отца, мне равно что отец. Я вам привез подарок тещи — доху соболью».

И молвил растроганный Ван-хан:

«Доху соболью мне поднес —
Ты так меня уважил!
А я верну тебе улус,
Чтоб ты в нем княжил.
Ты соболей мне не жалел —
Благодарю я.
Весь твой распавшийся удел
Вновь соберу я.
Для почек предназначен таз,
В глазнице разместится глаз, —
Не так ли говорят у нас?!»

Принесши дары, Тэмужин пошел и сел в местности Бурги эрэг.

И пришел к нему с горы Бурхан халдун старик урианхаец Жар-чудай, ведя с собою сына по имени Зэлмэ* и неся на плече раздувальные мехи. И, обратившись к Тэмужину, Жарчудай сказал: «Когда в Дэлун болдоге Тэмужин родился, я преподнес в подарок устланную соболями люльку. И сына своего, Зэлмэ, ему в нукеры пожелал отдать. Но был он мал, и я забрал его домой на время.

Пускай теперь
Мой сын Зэлмэ
Из табунов твоих коня седлает,
Дверь в ставку пред тобою отворяет».

Так старик Жарчудай отдал Тэмужину сына в нукеры.

История мести мэргэдов и пленения Бортэ

Однажды, когда они кочевали в местности Бурги эрэг, что в

верховьях Керулена*, чуть свет проснулась старуха Хоогчин, прислуживавшая в юрте матушки Огэлун. И, приступив к Огэлун, старуха Хоогчин молвила: «Вставай же, матушка, вставай! Мне конский топот ясно слышен, я чую, сотрясается земля. Никак идут на нас зловещие Тайчуды. Вставай же, матушка, вставай!»

И поднялась тотчас Огэлун и приказала разбудить детей немедля. И пробудились Тэмужин и другие дети ее и поймали пасшихся в степи коней своих. Тэмужин, матушка Огэлун, Хасар, Хачигун, Тэмугэ отчигин, Бэлгудэй, нукеры Тэмужина — Борчу и Зэлмэ оседлали каждый по коню. Дочь свою Тэмулун мать держала на руках. На заводную лошадь они навьючили свои пожитки. И только Бортэ ужин осталась без лошади.

Тэмужин с братьями и нукерами своими первыми вскочили на лошадей и двинулись в сторону Бурхан халдуна*.

И сказала старуха Хоогчин, обращаясь к Бортэ ужин: «Отсюда откочуем прочь!» И усадила она Бортэ ужин в крытый возок, запряженный пегим быком, и тронулись они вверх по речушке Тэнгэли горхи. В сумерках предрассветных наехали на них ратные люди. И приступили они к старухе Хоогчин и вопрошали ее: «Чья ты будешь?»

И сказала старуха Хоогчин им в ответ: «Я — подданная Тэмужина. В его кочевье приезжала стричь овец. Теперь в свое кочевье возвращаюсь».

И вопрошали ратные люди еще раз: «Далеко ли ставка Тэмужина? Дома ли хозяин твой иль нет?»

И отвечала им старуха Хоогчин: «Ставка Тэмужина недалече. Но неведомо мне, дома он иль нет. Я ночевала в юрте для прислуги».

И ускакали прочь ратные люди, а старуха Хоогчин принялась охаживать по бокам своего пегого быка, поторапливая его, как вдруг сломалась тележная ось. «Доберемся до леса пешком», — решила было старуха Хоогчин, но сзади их нагнали давешние ратники. Позади одного из них сидела мать Бэлгудэя; ноги ее беспомощно болтались.

«Что у тебя в возке?» — спросили ратники у Хоогчин. Та отвечала: «Овечья шерсть, и только».

И сказал предводитель тех ратников: «А ну, ребятки, слезайте с коней и учините обыск!»

И слезли ратники с коней, и открыли дверцу крытого возка, и увидали сидящую в нем госпожу. Вытащили они ее из возка и усадили вместе со старухой Хоогчин на одного коня, и поскакали ратники по примятой траве вослед Тэмужина и братьев его, и поднялись они на гору Бурхан халдун. Преследуя Тэмужина, ратные люди те три раза обошли Бурхан халдун, но так его и не

настигли. Хотели было в чащу лесную пробиться, да только туда, как говорится, сытой змее не проползти — дебри непролазные, болота непроходимые.

Те ратные люди, что ополчились на Тэмужина и на родичей его, были из трех родов мэргэдских*: Тогтога из племени Удуйд Мэргэд, Дайр усун из племени Увас Мэргэд и Хатай дармала из племени Хад Мэргэд. И съехались они вместе, чтоб отомстить за отнятую Есухэй-батором у сродника Их чилэду невесту Огэлун.

И молвили те мэргэды: «Пришли мы отомстить за отнятую у Чилэду невесту Огэлун. И отомстили мы, их женщин похватали!» И возвратились тогда они восвояси.

Тем временем Тэмужин отослал Бэлгудэя, Борчу и Зэлмэ вослед Мэргэдам со словами: «Три дня вослед за ворогом идите и все доподлинно узнайте: ушли ль Мэргэды восвояси или в горах в засаде затаились!» А сам Тэмужин сошел с горы Бурхан халдун и, ударив себя в грудь, молвил:

«Вот какой у Хоогчин
Чуткий слух —
С ней сравнится
Лишь один колонок!
Вот какой у Хоогчин
Зоркий глаз —
Ей соперник
Лишь один горностай!
Не она — так не успели бы мы
Ноги разом унести от врагов;
Не она — так не сумели бы мы
Замести свои следы без потерь.
Чуть заметную искали тропу.
По следам оленьим в горы мы шли;
Там укрылись наконец в шалаше,
Что сплели мы из ветвей ивняка.
От погони нас опасной спасла,
Приютила гора Бурхан халдун.
Чуть напал на нас
Чужеземный враг,
Как от ястреба,
Я метнулся прочь,
За сохатым вслед
Средь отвесных скал
До горы дошел,
До Бурхан халдун.
Веток, прутьев взял,

Сплел себе шалаш,
В нем укрылся я,
Вот и спасся так.
Вся в дремучих лесах,
Гора Бурхан халдун
Жизнь ничтожную мне
Милосердно спасла,
Невредимым оставила
Тело мое.
О хранитель-кумир,
Гора Бурхан халдун,
Месть жестоких врагов
Отвела ты от нас,
Ты для нас, для сирот,
Покровительница.
Что ни утро —
Тебя молоком окропим,
Каждодневную жертву
Тебе принесем;
Детям, внукам велим
Поклоняться тебе,
В поколениях станем
Тебя почитать».

И, вознеся с благоговением такую молитву*, Тэмужин увенчал себя поясом, словно четками, поддел на руку шапку и, оборотясь к солнцу и окропляя молоком землю, трижды по три раза поклонился горе Бурхан халдун.

Рассказ об избиении мэргэдов

И отправился оттуда Тэмужин вместе с братьями Хасаром и Бэлгудэем к хэрэйдскому Торил Ван-хану, сидевшему в Черной роще, что на реке Толе, и, приступив к нему, сказал:

«Три рода мэргэдских ополчились вдруг на нас, мою жену, Бортэ, полонили. О хан-отец, тебя приехал я просить: спаси ее и вызволи из плена!»

И отвечал на это Торил Ван-хан: «Когда ты, Тэмужин, привез в подарок мне доху соболью и говорил, что побратим отца тобою почитаем как отец, я разве не сказал тебе, что впредь ты у меня всегда найдешь защиту?

Ты соболей мне не жалел —

Благодарю я.
Весь твой распавшийся удел
Вновь соберу я.
Доху соболью мне поднес —
Ты так меня уважил!
А я верну тебе улус,
Чтоб ты в нем княжил.
Для почек предназначен таз,
В глазнице поместится глаз, —
Не так ли говорят у нас?
Вот что сказал тебе я в прошлый раз.
Пора мне дружбу доказать
И слово данное сдержать.
Мэргэдов племя укрощу
И Бортэ хатан возвращу.
Тебя я возблагодарю
И дар твой щедрый отдарю;
Мэргэдов живо разобью
Всей нашей силой ратной.
И Бортэ хатан отобью,
Плененную жену твою
Я привезу обратно.

Тотчас же Жамуху ты извести*. Теперь сидит он в Хорхонаг жубуре. С двумя тумэнами* своих мужей пусть наступает с левого крыла. К нему навстречу я с двумя тумэнами пойду, и буду в нашей рати правым я крылом. А место встречи пусть назначит он».

Покинув Торил-хана, Тэмужин, Хасар и Бэлгудэй вернулись восвояси. И отослал Тэмужин братьев своих Хасара и Бэлгудэя гонцами к Жамухе, и наказал сказать следующее:

«Явились ненавистные мэргэды —
И нет от бедствий у меня защиты:
Враги мне учинили разоренье.
Родные, к вам я обращаю взоры.
Вы стали мне поддержкой и опорой,
Неотвратимым будет ваше мщенье.
Сородичи!
Душа моя в смятенье.
К суровому
Вас призываю мщенью».

И еще известил Тэмужин Жамуху о словах хэрэйдского Торил-хана, к нему обращенных: «С Есухэем нашу дружбу памятуя, его сыну, Тэмужину, помогу. Жамуха с двумя тумэнами своими пусть же наступает с левого крыла. Я к нему с двумя тумэнами приду, буду в нашей рати правым я крылом. Место ж, где в одну мы рать соединимся, пусть назначит он!»

Выслушав все до конца, Жамуха молвил:

«Услышал я,
На анду Тэмужина
Невзгоды пали,
Рушится беда —
И ощущаю
Скорбь в груди, кручину,
Каких не испытал я никогда.
Мэргэдам за разбой
Я отомщу,
Супругу Тэмужина
Возвращу.
Врагам разгром устрою
В одночасье,
Вернется Бортэ хатан
Восвояси.
Мэргэдский Тогтога
Услышал звон стремян,
А кажется ему:
Бьет вражий барабан…
Бросается он, не жалея ног,
От звона и от страха наутек.
Куда же улепетывает малый? —
В долину Буур хэр* бежит, пожалуй.
У родича его,
Что Дайр усун зовется,
Чуть скрипнет где колчан —
От страха сердце бьется.
Что Тогтога, что он —
Одни у них повадки:
Вообразят войну —
И тягу без оглядки.
Где скрылся Дайр усун?
На острове Талхун
Он ищет от опасностей защиты,
В местах, где Селенга с Орхоном слиты.
Хатай дармала —

Он их храбрее, что ли?
Чуть ветер погонит перекати-поле,
А трусу уж вражьи мерещатся цепи,
И в лес он бежит
Иль в Харажийские степи.
Говорят, на реке Хил го
Густо-густо камыш растет.
Говорят, из того камыша
Можно сделать отличный плот.
Так давайте мы там наляжем,
Много-много плотов навяжем,
Переправимся через Хилго
И щадить не станем врагов:
Разорим мэргэдские станы —
Трепещи, Тогтога поганый.
Схватим женщин, возьмем, что сможем,
А потомство их — уничтожим.
Все святыни их мы растопчем,
Всех кумиров их в прах обратим,
Весь улус их обширный
Повоюем, опустошим».

И отослал Жамуха гонцов Тэмужина обратно и наказал передать побратиму своему и Торил-хану такие слова:

«Я знамена окропил — жертву им я принес*,
В гулкий бить приказал и тугой барабан,
Что обтянут кожей черного быка.
Я защитную кольчугу надел
И стальное копье в руку взял,
Каждый воин мой — верхом на коне,
К тетиве уже стрелу приложил —
Смерть несут наконечники стрел.
Вместе с войском выступаю в поход,
В бой с мэргэдами готов я вступить.
Я знамена окропил, их видать и вдали;
Приказал бить и бить в громовой барабан —
Черной кожею вола обтянут он.
Вот защитная кольчуга на мне,
Острый меч над головой я воздел.
Быстроногих оседлали скакунов,
Луки, стрелы взяли воины мои.
С храбрым войском выступаю я в поход,
Чтоб с мэргэдами в жестокий бой вступить,

Чтоб трусливых, бестолковых одолеть.

Так пусть же Торил-хан тотчас же выступает и, следуя по склону южному Бурхан халдуна, заедет по пути за андой Тэмужином и вместе с ним прибудет в Ботохан боржи, там, где исток Онона. Я выступаю с туманом своих мужей вверх по Онону; второй же тумэн соберу в пути из подданных анды Тэмужина. И да соединим мы силы наши в Ботохан боржи».

Выслушав из уст Хасара и Бэлгудэя слова Жамухи, Тэмужин тотчас же известил об этом Торил-хана. И выступил немедля Торил-хан с двумя тумэнами мужей своих, и следовал он по южному склону Бурхан халдуна в направлении Бурги эрэг, что на реке Керулен.

И как прознал об этом Тэмужин, выступил он от Бурги эрэга прямо вверх по речушке Тунхэлиг, что течет вдоль южного склона Бурхан халдуна, пришел и стал станом у речушки Тана горхи. Когда же Торил-хан с тумэном мужей своих и младший брат его Жаха гамбу с другим тумэном пришли и стали станом в местности Айл харгана, что на речушке Химурга, Тэмужин и мужи его пошли и соединились с ними. И, соединившись, пришли Тэмужин, Торил-хан и Жаха гамбу в Ботохан боржи, что в верховьях Онона, а Жамуха тем временем сидел уж там, их ожидаючи, три дня. И узрел Жамуха ратников Тэмужина, Торил-хана и Жаха гамбу и выстроил в боевой порядок два тумэна воинов своих. Тэмужин, Торил-хан и Жаха гамбу также приготовили было войско свое к бою, но, сблизившись, враз распознали друг друга. И молвил тогда Жамуха:

«Не сговорились разве по-монгольски,
Не дали слово разве мы друг другу,
Что без задержки придем в условленное место,
Какой бы ливень ни обрушился на нас,
Что на хурал* сойдемся без заминки,
Какой бы дождь ни хлынул вдруг с небес?!
И разве не уговорились мы однажды:
Изгоним тех из нас, кто, давши слово
В срок явиться, опоздает?!»

И ответил ему на это Торил-хан: «В пути мы задержались на три дня и в срок условленный явиться не сумели, и потому, брат младший Жамуха*, ты волен нас судить за это!»

На этом и покончили они речи обоюдные о том, что не явились в срок в условленное место с мужами своими Тэмужин,

Торил-хан и брат его Жаха гамбу.

И выступили они все вместе из Ботохан боржи и достигли реки Хилго. И переправились они через реку на плотах, кои повязали тут же. И пришли они в пределы мэргэдские и обрушились на людей Тогтога бэхи, что сидели в местности Буур хэр.

И порушили их кумиров,
Похватали жен и детей мэргэдских.
И обложили со всех сторон народ мэргэдский,
И попрали ногами святыни их,
И опустошили кров их.

Самого Тогтога бэхи едва не застали врасплох и спящим не захватили. На его счастье, подданные его — рыбаки и охотники на соболей и дзейренов, что сидели на берегу реки Хилго, известили его в ту же ночь о приближении врага. Получив такое известие, Тогтога бэхи вместе с Дайр усуном и немногочисленными нукерами своими бежал вниз по реке Селенге в пределы баргузинские. И преследовали мужи наши бежавших той ночью вниз по реке Селенге мэргэдов и разор им чинили великий.

А Тэмужин скакал тут же, разыскивая средь бегущих мэргэдов супругу свою. «Бортэ, Бортэ!» — кричал он, зовя ее. И узнала голос Тэмужина супруга его Бортэ ужин; вместе со старухой Хоогчин соскочили они с возка и бросились к нему и ухватились за поводья коня его. И признал он при свете светила ночного супругу свою Бортэ ужин и заключил ее в объятия свои. И тотчас отослал он человека к Торил-хану и Жамухе со словами: «Я отыскал того, кого искал. Давайте же погоню прекратим и этой ночью здесь переночуем».

И беженцы мэргэдские заночевали той ночью там, где их застигла темень. Вот и весь сказ о том, как Бортэ ужин была вызволена из плена мэргэдского и вновь соединилась с Тэмужином.

А помнится, началось все с того, что в то злополучное утро Тогтога бэхи из племени Удуйд Мэргэд, Дайр усун из племени Увас Мэргэд и Хатай дармала из племени Хад Мэргэд с тремястами ратниками своими ополчились на Тэмужина и родичей его, возжаждав отомстить за отнятую Есухэй-батором у младшего брата Тогтога бэхи — Их чилэду — невесту Огэлун. Преследуя Тэмужина, вороги мэргэдские трижды обошли Бурхан халдун, но так его и не настигли. Зато они схватили Бортэ

ужин и отдали ее в наложницы младшему брату Их чилэду —

Чилэгэр буху. Так и жила она в юрте Чилэгэр буха до своего вызволения.

Во страхе спасаясь бегством, воскликнул тогда Чилэгэр бух покаянно:

«Положено черной вороне
Объедки клевать да падаль,
Так нет же: она предерзко
На белого гуся напала…
И я вот, Чилэгэр жалкий,
Забывший, кем был я раньше,
Посмел дотронуться, дурень,
До высокородной ханши.
Большую беду я накликал
На все мэргэдское племя,
Средь ночи бежать я должен,
Не скроет меня и темень.
В скалистых спрячусь ущельях —
Трястись мне теперь да скрываться,
Чтоб с глупой своей головою
По-глупому не расстаться.
Положено птице-степнячке
Мышей поедать полевок,
Так нет же: ее привлекает
Краса лебединых головок.
И я вот, Чилэгэр грязный,
Я, дурень, увы, природный,
Пытался, невежа, подняться
До ханши высокородной.
Ничтожным своим дерзновеньем
Мэргэдам принес разоренье.
Какое ж дерьмо я, однако,
И жизнь моя тоже ничтожна…
Нет, некуда ныне податься,
Спастись мне никак невозможно.
В какой бы укрыться мне щели,
В какое забиться ущелье?»
И схвачен был тогда же Хатай дармала,
И надели на него шейную колодку
И понудили идти на гору Бурхан халдун.

Прослышал Бэлгудэй, что мать его неподалеку в мэргэдском айле в услужении томится. И пришел он в этот айл и прошел в юрту на правую ее половину. Тем временем мать его в ветхом

овчинном дэле поспешила выйти незамеченной с восточной половины. И горестно молвила она стоявшим снаружи людям:

«Любимые дети-то
Ханами нынче зовутся,
Моя же недоля —
До смерти служанкою гнуться…
Взглянуть мне не больно приятно
В лицо сыновьям моим знатным».

И с этими словами побрела она в рощу, и сколько ни искали ее, так и не смогли найти*.

И с этого самого времени Бэлгудэй ноён пребывал во гневе: только завидит человека из племени Мэргэд, тотчас погубит его стрелою меткой и притом приговаривает: «Несчастный, вороти мне мать!»

Триста ратников мэргэдских,
Что пошли на Тэмужина
У горы Бурхан халдун,
Повоеваны, побиты,
В прах развеяны роды их —
Все, кто стар, и все, кто юн.
Тех, кто жив тогда остался,
Обратили в слуг покорных —
И детей, и женщин — всех.
Самых статных, самых стройных,
Молодых мэргэдок знойных
Разобрали для утех.

И молвил тогда Тэмужин благодарственное слово Торил-хану и Жамухе:

«Отец любезный Торил-хан
И Жамуха, мой верный побратим,
Вы мощь свою соединили;
С благословения Небес,
Под покровительством Земли
Мэргэдов-недругов разбили;
Их племя разорив, поправ,
Богатую добычу взяв,
Жилища их опустошили».

Так, повоевав люд мэргэдский, учинив ему разор, возвратились они восвояси*.

После бегства удуйд мэргидов наши ратники подобрали в их кочевье отставшего от своих пятилетнего отрока по имени Хучу. Был он в шапке собольей, в гутулах* из оленьей шкуры и дэле, пошитом из соболиных шкурок. У отрока в глазах сверкал огонь, и ликом был он светел. И взяли ратники отрока этого с собой и отдали его на воспитание матушке Огэлун*.

Так Тэмужин, Торил-хан и Жамуха, втроем соединясь,

Порушили мэргэдские жилища,
Пополонили их красивых женщин,
Повоевали старого врага;
Покинули потом места лесные,
Где сходятся Орхон и Селенга.

Тэмужин и Жамуха отошли от Талхун арала и двинулись в направлении Хорхонаг жубура. Торил-хан же пошел по северному склону Бурхан халдуна, прошел через Ухуртскую рощу, через урочища Гацурт субчид и Улиастай субчид, охотясь по пути на зверя, и воротился так в Черную рощу, что на реке Тола.

Сказ о том, как Тэмужин и Жамуха дважды скрепили свое побратимство

Тэмужин и Жамуха пришли и сели вместе в Хорхонагской долине. И вспомнили они, как андами-побратимами стали, и уговорились впредь крепить дружество меж собою.

А подружились они давно — тогда Тэмужину было одиннадцать лет. Подарил тогда Жамуха Тэмужину альчик, сделанный из лодыжки косули, а Тэмужин ему — литой альчик. И играли они вдвоем в кости на льду реки Онон и стали называть друг друга андами-побратимами.

А на следующий год весной забавлялись они стрельбой из лука-алангира*. И подарил тогда Жамуха Тэмужину свистящую в полете стрелу, склеенную из рогов годовалого теленка с проделанными в них отверстиями, а Тэмужин отдарил его стрелой с наконечником, вырезанным из можжевельника. Вот и весь сказ о том, как Тэмужин и Жамуха дважды скрепили побратимство свое.

И вспомнили они слова прародителей своих:

«Коли люди сошлись,

Коль они — побратимы,
Друг о друге заботы
Им необходимы.
Коли служат друг другу
Опорой надежной,
То и дружбу их
Люди зовут непреложной».

И поклялись они снова в дружбе вечной, и жаловали побратимы дары друг другу. Тэмужин опоясал Жамуху златым поясом из доспехов Тогтога бэхи мэргэдского и даровал еще анде буланого жеребца ворога их Тогтога. А Жамуха опоясал Тэмужина златым поясом из доспехов Увас мэргэдского Дайр усуна и еще пожаловал анде любимого белого рысака ворога их Дайр усуна. И когда поклялись они вновь в дружестве своем,

У подножья горы Хулгар хун
В Хорхонаг жубурской долине
Под раскидистым деревом праздник
Устроили побратимы.
Были пляски, веселое пенье…
Души их обрели единенье.
И еще они больше сдружились,
В ночь — одним одеялом укрылись.

И прожили Тэмужин и Жамуха бок о бок в дружбе и согласии год и половину другого*, и сговорились они однажды удалиться от тех мест. И тронулись они в путь в шестнадцатый день первого летнего месяца — в день полнолуния. И ехали они вдвоем впереди всего обоза, и сказал тогда Жамуха Тэмужину:

«Пусть наши табунщики
Осядут в предгорье,
Пасут табуны.
Согласен ли ты?
А пастухи
Станут стойбищем в долине реки,
Пасут на приволье овец.
Что скажешь в ответ?»

Но не уразумел Тэмужин слов Жамухи и не ответил анде ничего*. И поотстал Тэмужин от Жамухи и, дождавшись середины

обоза, приступил к матушке Огэлун и молвил:

«Анда Жамуха мне сказал:
«Пусть наши табунщики
Осядут в предгорье,
Пасут табуны.
Согласен ли ты?
А пастухи
Станут стойбищем в долине реки,
Пасут на приволье овец.
Что скажешь в ответ?»

Не уразумел я этих слов и не ответил анде ничего. К тебе пришел вот за советом».

Не успела матушка Огэлун и слово молвить, как Бортэ ужин воскликнула: «Об анде Жамухе говаривали люди: все очень скоро приедается ему. Теперь, видать, пришел и наш черед: мы опостылели ему, пожалуй. И давеча он намекал тебе об этом, не иначе. Раз так, не будем останавливаться здесь, ночь проведем в пути, от анды Жамухи подальше откочуем».

И согласились все с ее словами и, не оставшись с Жамухой, ночь провели в пути. А путь их шел через тайчудские кочевья. И убоялись недруги-тайчуды Тэмужина и в ту же ночь откочевали к Жамухе. Наши ратники подобрали в кочевье близкого тайчудам племени Бэсуд отставшего от своих малого отрока по имени Хухучу и отдали его на воспитание матушке Огэлун.

Рассказ о возведении Тэмужина на ханский престол

Всю ночь провели они в пути, а утром, когда рассвело, узрели многих пришедших к ним людей других племен*. Следуя за Тэмужином всю ночь, пришли три брата из племени Жалайр* — Хачигун тохурун, Харахай тохурун и Харалдай тохурун с подданными своими. Из племени таргуд пришел Хадан далдурхан* с пятью братьями и всеми их людьми. Сын Мунгэту хиана Унгур привел с собой своих подданных — людей из родов Чаншигуд и Баягуд*. Пришли братья Хубилай* и Хутус из племени Барулас. Пришли братья Жэтэй и Доголху чэрби* из племени Мангуд. Выделяясь из племени Арулад, пришел и присоединился к Борчу его сородич— Угэлэ чэрби. Выделяясь из племени Урианхай, пришли и воссоединились с Зэлмэ его младшие братья— Чахурхан и Субэ-гэдэй-батор*. Из племени Бэсуд пришли братья Дэгэй и Хучугэр. Из племени Сулдус

пришли братья Чилгудэй, Тахи и Тайчудай.

Сэцэ домог из племени Жалайр пришел вместе со своими сыновьями Архай хасаром и Бала. Из племени Хонхотан пришел Суйхэту чэрби. Из сухэхэнцев пришли Жэгэй и сын Хонтахора — Сухэхэй жэгун. И пришли еще Цаган-Ува из племени Нэгудэй, Хингияадай из племени Олхунуд, Сэчигур из племени Горлос, Мучи-будун из племени Дурбэн. Из ихирэсов пришел Буту, который намеревался здесь стать зятем. И пришли еще Жунсо из племени Ноёхон, Зурган из племени Оронар, Суху сэцэн с сыном Харачаром из племени Барулас. И пришел старик Хорчи усун из племени Барин, и привел он за собой Хухучоса и Мэнэн Барина; их люди составили один курень.

И, приступив к Тэмужину; Хорчи молвил: «От женщины одной мы с Жамухою родословную ведем; той самой женщины, которая беременной святому Бодончару повстречалась и в дом его была женою введена.

Из чрева одного мы вышли,
И родственные чувства крепко связывали нас.

А коли так, никак нельзя мне было от Жамухи уйти и отделиться. Но было мне Небесное виденье: как будто красная корова к нам прибилась, и ходит та корова кругом Жамухи; его бодает, юрту на телеге норовит снести; да ненароком рог себе сломала.

«Отдай мой рог!» — мычала однорогая корова, и в Жамуху из-под ее копыт земля летела. Вдруг вижу: впряжен комолый рыжеватый вол в телегу с главной юртою на ней; тот вол дорогой проторенной идет за Тэмужином вслед, мычит; и вот что я в мычанье том услышал:

«Отец наш Небо и мать Земля сговорились
И порешили: быть Тэмужину главой государства».

Такое было мне Небесное видение*. Я истинно сейчас вам это говорю. Скажи мне, Тэмужин, коль станешь ты владыкою державы, меня чем осчастливишь ты за это предвещание мое?»

И сказал Тэмужин ему в ответ: «Коль я и впрямь владыкою державы стану, тебя ноёном-темником* поставлю!»

Но Хорчи возражал Тэмужину: «Да разве этим осчастливишь ты меня, предвестника твоих великих государевых деяний?! Поставь ноёном-темником меня, а сверх того дай волю выбрать тридцать дев прекрасных и всех их взять в наложницы себе. И,

наконец, пообещай мне слушать со вниманьем все, что ни изреку я впредь!» Так старец Хорчи Тэмужину молвил.

И еще пришли к Тэмужину Хунан и прочие люди из племени Гэнигэс и куренем единым сели. Пришел Даридай отчигин*; он и люди его одним куренем сели. Пришел Мулхалху из племени Жадаран. Унжин из племени сахайт пришел и стал куренем одним.

Удалившись от Жамухи, Тэмужин пошел и сел в местности Айл харгана, что на речушке Химурга горхи. В ту пору за ним последовали многие, кои отделились от Жамухи: одним куренем — Сача бэхи и Тайчу, сыновья Сорхату журхи из племени Журхи*; одним куренем — Хучар бэхи, сын Нэхун тайши*; одним куренем — Алтан отчигин, сын Хутула-хана*.

И откочевали тогда Тэмужин и люди, последовавшие за ним, от Айл харгана, пошли и сели в местности Хар зурхний Хух нур, что на речушке Сэнгур горхи.

Алтан, Хучар и Сача бэхи, сговорившись, приступили к Тэмужину и молвили:

«На ханский престол возведем мы тебя* и,
Как с врагами пойдем воевать,
Будем мы впереди скакать,
Юных дев и красивых жен
Станем мы забирать в полон.
Ставки вражеские захватим,
Все имущество заберем,
Пред тобой,
Тэмужин, разложим.
Хан, тебе его поднесем.
Войною
Мы пойдем на чужаков
И полоним их жен.
А рысаков
К тебе в табун пригоним —
Отличные у иноземцев кони!
Мы будем быстрых антилоп стеречь,
Хан Тэмужин державный,
Чтобы тебя на славу поразвлечь
Охотою облавной.
Ко времени твоей охоты ханской
На антилоп лесных
Их выследим мы и как можно ближе
К тебе подгоним их.
Степных джейранов

В стадо соберем,
Чтобы держались
Тесным табуном.
Так утесним их,
Чтоб они, бедняжки,
Толкались, терлись
Ляжками об ляжки.
А если кто
В час жаркого сраженья
Не выполнит
Твое распоряженье,
Примерным
Наказаньем проучи:
С имуществом,
С женою разлучи.
Карающий
Пусть будет волен меч
И голову повинную
Отсечь.
В дни мира
Если кто-нибудь из нас
Не выполнит
Разумный твой указ,
Да будет он
Всех подданных лишен —
Аратов-смердов,
И детей, и жен;
Ослушника
В пустыню прогони —
Пусть там влачит
Безрадостные дни».

И, молвив клятвенные эти речи, нарекли они Тэмужина Чингисханом и поставили ханом над собой*.

Взойдя на ханский престол, Чингисхан повелел младшему сородичу Борчу — Угэлэ чэрби, а также Хачигун тохуруну и братьям Жэтэю и Доголху чэрби носить колчаны его*. А так как Унгур,

Суйхэту чэрби и Хадан далдурхан молвили, что «С едою по утрам — не запоздают, / С дневной едою — нет, не оплошают», — поставлены они были кравчими.

Дэгэй же сказал:

«Отары твоих разномастных овец

Я стану пасти лишь по северным склонам.
Так будет ухожен, умножен твой скот,
Что шириться станут хашаны-загоны!
Я каждое утро — не зря говорю! —
Барашка зарежу тебе и сварю.
За это уж ты, Тэмужин, не жалей
Рубца для утробы моей ненасытной,
Да разве прибавишь от ханских щедрот
Когда-никогда хошного* аппетитный».

И потому поставлен был он пасти стадо Чингисхана. И сказал младший брат Дэгэя Хучугэр:

«Постараюсь, чтоб в спешке
Менять никогда не пришлось
Ни тяжей и ни чек,
Что скрепляют оглобли и ось
На повозке твоей.
Обещаю, что целыми будут постромки,
Что не будет в дороге досадной поломки
У телеги твоей.
Буду мастером я тележным,
Исполнительным и прилежным».

И был поставлен он тележником при ставке Чингисхана.

Все домочадцы — жены, дети, а также ханская прислуга — Додаю чэрби подчинялись.

И, назначив Хубилая, Чилгудэя и Харахай тохуруна меченосцами под водительством Хасара*, Чингисхан молвил:

«Тому, кто на нас нападать посмеет,
Живо снимайте головы с шеи.
А этот надменен и чем-то кичится? —
Руби не по шее — руби по ключице!»

Бэлгудэю и Харалдай тохуруну велено было:

«Табунщиками стать,
Пасти отобранных для войска
Меринов табун».

Тайчудов — Хуту, Моричи и Мулхалху — назначил Чингисхан конюшими при прочих табунах.

Чингисхан повелел Архай хасару, Тахаю, Сухэхэю, Чахурхану:

«Знать все, что деется в родных пределах,
Гонцами быть в сношеньях запредельных».

И приступил к Чингисхану Субэгэдэй-батор и клятвенно пообещал:

«Как полевая мышь, заботлив,
Все сохраню, чем ты владеешь;
Как ворон, от чужого глаза
Твою добычу сберегу.
Я войлочной попоной стану,
Твоим щитом, твоей накидкой,
Решеткой в юрте стану частой,
Что преграждает вход врагу».

И сказал Чингисхан, обратясь к нукерам Борчу и Зэлмэ:

«Кроме собственной тени моей,
Не было у меня друзей —
Вы стали моими друзьями.
Кроме кобылы моей хвоста,
Не было у меня хлыста —
Вы стали моими хлыстами.
Печаль мою вы развеяли,
Душу мою успокоили —
Доверье царит между нами.
Вы стали первыми нукерами моими,
И да поставлены вы будете над всеми!»

И всем, кто отделился от Жамухи и последовал за ним, Чингисхан сказал: «Милостью Неба, под покровительством Земли живущие, благословенны будете вы, первые мои нукеры. Вы отошли от анды Жамухи; желая дружество крепить, душою искреннею вы ко мне стремились. Вы более других должны быть у меня в почете».

И потому-то каждому из них определил он ханской властью службу*.

И послали Тахая и Сухэхэя к Торил-хану хэрэйдскому с

вестью о том, что возвели Чингисхана на ханский престол.

В ответ заповедал им Торил-хан, говоря: «Зело справедливо, что Тэмужина, сына моего, над всеми ханом вы поставили теперь. Как можно вам, монголам, жить без хана!

От правил этих впредь не отступайте,
Решениям своим не изменяйте.
Главой поставленному хану
Верность сохраняйте!»

Так заповедал хан всех хэрэйдов Торил-хан.

Рассказ о ратоборстве Чингисхана с Жамухой

С той же вестью послали Архай хасара и Чахурхана гонцами к Жамухе. И молвил им в ответ Жамуха:

«Ступайте вы к Алтану и Хучару и им скажите так:
Почто вы, вклинясь между нами,
Под ребра больно укололи одного,
Другому в бок шипы свои вонзили
И разлучили-таки нас с андою Тэмужином?

Не возвели вы в ханы Тэмужина, когда мы были с андой неразлучны. Что ж умышляли, возведя теперь? Так будьте ж верны клятвенным речам, что вы, Алтан и Хучар, молвили однажды. Оберегайте Тэмужина от забот и бед и станьте добрыми нукерами ему!»

Спустя немного младший брат Жамухи Тайчар, сидевший в местности, именуемой Ульгий булаг, что на южном склоне горы Жалама, вознамерился угнать табун у нашего Жочи дармалы, сидевшего в местности Саарь хээр. И учинил Тайчар таковой разбой и погнал табун Жочи дармалы.

И, уразумев, что ограблен, один отправился Жочи дармала в погоню за разбойником, ибо нукеры его убоялись недругов жадаранских. И нагнал он в ночи свой табун и, припав всем телом к гриве коня своего, насел он на Тайчара и сразил его наповал стрелою меткой, а табун свой поворотил назад.

По прошествии немногих дней Мулхэ тотаг и Боролдай из племени Ихирэс прибыли к Чингисхану в урочище Хурэлху и донесли*: «Твой анда, Жамуха, отмщения за брата убиенного, Тайчара, жаждя, собрал три тумэна мужей тринадцати тебе

враждебных кланов и во главе их встал; и на тебя, Чингисхан, ополчась*, чрез горы Алагугуд и Турхагуд перевалил он и скоро явится в твои пределы».

И, получив известие сие, собрал Тэмужин из тринадцати куреней своих три тумэна воинов и выступил навстречу Жамухе*. И сразились они в местности, именуемой Далан балжуд*. Теснимые мужами Жамухи, Чингисхан и ратники его отступили в ущелье Жэрэнэ, что находится близ реки Онон.

И молвил Жамуха, победой возгордясь: «Мы все-таки загнали их в Жэрэнское ущелье». И тогда по велению его заживо были сварены* в семидесяти котлах юноши из племени Чинос и был казнен Цаган-Ува из племени Нэгудэй, голову которого, привязав к конскому хвосту, Жамуха волок аж до пределов жадаранских.

Сказ о происшествии на пиру в Ононской дубраве

По возвращении Жамухи из похода от него отделились и пришли к Чингисхану, ища у владыки покровительства, Уругуды под водительством Журчидэя и Мангуды во главе с Хуйлдаром*. Отец Мунлиг* из племени Хонхотадай, доселе следовавший за Жаму-хой, вместе с семью сыновьями своими отделился от него и пристал к Чингисхану.

Возрадовавшись радостью великою оттого, что столько народа удалилось от Жамухи и пришло под его покровительство, Чингисхан вместе с матерью своей Огэлун ужин, братом Хасаром, журхинцами Сача бэхи и Тайчу и всеми прочими сошлись в дубраве на берегу Онона и пировали*.

И наполнил виночерпий Шихигур в первую голову чаши Чингисхана, Огэлун ужин, Хасара и Сача бэхи. Засим наполнил чашу молодой жены Сача бэхи — Эбэхэй. Вознегодовали тогда старшие жены его — Хорижин хатан и Хурчин хатан*: «Почто не с нас ты начинаешь, виночерпий, почто наполнил первой чашу Эбэхэй?»

И, приговаривая так, били они Шихигура беспощадно. И заголосил побитый Шихигур: «Не оттого ли я при всех сношу побои, что опочил Есухэй-батор и нету уж Нэхун тайши?!»*

С нашей стороны распорядителем на пиру том был Бэлгудэй, и стоял он при коне Чингисхана. От журхинцев распорядителем на пиру был Бури бух*.

Какой-то хатагидаец выкрал с коновязи повод, но тут же нашими был схвачен. Бури бух вступился за хатагидайца, и препирались они из-за того с Бэлгудэем. Бэлгудэй, вечно с кем-нибудь меривший силой в борьбе, обычно ходил, вытащив

правую руку из рукава дэла и обнажив плечо. Бури бух изловчился и рассек мечом обнаженное плечо Бэлгудэя. Пораненный и истекающий кровью Бэлгудэй как ни в чем не бывало хотел было уйти прочь, но узрел все это Чингисхан, пировавший в тени деревь. И, приступив к Бэлгудэю, молвил Чингисхан: «Мне укажи того мерзавца, который руку на тебя поднял!»

И ответил ему на это Бэлгудэй: «Ты успокойся, брат! Не стоит ссориться нам, братьям, из-за малости такой. И рана эта мои силы не подточит. Молю лишь, братья, меж собой из-за меня не перессорьтесь. Да не порушьте скрепленное меж нами дружество вы вновь!»

Но не внял словам Бэлгудэя Чингисхан*, и похватали наши и журхинцы дубины да кумысные мутовки* и поколотили друг друга изрядно. И все же одолели наши журхицев и полонили ханш их вздорных — Хорижин хатан и Хурчин хатан. А когда журхинцы запросили мира и во дружестве поклялись, наши не упирались и воротили им двух ханш — Хорижин хатан и Хурчин хатан.

История отмщения ворогам-татарам

Тем временем Алтан-хан хятанский на татарского Мэгужин сульта ополчился, ибо тот не желал жить в мире и согласии с ним. И передал Алтан-хан рать свою под водительство Вангин чинсана и приказал немедля выступать против татар. И получил Чингисхан известие о том, что Вангин чинсан сразился с татарами Мэгужин сульта и обратил их в бегство и что преследуемые ратью Вангин чинсана бегут татары, уводя с собой свои стада в направлении местности Улз.

И молвил Чингисхан, сие узнав:
«Воистину глаголю, несть числа
Принявшим смерть от ворогов татарских
Предкам нашим.
И потому в их убиении
Мы соучаствовать должны».

И отослал Чингисхан гонца к Торил-хану со словами: «Мне донесли: Вангин чинсан, командующий ратью Алтан-хана, тесня татар Мэгужин сульта, понудил к бегству их по направленью Улза. Так истребим же ворогов-татар, от коих наши предки принимали смерть. Тотчас приди ко мне, отец мой!»

Получив известие, Торил-хан ответил Чингисхану так: «Глаголет истину сын мой. И мы в сраженье вступим непременно!»

И на третий день, собрав рать свою, Торил-хан выступил и пришел к Чингисхану. И послали они гонца к журхинцам, дабы передал он Сача бэхи и Тайчу журхинским такие слова:

«Давайте выступим
Единой ратью на татар,
Что предков наших
Некогда губили!»

С известьем этим отослав гонца, Чингисхан и Торил-хан прождали журхинцев шесть дней. Поняли они, что ожидание тщетно, и выступили на соединение с ратью Вангин чинсана в направлении Улза.

К их подходу татары Мэгужин сульта укрепились в урочищах Хусту шутэн и Нарату шутэн. Чингисхан и Торил-хан осадили укрепление татарское и, ворвавшись в него, полонили самого Мэгужин сульта и убили ворога татарского ненавистного. И взял Чингисхан добычу богатую, средь которой были зыбка серебряная и одеяло, расшитое перламутрами.

И возвестили Чингисхан и Торил-хан, что убили Мэгужин сульта татарского, и, услыхав это, возрадовался радостью великой Вангин чинсан, и пожаловал он Чингисхану титул жаут хури*, а Торил-хану хэрэйдскому — титул вана*. И поэтому именовался с тех пор Торил-хан Ван-ханом.

И молвил Вангин чинсан, возрадовавшись: «Татарского Мэгужин сульта погубив, вы Алтан-хану великую услугу оказали. О том я тотчас извещу владыку. Тем паче в воле Алтан-хана пожаловать Чингису титул Жау тау»*.

И, возрадовавшись, вернулся Вангин чинсан восвояси. И поделили Чингисхан и Ван-хан меж собой татар, коих похватали на побоище, и воротились в пределы свои.

И подобрали мужи наши в урочище Нарату шутэн брошенного своими отрока татарского в подбитой соболем шелковой безрукавке с нашитыми на ней золотыми колечками. Чингисхан привез отрока того и преподнес в дар матери своей, Огэлун. И молвила матушка Огэлун, дар сына принимая: «Сей отрок — знатного происхожденья, родителями благородной крови порожден. Пусть будет он шестым после пяти сынов моих!» И нарекла матушка Огэлун имя ему Шигихэн хутугу (Шихихутуг) и воспитывала его как сына родного*.

Рассказ о том, как Чингисхан наказал подлых журхинцев

В ту пору агуруг-ставка Чингисхана находилась в местности Харгалту нур. В отсутствие Чингисхана подлые журхинцы напали на остававшихся в его ставке людей: десятерых убили, а десятков пять до нитки обобрали*.

И вознегодовал Чингисхан, когда донесли ему о разоре, учиненном журхинцами нашим, и молвил он: «Что возомнили вдруг журхинцы о себе, разор бесчестный этот учиняя нам?! И прежде на пиру в дубраве на Ононе побили они кравчего Шихигура и брату Бэлгудэю рассекли плечо. Когда же, во дружестве клянясь, журхинцы повинились, не мы ли воротили им обеих ханш?! И после, известивши их, что будем выступать единой ратью против злодеев этих, ворогов-татар, что предков наших некогда губили, мы тщетно ждали их прихода. А нынче вовсе оборотились в недругов они».

И выступил Чингисхан повоевать журхинцев, и побили их мужи наши в местности Долон болдог, что на Керулене. И бежали прочь Сача бэхи и Тайчу с немногочисленною свитою своею, но были схвачены они в пади Тэлэту преследовавшими их мужами нашими. И обратился Чингисхан к плененным Сача бэхи и Тайчу: «Вы помните о нашем уговоре, о том, как каялись и в дружестве клялись вы во дубраве на Ононе?»

И молвили в ответ Сача бэхи и Тайчу: «Коль не сдержали слова мы, ты с нами волен поступать, как знаешь».

И напомнил им тогда Чингисхан прежние клятвы журхинские, и уличил во лжи подлой, и покарал карой смертной.

Покончив с Сача бэхи и Тайчу, пригнал Чингисхан плененных журхинцев в удел свой. И оказались среди журхинского люда сыновья Тэлэгэту баяна из племени Жалайр — Гун-Ува, Чулун хайч и Жэбгэ. И привел Гун-Ува сыновей своих Мухали* и Буха к Чингисхану и молвил:

«Пусть будут рабами они
На пороге твоем.
А если сбежать захотят,
За коленками им
Ты жилы подрежь.
Пусть будут при ставке твоей
Неотлучно они.
А если сбегут со двора,
Ты живот им вспори
И печень достань».

И представил Чулун хайч Чингисхану сыновей своих Тунгэ и Хаши со словами:

«Твой порог драгоценный
Пусть они неотлучно хранят.
А если куда-то с него
Отлучатся они —
Их жизни лиши.
У высоких дверей
Пусть они поднимают кошму.
А если от этих дверей
Они прочь отойдут,
Ты им брюхо вспори».

И отдал Чингисхан Жэбгэ в услужение брату Хасару. Повстречавшись с матушкой Огэлун, Жэбгэ преподнес ей в дар отрока по имени Борохул, подобранного им в Журхинских кочевьях*.

И воспитывала матушка Огэлун с тех пор в юрте своей четырех отроков — Хучу, подобранного в землях мэргэдских, Хухучу, отставшего от родичей — бэсудов, татарского Шигихэн хутуга и Борохула из племени Журхин. И заповедала матушка Огэлун сыновьям своим родным:

«Воистину, то станут ваши вежды,
Окрест взирающие ясным днем,
И слух, всевнемлющий во тьме ночной!»

Журхинцы, коих полонил Чингисхан, род свой вели от Охин бархага, старшего из семи сыновей Хабул-хана. Охин бархаг родил Хутугту журхи. Отец Хутугту журхи, как старший из сыновей Хабул-хана, выбрал из своих подданных нукеров своему сыну:

Самых смышленых
И самых могучих,
Самых отважных
И лучников лучших,
Изрыгающих ярость из зева,
С уст, пылающих пламенем гнева.

И поскольку под водительством Хутугту журхи собрались

мужи отважные и гордые сердцем, прозвали их за это журхинцами*.

И покорил Чингисхан тех горделивых журхинцев и сделал все их племя подданными своими*.

И понудил тогда же Чингисхан бороться Бури буха и Бэлгудэя*. Бури бух был в то время среди покоренных журхинцев. Он, достославный борец во всем улусе, мог запросто уложить наземь Бэлгудэя одним ударом ноги по голени. На этот раз неодолимый Бури бух пал поверженным перед Бэлгудэем. Захватив плечо Бури буха, Бэлгудэй всем телом навалился на него и бросил взгляд на Чингисхана. И закусил Чингисхан нижнюю губу, и Бэлгудэй уразумел знак Чингисхана. И обхватил он Бури буха и, упершись коленями ему в спину, рывком переломил хребет. И на последнем издыхании молвил Бури бух: «Нет! Бэлгудэю ни за что меня не побороть!

Владыку убоявшись, Чингисхана,
Его задобрить возжелав,
Поверженным я перед Бэлгудэем пал.
И вот за это жизнью поплатился».

Переломив хребет Бури буху, Бэлгудэй уволок прочь его бездыханное тело.

Итак, старшим из семи сыновей Хабул-хана был Охин бархаг. После него следовал Бартан-батор. Его сыном был Есухэй-батор. Третьим сыном Хабул-хана был Хутагт мунгур. Его сыном и был Бури бух. Бури бух в борьбе был сильнее сыновей Бартан-батора.

И дружил он с храбрыми сыновьями Охин бархага. И умер достославный в улусе борец Бури бух, позволив переломить себе хребет брату Чингисхана — Бэлгудэю.

Рассказ о возведении Жамухи в Тур-ханы и выступлении его воинства против Чингисхана

И сошлись через год — в год Курицы* — в местности Алхой булаг хатагины под водительством Баху чороги, салжуды под водительством Чирхидай-батора, дурвуны под водительством Хачигун бэхи, алчи татары под водительством Жалин буха, ихирэсы под водительством Тугэ маха, хонгирады — Тэрхэг, Эмэл, Алхой, горлосцы под водительством Чонага и Цагана, найманы* — Ху-чугуд и Буйруг-хан, сын Тогтога бэхи мэргэдского — Хуту, ойрад-ский Хутуга бэхи, а кроме того, Таргудай хирилтуг, Хотун орчан, Агучу-батор и другие тайчуды. И, сойдясь вместе в Алхой

булаге, сговорились они возвести в ханы Жамуху, потомка Жажирадая. Тут же забили жеребца и кобылу и дали священную клятву. И откочевали они оттуда к реке Эргунэ (река Аргунь. — А.М.) и в местности Агу нуга, что находится при впадении реки Гэн в Эргунэ, свершили обряд возведения Жамухи в Гур-ханы*. И, возведя Жамуху в Гур-ханы, уговорились они выступать ратью против Чингисхана и Ван-хана.

Когда Чингисхан сидел в Хурэлху, к нему явился и оповестил о сговоре том Хоридай из племени Горлос. И передал Чингисхан сие известие Ван-хану, и тот собрал рать свою и тотчас пришел к Чингисхану. По пришествии Ван-хана порешили они выступить против Жамухи. И двинулись они ратью общей вниз по Керулену. И послал Чингисхан в передовую разведку Алтана, Хучара и Даридая, а Ван-хан послал Сэнгума, Жаха гамбу и Билгэ бэхи. А перед тем выставили они заставы дозорные в Энэгэн гуйлэту и далее в урочищах Цэхцэр и Чихурху. И достигли разведчики наши — Алтан, Хучар, Сэнгум и другие — урочища Утхияа и хотели было сойти с коней и здесь расположиться, как вдруг наехал на них гонец с дозорной заставы, что выставлена была в урочище

Чихурху, и известил, что вороги идут. И, не сходя с коней, порешили они ехать навстречу вражеской разведке, дабы все толком разузнать.

И наехали они на вражеский разъезд и вопрошали: «Кто вы будете?»

А были это посланные Жамухой в разведку тайчудский Агучу-батор, найманский Буйруг-хан, сын мэргэдского Тогтога бэхи Хуту и ойрадский Хутуга бэхи. Передовые разведчики наши, перекликаясь с неприятельскими, уговорились сойтись в сражении завтра, потому как смеркалось уже. И воротились они в стан главных сил, где и заночевали.

А назавтра сошлись две рати в сражении в урочище Хойтэн. И бились они, попеременно тесня друг друга; Буйруг-хан и Хутуга владели волшебством обрушивать ненастье на ворогов своих. И принялись они шаманить, вызывая ливень или ураган на головы ратников Чингисхана. Но разверзлись хляби небесные над ними самими. И скользили их ноги и вязли в непролазной грязи. «То гнев небесный пал на нас!» — возопили они, и разбежалось воинство Жамухи в разные стороны*.

Рассказ о том, как Чингисхан разгромил тайчудов

Найманский Буйруг-хан отделился от Жамухи и двинулся на южный Алтай в направлении Улуг тага. Сын Тогтога мэргэдского Хуту направился к реке Селенге. Ойрадский Хутуга бэхи, желая осесть в лесах, пошел по направлению Шисгиса (Шишгида). Тайчудский Агучу-батор двинулся на Онон. Сам Жамуха, пограбив в ханы его возведший народ, поспешил обратно вниз по реке Эргунэ*.

Когда распалось воинство Жамухи, Ван-хан стал преследовать Жамуху. Чингисхан погнался вслед за Агучу-батором, двинувшимся в пределы тайчудские на реку Онон. Агучу-батор, придя в свой удел, понудил людей своих бежать за Онон, а сам вместе с Хотун орчаном собрал лучших мужей тайчудских, выстроил их в порядки боевые и ждал подхода Чингисхана, дабы сразиться с ним. И подошла рать Чингисхана и ввязалась в сражение с тай-чудами*. И много крови пролилось в тот день. А с наступлением темноты уснули ратники мертвым сном на том месте, где сражались. И бежавший народ тайчудский, расположившись куренем, спал тут же на поле брани вместе с ратниками.

Чингисхан в сражении с тайчудами был ранен в шею. Хлеставшая из раны кровь никак не останавливалась, и Чингисхан страдал неимоверно, и силы покидали его. С наступлением темноты он расположился ставкой тут же, на поле брани.

Зэлмэ, обагряя губы, то и дело отсасывал закупоривавшую артерию кровь Чингисхана*. И так, набирая полный рот крови, а потом сплевывая ее тут же рядом, он просидел около лежмя лежащего Чингисхана до глубокой ночи; и никого другого он не подпускал к владыке.

За полночь Чингисхан пришел в себя и молвил: «Кровь наконец-то запеклась. Теперь меня лишь жажда мучит».

И тогда Зэлмэ сбросил с себя одежду — дэл, гутулы, малахай*, и остался он в одном исподнем. И пробрался он во вражеский курень и стал шарить по телегам, окружавшим кольцом стан тайчудский, но так и не нашел нигде кумыса. Видно, бежавшие тайчуды выпустили кобылиц пастись недоеными. Не найдя кумыса, он прихватил с одной телеги огромный бурдюк с простоквашей и, взвалив его на себя, поспешил восвояси.

Само Небо покровительствовало Зэлмэ: ни одна душа не

прознала про то, как он проник в неприятельский стан и как оттуда вернулся. И принес Зэлмэ бурдюк с простоквашей, развел ее водой, которую тут же отыскал; и, разведя водой простоквашу, дал испить Чингисхану.

И испил Чингисхан, трижды переводя дух; и, приподнявшись, сел и молвил он: «Мой взор прояснился, и чувствую я облегчение».

Тем временем уже рассвело. И узрел Чингисхан, что вся земля вокруг того места, где они сидели, покрыта кровавой жижей. И вопрошал он Зэлмэ: «Что вижу я вокруг?! Зачем не удалялся ты, отплевывая кровь мою?»

И молвил Зэлмэ владыке в ответ: «Покуда пребывал ты в муках, я не решался удаляться от тебя. Не разбирал я второпях: отплевывалось — так отплевывал, глоталось — так глотал. И, право, вдоволь наглотался твоей крови».

И вопрошал Чингисхан снова нукера Зэлмэ: «Пока лежмя лежал я здесь, почто ты удалился оголенным? И попадись ты в руки ворогам-тайчудам, не выдал бы меня?»

И молвил ему в ответ Зэлмэ: «Я думал: коль меня поймают оголенным, солгу, что к ним желал перебежать и что вдруг вскрылись замыслы мои и сродники убить меня решили — раздели перед казнью, оставили в одном исподнем, но, к счастью, удалось мне убежать. Поверив россказням моим, тайчуды дали б мне одежду и непременно у себя призрели. Тогда бы, улучив момент, я смог от них бежать. С одной лишь мыслью спасти тебя от жажды в мгновенье ока я решился сделать так».

И рек тогда Чингисхан: «Что мне сказать тебе, Зэлмэ, друг верный? Когда, обложенный мэргэдами со всех сторон, в горах Бурхан халдун скрывался я, ты выручил меня тогда впервые. А нынче, не щадя себя, отсасывал ты кровь мою; и вдругорядь тебе я животом обязан. Когда же изнемог от жажды я, рискуя жизнью, ты во вражий стан пробрался и мне питье животворящее принес. Навеки не забыть мне, друг Зэлмэ, твои заслуги!»

Когда же рассвело, узрели наши, что вражеская рать бежала с поля брани. Но расположившийся на ночлег вокруг ратников своих тайчудский люд не снялся с места, ибо не мог поспешно с ратниками откочевать.

И приказал Чингисхан полонить тот люд. И двинулись ратники наши и похватали бегущих тайчудов. И была средь них женщина в красном дэле, голосившая истошно: «Тэмужин! Тэмужин!»

И услышал Чингисхан стенанья ее и отослал человека разузнать, почто голосит она так. И отвечала женщина посыльному Чингисхана: «Я — Сорхон шара дочь, зовусь Хадан. А

кличу Тэмужина, чтобы спас он мужа, не то погубят ваши ратники его».

И вернулся посланный человек к Чингисхану и передал слова той женщины. Подскакал тотчас Чингисхан к Хадан и сошел с коня; и обнялись они с Хадан. Но выяснилось тогда, что ратники наши уже убили мужа ее.

Похватав люд тайчудский, расположился там же Чингисхан на ночлег. И призвал он к себе Хадан, и призрел ее.

Назавтра явились к нему Сорхон шар и Зургадай, кои были под властью тайчудского Тудугэя. И сказал Чингисхан Сорхон шару:

«Почтенный Сорхон шар,
Мой сродник-благодетель,
Ты с шеи снял моей
Тяжелые колодки,
От кандалов мои
Освободил ты руки,
Но под крыло мое
Почто так поздно прибыл?»

И молвил Сорхон шар ему в ответ: «Я лишь в тебя все время верил, мой Чингисхан. Но посуди, как было мне спешить. Явись к тебе я прежде, сродники-тайчуды моих жену, детей, все достояние мое пустили б прахом по ветру, поди. Сегодня ж воссоединиться мы с тобою вправе!»

И выслушал Чингисхан слова Сорхон шара и одобрил речи его.

И молвил еще Чингисхан: «Когда в урочище Хойтэн сошлись, тесня друг друга, наши рати, кто ранил в шейный позвонок коня, что подо мною был?»*.

И признался Зургадай владыке покаянно:

«То я, Чингисхан, выпустил стрелу.
Захочешь ты меня казнить, мой хан,
Не суждено мне, значит, жить, мой хан.
Ничтожный, я паду перед тобой
И, бездыханный, буду гнить, мой хан.
Но если жизнь даруешь мне, спасешь,
Ты преданность, защиту обретешь.
Куда пошлешь — бесстрашно я пойду
И на врагов всей силой нападу.
И так я буду бить твоих врагов,
Что реки выйдут, хан, из берегов.

Такая сила бы во мне росла,
Что за скалою б рушилась скала
И сыпались разбитые вконец
Обломки человеческих сердец.
Чингис, тебе я храбрость покажу
И преданность и силу докажу!»

И молвил Чингисхан: «Будь, Зургадай, ты истинным врагом, ты б лгал, сокрыть желая свою зловредность. Но нет, ты ничего не утаил, в содеянном признался честно. Вот муж, воистину достойный быть моим нукером. Поскольку наконечником стрелы ты ранил в шейный позвонок коня саврасого, что подо мною был в ту пору, мы наречем тебя Зэв отныне*, сим именем заменим прежнее прозвание твое. Так будь же наконечником стрелы, что неотлучно день и ночь при мне, что от врагов меня оберегает!»

Вот и весь сказ о том, как Зэв стал нукером Чингисхана.

И повоевал Чингисхан тайчудов, и истребил он Агучу-батора, Хотун орчана, Хутудара и прочую тайчудскую родовую знать вместе со всей их родней. И понудил он люд тайчудский кочевать за собой. И пошел и сел Чингисхан в урочище Хубахаяа (Ухаа хаяа), где и провел всю зиму.

История пленения хана тайчудов Таргудая хирилтуга

Тем временем старик Ширгэт из племени Нуцгэн барин вместе с двумя сыновьями, Алагом и Наяа, полонили тайчудского ноёна Таргудай хирилтуга, нашедшего прибежище в окрестных лесах. Был Таргудай хирилтуг чрезвычайно грузен и не держался в седле, и потому посадили они его на телегу и повезли к Чингисхану. По дороге их нагнали сыновья и младшие братья Таргудай хирилтуга, желавшие отбить его. При их появлении старик Ширгэт опрокинул неповоротливого Таргудая на спину, взгромоздился на лежащего хана тайчудского и, выхватив нож, молвил: «Желают сродники отбить тебя. И мне, как посягнувшему на жизнь твою, живым уже не быть. И потому я смерть готов принять, главою возлежа на ханском теле бездыханном». И, сказав такие слова, старик Ширгэт приставил лезвие ножа к горлу Таргудая.

И возопил Таргудай хирилту, дабы слышали братья и дети его: «Ширгэт замыслил погубить меня. И коль умру, его ножом сраженный, на что тогда вам тело бездыханное мое?! Пока не поздно, возвращайтесь восвояси и будьте за меня покойны. Мне

Тэмужин не причинит вреда. Его, покинутого всеми сироту, призрел я; на лике — свет, в его очах огонь узрев, уверовал в его звезду, как необъезженного жеребенка обучал. Мне ничего не стоило сгубить его тогда, я ж милостиво пестовал его. И верю, что теперь душой восчувствует, умом он уразумеет это. Нет! Мне Тэмужин не причинит вреда! Тотчас же возвращайтесь, сыновья мои и братья, восвояси. Не то как бы Ширгэт не погубил меня!»

И, услышав это, сыновья и братья Таргудай хирилтуга молвили: «Сюда пришли мы, чтоб спасти отца и брата. Но если под ножом Ширгэта он падет, на что нам тело хана бездыханное?! Пока старик Ширгэт не погубил его, нам надобно скорее возвратиться». И, порешив так, тайчуды поворотили коней обратно.

Когда они скрылись из виду, сыновья Ширгэта, Алаг и Наяа, бежавшие прочь при первом появлении тайчудов, возвернулись к отцу. И продолжили они свой путь, везя к Чингисхану пленника тайчудского Таргудай хирилтуга. И добрались они до местности, именуемой Хутухул нуга, и молвил Наяа, сын Ширгэта: «Коль Таргудая привезем мы к Чингисхану, в нукеры не возьмет он нас, не верных господину своему холопов; казнить прикажет, ибо на господина мы посягнули своего*. Давайте же отпустим хана Таргудая, а сами обратимся к хану: «О Чингисхан, пришли мы, чтоб в услужение тебе всю силу положить. В пути мы полонили Таргудая и господина своего к тебе везли. Но наконец одумались и устыдились: как можно выдавать единородного владыку?! Усовестившись, мы отпустили хана восвояси, а сами под твое водительство пришли».

Отец и брат одобрили слова Наяа; и отпустили они тут же Таргудай хирилтуга, а сами вскорости пришли к Чингисхану.

И спросил их Чингисхан, почто пришли они. И ответил старик Ширгэт Чингисхану: «Везли к тебе мы хана Таргудая, но наконец одумались и устыдились: как можно выдавать единородного владыку?! Мы отпустили хана Таргудая восвояси и вот пришли, чтоб в услужение тебе всю силу положить».

И молвил Чингисхан: «Вы, подданные хана Таргудая! Когда бы господина своего вы пленником доставить мне посмели, впредь моего доверья вы б лишились. Самих бы вас и семьи ваши также вполне уместно было б извести. Вот почему, когда я узнаю, что хану оказали вы почтенье и милосердную свою явили душу, такое одобряю я вполне». Сказав сии слова, Чингисхан призрел старика Ширгэта и сыновей его.

Спустя некоторое время, когда Чингисхан пребывал в местности, именуемой Дэрсут, пришел к нему хэрэйдский Жаха гамбу* и поклялся во дружестве. В ту пору ополчились на

Чингисхана мэргэды. Но Чингисхан и Жаха гамбу дали отпор недругам силами общими. И пришли тогда же под водительство владыки тумэн тубэгэнцы и олон донхайдцы и прочие роды хэрэйдские, оставившие свои пределы и разбредшиеся*.

История междоусобия в стане хэрэйдов

Владыка хэрэйдов Ван-хан был некогда крепко дружен с Есухэй-батором, отцом Чингисхана, и стали они побратимами*. А история их побратимства такова.

Ван-хан погубил младших братьев отца своего — Хурчахус Буйруг-хана, чем прогневал дядьку по отцу — Гур-хана*. И ополчился на него Гур-хан и побил его в сражении. И укрылся Ван-хан в ущелье Харагун и, выбравшись оттуда едва живым с сотней мужей своих, пришел к Есухэй-батору. И призрел его хан Есухэй и стал самолично во главе рати своей и, повоевав Гур-хана, понудил его бежать в страну Хашин*, а подданных, имущество и скот его отдал Ван-хану. С тех самых пор андами-побратимами они стали.

Впоследствие младший брат Ван-хана — Эрхэ хар, страшась быть убитым старшим братом своим, перекинулся на сторону найманского Инанча-хана. И ополчился тогда Инанча-хан на Ван-хана и понудил его бежать прочь*. Скитаясь, прошествовал Ван-хан через три града, пока не достиг пределов Гур-хана хар хятанского*. Но и с ним не поладил Ван-хан. И отошел он от Гур-хана и бродил по уйгурским и тангудским городам, в пути перебиваясь пищей скудною. Доя пять дойных коз и точа на еду кровь верблюда, насилу добрался Ван-хан до озера Гусэгур.

Чингисхан, памятуя о прежнем побратимстве Ван-хана с отцом своим, Есухэй-батором, отослал к нему навстречу Тахай-батора и Сухэхэй жэгуна, а потом и сам встретил его у истоков Керулена. Сжалился Чингисхан над вконец отощавшим от голода Ван-ханом и обложил оброком аратов своих в его пользу и призрел в курене своем. Вместе откочевав, провели они зиму в урочище Хубахаяа*.

Тем временем младшие братья Ван-хана поносили его словами гневными:

«У брата старшего Ван-хана
Страшны зловещие повадки:
Он близких родственников наших
Уничтожает без оглядки.
Видать, и наш черед наступит:

Убьет — по ветру прах размечет.
Как дальше жить?
Ведь этак род наш
Он оборвет иль изувечит.
К хар хятанам теперь подался —
Защитников он ищет там.
Без хана наш улус остался…
Как дальше жить?
Что делать нам?

Видать, запамятовал он, как семи лет от роду в мэргэдский плен попал и как молол мэргэдское зерно с зари и до зари в Бур хээре, что на Селенге. И как отец наш, Хурчахус Буйруг-хан, беднягу вызволил, повоевав мэргэдов. Забыл, и как верблюдов пас у Ажай-хана, когда его в тринадцать лет татары вместе с матерью пленили, и как, бежав от Ажай-хана, явился ненадолго восвояси. Не помнит он, и как потом, найманами гонимый, переметнулся к хар хятанскому Гур-хану, сидящему на Чуе в землях Сартаульских*, и как, покинув хана через год, скитался по уйгурским и тангудским градам, в пути перебивался скудной пищей — доил пять дойных коз и кровь верблюда на еду себе точил; и как едва живым явился к Тэмужину, который, в курене своем его призрев, аратов обложил оброком в его пользу. Все это позабыл Ван-хан, и подлы нынче замыслы его».

Алтан ашух донес Ван-хану о том, что сказывали про него мятежные братья. И похватали тогда ханские нукеры Хутура, Хулбари, Арин тайши и прочих. И лишь Жаха гамбу удалось бежать и добраться до найманов.

Ван-хан согнал схваченных братьев в одну юрту и, приступив к ним, молвил: «Вы что-то говорили меж собой о том, как я скитался по уйгурским и тангудским землям?! О, недостойные! Что вы еще себе позволили задумать?» И с этими словами наплевал он в лицо братьям своим, и, глядя на него, все, бывших в юрте хэрэйды, стали плевать в недостойных.

Рассказ о том, как Чингисхан ополчился на люд татарский

Осенью года Собаки* ополчился Чингисхан на люд татарский* из четырех родов: Цаган татар, Алчи татар, Тутагуд татар, Алухай татар. Но прежде он изрек закон*: «Покуда неприятеля тесним, никто не смеет у поживы мешкать! Повержен враг — и все его добро считается тогда добычей нашей, тут

наступает время дележа.

Когда же нам случится отступать, всем следует вернуться к месту, откуда шли мы в бой. А кто его немедля не займет, тот предал нас и будет умерщвлен!»

И сразился Чингисхан с татарами в местности Далан нумургэс* и понудил их спасаться бегством. И гнали татар вплоть до урочища Улхой шилугэлжид, где их и полонили.

Когда усмиряли знать татарскую из родов Цаган татар, Алчи татар, Тутагуд татар, Алухай татар и брали в полон народ татарский, Алтан, Хучар и Даридай преступили закон, что изрек Чингисхан, замешкались, позарившись на поживу.

«Ужель мужи мои не держат слова, закон, реченный мною, не блюдут?!» — вознегодовал Чингисхан. И отослал Чингисхан к ним Зэв и Хубилая*, и отобрали они у Алтана, Хучара и Даридая коней татарских и прочую поживу, что те успели захватить.

Одолев и полонив татар, Чингисхан призвал к себе ближайших сродников; и держали они совет, как быть с полоненными татарами. И порешили на сходе том Чингисхан и сродники его:

«Паршивые татары искони
Губили дедов наших и отцов.
Чтобы покончить с ними навсегда,
Мы уничтожим каждого из них,
Кто перерос тележную чеку*,
А женщин их и маленьких детей
По семьям в услуженье разобрать,
И — пребывать рабами им навек».

Когда сродники расходились со схода, Их чэрэн приступил к Бэлгудэю и спросил его: «О чем уговорились сродники твои?» И молвил ему в ответ Бэлгудэй: «Всех вас, татар, кто выше чеки колеса, мы порешили истребить!»

Услышав эти слова Бэлгудэя, Их чэрэн бросил клич, и собрались мужи татарские заедино и встали стеной неприступной. И много полегло ратников наших, когда штурмовали ряды татарские. Насилу одолев их, Чингисхан приказал рубить им головы, примеряя к чеке колесной. Тут татары повыхватывали припрятанные в рукавах ножи, желая умереть, главою возлежа на вражьем теле. И снова много наших полегло. И порубили, наконец, головы татарам, всем, кто выше чеки колесной.

И изрек тогда Чингисхан закон: «Все то, о чем договорились мы на сходе, брат Бэлгудэй вмиг разгласил врагу. И вот какой

нам нанесен урон! Отныне да не будет Бэлгудэй на сход допущен. Покуда держим мы совет, пусть он порядок наблюдает за дверьми, споры и тяжбы разбирает. И лишь когда, испив вина, закончим мы совет, ему и Даридаю войти к нам в ставку будет можно!»

Тогда же Чингисхан соблаговолил взять себе в жены Есухэн хатан — дочь татарского Их чэрэна. И молвила Есухэн хатан, обласканная Чингисханом: «Хан соизволил в жены взять меня — знать, позаботится он о моей судьбе. Но, право, более достойна будет хана сестра моя по имени Есуй. Сосватана она была недавно. Неведомо, однако, мне, куда она от разоренья скрылась».

И сказал тогда Чингисхан: «Раз уж и впрямь так хороша твоя сестра, велю я тотчас же сыскать ее. А явится она, уступишь ли свое ей место?»

И отвечала Есухэн хатан: «Коль соизволит хан сыскать мою сестру, я сей же час свое ей место уступлю».

И бросил клич Чингисхан ратникам своим и велел сыскать Есуй хатан. И узрели ратники наши Есуй и жениха ее, кои хотели скрыться в лесу. И словили они Есуй хатан, а жених ее бежал. Как увидела Есухэн хатан сестру старшую, Есуй хатан, верная слову, уступила она ей место свое подле Чингисхана, а сама села подале. И была Есуй хатан божественно красива, точь-в-точь как говорила Есухэн хатан. И соблаговолил Чингисхан взять ее в жены.

Покончив с татарами*, как-то раз восседал Чингисхан подле ставки своей, пируя с ханшами Есуй хатан и Есухэн хатан, кои сидели по обе стороны от него. Вдруг Есуй хатан тяжело вздохнула. И заподозрил Чингисхан неладное. И призвал он к себе Борчу, Мухали и прочих ноёнов и повелел: «По аймакам* сберите подданных моих. И да не будет чужаков меж ними!»

И когда развели всех аратов по аймакам, остался один добрый молодец, что не был причислен ни к одному из них. И спросили его: «Чей ты подданный?» И ответил тот человек: «Я в жены взял Есуй, дочь Их чэрэна; спасаясь от разора вражьего, бежал. Уверовав, что воцарился мир и что опознанным не буду среди прочих, теперь вернулся».

Когда Чингисхану передали эти слова, Чингисхан повелел: «Явившийся бродяга к нам зловредное замыслил. И разве мы уже не истребили всех, ему подобных? Пусть участь он разделит недругов татар, дабы глаза мои не видели его отныне!» И тотчас человек тот был казнен.

В тот же год Собаки, пока Чингисхан воевал татар, Ван-хан ополчился на мэргэдов*. И понудил Ван-хан бежать мэргэдов во

главе с Тогтога бэхи в сторону местности Баргужин тухум, и убил он старшего сына Тогтога бэхи — Тугус бэхи, захватил его двух дочерей — Хутагтай хатан и Чалун хатан, а также сыновей его Хуту и Чулуна вместе с их подданными. Но не поделился на этот раз Ван-хан своей добычей с Чингисханом.

Рассказ о той, как Чингисхан и Ван-хан ополчились на найманов

Засим Чингисхан и Ван-хан выступили вместе повоевать найманского Хучугуда, прозванного Буйруг-ханом*. Когда они достигли местности Улут тагийн Согог ус, Буйрут-хан, будучи не в силах противостоять им, двинулся к Алтаю. И преследовали наши его от Согог уса и понудили перевалить через Алтай и погнали в направлении Хумшингирийн Урунгу. Тогда же найманский ноён Йэди тублуг, будучи в дозоре, наехал на наш караульный разъезд и был обращен в бегство. Йэди тублуг хотел было скрыться в горах, но вдруг лопнула конская подпруга. Тут-то он и был схвачен. И настигли наши Буйруг-хана у озера Хишилбаши и там покончили с ним*.

Когда Чингисхан и Ван-хан возвращались из похода, в излучине реки Байдараг к ним навстречу вышел богатырь найманский Хугсэгу сабраг с ратью своею. Чингисхан и Ван-хан также выстроили в боевой порядок свои рати. Но тут наступил вечер, и уговорились они с найманами биться завтра.

Среди ночи Ван-хан, оставив горящими костры на месте привала своего воинства, двинул свою рать вверх по течению реки Хар сул*.

Той ночью к Ван-хану присоединился Жамуха*. Приступив к Ван-хану, он молвил: «Давно известно, что анда Тэмужин с найманами во дружестве живет. Вот потому он и не выступил вослед за нами.

Ты видишь, хан:
Я при тебе — как та степная птица,
Что отлетать в край дальний не стремится.
Другое дело — анда Тэмужин:
Все мечется он,
Все куда-то мчится.
С найманами сошелся он
И от тебя желает отделиться».

Убчигдайский Хурэн-батор, услыхав слова Жамухи, ему

прекословил: «Почто лукаво льстишь, на честных сродников напраслину возводишь, Жамуха?!»

Наутро следующего дня Чингисхан пробудился, готовый двинуться в бой с найманами. Тут обнаружилось, что стоянка, где прошлой ночью стали на привал ратники Ван-хана, опустела.

«Неужто ты, Ван-хан, решил нас одурачить и бросить здесь на произвол судьбы?!» — вознегодовал Чингисхан, узнав об этом. И тронулся Чингисхан с ратью своей и, стрелку перейдя, где Эдэр сливается с Алтаем, пришел в местность Саарь хээр и сел там. Тут Чингисхан и Хасар познали, какой разор учинили найманы хэрэйдам Ван-хана, но не придали этому значения.

А приключилось там вот что. Найманский богатырь Хугсэу сабраг, преследовавший по пятам Ван-хана, полонил жену и детей, захватил всех подданных и имущество сына его — Сэнгума. И сразился Хугсэу сабраг с Ван-ханом в местности Тэлэгэту амсар и, захватив много подданных и скота Ван-хана, вернулся восвояси.

Улучив момент, сыновья мэргэдского Тогтога бэхи — Хуту и Чулун, захваченные прежде Ван-ханом, забрали подданных своих и, соединившись со своим отцом, двинулись в направлении Селенги.

Поверженный найманским богатырем Хугсэу сабрагом, Ван-хан отослал к Чингисхану посла со словами: «Разор мне учинили вороги-найманы: жен и детей в полон забрали, имущества меня лишили. Сын мой, прошу и умоляю: пошли на помощь мне бесстрашных четырех богатырей своих, имущество и подданных вернуть мне помоги!»

И снарядил Чингисхан свою рать на помощь Ван-хану. И шли впереди посланные им четверо богатырей — Борчу, Мухали, Борохул и Чулун*.

Тем временем Сэнгум сражался с найманами в местности Улан хут. В бою лошадь его была ранена в ногу, а сам он едва не был пленен найманами, но подоспели четыре богатыря Чингисхана и отбили его у врага. Засим вернули они Ван-хану угнанных найманами подданных, жен и детей его и все добро, отнятое у него недругом.

И возрадовался радостью великою Ван-хан, и молвил он: «Было время, когда Есухэй, благородный отец Тэмужина, воедино собрал мой распавшийся было улус. А теперь его сын, снарядив четверых верных богатырей, воротил вновь утраченный мною народ. Да поможет теперь мне Небес и Земли покровительство отплатить благодарностью за услуги великие те!» И молвил еще Ван-хан:

«Улус, что мной уже утерян был,
Мне Есухэй когда-то воротил.
Теперь помог мне Есухэя сын,
Чингис, что в прошлом звался Тэмужин.
Все, что опять я было потерял,
Он вызволил и для меня собрал.
Но почему с отцом теперь и сын
В поступке благородном стал един?
Какие же они имели цели,
Что дважды бедный мой улус призрели?
Совсем уже я дряхлым становлюсь…
Дух испустить когда я соберусь,
Кто же тогда мой унаследует улус?
Однажды теплой юрты я лишусь
И в каменной, холодной поселюсь, —
Кто сохранит тебя тогда, улус?

Да, младшие есть братья у меня и кроме них немалая родня, но где же честных, где достойных взять, чтобы могли улусом управлять?! Есть у меня лишь сын единственный, Сэнгум, но нет наперсников достойных у него. Желал бы я, чтоб Тэмужин стал старшим, названым Сэнгума братом. Тогда, имея двух любимых сыновей, в спокойствии провел бы я остаток дней».

И сошлись Чингисхан и Ван-хан в Черной роще*, что на берегу реки Тола; и поклялись они друг другу, что отныне Ван-хан будет считать Чингисхана сыном своим, а Чингисхан Ван-хана — отцом, поскольку отец Чингисхана, Есухэй-батор, и Ван-хан когда еще стали побратимами. И сговорились они тогда:

«Случится, чужеземцы нападут —
Отпор им будет общею заботой.
На антилоп облава — что ж, и тут
Они займутся сообща охотой».

И еще они порешили:

«Коль змеи ядовитой жало
Подстрекало бы нас, искушало,
Клевету, навет извергало —
Расходиться нам не пристало:
Мы сойдемся лицом к лицу,
Как положено добрым соседям,
Яд губительный обезвредим.

Если б вдруг смертоносный клык —
Злой разлад среди нас возник,
Злыдень не одолел бы нас…
Мы бы встретились с глазу на глаз,
Примирительный разговор
Завершил бы любой наш спор».

Скрепив дружество свое взаимной клятвой, жили они с тех пор душа в душу.

Рассказ о том, как Жамуха и Сэнгум задумали погубить Чингисхана

И замыслил однажды Чингисхан упрочить их дружество*, и просил он для Жочи* руки младшей сестры Сэнгума — Чагур бэхи, и хотел выдать свою Хожин бэхи за сына Сэнгума — Ту-саха.

Но обуяла Сэнгума гордыня, и молвил он: «Коли моя родня войдет в их дом, ей на пороге суждено топтаться, ступи же кто из них на мой порог, так непременно вломится и в хоймор»*.

Так поносил чванливо нас Сэнгум и младшую сестру свою Чагур бэхи за Жочи выдать отказался. И потому с тех пор Чингисхан испытывал неприязнь к Ван-хану и Нилха Сэнгуму.

И прознал Жамуха о взаимной их неприязни, и весною года Свиньи*, сговорившись с Алтаном, Хучаром, Хартагидаем, Увугжином, Ноёхоном, Сугэдэем, Торилом и Хачигун бэхи, пришли они в местность Бэрхэ элст, что на гребне возвышенности Жэжээр, где встретились с Нилха Сэнгумом*. И оговаривал Жамуха бесстыдно Чингисхана: «Таян-хану найманскому Тэмужин то и дело гонцов шлет, силы общие сплачивает, не иначе!

Упорно он твердит:
«Мы — сын с отцом родные»,
Но мысли у него совсем, совсем иные.
Коли теперь упустите вы время,
Подумать страшно,
Что ожидает ваше племя!
Коль с Тэмужином воевать решите,
К вам с целой ратью присоединюсь!»

И молвили Алтан и Хучар:

«На сыновей Огэлун нападем —

Куда подевается спесь их?!
Чингиса, старшего, мы убьем,
На дереве младших повесим».

Увугжин, Ноёхон, Хартагидай добавили:

«Можете ждать
И от нас подмоги:
Свяжем им руки,
Спутаем ноги».

Засим слово молвил Торил: «Давайте-ка сперва его людей захватим. Ведь, потеряв улус, бессилен будет Чингисхан!»

И, наконец, Хачигун бэхи клятвенно изрек: «Нилха Сэнгум, сын мой, уверуй! Все наши помыслы с тобой.

В земную глубь мы для тебя проникнем,
До края света за тебя пойдем!»

И отправил Нилха Сэнгум к отцу Ван-хану посла по имени Сайхан тудэн, чтобы пересказал ему слово в слово эти речи.

Выслушав посланника, Ван-хан молвил: «Негоже, сын мой, дурно думать о Тэмужине! Поверь, в нем наша главная опора. За мысли скверные о нем лишит нас Небо своего благоволенья. А Жамуха, известный всем бродяга и болтун, на Чингисхана зря напраслину возводит».

И отослал посланника он с этими нелестными словами к сыну.

И снова Сэнгум отправил посла к отцу со словами: «Почто не веришь ты, отец?! Он — честный человек и искренен в словах!»

Не в силах убедить отца, Сэнгум явился самолично к нему и сказал: «Даже теперь, когда ты в добром здравии, отец, нас, сродников твоих, он ни во что не ставит. Но поперхнись ты белым молоком, кусочком мяса подавись внезапно, и вовсе отберет улус, что собран был твоим отцом, Хурчахус Буйруг-ханом, и непременно нас лишит законной власти!»

И молвил Ван-хан: «Как руку мне поднять на названого сына, который был воистину опорой нам?! Замысли мы такое, от нас, неверных, тотчас Небо отвернется».

Услышав сие, вознегодовал сын его Нилха Сэнгум. И вышел он прочь, хлопнув дверью. Тогда не выдержало отцовское сердце любящее, и уступил Ван-хан. И призвал он к себе сына Сэнгума и

молвил: «Небесной кары убоясь, не смел я поднять руку на названого сына, Чингисхана. Но коль по силам вам такое, что ж, воля ваша!»*.

И сказал тогда Сэнгум: «Мне помнится, недавно Чингисхан просил руки моей сестры — Чагур бэхи, для Жочи. Давайте с ним о дне условимся теперь и пригласим, как водится, на багалзур*, а тут его и схватим».

И, порешив так, послали они к Чингису посланника со словами: «На багалзур тебя мы приглашаем, готовы выдать за Жочи Чагур бэхи».

И отправился тогда Чингисхан к Ван-хану в сопровождении десятка мужей. По дороге заночевал он у отца Мунлига.

И сказал Чингисхану отец Мунлиг: «Когда просили мы руки Чагур бэхи, Сэнгум, чванливо понося нас, ее за Жочи выдать отказался. И вдруг он сам на багалзур нас приглашает. Все это очень подозрительно и странно! Не лучше ли тебе поостеречься, хан, и отложить женитьбу Жочи на потом?! Сошлись на то, что табуны за зиму отощали, и обещай прибыть тотчас, как только в тело наши лошади войдут».

И внял Чингисхан словам отца Мунлига и отослал вместо себя на багалзур к Ван-хану Бухадая и Хирадая, а сам воротился восвояси. И прибыли Бухадай и Хирадай к Ван-хану на багалзур. И поняли тогда хэрэйды, что Чингисхан прознал об их заговоре, и порешили они выступить назавтра, рано утром, чтобы полонить Чингиса.

Рассказ о противоборстве Чингисхана и Ван-хана

После того, как они сговорились завтра же полонить Чингисхана, младший брат Алтана Их чэрэн явился в свою юрту и молвил: «Мы завтра утром Тэмужина полонить решили. Ничем не поскупился б Тэмужин для известившего его об этом человека!»

И молвила тогда жена его Алагжид: «Ну и язык же у тебя, мой милый! Не ровен час, и впрямь в твою брехню поверит кто-то!»

Весь разговор их слышал табунщик Бадай, привезший молоко. Возвратившись к себе, Бадай пересказал все, что слышал в юрте Их чэрэна, своему другу, табунщику Хишилигу. Тот решил сам убедиться в этом и отправился к юрте Их чэрэна.

У юрты Хишилиг приметил сына Их чэрэна — Нарин гэгэна, занимавшегося стрелами. И сказал Нарин гэгэн Хишилигу: «Поди, тебе уже известно, о чем тут наши сговорились. Тогда держи язык покрепче за зубами!» И наказал еще Нарин-гэгэн табунщину Хишилигу: «Гнедых моих коней сегодня пригони, на привязи

пусть ночью постоят. Ведь завтра утром рано выступаем».

И вернулся Хишилиг к Бадаю и молвил: «Все так и есть, как ты сказал, мой друг Бадай. Дать знать об этом Тэмужину нужно непременно!»

И, сговорившись, пригнали Бадай и Хишилиг двух гнедых коней и поставили их на привязи у хозяйской юрты. А вечером разложили они костер и сварили на том костре зарезанного ягненка. И оседлали они стоявших у привязи двух гнедых скакунов и в эту же ночь прискакали в ставку Чингисхана. И, зайдя с северной стороны юрты, обратились они к Чингисхану, и поведали ему слова Их чэрэна, и рассказали владыке о том, как сын Их чэрэна Нарин гэгэн готовил стрелы и наказал им пригнать и держать у юрты на привязи двух гнедых его скакунов. И еще молвили они: «Поверь же слову нашему, Чингисхан. Прийти и полонить тебя хэрэйды порешили. И это — истинная правда!»

И выслушал Чингисхан Бадая и Хишилига, и проникся доверием к их словам, и той же ночью о замыслах хэрэйдов уведомил верных нукеров своих. Затем, оставив пожитки, Чингисхан снялся с места и налегке поднялся на гребень сопки Мау и отрядил урианхдайца Зэлмэ назад, в сторожевой дозор, а сам двинулся дальше.

Назавтра после полудня они добрались до местности Хар халзан элст, где и расположились на привал. Пока они отдыхали после перехода, прискакал табунщик Алчидая — Чихидай ятир, пасший на привольных пастбищах табуны и узревший тучу пыли, поднимавшейся из-под копыт вражеских коней. И, заметив врага в местности Улан бургас, что на южном склоне сопки Мау, он погнал прочь коней своих и спешно явился с известием сим к Чингисхану.

Пригляделись наши и впрямь увидели облако пыли над Улан бургасом, на южном склоне сопки Мау. И понял тогда Чингисхан, что Ван-хан с ратью преследует его, и, не заметь они эту пыль, враг застал бы их врасплох; и приказал он собрать разбредшихся коней — погрузили на них дорожный скарб и двинулись дальше.

Вместе с Ван-ханом Чингисхана преследовал и Жамуха. И спросил Ван-хан Жамуху: «Кому по силам в рати Тэмужина нам противостоять в сраженье?»

И ответил на это Жамуха:

«С ним идут уругуды и мангуды.
Думаю, они сражаться будут.
В тыл неслышно зайдут,
Со спины нападут,
Набегут, налетят,

Опрокинут, сомнут.
Знамя темное
Над головами их реет,
С малых лет они, злыдни,
Сражаться умеют.
Ты об этом, Ван-хан,
Ни на миг не забудь,
Осторожно ступай,
Настороженным будь».

Выслушав Жамуху, Ван-хан повелел: «Коль так, то пустим впереди мужей жирхинских и Хадаги над ними поставим. За ними двинется Ачиг ширун с тумэн тубэгэнцами своими, потом пойдут олан донхайдские батыры. Затем пусть выступает Хори шилэмун тайши, в сраженье тысячу ведя моих гвардейцев. И лишь потом пусть силы наши главные вступают в бой»*.

И молвил еще Ван-хан, обратившись к Жамухе: «Брат Жамуха! Встань во главе ты войска моего!»

И отъехал тогда Жамуха от Ван-хана и молвил нукерам своим: «Хотя я сам с андою Тэмужином справиться не в силах, Ван-хан просил меня встать во главе всей рати… Тщедушный хан! Ничем не лучше он меня, и наше дружество, увы, недолговечно. Пожалуй, дам я знать об этом Тэмужину. Пусть ободрится побратим».

И послал Жамуха втайне от Ван-хана своего человека к Чингисхану и передал ему такие слова: «Справлялся у меня Ван-хан: «Кому по силам в рати Тэмужина нам противостоять в сраженье?» — «Есть у анды достойные богатыри, а во главе их следуют уругуды и мангуды», — ответил хану я. И повелел тогда Ван-хан: «Мы пустим вперед мужей жирхинских, за ними двинется Ачиг ширун с тумэн тубэгэнцами своими, потом пойдут олан донхайдские батыры. Затем пусть выступает Хори шилэмун тайши, в сраженье тысячу ведя моих гвардейцев. За ними силы наши главные в бой вступят». И молвил мне еще Ван-хан: «Встань во главе ты войска нашего всего». Тщедушный хан! Видать, не в силах самолично управлять он ратью. В сраженьях прежних я тебя, анда, не одолел. Ван-хану же тебя подавно не осилить. И потому будь стоек, не робей, анда!»

И выслушал Чингисхан известие, полученное от Жамухи, и, обратившись к Журчидэю из племени Уругуд, молвил: «Что скажешь, дядька Журчидэй уругудский? Хочу, чтоб ратники твои передовым отрядом выступали!»

Журчидэй хотел было ответить Чингисхану, но его опередил

Хуилдар из племени Мангуд, который сказал: «Позволь передовым отрядом выступить моим мангудам. И коль в сраженье этом пасть мне суждено, пусть позаботится о моих сиротах побратим!»

И молвил тогда Журчидэй: «Мы все, уругуды и мангуды, передовым отрядом твоей рати идти готовы!»

И выстроили Журчидэй и Хуилдар уругудских и мангудских мужей, и готовы были уже они выступать передовым отрядом рати Чингисхана*, как вдруг показалось вражеское воинство, во главе которого двигались жирхинцы. И повоевали наши уругудские и мангудские мужи жирхинцев, повергли их к ногам своим. Но наехал на наших ратников Ачиг ширун с тумэн тубэгэнцами своими. И поверг он наземь Хуилдара в их ратоборстве. Узрели это мангуды и, воротившись, Хуилдара обороняли. Тем временем вступил в бой Журчидэй с мужами уругудскими. И смял он тумэн тубэгэнцев, а за ними и олан донхайдских батыров, что встали на его пути. Потом навстречу Журчидэю выехала тысяча отборных воинов-гвардейцев Ван-хана, которых вел в сраженье Хори шилэмун тайши. И их одолел Журчидэй. И тогда, не спросив отцова дозволения, выехал против него Сэнгум, сын Ван-хана. И пал он с коня, раненный в щеку румяную. И когда раненый Сэнгум пал наземь, все мужи хэрэйдские собрались вокруг него. Пока наши ратники избивали хэрэйдов, солнце закатное скатилось с горы. И возвратились мужи в свой стан, и вынесли они с поля брани раненого Хуилдара.

Сей же вечер Чингисхан снялся с того места, где они ратоборствовали с Ван-ханом. Удалившись оттуда, стали станом они на ночлег.

А наутро, только забрезжил рассвет, недосчитались они в своих рядах Угэдэя*, Ворохула и Борчу. И молвил тогда Чингисхан: «Отстали вместе с Угэдэем два верных нукера мои — Борчу и Борохул. И что бы с ними ни случилось, будь в добром здравии они или на одре смертном, но Угэдэя эти двое не покинут!»

Сей ночью наши ратники своих коней пастись не отпускали, держали при себе. Чингисхан приказал: «Всем быть готовыми к сраженью, коль враг внезапно нападет!»

Когда совсем уж рассвело, с северной стороны к ним подъехал всадник. Это был Борчу. Чингисхан, ударив себя в грудь, воскликнул: «Все в воле Неба Вечного!» И призвал он к себе Борчу и вопрошал с пристрастием. И отвечал ему Борчу: «В сраженье подо мною лошадь пала. Тогда к своим я пеший устремился, но тут узрел, что спешились хэрэйды, обступив Сэнгума. И, улучив момент, к коню навьюченному я пробрался и, мигом от вьюков

его освободив, вскочил в седло и вслед за вами устремился».

Вскоре вдалеке показался другой конный. Приглядевшись, узрели наши, что под седлом свисают не две, а четыре ноги. Когда же они подъехали, признали наши Угэдэя и сидящего за ним Борохула. По углам рта Борохула сочилась кровь. Тогда и узнали наши, что Угэдэй был ранен в шею в сражении и потому Борохул всю дорогу отсасывал из раны и сплевывал сгустки его крови.

И опечалился весьма Чингисхан, и слезы пролил горькие. И, приказав тотчас разжечь костер, прижег он рану Угэдэя и дал питье ему целебное.

Тем временем все наши ратники изготовились к бою, на случай, если враг внезапно нападет. И молвил тогда Борохул: «Пыль вилась из-под вражеских копыт на южном склоне сопки Мау и удалялась в сторону Улан Бургаса. Должно быть, враг решил убраться восвояси».

Выслушав его, Чингисхан молвил: «Коль враг напал бы, его повоевать готовы были мы. Но коли вороги бежали, мы тотчас силы ратные свои пополним и двинемся вослед». И сей же час выступили наши вверх по реке Улхой шилугэлжид и пришли в урочище Далан нумургэс.

Затем пришел в стан Чингисхана Хадан далдурхан и всех мужей своих привел к нему, в уделе только женщин и детей оставив. Хадан далдурхан рассказал владыке, что, когда Сэнгум, раненный стрелой в щеку, пал на поле брани, к нему подскакал Ван-хан и, склонившись над ним, молвил:

«Ты недруга
В бою побить желал,
Но сам ты ранен
И на землю пал.
Ты на соседа
Пожелал напасть,
Но рок твой —
Со стрелой в щеке упасть!
За то, что кровь
Сыновья пролилась,
На недруга
Я нападу тотчас!»
Тут выступил вперед Ачиг ширун:
«Прошу, остерегись,
Владыка хан,
Не нападай сейчас
На вражий стан.

Припомни,
Как, желая сына, сам
Молился ты
Когда-то небесам.
И до небес
Мольба твоя дошла:
Жена тебе
Сэнгума родила.
Уйми же, хан,
Воинственный свой пыл,
Молись, чтоб выжил сын,
Здоровым был.

К тому же нынче большинство монголов, идя за Жамухой, Алтаном и Хучаром, уже пристали к нам. Те ж, что переметнулись к Тэмужину, от нас далече не уйдут.

У каждого из них лишь по коню,
И кров их скромный — лес укромный.
И коли сами они не явятся тотчас,
Нам ничего не будет стоить
К рукам прибрать их,
Как конский подбирается навоз».

И, согласившись со словами Ачиг шируна, Ван-хан молвил: «Воистину ты прав, Ачиг ширун. Как бы всерьез не захворал мой сын Сэнгум! Так позаботься о его выздоровленье!»

Сказав это, он удалился с поля брани.

Тем временем Чингисхан выступил из Далан нумургэс в сторону реки Халхин-гол. И шли с ним тогда две тысячи шестьсот человек, коих половина двигалась западным берегом реки, а другая половина, уругуды и мангуды, — восточным. И добывали они себе в пути пропитание облавной охотой. И, не вняв словам Чингисхана, погнался за антилопой не залечивший толком свои раны Хуилдар, и занедужил он после того пуще прежнего, и скончался вскорости. И схоронили прах его на берегу Халхин-гола, в местности, именуемой Ор нугын хэлтгий хад.

Прослышав, что в том месте, где Халхин-гол впадает в озеро Буйр, кочуют безбедные хонгирады, Чингисхан послал к ним уругудов во главе с Журчидэем и дал такой наказ:

«Ты давнюю им присказку напомни
О том, что испокон веков

Лишь славой дев своих
Все хонгирады жили;
Пожалуй, с радостью
Они последуют за нами.
А вздумают противиться,
То повоюй и полони негодных!»

Но хонгирады и не думали противиться, а покорно пошли за Журчидэем. И потому Чингисхан не разорил народ хонгирадский.

Сказ о посольстве Чингисхана

После того как Чингисхан понудил покориться хонгирадов, он удалился с тех земель, пришел и сел на восточном берегу речушки Тунхэ горхи. И послал Чингисхан* к Ван-хану послами Архай хасара и Сухэхэй жэгуна со словами: «Мы стали станом на восточном берегу речушки Тунхэ горхи. Какие сочные, прекрасные тут травы! Здесь наши лошади набрались сил, окрепли. К тебе, отец Ван-хан, я шлю послов спросить, почто ты сердишься, почто меня пугаешь? Почто нам не даешь покоя, наводишь страх на недостойных сыновей и дочерей своих?

Зачем ты набежал и потревожил
Досуга моего, покоя ложе?
Дым над моими юртами курился —
Зачем его развеять ты решился?
Ты устрашить, ты погубить желаешь
Того, кого давно считал за сына…
Сын недостоин твоего отцовства?
Какая гнева твоего причина?
Мой мудрый хан-отец,
Во что поверил ты?
Как сердце ты открыл
Уколам клеветы?

Так вспомни, хан-отец, о чем с тобой уговорились мы, сойдясь в Улан болдоге. Тогда пообещали мы друг другу:

«Коль змеи ядовитой жало
Подстрекало бы нас, искушало,
Клевету, навет извергало —
Расходиться нам не пристало:

Мы сойдемся лицом к лицу,
Как положено добрым соседям,
Яд губительный обезвредим».

Так почему же нынче ты преследуешь меня, сгубить желая? Почто лицом к лицу сойтись не хочешь для беседы? Разве любезно не порешили мы с тобой однажды:

«Если б вдруг смертоносный клык —
Злой разлад среди нас возник,
Злыдень не одолел бы нас…
Мы бы встретились с глазу на глаз,
Примирительный разговор
Завершил бы любой наш спор».

Почто же нынче, хан-отец, не встретившись, ни словом не обмолвившись со мною, ты отойти от сына поспешил? Пускай немного нас, монголов, ни в чем мы не уступим и изрядной силе; пускай народ монголы недостойный, ничем не хуже мы и истинно достойных. Коль у телеги, что о двух оглоблях, вдруг переломится одна, быку телегу ту не увезти. Не я ли, хан-отец, в твоей телеге был этой самою оглоблей?! Коль у повозки, что о двух колесах, одно отвалится внезапно, то далее возок уже ни с места. Не я ли, хан-отец, в твоей повозке был этим самым колесом?!

Из сорока сынов Хурчахус Буйруг-хана по праву старшего ты ханом стал. И, ханом став, ты братьев младших погубил — Тай тумур тайши и Буха тумура. Другой твой младший брат, Эрхэ хар, тобою быть убитым убоявшись, бежал и был призрен найманским Инанча билгэ. Прогневал ты Гур-хана, дядьку по отцу, тем, что нещадно загубил ты младших братьев; и ополчился на тебя Гур-хан, в сражении побил; едва живым, лишь с сотнею мужей своих бежал ты с поля брани к Селенге и здесь в ущелье Харагун укрылся. Подластившись к мэргэду Тогтога, дочь свою, Ужагур ужин, ему отдав, едва ты выбрался из Харагунского ущелья; и к моему отцу, Есухэй-хану, ты, Ван-хан, пришел и умолял отца улус твой у Гур-хана отобрать. И поднял на Гур-хана Есухэй своих мужей, и в бой тайчуды их вели — Хунан и Бахажи. И, разгромив Гур-хана в Гурван Дэрсте, понудил Есухэй его бежать в страну Хашин. Лишь двадцать или тридцать воинов сумел с собою увести Гур-хан. Так спас Есухэй-хан улус твой и возвратил его тебе. Тогда с отцом, Есухэй-ханом, вы побратались в Черной роще, что на Толе. Возрадовавшись радостью великой, Ван-хан, тогда ты

молвил: «Да поможет теперь мне Небес и Земли покровительство отплатить благодарностью за услуги великие, кои вовек не забудут потомки мои благодарные!»

Но засим младший брат твой, Эрхэ хар, на тебя ополчился, войско выпросив у найманского Инанча билгэ. И покинул улус свой, и с горсткой людей ты бежал. В Сартаульской земле, на Чуй-реке приют себе нашел ты у Гур-хана, правителя хар хятанов. Но, и года при нем не пробыв, ты с Гур-ханом расстался и, по землям уйгуров и тангудов скитаясь, скудной пищей перебивался. Доя пять дойных коз и точа на еду кровь верблюда, на буланом слепом жеребце ты до наших пределов насилу добрался.

Прослышав о твоих, Ван-хан-отец, мытарствах и памятуя о вашем прежнем с ханом Есухэем побратимстве, послов направил я тебе навстречу — Сухэхэя и Тахая. Затем из Бурги эрэг, что на Керулене, пришел и встретился с тобою самолично у озера Гусэгур. Не я ли, зная, что ты явился чуть живым, оброком обложил аратов в твою пользу? Точь-в-точь как прежде, в дружестве с отцом моим вы клятву дали в Черной роще, что на Толе, не поклялись ли мы друг другу быть отцом и сыном? И помнится, зимою той я в курене своем тебя призрел. До следующей осени мы кочевали вместе, а осенью пошли войной на Тогтога бэхи. С мэргэдами сразились мы в Муручэ Суле в отрогах Хатиглигского хребта и Тогтога бэхи погнали к Баргужин тухуму. Пленили мы тогда народ мэргэдский и их скотину, жилища и съестное захватили; тебе все отдал я, мой хан-отец.

В те дни, когда ты голодом терзался,
Я милосердным был, тебя кормил;
Когда ты в одиночестве скитался,
Тебе опорой и поддержкой был.

Потом, повоевав найманов Хучугурдэй Буйруг-хана, погнали мы его по местности Сохог ус, понудили перевалить через Алтай, шли по пятам до речки Урунгу. У озера Хичилбаши разбили мы врага дружину. Когда мы возвращались из похода, в излучине реки Байдраг дорогу преградил нам Хугсэгу сабраг найманский, желая нас повоевать. Мы быстро выстроили в боевой порядок свою рать. Но уж смеркалось. И тогда уговорились мы с врагами биться завтра. Но среди ночи ты, мой хан-отец, горящие костры оставив на привале, вверх по течению реки Харсул увел поспешно ратников своих. Наутро мы узрели, что на привале нет тебя, что бросил ты нас, словно те костры. И двинулись мы с войском и, стрелку перейдя, где Эдэр сливается с Алтаем, пришли в Саарь хээр и сели там.

Тем временем батыр найманский Хугсэгу сабраг вслед за тобою устремился. Он полонил жену, детей, он захватил всех подданных и все добро Сэнгума, сына твоего. Тебя настиг он в местности Тэлэгэту амсар, в сражении отбил немало подданных и табуны твои. Тобой захваченные прежде сынки мэргэдского Тогтога бэхи — Худу и Чулун момент благоприятный улучили, забрали подданных своих, затем с отцом соединились и двинулись на Баргужин тухум.

Тогда ко мне гонца послал ты со словами: «Разор мне учинил найманский Хугсэгу сабраг: всех подданных в полон забрал, имущества меня лишил. Сын мой, прошу и умоляю: пошли на помощь мне бесстрашных четырех богатырей своих!»

Тогда-то, не в пример тебе, дурного не замыслив, я тотчас Борчу, Мухали, Борохула и Чулуна всем вам на помощь с ратью отослал. Тем временем Сэнгум с найманами сражался в Улан хуте и сам едва не был пленен. Но вовремя поспели богатыри мои, у недруга его отбили, тебе сполна все возвратили, что было отнято врагом. И молвил ты тогда благоговейно: «Достойный сын мой, Тэмужин, послал мне четырех богатырей и возвратил улус, что я утратил».

Скажи мне, хан-отец, в чем пред тобою провинился, чем тебя прогневал я теперь? Через послов своих Хубарихури и Идургэна извести о том. Коль не отправишь их — пошли гонцом другого!»

И с этими словами Чингисхан своих послов Архай хасара и Сухэхэй жэгуна к Ван-хану отослал.

Выслушав эти слова, Ван-хан покаянно вскричал:

«О горе мне, горе!
Достойного сына я предал,
Улус опозорил,
виновен в его разоренье.
Я тесные узы расторг
с благородным, с достойным
Разрыв допустил…
Это только мое преступленье!»

И к покаянью своему присовокупил Ван-хан клятву:

«Вот так же пусть моя прольется кровь,
Коль против сына Тэмужина недоброе замыслю!»

И уколол он ножом подушечку мизинца своего, и, выточив из раны несколько капель крови, слил их в чашечку, отдал ее своему

гонцу и наказал: «Сыну передай!»*

И наказал также Чингисхан послам своим передать анде-побратиму Жамухе такие слова:

«Из черной зависти ты разлучил меня с Ван-ханом. Помнится, в детстве, когда с тобой мы жили в юрте у него, меж нами было уговорено: тот пьет кумыс из синей чаши хана, кто встанет раньше поутру. Я вечно упреждал тебя и пил кумыс из синей чаши хана. Тогда от зависти возненавидел ты меня. Что ж, вдоволь пей теперь из синей чаши хана! Да только вряд ли много чаш осушишь ты…»

И послал также Чингисхан гонцов к Алтану и Хучару передать такие слова: «Почто вы отвернулись от меня? Недоброе замыслили иль как? Хучар — ты сын Нэхун тайши, и потому мы предлагали ханом быть тебе. Но сам ты им не стал. Тебя, Алтан, как сына нашего владыки, Хутула-хана, мы возвести на ханский трон хотели. Но ведь и ты согласия не дал. И Сача бэхи и Тайчу, которые потомков Бартан-батора по происхождению знатнее, упрашивал я тщетно в ханстве бразды правления принять. Никто из вас не согласился, поэтому я, возведенный вами в ханы, правил всем народом.

Но если б ханом стал один из вас,
То, получив благословенье Неба,
Я трусости б не знал,
Во всех походах и во всех сраженьях
Я б впереди скакал
И для владыки забирал в полон
Прекрасных дев, красивейших из жен.
Коней бы у врагов я отбивал
И самых лучших — хану доставлял.
Ко времени его охоты ханской
На антилоп лесных
Выслеживал бы и поближе к хану
Я подгонял бы их.
Степных джейранов
В стадо б я сбивал,
Чтоб табуном держались
Среди скал;
Так утеснял бы,
Чтоб они, бедняжки,
Толкались, терлись
Ляжками об ляжки…

Сородичи мои! Ведь до сих пор в народе отступниками все

слывете вы. Так хоть теперь с Ван-ханом дружество храните и вдругорядь не смейте своему владыке изменять! Да не позорьте звание гвардейца жаут хури!* Да не позвольте ворогу вступить в пределы отчины, к истокам трех родимых рек!»*

«Скажи сие Торилу, меньшому «брату» моему» — такой наказ Чингисхан дал послам своим и отослал к Торилу со словами: «Давным-давно Чархай линху и Тумбинай вернулись из похода с пленником по имени Охта. Его потомок — раб Субэхэй. Сын Субэхэя — Хохочу хирсан, сын Хохочу хирсана — Ехэй хонтахар. Ты, Торил, — сын того Ехэя хонтахара, нашего холопа. Так чей же ты улус своим холопством теперь замыслил захватить?! Ведь никому другому Алтан и Хучар в моем улусе править не позволят. Поэтому тебя я меньшим «братом» кличу.

Вот сказ мой милосердный,
Непритворный
Тебе, что искони —
Наш раб покорный.
Все то же я скажу тебе
Повторно.
Понеже ты вовек
Наш раб бесспорный».

И приказал также Чингисхан послам передать анде Сэнгуму такие слова: «Родился я в отцовском дэле, достойным сыном своего отца. Ты ж, как все смертные, на этот свет нагим явился. Ван-хан-отец двоих нас равно опекал. За это ты, Сэнгум, меня и ревновал, псов своих верных натравлял, вбить между нами клин старался. Отныне ты не береди отцову душу, родительское сердце не терзай, напротив, по утрам и вечерам отца родного навещая, отцовы думы ты возвесели, рассей его душевные заботы. Пока во здравии наш хан-отец, оставь все мысли о его престоле, родительскую душу не томи. Брат названый, Сэнгум, пошли ко мне послами Билгэ бэхи и Тутугэна».

И присовокупил к сказанному Чингисхан: «Мой хан-отец, мои два побратима, Сэнгум и Жамуха, и вы, Алтан, Хучар, Ачиг ширун и Хачигун! Пускай придут ко мне по два посла от каждого из вас!»*

И понудил Чингисхан послов Архай хасара и Сухэхэй жэгуна повторить его устные послания и засим отправил их.

И выслушал речи посольские Сэнгум и молвил в ответ:

«Еще недавно отца он называл убийцей-старичиной;
Теперь Ван-хан ему отцом любезным стал?!

За то, что неразлучен с Тогтога шаманом,
Меня хвостом овечьим он прозвал;
А нынче вдруг я побратимом стал?!

Коварный смысл его речей я все ж уразумел: повоевать он нас желает, несомненно! Билгэ бэхи и Тутугэн, готовьте боевых коней, установите боевое знамя!»

И, услышав слова эти, Архай хасар отправился восвояси, а Сухэхэй жэгун остался у хэрэйдов. Семья — жена его и дети — жила в курене Торила, и Сухэхэй жэгун был очень обеспокоен их судьбой.

И пришел Архай к Чингисхану и пересказал ему слово в слово речи хэрэйдские.

Вскоре перекочевал Чингисхан к озеру Балжуна*. И повстречался ему там Чогос цаган из племени Горулас, после чего все горуласцы покорились Чингисхану.

И еще к нему явился на белом верблюде человек по имени Асан сартагтай*. Тот Асан гнал тысячу овец из пределов онгудского Алахуши дигитхури* и остановился у озера Балжуна напоить отару. И дальше путь его лежал в окрестности реки Эргунэ, где он желал купить беличьи и соболиные меха.

Рассказ о том, как были разбиты хэрэйды

Когда Чингисхан сидел у озера Балжуна, к нему пришел брат его, Хасар. Вместе с горстью нукеров он отошел от Ван-хана*, оставив в его курене жену свою и трех сыновей — Егу, Есунхэ и Туху. Безуспешно искал Хасар своего старшего брата, бродя по склонам Харагун жидуна. Уже вконец оголодав, набрел на брата он у озера Балжуна. Обрадовавшись брату, порешил Чингисхан послать посольством к Ван-хану Халигудара из племени Жэгурэдэй и Чахурхана из племени Урианхдай, и наказал Чингисхан им передать хану-отцу такие слова Хасара:

«О хан-отец!
Искал я брата, Тэмужина,
Но след его простыл,
В смятении
Все проглядел глаза —
Но не видать его.
Нет от него вестей,
Я в одиночестве брожу,
А ночью, притулившись к пню,

Я в небо звездное гляжу.

Мои жена и дети остались у вас в улусе. Надежного пришлите человека, и к вам я с ним отправлюсь в тот же час».

И еще сказал Чингисхан Халигудару и Чахурхану: «Как только вы отправитесь к Ван-хану, мы двинемся на Керулен в Аргал хухий и станем станом там. Повелеваю вам туда явиться!»

И, отправив Халигудара и Чахурхана послами к Ван-хану, Чингисхан выслал вперед, в разведку Журчидэя и Архая, а уж за ними двинулись и все остальные. И пришли они и сели на Керулене в урочище Аргал хухий.

И пришли Халигудар и Чахурхан к Ван-хану, пировавшему в то время под сводами золотого шатра, и молвили ему слова, кои велено было передать как речи Хасаровы.

И выслушал их Ван-хан и сказал в ответ: «Коль так, да изыдет ко мне Хасар! За ним пошлем мы верного нам Итургэна».

Когда вместе с Халигударом и Чахурханом Итургэн подъезжал к условленному месту —. урочищу Аргал хухий, впереди он узрел множество людей и скота; заподозрив недоброе, он поворотил коня и поскакал прочь. У Халигудара был резвый скакун, и он быстро догнал беглеца, но, не в силах остановить его, то обгонял Итургэна, то следовал за ним. Лошадь Чахурхана была не столь резвой, как конь Халигудара, поэтому Чахурхан, насилу приблизившись к беглецу на расстояние полета стрелы, выстрелом из лука осадил Итургэна на круп вороного, под золотым седлом, коня. Потом Халигудар и Чахурхан схватили Итургэна и привели к Чингисхану. Ничего не пытая у Итургэна, он приказал: «Ведите пленного к Хасару». Когда Итургэна привели к Хасару, тот, не тратя слов, на месте зарубил ворога хэрэйдского.

И сказали тогда Халигудар и Чахурхан Чингисхану: «Под сводами шатра златого Ван-хан в беспечности пирует. Наш хан, давай тотчас же ополчимся на хэрэйдов и, окружив их под покровом ночи, на ворогов внезапно нападем!»

Чингисхан одобрил слова своих мужей и отправил в разведку Журчидэя и Архая, а за ними под покровом ночи в поход на хэрэйдов двинулись основные силы. И окружили они Ван-хана в Жэр хавцгайском ущелье, что в горах Жэжэр. И бились наши с хэрэйдами три ночи и три дня, и на исходе третьего дня враг сдался.

Ван-хана и Сэнгума среди пленных хэрэйдов не оказалось. Ночью им удалось незаметно для наших выбраться из ущелья. А сражался против нас все эти дни Хадаг-батор из племени жирхин

со своими мужами.

И приступил Хадаг-батор к Чингисхану, и молвил: «Чтобы не попал наш хан во вражеские руки и дабы не был ими умерщвлен, три ночи и три дня мы бились, его оберегая жизнь. Теперь, спася его от смерти и выведя из вражьего кольца, на милость победителей мы сдались. Коли прикажешь, хан, убить меня, умру. Но если соизволишь мне оставить жизнь, верой и правдой послужу тебе!»

И одобрил Чингисхан его речи, и повелел тогда же: «Кто смеет мужа осудить, не бросившего хана своего, сражавшегося, дабы жизнь его спасти?! Такой нам в нукеры годится!»*

И даровал Чингисхан жизнь Хадаг-батору, и отдал он его и сто Других жирхинцев в услуженье вдове и детям Хуилдара, умершего от ран. И повелел при этом Чингисхан: «Коль у жирхинцев народятся сыновья, пусть верою и правдой служат сродникам нукера Хуилдара. Родители жирхинских дев не смеют по своей воле вы* давать их замуж! Да будут все они — их сыновья и девы — в бессрочном услужении семейства Хуилдара!»

Хуилдар сэцэн самым первым поклялся в преданности своей, поэтому Чингисхан повелел: «За службу истовую Хуилдара да не оставим мы своей заботой всех его потомков — и больших, и малых!»

История бесславной гибели Ван-хана

Повоевав хэрэйдов, Чингисхан отдал людей, коих похватали на побоище, своим сродникам и мужам. Так, Тахай-батору из племени Сулдудэй за заслуги его была отдана в услужение сотня жирхинцев. Ибаха бэхи, старшую дочь Жаха гамбы — младшего брата Ван-хана — взял Чингисхан себе в жены, а ее младшую сестру по имени Сорхагтани отдал своему сыну Толую. Даровав прощение самому Жаха гамбе и не учинив разора его подданным, Чингисхан пожелал, дабы тот, подобно второй оглобле телеги, стал верным соратником его.

Тогда же Бадаю и Хишилигу дарованы были шатер златоверхий, в котором восседал Ван-хан, чаша златая, из коей он пил, а также вся свита и челядь, что ему прислуживали. Сии дары преподнося, хан молвил:

«Всю челядь отдаю вам в услуженье:
Пускай вам на пиру подносят чаши,
А на охоте ваш колчан таскают.
Пускай из поколенья в поколенье

Ваш достославный род, потомки ваши,
Повинностей не зная, процветают.
Желаю, чтобы горы той добычи,
Что у врага в сраженье отобьете,
Навек остались с вами;
Надеюсь я, что грудой разной дичи,
Которую убьете на охоте,
Воспользуетесь сами».

И возгласил тогда же Чингисхан:

«Бадай и Хишилиг спасли мне жизнь, великую услугу оказали. И, покровительство у Нёба Вечного найдя, хэрэйдов я поверг и на престол высокий я взошел. Так пусть же ныне и вовеки, аж до праправнуков, наследники престола моего заслуги этих двух мужей не забывают!» Так повелел он.

Хэрэйдов племя повоевав,
Своих никого мы не позабыли —
Пленных меж всеми распределили.
Тумэн тубэгэнцев в полон забрав,
Его на части тотчас поделили,
Мужам и сродникам всех раздали.
В день боя, еще не приспела тьма,
Донхайдцев множественный народ
Уж был по стойбищам разведен.
И полоненных жирхинцев тьма —
Воинственный и жестокий род —
Меж воями также был поделен.

Довершив избиение хэрэйдского народа, Чингисхан сидел всю зиму в урочище Абжига худэхэри.

Ван-хану и его сыну Сэнгуму удалось вырваться из кольца наседавших на них мужей Чингисхана. Когда, добравшись до места Нэгун ус в урочище Дидиг сахал, Ван-хан спешился у реки, чтобы утолить жажду, на него наехал Хори субэчи из караульного отряда найманов.

«Я — Ван-хан», — назвался беглец. Но Хори субэчи не знал хана хэрэйдов в лицо; он не поверил иноплеменнику и убил его.

Тем временем сын Ван-хана Сэнгум, его конюший Хухучу с женой ехали втроем в обход урочища; в поисках источника они скакали по пустынному песчаному нагорью, как вдруг Сэнгум заприметил стадо куланов, которые паслись, отбиваясь хвостами от оводов и мух. Сэнгум сошел с коня, передал поводья

конюшему, а сам крадучись стал подбираться к куланам. Когда Сэнгум удалился на порядочное расстояние, Хухучу поворотил своего коня вспять и пустил его рысью, уводя за собой и лошадь хозяина. Жена конюшего окликнула мужа:

«Всегда ты был хозяином приближен,
Ни платьем, ни едою не обижен.
Души в тебе не чаял он — почто ты
Спешишь отвергнуть ханские заботы?
Зачем ты от Сэнгума убегаешь,
На произвол судьбы его бросаешь?»

Видя, что жена начинает отставать, Хухучу крикнул ей: «Никак, ты хочешь стать женой Сэнгума?»

На что та ответила: «Негоже, милый, бессовестною тварью, псу подобной, считать меня! Прошу тебя, оставь ему хотя бы чашу золотую! Пусть будет из чего воды напиться».

Хухучу швырнул назад золотую чашу и поскакал восвояси. Явившись к Чингисхану, конюший поведал владыке, как бросил Сэнгума средь песчаных барханов, пересказал слово в слово свою перебранку с женой. Выслушав его, Чингисхан повелел: «Дарую жизнь лишь женщине его. Конюший же, что бросил хана, что своего же властелина предал, и моего доверья недостоин». И Хухучу тотчас был казнен.

Рассказ о том, что замыслил надменный Таян-хан

Узнав о случившемся в урочище Дидиг сахал, мать Таян-хана найманского Гурбэсу* сказала: «Ван-хан — потомок рода древнего и ханского к тому же. Пусть принесут мне голову несчастного того. И если убиенный — точно хан хэрэйдов, устроим тризну по усопшему тогда».

С чем и послали к Хори субэчи. Тот голову убитого отсек, доставил в ставку, где ее и опознали. А опознав, водрузили на белый войлок и совершили обряд жертвоприношения — возложили перед новым кумиром напитки и кушанья; прислуживали при этом невестки — стол трапезный накрывали, кубки с вином подносили, наигрывали на хуре*.

В разгар церемонии голова Ван-хана вдруг рассмеялась.

«Она смеется!» — вскричал взбешенный Таян-хан и велел ее растоптать.

Воля хана была немедля исполнена.

Тогда найманский воевода Хугсэгу сабраг, поступок хана не

одобрив, изрек: «Негоже, хан, с кумиром — главою хана убиенного — так обходиться. Вон и собаки заскулили на дворе. Все это не к добру! Отец твой, Инанча билгэ, однажды слово обронил такое:

«Почтенные пришли ко мне года,
Жена была, однако, молода.
И был всевластным Небом дар мне дан:
На свет явился мальчик — сын Таян.
Тщедушным, словно хилый тальник, сын мой рос,
И задавал я сам себе вопрос:
Как сможет он страною управлять,
Тьмой подданных своих повелевать?»
Сомнения терзали душу твоего отца, и, видно, неспроста.
Собаки брешут — беды на носу.
Единовластно ханша Гурбэсу
В округе всем и всеми управляет.
Ты робок, Таян-хан, и мягкотел.
Охота — твой единственный удел,
Другого голова твоя не знает».

Не вняв увещеванью воеводы, самолюбивый Таян-хан надменно рек:

«Торчат в степи, что на востоке, и много возомнили о себе монголы. Их кучка жалкая до смерти запугала, согнала с отчины и в бегство обратила, и, наконец, свела-таки в могилу Ван-хана, потомка древлеславнейшего рода. Ужели всех прибрать к рукам они хотят, поставить хана своего над нами? Известно, что на небе два светила — луна и солнце; в их воле освещать небесный свод. Но как же можно на земле двум ханам сразу править?! Я непременно попленю монголов этих и в отчину свою их пригоню»*.

Но мать его на это возразила:

«Что пользы нам от них? Одна морока!
Немытые тела их так смердят,
Одетые в нестираный халат.
Нет от монголов никакого прока.
Нам приближать их вовсе не пристало.
Вот разве только девок их отбить,
Пригнать да хорошенько их отмыть —
Могли б они коров доить, пожалуй».

На это Таян-хан сказал:

«Какие б ни были они, а все же мы пленниками их приведем к себе, колчаны их захватим».

Но тут все тот же верный воевода Хугсэгу сабраг предостерег его: «Не много ль на себя берешь, мой хан? Тебе ли говорить такое? Одумайся, прошу».

Надменный Таян-хан, не вняв ему, тотчас же отослал посла по имени Торбиташи к главе онгудов Алахуши дигитхури со словами: «Монголов кучка, что в степях восточных, кичиться стала силою чрезмерно. Так вместе повоюем тех монголов, их попленим, колчаны отберем. И выступай, мой Алахуши, немедля и будь в моей дружине правым краем».

Выслушал найманского посла Алахуши дигитхури и отослал с таким ответом: «Нет, не могу быть правым краем в твоей дружине».

И тут же вождь онгудов послал гонца по имени Юхунан с поклоном к Чингисхану и словами: «Найманский Таян-хан твои колчаны отобрать грозится. Мне предложил в его дружине правым краем быть. Я отказался — и Небо Вечное тому свидетель. Теперь же, зная замыслы его, я шлю гонца тебя предостеречь: будь осторожен, не дай врагу себя обезоружить»*.

Юхунан, посыльный Алахуши дигитхури, разыскал Чингисхана в урочище Тулгинчэгуд в окрестностях Тэмэн хээр, где он устроил облавную охоту. Выслушав онгудского гонца, здесь же, в урочище, собрались держать совет*, как быть, что делать.

«Отощали лошади у нас, воевать теперь не можем», — сетовали многие мужи. Но Отчигин ноён* им возразил: «Тоже мне нашли причину — кони, мол, их отощали. А мои — крепки и в теле. Разве смеем сложа руки мы сидеть, коли известие такое получили?!»

Отчигин ноёну вторя, Бэлгудэй ноён такое слово молвил:

«В живых остаться
Да с колчанами вдруг расстаться?
Стоит ли тогда за жизнь цепляться?
Для достойного мужа, поверьте,
Нет почетнее смерти,
Чем сном забыться вечным
На просторе степном, бесконечном.
Верой в силы свои укрепляясь,
Так найманы рекут, похваляясь:
«Наш улус — обширный, пространный!..
Многочисленны мы, найманы,

И стада у нас так обильны,
Род найманов — воинственный, сильный».
На найманов ратью пойдем,
Нападем на них, нападем.
Все найманские земли займем.
Не помешкает наша рать
Луки, стрелы у них отобрать.
Если мы нападем тотчас,
Не успеют найманы от нас
И свои табуны угнать.
Побросают скарб, побегут,
Даже ставку свою не свернут,
Не успеют юрты убрать.
В одиночку они и скопом
По лесным разбредутся тропам —
Гибель каждого ожидает…
Таян-хан набег замышляет —
Слов коварных его не снесем,
Нападем на него, нападем».

Рассказ о том, как Чингисхан занимался устроением войска и караульной стражи

И одобрил Чингисхан речи Бэлгудэй ноёна, и, покончив с охотой, откочевал из Абжига худэхэриг, и стан раскинул в местечке Ор нугын хэлтгий хад, что на реке Халхин-гол. Подсчитав силы свои, разделил Чингисхан дружину свою на тысячи, на сотни и десятки и поставил над ними тысяцких, сотников да десятников.

А Додаю, Доголху, Угэлэ, Толуну, Бучарану и Суйхэту был пожалован чин высокий — чэрби*.

И, покончив с этим, занялся Чингисхан устроением личной караульной стражи — хишигтэна*, в коей было восемьдесят хэвтулов — ночных охранников и семьдесят турхагов — гвардейских стражников дневной охраны.

И собрал Чингисхан в свою караульную стражу всех смышленых и крепких телом мужей — сыновей и младших братьев сотников своих и тысяцких, а также сыновей и младших братьев людей свободного состояния.

Обратясь милостиво к Архай хасару, Чингисхан тогда же повелел: «Тысячу лучших мужей отбери! Во дни сражений впереди меня пусть в бой они идут! В дни мира и покоя пусть

личною охраной моей стоят на карауле!»

И повелел он тут же: «Да будет Угэлэ чэрби главою над турхагами стоять! И в том помощником ему пусть будет Хутусхалчан».

И молвил дальше Чингисхан: «Пускай дневальные мои — стрелки-хорчины, турхаги и прочие конюшие, и вратари, и кравчие несут дозор, нас охраняя, сменяясь каждодневно. Перед закатом солнца пускай сдают свой пост ночным охранникам — хэвтулам. А те всю ночь пускай стоят у входа часовыми, обходят стан дозором. Пока мы утром заняты едою, хорчины и турхаги, вратари и кравчие должны явиться и на посту хэвтулов заменить. А через трое суток сменного дозора охране всей для отдыха смениться надлежит».

Так Чингисхан дружину разделил на тысячи, назначил шесть чэрби, устроил стражу караульную — хишигтэн, поставил Архай хасара главою гвардии своей и выступил повоевать найманов.

Рассказ о том, как был полонен народ найманский

В день после полнолуния — шестнадцатого числа первого летнего месяца года Мыши*, окропив боевое знамя, Чингисхан выступил в поход*.

Зэв и Хубилай, посланные в дозор вверх по реке Керулен, добрались до долины Саарь хээр, где наехали на разъезд найманов, располагавшийся на вершине Ханхар ханы. В короткой стычке найманы захватили у наших дозорных тощую пегую кобылу под плохоньким седлом. Найманский разъезд, отбивший эту кобылу, разнес слух о том, что «кони у монголов вконец отощали».

Тем временем и наши главные силы достигли долины Саарь хээр. В ставке решался вопрос: «Как быть дальше?» И тогда Додай чэрби, обращаясь к Чингисхану, сказал: «О, хан, немногочисленны, утомлены столь дальним переходом наши силы. И потому я предлагаю задержаться здесь, чтоб воинам дать отдых, а лошадям — насытиться хотя бы. Давайте стан раскинем и по всей долине расставим наши силы; причем пусть каждый муж, живая каждая душа по пять костров разложит ночью разом, чтоб навести нам на найманов страху. Доносят нам, что враг числом нас превосходит; при этом говорят, что Таян-хан — дитя изнеженное, что прежде никогда не покидал отцовской юрты он. Покуда будут сбиты с толку, запуганы кострами нашими враги, дадим своим коням мы передышку, откормим их, и вот тогда, пожалуй, самая пора напасть нам на передовые их отряды,

преследовать до главного их стана, воспользоваться паникой врага и одолеть его в решающем сраженье».

Додая чэрби речи мудрые пришлись владыке по душе, и отдан был приказ разжечь костры. И стали наши станом по всей долине Саарь хээр, и каждый из мужей разжег по пять костров.

Разъезд найманский, взиравший на долину с вершины Ханхар ханы, был ночью крайне поражен: «Ведь говорили, что монголов мало. Костров же здесь, в долине, больше, чем на небе звезд!»

И, в стан пригнав отбитую кобылу под плохоньким седлом, дозорные найманы доложили: «Монгольские войска заполонили всю долину; их силы, подобно бьющему из-под земли ключу, все прибывают. А ночью их костров пылает больше, чем на небе звезд».

Выслушав донесение дозорных, Таян-хан, сидевший в местечке Хангайн Хачир ус, послал гонца к сыну Хучулуг-хану со словами:

«Истощены монголов кони,
Доносят нам. Но, судя по кострам,
Которых больше, чем на небе звезд,
Монголов тьма. И коли нам сейчас
С монголами столкнуться б довелось,
От них не отвязались бы мы разом…
Монголу проколи щеку насквозь,
А он, упорный, не моргнет и глазом.
Ему хоть кровью б истекать пришлось —
Он не отступит: не такого склада.
Вступать в борьбу, надеясь на авось,
Со стойкими монголами не надо*.

Но мы наверно знаем: кони у монголов отощали. И потому я предлагаю: мужей найманских переправить за Алтай; там наше войско укрепим. В монголах страсть наживы разжигая, собакою на поводке притащим их в пределы отчины родной. Поскольку лошади у нас упитаны вполне, они в походе брюхо подберут, и только. А вражеские клячи выбьются из сил, костей мешок от них останется, пожалуй. Тут и ударим мы врагу навстречу».

Выслушав переданные ему слова отца, Хучулуг-хан рек раздраженно: «Труслив, как паршивая баба, отец мой, Таян-хан, и потому сейчас несет такое. Откуда вдруг привиделась ему монголов тьма? Ведь большинство их вслед за Жамухой прибились к нам».

И, понося на все лады отца,

Сын передал ему через гонца:
«Так может рассуждать лишь Таян-хан,
Чьей трусости нет меры и конца,
Чей путь от юрты — к пастбищу телят
И, без привычки, — сразу же назад,
Брюхатой бабе за нуждой пойти —
Видать, не знал он большего пути».

Услышав, как его поносит сын, Таян-хан молвил:

«В твоих насмешках, сын мой, Хучулуг,
Надменности и похвальбы немало.
А как дойдет до драки, свой испуг
От глаз людских не скроешь ты, пожалуй.
Надменный нрав показывай врагу,
А я лишь повторить тебе могу:
Ввязавшемуся в схватку забияке
Уже не выйти без потерь из драки».

Но Таян-хана правая рука, великий ноён Хори субэчи на это возразил:

«Нет, не доводилось отцу твоему никогда
От равного силой врага удирать.
Нет, хан Инанча билгэ не стерпел бы стыда
В сраженье коней поворачивать вспять.

Что ты заране возбоялся, Таян-хан?! Знай прежде, что ты такой отважный, мы верховодить бы поставили над всеми воинственную ханшу Гурбэсу. Все к одному: на счастие монголов и богатырь наш Хугсэгу сабраг вконец уж одряхлел — порядка в нашем воинстве не стало. Никчемный из тебя правитель вышел, Таян-хан».

В сердцах ударив по колчану, великий ноён Хори субэчи поворотил коня и прочь умчался.

Разгневанный речами великого ноёна, Таян-хан вскричал: «Не все ль равно, что умереть в бою, что долгий век влачить, дряхлея телом! А коли так — то будем биться!»

Найманы снялись с местечка Хачир ус и двинулись в направлении реки Тамир; по пути они переправились через реку Орхон, обогнули восточный склон горы Наху хун*; вблизи местечка Цахир могод их заметили дозорные Чингисхана.

Когда Чингисхану донесли о приближении найманов, он сказал: «Чем больше их, тем больших жди потерь. А мало их — невелики потери будут!» И повелел Чингисхан двинуть войска навстречу найманам.

Отогнав передовой отряд неприятеля, наши ратники выстроились в боевой порядок; и было решено:

«Как колючки караганы в тело недруга вонзая,
Тут и там его терзая, обтекая, окружая,
Клинья по бокам вбивая,
Разрывая, расчленяя,
Будем бой вести»*.

Отдав главные силы под начало брата Хасара, а запасный табун — Отчигин ноёна, сам Чингисхан поскакал впереди своего войска.

И повернули найманы вспять от Цахир могода и раскинули стан у подножия восточного склона горы Наху хун.

Наш сторожевой отряд, преследуя дозорных найманов, наехал на стан их главных сил. Узрев врага, Таян-хан спросил у Жамухи, который выступил против Чингисхана заодно с найманами: «Скажи мне, кто эти волки, что гонятся за нашими мужами, словно, овечье стадо настигая, прорваться так и норовят в загон?»

На это Жамуха ответил: «Есть у моего анды Чингиса четыре пса, на цепь посаженные, мясом человечьим вскормленные. Они-то и преследуют дозорных наших.

Не сердца у них, а уголья,
Языки — что острые колья.
И носы у них, как зубила,
И не лбы — чугунные била,
Четыре бешеных пса.
Оборвали железные цепи,
Побежали они через степи.
Как слюна-то из пасти брызнет —
Посягают на тысячи жизней
Четыре бешеных пса.
С диким воем, с рыком и лаем
Мчится первым Зэв с Хубилаем,
Вслед — Зэлмэ, Субэгэдэй… Вся свора.
Тэмужина анды опора —
Четыре бешеных пса.
Их питье — лишь роса одна,

Их еда — своя же слюна,
Ветры их на себе несут,
Лишь колчаны друзьями зовут
Четыре бешеных пса».

«Ну, коли так, нам от поганых этих подальше надобно держаться», — молвил Таян-хан, и вспять он отступил, повыше в горы. Но и оттуда видел он, что по пятам преследователи за ним несутся. И снова стал у Жамухи пытать:

«Вглядись, вглядись, почтенный Жамуха:
Что там за люди? Кто бы это были?
Похоже, будто резвых жеребят,
Насытившихся, с привязи спустили.
Смотри, смотри: они всё ближе к нам,
Всё гонятся за нами по пятам».

На это Жамуха ответил:

«Уругудов и Мангудов узнаю:
И пеший их пугается, и конный.
Как безоружный перед ними слаб,
Так слаб пред ними и вооруженный.
Любой с врагами на расправу скор:
Разоружат — и кончен разговор.
С отвагою они стремятся в бой,
Противнику всегда дают отпор».

«Что ж, коли так, нам от поганых этих подальше надобно держаться», — промолвил Таян-хан и дальше отступил, все выше в горы.

Там снова вопрошает Жамуху трусливый Таян-хан: «Кто это вслед за нами голодной птицей летит, стремится?»

На это Жамуха ответил:

«Вон тот, что нас преследует один,
Не кто иной, как анда Тэмужин.
Хан Тэмужин — силач,
Он телом — исполин.
Броню на нем
И шило не проткнет,
Игла в кольчуге

Дырки не найдет.
И свищет, рыщет
Голодной птицей он.
Как зверь за пищей,
Вперед стремится он.

Вы давеча, однако, похвалялись, мол, мы, найманы, нападем и разнесем монголов в пух и прах. Теперь они пред вами, так побейте ж их!»

Но, возбоявшись богатырей Чингисхана, Таян-хан изронил такое слово: «Нет, Жамуха, сейчас нам будет лучше подальше в горы отступить». Но, выше забираясь в горы, он видел по пятам идущую погоню и снова вопрошал у Жамухи: «Скажи мне, что за исполин преследует нас неотступно?»

На это Жамуха ответил:

«Не узнаешь? Огэлун хатан сын
Сюда несется вскачь,
Он Хасаром зовется у врагов,
Вскормленный человечиной силач.
Верзила грозный, вымахал в сажень,
Блестя броней, напропалую мчится.
И кажется, навис уже, как тень,
Свежатиною жаждет поживиться.
Могуч!.. Тяни его хоть три быка —
Упрется Хасар, и не сдвинешь с места.
Утроба велика не велика —
Шутя трехлетку-коровенку съест он.
А доведется воина настичь,
Так тут ему и вовсе не задача:
Проглотит человека, словно дичь,
С колчаном и со стрелами в придачу.
Представьте, человек стоит живой,
Вдруг тень падет — и вмиг его не станет.
А злыдень помотает головой —
И жертва даже в горле не застрянет.
А если Хасар гневом распален,
Хватает из колчана стрелы он,
В намеченную цель проворно мечет.
Случится, жертва не видна порой
И от стрелка сокрыта за горой —
Стрела ее сразит иль изувечит.
Взъярился Хасар и рассвирепел —
Возьмет охапку самодельных стрел

И вроде в пустоту метнет их кучей.
Перемахнут они за гребень гор,
И будет войску за горой разор:
Падет погибель на людей из тучи.
Здесь Хасар — и беды нам не отвесть,
Пред ним любой рассыпься неприятель.
В нем мощь нечеловеческая есть,
Ведь это мангас, людопожиратель.
Он тетиву натянет посильней —
Летит стрела на тыщу саженей;
Вполсилы лук натянет — и стрела
На пятисотой сажени легла».

О, как же убоялся Таян-хан, внимая Жамухе!

«Укроемся быстрее в тех горах, взберемся поскорей повыше», — рек он, поспешно поднимаясь в горы. Карабкаясь на кручи поднебесные, он снова у Жамухи спросил: «Скажи, а кто там скачет за Хасаром?»

На это Жамуха ответил:

«А там — Огэлун хатан младший сын,
Прозвание батыру — Отчигин.
Хоть нежит мать сыночка непрестанно,
Хоть у нее он засыпает рано,
В бою, однако, он и смел, и тверд.
Хоть, младшенький, вставать привык он поздно,
Но вид в сражении имеет грозный,
Достаточно силен и в меру горд.
Коль грянет бой, не станет Отчигин
Искать в тылу укрытие один».

«Ну, коли так, — дрожа от страха, молвил Таян-хан, — тогда скорей взберемся на вершину».

После разговора с Таян-ханом Жамуха с верными ему нукерами удалился от найманов и послал к Чингисхану гонца со словами:

«Таян-хану Тэмужин внушает страх,
Отступает хан и прячется в горах.
Выше, выше он крадется по лесам,
Лезет с войском чуть не к самым небесам.
Будь же стоек, Тэмужин. Все ясно тут:
От тебя найманы в панике бегут.

В их испуганные лица загляни:
Потеряли дух воинственный они.
Итак, я от найманов ухожу,
И нукеры мои уходят»*.

Когда солнце уже клонилось к закату, Чингисхан окружил гору Наху хун, где и заночевал. Той же ночью найманы, пытаясь спастись бегством, сорвались с горы Наху хун; как рухнувшая поленница дров, они попадали вниз, давя друг друга насмерть.

Назавтра был пленен и сам Таян-хан. Его сын Хучулуг хан стоял поодаль от главных сил и поэтому смог избежать пленения. Настигнутый преследователями, он занял круговую оборону у реки Тамир, но не смог сдержать нашего натиска и бежал прочь. Вот и весь сказ о том, как был полонен и подчинен весь народ найманский на Алтае.

Племена же, раньше ведомые Жамухой, — Жадаран, Хатагин, Салжуд, Дурбэн, Тайчуд, Унгирад — влились под водительство Чингисхана*.

Чингисхан повелел доставить к нему мать Таян-хана Гурбэсу хатан и сказал ей так: «Ты говорила, что смердят монголы. Тогда зачем же вдруг пожаловала в земли наши?» После того он взял ее себе.

Сказ о том, как Чингисхан взял в жены мэргэдку Хулан

Осенью того же года Мыши в местечке Хар талын узур Чингисхан сразился с предводителем мэргэдов Тогтога бэхи. Одолев и преследуя его, Чингисхан полонил народ мэргэдский. Сам Тогтога бэхи, двое его сыновей, Хуту и Чулун, в сопровождении незначительной свиты сумели скрыться.

Вождь племени Увас мэргэд по имени Дайр усун, не желая воевать против Чингисхана, решил показать ему свою дочь Хулан*. Когда же монгольские воины преградили ему путь, Дайр усун обратился к Наяа ноёну баридайскому со словами: «Я еду к Чингисхану. Ему свою я дочь желаю показать». На что Наяа ноён отвечал: «Пожалуй, будет лучше, если мы вдвоем к Чингису твою дочь доставим. Опасно нынче ехать одному. Всяк может по дороге повстречаться. Что стоит воину тебя сгубить, а над Хулан твоею надругаться. Послушайся совета: обожди три дня, да и поедем вместе к Чингисхану».

Как и было условлено, через три дня Наяа ноён и Дайр усун доставили Хулан к Чингисхану. Чингисхан разгневался, когда

узнал о том, что Наяа ноён на трое суток задержал Хулан и ее отца у себя.

«Зачем ты у себя задерживал Хулан?» — вскричал он, уже было готовый расправиться с ноёном. Но тут Хулан вмешалась и сказала: «О Чингисхан, великий твой ноён — достойный муж: он предложил нам покровительство свое в пути, он убеждал нас, что, не ровен час, нам люди могут встретиться лихие, и непременно быть тогда беде. Теперь я точно знаю: не повстречайся нам он на пути, мы стали бы добычей легкой любого воина из тех, что по дороге попадались нам навстречу. О хан, как благодарна я судьбе, что нас свела с твоим ноёном! К чему теперь сии пристрастные допросы? Ты лучше на меня взгляни, мой хан, достойно оцени то тело, что Небо даровало мне, кое родители однажды породили».

Тогда же Наяа ноён молвил:

«Властитель ты всего и вся, Чингис,
В моей ты службе верной убедись.
Тебя я уважаю и лелею —
Других же целей в мыслях не имею.
Твою добычу из земли далекой
Хранит мое недреманное око.
Прекрасной хатан, этим скакунам
Был преданным хранителем я сам.
И все это тебе принадлежит,
Нет в помыслах моих тебе обид.
А если что не так содеял я,
Пусть тут же оборвется жизнь моя».

Чингисхану понравились искренние речи Хулан хатан, и в тот же день он соизволил с ней уединиться. Ее правдивость и невинность подтвердились, и поэтому она была обласкана владыкой. Поелику слова Наяа ноёна тоже были сущей правдой, Чингисхан, сменив гнев на милость, молвил: «Ты — преданный и честный муж. Тебе доверю я большое дело».

История бегства Хучулуга и избиения мэргэдов

Полонив народ мэргэдский, Чингисхан пожаловал Угэдэю Дурэгэнэ хатан* — одну из двух жен Хуту, старшего сына Тогтога бэхи. Самые воинственные из мэргэдов не покорились Чингисхану, пришли в таежную местность и, укрепившись там, заняли круговую оборону.

И повелел тогда Чингисхан Чимбаю, сыну Сорхон шара, стать

во главе левого крыла его рати и повоевать укрепления мэргэдские. Сам же Чингисхан стал преследовать Тогтога и его сыновей Худу и Чулуна, которым с горсткой мужей мэргэдских удалось выбраться из кольца окружения.

На зиму Чингисхан раскинул стан на южном склоне Алтая, а весной года Быка*, перевалив через Арайский перевал, в местности Бухдурма, что на реке Эрчис*, наехал на мужей мэргэдского Тогтога и найманского Хучулуга, которые соединились против него*. В сраженье мэргэдского Тогтога настигла шальная стрела, и он тут же скончался. Дети Тогтога бэхи не смогли вынести с поля боя тело отца, чтобы похоронить его, поэтому отсекли отцовскую голову* и тотчас скрылись. Бежали оттуда и прочие найманские и мэргэдские мужи, что не устояли перед воинством нашим. И погибли многие из них, утонув при переправе через Эрчис. Те же немногие из найманов и мэргэдов, что переправились через Эрчис, разделились и пошли каждый своим путем.

Найманский Хучулуг-хан проследовал через земли племен уйгурдаев и харлугов, пришел и соединился с Гур-ханом хар хятанским, что сидел на реке Чуй в землях Сартаульских. Сыновья мэргэдского Тогтога бэхи — Худу, Гал и Чулун — во главе прочих мэргэдов двинулись на запад через земли ханлинов и кипчаков*.

Чингисхан, перевалив через Арайский перевал, возвратился в свою ставку. Тем временем Чимбай полонил мэргэдов, укрепившихся в таежной местности. И повелел тогда мужам своим Чингисхан иных из мэргэдов погубить, остальных поделить между собой. Мэргэды, ставшие под водительство Чингисхана раньше, подняли бунт в его ставке, но тут же были подавлены охраной владыки.

И молвил тогда Чингисхан: «Позволили мэргэдам мы жить вместе, на роды их, на семьи не делили, они же против нас предательски восстали». И, сказав так, Чингисхан поделил средь мужей своих всех недругов-мэргэдов до единого и разослал их в разные концы улуса своего.

В тот же год Быка Чингисхан, предоставив Субэгэдэю колесницу, отослал нукера своего вдогонку за сыновьями Тогтога бэхи — Худу, Галом, Чулуном и прочими мэргэдами*. Посылая Субэгэдэя, Чингисхан повелел:

«Трусливые сыновья
Зловредного Тогтога
Дрожат, трепещут заране,
Словно кулан на аркане;
Страхом животным объяты,

Словно подранок сохатый.
Обороняются вяло,
Прочь отступают устало…

Удирают Чулун и Худу…
Коли вдруг у тебя на виду
Крылья у них отрастут,
В синем небе они пропадут, —
Ты как ястреб за ними лети,
Догони беглецов и схвати.

Может, эти трусливые братцы
Тарбаганами вдруг обратятся
И со страху забьются в нору…
Стать тебе, Субэгэдэй мой, полезно
Богатырской пешнею железной,
Чтоб насквозь протаранить дыру.

Обратись они рыбами в море,
Скрывшись в глуби его и просторе,
Ты, Субэгэдэй мой,
Неводом стань,
Ты проныр из пучины достань.

Богатырь Субэгэдэй,
Друг сердечный мой!
Отсылаю тебя в день намеченный,
Чтоб перевал ты одолел,
Реки широкие переплыл,
Мэргэдов мстительных разгромил.

Реки широкие переплывешь —
В землях далеких все примечай.
Не загони ездовых коней,
Еду запасенную не расточай.

Когда обезножат твои рысаки,
Жалей — не жалей их тогда,
А врага не достанешь;
Когда иссякнут твои харчи,
Прижимистым станешь,
Да поздно: недолго протянешь.

В краю чужедальнем,

Увлекшись охотою разной,
Гляди, чтобы верх над тобою
Не взяли соблазны.
Запасы еды пополняя,
Держись середины.
Коль долго вам ехать придется
Дорогой равнинной,
Езжайте спокойно,
Без дела коней не гоните,
Ослабьте подпругу,
Уздечку на время снимите.
Коль будут порядок
И строгость во всем соблюдаться,
Зазорно мужам твоим станет
За дичью гоняться.
А тех, что посмеют
Запретом моим пренебречь,
Ослушников дерзких
Без жалости следует сечь.

Коль неслуха знаю —
Пришлите, я буду с ним крут;
Не знаю — тогда уж
На месте устраивай суд.

Хребты одолеете вы
И высокие горы,
Но пусть незнакомы вам будут
Разлад и раздоры.
Вы переплывете
Большие и малые реки,
Но помыслы наши
Да будут едины вовеки.
Даст Вечное Небо —
И будут крепки ваши кони,
Тогда не уйдут
Сыновья Тогтога от погони.
Пожалуй, не стоит
Везти вам их в ставку мою,
Что делать вам с ними —
Решите вы в дальнем краю».

Отважному Субэгэдэю наказывал Чингисхан:

«Ступайте и разорите
Мэргэдов-грешников стан.
Я, помню, был еще мал —
Их род на нас нападал,
На Бурхан халдуне,
Горе священной,
Скрываться нас заставлял.
Зловредные эти мэргэды
В верности нам клялись,
Но тут же нарушили клятву,
В сторону подались.
Как достигнешь конца пути,
Их возмездье должно найти:
Их со дна морского достань,
Но возьми с них, коварных, дань,
И пусть будет дань велика!..»
Субэгэдэй, сердцу хана любезный,
На его колеснице железной
В путь отправился в год Быка.

Субэгэдэю-богатырю на прощанье хан говорил:

«Хоть и скроешься ты из виду,
Но считай, что ты на виду.
Далеко уедешь, но думай,
Что я рядом с тобой иду.
При служении мне безгреховном
Будешь взыскан ты Небом Верховным»

Сказ о том, как Чингисхан казнил Жамуху

После того как были взяты в полон найманы и мэргэды, лишился народа своего и Жамуха, бывший вместе с найманами. И бродил он с пятью нукерами своими, пристанище ища. На горе Тагна подстрелили они горного барана и, зажарив его, принялись за трапезу. И прорек тогда Жамуха: «Скажите мне, чьи дети нынче бродят по горам и кормятся вот так, случайною добычей?!»

И схватили Жамуху пятеро нукеров его прямо за трапезой и привели к Чингисхану*. Схваченный нукерами, Жамуха передал Чингисхану такие слова:

«Черные вороны

Стали на селезней
Вдруг налетать.
Низкие слуги
Смеют владыкам
Путь заступать.
Яви справедливость,
Мудрость яви, как всегда,
Хан мой, анда!
Хищные коршуны
Уток достойных
Посмели ловить.
Низкие слуги
Законного хана
Готовы убить.
Как ты рассудишь —
Было ль такое когда,
Хан мой, анда?»

Выслушав переданные ему слова Жамухи, Чингисхан так сказал: «Нет прощения нукерам, кои на хана посягнули своего! И разве они будут верными нукерами другому?! На хана посягнувших тех холопов и всех их сродников от мала до велика повелеваю истребить!»

И тотчас на глазах Жамухи были казнены посягнувшие на него нукеры.

И повелел Чингисхан передать Жамухе такие слова:

«Давай же сойдемся
И дружество наше навек возродим.
Как прежде
В одной колеснице
Двумя мы оглоблями станем.
И все, что угасло в душе, воскресим,
И все позабытое вместе вспомянем.
Хотя и разные мы выбрали пути,
Но побратимство наше было свято.
Когда случалось мне на бой идти,
Я знал, что ты душой болел за брата.
Да, разные пути-дороги,
Друг, выбирали мы порой.
Но в битве с ворогом заклятым
Душой ты был всегда со мной.
Ты помнишь, конечно:
Большую услугу ты нам оказал,

Когда Торил Ван-хана
Коварные замыслы разоблачил.
Гонец от тебя
Накануне сраженья ко мне прискакал
И словом сердечным меня ободрил.
Вспомяни и про то, как найманов
Напугать ты до смерти сумел.
А потом известил нас об этом.
Очень вовремя нам подсобил!»

И Жамуха ему на это ответил:

«Приходит мне на память юность наша
В долине Хорхонаг жубур.
Дружили мы,
Любили мы друг друга,
Мой хан, мой побратим.
Тогда была у нас с тобой еда,
Которой в одночасье не свариться;
Друг другу говорили мы слова,
Которым в одночасье не забыться;
Одним мы укрывались одеялом,
Одни у нас и мысли вызревали…
Однако я, себе же на беду,
Однажды воле чужака поддался,
Губительным словам его поверил,
Убийственным их ядом напитался —
Втянулся в козни, в происки чужие
И от тебя, мой побратим, мой хан,
Душою отошел и — отделился.
С тех пор страшился встретиться с тобой,
Явить перед тобою лик свой черный,
Как будто кожа содрана с него.
Мне вспоминались наши разговоры,
И места я не находил, страдая,
Перед твоим великодушьем трусил
И опасался мудрости твоей,
Боясь лицом к лицу с тобой столкнуться,
Явить перед тобою красный лик,
Как будто бы с него содрали кожу.
Да, было время дружбу нам водить.
Увы, от этой дружбы я бежал.
Ты призываешь чувства возродить,
Которых я, увы, не удержал.

О, ты, который множество племен
Объединил и дал им свой закон,
Народов тьму ты умиротворил,
Своею властью их объединил.
С тобою все улусы, все края —
Тебе почет от сопредельных стран.
Что значит дружба для тебя моя,
Когда для всех и вся теперь ты хан!
Хочу ль быть на глазу твоем бельмом,
Средь бела дня — твоим кошмарным сном,
Вшой на груди твоей,
Занозою в ключице?
Нет, мне с такою долей не смириться!
Когда-то я, доверчивый и слабый,
Был с толку сбит завистливою бабой*,
Ушел от друга я, от побратима.
Беда моя была неодолима.
И с той поры душа моя больна…
Всем, всем известны наши имена.
Повсюду, от восхода до заката,
Все слышали: брат отошел от брата.
Но ты — ты ничего не потерял.
Я отошел — слабее ты не стал.
Мать мудрая тебе дана судьбой,
И братья достославные с тобой.
И есть богатыри в твоих пределах;
Под ними рысаки — статны и в теле.
Я побежден тобой,
Твоею ратью уничтожен.
Какой же между нами мир возможен!
Без матери и без отца я рос,
Без братьев младших, даже без друзей,
И одиноким вырос сиротой;
Был взыскан я одною лишь женой,
Болтливой бабой, вздорной и пустой.
Вот почему меня ты победил!
Да, предопределен твой жребий был.
Отец небесный все решил за нас.
Коли меня ты умертвишь сейчас,
Почувствуешь мгновенно облегченье,
И будет сердцу твоему покой,
Блаженство будет и отдохновенье.
Последнюю назначив мне юдоль,
Ты, побратим мой, приказать изволь,

Чтоб смерть моя по нраву мне пришлась:
Чтоб кровь моя на землю не лилась,
Чтоб кости тела моего могли
Лежать в утробе матери-Земли.
Да будет покровителем мой дух
Твоим потомкам*, Тэмужин, в веках!
Твоим сулдэ, увы, повергнут я*,
Им да хранима вся твоя семья.
Так помни, хан, слова мои всегда,
Теперь же отпусти меня туда!..»

Выслушав эти речи Жамухи, Чингисхан передал ему через посыльного:

«Ты шел иной дорогой, Жамуха,
Но мне преступных слов не говорил,
Нет за тобой великого греха,
Который бы достоин смерти был.
Ты мог бы все поправить, но, увы,
К тому усилий ты не приложил;
Не должен бы лишаться головы,
Твой смертный час еще не наступил.
Ты, человек высокого пути,
Не должен просто так от нас уйти.
Чтоб человека взять да умертвить —
Тут веская должна причина быть…

Но если говорить о той причине, ты помнишь, анда Жамуха, как брат Тайчар твой, учинив разбой, угнал табун у Жочи Дармалы, но нагнан и убит им был. Тогда ты, ослепленный местью, на побратима ополчился своего. И в местности Далан балжуд сразились наши рати; тогда на нас нагнал ты страху, в Жэрэнское ущелье потеснив. А нынче ты отверг желанье наше во дружестве с тобою жить. Тебя, анда, желал я пощадить, но тщетно. Так будь по-твоему: ты будешь умерщвлен, но кровь твоя не будет пролита, и прах твой с почестями будет погребен».

И по велению Чингисхана Жамуха был умерщвлен и прах его был предан земле.

Рассказ о Великом хуралдае

И воцарились тогда мир и справедливость в улусе войлочностенном*, и в год Тигра* у истока Онона собрался народ его на хуралдай*, и воздвигли они белое девятибунчужное знамя свое и провозгласили всенародно Тэмужина Чингисханом*. Там же Мухали был пожалован в гуй ваны*, а Зэва Чингисхан отослал вдогонку за найманским Хучулуг-ханом*.

Так закончив объединение всех монгольских народов, Чингисхан повелел*: «Своих нукеров непоколебимых, кои державу нашу создавали, возвысить я повелеваю в тысяцких ноёнов!»

И провозглашены были тысяцкими ноёнами отец Мунлиг, Борчу, Мухали гуй ван, Хорчи, Илугэй, Журчидэй, Гунан, Хубилай, Зэлмэ, Тугэ, Дэгэй, Толун, Унгур, Чулгэдэй, Борохул, Шигихутуг, Хучу, Хухучу, Хоргосун, Усун, Хуилдар, Шилугэй, Жэтэй, Тагай, Цаган-Ува, Алаг, Сорхон шар, Булуган, Харачар, Хухучус, Суйхэту, Наяа, Жуншэй, Хучугур, Бала, Оронардай, Дайр, Мугэ, Бужир, Мунгур, Долодай, Бугэн, Худус, Марал, Жибгэ, Юрухан, Хуху, Жэбэ, Удудай, Бала чэрби, Хэтэ, Субэгэдэй, Мунх, Халжа, Хурчахус, Гэуги, Бадай, Хишилиг, Хэтэй, Чагурхай, Онгиран, То-гон тумур, Мэгэту, Хадан, Мороха, Дори-Буха, Идугадай, Шира-хуй, Даун, Тамачи, Хагуран, Алчи, Тобсаха, Тунхойдай, Тобуха, Ажинай, Туйдэгэр, Сэчур, Жэдэр, Олар хургэн*, Хингияадай, Буха хургэн, Хорил, Ашиг хургэн, Хадай хургэн, Чигу хургэн, Алчи хургэн — тысяцкий над тремя тысячами хонгирадцев, Буту хургэн — тысяцкий над двумя тысячами ихэрэсцев, онгудский Алахуши дигитхури — тысяцкий над пятью тысячами онгудов, не считая притом тысяцких над лесными народами*. Всего по благоволению Чингисхана девяносто пять нукеров его были возвышены в тысяцкие ноёны*.

Были среди них и хургэны — зятья владыки. Назначив тысяцких ноёнов, Чингисхан также повелел: «Любезных нукеров, главную мою опору, пожаловать особо я хочу*. Пусть явятся ко мне Борчу и Мухали и прочие ноёны!»

Шигихутугу, который был в то время в ханской юрте, было велено их привести. И сказал тогда Шигихутуг:

«Разве Мухали и Борчу
Больше всех тебе помогали?
Я усерден был меньше их?
Не входил я в твои печали?

Я не с самых ли малых лет
Был ближайшей твоей охраной?
Наконец бородой оброс
И — служу тебе неустанно.
Я — всю жизнь при тебе
И всечасно
Был заботой твоей обласкан.
С малолетства я стражем был
На твоем золотом пороге,
До серьезных годов дожил,
Рот усами уже прикрыл.
Твой хранитель, верный и строгий,
Жизнь мою тебе отдаю,
Век усердствую, не устаю.
Был тебе я как сын родной —
Так уж ты меня воспитал,
Спать укладывал вместе с собой,
Одеялом своим накрывал.
При тебе я, как младший брат,
Год за годом жил и взрастал,
И как брату ты был мне рад,
Одеялом своим накрывал…
Так что пожалуешь ты мне, мой хан?»

И молвил Чингисхан в ответ Шигихутугу:

«Из братьев младших ты — шестой.
И наравне с другими братьями свою получишь долю.
И, памятуя о твоих заслугах,
Да будут прощены тебе твои любые девять прегрешений!
Когда в державе милостию Неба Вечного
Порядок водворять мы станем,
Будь веждами моими, окрест взирающими ясным днем,
И слухом, внемлющим во тьме ночной!
Тебе вверяю поделить меж нашей матушкою,
братьями и их сынами
Всех наших подданных из юрт войлочностенных,
Державы нашей граждан, за плоскими дверьми живущих,
Кои отныне и навечно будут лишь им принадлежать.
Никто не смеет впредь тобою сказанному прекословить.
Да будешь ты судьей верховным в государстве нашем,
Карающим за ложь
И взыскивающим за воровство,
Подсудных всех судящим

И выносящим смертный приговор
Всем, кто достоин смерти.

Деля державы достоянье и тяжбы разные судя, в Синие росписи вноси об этом запись и росписи сии своди в единый Свод. И все, что с моего согласья порешишь и в Своде синем том по белому запишешь*, во веки вечные никто не смеет изменить! И всякий, кто преступит сей указ, поплатится за это!»

И, выслушав повеленье Чингисхана, Шигихутуг молвил: «Да разве мне, усыновленному семьею вашей, пристало получать наследственную долю с братьями единокровными твоими наравне?! И коли будет, хан, на то твое соизволенье, я взял бы в подчинение себе людей из городищ».

И повелел тогда Чингисхан: «Поелику ты сам решать сии дела поставлен, теперь как знаешь поступай!»

Облагодетельствованный ханом Шигихутуг тотчас вышел и к хану Борчу, Мухали и прочих пригласил.

И обратился Чингисхан перво-наперво к отцу Мунлигу:

«О, благодетель мой любезный,
Подле которого родился я и вырос,
Не перечесть твоих благодеяний.
Хотя бы взять последнее из них,
Когда Ван-хан и сын его Сэнгум
Решили заманить меня к себе обманом,
И коли б ты тогда не настоял,
Не избежать мне смерти лютой —
Гореть мне в жарком пламени костра
Иль быть утопленным в пучине черной.
И, по заслугам милость оценив твою,
Ее все поколения монголов не забудут.
И, памятуя о твоих благодеяньях,
Отныне будешь ты усажен на почетном месте;
И каждый год, невзгод не зная,
Наградами не будешь обделен;
И будут все твои потомки
Нами обласканы и одарены!»

Обращаясь к Борчу, Чингисхан сказал: «В дни юности моей с тобою повстречался, когда за конокрадами погнался, уведшими соловых наших лошадей. Решил ты мне, плутавшему в степи, помочь; не заглянув домой, отцу ни слова не сказав, бурдюк с кумысом средь степи оставив, в табун пустил ты моего буланого

коня, а серого мне дал взамен; вскочил ты на каурого коня и, без присмотра свой табун оставив, три дня за конокрадами со мной шел по пятам. Так мы достигли куреня, в котором я узрел своих соловых лошадей. От табуна мы отделили их, вдвоем с тобой погнали их обратно. Единственный ты сын Наху баяна. Что мог ты ведать обо мне такое, чтоб тотчас помощь предложить и дружбу?! Не из корысти, знаю я, лишь искренне помочь желая, со мною подружился ты! Когда же, о тебе затосковав, послал я брата Бэлгудэя, дабы призвать тебя в ряды своих нукеров, ты, бурку серую на плечи возложа, на горбунке буланом вдруг ко мне явился.

Когда на нас мэргэдские три рода ополчились и окружили на Бурхан халдуне, ты неотступно следовал за мной. Потом, когда в Далан нумургэсе с татарами мы воевали, и день и ночь дождь не переставая лил. Ночь напролет ты надо мной стоял, мой сон оберегая. Тогда ты с ноги на ногу лишь раз переступил, тем самым звание батыра подтверждая. Заслуг твоих мне всех не перечесть. Вы с Мухали, помогая мне в делах благих, остерегая от шагов неверных, меня на этот трон высокий возвели. Отныне посажу вас на почетнейшее место, и да простятся вам любые девять ваших прегрешений! Пусть Борчу станет во главе тумэна правого крыла, что на Алтае!»*

Затем Чингисхан обратился к Мухали и молвил повеление свое: «Когда остановились мы в тени раскидистого древа в долине Хорхонаг жубур, где некогда поставленный над всеми ханом Хутула плясал и пировал в свою охоту, из уст твоих, мой Мухали, услышал я божественного провиденья глас. И помянул я отца твоего, Хумун гоо, добрым словом, и было то согласия началом между нами. По воле Неба и молитвами твоими на ханский я взошел престол, и потому да будет жалован державного гуй вана титул тебе и всем наследникам твоим из поколенья в поколенье. Так ведай же, мой Мухали, тумэном левого крыла, сидящим в Харагун жидуне».

Обратясь к Хорчи, Чингисхан молвил:

«С юных лет моих до нынешних времен
Был ты другом-покровителем моим;
Мок и дрог со мною вместе под дождем,
В стужу лютую со мною вместе мерз,
Службе преданной все силы отдавал.

В те давно уже прошедшие года ты, Хорчи, мне ханство это напророчил и добавил: если сбудутся слова, если милостью великою Небес все свершится, как пророчествуешь ты, чтобы я, о

предсказанье не забыв, тридцать жен тебе красивых даровал. Слова твои пророческие нынче сбылись; так выбери себе среди народов, нами покоренных, любезных жен, прекрасных женщин!»

И повелел еще Чингисхан: «К своим трем тысячам баринцев вместе с Тахаем и Ашигом прибавь еще чиносов-адархинцев, тулусов, тэлэнцев и, тумэн подданных собрав, владычествуй над ними! И да подвластны тебе будут все подданные наши, живущие в лесах по берегам реки Эрчис. И да не смеют жители лесные перекочевывать туда-сюда без твоего соизволенья! Всех, кто преступит повеление твое, пусть суд твой покарает непременно!»

И, обратясь к Журчидэю, Чингисхан молвил: «Когда с хэрэйдами сошлись мы в сече в Хар халзан элсте, хоть анда Хуилдар и вызвался идти на недруга передовым отрядом, победой все ж таки мы здесь обязаны тебе. Ты в бой вступил, поверг жирхинцев, смял тубэгэнцев и донхайдцев, в сраженье одолел и тысячу отборных воев Хори шилэмуна; засим, добравшись и до главных сил хэрэйдов, ты в щеку ранил выехавшего супротив тебя Сэнгума. Тотчас врата победы перед нами распахнуло Провиденье. Когда б не ранил ты тогда Сэнгума, не знаю я, чем эта битва обернулась бы для нас. Победа в этой сече — заслуга несомненная твоя!

Когда с тобой мы кочевали к Халхин-голу, я чувствовал себя покойно, будто нашел надежное укрытие за каменной стеною гор. Потом пришли мы к водопою на озеро Балжуна. Оттуда и отправили тебя в разведку в стан хэрэйдов и вскорости врагов разбили милостию Неба и Земли. Поелику первейший из врагов — улус Хэрэйдский был повержен, его приспешники, найманы и мэргэды, в бессилье пали духом и были все захвачены в полон. Тогда лишь младший брат Ван-хана Жаха гамбу не потерпел разора и, будто следуя за дочерьми, всех подданных он при себе держал. Когда ж, поправ доверье наше и воспылав враждою, Жаха гамбу покинул нас, ты, Журчидэй, пойдя ему вослед, перехитрил и полонил его. И, там с предателем покончив, к рукам прибрал его улус. И в этом, верный нукер мой, твоя бесценная заслуга!»

Журчидэй благородный
В день губительной сечи
Для победы старался,
Тяжесть жаркого боя
Взял отважно на плечи,
Как батыр он сражался.

И поэтому Чингисхан милостиво даровал Журчидэю ханшу Ибаха бэхи. При этом Чингисхан сказал ей:

«Отдаю тебя не потому,
Что нрав твой мне не по нраву,
И вовсе не потому,
Что краса твоя мне не во славу.
Я дарую тебя тому,
Кто был предан, себя не жалея;
Послужи, моя хатан, ему,
Верноподданному Журчидэю…
Отдаю тебя, хатан мою, —
Журчидэю за то воздаю,
Что в сраженьях, отважный смельчак,
Был щитом он,
Был ближе мне сына.
Мой распавшийся было улус
Он собрал воедино.
На себя взял опасностей груз,
Стал кольчугой, надежной и длинной.
Мой распавшийся было улус
Он собрал воедино.

За досточтимые ему заслуги воздавая, тебя я Журчидэю отдаю. Да будет вечно чтим и у моих потомков, наследников престола моего, закон священный воздаянья по заслугам! Да будут вечно незабвенны честь и имя любезной Ибаха бэхи! Никто не смеет повеление мое сие нарушить!»

И молвил еще Чингисхан, обращаясь к Ибаха бэхи: «Жаха гамбу, отец твой, дал тебе в приданое две сотни подданных и двух кравчих — Ашиг тумура и Алчига. Сегодня уходя к уругудам, оставь на память о себе Ашиг тумура и сотню подданных своих».

И, получив в дар от Ибаха бэхи кравчего Ашиг тумура и сотню людей, Чингисхан обратился к Журчэдэю: «Я ханшу Ибаха бэхи тебе отдал. Отныне все четыре тысячи уругудов вступают под водительство твое!»

И молвил еще Чингисхан, обращаясь к Хубилаю*:

«Ты шеи дюжим молодцам сворачивал
И наземь исполинов запросто валил.
Сейчас Зэв и ты, Зэлмэ и Субэгэдэй —
Вы четверо, подобно верным псам,
Мне преданы и телом, и душой.
Куда я только вас ни посылал,
Вы отправлялись по команде сразу,
Вершили дело точно по приказу,

Крушили скалы, камни разбивали.
В любое место шли,
Во все пределы,
Воинственное вы вершили дело,
Вы бились насмерть и — не отступали.

Когда я мог, как верных псов, с тобой Зэлмэ, Зэв и Субэгэдэя туда отправить, где были вы всего нужнее*; когда богатырей бесстрашных Борчу, Чулуна, Мухали и Борохула мог при себе держать* я днем и ночью; когда уругудов и мангудов храбрых, ведомых Журчидэем с Хуилдаром, мог выставить передовым отрядом, — тогда лишь я душою был покоен».

И повелел тогда же Чингисхан: «Приказываю, Хубилай, тебе всеми военными делами ведать!»

И молвил еще Чингисхан: «За нрав строптивый Бэдуна осудив, его я не поставил тысяцким ноёном. Наставь его на ум, мой Хубилай! И пусть командует он тысячью моих мужей да держит всякий раз совет с тобою. Засим увидим мы, каким он станет».

Потом подошел Чингисхан к Гунану из племени Гэнигэдэй и молвил: «Борчу и Мухали и остальные достославные ноёны, Додай и Доголху и прочие почтенные чэрби! Про нукера Гунана так скажу:

Светлым днем
Он всюду вороном летает —
Все повысмотрит;
Темной ночью,
Словно волк, он всюду рыщет,
Чтоб наброситься.
Кочевал я — никогда не отделялся он,
Оставался я — он прочь не откочевывал,
Был со мною всюду и всегда.
С чужеродным не вступал в сношения
И перед врагами не заискивал.
Было от меня ему доверие:
Ни коварства в нем, ни лицемерия
Я не заприметил никогда.

Да будут Гунан и Хухучос во всех делах надежными советниками вам!»

И повелел тогда же Чингисхан: «Верный нукер, Гунан мой, правь же сродниками, гэнигэсцами своими! И да будешь ты

ноёном-темником, повинующимся Жочи, старшему из сыновей моих!»

И присовокупил Чингисхан к сказанному им:

«Нукеры верные Гунан, Хухучос, Дэгэй, старик Усун увиденного не сокроют — правдиво обо всем доложат, услышанных вестей не утаят».

И молвил Чингисхан, обратясь к Зэлмэ: «Когда в Дэлун болдоге появился я на свет, старик Жарчудай, взвалив на плечи раздувальные мехи, с горы Бурхан халдун спустился. Любезной матушке моей он соболями устланную люльку подарил, а позже сына в нукеры мне отдал.

Привратник верный мой, Зэлмэ!
Нас выпестовали с тобой
В одной и той же люльке с соболями,
Мы выросли как верные друзья.
Не перечесть твоих заслуг передо мной.
Да будут прощены тебе, Зэлмэ,
Любые девять прегрешений!»

Обратясь к Толуну, Чингисхан повелел: «Тысячью мужей моих водительствуя, правою рукой отца родного став, ты усердно собирал народы наши воедино и порядок в государстве водворял. И за это был пожалован ты в чэрби. И отныне вместе с Туруханом в согласье правьте теми, коих вы пригнали из походов!»

И сказал затем Чингисхан кравчему Унгуру:

«Унгур, Мунгут хиана сын!
Ты к нам пришел, собрав в курень единый
Три рода тохурудов, и пять родов таргудов,
И чаншутов, и баягудов — сродников своих.
Во тьме ни разу ты не потерялся,
В сраженье никогда не отделялся,
Со мною вместе под дождями мок,
А в холода со мною рядом дрог…
Ответствуй мне: чего бы ты взыскался?»

И отвечал владыке кравчий Унгур: «Коли позволено мне выбрать пожалованье хана, хотел бы я всех баягудов, сродников своих, которые теперь разбросаны повсюду, собрать и ими править».

И повелел Чингисхан: «Что ж, будь по-твоему, Унгур. Ты баягудов собери и тысяцким над ними будь!»

И повелел тогда же Чингисхан:

«О, кравчие мои, Унгур и Борохул!
Когда вы яствами обносите
По обе стороны сидящих от меня,
В порядке должном оделяя тех, кто слева,
И чередом всех потчуя, кто справа,
Мои душа и плоть покойны.

И потому повелеваю ответствовать тебе и Борохулу за кашеварство: в походе всех наделять едою вы должны. А в ставке на пиру, округ большой кумысницы расставив угощенье, втроем с Толуном сядьте среди юрты и подавайте кушанья затем». И, повелев так, Чингисхан указал место, где следует кумысницу расположить.

Потом Чингисхан обратился к Борохулу: «В родных кочевьях сродниками брошенных — тебя, Шигихутуга, Хучу и Хухучу матушка наша Огэлун призрела.

Всех на своей кровати укрывала,
Баюкала, кормила — воспитала;
За ворот кверху вас приподнимала,
С мужами настоящими равняла;
За плечи кверху каждого тащила,
Чтоб вас равнять с мужами можно было.

Она вскормила вас, дабы вы стали тенью нашей, сыновей её. За милость и благодеяния ей воздавая, усердствовали вы. Ты, Борохул, стал нукером моим.

Как ни гнали бы мы в походе коней,
Как бы дождь ни лил, ни давил нас мрак,
Не бывало таких ни ночей, ни дней,
Чтобы спать улегся я натощак.
Случалось идти на рысях средь тьмы,
Но я бы не смог на то попенять,
Что вдруг без похлебки остались мы,
Что день хоть единый пришлось голодать.
Когда побивали мы злых татар,
Что наших отцов и дедов губили,
Когда справедливо мы мстили им,
Любого к тележной чеке подводили, —

татарский Харгил шар бежал, избегнув лютой смерти; скитаясь по степи, вконец от глада обессилев, он воротился и в юрту к матушке моей вошел и умолял кусок ему подать съестного.

«Коль просишь есть, присядь вон там, пожалуй», — сказала Огэлун и усадила Харгил шара в правой части юрты возле двери. Толуй, в то время отрок пятилетний, снаружи в юрту забежал и тут же поспешил обратно. Но Харгил шар его перехватил; он сгреб мальца, зажал его под мышкой и выскочил из юрты, на бегу вытаскивая из чехла свой нож.

Но в левой части юрты сидевшая смиренно твоя супруга Алтани, «Спасите, сына убивают!» — крик Огэлун истошный услыхав, за Харгил шаром бросилась вдогонку; настигнув ворога, одной рукой ему вцепилась в волосы она, другой перехватила вражескую руку с ножом, над отроком уж занесенным, и так рванула за руку врага, что нож невольно выпал из нее.

Мои нукеры Зэлмэ и Жэтэй, что за юртою разделывали тушу быка, зарезанного ими, услышав крики Алтани, на помощь прибежали с топорами в окровавленных руках и ворога татарского на месте топорами порубили.

Тогда заспорили Жэтэй, Зэлмэ и Алтани, чья большая заслуга в спасении Толуя. И молвили мои нукеры: «Когда бы мы вдвоем сюда не подоспели и не убили Харгил шара, ужели, женщина, ты справилась бы с ним одна?! Тогда не миновать бы смерти отроку Толую. И значит, во спасении его заслуга только наша есть!»

В ответ на это Алтани сказала: «Но разве вы сюда бы прибежали, мой зов о помощи не услыхав? И не настигни Харгил шара я, и не вцепись я в волосы ему, и руку вражескую что есть мочи не рвани так, что невольно выпал из нее над отроком уж занесенный нож, давным-давно бы Харгил шар убил Толуя!»

И порешили все тогда, что главная заслуга во спасении Толуя все же останется за Алтани. Так Алтани, жена нукера Борохула, не только помогала мужу, в телеге став второй оглоблей, она Толую жизнь спасла, тем самым нам великую услугу оказала.

Когда был ранен в шею и пал на поле брани Угэдэй в сраженье в Хар халзан элсте, ты, верный нукер Борохул, ночь напролет отсасывал из раны сгустки его крови. Поелику мой сын тогда самостоятельно в седле не мог держаться, ты, Борохул, перед собою усадил его в седло и к нам привез благополучно. Так, воздавая за заботу матушки моей, вы, Борохул и Алтани, спасли двух сыновей моих. Усердие твое и верность помню. Да будут прощены тебе любые девять прегрешений!»

И сказал еще тогда Чингисхан: «Пожалованы будут мною и женщины, чтимые в нашем роду»*.

Обратясь к старику Усуну, Чингисхан повелел:

«Усун, Гунан, Дэгэй и Хухучос
Увиденное не скрывают,
Услышанное не таят
И говорят о замыслах своих правдиво.
У нас, монголов, исстари так повелось:
Почтенных старцев
Мы возводим в сан бэхи ноёнов.
Так будет же Усун,
Потомок рода древнеславного Барин,
В бэхи ноёны нами возведен!
И пусть отныне белый дэли носит он,
На белом скакуне пусть ездит
И, восседая на почетном месте,
Пророчествует нам!»*

И повелел еще Чингисхан: «Когда с хэрэйдами сошлись мы в сече, мой анда, Хуилдар, всех наших упредив, на ворога пошел передовым отрядом. И, памятуя о заслугах доблестного мужа, повелеваю я призреть осиротевших детей и внуков Хуилдара!»

И обратился Чингисхан к сыну Цаган-Ува — Нарин Торилу — и сказал ему: «Родитель твой, Цаган-Ува, всегда бесстрашно с недругом сражался и был убит в Далан балжудской сече Жамухой. Тебя же за отцовские заслуги готов я поддержать нашим вспомоществованьем!»

И молвил в ответ Чингисхану Нарин Торил: «Мои сородичи, нэгусы, поделены и расселились по разным аймакам сейчас. Коль будет мне соизволение владыки, готов собрать я воедино всех нэгусов».

И повелел тогда Чингисхан: «Что ж, будь по-твоему, Торил. Нэгусов-братьев воедино собери и ими правь наследно!»

Потом сказал Чингисхан Сорхон шару так: «В дни юности моей, когда тайчуды воспылали завистью и ненавистью к нам и отрока, меня, схватили, твои сыны — Чулун и брат его Чимбай, уразумев причину моего плененья, надежно спрятали меня, старшей сестры своей по имени Хадан заботам поручив. Вы все мне помогли вернуться восвояси.

И в сновиденьях ночью темной,
И в помышлениях дневных
О ваших тех благодеяниях
Я вечно помнил.

Хоть, от тайчудов отделившись, вы перешли ко мне не сразу, пожалованья вы достойны! Какой же милости вы бы желали для себя?»

И отвечали Сорхон шар и сыновья его — Чулун и Чимбай: «Желали б мы дархадство получить и жить на Селенге в мэргэдских землях*. А впрочем, воля ваша, какою милостыней осчастливить нас».

И повелел тогда Чингисхан: «Да будет вам даровано дархадство, наследственно владейте землями мэргэдов, что на Селенге, свободно промышляйте там охотой, сходитесь на пирах, архи* хмельною наполняя чаши! Да не заслужат порицанья любые ваши девять прегрешений!»

И, обратясь к Чулуну и Чимбаю, Чингисхан соизволил сказать: «Вовек мне не забыть тех слов добросердечных ваших! И коли мыслями со мною захотите поделиться или нужда заставит помощи просить, посреднику не доверяйтесь, являйтесь предо мною самолично и сами за себя просите и откровенно мыслями делитесь».

И повелел Чингисхан:

«Мои дарханы — Сорхон шар, Бадай и Хишилиг!
Когда, на врагов своих нападая,
Пожитки и юрты у них отобьете —
Делиться не надо вам — все заберете!
Когда завладеете вы добычей,
Проворство явив на облавной охоте, —
Делиться не будете — всю заберете!»

И присовокупил Чингисхан к сказанному: «Был прежде Сорхон шар холопом у тайчуда Тудугэя. Бадай и Хишилиг — конюшими Чэрэна. Я сделал их гвардейцами-стрелками. Да будут счастливы они теперь в своем дархадстве и чаши пусть заздравные сдвигают вновь и вновь!»

И сказал Чингисхан, приступив к Наяа: «Старик Ширгэт с сынами Алагом и Наяа тайчуда Таргудая хирилтуга — господина полонили своего и перво-наперво решили привезти его ко мне. Засим до Хутухул нуга добрались, и тут промолвил Наяа, устыдившись: «Как смели посягнуть мы на своего владыку?!» И отпустили они тут же господина своего, а сами вскорости втроем ко мне явились. И молвил Наяа покаянно: «Везли к тебе мы хана Таргудая хирилтуга, но вот одумались и устыдились и отпустили хана восвояси. Явились мы служить, отдать тебе все силы. Но если б привезли тебе мы хана, неужто бы поверил ты холопам, поднявшим руку на владыку своего?!» Понеже не чинили хану зла

и, значит, ведом им закон великий ханопочитания, мне по сердцу пришлись их речи, и посулил тогда я Наяа серьезное ему доверить дело.

Мой нукер Борчу ноён — командующий западным тумэном, а Мухали гуй ван — восточным. Отныне быть тебе, Наяа, ноёном, тумэн срединный будет под тобой!» Так повелел Чингисхан.

И сказал еще Чингисхан, обращаясь к Зэву и Субэгэдэю: «Людей, коих пригнали из походов, до тысячи сберите и ими правьте!»

Пастырю Дэгэю была собрана отовсюду тысяча человек, и пожалован он был в тысяцкие ноёны.

Поскольку плотник Хучугур при разделе подданных был обделен, Чингисхан повелел ему добрать недостающих людей у прочих ноёнов и, соединив их с жадаранцами Мулхалху, править той тысячей подданных им сообща.

Рассказ о том, как Чингисхан приумножил ряды хишигтэна — своей гвардейской стражи

Всех, кто усердие приложил к созданию улуса, назначил Чингисхан ноёнами туманов, тысяцкими, сотниками и десятниками; пожалованья и милости достойных пожаловал и людям, повеления его достойным, повелел.

Засим Чингисхан молвил свой указ: «В былые времена я караульную устроил стражу*; восемьдесят хэвтулов — ночных охранников и семьдесят турхагов — отборных стражников дневной охраны ханской были в хишигтэне моем тогда. Сегодня милостию Неба Вечного, под покровительственным оком Неба и Земли сильны мы стали, сплотили многие улусы в единую державу, бразды правления которой в руки взяли. И потому да приумножатся ряды хишигтэна — моей гвардейской стражи! И да пополнят мой хишигтэн лучшие мужи, отобранные из каждой тысячи! А все мои хорчины-лучники, хэвтулы и турхаги числом составят пусть тумэн!»

Засим Чингисхан тысяцким своим ноёнам дал указ, как отбирать мужей в хишигтэн: «В мою охрану ханскую возьмите из сыновей ноёнов-темников, а также тысяцких и сотников и граждан состояния свободного мужей, достойных этой чести, — смышленых, крепких телом. Вступая в личную мою охрану, пусть тысяцких ноёнов сыновья с десятью нукерами и меньшим братом придут ко мне. Сыны же сотников моих — с пятью нукерами и младшим братом, а сыновья десятников и граждан состояния свободного — с тремя нукерами и младшим братом. Да чтобы

были все они верхом! Пусть тысяцких ноёнов сыновья и десять их нукеров, вступающие в мой хишигтэн, у тысячи своей на содержанье будут. И содержание сие, в размерах нами установленных, да не зависит от наследства, коим они родителем наделены, и от того добра, кое добыли сами. Равно и содержанье сыновей ноё-нов-сотников с пятью нукерами и сыновей десятников и граждан состояния свободного с тремя нукерами да не зависит от личного их состоянья!»

И еще повелел Чингисхан: «Коли ноёны-тысяцкие, сотники, десятники пойти решатся супротив сего указа, суровая их ждет за это кара. Те же, кто будет уклоняться, при ставке службы убоявшись, да будут подменены другими, а сами осуждены на ссылку. Никто не смеет препятствия чинить тем подданным моим, кто пожелает в мою охрану личную вступить».

Сообразно указу сему сыновья тысяцких, сотников и десятников были отобраны и посланы в ханский хишигтэн*. Хэвтулов, коих в прежние годы было восемьдесят, стало восемьсот. И повелел тогда Чингисхан пополнить их ряды до тысячи и наказал не сметь запрещать подданным его к нему в хэвтулы поступать на службу. И повелел еще Чингисхан назначить Их Нэгурина командующим тысячью его хэвтулов.

Отобрав четыре сотни лучников-хорчинов, Чингисхан распорядился быть над ними головой Есунтэгэ, сыну Зэлмэ, а помогать ему советом в службе Бугидэю, сыну Тугэ. И приказал Чингисхан хорчинам нести караул вместе с турхагами в четыре смены: первой сменой лучников-хорчинов командовать Есунтэгэ, второй — Бугидэю, третьей — Орхудагу и четвертой — Лаблаху. И, назначив командующих сменами лучников-хорчинов в доблестной гвардии своей и пополнив их ряды до тысячи, поставил он над ними Есунтэгэ.

И повелел Чингисхан: «Ряды турхагов, коими прежде правил Угэлэ чэрби, до тысячи пополнены пусть будут. И пусть по-прежнему над ними властвует Угэлэ чэрби, сородич Борчу. Второю тысячью турхагов водительствует пусть Буха, сородич Мухали, а тысячею третьей — Алчидай, сородич Илугэя, четвертой тысячей — Додай чэрби, а пятой — Доголху чэрби, шестою тысячей — Чанай, сородич Журчидэя, а тысячей седьмою — Ахудай, сородич Алчи. Отобрана пусть будет тысяча батыров; водительствует ею пусть Архай хасар. И да несут они во дни покоя сменный караул гвардейский, когда же с ворогом сойдемся в сече, пускай щитом стоят передо мной!»

И отобрали среди присланных тысяцкими людей восемь тысяч турхагов. Вместе с двумя тысячами хэвтулов и хорчинов составили они тумэн хишигтэна — десятитысячный гвардейский

корпус личной караульной стражи.

И повелел Чингисхан: «Так пусть отныне хишигтэна гвардейцы во ставке нашей станут главной силой!»

Повелением Чингисхана турхаги — стражники дневной его охраны — были разделены на четыре смены. Во главе смен владыкой были поставлены Буха, Алчидай, Додай чэрби и Доголху чэрби, коим наказано было: «Заступать в караул лишь после построения и поверки всей караульной смены и сменяться после трех дней сменного дозора. И коли стражник-хишигтэн не явится в караул в свою смену, на первый случай бить его три раза палкой; коль вдругорядь пропустит смену он свою, бить его палкой семь раз; коли, будучи в здравии, без согласия старшего в смене не выступит в дозор он в третий раз, бить его палкой тридцать семь раз и сослать в места чужедальние как не пожелавшего быть в свите нашей. Старшим в сменах должно повестить смену свою о повелении оном. А коли не повестят, сами повинны будут. Но если был хишигтэн повещен и все же повеление сие нарушил, не заступил в свой сменный караул, он порицания достоин».

И повелел Чингисхан: «Старшие в сменах да не смеют самолично чинить расправу над хишигтэном моим. Пусть прежде о виновных повестят меня. И казни предадим мы всех, кто смерти заслужил, и будут биты палками, кто наказанья оного достоин. Но коли в сменах старшие, свой произвол чиня, на равных им хишигтэнов поднимут руку, их кара неминуемая ждет: за палки — будут биты палками они, за зуботычины — познают сами зуботычин».

И соизволил еще повелеть Чингисхан: «Мой страж-хишигтэн мною чтим поболе любого воеводы тысяцкого, и тот, кто в денщиках стоит при мне, десятников и сотников моих досточтимее. А посему, коли муж из тысячи простой с хишигтэном моим как с ровнею себе повздорит, да будет предан он суду!»

И провозгласил Чингисхан свое повеление старшим в сменах хишигтэна: «Пускай дневальные мои — хорчины и турхаги, в свой сменный заступив дозор, в местах назначенных нас охраняют и пред закатом солнца, сдав пост ночным охранникам — хэвтулам, покидают ставку. И пусть всю ночь стоят при нас хэвтулы в карауле. Сдают хорчины им, сменяясь, колчаны и луки, а кравчие — всю ханскую посуду, и лишь тогда уходят на ночлег. Пока мы утром трапезу вкушаем, хорчины и турхаги вместе с кравчими, явившись к коновязи, да известят хэвтулов о своем приходе. Лишь после нашей трапезы явиться в ставку к нам дозволено им будет. И пусть тогда хорчины примут колчаны и стрелы, турхаги в

караул заступят, а кравчие приступят к делу своему. Отныне сменная моя охрана да будет следовать сему мной заведенному порядку!»

И присовокупил Чингисхан к повелению оному: «И пусть хэвтулы всех слоняющихся вокруг ставки нашей после захода солнца берут под стражу на ночь, дабы наутро учинить допрос. Когда же явится им смена, хэвтулы, предъявляют отличительные бляхи, сменяются с постов и тотчас ставку покидают! И пусть стоящие у входа в ставку хэвтулы нещадно головы секут всем тем, кто в ханские покои вознамерится пробраться. Тому, кто в ставку к нам прибудет ночью с известьем спешным, спервоначалу следует хэвтулов известить, после чего, у задней стенки юрты с хэвтулом вместе стоя, снаружи должно повестить о донесенье. Никто не смеет занимать постов хэвтулов и в ставку без их согласия входить. Не дозволяется слоняться подле стражи и в ставку проникать промеж постов, а также выспрашивать число хэвтулов. Да будет схвачен всякий, кто слонялся возле стражи! Да будут конфискованы конь с уздою и седлом и вся одежда у того, кто спрашивал число хэвтулов. Мой верный муж, Элжигэдэй, и тот хэвтулами был схвачен, когда меж их постов слонялся ночью».

И воздал Чингисхан хвалу хишигтэну — своей гвардейской караульной страже:

«Вы, хэвтулы надежные,
Караул простодушный,
Неизменно при входе вы,
Воле хана послушны.
Вы ночами ненастными
Бережете мой сон,
На престол сей возвышенный
Вами я возведен.
Славьтесь, благоподатели!
Вы и в звездные ночи
Мой покой охраняете,
Не смыкаете очи.
Вы мне стали опорою —
У престола легли.
Сами в звание ханское
Вы меня возвели.
Вы — мои покровители.
Даже в дождь проливной,
Даже в ночи морозные
Вы при мне, вы со мной.
Жизнь мою охраняете,

Строй ваш — как частокол.
Вы меня возвеличили,
Возвели на престол.
О, хэвтулы отважные,
Тесен верный ваш круг.
От набегов злокозненных,
От грабительских рук
Вы меня охраняете,
Не смыкаете глаз,
Похвалой моей ханскою
Восхваляю я вас.
Где колчанов берестовых
Вдруг раздастся шуршанье,
Вы туда поспеваете
Тотчас, без опозданья.
Чуть у лука враждебного
Тетива запоет,
Тут же стража отборная
Вокруг хана встает.
Я желаю хэвтулов,
Что издавна хана умеют беречь,
Достославною стражей наречь.
Семь десятков турхагов и Угэлэ чэрби,
Главою над ними поставленный,—
Как великие будут прославлены.
Под водительством Архай хасара
Служат службу мужи дерзновенные.
Назовем их — батыры почтенные.
Есунтэгэ и Бугидэю
Отданы мной стрелки-хорчины.
Пусть зовутся они — старшины».

Засим завещал Чингисхан потомкам своим: «Сыны мои, мои потомки, которым восходить на мой престол великий! Да будет вам из поколенья в поколенье наказ сей памятен: заботой окружите отобранный из девяноста пяти тысяч моих мужей и личной стражею при мне стоящий хишигтэн, тумэн гвардейский, дабы не ведал он ни горя, ни тревоги! Ужель возможно нам их не возвысить и славной стражею не величать!»

И повелел еще Чингисхан: «Отныне да начальствуют хэвтулы и над прислугой во дворце, и пастырями, что наш скот пасут; пусть будут в веденье хэвтулов знамена наши, барабаны, сбруя, телеги-юрты, боевые пики; да будет в их распоряженье дворцовая

посуда. Пусть ведают они столом моим и жертвоприношением священным. Да будет впредь с них спрос за скудость, за ничтожность нашей пищи!

Мои хорчины, питье и кушанья нам подавая, да спросят дозволение хэвтулов и прежде всех хэвтулам пищу подадут. Хэвтулам же да будет ведом всяк, входящий в ставку и покидающий ее. Да будет у ворот дворцовых приставлен ими стражник. Дабы стоять подле кумысницы великой, пусть двух хэвтулов во дворец к нам отрядят. И пусть хэвтулы при перекочевке для нашей ставки место избирают да сами же и разбивают стан. Пусть часть хэвтулов нас сопровождает на охоту, а прочие, соображаясь с положеньем, при ставке остаются в карауле».

И еще наказал Чингисхан: «Когда мы сами не вступаем в битву, не велено же будет и хэвтулам от нас особо выступать! Но если чэрби, что ведает у нас войсками, мой ведомый ему указ нарушит и самочинно моих хэвтулов выступить понудит, да будет он подвергнут наказанью. И если спросите вы о причине, по коей воспрещаю на дело ратное отборную мою охрану посылать, скажу вам так: поставлены хэвтулы жизнь драгоценную мою хранить, они со мною делят все тяготы охоты, сопровождают при перекочевке, в ночное время охраняют ставку. Легко ли, думаете, мой покой блюсти всечасно?! Так просто, думаете, в перекочевках вечных и нас, и ставку охранять?! Столь много дел возложено на них, и потому от нас особо хэвтулов посылать на сечу я не дозволяю».

Засим Чингисхан повелел: «Когда судья верховный в государстве, Шигихутуг, суд праведный вершит, да будут в нем участвовать хэвтулы! Пусть ведают они* сохранностью кольчуг, колчанов, стрел и луков и самолично их по надобности раздают! Они же пусть и собирают наши табуны, навьючивают при перекочевке на лошадей поклажу, а также вместе с достопочтенными чэрби между мужами нашими имущество распределяют.

Когда кочуем мы на место, хорчинами с турхагами указанное нам, хорчины Есунтэгэ и Бугидэя, турхаги Алчидая, Угэлэ и Ахудая по праву руку следуют от нас. Турхаги Бухи, Чаная и Додай чэрби и Доголху чэрби сопровождают нас по леву руку, а впереди нас шествуют батыры славные Архая. Хэвтулы, нас и наше достояние оберегая, пусть будут подле нас по леву руку! Весь мой хишигтэн, а также и турхагов, моих дворовых, пастырей-конюших, овчаров, верблюдоводов пусть будет наставлять Додай чэрби! Да следует он позади всех нас!»

Засим Чингисхан отослал ноёна Хубилая к харлугам*. Харлугский Арслан-хан с людьми своими явился к Хубилаю сам и выразил свою покорность. Хубилай доставил его в ставку, где Арслан-хан предстал перед владыкой. Поелику Арслан-хан присоединился не противясь, Чингисхан к нему отнесся благосклонно и соблаговолил пожаловать ему дочь.

Субэгэдэй-батор, отправившийся с мужами своими вдогонку за сыновьями мэргэдского Тогтога — Худу и Чулуном, нагнал их на реке Чуй*. И истребил он их на побоище и вернулся восвояси. Зэв настиг Хучулуг-хана найманского в местности, именуемой Сариг хун, и, убив его, возвратился к владыке*.

Уйгурский идугуд отправил к Чингисхану послов* своих Адкирага и Дарбая, чтоб передали они слова такие:

«Когда взошел на трон Чингисхан,
Словно исчезли тучи черные
И воссияло светлым ликом солнце,
Словно льды хладные растаяли
И воды рек свободно излились.
Коли Чингисхан соблаговолит,
Хотел бы я застежек его златого пояса коснуться
И удостоиться лоскутика его священной багряницы,
Хотел бы стать его я пятым сыном,
Служить ему и верно, и усердно!»

Выслушав послов, Чингисхан соизволил передать идугуду сей ответ: «Будь моим пятым сыном, идугуд! Пожалую тебе я дочь свою. Приди ж сегодня ты ко мне и принеси с собою злата и серебра, и жемчугов, и перламутров, шелков, парчи, узорчатые штофы».

Возрадовавшись радостью великой ханской милости, идугуд предстал пред Чингисханом и преподнес ему и золото, и серебро, и жемчуга, и перламутры, шелка, парчу, узорчатые штофы. Чингисхан милостиво призрел идугуда и пожаловал ему дочь свою Ал алтун.

В год Зайца* старший сын Чингисхана, Жочи, во главе ратаев правой руки был отправлен к лесным народам. Проводником вместе с ним пошел Буху. И пришел первым на встречу Жочи ойрадский Хутуга бэхи с тумэн ойрадами своими и уверил его в повиновении своем*. И следовал Хутуга бэхи в провожатых Жочи по землям тумэн ойрадским, и дошли они аж до реки Шишгид-

гол*. И подчинил Жочи себе племена ойрадов, буриадов, баргун, урсудов, хабханасцев, ханхасцев и тубанцев. Потом пошел он в пределы тумэн хиргисов. И явились к Жочи ноёны хиргисские

Йэди, Инал, Алдихэр и Урэбэк дигин, и выразили смирение свое, и кланялись ему белыми соколами, белыми скакунами и черными соболями. Кроме оных, покорил Жочи многие племена лесные — шибирцев, кэшдиймов, байидов, тухасцев, тэнлэгцев, тугэлэсцев, ташцев — всех вплоть до бажигидов*.

И возвернулся Жочи в ставку вместе с ноёнами-темниками и тысяцкими хиргисскими и ноёнами лесных народов. И предстали они пред Чингисханом и кланялись ему белыми соколами, белыми скакунами и черными соболями.

Ойрадский Хутуга бэхи первым явился и уверил в повиновении своем, поэтому Чингисхан милостиво соблаговолил пожаловать сыну его, Иналчи, свою дочь Чэчэйигэн, а старшему брату его Турулчи — дочь старшего сына своего Жочи Олуйхан. Дочь владыки, Алаха бэхи, была пожалована в замужество онгудам*.

И, приступив к Жочи, Чингисхан соблаговолил изречь: «Любезный Жочи, старший из сынов моих! Ты, в первый раз покинув отчие пределы, потерь не понеся, достойно совершил поход*: к державе присоединил лесных народов племена. И потому народы эти жалую тебе!»

Затем Чингисхан отослал ноёна Борохула хорь тумэдов к державе присоединить*. После смерти хорь тумэдского ноёна Дайдухула сохора народом хорь тумэдским стала править его жена Ботохой таргун. Когда ноён Борохул, упредив главные силы свои, вместе с тремя мужами пробирался впотьмах по глухой лесной тропе, хорь тумэдские дозоры зашли им в тыл и перекрыли путь для отступления. И, не узрев, кто стоит пред ними, хорь тумэды схватили и убили Борохула.

Извещенный об убиении Борохула хорь тумэдами, Чингисхан вознегодовал и хотел было уже сам выступить против них. Насилу Борчу и Мухали отговорили владыку. И повелел тогда Чингисхан дурбэдейскому Дурбэю, прозванному догшин, что значит «грозный»: «Вечному Небу помолясь, во строгости и страхе ратаев держа, врагов хорь тумэдов завоюй!»

Грозный Дурбэй, желая ввести врага в обман, послал немногих из мужей своих по той тропе, что хорь тумэды охраняли, а сам основные силы пустил по тропе, коей взбирались в гору дикие яки. Дабы дух ратный поддерживать в мужах, он понудил каждого воина возложить на плечи розги и наказал хлестать всякого, кто трусостью своею сеять смуту будет. И вооружил грозный Дурбэй мужей своих топорами, пилами да

тёслами, и приказал взбираться вверх в гору по следу диких яков, очищая дорогу себе от дерев, преградою стоящих на пути. И взошли они по тропе оной на самую гору, и ударили оттуда по хорь тумэдам, беспечно пировавшим во стане своем, и подчинили их владыке.

В то время в плену у Ботохой таргун были ноён Хорчи и Хутуга бэхи, дотоле плененные ее мужами. А пленены они были так: ноёну Хорчи владыкой было наказано выбрать себе в пределах хорь тумэдских тридцать девиц красы ненаглядной. И пришел он в пределы хорь тумэдские забрать их красавиц, но покорившиеся Дотоль хорь тумэды снова ворогами обернулись и схватили Хорчи. Извещенный о том Чингисхан послал Хутуга бэхи, знававшего народы лесных племен, вызволить ноёна Хорчи. Но хорь тумэды и его пленили.

Повоевав и подчинив себе хорь тумэдов, Чингисхан семье убиенного Борохула пожаловал сотню тумэдцев. Хорчи Чингисхан пожаловал тридцать девиц хорь тумэдских, а Хутуга бэхи — ханшу Ботохой таргун.

Сказ о том, как Чингисхан пожаловал подданных родичам своим

И призвал к себе Чингисхан матушку Огэлун, сынов своих и младших братьев и молвил: «О матушка любезная моя, во муках мученических сбиравшая улус наш! Ты, Жочи, старший из моих сынов! Ты, Отчигин, мой самый младший брат, родительского очага хранитель! Всем вам и прочим сродникам моим пожалованы будут подданные наши!»*

И пожаловал Чингисхан матушке и брату Отчигину десять тысяч подданных своих. Матушка Огэлун восприняла милость сию безгласно, выказав сим неудовольствие свое. Жочи было пожаловано девять тысяч человек, Цагадаю* — восемь тысяч, Угэдэю — пять тысяч, Толую* — также пять тысяч, Хасару — четыре тысячи, Алчидаю* — две тысячи, Бэлгудэю — тысяча пятьсот. Поскольку дядька владыки по отцу Даридай в свое время перешел на сторону хэрэйдов, повелел Чингисхан гнать его с глаз долой и покончить с ним.

И заговорили тогда наперебой Борчу, Мухали и Шигихутуг: «Чингисхан! Разве то, что ты изволил повелеть, не разоренье очага родного, не порушенье крова своего! Не дядька ль Даридай единственным остался об отце тебе напоминаньем?! Возможно ль так бездушно погубить его? Прости, Чингисхан, недомыслие! Пусть вьется дым над очагом в кочевье, где детство твоего

достойного отца прошло!»

Так горячо, до дыма из ноздрей, они увещевали Чингисхана. И тот, воспомянув любезного отца, их уговорам внял и молвил умиротворенно: «По-вашему пусть будет!»

Засим Чингисхан молвил: «Пожаловал я матушке и брату Отчигину десять тысяч подданных моих и дал в распоряженье им Хучу, Хухучу, Жунсая, Хоргасуна. А под начало Жочи дал Хунана, Мунхэгура и Хэтэ. Пожаловал я Цагадаю Харачара, Мунхэ, Идохудая. Ибо характер крут у Цагадая, да будет велено тебе, мой Хухучос, всечасно быть при нем, советом мудрым с ним делиться!»

И тогда же Илугэя и Дэгэя отдал Чингисхан под начало Угэдэя, а Жэтэя и Бала — Толую. Хасару в распоряженье отдан был Жэбэхэ, а Алчидаю — Чагурхай.

*Сказ об убиении Тэв тэнгэра**

У хонхотадайского отца Мунлига было семеро сыновей. Средним из них был Хухучу, коего звали еще шаман Тэв тэнгэр.

И сошлись семеро братьев хонхотадайских вместе, и, подкараулив Хасара, избили его. Хасар, известивший Чингисхана об избиении своем хонхотадайцами, попал под горячую руку, и вознегодовал Чингисхан пуще прежнего, и вскричал на него: «Не ты ли, брат Хасар, слывешь в народе неодолимым?! Почто же ты позволил одолеть себя!»

И вскочил тогда с места своего Хасар и пошел прочь, роняя слезы. И осерчал Хасар на брата, и три дня не являлся в ставку.

И молвил шаман Тэв тэнгэр Чингисхану: «Неба Вечного духихранители повестили нас о том, что власть державная лишь временно тебе принадлежит и что будет править на твоем престоле брат Хасар твой. Коли не остережешься нынче ты Хасара*, не возьмусь я предсказать, что будет впереди».

В ту же ночь Чингисхан отправился вдогонку за Хасаром, дабы пленить его.

Тем временем Хучу и Хухучу (приемные сыновья Огэлун. — *А.М.*) известили об этом матушку Огэлун. Огэлун тотчас села в крытую повозку, запряженную белым верблюдом, и поспешила за Чингисханом. Когда на рассвете она добралась до Хасарова стойбища, Чингисхан, забрав у брата пояс и малахай и туго стянув рукава его дэла, учинял ему допрос. И оторопел, и отпрянул Чингисхан, матушку свою узрев. И вознегодовала матушка, сходя с повозки. И освободила она Хасара от пут, и возвратила ему пояс и малахай, и, не в силах сдержать гнева

своего, осела на землю, скрестив ноги. И выпростала матушка Огэлун груди свои на колени, и возопила: «Узрите эти груди, вы ими были вскормлены когда-то! Вы, ребра свои грызущие и выдирающие пуповину животворную! Чем провинился мой Хасар пред вами? Я помню, Тэмужин мою одну лишь грудь опорожнял, а Отчигин и Хачигун даже вдвоем одной груди не испивали, Хасар высасывал их обе до последней капли, даруя облегченье, успокоенье телу моему.

Оттого ты вышел, Тэмужин, умом,
Хасар же — мощью необыкновенной.
Пускал с такою силой стрелы он,
Что скручивал и забирал в полон
Врагов своих, бежавших с поля брани.
В стрельбе из лука он так меток был,
Что брал в полон и в ставку приводил
Врагов, бежать пытавшихся заране.
Не за то ли возненавидели Хасара,
Что он ворогов всех наших погубил?!»

Умерив гнев матушки Огэлун, Чингисхан молвил: «О матушка, узрев тебя во гневе, я устрашился страхом страшным, стыдом смертельным устыдился. Давайте же покончим с этим навсегда и воротимся тотчас восвояси!»

Чингисхан украдкой от матушки присвоил себе часть Хасаровых подданных, оставив ему тысячу четыреста человек. Познав про то, матушка предалась печали великой, и оттого увяла она до срока. Жэбэхэ из племени Жалайрдай, дотоль пожалованный Хасару, удалился от него и подался в пределы Баргузинские.

Засим монголы всех девяти наречий* стали сбираться в стане шамана Тэв тэнгэра. И многие Чингисовы подданные, покинув стан его, пришли и подчинились шаману.

И люди ноёна Отчигина — те тоже прибились к Тэв тэнгэру. И отослал тогда ноён Отчигин посла по имени Сохор к Тэв тэнгэру, дабы возвратить подданных своих.

И приступил Тэв тэнгэр к послу Отчигинову, и рек надменно: «С чего бы это вам на пару с Отчигином приспичило послами вдруг оборотиться?!»

И избили хонхотадайцы посла Сохора жестоко, и водрузили на плечи ему седло, и выдворили вон, понудив брести пешком восвояси.

На следующий день после возвращения посла Сохора из стана Тэв тэнгэра, где избили его и понудили брести пешком

восвояси, ноён Отчигин самолично явился к Тэв тэнгэру и молвил: «Когда я Сохора послал к тебе с поклоном, избитого его брести понудили вы восвояси. Теперь к тебе пришел я самолично, чтоб подданных своих вернуть».

И обступили тогда ноёна Отчигина семеро братьев-хонхота-Даицев, и вопрошали они его пристрастно: «Послав к нам Сохора, ты думаешь, что поступил благочестиво?!»

И убоялся ноён Отчигин приступивших к нему хонхотадайцев и молвил покаянно: «Повинен я, Тэв тэнгэр, пред тобой в том, что посла к тебе прислал».

«А коли сознаешь вину, покайся, преклонив колени!» — возопили тогда семеро хонхотадайских братьев. И понудили они ноёна Отчигина встать на колени позади Тэв тэнгэра.

Так и возвратился ноён Отчигин ни с чем. И на следующее утро, придя к Чингисхану, когда тот еще был на ложе своем, ноён Отчигин рек, слезами обливаясь: «Во стан Тэв тэнгэра стекаются монголы девяти наречий. К нему послал я Сохора послом, дабы всех подданных своих вернуть назад. Когда посол мой, в кровь избитый, с седлом, на плечи взваленным, приплелся, я самолично в стан Тэв тэнгэра пошел. Семь братьев-хонхотадайцев со всех сторон ко мне враждебно подступили, понудили перед шаманом повиниться и преклонить колени позади него».

И, говоря сии слова, ноён Отчигин ронял слезы горючие. И узрела Бортэ ужин, что ноён Отчигин плачет, и приподнялась с постели, прикрыв грудь краем одеяла. И, упредив Чингисхана, молвила она, сама не в силах сдержать слезы: «Что за дурные люди эти хонхотадайцы?! Дотоль Хасара отходили, теперь вот Отчигина позади Тэв тэнгэра понудили колени преклонить. Что это за деяния такие — твоих прекрасных, как лесные сосны, достойных младших братьев попирать?!

Когда в одночасье исчезнет
Твое исполинское тело,
Что станет, Владыка,
С великим улусом твоим?
Дадут ли его в управленье
Братьям твоим меньшим?
Могучий, ты в тень обратишься,
Рассыплешься в прах,—
Враги ль позаботятся
О государстве твоем,
Иль ждет его крах?
Как сосны в горах,
Подрастают теперь твои братцы,

Но как же над ними
Жестокие люди глумятся!
Тем более, отпрыскам нашим,
Что еще не успели взрасти, —
Им даже со временем
Власти не обрести.

О, эти мерзостные хонхотадайцы! Да разве ты, Чингисхан, спустишь им, взирая, как они глумятся над твоими братьями меньшими?!»

И обливалась слезами Бортэ ужин, молвя оные слова.

И выслушал Чингисхан слова Бортэ ужин, и, приступив к Отчигину, молвил: «Теперь Тэв тэнгэр пусть идет ко мне. И думай сам, как переведаться нам с ними!»

Засим Отчигин, утерев слезы, вышел из ставки. И призвал он к себе трех могучих мужей, и приказал им стоять наготове. Вскорости пришел отец Мунлиг в сопровождении семерых сыновей своих. И вошли они в ставку, и расселись. Тэв тэнгэр хотел было сесть справа от кумысницы, но Отчигин схватил его за ворот дэла и молвил: «Не ты ль вчерашний день меня понудил повиниться?! Давай же силами померимся теперь!»

И, сказав так, Отчигин поволок Тэв тэнгэра к выходу из ставки. Тэв тэнгэр начал упираться и тоже схватил Отчигина за ворот. И пошла меж ними борьба прямо в ставке. В борьбе с головы Тэв тэнгэра слетел малахай и упал подле очага. Отец Мунлиг поднял малахай сына и, поцеловав, спрятал за пазуху.

И повелел тогда Чингисхан: «Пойдите за порог и там уж силами померьтесь!»

И выволок Отчигин Тэв тэнгэра за порог, и перехватили там Тэв тэнгэра трое могучих мужей, кои стояли наготове, и переломили ему тут же хребтину, и бросили тело его подле телег, стоявших справа от ставки.

И взошел засим Отчигин в ставку и молвил: «Вчерашний день Тэв тэнгэр меня понудил повиниться. Теперь я пожелал помериться с ним силой, но он противится, возлег притворно наземь».

И уразумел отец Мунлиг, что произошло снаружи, и молвил, роняя слезы:

«Когда необъятный теперь материк
Из крошечной кочки еще не возник,
С тобой мы спознались, Чингис.
Когда полноводная ныне река
Текла наподобие ручейка,

Мы близко с тобою сошлись…»

При этих словах отца шестеро хонхотадайцев — сыновей его встали вкруг очага, заслонив выход из ставки, подобрали рукава дэлов своих и были готовы наброситься на владыку.

Теснимый хонхотадайцами, Чингисхан метнулся к двери, воскликнув: «Прочь с дороги!»

И обступили вышедшего из ставки владыку хорчины и турхаги, взяв под защиту свою. И узрел Чингисхан Тэв тэнгэра, лежавшего с переломленной хребтиной подле телег, и повелел принести с задворок плохонькую юрту и поставить ее над телом убиенного Тэв тэнгэра. И повелел он готовить телеги к перекочевке. И вскорости удалился от места оного.

К юрте, в которой покоилось тело Тэв тэнгэра, приставили стражника; ее дымник был наглухо задернут кошмой, а дверь приперта. На рассвете третьего дня с дымника спала кошма, и тело Тэв тэнгэра бесследно исчезло. Удостоверившись, что в юрте нет останков Тэв тэнгэра, доложили об этом Чингисхану. И прорек тогда Чингисхан: «Тэв тэнгэр на меньших моих братьев руку поднял, наветами раздор посеять вознамерился меж ними и потому в немилость впал у Неба Вечного, которое и унесло с собою и дух его, и тело навсегда!»* Засим Чингисхан, приступив к отцу Мунлигу, с укором молвил: «Своих сынов неумных не образумил ты, и вознамерились они со мной тягаться и поплатилися Тэв тэнгэра главой за это. Коль знать мне прежде ваш враждебный нрав, вас участь Жамухи, Алтана и Хучара ожидала б!»*

И присовокупил Чингисхан к гневным речам своим:

«Постыдно, право,
Отказываться ввечеру
От сказанного утром
И отрешаться поутру
От вечером реченного тобой.
Да будем впредь верны мы сказанному прежде слову!»

Соблаговолив изречь сие, Чингисхан унял свой гнев и молвил: «Попридержи вы норов свой* тогда бы кто посмел равняться с вашим родом!»

После убиения Тэв тэнгэра хонхотадайцы вдруг присмирели.

Засим в год Овцы* Чингисхан пошел повоевать хятадский народ*. И захватил он город Фу Жиу*, и, перейдя через перевал Унэгэн, занял и город Сун дэи фу (Шуан те фу). И отослал он с передовым отрядом Зэва и Гуйгунэг-батора. И достигли они перевала Цавчал, где на пути их стояла сильно укрепленная вражеская застава*. И сказал тогда Зэв: «Вид сделав, что уходим, врага понудим выйти из заставы. Тогда и вступим в бой, поворотясь!» И приказал Зэв своим мужам повернуть коней назад. Узрев, что наши ратники отходят, хятады выступили из заставы, дабы догнать их и разбить. И было хятадов число несметное, и заполонили они всю долину и склоны гор. Отступив до Сун дэи фу, Зэв поворотил доблестных своих мужей и вступил в ратоборство с хятадами и разбил их. И подоспел тогда Чингисхан с главными силами, и преследовал он хятадов. И поверг он вставших на его пути надменных хар хятадов, зурчидов, истребляя всех и вся, словно пни трухлявые. И занял тогда Зэв заставу, что на перевале Цавчал, и перешел перевал с мужами своими. И стал Чингисхан станом в Шар дэгтэр*, и отослал оттуда мужей своих, дабы захватили они город Жунду и другие города и городища хятадские*.

И послан был Зэв подчинить город Дун чан*. И осадил Зэв город Дун чан, но не смог взять его приступом. И отошел нарочно Зэв от Дун чана на расстояние шестидневного перехода на лошадях, и оттуда вдруг поворотил мужей своих и за одну только ночь при заводных конях воротился к Дун чану и захватил его, застав Дунчанцеп врасплох.

Повоевав дунчанцев, Зэв воротился в ставку Чингисхана. Тем временем ратаи наши осаждали Жунду*.

И приступил тогда великий ноён Вангин чинсан к владыке своему Алтан-хану со словами*: «Течет неумолимо время, кое ниспослано нам Небом и Землей; иные наступают времена, пожалуй. Теперь монголы стали всемогущи. В пределы наши заявившись, они повергли доблестных зурчидов и хар хятадов и заняли Цавчалскую заставу, на неприступность коей уповали мы.

Мы можем, рать собрав, повоевать монголов, но коли будем биты ими вдругорядь, то наши ратаи по городам и весям разбредутся, и многотрудно будет снова их призвать. А коли силой вознамеримся созвать их, не ровен час, на сторону врага они переметнутся. И посему да соизволит Алтан-хан покудова покорность выказать монголам. Когда ж, уверовав во дружбу нашу, монголы уберутся восвояси, мы на своем совете все можем и перерешить. Притом доносят нам, что их мужи и кони едва выносят здешний зной. Пожалуем же Чингисхану твою дочь, а ратаям монгольским серебра и злата не скупясь отсыплем. Как

знать, возможно, Чингисхан на это наше предложение польстится!»

И, выслушав речи Вангин чинсана, Алтан-хан благословил их и молвил: «Будь по-твоему!»

И выразил Алтан-хан свою покорность Чингисхану, и пожаловал ему свою дочь по имени Гунжу*; и привез Вангин чинсан из осажденного Жунду Чингисхану столько серебра и злата, шелков и прочих товаров, сколько были в силах увезти с собой ратаи монгольские.

И прельстили Чингисхана покорность и подарки Алтан-хана, и возвернул он тотчас ратаев своих, осаждавших города хятадские. И сопровождал Вангин чинсан владыку Чингисхана аж до уездов Можиу и Фужиу и оттуда возвратился.

И погрузили ратаи наши на телеги столько добра хятадского, сколько они могли выдержать, и перетянули поклажу, богатую крепом и шелком.

И пошел Чингисхан оттуда в страну Хашин*. И явился к нему правитель страны по имени Бурхан*, и, выразив покорность свою, молвил: «Буду твоею правою рукой: тебе служа, все силы положу!»

И пожаловал Бурхан владыке нашему свою дочь Чаха, и молвил при этом: «С благоговением и содроганием внимали имени мы твоему. И нынче, недостойные, трепещем перед величием твоим, Чингисхан. Отныне мы, тангуды, будем твоею правою рукой; служа тебе, все силы мы положим!

Мы — какая ни на есть, тебе подмога,
Но не требуй очень много, слишком строго.
Где однажды мой народ обосновался,
Там в жилищах глинобитных и остался.
С мест насиженных не в силах мы подняться,
Наш простор оседлым бытом ограничен,
И не можем мы, как вы, передвигаться,
Образ жизни кочевой нам непривычен.
Враз не сняться,
В бой не ринуться всем родом…
Непривычны мы к стремительным походам.
Будь же милостив, Чингис!
Прими, Чингисхан,
От тангудского улуса дар великий.
Мы растим на наших пастбищах ковыльных
Многочисленных верблюдов — быстрых, сильных.
А ткачи у нас искусными руками
Ткут различные узорчатые ткани…

Ловчих соколов своих не зря мы славим —
Их тебе, Чингисхан, тоже предоставим».

И сдержал слово свое правитель страны Хашин, и пригнали Чингисхану верблюдов стадо несметное, коих взыскали с народа тангудского.

Так в походе этом Чингисхан понудил покориться Алтан-хана хятадского, у коего взял он добычу великую, и подчинил себе правителя тангудов Бурхана, от коего получил верблюдов стадо несметное. И, понудив в год Овцы покориться Ахутай Алтан-хана хятадского и Илаху Бурхана тангудского, Чингисхан возвратился восвояси, пришел и сел в местечке Саарь хээр*.

Засим Чингисхан направил многочисленное посольство во главе с Жубханом к Жау гону*, дабы к покорности владыке его понудить. Поелику Ахутай Алтан-хан хятадский чинил препятствия продвижению нашего посольства, вознегодовал Чингисхан и в год Собаки* снова выступил супротив него*.

И последовал Чингисхан в направлении заставы Тун гуан, а Зэв с мужами своими направлен был к Цавчалскому перевалу. Извещенный о том, что Чингисхан вознамерился захватить Тун гуан, Алтан-хан поставил во главе рати своей Илэ, Хада и Хубугэтура, и усилил он рать свою отрядом передовым, коим командовать был поставлен Улан Дэгэлэн. И тотчас отослал Алтан-хан ратаев Илэ, Хада и Хубугэтура к Тун гуану и наказал им строго-настрого: «Да будет Тун гуан надежно вами защищен и не позволено перевалить за перевал монголам!»

Когда Чингисхан подошел к Тун гуану, окрест все было заполнено ратаями хятадскими. И повоевал Чингисхан мужей Илэ, Хада и Хубугэтура, и понудил отступить их. Тем временем Толуй и Чугу хургэн ударили с фланга по передовому отряду Улан Дэгэлэ-на и повергли его. И погнали они ратников Илэ и Хада, и разбили их в пух и прах, словно пни трухлявые.

Узнав, что мужи хятадские разбиты, Алтан-хан покинул Жунду, пришел и сел в Намгине*.

Оставшиеся в живых после сечи кровавой этой хятадские ратаи до смерти изголодались, и убивали они друг друга, и поедали мясо человеческое*.

И воздал хвалу Чингисхан Толую и Чугу хургэну за доблесть, в битве явленную.

Чингисхан, стоявший станом в Хо си ву, пришел и сел в Шар хээре неподалеку от Жунду. И пришел к нему с мужами своими Зэв, что повоевал и захватил Цавчалскую заставу хятадов.

Алтан-хан, покинув Жунду, посадил в нем наместником —

лиу-шиу — ноёна Хада. И послал Чингисхан в Жунду Унгура бурча, Архай хасара и Шигихутуга, дабы счесть злато и серебро и прочие богатства, оставшиеся в граде том*. И вышел навстречу к ним из-за городской стены лиу-шиу Хада и поклонился им златом и серебром и прочими дарами.

И приступил Шигихутуг к лиу-шиу Хада и молвил такие слова: «Дотоле стольный град Жунду и все его несметные богатства принадлежали только Алтан-хану. Отныне это все — владенья

Чингисхана. И по какому праву ты, презренный, богатства эти расточаешь воровски?! Твои я подношенья не приму».

Унгур бурч и Архай хасар приняли подношения лиу-шиу Хада. Засим сочли они втроем богатства града стольного Жунду и воротились в ставку Чингисхана.

И вопросил тогда Чингисхан Унгура бурча, Архай хасара и Шигихутуга: «Что вам пожаловал лиу-шиу Хада?»

И отвечал ему Шигихутуг: «Лиу-шиу Хада нам кланялся и серебром, и златом, и прочими богатыми дарами. На это я ему сказал: «Дотоле Алтан-хану стольный град Жунду принадлежал. Но ныне это Чингисхановы владенья. И по какому праву ты, презренный, богатства эти расточаешь воровски?!» Я подношения его не принял, а Унгур и Архай прельстилися хятадскими дарами».

И покарал тогда Чингисхан покором лютым Унгура и Архай хасара, а Шигихутугу, милость свою явив, соизволил сказать: «Ты, ставший веждами моими, окрест взирающими ясным днем, и слухом, внемлющим во тьме ночной, воистину блюдешь закон великий!»

Севший в Намгине Алтан-хан, своею волею желая с Чингисханом замириться, отправил к владыке сына Тэнгэра со ста нукерами, дабы служили верою и правдой в гвардии его. И благословил Чингисхан покорность, выказанную Алтан-ханом, и пожелал он возвратиться восвояси*, пройдя через Цавчалскую заставу. И, уходя, повелел Чингисхан Хасару принять под водительство свое рать левой руки и, следуя берегом моря-океана, прийти и подчинить нам Бэйжин*, засим пойти на град зурчидский (чжурчжэньский. — *А.М.*) Фуфану и, коли возжелают вдруг зурчиды супротив подняться, их повоевать. А коли покорятся с миром, пройти через зурчидские пределы, их грады подчиняя. Засим, минуя реки Ула и Нау и перейдя в верховье реку Таур (Тор-гол), в Верховную вернуться ставку!

И отослал Чингисхан вместе с Хасаром в поход оный Журчи-Дэя, Алчи и Толун чэрби. И подчинил Хасар Бэйжин и град зурчидский Фуфану, и занял прочие стоявшие на пути грады

зурчидские, и, пройдя чрез Таур-реку, пришел в ставку Верховную.

Сказ о том, как Чингисхан выбрал преемника

Известясь о том, что в землях Сартаульских пленена и перебита сотня мужей наших*, кои во главе с Ухуной посланы были к сартаульцам посольством, вознегодовал Чингисхан: «Возможно ли спустить неслыханное поруганье, которое бессовестные сартаульцы над нашими поводьями златыми* учинили?! Так повоюем лиходеев-сартаульцев! За муки смертные Ухуны, за поруганье над мужами нашими сполна им поруганьем воздадим!»*

Прежде чем Чингисхану выступить в поход, приступила к нему Есуй хатан и молвила:

«Кому предстоит многотрудный поход,
Кто скоро за дальние горы уйдет,
Кто реки широкие переплывет,
Тот должен, конечно, себя вопрошать:
А кто остается людьми управлять,
Всю тяжесть улуса на плечи возьмет?
Не первая ль это из ханских забот!
Ты разумом всесовершенным, о хан,
Познал, что закон одинаковый дан
Всем, всем, кто является в мир, чтобы жить.
Он в том, что настанет пора уходить.
Как крепкий утес, тебе тело дано,
Но в немощах рухнет однажды оно.
И кем управляться твой будет улус?
Кто примет на плечи великий твой груз?
Ты — сила сейчас, ты — опора, конечно,
Но смертен и сильный… Ничто же не вечно!
Так чьими подхвачено будет руками
И славы твоей, и всесилия знамя?*
Имеешь ты, хан, четырех сыновей —
Кому из них править по воле твоей?
И дети, и младшие братья, и жены,
И слуги —
Ждут: молви нам слово закона».

Соизволив выслушать Есуй хатан, Чингисхан прорек: «Хотя и женщина она, но истинно глаголет. Вы, мои братья, дети, Борчу и

ты, мой Мухали, подобных слов не сказывали мне дотоле.

Да я и сам не помышлял об этом вовсе,
Как будто мне последовать
За предками не суждено,
Не предавался размышленьям оным,
Как будто стороною может смерть пройти.
Мой старший сын, Жочи,
что скажешь мне на это?»

Упредив Жочи, Цагадай воскликнул: «Повелевая Жочи первым говорить, чем выделяешь ты его средь нас? Ужели нами править суждено ему, мэргэдскому ублюдку?!»*

И вскочил тогда Жочи с места своего, и, схватив Цагадая за грудки, сказал:

«Наш хан-отец и в мыслях мною не пренебрегал,
Почто же ты меня считаешь чужениным?!
Скажи, какими же достоинствами ты превзошел меня?
Пожалуй, токмо необузданной гордыней.
Даю большой свой палец я на отсеченье,
Коль ты сумеешь помрачить меня в стрельбе!
И не восстану я живым с земли,
Коли тобой в борьбе повержен буду!
И да благословит сие Чингисхан повелением своим!»

И сцепились Жочи и Цагадай в борьбе. И, желая разнять их, Борчу стал оттаскивать за руку Жочи, а Мухали тянул за руку Цагадая. Чингисхан же взирал на сие безгласно.

Стоявший по левую руку Хухучос молвил тогда:

«Почто ты поспешаешь, Цагадай?

Твой хан-отец среди сынов своих
Всегда к тебе был благосклонен.
Пред тем как появиться вам на свет,
Над землей многозвездное
Небо вне законов и правил кружилось,
Многотемная рать в поле бранном
с ратью столь же великою билась.
Возвращались с богатым полоном,
пригоняли коней, что в теле.
Не один из нас, многих тысяч,

месяцами не спал в постели.
Вся земля, как и Небо над нею,
беспорядочно так же кружилась;
Все и вся на ней слепо боролось,
в жарких схватках сражалось и билось.
Сколь жестокими были сраженья!
И телам ратоборцев усталым
Долго не было отдохновенья,
сна спокойного под одеялом.
Для сомнений мы и для раздумий
не имели ни сил, ни часа,
Ибо время борьбе отдавали,
отдавали силы боям.
Мы вперед и вперед стремились,
отступать приходилось не часто,
И понятья «покой» или «счастье»
незнакомыми были нам.
Ты сказал слова недобрые, Цагадай,
Душу матери горячую остудил,
Сердце любящее, нежное оскорбил,
Мысли, чувства благородные погубил.
Дети, дети, Бортэ хатан — всем вам мать,
В жилах ваших — кровь от печени одной,
И родство вам невозможно растерять —
Братья кровные, должны вы быть родней!
Коль посмеете родством вы пренебречь,
Коль услышит мать бессовестную речь,
Коль не станете любовь ее беречь,
Что же ей теперь — живою в землю лечь?
Дети, дети, ведь она носила вас,
И заботами она дарила вас.
Коли грубостью обидите вы мать,
Боль души ее вовек вам не унять.
Отец ваш хан вел долгую войну,
Чтобы создать единую страну.
Он головой за это рисковал,
Своей горячей крови не жалел,
В степи на дэле собственном он спал,
А в головах — рукав — все тот же дэл.
Чтоб подданных объединить в страну,
Не есть, не пить, не спать он был готов.
Хотелось пить — свою же пил слюну,
Ел мясо, что застряло меж зубов.
Шел в гору он — с лица струился пот,

Но был отец ваш хан неутомим.
И Бортэ хатан, не боясь невзгод,
Все горести переносила с ним.
У нее благородный нрав,
Мать, повыше полы подобрав
Своего бессменного дэла,
Никогда не сидела без дела,
А трудилась — себя не жалела.
Чтоб взрастить детей,
Чтобы их поднять,
Выпадало ей
Недоесть, не спать.
Детям — первый глоток,
Детям — лучший кусок.
Уставала так,
Что валилась с ног.
Мать благодарность вашу заслужила:
За плечи кверху каждого тащила,
До совершеннолетья довела.
Ее заслугам равных нет, пожалуй:
За ворот кверху вас приподнимала
И что могла — все сыновьям дала.
Всю жизнь она за вами убирает…
Кто из детей под стремя вырастает,
Того с мужами зрелыми равняет.
И нынче часто думается ей:
«Жизнь им я отдала.
За все старанья
Увидеть бы мне добрые деянья
Моих возросших милых сыновей!»
Смотрите ж, дети, мать не огорчайте,
Враждою дум ее не омрачайте.
Умом светла, душой, как лист, раскрыта,
Солнцеподобна мать, многоочита».

Засим Чингисхан рек: «Как можно так порочить Жочи?! Ужель не старший он из всех моих сынов?! Ужели, Цагадай, не стыдно напраслину на брата возводить!»

На эти слова владыки Цагадай ответил покаянно:

«Вовек я не пренебрегу
Умом и силой брата Жочи.
Как говорят в народе,
Нельзя же злоречивого казнить,

Что тщился словом ближнего убить;
И шкуру нам не след с того сдирать,
Кто языком хотел нас растоптать.
Да, брат мой Жочи,
А за ним и я —
Мы старшие отцовы сыновья.
Мы — братья,
Силы мы объединим,
Мы преданно отцу послужим с ним.
А тех, кто прочь пытался убежать,
Догоним и на месте порешим.
Кто отделился,
Кто отстал в пути,
Тому от мести нашей не уйти.
Вот Угэдэй — великодушней нас,
О нем как о преемнике и сказ.
Ему бы при отце и пребывать,
Чтоб хан учил его повелевать,
Вникать в ведение державных дел,
Чтобы великой шапкой Угэдэй
По воле государя завладел».

Затем поворотился Чингисхан к Жочи и вдругорядь вопрошал его: «Так что же скажет сын мой Жочи?»

И молвил Жочи в ответ хану-отцу: «Что говорить? Все сказано уж было Цагадаем. Сплотим свои мы силы воедино с братом, дабы тебе, отец, служить! Преемником твоим и я хотел бы видеть Угэдэя».

И прорек тогда Чингисхан: «Не надобно объединять вам силы. Ведь наша мать-Земля бескрайна, и рекам ее нет числа. Уделом иноземным каждого из вас я наделю. Живите розно и владения приумножайте! И будьте верны слову, блюдите дружество свое. Не приведи Всевышний стать вам притчей во языцех, посмешищем у подданных своих!

Должно быть, ведома вам, сыновья мои, судьба Алтана и Хучара: они однажды так же поклялись, но слов заветных так и не сдержали. Я нынче ж поделю меж вами всех подданных Алтана и Хучара. Пусть будут вам они напоминаньем об их судьбе и в жизни вашей предостереженьем!»

И, приступив к Угэдэю, молвил еще Чингисхан: «Что ты мне скажешь, Угэдэй?»

И ответил Угэдэй на это владыке: «О хан-отец, желаешь ты мой выслушать ответ. Но, право, что сказать тебе, не знаю. Могу

ли я сказать, что мне невмочь однажды стать преемником твоим?! Но, коли воля есть твоя, явлю усердие в делах державных.

Не дай, Всевышний,
Таких наследников мне породить,
Которыми бы погнушалась и корова,
Хотя бы трижды обернули их травой,
Которыми бы пренебрег и пес дворовый,
Хотя бы трижды салом обложили их.
И как бы нам не угодить в полевку,
Метя в лося.
И это все, что я хотел сказать».

Выслушав Угэдэя, Чингисхан молвил: «Мне любы Угэдэевы слова. Ну а Толуй что скажет?»

И сказал Толуй:

«Я буду рядом с тем из старших братьев,
Которого отец преемником однажды назовет.
Ему напоминать я буду все,
Что он запамятовал невзначай,
И буду пробуждать в нем пыл,
Коль затухать он будет.
Я стану отзывом на клич его призывный
И плеткою для лошади его;
В походах дальних, в предстоящих сечах
Ему я буду верною опорой!»

И одобрил Чингисхан слова Толуя, и повелел при этом: «Да будет же один из сыновей Хасара наследником его! Да унаследует потомок Алчидая его наследство! Да станет Отчигиновым преемником один из сыновей его! И да придет на смену Бэлгудэю его же семя! Один из вас, сынов моих, да унаследует престол мой! Да будут оставаться неизменны, и нерушимы, и неоспоримы все мои веленья!

И коль у Угэдэя наследники родятся,
Которыми бы погнушалась и корова,
Хотя бы трижды обернули их травой,
Которыми бы пренебрег и пес дворовый,
Хотя бы трижды салом обложили их,
Ужель среди моих потомков
достойного не будет сына?!»

Выступая в поход в земли Сартаульские, Чингисхан отослал к Бурхану тангудскому посла со словами: «Ты говорил, что правою рукой моею станешь. Иду я нынче повоевать сартаулов, что мои поводья золотые бесчестно оборвали. Так стань же правою рукою в рати нашей!»

И передал посол слова владыки Бурхану тангудскому. И не успел Бурхан вымолвить ответ, как вдруг его вельможа Аша Гамбу сказал: «Коль немощен ты сам, почто стал ханом?!»

И не послали тангуды подмоги Чингисхану и выпроводили посланника его, гордыню явив свою.

Известясь от посла об ответе тангудов, Чингисхан гневно молвил: «Ужели позволительно Аша Гамбу нам говорить такое?! Не должно ль нам за это тотчас их повоевать?! Однако бег свой мы теперь стремим в края другие, и потому с тангудами считаться недосуг нам. Когда же возвратимся восвояси, милостью Неба Вечного держа бразды державные златые, мы с ними посчитаемся наверно!»*

*Рассказ о том, как Чингисхан выступил повоевать сартаулов**

В год Зайца выступил Чингисхан через Арайский перевал повоевать сартаулов*. Из ханш в поход он взял лишь Хулан хатан, из братьев младших в Верховной ставке оставил Отчигина.

И отправил Чингисхан с передовым отрядом Зэва, а вслед ему выслал Субэгэдэя, а вслед за Субэгэдэем шел Тохучар*. И, посылая вперед трех мужей своих, Чингисхан наказал им: «Султанские пределы стороною обойдя, зайдите в тыл к нему, но в бой до нашего подхода не вступайте!»

И обошел Зэв стороной грады хана Мелига*, разор им не чиня. Вослед ему пришел и Субэгэдэй, грады сартаульские не разоряя. А шедший за ними Тохучар разор учинил порубежным градам хана Мелига, похватал аратаев его. Известясь о полонении городов своих, хан Мелиг выступил с ратью и воссоединился с Жалал-дин султаном*. И ополчились они вместе на Чингисхана.

Во главе рати Чингисовой с передовым отрядом шел Шигихутуг. И наехали Жалалдин султан и хан Мелиг на Шигихутуга, и повергли они мужей наших, и преследовали их аж до стана Чингисхана*. Но подоспели тут Зэв, Субэгэдэй и Тохучар, и ударили они по ворогу с тыла и сокрушили его. И преследовали мужи наши ратаев Жалалдин султана и хана Мелига, не допуская их к градам сартауль-ским — Бухаре,

Сэмисгабу (Самарканду. — *А.М.*) и Удурару (Отрару — *А.М.*) И гнали мужи наши ворогов сартаульских до реки Шин, в водах коей множество сартаульцев и сгинуло. Спасаясь от мужей наших, Жалалдин султан и хан Мелиг бежали вверх по Шину*.

Следуя в верховья реки Шин, Чингисхан прошел через город Бадхэшэн (Бадахшан. — *А.М.*) и, достигнув речек Эх горхи и Гун горхи, стал станом в местности Бараан хээр*. И послал он оттуда ноёна Бала Жалайрдайского в погоню за Жалалдин султаном и ханом Мелигом*.

Засим Чингисхан восславил мужей своих Зэва и Субэгэдэя. И молвил он, обратясь к Зэву: «Мой доблестный Зэв! Именовался ты до нашей первой встречи Зургадай. Но, изыдя ко мне от ворогов-тайчудов, стал зваться ты Зэвом!»

И повелел Чингисхан предать смерти Тохучара за то, что учинил разор самочинный градов порубежных хана Мелига и ополчил его против мужей наших. Но смиловался потом Чингисхан и лишь выговорил ему сурово и лишил права предводить мужами его*.

Выступая из Бараан хээр, Чингисхан повелел Жочи, Цагадаю и Угэдэю стать во главе ратаев правой руки и, перейдя через реку Амуй, осадить город Урунгэчи (Гурганж)*. И отослал Чингисхан Толуя полонить Иру (Мару), Исэбур (Нисабур) и прочие грады. А сам Чингисхан пришел и сел в Удураре*.

Жочи, Цагадай и Угэдэй, придя к Урунгэчи, отослали к хану-отцу посла со словами: «С мужами нашими достигли мы Урунгэчи и град сей осадили. Кому из нас троих теперь всем ратаям повиноваться?»

И повелел Чингисхан: «Да будет впредь над всеми вами воля Угэдэя!»*

Полонив Удурар, Чингисхан пришел и сел в Самарканде*. Потом, выступив из Самарканда, Чингисхан пришел и сел в Бухаре*.

В ожидании ноёна Бала Чингисхан провел лето в летнем дворце султана, что в горах на речушке Алтан горхи. И отослал Чингисхан оттуда посла к Толую со словами: «В сей летний зной дай рати передышку. И самолично к нам приди!»*

К тому времени Толуй успел полонить Иру, Исэбур и прочие грады, повоевал и порушил Систэн (Систан). Когда посол владыки к нему явился, Толуй разор чинил во граде Чухчэрэне. Разорив и порушив град оный, возвернулся Толуй с мужами своими к Чингисхану.

И захватили Жочи, Цагадай и Угэдэй Урунгэчи и прочие грады и поделили меж собой граждан сартаульских, но не уделили долю хану-отцу своему. И прогневался на них

Чингисхан, и не допускал сыновей три дня в ставку свою. И приступили тогда к владыке Борчу, Мухали и Шигихутуг и молвили: «Мы одолели супротивника — сартаульского султана — и покорили его грады, полонили граждан. Разгромленный и поделенный твоими сыновьями град Урунгэчи, и сами сыновья, и ратаи твои — мы все в твоей же власти. Возрадовались все мы, твои мужи и кони, что сокрушили сартаулов силою великой, кою умножили в нас Небо и Земля. Почто же ты так гневаешься, хан? Сыны твои вину уразумели, и все трепещут покаянно. И это будет впредь наукой им. Да не лишит их гнев твой сильной воли! О, хан, призвать к себе сынов раскаявшихся соблаговоли!»

И выслушал Чингисхан нукеров своих, и, уняв гнев, соизволил призвать к себе сыновей.

И увещевал их Чингисхан,
Рассказывая притчи стародедовские,
И выговаривал им,
Заповедуя истины седые,
И ругал на чем свет стоит
Так, что не знали они, куда и деться,
И едва успевали со лба пот стирать.

И приступили тогда к владыке три его стрелка-хорчина — Хонхай, Хонтагар и Чормахан, и молвили они Чингисхану: «Добро ли столь сурово ранить душу сынов, кои, подобно в первый раз на хватку выпущенным соколятам, лишь только постигают ратную науку?! Да не лишит их страх перед тобой, Чингисхан, доблестного сердца! Куда ни глянь — с восхода до заката, повсюду ворогов не счесть. Да будет только воля хана подобно верным псам послать нас на врага, мы силою, дарованной нам Небом и Землею, его повергнем и серебром, и златом, и прочими дарами поклонимся тебе, Чингисхан! Пошли же рать свою на запад, в пределы Хали-бай султана*, властителя Багдада!»

И призадумался Чингисхан над речами трех хорчинов, и уняли они гнев его. И соизволил Чингисхан оставить при себе Хонхая адаргидайского и Хонтагара долонгирдайского, а третьего из них — Чормахана утэгэдэйского — послал в пределы властелина Багдада Халибай султана.

И послал Чингисхан тогда же дурбэдейского Турбэя догшина повоевать город Абту, что стоит между землями хиндусов* и багдадцев и населен народами ару, мару и мадасари*.

И был отослан с ратью Субэгэдэй-батор на север*. И прошел он через земли одиннадцати стран и народов — ханлинцев, кипчаков, бажигидов*, русских, мажаров, асудов, сасудов,

сэркэсцев (хиргис), кэшимирцев, боларцев (болгар), раралцев. И преодолел Субэгэдэй-батор реки Адил* и Жаяг*, и дошел до градов Кивамэн* и Кэрмэн.

Когда закончил Чингисхан завоевывать земли сартаульские* и назначал наместников своих в грады повоеванные, явились к нему из города Урунгэчи два человека. И звали их Ялавачи и Масхуд, и были они отец и сын из рода Хурумши. И поведали они владыке законы и обычаи народов оседлых. Ибо каждый из них в законах и обычаях оных был одинаково сведущ, Чингисхан повелел Масхуду хурумши вместе с монгольскими наместниками править в Бухаре, Самарканде, Урунгэчи, Удане (Хотане), Кисгаре (Кашгаре), Урияне (Яркэне), Гусэн дариле (Кусэн дарили) и прочих градах сартаульских, а отца его Ялавачи взял с собой и поставил наместником в хятадском городе Жунду. Поскольку среди сартаулов Ялавачи и Масхун были самыми сведущими в законах и порядках городских, они были приставлены в помощники к монгольским наместникам в градах сартаульских и хятадских.

Семь лет был Чингисхан в землях сартаульских. И сейчас ждал он возвращения ноёна Бала жалайрдайского. Тем временем ноён Бала с мужами своими переплыл реку Шин, и преследовал он Жалалдин султана и хана Мелига до земель хиндусских, но таки не нагнал их. И, пройдя полземли хиндусской, ноён Бала повернул рать свою назад восвояси. И по дороге назад в порубежных землях хиндусских попленил он много люда хиндусского и увел с собой коз и верблюдов стада многочисленные, с коими и воротился в стан владыки.

Возвращаясь из земель сартаульских в родные пределы, Чингисхан провел лето на реке Эрдис (Эрчис)*, и на седьмой год похода своего осенью года Курицы* пришел и сел он в ставке своей, что в Черной роще на реке Тола.

Рассказ о том, как Чингисхан ополчился на тангудов и умер в походе

И, перезимовав в ставке своей, возжелал Чингисхан пойти повоевать тангудов. И подсчитаны были вдругорядь ратаи наши, и засим осенью года Собаки* выступил Чингисхан в поход на ворогов-тангудов*. Из ханш взял он с собой в поход Есуй хатан.

И устроил Чингисхан в пути облавную охоту на куланов. И было это зимой в местности, именуемой Арбух, и скакал Чингисхан на скакуне по кличке Зост бор. Когда мимо проносился табун куланов, Зост бор поднялся на дыбы, и упал

Чингисхан наземь, и сильно ушибся. И встали они станом в местности, именуемой Цорха. Наутро следующего дня Есуй хатан, призвав к себе сынов Чингисхановых и ноёнов его верховных, молвила: «Всю ночь владыку мучил сильный жар. Скажите же, что делать нам теперь?»

И держали совет сыновья Чингисхана и ноёны его. И молвил тогда Толун чэрби хонхотадайский:

«Оседло век векует народ тангудский,
Бессменно в глинобитных городищах жительствует он.
И не уйдут они с насиженного места,
ввек не покинут глинобитную свою обитель!
Так воротимся тотчас восвояси!
Когда ж от недуга оправится наш хан,
Мы снова выступим на недругов в поход».

Сыновья Чингисхана и ноёны его одобрили речи Толун чэрби и повестили об этом владыку.

И молвил тогда Чингисхан: «Коль воротимся мы теперь, тангуды скажут, что монголы оробели. Вернее будет к ним посыльного отправить и, ожидая возвращения его, здесь, в Цорхе, недуг уврачевать. Когда посыльный привезет ответ тангудов, тогда мы все и порешим!»

И назначил Чингисхан посла, и повелел ему затвердить и передать тангудскому правителю такие слова:

«Бурхан, дотоль ты сказывал, что верные тебе тангуды мне правою рукою станут. И потому, когда отправился я воевать сартаулов, тебя через посла я известил. Ты ж слова не сдержал и не послал подмогу, зато надменными речами нанес мне кровную обиду. Тогда свой бег стремили мы в края другие, с тобой считаться было недосуг. Теперь же, милостию Неба Вечного повоевав и покорив сартаулов, пришли мы переведаться с тобой*».

И пересказал посыльный Бурхану слова Чингисхана, и ответил послу Бурхан: «Сих слов надменных я не глаголал!»

И сказал тогда Аша Гамбу: «То я нанес тебе обиду, Чингисхан! И коль твои монголы делу ратному уж обучились и с нами посчитаться пожелают, пусть следуют в мои пределы, в Алашу.

Там мы сразимся,
И там найдется им пожива
В юртах многостенных
И на верблюдах вьючных люда моего.

А коли возжелают серебра и злата,
Пусть бег свой в города Яргай и Эрижэгу устремляют!»

Известясь от посла ответом оным, Чингисхан, все так же мучимый сильным жаром, воскликнул: «Вы слышали ответ тангудов?! Как можно уходить нам восвояси, когда они глаголют нам такое! Пусть я умру, но видит Небо, врагу обиды этой не спущу!»

И пошел Чингисхан на Алашу, и сразился там с ратию Аша Гамбу. И поверг Чингисхан ворогов-тангудов, и пленил он Аша Гамбу, что засел в горах Алашанских, и истребил народ его, живший в юртах многостенных, вьючными верблюдами богатый, и прах тангудский по ветру развеял.

И повелел засим Чингисхан: «Мужи мои! Коварных ворогов изничтожайте! А тех, кои покорность явят, себе берите по произволенью!»

Чингисхан летовал в горах Цаст, и послал он мужей своих собрать людей тангудских, кои вслед за Аша Гамбу бежали в горы. И похватали мужи наши люд тангудский, живший в юртах многостенных и вьючными верблюдами богатый. И соизволил повелеть тогда Чингисхан своим ноёнам Борчу и Мухали: «Себе возьмите столько ворогов-тангудов, сколь силы хватит вам с собою увести!»

И присовокупил Чингисхан к повелению своему: «Доселе я не жаловал хятадов ни Борчу, ни Мухали. Так поделите же хятадских зуйнцев (чжурчжэней. — АМ.) по-братски меж собою! Пусть достославные мужи их при вас сокольничими будут, а взрощенные вами зуйнские девицы прислужницами вашим женам служат! Сгубившие немало предков наших зуйнцы за службу верную свою были обласканы при Алтан-хановом дворе. Вы же, Борчу и Мухали, за преданность свою воистину моей душе любезны ныне!»

И, удалясь от гор Цаст, Чингисхан пришел и сел в граде Яргай. Засим выступил он из Яргая и осадил Дурмэгэй. Когда Чингисхан осаждал Дурмэгэй, пришел к нему тангудский хан Бурхан и кланялся дарами богатыми: девятью золотыми бурханами* и чашами златыми и серебряными, коих было по девять, и юными мужами и девицами тангудскими, коих было по девять, и славными скакунами и верблюдами, коих было по девять, и прочими подношениями знатными, коих, как и всех прочих, было по девять.

И соизволил Чингисхан встретить Бурхана за дверями ставки своей. И когда Чингисхан вышел к Бурхану, сделалось ему плохо.

На третий день после того изрек Чингисхан: «Жалую Илуху Бурхану имя Шудрага»*. И призвал он к себе Илуху Бурхана «Шудрага» и повелел: «Коли зовешься ты отныне «Шудрага», да будет умерщвлен Илуху!»

И приказал он Толун чэрби собственноручно умертвить Илуху. И когда Толун чэрби вновь явился и известил владыку, что им Илуху умерщвлен, Чингисхан повелел: «Когда я занемог после охоты облавной, кою устроили мы по пути в тангудские пределы, о здравии моем душой болея, ты первым пожелал вернуться восвояси, дабы скорее мой недуг уврачевать. Понужденные друга мнимого надменными речами, мы нашей силою, умноженною Вечным Небом, притворщика повергли и поквитались с ним. Да будут пожалованы Толун чэрби дворец походный вместе с утварью его, что Илуху, ко мне пожаловав, привез!»

Итак, завоевал Чингисхан страну тангудов и пожаловал повелителю ее Илуху Бурхану прозвание «Шудрага», что значит «верный слову своему», и умертвил его. И развеял в прах он племя тангудское до последнего отродья. И повелел за трапезой вседневною возглашать об этом. Ибо нарушили тангуды слово, однажды данное, Чингисхан вдругорядь ополчился на них и поверг народ их.

И, повергнув их, в год Свиньи* Чингисхан вознесся на небеса*. Пред тем множество тангудов были пожалованы Есуй хатан.

III
ЖИЗНЕОПИСАНИЕ УГЭДЭЙ-ХАНА

Рассказ о возведении Угэдэя на ханский престол

В год Мыши* в местности Худо арал, что на Керулене, сошлись Цагадай* и Бат*, прочие властители улуса правой руки, ноён Отчигин*, Егу, Есунхэ* и прочие властители улуса левой руки, Толуй* и прочие властители срединного улуса, а также прочие наследники, ноёны-темники и тысяцкие. И исполнили они сокровенное повеление владыки Чингисхана, и возвели на ханский престол Угэдэя*.

Старший брат, Цагадай, возведя брата младшего, Угэдэя, на ханский престол, вместе с братом своим Толуем вложил в руки его бразды правления хэвтулами, хорчинами и восемью тысячами турхагов, кои оберегали златую жизнь отца их, владыки Чингисхана, и передал во власть Угэдэя тумэн хишигтэна — собственной охраны владыки, которая следовала за ним всечасно. И передан был во власть Угэдэй-хана также срединный улус монголов.

Угэдэй-хан, возведенный на ханский престол и принявший власть над тумэном хишигтэна — личной охраны своей и срединный улус, посоветовался прежде со старшим братом Цагадаем и отправил Оготора и Мунгута вслед за Чормахан хорчином, бывшим в пределах Халибай султана, властителя Багдада, в походе, что не завершил их отец, Чингисхан.

Отосланный с мужами своими повоевать ханлинцев, кипчаков, бажигидов, русских, асудов, сасудов, мажаров, кэшимирцев, сэркэсцев, бухарцев, кэрэлцев, перейти через реки Адил и Жаяг и дойти до градов Мэкэтмэн, Кэрмэн и Кэйиб, Субэгэдэй-батор известил Угэдэй-хана о том, что народы оные противоборствуют отчаянно. И послал тогда Угэдэй-хан вослед Субэгэдэй-батору Бата, Бури*, Мунха*, Гуюга* и прочих многих доблестных мужей своих. И повелел Угэдэй-хан предводительствовать в походе оными мужами Бату, а мужами, кои выступили от срединного улуса, — Гуюгу.

И повелел еще Угэдэй-хан: «Да отошлют властители уделов в сей поход самого старшего из сыновей своих! И те наследники, кои уделов не имеют, равно и темники, и тысяцкие, и сотники с десятниками и прочие, кто б ни были они, да отошлют в поход сей самого старшего из сыновей своих! И все наследницы и все зятья пусть старших сыновей в рать нашу высылают!»

И присовокупил Угэдэй-хан к повелению оному: «Брат Цагадай мне присоветовал в поход отправить наших старших сыновей. Ко мне посыльного прислал он со словами: «Всех наших старших сыновей давай пошлем вслед Субэгэдэю! Коль все они отправятся в поход, мы рать свою пополним во сто крат. Чем

больше будет наша рать, тем в бой пойдет она смелее. Пред нами в странах чужеземных тьма врагов. Страшны они в неистовстве своем: от своего меча мужи их смерть принять готовы. И, сказывают, их клинки остры».

И повелели мы тогда в поход сбираться всем нашим старшим сыновьям, как это нам радельный брат Цагадай глаголал, и потому в далекий мы отправили поход Бата, Бури, Мунха и Гуюга»*.

Засим Угэдэй-хан послал к старшему брату Цагадаю испросить совета. И передал посыльный Цагадаю такие слова Угэдэевы: «Взошел я на престол, мне уготовленный отцом-владыкой Чингисханом. Терзаюсь думой я теперь: чем заслужил я честь такую?!* И ныне шлю к тебе совета и благословенья испросить: задумал я пойти в поход на Алтан-хана и не оконченное Чингисханом дело завершить*. Брат мой, благословишь ли ты сие решение?»

И благословил Цагадай намерения Угэдэй-хана и передал через посыльного такие слова:

«Почто откладывать сие, мой Угэдэй?! Оставь заботам доблестного мужа ставку, а сам немедля выступай в поход. Я рать свою пошлю тебе вослед».

И оставил Угэдэй-хан ставку великую заботам хорчина Олдагара.

Предание о том, как Угэдэя постиг недуг злосчастный

В год Зайца* Угэдэй-хан выступил повоевать хятадов. И отправил он с передовым отрядом верного мужа своего Зэва. И сокрушил Угэдэй рать хятадскую, и изничтожил мужей хятадских, как пни трухлявые. И, перейдя через Цавчалский перевал, послал Угэдэй ратников своих по городам и весям хятадским, а сам пришел и сел в Шар дэге. И постиг его тут недуг злосчастный, и лишился он дара речи.

И призвали тогда шаманов и ворожей и понудили их ворожить Угэдэй-хану. И, поворожив, сказывали они, что вознегодовали и напустили хворь на хана духи земель и вод хятадских, ибо полонил он людей хятадских и разор учинил городам ихним. И принялись шаманы задабривать духов, обещая им откупиться златом и серебром, скотом и людьми. Но пуще прежнего разгневались духи земли и вод хятадских. И вопрошали тогда шаманы духов, не соблаговолят ли они принять в качестве выкупа сродника Угэдэй-хана. И открыл тогда хан глаза, и попросил напиться. И, испив воды, спросил он шаманов: «Скажите

мне, что вы наворожили?» И отвечали ему шаманы: «Прогневал, хан, ты духов земель и вод хятадских, ибо людей хятадских полонил и учинил разор их градам. Задабривали духов мы, им обещая откупиться серебром и златом, но пуще прежнего прогневались они. Когда ж мы обещали откупиться сродником твоим, духи явили нам свое благоволенье. Теперича какое будет повеление твое, наш хан?»

И вопрошал Угэдэй-хан: «Кто рядом есть из сродников моих?»

Рядом с ним был брат его младший Толуй. И молвил тогда Толуй: «Наш хан-отец, Великий Чингисхан, из старших, кои над тобою, и младших, кои тебя ниже, остановил свой выбор на тебе.

Тебя испытывал Чингисхан
Как испытывают скакуна,
Тебя высматривал пристрастно,
Как выбирают лучшего барана.
Вложив бразды державной власти
В твои руки
И возложив тебе на плечи
Над тьмой людскою бремя власти,
Вознесся он на небеса.
Мне повелел наш хан-отец быть вечно рядом с ханом
— старшим братом,
Напоминать ему все то,
Что невзначай запамятует хан,
И раздувать в нем пыл сердечный,
Коль затухать он будет.

Коль потеряем мы тебя теперь, чей пыл сердечный раздувать я буду, кому запамятованное мне напоминать?! Коль не оправится хан от болезни, народ монгольский осиротеет, а все хятады возликуют. Так пусть же сгину я вместо тебя!

Я переламывал хребет тайменя,
Ломал хребтину я у осетра.
И явных недругов одолевал,
И наповал разил врагов незримых.
Красив я ликом,
Статен телом я.
Взывайте же, шаманы, к духам,
читайте заклинания свои!»

И принялись взывать шаманы к духам и читать заклинания. И

дали они испить Толую заговоренную воду. И, посидев немного, Толуй молвил: «Хан, брат мой старший Угэдэй! Обереги и удостой опеки малых детей моих и овдовевшую невестку, пока хмель заговорный не сойдет. Я все сказал, и меня силы оставляют…»

И вышел Толуй из ставки и пал замертво*.

Рассказ о предосудительном поведении на пиру Бури и Гуюга и об их наказании Угэдэем

И так Угэдэй-хан поверг Алтан-хана, и дал он Алтан-хану прозвание Шиао-си, что значит «ничтожный слуга». И взял Угэдэй-хан из пределов хятадских добычу богатую: и злато, и серебро, и златотканые, узорчатые штофы, и табуны лучших скакунов, и людей хятадских множество. И, посадив в Намгине, Жунду и прочих городах наместников и воевод своих, Угэдэй-хан благополучно воротился и сел в Каракоруме*.

Чормахан хорчин подчинил державе нашей народ багдадский. И, известясь от него, что земли багдадские изобильны, а товары славны, повелел Угэдэй-хан: «Да будет Чормахан хорчин моим наместником в багдадских землях, да будет доставлять он в ставку ежегодно и золото, и золотые украшенья, и златотканые парчи и штофы, и жемчуга, и перламутры, равно как и коней высоких, длинноногих, и мулов, и верблюдов вьючных!»

Бат, Бури, Гуюг, Мунх и прочие достойные мужи наши, что посланы были в поход вослед Субэгэдэй-батору, покорили ханлинцев, кипчаков, бажигидцев, учинили разор в городах Эжил, Жаяг и Мэгэд, повергли и полонили русских. И подчинили они Асуд, Сасуд, Боларман, Кэрмэн, Киву и прочие грады и посадили в них наместников своих.

И послал Угэдэй-хан Есудэр хорчина на помощь Жалайрдай хорчину, что дотоле пошел в поход в земли зурчидов (чжурчжэней) и корейцев. И повелел Угэдэй-хан Есудэр хорчину быть наместником в землях оных.

Засим прибыл к Угэдэй-хану посланный от Бата из земли khj, — чаков и передал владыке сие, реченное Батом: «Благоволеньем Неба Вечного и всемогуществом владыки, дяди нашего, порушили мы град Мэгэд, люд русский покорили, твоей державной власти подчинили одиннадцать народов чужеземных. И, возжелав державные поводья золотые в пределы отчие направить, раскинули шатер широкий и на прощальный пир сошлись. Ибо на оном пиршестве честном я самым старшим был

средь братьев-сродников наследных, застольную испил я первым чашу, чем вызвал Бури и Гуюга недовольство. И прочь они ушли с честного пира, и молвил тогда Бури, уходя:

«Равняться с нами возжелали
Бородатые старухи.
Их пяткой ткнуть бы,
А после и ступнею растоптать!»

«Поколотить бы, что ли, хорошенько старух, кои на пояс понавешали колчаны!» — ему Гуюг надменно вторил.

«И понавесить деревянные хвосты!» — присовокупил Аргасун, сын Элжигдэя.

Тогда мы молвили: «Коли пришли мы чужеземных ворогов повоевать, не должно ль нам крепить согласье меж собою полюбовно?!»

Но нет, не вняли разуму Гуюг и Бури и пир честной покинули, бранясь. Яви же, хан, теперь нам свою волю!»

Выслушав посланника Бата, Угэдэй-хан пришел в ярость и, не допустив к себе прибывшего в ставку сына Гуюга, молвил: «Кому внимает самохвал спесивый этот, глумясь над старшим братом подло и воли супротив его идя?! Уж лучше бы сие яйцо протухло вовсе!

Да будет послан он в отряде штурмовом
На неприступный, словно горы, град,
Дабы карабкался на городские стены,
Пока ногтей всех с пальцев не ссучит!
Да будет послан воеводой он на град,
Стеною кованою обнесенный,
Дабы взбирался он на эти стены,
Пока ногтей всех с пальцев не облупит!

А этот мерзкий зложелатель Аргасун, какой еще вражине вторя, стал лаять наших сродников надменно?! Казнить нам следовало Аргасуна, да упрекнут меня, что строг я равно не ко всем. И посему да будут вместе сосланы Гуюг и Аргасун! А с Бури мы поступим так: пусть Бата известят, дабы отправил он смутьяна к отцу, моему брату Цагадаю. И пусть брат старший Цагадай судьбу его решит!»

И приступили тогда к Угэдэй-хану Мунгэй (Мунх), наследник хана, и ноёны Алчидай, Хонхордай и Жанги, и молвили они: «Дал нам наказ Чингисхан: дела походные решать в походе, домашние

же — дома разрешать. Хан соизволил на Гуюга осердиться за провинность, что свершил в походе он. Тогда не должно ль это дело отдать на порешение Бату?»

Внимал Угэдэй-хан словам их с благоволением, и унял он свой гнев, и призвал к себе Гуюга, и выговаривал ему за дела его недостойные: «Мне сказывали, как в походе ты сек моих мужей нещадно, ни одного здорового седалища в дружине не оставил; так мордовал ты ратаев моих, что кожа клочьями с лица спадала. Не думаешь ли ты, что русские, лишь гнева убоявшись твоего, нам покорились?! Не возомнил ли, сын, что Русь ты покорил один, и потому позволено тебе над старшим братом так глумиться и воли супротив его идти?! «Страшна лишь многочисленная рать, лишь глубина морская смертоносна!» — разве не так нас поучал отец, Чингис. Ведомые в сраженье Субэгэдэем и Бужэгом, вы силой общею повергли русских и кипчаков. Так что же ты, впервые кров родной покинув, в бою не одолев ни русского, ни кипчака и даже не добыв паршивого козленка шкуры, кичишься доблестью своею громогласно, как будто ворога разбил один?! Как друг, клокочущее сердце успокаивающий, как ковш, смиряющий в котле бушующую воду, Мунгэй и Алчидай, и Хонхордай с Жанги воистину мою уняли ярость. И впрямь дела походные решать Бату лишь надлежит, и посему пусть судит он Гуюга с Аргасуном! А брат мой старший Цагадай да порешит судьбу Бури!»

Рассказ о деяниях, совершенных Угэдэй-ханом по восшествии на ханский престол

Засим Угэдэй-хан изрек указ, в коем все подданные державы его извещались о распорядке службы хэвтулов, хорчинов, турхагов и всего хишигтэна, прежде несших службу охранную подле Чингисхана.

И повелевалось сим указом: «Да будут подданные наши держаться, как и прежде, велений владыки Чингисхана! Пусть, как и прежде, дневальные мои — хорчины и турхаги, в свой сменный заступив дозор, в местах назначенных нас охраняют и пред закатом солнца, сдав пост ночным охранникам, хэвтулам, покидают ставку! И пусть всю ночь стоят при нас хэвтулы в карауле, дозором вкруг дворца обходят! Да будут брать они под стражу на ночь слоняющихся вкруг дворца после захода солнца! И пусть стоящие у входа во дворец хэвтулы нещадно головы секут всем тем, кто в ханские покои вознамерится пробраться ночью! Тому, кто в ставку к нам прибудет ночью с известьем спешным,

спервоначалу следует хэвтулов известить, засим, у задней стенки юрты с хэвтулом вместе стоя, снаружи повестить нас о донесении своем. Да будет ясаулам Хонхордаю с Шираханом, равно как всем хэвтулам, ведом всяк человек, входящий в ставку и покидающий ее! Владыки верный муж Элжигэдэй и тот хэвтулами был схвачен, когда меж их постов слонялся ночью. Воистину надежен только тот хэвтул, что повеленье ханское блюдет!

Никто не смеет занимать посты хэвтулов! Не дозволяется слоняться подле стражи и в ставку проникать промеж постов, а также и выспрашивать число хэвтулов! Да будет схвачен всякий, кто слонялся возле стражи! Да будет конфискован конь с уздою и седлом и вся одежда у того, кто спрашивал число хэвтулов!

Да будут сберегать хэвтулы знамена наши, барабаны, сбрую, телеги-юрты, боевые пики; да будут сберегать они дворцовую посуду! Пусть ведают и пищей, и питьем моими!

И коли мы собственнолично в поход не выступаем, да будет не позволено хэвтулам от нас отдельно выступать! И пусть хэвтулов часть сопровождает нас в охоте облавной, а прочие, соображаясь с положеньем, при ставке остаются в карауле! И пусть хэвтулы при перекочевке для нашей ставки место избирают и сами же ее и ста-новят. И да приставлен будет на вратах дворцовых ими страж! Да будет тысяцкий ноён Хадан командовать хэвтулами моими!»

Засим Угэдэй-хан, соизволив назначить ноёнов четырех смен хэвтулов, молвил: «И пусть в согласии водительствуют первой сменой Хадан и Булахадар и охраняют им назначенное место — справа или слева от дворца! И пусть в согласии второю сменой ведают Амал и Чанар и караулят им назначенное место — справа или слева от дворца! И пусть Хадай и Хорихачир в согласье третьей сменою командуют и стерегут им назначенное место — справа или слева от дворца! И пусть Ялбаг и Харагудар в четвертой смене предводительствуют и стерегут им назначенное место — справа или слева от дворца! Пусть смена Булахадара с Хаданом и смена Чанара с Амалом — по леву руку от дворца сидят, а смена Хори-хачира с Хадаем и смена Харагудара с Ялбагом — пусть справа от дворца сидят! И предводительствует всеми сменами хэвтулов ноён мой тысяцкий Хадан. И пусть хэвтулы, вокруг дворца свой караул неся, за дверью неусыпно наблюдают и отряжают к нам двух стражей во дворец, дабы стояли у кумысницы большой!»

И повелел еще Угэдэй-хан: «Есунтэгэ и Бугидэй, Хорхудаг и Лабалха поделят пусть своих хорчинов на четыре части, в дневной дозор посменно их выводят, сопутствуя турхагов должной смене!»

Назначая ноёнов смен отборной стражи — турхагов из сродников мужей, кои дотоль командовали ими, Угэдэй-хан повелел: «Ноёны Алчидай с Хонхортахаем, что ведали всей караульной службой, возглавят смену первую турхагов. Тэмудэр и Йегу в согласье пусть командуют второю сменою турхагов! А Мангудай оставшихся турхагов пусть в третью смену собирает! И всеми сменными ноёнами турхагов да будет верховодить нукер Элжигэдэй!»

И еще повелел Угэдэй-хан: «Да будет, как и прежде, бит палками три раза страж, что в смену должную не явится в дозор.

Семь раз бить палками его, коль вдругорядь пропустит смену он! И коли, будучи во здравии и без согласия ноёна своего не выступит в дозор он в третий раз, тридцать семь палок ему всыпать да и сослать его в пределы дальние — как в свите нашей быть не пожелавшего.

И коль без построенья и поверки в дозор заступит смена караульная, ее ноён подвержен наказанью должен быть! Ноёны караульных смен да оглашают наше повеленье, сменяясь с караула всякий третий раз! А коль мужей своих не повестят, они повинны будут сами. Но если был хишигтэн повещен и все же повеление сие нарушил — не заступил в свой сменный караул, он порицания достоин!

Старшие в сменах да не смеют самолично чинить расправу над хишигтэном моим. Пусть прежде повестят меня об их провинностях! И казни предадим мы всех, кто смерти заслужил, и будут биты палками, кто наказанья оного достоин. Но если в сменах старшие, свой произвол чиня, на равных им хишигтэнов поднимут руку, их кара неминуемая ждет: за палки — будут биты палками они, за зуботычины — познают зуботычины и сами!

Мой страж хишигтэн мною чтим поболее любого воеводы тысяцкого, и те, кто в денщиках у нашей стражи, десятников и сотников моих почтенней. А посему, коль воевода тысяцкий с хишигтэном моим, как с ровнею себе, повздорит, да будет предан он суду!»

И молвил засим Угэдэй-хан: «Не стану бременем я для державы, что в муках выстрадал родитель мой, Чингисхан! Облагодетельствую я монгольский люд, дабы, как говорится, во блаженстве возлежал он, беспечно ноги растянув и руки по земле раскинув.

На уготованный родителем престол взойдя, не буду подданных своих мытарить! Да будет каждый год на нужды провиантские от стада каждого двухгодовалая овца дана нам! И по одной овце из сотни каждой — на пособленье сирым и убогим! Взимать негоже и питье, и провиант с мужей и подданных моих,

кои по зову нашему стекаются во ставку. Да будут пригнаны от каждой тысячи кобылы и присланы доильщики, приставленные их доить; да будут тот табун пасти распорядители кочевий, да учинят присмотр за жеребятами они!

Когда ноёны, братья-сродники все вместе собираются во ставке, свои дары мы соизволим им пожаловать. Для этих нужд пускай в хранилище хранятся ткани и серебро, и хлеб насущный, и оружье боевое. Да будет стража особая приставлена к хранилищу сему!

Хотим мы поделить все земли государства нашего. И для сего из каждой тысячи назначены пусть будут распорядители кочевий — нутагчины!

Досель гобийские пределы нелюдимы, там токмо лани вольные пасутся. И дабы подданные наши сели в сих пределах, да будут посланы с Чанаем и Уйгурдаем нутагчины и ими вырыты и огорожены колодцы!

Посыльные, что едут с донесеньем, в пути неспешны и в айлы то и дело заезжают, обременяют подданных моих. Желаем ныне мы поставить станции-уртоны, при коих бы служили от каждой тысячи посаженные ямщики. И установим впредь порядок, по коему уртонною дорогой следовать, не мешкая в пути, послам всем надлежит!

Все это присоветовали мне Чанай и Булахадар; я полагаю, одобрения сие достойно. Однако что на это скажет брат мой старший Цагадай? Хотел бы выслушать я и его сужденье».

И известил через посыльного Угэдэй-хан брата старшего Цагадая о делах сиих. Известясь об оных, Цагадай благословил их и передал Угэдэй-хану свой ответ: «Да будет все по-твоему сотворено!»

И присовокупил к этому Цагадай: «В своих пределах выставлю я тотчас станции-уртоны; Бата же извещу, дабы тянул уртонный тракт ко мне навстречу. Из прочего всего учереждение уртонной службы вниманья истинно достойно!»

И изрек тогда Угэдэй-хан: «Брат старший Цагадай, Бат и правого улуса прочие властители, и Отчигин ноён с Егу и левого улуса прочие властители, наследники, зятья, и прочие ноёны-темники, десятники и сотники срединного улуса благословенно вняли всем сужденьям нашим о том, что каждый год на нужды наши провиантские от стада каждого двухгодовалого барана дать они должны да по одной овце суягной — на пособленье сирым и убогим; поставить станции-уртоны, при коих бы служили ямщики, — не тяготило бы то подданных моих, да и посыльным бы моим покойно было.

И посему с согласья брата Цагадая повелеваю, дабы год от

года со всякой тысячи народа моего от стада каждого взималось по барану да по одной овце суягной из каждых ста овец. Да будут пригнаны кобылы, а к жеребятам пастухи приставлены — унагачины; пусть будет выставлена хозяйственная стража — амучины и балгасчины.

Поставим станции-уртоны, при коих бы служили ямщики! Сим ведать будут Арачан и Тохучар. Да будут к каждому уртону приписаны по двадцать ямщиков и счетом достодолжным приданы ему и кони ездовые, кобылы дойные и овцы провиантские, повозки и упряжные быки.

Но коли будет недостача из того
Хотя бы и веревки малой,
Виновный да поплатится губой!
Коль будет недостача
И колесной спицы,
Поплатится виновный половиной носа!»

И молвил впоследствии Угэдэй-хан: «Отца-владыки на престол взойдя великий, деянья совершил я таковые: пошел и покорил народ зурчидский Алтан-хана, сие во-первых; поставил станции-уртоны, коими следовать должны посыльные и вести без задержек доставлять, то во-вторых; засим в безводных землях по моему указу вырыты колодцы, и впредь в воде и в пастбищах не будет недостатка подданным моим; и, наконец, по городам и весям я воевод и управителей поставил. И сим облагодетельствовал я монгольский люд, дабы, как говорится, во блаженстве возлежал он, беспечно ноги растянув и руки по земле раскинув. Итак, после отца-владыки такие вот деянья я свершил.

Престол отца-владыки обретя, обременив себя державной властью, попал я в плен к зеленому вину. И сознаю я это прегрешенье. Пошел на поводу у женских чар, к себе я привезти велел дев из улуса дядьки Отчигина. Великий грех державному владыке такие беззакония чинить!

Повинен я и в том, что, вняв навету, нукера Доголху безвинного сгубил, который в битвах вечно первым на врагов бросался. За неразумное мое отмщенье верному нукеру отца-владыки раскаяния мучают меня! Кто беззаветно так отныне мне послужит?!

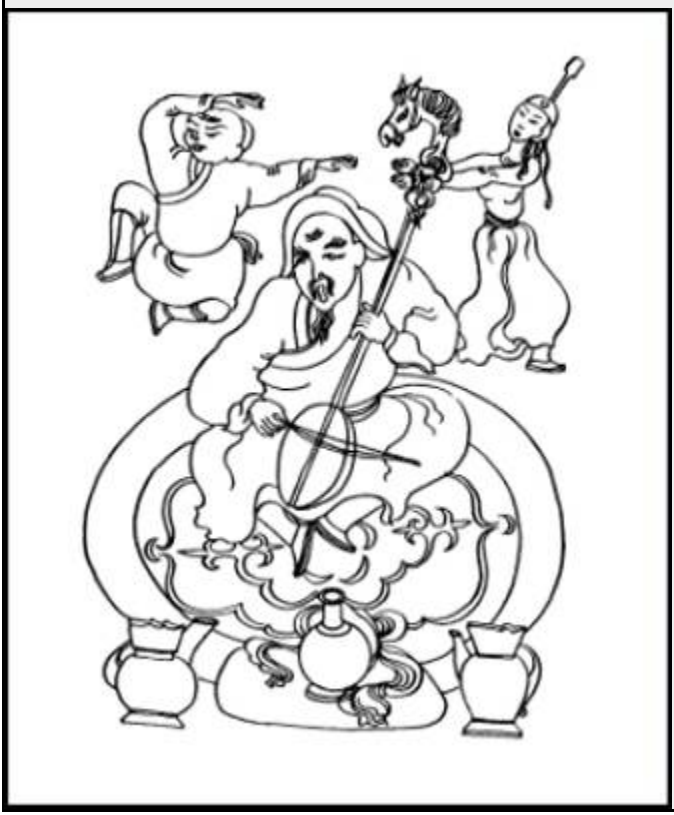
Заботясь, как бы во владенья братьев не ушли рожденные по благоволенью Неба и Земли газели, поставил средостенья я. За то услышал я укор от братьев и нынче каюсь в согрешении своем.

Итак, к благодеяниям отца-владыки сии деяния четыре я присовокупил. И совершил четыре прегрешенья, в коих каюсь!»

В месяц дождей года Мыши*, когда сошлись все на Великий хуралдай и стали ставкой на Худо арале, что на Керулене*, в долине между Долон болдогом и Шилхэнцэгом, сказание свое мы завершили.

ВТОРОЙ РАЗДЕЛ

ЛЕГЕНДЫ И ПРЕДАНИЯ О ЧИНГИСХАНЕ



ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ ВО ИМЯ БУДУЩЕГО

В первом разделе нашего сборника вы, уважаемый читатель, познакомились с «Сокровенным сказанием монголов», вершиной

художественно-исторического мышления монголов эпохи Чингисхана. Это «Сказание» «на самой заре монгольской исторической жизни… сразу возводит их письменность до степени литературы, вернее сказать, наряду с произведениями письменности появляется настоящее литературное произведение, и притом самое интересное, самое яркое, с которым не может сравниться ни одно создание последующей монгольской литературы. Впрочем, нужно оговориться: быть может, в ту эпоху расцвета монгольского народа, большого подъема его национальных сил, в эпоху создания могучей, железной и организованной империи и обширных завоеваний богатейших стран Востока, монголы создали и еще что-нибудь, быть может, у них появлялись и другие литературные произведения, определялись известные навыки, направления, но обо всем этом мы можем говорить только предположительно, судя по косвенным данным, потому что от той эпохи дошло до нас, сохранившись полностью, только одно литературное произведение. Произведение это — «Сокровенное сказание о монгольском народе» [1].

Уже это произведение свидетельствовало о том, что монгольские средневековые летописи значительно отличаются от западноевропейских и русских аналогов; это позволило Б. Я. Владимирову, большому знатоку монгольской литературы и истории, охарактеризовать «Сокровенное сказание монголов», этот кладезь мифологии и народного фольклора монголов, следующим образом: «Сокровенное сказание» — не «история» и не летопись; это эпическое, богатырское сказание, любопытнейший образчик степного эпического творчества, получившего литературную обработку… Но, давая такое определение «Сокровенному сказанию», его нельзя все-таки назвать настоящей эпопеей; это не монгольская Илиада, для этого оно очень исторично, местами слишком прозаично, вообще переработано с очевидной целью стать «историей» Чингисхана…

В эту эпоху монголы переживали период эпического творчества; эпические настроения и эпические сюжеты развиваются необычайно и выливаются в определенные и более сложные, по сравнению с прошлым, формы. Военные походы, обширные завоевания, общий расцвет и подъем монгольской жизни при Чингисхане вызывают национальное самосознание монголов и создают условия, удобные для развития эпических сюжетов… Эпический период, переживавшийся монголами в XII, XIII и XIV веках, и эпически настроенный класс степной монгольской аристократии были создателями определенного литературного течения, которое хотело выявлять свои идеалы и

чаяния, свои стремления и надежды в форме переработанных или просто записанных эпических сказаний, которые были у всех на устах, шли из дали веков, крепли и развивались. К этому роду монгольской литературы принадлежат исторические предания, так близко подходящие к богатырской эпопее, героические поэмы, приуроченные к тому или другому славному имени, и, наконец, дидактические поэмы — сборники народной мудрости… Но все эти остатки эпической литературы дошли до нас только в новых рукописях, почему мы должны относиться к ним с большой осторожностью, всегда имея в виду возможность позднейших искажений…

После падения монгольской династии в Китае (1368 г.) начинается «темный» период истории монгольского народа, который тянется до конца XVI века. За это время монголы теряют много культурных приобретений, сделанных ими в предыдущем периоде… Замирает, конечно, и всякая литературная деятельность, простое знание родной грамоты едва-едва поддерживается в редких семьях. Под напевы богатырских былин забываются старинные «Сказания», под гул шаманского бубна забываются буддийские сутры; во время бесконечных наездов и кровавых междоусобных войн исчезают старые рукописи, гибнут безвозвратно памятники былой монгольской культуры, памятники литературного творчества.

В конце XVI века, когда вместе с укреплением некоторых монгольских ханств и племенных союзов начинается общее возрождение монгольской жизни, монголы оказываются не только не имеющими литературы, но и народом, почти не знающим письменности, грамоты. А вместе с тем в ту пору в монгольском обществе начинают возникать новые духовные потребности» [2].

Это не могло не сказаться и на литературной деятельности, и, в первую очередь, на возрождении летописания. XVII век, действительно, стал эпохой возрождения монгольского летописания. Этому способствовало несколько факторов.

Если главной движущей силой авторов «Сокровенного сказания монголов» в середине XIII века было желание оставить потомкам правдивое художественное описание истории золотого рода Чингисхана, то монгольские летописцы XVII века, перед лицом надвигающейся смертельной опасности порабощения Монголии со стороны маньчжуров, были движимы настоятельной необходимостью пробудить патриотические чувства своего народа, возродить «имперскую идею» великого Чингисхана, направить силы народа на борьбу за единство и свободу нации.

Считается, что трижды в Монголии предпринимались попытки распространить буддийскую религию. Третья как раз

пришлась на конец XVI — начало XVII века. Начиная с этого периода времени буддизм занимает важное место в духовной жизни монголов. В это время среди монголов появляется большое количество уче-ных-лам, которые впоследствии внесли большой вклад в возрождение духовной культуры монголов, в том числе и литературной деятельности.

Немаловажным фактором, стимулировавшим средневековых, монгольских летописцев, было и то, что круг лиц, интересующихся историей своей нации, значительно расширился. Если раньше родо-племенная знать и их придворные входили в число лиц, допущенных к «сокровенным родописям», то отныне эта отрасль знаний была интересна и многочисленным ученым-ламам. Теперь летописцы творили не для избранных, а для всех, кому интересны исторические знания.

Когда процесс возрождения монгольского летописания стал реальностью, выяснилось, что «как не умерли совершенно эпические настроения среди монгольского народа, сохранившись и получив то или другое развитие среди разных монгольских племен, так не умерли и заветы этой когда-то славной литературы эпической поры…

…Сильнее всего литература старого периода выявляется в монгольских исторических сочинениях (XVII–XIX вв.), куда не только анонимные авторы, но и писатели, выставлявшие свое имя, часто вносили почти без изменений целые отрывки старых эпическо-исторических сказаний, завещанных им старой порой» [3].

Вкратце характеризуя монгольские летописи XVII–XIX веков [4], следует отметить, что, во-первых, монгольские летописи действительно являются своеобразными циклами небольших разнородных повествований. Во-вторых, эти повествования «нанизаны» на генеалогическую историю рода боржигин… Общим местом для всех рассматриваемых сочинений является центральное положение рассказа о жизни Чингисхана. Он занимает во всех летописях самое большое текстуальное пространство по сравнению с другими «внутренними» повествовательными фрагментами [5].

Циклы разнородных повествований, о которых говорилось выше, относятся к различным «историзированным фольклорным жанрам» (легенда, беседа, повесть, наставление) и являются, по определению российского ученого С. Ю. Неклюдова, «малыми формами» эпической литературы, весьма схожими с соответствующими фрагментами «Сокровенного сказания монголов» и по тематическому облику, и по специфической поэтической и прозопоэтической структуре. Их связь с

«Сокровенным сказанием монголов», принадлежность к той же традиции, к тому же тематическому циклу очевидна [6].

Исходя из структуры «Сокровенного сказания монголов» и монгольских летописей XVII–XIX веков, фольклорно-эпические тексты (легенды, предания, сказы, исторические рассказы о Чингисхане и его предках), представленные в этом разделе, разделены нами на следующие части:

повествование о хане-родоначальнике;

повествование о Чингисхане;

легенды о Чингисхане в устной традиции.

Как уже отмечалось выше, XVII–XIX вв. — это время кардинальных изменений в монгольской культуре, связанных с распространением буддизма в его северной, тибетской форме… Мощная клерикальная окрашенность тибетской исторической литературы с присущей ей мифологичностью составляет, пожалуй, главную ее особенность, что, естественно, не могло не сказаться на монгольской средневековой историографии…

Тибетская историография привнесла в монгольскую летописную традицию прежде всего элементы своей клерикальной истории. Это выразилось в мировоззренческих изменениях, связанных с появлением новой буддийской картины мира и новых мифологических представлений об историческом времени. Границы мирового пространства расширились, выйдя за родовые пределы. Мир стал не миром рода боржигин, а миром учения Будды. Монголы заняли в ней свое «частное» место. Соответственно и историческое время расширилось до буддийских идей о возникновении Вселенной, о времени, заполненном единой мировой генеалогией царей.

Все эти буддийские мифологические представления послужили причиной изменения структуры монгольских летописей. Генеалогические описания монгольских ханов становятся частью мировой генеалогии царей, а история монгольских ханов — фрагментом мировой истории и соответственно занимает лишь часть летописей.

Характерным в этом смысле является представленный в этом разделе фрагмент летописи Джамбадорджи «Хрустальное зерцало», посвященный генеалогии монголов [7].

Отметим, что нашедшую свое отражение в этом фрагменте идею происхождения монгольских ханов от мифического индийского царя Махасамматы, тесно примыкающую к космогоническим представлениям, не игнорирует ни один из авторов монгольских летописей… Эта идея была, по всей вероятности, плодом собственно монгольской мысли, но использовала уже сложившиеся тибетские мифы о происхождении

тибетских царей и в некотором смысле дублировала их, называя своего первопредка потомком другой ветви легендарного царского рода.

При прочтении предлагаемого фрагмента становится очевидным то, что он распадается на ряд эпизодов — фольклорно-эпических (или подобных им) сюжетно-повествовательных элементов, цикл которых и создает т. н. повествование о хане-родоначальнике, то есть о первом хане, создателе нового рода, зачинателе истории. Подобные циклы характерны для всех монгольских летописей, включая «Сокровенное сказание монголов». А это наводит на мысль, что «Сокровенное сказание монголов» не было прямым и непосредственным «прародителем» всех монгольских летописей. Оно само восходило к родословной истории Чингисхана. Именно эта история стала источником, с одной стороны, эпической традиции, на которую опирались «Сокровенное сказание монголов», «Краткое Золотое сказание» и некоторые другие летописи, а с другой — генеалогической, к которой тяготеют такие сочинения, как «Желтая история».

В предлагаемом нами фрагменте этот цикл фольклорно-эпических мотивов включает миф о царе Худзун-Сандалиту, который имеет тибетское происхождение, он был освоен монгольской традиционной историографией как история предков монгольских ханов, мифы о первопредке монголов Бортэ чоно, о братьях Дува сохоре и Добун мэргэне, о родоначальнике боржигинов Бодончаре, об отце Тэмужина — Есухэе и о самом Тэмужине…

При сравнении этого цикла с «Сокровенным сказанием монголов» видно, что предание о Бортэ чоно в том виде, в каком оно существует в летописях XVII–XIX вв., имеет сравнительно поздний характер. «Сокровенное сказание монголов» начинается с рассказа о Бортэ чоно и Хоо марал, причем исключительно краткого, а повествование об их предках, ведущее к тибетским и индийским царям, в монгольских летописях XVII–XIX вв. есть позднейшее добавление, сделанное монголами под влиянием буддийской мифологии в стремлении определить свое место во «всемирной истории». Поэтому в «Сокровенном сказании монголов» имена Бортэ чоно (Серый Волк) и Хоо марал (Каурая Лань) имеют большее «тотемное звучание», чем в летописях XVII–XIX вв., где они стоят в цепи царей и правителей…

Несомненно, центральное место в этом цикле занимает предание о Бодончаре… Оно включает в себя большинство мотивов, встречающихся в рассказах о предыдущих ханах. В этой связи С. Ю. Неклюдов отметил, что «мотивы, известные нам по

истории Бодончара, составляют некую фабульную парадигму биографии родоначальника» [8]. Поэтому можно предположить, что предание о Бодончаре как о родоначальнике боржигинов лежало в основе генеалогической истории Чингисхана и было наиболее развитым и разработанным.

Итак, мифы и предания, относящиеся к циклу о хане-родоначальнике и в основном описывающие «дочингисово» и частично «чингисово» время, составляют, пожалуй, наиболее архаичный пласт, который связан с древними мифологическими представлениями о начале родовой истории — возникновении народа, рождении правителя. Другой характерной чертой этого пласта, кроме архаичности, является его устойчивость. Нет ни одной летописи, прошедшей мимо предыстории Чингисхана, изложенной традиционным образом. Иными словами, в монгольской летописной традиции при всех изменениях, которые в ней происходили на протяжении веков, сохранилась живая, продуктивная модель сюжетосложения, ориентированная на архаичные мотивы «номадного» слоя.

Этот слой повлиял и на характер центрального повествования летописей — о Чингисхане. Многие эпизоды, вошедшие в монгольские летописи XVII–XIX вв., используют мотивы цикла о хане-родоначальнике. Однако эпический характер этих летописей основывается в большей степени на так называемом эпическом биографизме, т. е. они соотносимы с типом эпических сказаний, построенных по «биографическому» принципу. Более всего черты эпического биографизма присущи монгольским летописям XVII века, в частности анонимному «Краткому Золотому сказанию» и «Золотому изборнику» Лувсан Данзана, которые благодаря именно эпосу отличаются «художественной яркостью и тематическим богатством» [9].

Неслучайно поэтому при выборе фрагментов в раздел «Повествование о Чингисхане» мы в первую очередь обратились к «Золотому изборнику» (XVII в.) Лувсан Данзана, который воспроизводит целый ряд фольклорно-мифологических текстов (легенд, преданий, исторических рассказов), восходящих к первой половине XIII в. и даже к XII в. В публикации этих текстов неизвестных до сих пор исторических хроник, по мнению первого исследователя этого памятника Ц. Жамцарано, и состоит главная ценность «Золотого изборника» [10].

Неизвестный автор «Краткого Золотого сказания» также включил в свою летопись ряд ранее неизвестных эпизодов, которые вместе с текстами из «Золотого изборника» Лувсан Данзана, несомненно, явились источниками для последующих монгольских летописцев-компиляторов, но, главное, стали

дополнительным материалом для составления «определенной формулы повествования об эпическом герое».

Формируя вторую часть раздела — «Повествование о Чингисхане» и определяя последовательность выбранных текстов, мы также придерживались «биографического принципа», т. е. попытались «привязать» их к определенным этапам или событиям в жизни Чингисхана, о чем сообщаем в комментариях к каждому тексту.

Заканчивают второй, т. е. «легендарный», раздел сборника легенды, истории и предания о Чингисхане, бытовавшие в устной традиции и записанные в разное время и разными людьми на территории Монголии. Это, как сказал бы автор «Пушкина в жизни» В. В. Вересаев, еще больше окутывает нашего Героя «дымом легенд и слухов». Но, как писал тот же автор, «живой человек характерен не только подлинными событиями своей жизни, — он не менее характерен и теми легендами, которые вокруг него создаются, теми слухами и сплетнями, к которым он подает повод. Нет дыма без огня, и у каждого огня бывает свой дым [11].

А. Мелёхин, А. Цендина.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Владимирцов Б. Я. Работы по литературе монгольских народов. М.: Восточная литература РАН. 2003. С. 60—61

2. Там же. С. 61–65.

3. Там же. С. 62–63.

4. Следует назвать следующие летописи: «Краткое Золотое сказание» (ок. 1625; другая датировка — 1655), «Золотой изборник» Лубсан Данзана (1635; по другим данным — рубеж XVII–XIX вв.), «Желтая история» (40—60-е гг. XVII в.), «Драгоценное сказание» Саган-Сэцэна (1662), «История Асрагчи» Джамбы (1677), «Течение Ганга» Гомбоджаба (1725), «История монгольского рода борджигид» Ломи (1732), «Золотой диск с тысячей спиц» Дхарма-гуши (1739), «Золотое сказание» Мэргэн-гэгэна (1765), «Хрустальные четки» Раши-Пунцага (1775), «Хрустальное зерцало» Джамбадорджи (1825), «Синяя тетрадь» (середина XIX в.), «Драгоценные четки» Галдан-туслагчи (1850).

5. Во вступительной статье использованы материалы из книги А. Д. Цендиной «Монгольские летописи XVII–XIX веков: повествовательные традиции» (М., РГГУ. Труды Института восточных культур и античности, выпуск XII, 2007).

6. Неклюдов С. Ю. Эпические повествования в традиционной монгольской литературе. В сб. Специфика жанров в литературах Центральной и Восточной Азии. С. 49–51.

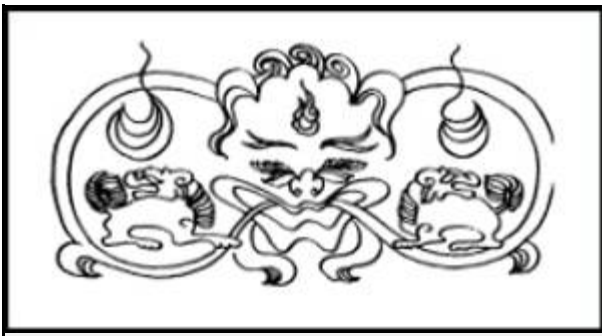
7. Фрагмент летописи Джамбадорджи «Хрустальное зерцало» воспроизводится по изданию «История в трудах ученых лам». М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005

8. Неклюдов С. Ю. Заметки о повествовательной структуре «Сокровенного сказания» // Mongolica. К 750-летию «Сокровенного сказания». М. С. 226–238.

9. Неклюдов С. Ю. «Устное предание в становлении исторической литературы монгольских народов // Роль фольклора в развитии литератур Юго-Восточной и Восточной Азии». М. С. 48–56.

10. Жамцарано Ц. Монгольские летописи XVII в. М.—Л., 1936. С. 81.

11. Вересаев В. В. Пушкин в жизни. Лениздат, 2007. Кн. 1. С. 6.



I
ПОВЕСТВОВАНИЕ О ХАНЕ-РОДОНАЧАЛЬНИКЕ

---

*Генеалогия монголов**

Каким же образом наш, монгольский Чингисхан является, как оказывается, перерождением из рода Шакья? Расскажу об этом. В древние времена в Индии в местности Магадха после того, как со времени правления «Многими возведенного»[11] хана Махасамматы прошло сто двенадцать десятков тысяч, да еще пять

тысяч ханских поколений, у индийского царя Шудходаны из рода Шакья родился сын Будда Шакьямуни.

В первой книге* я подробно написал о том, как при помощи двенадцати великих творений он принес благо одушевленным тварям[12]. Когда же после принятия Буддой Шакьямуни образа нирваны[13] прошло тысяча восемьдесят семь лет, в это время в роду Шакья родился мальчик с особыми приметами. Так как родители его не могли знать, будет ли он хорош или плох, и возымели сомнение, они положили его в медный ящик и спустили в реку Ганг. Тот мальчик долго плыл по течению и пристал к какой-то пашне. Один крестьянин нашел его, вырастил и воспитал. Впоследствии, став взрослым, мальчик услыхал об обстоятельствах своего прибытия. Однажды, когда он, продвигаясь вперед, кружил около горы Л ха-Самбу, находящейся в тангудской земле, в ту пору пришли в эту местность тангудские люди, чтобы совершить жертвоприношение духу этой горы.

Увидев того мальчика, они изумились и спросили его: «Ты откуда пришел?» Но так как мальчик тибетского языка не понимал, он в ответ указал пальцем в сторону неба. Тогда тангудские люди стали говорить: «Наверное, этот мальчик послан нам Небом. Давайте-ка возведем его в ноёны!»* Все это одобрили. Потом, по очереди неся его на шее, принесли и возвели в ноёны. Он известен под именем тибетского хана Худзун-Сандалиту*.

Преемником его в десятом поколении был хан по имени Рагум-Цамбо.

Один злой чиновник по имени Лонан убил своего хана и сам сделался ханом. Взял себе в жены ханскую дочь, а трех сыновей изгнал в чужие края. Вследствие этого младший сын по имени Нитиба прибыл в страну Гонпо, но, так как этот народ ему не понравился, он отправился дальше, и когда прибыл в землю монголов Вэда[14], то здесь остановился и стал жить на горе Бурхан-Халдун около реки Байкал*.

Когда Марал*, вдова давно скончавшегося ноёна из рода Таян, увидела того сына и услышала о его происхождении, она стала почитать его, как потомка хана, которому покровительствует Небо, и сделала его хозяином своего дома. Вэдский народ, одобрив это, возвел его в ханы. Впоследствии он стал известен под именем Бортэ чоно[15].

Ханша Марал от первого мужа имела сына по имени Батаса, который стал называться родоначальником тайчудов. Что касается Бортэ чоно, то как будто он жил в период правления Танской династии в Китае*. Сын Бортэ чоно назывался Батайцаган-ханом (Батачи-хан). У Батайцаган-хана был сын по имени Тамцуг-хан (Тамача). Тамцуг-хан жил как будто бы в эпоху

тибетского хана Ландармы*.

Сын Тамцуга назывался Хурца-Мэргэн (Хоричар мэргэн). А его сыном был Уджим-Бурал (Ужим борохул*). А его сын Йехе-Нидун (Их нудэн). А его сын Самсучи (Сэм сочи*). А его сын Борджигидай-Мэргэн. Борджигидай-Мэргэн* имел двух сыновей, Дун-Сохора (Дува сохор) и Добу-Мэргэна (Добун мэргэн). Что касается обстоятельств, почему старший брат назывался Дун-Сохор, то суть их такова: в некоторых историях говорится, что у него во лбу был всего один глаз[16]. Хотя он и был с одним глазом, но этот единственный глаз его был чрезвычайно острым, и он мог отчетливо видеть на расстоянии тридцати кочевок. Утверждение о том, что он совершенно слепой, было чрезмерным преувеличением. У Добу-Мэргэн-хана от первой жены Булган было два сына — Буху (Бугу хатаги) и Бухучар (Бугуту салжи)*. После смерти Булган Добу-Мэргэн взял вторую жену по имени Алун-Гоа (Алан гоо). Алун-Гоа была удивительной красавицей и обладала особыми приметами.

Вскоре после того, как она забеременела, муж ее Добу-Мэргэн, будучи еще молодым, скончался. В сновидениях в тело Алун-хатун входили лучи солнца и луны, а также для охраны ее приходил златопанцирный небожитель. И тому подобное бывало во сне. После того, как это было с нею, у Алун-Гоа родился мальчик, которого назвали Бодончар.

Этот мальчик имел особые, отличные от всех людей приметы. Был кроток и молчалив. Оба его брата, Буху и Бухучар, отличались грозным и исключительно мужественным характером. Они называли своего брата Бодончара дурнем и угнетали. В то время когда они так поступали, Алун-хатун сказала: «Этот мальчик не глупый. Впоследствии он непременно будет всеми уважаем». Выслушав эти слова, Буху и Бухучар сразу их одобрили.

Однажды Алун-хатун собрала трех сыновей своих и говорит им: «А ну, сломайте», — и с этими словами дала каждому по одной хворостинке. Они сразу же сломали каждый свою хворостинку. Тогда Алун-хатун сказала: «Поломайте-ка хворостинки, сложенные по три вместе». И так как они не смогли поломать их, то Алун-хатун так им сказала: «По пословице, трудно разорвать бечевку, сплетенную втрое, а трех людей, когда они единодушны, победить трудно. Если вы, трое братьев, будете действовать порознь, подобно отдельным прутьям, то вас легко одолеют. Если вы будете действовать и поступать согласно и единодушно, то получится сила, подобная трем сложенным вместе прутьям».

Выслушали эти слова Буху и Бухучар и, хотя сразу же на словах согласились, но про себя затаили злые мысли.

В дальнейшем Алун-хатун, видя мир и согласие, распределила свои земли и подданных между сыновьями. Буху дала хатагинский аймак (удел. — *А.М.*); Бухучару — салджиутский аймак; Бо-дончару — боржигинский аймак.

После этого Буху и Бухучар сильно заважничали, и характер их изменился. Тем временем Алун-хатун заболела, и когда ей стало совсем плохо, то она сказала своим сыновьям: «Вы стали мудрыми и достойными. Но от излишней гордости происходят недостатки людей, нерадивость и злость. Человек должен помнить, что его ближний такой же человек, как и он сам. Вы должны думать об оказании добра своим ближним. Вы должны оставить требовательность, жадность и гордость и придерживаться справедливости, почтения и милосердия. Я нахожусь при смерти. Прекрасная мелодия улетает на восток. Следуйте по этому пути, мои милые. Дружите с достойными. Если будете изучать и следовать хорошему примеру, то скоро возвыситесь. Если будете встречаться с враждой и смутой, то старайтесь устроить мир и справедливость. Будьте светло-разумными. Оправдывайте честное имя высших. Старший брат, находящийся рядом, удерживай младшего. Своим подданным оказывайте милосердие. Покоем радуйте мир. Если впадете в зловредные намерения и будете с беспредельной гордостью учинять склоки и неурядицы, то вы не люди и не мои сыновья. Кто проявляет милость и справедливость, тому будет дано счастье. Крепко-накрепко уповайте на Небо. Не забывайте и стремитесь это исполнить». С этими словами она скончалась.

Затем, когда Бодончар сидел, скорбя и убиваясь по своей матери, два его старших брата захватили все имущество. Бодончару дали только одну соловую лошадь по прозванию Уруг-Дзусук и прогнали его. Тогда подданные боржигинского аймака и говорят Бодончару: «Оба твоих старших брата тебя безмерно угнетают, и мы все недовольны их незаконными поступками».

На их слова Бодончар говорит: «Все на свете полностью предопределено: богатство, бедность, почет и унижение. И что пользы от никчемной алчности?»

С этими словами Бодончар оседлал свою соловую лошадь и ушел один-одинешенек. Прибыл он в местность Арал на реке Онон. Население в этой местности было очень малочисленным, и Бодончару стало недоставать питья и пищи. Когда Бодончар так мучился, один кречет поймал степную уточку. И когда он ее терзал, Бодончар подстроил западню и поймал кречета. Затем он кречета приручил и обучил охотиться. Напускал на уток, куропаток, фазанов и тому подобных птиц. Свое существование он поддерживал птичьим мясом.

По прошествии одного месяца из местности, называемой Тэнгри-гол, в местность,* где в это время в шалаше, сделанном из травы, жил Бодончар, перекочевали тридцать-сорок дворов вместе со своим скотом. Бодончар стал жить вместе с тем народом. Один домохозяин, желая сделать доброе дело, выдал вдову из своего дома замуж за Бодончара и выделил им хозяйство. Имя той женщины было Баритай. Баритай забеременела и родила сына, которого назвали Джаджиртай (Жажирадай). Впоследствии она родила еще одного мальчика по имени Хабичи.

В это время, когда Буху и Бухучар скончались, не оставив потомства, один молодой человек, подданный Бодончара из боржигинского рода, по имени Манлай-батор, вспомнил про Бодончара: «Ведь наш ноён Бодончар отправился один-одинешенек. Пойду и отыщу его, мертвого или живого».

И с этими мыслями отправился его разыскивать. Повстречавшись с Бодончаром в местности на берегу реки Онон, он убедил его вернуться со всем имуществом и семьей в свое родное кочевье. Все его подданные обрадовались и возвели Бодончара в ханы. Таким образом, Бодончар стал управлять своим ханством.

Народ, живущий на Тэнгри-голе, не имел у себя ноёна. Поэтому, когда наши войска выступили туда, они поневоле сказали: «Мы вам покоримся». Манлай-батор отправился во главе войска, и вернулся, полностью подчинив тэнгригольский народ. Тогда у Бодончара стало много подданных людей. Он помогал и заботился о том аймаке своем, который был составлен из тех людей. Он установил закон и порядок, вследствие этого богатырская сила и великая власть его отменно прославились.

Сын Хабичи-хана Махагаруда-хан (Мэнэн тудун) имел семерых сыновей. Махагаруда был единодушен в мыслях со своей Маварул-ханшей. Когда Махагаруда сделался под конец ханом и держал свое правление, в ту пору имелось племя Джалайр, которое не было подчинено этой ханше.

Однажды дети из этого аймака собрались и выкапывали из земли корни растения гоёхай. В это время Маварул-ханша ехала на повозке и увидела, как те ребята ковыряют землю. Она рассердилась и сказала: «Эта земля есть земля, по которой должны скакать на лошадях наши дети. Эти же дети наверняка копают ее со злым умыслом». И с этими словами она наехала на них на повозке и задавила. И тогда ребята — кто был зацеплен, кто ранен, а кто даже убит.

Услыхал про это дело предводитель джалайрского племени, рассердился и угнал у Маварул-ханши табун. Когда шесть взрослых сыновей Маварул отправились за своим табуном, мать

их Маварул услыхала об этом и спрашивает у близких людей: «Сыновья мои отправились в панцирях?» А те отвечают: «Поехали вовсе без панцирей».

Когда они так сказали, ханша Маварул вслед за сыновьями послала человека с панцирями, предназначенными для них. Но, прежде чем посланный человек доехал, шесть сыновей ее были убиты джалайрами. Те джалайры не только убили сыновей Махагаруды, но вскоре явились, убили ханшу Маварул и перебили всех, в том числе внуков ханши Маварул, являвшихся детьми шести ее сыновей.

В ту пору седьмой сын Маварулы по имени Начин отправился с целью сосватать себе жену из племени Баргу, взяв с собой Хайраба (Хайду), сына своего старшего брата Бигэр-багатура (Хачи хулуга). Они оба спаслись, так как уехали. Затем, так как Байшинхуру (Бай шинхор), сыну этого Хайраба, было шесть лет от роду, мать его при появлении джалайрского племени спрятала своего сына в деревянной бочке. Вследствие этого Байшинхур остался в живых. Тот Хайраб и его младший брат (очевидно, все же «дядя». — *А.М.*), находясь в Барге, услыхали о том, что приключилась такая беда для их дома, и поспешили вернуться к себе. Когда они прибыли, оказалось, что все убиты. Осталось раненых женщин немногим больше десяти да один Хайрабов сын Байшинхур. Начин, поручив их Хайрабу, из страха перед джалайрами отослал их в баргутскую землю.

Начин-багатур остался один, изменил свою внешность и стал выдавать себя за табунщика. Он пошел дорогой, по которой обычно ездили джалайры, и увидел, что к нему приближаются двое людей. Когда он с первым человеком повстречался, тот шел с соколом на руках. Эти двое были из джалайрского аймака. Начин-багатур внимательно посмотрел (на птицу), и оказалось, что это кречет Бигэр-багатура. Начин догадался про того человека, что он враг, который приходил в их дом из джалайрского аймака.

Он стал его притворно спрашивать: «Не видели ли вы табун с одним меченым рыжим жеребенком?» Когда он так сказал, тот человек ответил: «Не видели». Затем тот в свою очередь спросил у Начина: «Много ли тебе попадалось по дороге уток и гусей?» На этот вопрос Начин ответил: «Много». Тогда тот человек снова сказал: «Пойдем, ты мне покажи, я своего кречета напущу».

Начин же, притворяясь, что шутит с этим человеком, поехал вскачь. Начин, огибая излучину реки, оглянулся назад и увидел, что едущий позади человек отстал. Тогда Начин ударом ножа свалил первого человека, привязал его лошадь и птицу, а сам пошел навстречу второму. Подошел к нему и по-прежнему,

прикидываясь простаком, стал спрашивать, про табун. А тот человек, в свою очередь, спросил у Начина: «Почему мой сын, тот, что впереди скакал, слез с лошади и лег?» Начин ответил: «У него из носа кровь пошла». Когда он так сказал, отец того человека догадался, что Начин убил его сына. Начин же, движимый гневом, заскочил вперед, опередив того человека, и ударом ножа убил его.

Затем Начин пошел дальше и подошел к какой-то горе. А на той горе паслось несколько сот лошадей. Среди тех лошадей были все лошади Начиновых старших братьев. Несколько ребят, пасших тех коней, играли в бабки. Тогда Начин, назвавшись табунщиком, взобрался на ту гору и стал внимательно оглядываться по сторонам. Никого не увидел вокруг. Тогда Начин тех ребятишек полностью перебил, угнал свой табун и забрал вместе с лошадью и птицей, которые привязал ранее.

Ехал он быстро и приехал в баргутскую землю. Он сдружился с двумя аймаками — Баргу и Чику, собрал свое рассеянное войско и сделал Хайраба ханом. Начин сделался джанджином[17], построил на берегу реки курень, а через реку поставил мост, и ходили они и на север и на юг. Привез он к себе четыре аймака своей родни, и все они, соединившись, снарядили войско и выступили в поход.

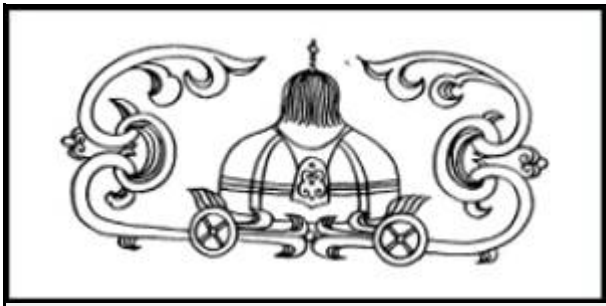
Когда они пошли войной на джалайрский аймак, народ джалайрского аймака испугался и на своем сходе убил собственного владельца, а голову его выдал. Когда они походным порядком вернулись, Хайраб-хан и Начин-багатур под титулом джанджина сильно прославились после этого.

Говорят, что у Начин-багатура был один аймак, называвшийся Солон.

Старший сын Байшинхура назывался Томбахай-Сэцэн-хан (Тумбинай сэцэна).

Его же старшим сыном был Хабул-хан. Вскоре после смерти Хабул-хана прежде у таяновцев ноёном был Табуди, а [по сути] он был тайчудским владельцем. Этот ноён пришел с войной, захватил дворец Хабул-хана. Из пяти сыновей Хабул-хана только один старший сын — Бартам (Бартам-батор) пешком, семикратно раненный, скрылся к солонам. Затем Бартам-батор, сговорившись с аймаками Солон и Баргу и собрав войско, выступил против тайчудского Табуди, разбил его и покорил большую часть тайчудов. Младший из четырех сыновей Бартам-батора скончался у тайчиудов. На обратном пути Бартам-батор отыскал своих троих сыновей и забрал их. Из тех трех сыновей старший — Есухэй-батор; средний — Нэхун тайши; младший — Манату-Сэцэн (Даридай отчигин).

Потомки Есухэй-баторова младшего брата Нэхун тайши вошли [в состав] хариутов. Манату-Сэцэново потомство вошло в состав тайчудов; там и прекратилось.



II
ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЧИНГИСХАНЕ

---

*Легенда о вещей птице **

…Повоевав татарские роды Тэмужина и Хорибуха, Есухэй-батор возвратился восвояси, в Дэлун-болдог, что на Ононе. Тем временем Огэлун ужин была на сносях. В год Черной лошади* в шестнадцатый день первого летнего месяца — то был день полнолуния — в час огня явился на свет божий Чингисхан.

Сказывают, будто родился Чингисхан, сжимая в правой руке запекшуюся почерневшую кровь величиной с альчик.

Поелику рождение Владыки совпало с полонением ворога татарского Тэмужина, на пиру в честь его рождества возложили младенца в колыбель железную и нарекли именем Тэмужин.

По прошествии семи дней от рождества Владыки на остров, что лежит посередь моря-океана*, прилетела черная певчая птица; и уселась она на почерневший от времени валун вековечный, и трелила она три дня и три ночи, поворачиваясь вкруг себя вслед за дневным светилом.

«Воистину вам говорю: это — птаха вещая!» — молвил Есухэй-батор. И расколол он надвое тот черный валун, и вознеслась из него прямо на небо золотая печать. И тотчас же стал валун целым и невредимым, как допрежь того, и снова

затрелила, сидя на нем, птица вещая.

Вдругорядь расколол надвое Есухэй-батор тот черный валун, и показалась из него печать серебряная, и канула она в пучине морской. Сей же час стал валун целым и невредимым, и снова уселась на нем птаха вещая, и затрелила она старым порядком.

И в третий раз Есухэй-батор расколол надвое черный валун, и предстала взору его печать нефритовая*. И принял он ее в руки с великим почтением, затеплил лампаду, возжег курительные свечи. Тем временем птаха вещая уселась на дымник юрты и прокричала: «Чингис! Чингис!» Засим, вняв в свое время знамению сему, нарекли Владыку Чингисханом.

Воистину все так оно и было.

*Сказ о стычке с тайнудами на пиру **

Однажды тайчудский Бэрбух (Бури бух. — А.М.) замыслил злое [дело против монголов]. В своей юрте он вырыл яму и сверху закрыл ее войлочным ковром. Он пригласил Владыку (Чингисхана. — *А.М.*), говоря: «Мы все родственники. Давайте не будем ссориться». Тогда матушка Огэлун сказала:

«Не думайте про врагов, что их мало.
Не думайте про ядовитую змею, что она тонка.
Будьте осторожны с теми, кому нет доверия».

Святейший Владыка соизволил приказать: «Брат Хасар, тебе поручаю держать наготове лук со стрелами. Ты, брат Бэлгудэй, прозванный Борцом, смотри за порядком. Хачигун, мой средний брат, ты стереги коней. Брат меньший Отчигин, ты, прозванный Благоразумным, будь при мне. Ведь может всякое случиться!»

Так он распорядился, и они отправились. Когда Чингисхан вошел в юрту к тайчудам и хотел было сесть на середину ковра, то Отчигин потянул его к краю подстилки и посадил там.

В это время какая-то хромая женщина отрезала у [их] коня стремя. Бэлгудэй увидел это, схватил ее и переломил ей левую ногу. Тогда Бури бух мечом ему рассек плечо. Началась драка. Хасар беспрестанно пускал стрелы, а Бэлгудэй, отбиваясь мешком из-под кумыса, левой рукой подсадил Чингисхана на лошадь…

*Беседа Хасара и Бэлгудэя со старцем**

После стычки с тайчудами Чингисхан во всеуслышание

попрекнул Бэлгудэя, будто он непочтительно — левой рукой — подсадил Владыку на лошадь. На это Хасар и Бэлгудэй молвили меж собой: «Не в обычаях попрекать братьев. Ведь пять цветных и четыре чужих народа* подчинены были мочью нечеловеческой Хасара и силушкой богатырской Бэлгудэя».

Известился Чингисхан об этих речах братьев и порешил сбить спесь с гордецов. И предстал он пред ними сирым и убогим старцем, принесшим на продажу плохонький лук.

И дивились братья явлению его и вопрошали старца с пристрастием: «Какого рода-племени будешь, мил-человек? Таких не видали здесь прежде!»

И ответствовал им старец: «Я беден. Вот луки на продажу мастерю».

«Так ты желаешь сбыть нам этот лук ничтожный», — молвили надменно братья.

«Лук хоть и неказист, а ты попробуй тетиву приладь к нему», — отвечал старик.

Как ни старался Бэлгудэй, тетиву на лук не натянул. А немощный старец враз приладил на лук тетиву и передал его в руки Хасара. Но тот так и не смог натянуть тетиву.

Тем временем старец обратился в седовласого странника, сидящего на сизом муле с белым пятном во лбу. И приложил он златую стрелу к своему длинному желтому луку и выстрелил так, что расколол надвое скалу. И молвил седовласый странник: «Не вы ли братья младшие Его Святейшества, Владыки Чингисхана: Хасар, что мочью нечеловеческой кичится, и Бэлгудэй, что силой богатырскою гордится? Воистину вам говорю: награду принесет услужливость, а не словоблудие и вздорность!» Засим странник удалился.

И устыдились братья Хасар и Бэлгудэй, и поняли они, что пред ними явился гений-хранитель Владыки. С тех самых пор смирили они гордыню свою и речей заносчивых себе не позволяли.

*Легенда об избиении трехсот недругов-тайчудов**

Однажды великий Чингисхан вместе с девятью своими мудрыми сайдами* ехал, обозревая окрестности. И прорек Чингисхан:

«Враг всякий со стороны любой на нас, монголов, может ополчиться. Объединитесь, сайды верные мои, по трое и объезжайте отчие пределы».

И, повинуясь воле Владыки, сайды его объединились по трое:

Зэлмэ вместе с Чу мэргэном* и Шигихутугом, Борчу с Борохулом и Мухали, сулдуский Сорхон шар с Бэсудом Зэвом и ойрадом Хар Хиру.

Сорхон шар, Зэв и Хар Хиру остались охранять ставку. А остальные шесть сайдов, ведомые Чингисханом, обогнули северный склон горы Чахарай хан, прошли южным склоном горы Жалман хан, и тут прямо перед владыкой

Дикий горный козел
Проскакал, сиганул,
Бурой шерстью мелькнул.
А Чингисхан за ним
На пятнистом коне —
Ловко лук натянул
И пустил по козлу
Золотую стрелу.
Высоко подскочил
И забился козел,
Сайды съехались вмиг
И хотели козла
Приторочить к седлу.

И так сказал тогда Чингисхан:

«Добычу эту освежуйте и изжарьте. А я тем временем взберусь на горную террасу, округу огляжу».

Когда поднялся он на горную террасу, стало его клонить ко сну. И уперся Чингисхан кнутом в гриву своего сивого коня и уснул в седле. И привиделся тогда ему сон. А когда очнулся Чингисхан ото сна и вернулся к сайдам, то поведал им:

«Я спал и видел сон…
А в это время «Бум-бум»
— в груди
Тревожно билось сердце,
«Хруп-хруп» — хрустели ребра, —
Не иначе
Как враг сюда
Пожалует сейчас.
Привиделось мне
В той степи широкой,
Что начинается
Там, за горой, —
Три сотни чужеземцев
Затаились.

Три черных знамени
Колышутся над ними.
И богатырь на рыжем скакуне
Три вражеские сотни
Возглавляет.
На нем блестит
Надежная кольчуга,
Остроконечные
Лежат в колчане стрелы.
То он направо зорко поглядит,
То грозно вдруг налево обернется.
Стремительный, как быстрая игла,
Проворен он,
Неутомим в движеньях,
Путь перед ним —
Натянутая нить.
О сайды верные,
Коль сон мой будет в руку,
Скажите, как послужите вы мне?»

Так вопрошал Чингисхан, обратившись к шести сайдам своим. И молвил первым в ответ Шигихутуг:

«Брошу пристальный взгляд —
Соплеменники падают духом.
На мэргэдов взгляну —
В замешательство тут же приходят.
А тайчудов мой взор
Обращает в мгновенное бегство.
Вдаль из-под ладони взгляну —
Все увижу на длинном пути,
Что за месяц должны мы пройти.
Если зрение я напрягу —
Все увижу на долгом пути,
Что за год мы могли бы пройти.
Острым взором тебе помогу,
Что пронзает и тьму, и туман.
Вот как я пособлю тебе, хан!»

И поклялся Владыке Зэлмэ:

«Телом своим,
Жизнью самой поступлюсь,

И на убоину,
Хан мой, я не поскуплюсь.
Если увижу врага —
Наскочу, повалю,
С кем ни столкнусь —
Разнесу, заколю, зарублю.
Кто мне дорогу заступит —
Башку размозжу,
Вырву у недруга
Черное знамя из рук,
А знаменосца
Замертво я уложу,
И ни единый из глотки не вырвется звук.
Брошу я знамя на землю,
Ногой затопчу,
Спесь неприятеля
В глотку ему вколочу.
Как бы он ни был,
Недруг наш, горд и силен,
Сил он лишится,
Вновь не поднимется он».

Затем слово свое сказал Чу мэргэн:

«Пусть не имею я силы с врагами сражаться,
Но в завоеванном месте смогу удержаться.
Пусть с воином храбрым я стать наравне и не смею,
Но то, что порушено, восстановить я сумею,
Я, Чу мэргэн, из робкого десятка,
Заранее скажу тебе, Чингисхан:
Когда доходит дело до сраженья,
Могу не устоять, назад податься.
Однако, только ханство укрепится,
Мои советы могут пригодиться.
На пользу охлаждающие речи,
Чтоб новый враг не сел тебе на плечи».

И клятвенно Борчу пообещал:

«Враг помериться силой придет —
Встану я на его пути.
Набежит, налетит, нападет,
Но заслон ему не пройти.

Куда свои поводья ни направишь,
Куда ни занесет твой конь копыто,
Везде, везде с тобою буду рядом,
Надежна будет и крепка защита».

И поклялся Владыке Борохул:

«Я стану щитом
Пред летящей в тебя стрелой.
От острого жала
Укрою властителя смело.
В тебя наша крепкая вера —
Я не допущу,
Чтоб меч смертоносный
Коснулся священного тела».

И пообещал Владыке Мухали:

«Всех врагов размечу,
Весь их скарб захвачу,
У пришельцев бегущих
Клинки затуплю,
Всех мечом порублю
И к тебе поскачу.
Буду ночь я скакать,
Все слабея от ран,
Над хвостом скакуна
Будет виться туман;
Восходящее солнце
Направит лучи, —
Вестник полной победы,
Скачи же, скачи!
К властелину
Копыта коня ты направь,
О победе известье
Скорее доставь».

Чингисхан выслушал клятвенные речи шестерых сайдов,

И затем
Быстро отведал
Козлятины жареной он

И Шигихутугу
Повод коня передал:
— Живо проверь,
Был ли в руку недавний мой сон. —
Вот с наказом каким
Сайда зоркого хан отослал.
И оседлал Шигихутуг солового коня…
По степи его лихо гнал,
Тихо крался таежной тропой,
А в долинах шел на рысях,
Легким шагом пускал средь скал.
А на желтое выйдя плато,
Не успел оглядеться он —
Тут же вражеские мужи
Понаехали с трех сторон.
Всюду трепет черных флажков.
Шигихутуг оторопел,
Развернулся и — полетел
Сломя голову в ханский стан.
«Не успел я, Чингисхан
На открытое выбраться место,
Тут же был окружен врагами,
Было их предо мною триста.
Нет, тайчудов в них не признал я,
Не увидел, что это мэргэды,
И монголов не разглядел в них…
Единожды успел я оглянуться;
И показались мне они точь-в-точь
Как те, что в сновидении привиделись Владыке».

И изготовились шесть сайдов к сраженью с недругами, облачились они в латы железные, прикрывались щитами крепкими. А враги уже тут как тут.

Вдруг оказался перед ними
Могучий богатырь — сайд Борчу
На лошади своей мышастой,
И так он недругов спросил:
«Какому роду вы принадлежите?
Коль правоверны вы, тогда и нам
Поведайте про вашу правоверность!
Коль добрые есть имена у вас,
Скажите, как вас должно называть!»

И молвили в ответ пришельцы:

«Не для того же мы сюда пришли,
Чтоб спрашивали, как нас называть.
Явились мы сюда лишь для того,
Чтоб вас повоевать».

И сказал тогда Борчу:

«Коли случайно встретились мы здесь,
Без стычки нам и разойтись легко,
А коль охота порезвиться есть,
В бой, в бой, покуда солнце высоко!»

И послышалось тут из вражеского стана:

«Мы имена свои назвать готовы:
Все Рыболовы мы, все Сурколовы».

И сказал тогда Шигихутуг:

«О чем еще нам спрашивать у них?
Я истину вам говорю:
пред нами недруги-тайчуды.
Повоюем их!»

И сошел с коня муж храбрый Борохул и, серый щит держа, Владыку заслонил. И врезался во вражеские ряды верный нукер Зэлмэ с мечом наперевес.

Меч вверх вздымался и рубил;
Три вражьих знамени герой
у неприятеля отбил;
Взбежал на сопку он и там
Верхушкой в землю их вонзил.

Тем временем Чу мэргэн попятился было назад, но Борчу, наседавший на врага, заметил это и воскликнул:

«Постой, Чу мэргэн! Вот так-то ты Владыке служишь?! Почто бежишь ты с поля брани, что тот тушканчик, выкуренный из норы?!»

И вернулся Чу мэргэн и, смеясь, молвил в ответ:

«Бесстрашно бился б вместе с вами я, да нечем стало острить стрелы».

И достал Чингисхан из колчана златого наконечники для стрел цвета киновари и отдал Чу мэргэну. И заострил стрелу свою Чу мэргэн, и вставил ее в лук, и натянул тетиву. Поворотился Чу мэргэн лицом к ворогу, и сразил он меткой стрелой вражьего воеводу, а коня его рыжего со звездочкой во лбу поймал и привел к Владыке Чингисхану. И взвился птицей под Владыкой тот скакун, и был стремителен и быстр он, подобно ветру.

И били наши сайды супротивника, повергнув его в отчаяние, и перебили половину ворогов-тайчудов.

Вдруг угодила вражеская стрела прямо в голову Борохула, и пал наземь наш богатырь. Но, опершись на лук, восстал он и стоял так, щитом прикрываясь. И глянул назад наседавший на врага Борчу и крикнул ему:

«Ужели может наповал сразить мужчину одна ничтожная стрела?! Негоже, чтоб у тебя подкашивались ноги, как у побитого осла!»

И вскочил тогда Борохул на коня с правой стороны и, прикрываясь щитом, бесстрашно ринулся на врага.

И побежали вскоре вороги-тайчуды с поля брани, унося с собой трупы сродников своих.

Приступил тогда Чингисхан к сайдам и вопрошал их:

«Что делать нам теперь, когда разгромлен и бежит наш враг?»

И сказал ему в ответ Борчу:

«Герою почившему
Почести мы воздаем,
Бегущему недругу
Стрелы вдогонку пошлем».

И благословил Чингисхан слова нукера Борчу, и бросились они в погоню. И гнали и настигли наши ворогов-тайчудов в Цайтын цаганской степи. Подобно волку, напавшему на отару овец, погубили наши сайды сотню ворогов. Остальные в панике бежали прочь. И стали добычей нашей в том сражении сотня скакунов и полсотни кольчуг.

И взошел тогда Чингисхан на высокий холм, дабы помолиться Отцу-Небу. И возложил он наземь потник и, сняв пояс, повесил его себе на шею и произнес такую молитву:

«Я стал Владыкой
Не доблести благодаря великой.

Нет, волею Небесного отца
Я стал Владыкой.
Талант мой — не племен объединенье,
Небесного отца благоволенье
Дало мне
Справиться со вражьей силой дикой.
Вот почему я стал Владыкой.
Да, с помощью Небесного отца
Враг чужеземный мною был подавлен.
Да, волею Небесного отца
Владыкой я поставлен».

Когда пришло время на коней садиться, Чингисхан произнес хвалу шести сайдам своим.

И восславил Чингисхан Шигихутуга:

«Взор твой в одно мгновенье
Мэргэдов привел в смятенье.
Соплеменники духом пали,
А тайчуды — в страхе бежали.
Бил врагов ты в жестоком бою —
Я хвалу тебе воздаю».

И воздал Чингисхан хвалу Зэлмэ:

«Ты дичь подкарауливать умеешь,
Ты панику во вражьем стане сеешь.
Когда в бою, я потерял коня,
Вмиг скакуна нашел ты для меня.
Когда страдал, бывало, я от жажды,
Ты утолял ее — и не однажды*.
Как ум твой изощрен,
Как чуток сон!
Ты мудростью глубокой наделен.
Ты — мой сподвижник.
Не жалея сил,
Ты власть Владыки своего крепил».

Чу мэргэн заслужил такое восхваление Владыки:

«Мое распоряженье, мой приказ
Ты точно выполнял и в тот же час;
Пред вражьим главарем не отступил —
Его стрелою меткою сразил
И рыжего его забрал коня —

Не для себя забрал, а для меня.
И в сабельном бою ты храбрым был,
С врагами дрался, многих проучил.
В сраженье, где стена на стену шла,
Твоим заслугам ратным несть числа!»

Достойного мужа Борохула похваляя, Чингисхан изрек:

«Разящие
Враги пускали стрелы,
Свистящие,
Летящие со звоном…
Ты на пути их становился смело,
Ты на пути их вырастал заслоном.
Ты в голову однажды ранен был,
Но щит не опустил,
Коня — не упустил».

И восславил Чингисхан заслуги Мухали:

«Со всеми вместе ты врагов давил,
Их острые клинки в бою тупил,
Покуда не пустились на попятный,
Оставив гору нам добычи знатной.
Пришельцев, что бежали без оглядки,
Преследовал ты, «отрубал им пятки».
Потом обратно в ставку торопился
О радостной победе сообщить —
Над крупом скакуна туман клубился,
И волос конский на заре светился…
Но вот среди своих ты очутился.
Из всей добычи как ты ухитрился
В пути иглу — и ту не обронить!»

Наконец, верного нукера Борчу восхваляя, Чингисхан молвил:

«С тех дней, как я, совсем еще юнец,
Искал восьмерку лошадей соловых,
И нас тогда счастливый случай свел, —
Ты другом стал — из самых образцовых!
Сподвижник верный,
Благородный друг!

Когда одни лишь сродники вокруг,
Ты кроток,
Дружелюбен ты, бывало,
И ласков, как теленок годовалый.
Когда ж заклятый враг перед тобой,
Когда вступаешь в беспощадный бой,
Тогда тобой
Овладевает гнев,
И грозен ты,
Как дикий барс, как лев.
Сердечный друг!
С друзьями ты — телок,
Но в схватке с неприятелем — жесток,
И, яростному ястребу под стать,
Жизнь за победу ты готов отдать!
Когда пришел ты на веселый пир,
В душе твоей спокойствие и мир.
Ничем не выделяющийся в стаде
Теленок ты, ни с кем ты не в разладе…
Но окажись ты вдруг среди врагов,
Ты бросишься на них, терзать готов;
Не станешь самого себя щадить,
Чтоб недругов скорее победить.
Когда среди друзей резвишься ты,
В тебе и жеребенка есть черты,
Но вот непрошеный явился гость —
В тебе откуда ярость, лютость, злость!
Ты падаешь, как сокол, на врагов,
Ты заклевать их, разорвать готов.
Ты выбрал путь — всегда за мной идти
И не сходил со своего пути».

Воздал Чингисхан хвалу шестерым своим сайдам, и Борчу обратил к Владыке такие хвалебные слова:

«Достойный Есухэй-батора сын,
Ты, Чингисхан,
Ты, мира властелин,
Нам милость оказал — со всех сторон
Ты девятью мужами окружен.
Ты, мудрой Огэлун достойный сын,
В кругу девятерых друзей мужчин
Ты милостив, Чингисхан, к сыновьям,
И к смертным ты добросердечен — к нам.

Ты, о Чингисхан из владык,
Иноплеменников иных
Заставил преклонить колени,
Ты придавил своей стопой
Врагов, мечтавших об отмщенье.
Пока ты здравствуешь, о хан,
Всегда мы будем верх держать
Над чужеземцами-врагами.
Ничей нам не грозит захват,
Нет, нас враги не устрашат,
Пока ты с нами.
Мы как родня должны бы жить
И силы общие крепить,
Объединять их в деле ратном;
Подобно уткам и гусям,
Слетаться вместе надо нам,
Собраться стадом необъятным.
И — ох, не поздоровится кому-то
Из тех, кто сеет между нами смуту,
Чье слово прозвучит на слете лживо:
Как соколы, их растерзаем живо!
Жестокий бой врагу дадим,
Самих себя не пощадим
Мы в ратоборстве неустанном.
Но семя наше — сыновей
Мы не погубим, сохраним,
Не уподобимся турпанам.
Самих себя не пощадим,
Но недругам отпор дадим.
Мы узы дружбы не порвем,
Чувств родственных мы не утратим,
В суровый выступим поход
Навстречу чужеземным ратям».

Повоевав триста недругов-тайчудов, великий Чингисхан благополучно возвернулся и зажил в мире и благоденствии.

Предание об Аргасуне — верном стрелке *

Великий Чингисхан направил стопы свои в край, где восходит солнце, — в земли солонгов*. Но вышедшие из берегов воды реки Унэгэн преградили путь Владыке и его многочисленному

воинству. И отослал Чингисхан посыльного в ставку хана солонгов со словами: «Я — твой Чингисхан! Так кланяйся же мне дарами!»

Выслушав волю Владыки, солонгоский Буха цаган хан усадил в челны свой люд из родов барсгарьд и буха солонго и дочь свою по имени Хулан и кланялся ими Владыке*. Засим Чингисхан призвал солонгоского Буха цаган хана, князей-ноёнов и сподвижников его на берег Унэгэн-реки и молвил указ державный.

И пожелал Чингисхан разделить с Хулан супружеское ложе немедля. «Невместно сочетаться браком прямо в степи!» — отвращали Владыку его вельможи*. Но не внял хан их словам и вступил в брак с Хулан сей же час.

Долго ли, коротко ли, прожил Чингисхан в землях солонгов три года. А наместником в отчине своей Чингисхан посадил Аргасун-хорчи. И вот отправился Аргасун-хорчи к Владыке, дабы справиться о его здравии. И покрыл Аргасун-хорчи на тройке гнедых в три дня путь трехмесячный, и явился в ставку Владыки, и стал разузнавать о здравии его. И молвили вельможи ханские, что Чингисхан в полном здравии. Засим Чингисхан пожелал знать, здравствуют ли его жены и дети, братья и сестры и все его подданные.

И молвил Аргасун-хорчи, ответствуя Владыке:

«Жены твои и твои сыновья
живы и здравы,
Но не решаюсь о здравье сказать
целой державы.
Женщины, отроки, кажется, все
благополучны,
Но за державу за всю говорить
мне несподручно.
Люди твои набивают живот
чем ни попало,
Но о державе такое сказать
мне не пристало.
Пить захотят — под капелью попьют,
талой воды не гнушаясь,
Но о Великой Монголии это сказать
я не решаюсь».

Не уразумел Чингисхан сказанного Аргасун-хорчи и повелел речь продолжить. И молвил Аргасун-хорчи:

«В папоротнике среди деревьев
Птаха неразумная гнездо свила.
Отложила яйца,
Птенцов дождалась.
Хищная птица лунь,
На беду, гнездо углядела,
Разорила,
Птенцов поела.
Притулила лебедушка гнездо
На озере среди камышей.
Чуть проклюнулись птенцы из яиц,
Птица хищная лунь тут как тут:
Лебединой семьи не пожалела —
Лебедят у лебедки поела».

Такие слова молвил Аргасун-хорчи Святейшему Владыке. «Уразумели сказанное Аргасун-хорчи?» — вопрошал Чингисхан вельмож своих. «Не уразумели», — ответствовали вельможи. Тогда истолковал Чингисхан речи Аргасун-хорчи:

«Папоротники среди деревьев —
То друзья, сподвижники мои.
В птахе неразумной мне, конечно,
Надо самого себя признать.
Здешние солонги, полагаю,
Значатся под хищной птицей лунь,
А супруги все мои и дети —
Это, значит, яйца и птенцы.
Камышовым озером, понятно,
Иль гнездом, что свито в камышах,
Обозначена моя держава,
Лебедь же на озере — я сам».

Истолковав речи Аргасун-хорчи, Чингисхан оставил чужбину и направил златые стопы свои в отчину. И молвил тогда Чингисхан покаянно: «С супругой Бортэ судьба свела нас в детстве. И сейчас мне будет стыдно в глаза ей взглянуть. Ведь в отчине нет для меня ее дороже. Да, будет мне неловко, коль не найду я пониманья в ней и коли гнев выказывать начнет она при постороннем человеке. Пожалуй, одному из витязей вестовщиком моим сердечным явиться к ханше надлежит».

И пришел к ханше Бортэ с поклоном ханским Мухали из племени Жалайр. «В здравии ли хан? С чем к нам пожаловал?» —

вопрошала его Бортэ.

И отвечал ей Мухали:

«Чингисхан вложил в мои уста слова такие:
Было все не по закону державному,
Все случилось по моей ханской прихоти.
Не советам я внимал моих нукеров,
А польстился на добро чужеземное.
Так вот браком с Хулан сочетался я,
Стал женой звать дочь нашего данника».

И молвила на это Бортэ:

«Ежедневно, еженощно, ежечасно
Все монголы ханской прихоти подвластны.
Явит волю всеблагой наш и великий —
Все склонимся пред велением Владыки.
Мало ль статных лебедей на глади водной
Для охоты хана, столь ему угодной.
Лук сгибая, за стрелой стрелу пуская,
Может бить лебедок, удержу не зная.
Правду молвить, так в пределах всей державы
Много дев, что и стройны, и величавы.
Может хан наш брать их в жены сколько хочет
Для своей услады ханской и забавы.
В камышовом озере
Лебедей так много!
Сколько хан захочет,
Столько и стреляет.
А в улусе ханском
И красавиц много:
Хан берет их в жены
Сколько пожелает.
Меткий лучник, говорят, одной стрелой
уложить двух уток сразу может,
А мужчина, если страстен, говорят,
двух сестер на ложе брачное положит.
Необъезженный, как говорится, конь
словно требует хребтом своим седла;
Заимел, как говорится, ты жену —
хлопочи, чтоб и еще одна была.
Есть излишек — лучшей
Не придумать доли;
Если недостаток —

Это хорошо ли?
В дэле на подкладке
Не замерзнешь точно,
Три в одну веревки
Свиты — будет прочно!»

Когда Чингисхан возвратился в отчину с молодой ханшей Хулан, наместник его Аргасун-хорчи, на радостях охмелев от зелена вина, прихватил священные золотые стрелы и отлучился, только его и видели.

Взбешенный этим известием Чингисхан отправил Борчу и Мухали на поиски лиходея и повелел погубить его без лишних слов и пререканий*.

Борчу и Мухали отыскали Аргасун-хорчи и, приступив к нему, молвили: «Охмелел ты от зелена вина и унес с собой золотые стрелы, только тебя и видели. И повелел нам Чингисхан погубить тебя без лишних слов и пререканий».

И взмолился Аргасун-хорчи:

«Должен слово сказать
К казни приговоренный,
Должен выслушан быть
На лютую смерть обреченный.
Допустите! Пред ханом предстану,
Жажду слово сказать Чингисхану».

И не сгубили вельможи несчастного Аргасун-хорчи, но надоумили его явиться к хану, да не с пустыми руками, а с припасенным для Владыки нектаром.

Когда они втроем явились к Владыке, он почивал. Борчу и Мухали, стоя снаружи ханской юрты, молвили:

«Утренний свет проникает, Чингисхан,
В твой многостенный шатер.
Отроков, отроковиц пробуди-ка,
Что еще спят до сих пор.
Подданных грешных прими и послушай
Да облегчи их заблудшие души:
Каждому милостиво объяви-ка
Праведный свой приговор.
Медленно рассвет
Во дворец проник,
Дай увидеть твой

Многомудрый лик.
Кающихся, хан,
Выслушай ты нас
И державный свой
Объяви указ».

Услышав речи вельмож своих, Чингисхан поднялся с постели. И приступили к нему Борчу и Мухали, подталкивая впереди себя Аргасун-хорчи. И безмолвствовал Чингисхан, глядя на них. Борчу и Мухали тоже не проронили ни слова. Тогда Аргасун-хорчи набрался храбрости и обратился к Владыке с такими словами:

«Только скворец свою песню завел,
Тут с неба упал белохвостый орел,
И смолкла в ужасе птаха.
Так вот и я пред Владыкой предстал —
Съежился, сгорбился, затрепетал,
Пикнуть не смею от страха.
Лет с десяти до вчерашнего дня,
Лук твой и стрелы гордо храня,
Всем наставленьям твоим я внимал
И непотребных привычек не знал.
Но, как на радостях выпить пришлось,
Пьяный, я помнить себя перестал,
Где-то носился, как бешеный пес,
Лук твой и стрелы куда-то унес,
Только дурного я не замышлял.
Лет с двадцати до вчерашнего дня,
Лук твой и стрелы, как воин, храня,
Только разумным речам я внимал,
Шага неверного не допускал.
Но, как на радостях выпить пришлось,
Пьяный, я помнить себя перестал,
Где-то носился, как бешеный пес,
Лук твой и стрелы зачем-то унес…
Только худого я не замышлял».

И выслушал Чингисхан речи Аргасун-хорчи и, сменив гнев на милость, молвил:

«Что тут сказать? Находчив и речист
Хранитель стрел златых, Аргасун-хорчи».

И помиловал Чингисхан неразумного Аргасун-хорчи и объявил об этом в указе своем.

*Повесть о мудрых беседах отрока-сироты с девятью витязями Чингисхана**

На честном пиру во главе с девятью верными витязями и пятью любимыми тайши собрались покорствовавшие Владыке все пять цветных и четыре чужих народа. И первым речь держал на этом пиру Сорхан шар из племени Сулдус:

«Коль будет Владыки Верховного мне позволение
Изречь про вино и про пир мое дерзкое мнение,
Скажу, что не мыслю себе я одно без другого:
Вино, безусловно, любого застолья основа.
Сидеть на пиру без хмельного, не стану лукавить:
Кошму под собою зазря протирать и дырявить».

И возразил на эти слова гуй ван Мухали из племени Жалайр:

«Явилось вино на пиру — начинается пьянство.
Достойная речь зазвучит как нелепое чванство.
Слова уважительны были и благообразны —
Становятся вдруг несуразны, развязны, бессвязны.
Дотоле сплоченных вино побуждает к раздорам,
Живущих в согласии — к сварам ненужным и ссорам.
И лишь воздержанье нам вид возвращает обычный,
А речь — вновь пребудет логичной, тактичной, приличной».

Так сказал гуй ван Мухали Его Величеству Чингисхану. Засим зурчидский Чу мэргэн* изрек:

«Когда на пирушке хмельное все льется и льется,
Что было у нас на уме, то наружу прорвется.
Худое, хорошее — все, что под спудом лежало,
Приметным теперь и для всех окружающих стало.
Вино, что мы влили в себя, ни за что не слукавит
И все благородство и низость всю нашу проявит.
Его с незапамятных пор называли недаром
Священною влагой, божественным чудо-нектаром,
И каждое с ним проведенное ныне мгновенье

Великую радость приносит, дает наслажденье.
А завтра, как только с лучами рассветными встанем,
Пирушку вчерашнюю разве ж добром не помянем?
Нет, если вином наслажденья себе не доставить,
Не пир пировать, а кошму под собою дырявить».

Такие слова изрек благодетельному Владыке Чу мэргэн. Засим витязь Борчу из племени Арулад молвил:

«Пьем мы — крохотной мошкой
вино пощекочет нам горло,
А уж если обратно —
так мамонтом диким поперло.
Пьем и чувствуем: влага
парит себе пчелкою плавно,
А назад отрыгнется
не пчелка, а слон своенравный.
И мутится наш разум, шатаются наши устои,
От излишка теряешь как будто бы все нажитое…
Побеседуем — уразумеем в конце разговора:
Можно выпить, да только не знать в питии перебора.
У вина есть хорошие стороны, есть и плохие.
Мы ценители, да! Но не выпивохи лихие.
С удовольствием выпьем, однако же не напьемся,
А, прилично беседуя, с миром и разойдемся».

Такие слова молвил Борчу премудрому Владыке. Засим Зэлмэ Урианхайский молвил:

«Пить на пирушках зелено вино
Владыкой нашим не запрещено.
Испить архи, побыть немного пьяным —
Не возбраняется великим ханом.
Давайте ж на пиру соединимся,
Подобно жеребятам, порезвимся.
Содвинем чаши дружно, без тревоги —
Пусть в голову ударит нам и в ноги.
В веселье беззаботном и бездумном
Мы уподобимся турпанам шумным;
Не будем ни устойчивы, ни стойки
На час во время дружеской попойки».

Так закончил свою речь Зэлмэ Урианхайский. Засим держал слово Зэв из рода Бэсуд:

«Коли не будет на пиру вина,
Сердцами ль станем от родни далече?
Сойдясь и не напившись допьяна,
Не станем разве радоваться встрече?
Коль обойдемся без хмельного зелья,
Так, значит, не узнаем и веселья?
Я думаю, и без вина мы сдюжим,
Владыке-хану преданно послужим
Советом трезвым в деле управленья,
От вражьих козней предостереженьем».

И вступил в беседу тогда ойрадский Хар Хиру:

«Содвинуть чаши разом на пиру —
Не это ли восторг и ликованье?
Познавших про такое торжество
Охватывают зависть и желанье
Не за чертой остаться вдругорядь,
Участье в нашем празднике принять.
Коль чашею вина не пренебречь,
Она нам красноречия прибавит,
И если раньше спотыкалась речь,
Ее велеречиво течь заставит…
Вино способно нам сердца зажечь
И на врагов всю нашу мощь направит.
Собравшись вкруг Владыки, возгласим
Ему хвалу, поднимем дружно чаши
И так же дружно их опустошим,
Возрадуемся славной встрече нашей».

Засим держал речь Борохул:

«Увы, не хмельное ль бывает досадной причиной
Того, что по разным путям разойдутся мужчины?
А что в голове у нас бродят недобрые мысли,
И в этом одно лишь вино ты виновником числи.
Оно разрушает и дружеских чувств постоянство,
Оно нам внушает гордыню, заносчивость, чванство.
В нем польза? — Сомнительно…
Скажем решительно: скверна!

Но сила его и губительна и непомерна!»

Наконец молвил слово Шигихутуг:

«Вкусим от щедрот, что пожаловал всем нам
светлейший Чингисхан,
Пусть здравица наша подобием станет
гусиного крика.
В табун одномастных куланов сойдемся,
собьемся, стеснимся,
Друг другу подобны, единоутробны,
мы повеселимся.
Вкусим от щедрот, что дает благодетель,
Чингисхан единый,
И здравица наша пусть будет ему
воркотней голубиной.
Сойдемся, как сходятся одношерстные
в стадо маралы,
И пусть начинается, пусть не кончается
пир разудалый!»

Досель смиренно сидевший у входа в ставку и внимавший речам витязей отрок-сирота поднялся на ноги и, приступив к Владыке, молвил:

«Хотелось бы средь почтенных витязей оказаться,
Хотелось бы перед ними посильное слово молвить,
Хотелось бы оказаться средь тех, кто мыслит едино,
Хотелось бы поделиться своей сокровенной думой».

Услышав эти слова отрока, Чингисхан молвил:

«О чем поведать хочешь нам, юнец безусый?»

И отвечал отрок-сирота:

«Чингисхан, своим величием
ты повергаешь в прах!
В собрании столь почтенном
мне рот раскрывать непросто.
Чингисхан, неизъяснима
безмерная святость твоя!

Для тех, кто пришел на пир,
как трудно мне молвить слово!
Есть нечто, что вертится, хан,
в голове молодой, но думной.
Вот только сумею ли я
выразить это разумно?»

И тогда Чингисхан изволил сказать:

«Если хочешь сказать, так скажи,
про себя не держи.
Коль желаешь нас чем-то развлечь —
начинай свою речь».

И выслушал повеление Владыки отрок-сирота, возрадовался радостью великою, и поведал он высокому собранию по разумению своему о вине хмельном и бражничестве неразумном:

«Пить до мути в глазах —
разве это не хворь, не страх?
Лить, как в толстый бурдюк, —
разве это не тяжкий недуг?
Меру знать питию —
разве это не мудрость сама?
Напиваться мертвецки —
это ль не помраченье ума?
Неуемное пьянство —
как близким такое терпеть?
Воздержаться от зелья
не значит ли: разум иметь?
Пир по важной причине —
не делу ль достойный венец?
Пьет и валится с ног
разве только пропащий глупец!..
Если в шумное стадо,
как лебеди, вы собрались,
Если надо — не надо,
а все-таки вы напились,
Там, где речи нетвердые
льются, не зная конца,
Не примите за правду
лукавое слово лжеца!
Опьяненные радостью встречи,

куражитесь вы,
Не теряйте, однако ж,
пред недругами головы.
Шумной стайкой, как чайки,
вы слетелись — пристало бы вам
Чинно, благоговейно
внять истинно мудрым словам.
Не прислушивайтесь,
что вам скажет иной пустослов,
К изуверам жестоким
не тяните нетрезвых голов.
Словно птицы турпаны,
тараторите вы вразнобой,
Пересмешнику птице
не давайте шутить над собой,
В поводу у желаний своих
не теряйте, однако, ума,
Чтоб врагов кровожадных
добычей не стать задарма».

Отрок-сиротинушка закончил свою речь, и тогда поднялся Чандага цэцэн Хувшур и молвил такие слова:

«Речи витязей наших — пустяк…
Так иль не так?
Каждый здесь говоривший — дурак.
Так иль не так?
Смеешь пред ханом язык развязать!
Что же ты путного можешь сказать, глупый сопляк!
Думал лететь скакуном, а хромал
тощей кобылой…
Гадким утенком бы тину клевал —
проще бы было.
Чем перед всеми являть свою злость
в речи погромной,
Грыз бы в сторонке паршивую кость,
пес ты бездомный!»

И промолвил в ответ отрок-сирота:

«Ах, Чандага цэцэн! Не то
вы молвили сейчас!..
А справедливость ваша где?

Где доброта у вас?
Скажите, ваша милость, чем
я мог ваш гнев навлечь?
Я разве витязей корил?
Я осуждал их речь?
Иль мудрость их я отрицал?
Как хан мне приказал,
Я все, что было на уме,
почтительно сказал.
Коль вам, почтенным мудрецам,
юнца не поддержать,
Он и останется юнцом,
ему не возмужать.
Коль отощавшего коня
досыта не кормить,
Ему и в тело не войти,
и рысаком не быть».

Чандага цэцэн Хувшур вне себя от ярости вскричал:

«Врет — не собьется, и все у него
складно-то так.
Боек, безусловно, юнец на язык!..
Ах ты, сопляк!
Надо б тебя, как мышонка, прибить
людям для смеху
Или башку, как птенцу, открутить
всем на потеху.
Глупый мальчишка, язык придержи —
будет же худо!
Сам себе службу, болван, сослужи,
цел ты покуда!
Это с тобой Чандага говорит
перед самим Чингисханом.
Это Хувшур прекословит тебе
словом гневливым и бранным.
С чего это ты наставления старшим даешь,
С чего ты берешь,
что знаешь, где правда, где ложь?
Чингисхан тебя привечает, речистого… что ж…
И ты, что ни слово,
теперь мне перечишь! — Хорош!
Ни дать ни взять, сыскался повелитель
священного моря-океана!

Явился перед нами небожитель,
осыпанный милостями хана!
Любого слова моего хулитель,
не слишком ли заносишься ты рано?
Не вычерпаешь на своем веку
колодезной бадьей Онон-реку;
Сыпь, сыпь — не хватит и горы песка,
чтоб повернула вспять Идэр-река.
Как ни старайся, радугу с небес
руками ты не сможешь увести;
Коль пред тобою мудрый человек,
малец, ты не собьешь его с пути.
Послушай праведных речей,
вперед благоразумным будь.
Тебе же дело говорят,
так ты про глупости забудь;
Замолкни, старших поучать
ты откажись-ка наотрез
И остуди раз навсегда
пыл необдуманных словес».

Верховный Чингисхан внял речам Чандага цэцэна и изволил дать ему такое наставление:

«Если чистить колодец,
избавляться от мути начнем,
Драгоценная влага,
полагаю, останется в нем.
Коль с поверхности грязь
осторожно бадьей зачерпнуть,
Вылить раз и другой —
так уйдет досаждавшая муть.
Восстановится уровень в срубе,
упавший слегка,
Но уже безупречно прозрачной
водой родника.
Пусть из глуби земной
без конца пополняется он,
А колодец-то чист. —
Пей, кто жаждет! — он незамутнен.
Коли ловчим повадкам
обучить нам птенца-слабака
Да и выпустить,
чтоб поохотился на ястребка,

Испугается птенчик, пожалуй,
на землю падет
И в нору от когтей ястребиных
забьется, что крот.
А коль ястреб обученный
взмоет отважно на бой,
Пред когтями его
дрогнуть может противник любой.
Все отважному впору,
все будет ему по плечу.
Вызов сделает он
и ягнятнику-бородачу».

И, молвив такие слова в назидание, Его святость, потомок светлоликих божеств, усадил отрока-сиротинушку подле себя, дал вкусить ему нектара-рашианы страны богов, одарил лучезарным взглядом и призрел и приветил его.

*История Тататунги**

Когда же Хасар и Бату-Табунан устроили смотр начальников перешедшего к ним войска найманов, один человек из них обратился в бегство. Хасар велел схватить его живьем. Бату-Табунан догнал, схватил того человека и привел. У того за пазухой оказалась печать.

Хасар спросил у того человека: «Все отряды вашего войска сдались нам полностью, куда же это ты, припрятав печать, хотел убежать в одиночку?»

Тот человек ответил: «Я убежал с намерением блюсти до смертного часа свой служебный долг, доставив и передав эту печать старому своему государю, но, к несчастью, теперь я пойман».

На эти его слова Хасар снова задал вопрос: «Ты какого же рода и в какой был должности?»

Тот ответил: «По происхождению я человек из уйгурской земли, имя мое Тататунга. Мой государь, вручая мне эту печать, поручил все заграничные дела — по засылке от нас и по ввозу к нам [официальных бумаг]».

Когда он так доложил, то Хасар еще спросил: «В каких случаях употребляется эта печать?»

Тататунга ответил: «Ее употребляют при посылке приказов, избрав для того лучших людей. Ею пользуются вообще при всяких

казенных делах».

Когда он так сказал, Хасар похвалил того Тататунгу и, как человека честного и преданного, представил Чингисхану. Тататунгу определили в должность и приказали пользоваться той самой печатью при посылке всякого рода официальных документов. Так как человек тот по имени Тататунга был сведущ в писаниях, Хасар взял его в учителя и сейчас же начал у него учиться письменности, законам, военной стратегии и тому подобному. И вскоре хорошо выучился.

*Легенда о беседе Владыки с братьями**

И пожаловал Всевышний Хурмаст тэнгри* Его Святейшеству Владыке Чингисхану как воздаяние за былые благодеяния его драгоценную нефритовую пиалу, до краев наполненную божественным животворным нектаром-рашияной*. И принял праведный Чингисхан дар Всевышнего и вкушал его.

И приступили к нему четверо братьев его младших и молвили такие слова: «К светлому разуму твоему, о Чингисхан, взываем. Ибо сказано: «Коли старший брат, тому в стократ, а младшему — малость, что осталось». Облагодетельствуй же нас хотя бы каплей нектара-рашияны».

И ответствовал Святейший Чингисхан братьям своим младшим: «Когда явился я на свет божий, по воле Всевышнего дарована была мне нефритовая печать хана царства лусов*. А теперь Хурмаст тэнгри пожаловал мне нефритовую пиалу, наполненную до краев божественным нектаром-рашияной. Самим Всевышним было предопределено, пожалуй, владычествовать мне над всеми. А коли возжелали вы напиться нектара-рашияны, что ж, извольте».

И испили братья младшие нектара-рашияны. И хоть попало в рот им питие, да в горло не пошло.

И молвили покаянно младшие братья Чингисхана: «Чингисхан, ниспосланный Всевышним, прости неправо умствовавших нас. Неровня мы тебе. Верой и правдой служить тебе готовы. Вкушай и впредь нектар-рашияну, пожалованный тебе Всевышним».

И отведал Чингисхан хмелящего нектара-рашияны и повеление изрек: «Когда явился я на божий свет, в правой руке моей по воле Всевышнего засияла нефритовая печать хана царства лусов. А теперь Всемогущий Хурмаст тэнгри пожаловал мне нефритовую пиалу, наполненную до краев божественным нектаром-рашияной. И посему Всевышним было предопределено

владычествовать мне над всеми».

*Легенда об установлении Владыкой празднования дня рождения**

Достопочтенный Чингисхан призвал к себе сына Цагадая и спросил у него: «Какое празднество считаешь ты самолучшим на свете?»

И ответил Цагадай Владыке так:

«Когда мы провожаем старый год
И новый год сменить его идет,
Мы дня такого чувствуем главенство:
Верх счастья бытия, предел блаженства».

И выслушал Чингисхан речи Цагадаевы и молвил так: «Неправо умствуешь ты, Цагадай. Доколе ты из чрева матери ниспал на эту землю и не увидел божий свет, какой справлять ты станешь Новый год и о каком блаженстве речь ведешь? Отныне и навеки всем надлежит с почтением справлять свой день рождения из матерней утробы, где в плоть образовались от семени отца. И это будет первым празднеством из празднеств!»

И стали непреложным законом слова его.

Однако Угэдэй забыл о дне своего рождения. Тогда сам Чингисхан повелел: «Приди же поутру ко мне, мой Угэдэй!»

И отправился рано утром Угэдэй к Чингисхану. По пути наехал он на пировавших сородичей, и зазвали они Угэдэя на пир, и подносили чарку за чаркой зелья ханского. И пировал Угэдэй с ними допоздна.

И осерчал Чингисхан на запоздневшегося Угэдэя и молвил в сердцах так: «Поди, не вспомнит чадо о родичах своих, кои о нем в заботе и тревоге вечной пребывают».

Под вечер Угэдэй явился-таки в ставку к Владыке.

«Кто к нам пожаловал?» — вопрошал Чингисхан.

«Это я», — отозвался снаружи Угэдэй.

«Входи же!» — дозволил Чингисхан.

Когда Угэдэй вошел в ханские покои, Чингисхан попрекнул его так: «Сын мой Угэдэй! Я повелел тебе явиться поутру ко мне. Зачем же запоздневился ты, ответь?»

И Угэдэй ответствовал на это: «Я мог прийти и раньше, хан-отец. Да загостился на хмельной пирушке. Не вы ли говорили нам всегда: «Пренебрегая предложенной едой, вовек вам будет не до жиру!» Вот потому и припоздневился».

И сменил тогда Чингисхан гнев на милость и молвил: «Единственный, кто незабвенно следует моим установлениям, — ты, сын мой Угэдэй; и впредь пусть будет так!» И стали законом слова его.

*Сказ о том, как Хасар отошел от Чингисхана**

Спустя какое-то время Хасар сбежал, объятый страхом. Владыка улуса Чингисхан высылал вдогонку за ним Субэгэдэй-батора. Отправляя его в погоню поутру, Чингисхан соизволил сказать следующее:

«Вы, словно выступающие впереди ретивые кони, вы, подобные ваджре*, сверкающей на желтой шапке, надетой на лоб, вы, похожие на груду камней, вы, сильные и мужественные друзья, ставшие моей тенью, вы, подобные камышовой ограде, окружающей город, вы, воины и подданные — все слушайте меня!

Будьте в дни мирной жизни такими, как телята,
Но если наступит время сражаться,
Бейтесь [с врагами], подобно соколам.
Объединившись, рубитесь
И нападайте [на врага], подобно орлам.
В дни счастливой, мирной жизни
Ведите себя как глупые телята,
Но если придет время сражений,
Нападайте, словно соколы.
Если будете резвиться,
То делайте это так, как годовалый теленок.
В сражениях с врагами бросайтесь [на них],
Подобно соколам,
Бейтесь с ними, как голодные барсы
Или злобные беркуты.
Будьте как волки в ясный день
Или как вороны черной ночью».

Такое Владыка Чингисхан произнес напутственное слово. После этого Субэгэдэй-батор ответил следующим образом: «Приложив все свои усилия, отправимся в погоню. Пойдем так, как силы позволят. А успех пусть зависит от удачи владыки!»

И он отправился в путь. Вскоре он настиг Хасара и сказал ему:

«Тот, кто отделяется от своих родственников,

Становится добычей чужака.
Тот, кто уходит от своей семьи,
Становится добычей [последнего] сироты.
Если большой народ разделяется,
То он оказывается в подчинении у малого.
Можно найти подданных,
Но родных обрести трудно.
Можно завладеть народом,
Но родственников обрести нельзя».

Хасар согласился с этими словами и возвратился назад.

*Сказ о том, как Чингисхан повоевал зурчидского Алтан-хана**

Из страны бурят*, с великого Байкала, прибыл бурятский Ор шигус. Он поднес в дар Святейшему Владыке сокола и получил за это в управление бурят.

Спустя какое-то время Владыка охотился со своей птицей между реками Улхой-гол* и Улан-гол. Зурчидский Вангин-хан* узрел охотившегося Владыку, но не изволил приблизиться к нему. Владыка, вернувшись восвояси, собрал свое войско и ополчился на зурчидов.

На реке Улан-гол переправы не оказалось, и тогда племянник Хасара, неукротимый чин тайж* Хаби шир, соединил десять тысяч коней уздечками и с воинственными криками переправился через реку.

Осадив [вражеский] город, монголы потребовали выкуп из десяти тысяч ласточек и тысячи кошек. Получив их, монголы привязали к хвостам ласточек подожженные тряпки, а к хвостам кошек — горящую вату и отпустили их. Ласточки полетели в свои гнезда, а кошки разбежались и взобрались на крыши хозяйских домов. От этого город загорелся и вскоре был взят монголами. А зурчидский Алтан-хан так и не понял: «Что же это все-таки было: привидение или настоящие кошки?»

*Легенда о Чингисхане — покровителе буддизма**

После того Чингисхан выступил походом в тибетскую страну. Ноён тибетского войска Чока, а также Цалба-Гундорджи и прочие тибетские вельможи со страху вышли навстречу и поднесли ему замечательные подарки, а также устроили великое пиршество. Все — три аймака верхнего Нгари, четыре племени центральных провинций Уй и Цзана, три долины нижнего Кхама* вошли в подданство к Чингисхану.

Тогда государь Чингисхан, очень радуясь, отправил посла к Саджа-Гунганинбо-ламе* вместе с подарками и письмом следующего содержания: «Лама, ныне я жалую тебя приглашением. Между тем я не приглашал тебя вследствие того, что мои государственные начинания нуждались прежде во многих других мирных и военных делах. Однако я намерен отсюда уповать на тебя, а ты думай обо мне, находясь там. К тому времени, как я закончу свои дела, ты сам, лама, вместе со своими послушниками непременно должны пожаловать в монгольскую

страну и поспособствовать распространению там драгоценной веры». Так он повелел.

Саджа-Гунганинбо-лама был чрезвычайно рад [словам] Чингиса. Он доставил и с великими почестями поднес ему три религиозных изображения вместе с прочими благословенными дарами. Хотя Чингисхан лично и не встретился с тем ламою по имени Саджа-Гу нганинбо, но, почитая изображения Будды и его вероучение, он освободил от податей тибетских людей и оказывал почет как уйским и цзанским святыням, так и ламам и хуваракам*. После этого государь Чингис водворил к себе все изображения, пожалованные ламой, и расположился в своем кочевье.

Хотя монгольский народ раньше вовсе не знал о так называемой буддийской вере, прослышав о прибытии тех изображений, стал говорить, что вера Бурхана*, а также ламы и хувараки есть нечто благословенное и благоденственное. Так народ обрел веру и благоговение. Поэтому и говорят, что в монгольской стране вера получила свое начало по причине прибытия тех изображений в Чингисову пору.

Хотя в некоторых историях говорится о почитании учения [Будды] Дамцуг-ханом и Хурца-Мэргэном*, которые являлись потомками Бортэ чоно, жившими еще раньше Бодончара, эти сказания не согласуются совершенно с многочисленными биографиями и чойджунами*.

*Легенда о бескорыстии верного нукера Борчу и милости Владыки**

Когда Святейший Чингисхан и верный его витязь Борчу, сын Наху баяна, шли походом по градам и весям Индийским, по стороне Тибетской, явился к Владыке и бил челом ноён по имени Жил.

И пожаловал он Владыке саврасого скакуна с белым пятном во лбу, доху из беличьих шкур и кобылицу с жеребенком.

Чингисхан обошел милостью своею витязя верного Борчу и отдал дары эти Улэ Зандану, прибывшему ему навстречу из ставки.

Тем временем Борчу возвратился восвояси. А Чингисхан послал вслед за ними Учир Сэцэна. Учир Сэцэн тотчас явился к юрте Борчу и приник к щели в войлочной стене.

Как раз в это время супруга Борчу спросила мужа: «Чем вознаградил Чингисхан верного нукера своего, тенью следовавшего за ним в походах?»

И ответил Борчу: «Ноён по имени Жил пожаловал Владыке саврасого скакуна с белым пятном во лбу, доху из беличьих шкур и кобылицу с жеребенком. Но не жаловал меня дарами этими Чингисхан, отдал их Улэ Зандану».

И сказала тогда супруга Борчу:

«Вот теперь, Борчу, и пойми-ка,
Как саврасым-то скакуном,
Тем, что с белым во лбу пятном,
Не тебя наградил Чингисхан.
Ты так преданно служишь хану,
А награда — Улэ Зандану.
Ты защита хану, ты воин,
А награды другой удостоен,
Пусть изменчив, пусть непостоянен…
Хан, угодливыми отуманен,
Всех, кто ловко умеет льстить,
Может в душу к себе впустить.
В толк себе, мой Борчу, возьми-ка,
Как же волей своей, не оплошкой
Вдруг из беличьих шкурок дошкой
Не тебя одарил Чингисхан.
Ты так преданно служишь хану,
А подарок — Улэ Зандану,
Что и дружит-то как придется:
Может вовсе от нас отколоться.
Этот жест Чингисхана странен:
Он, угодливыми отуманен,
Тех, кто в душу умеет влезть,
Может преданным предпочесть.
Сам себе, Борчу, поясни-ка,
Как такое могло случиться:
Жеребенка и кобылицу
Не тебе передал Чингисхан.
Ты так преданно служишь хану,
Дар же — снова Улэ Зандану,
Что тебе побратим вначале,
А потом — поминай как звали.
Тот ликует, а ты опоганен…
Хан, угодливыми отуманен,
Тех, кто знает науку лести,
Может преданным предпочесть».

Выслушав супругу, Борчу молвил:

«О, женщины! О вас не раз
Молва твердит все тот же сказ:
Длинен на вас один халат,
А разум — тот коротковат!
Ну да, изменчив пусть Улэ Зандан,
Пусть был ему скакун саврасый дан…
Да будет крепкой та златая нить,
Что жизнь Владыки здесь должна хранить!
Коль буду я за ним и ночь и день
Везде и всюду следовать как тень,
Уверен я, счастливый день придет:
Награда хана и меня найдет.
Улэ Зандан все в сторону глядит?
От нас он отколоться норовит
При том, что получил он в дар доху
Богатую, на беличьем меху? —
Пусть!.. Лишь была бы только прочной нить,
Что жизнь Владыки здесь должна хранить.
Я буду тенью хана моего,
Я удостоюсь милостей его.
Улэ Зандан в доверье хочет влезть,
А через день где будет он? — Бог весть…
Кобылу с жеребенком дать ему
Угодно было хану моему.
Пусть целой будет та златая нить,
Что жизнь Владыки здесь должна хранить.
За ним стремиться — вот мой вечный путь.
Хан наградит меня когда-нибудь».

Подслушав этот разговор Борчу с супругой, Учир Сэцэн воротился к Владыке и доложил об услышанном.

С тех пор Чингисхан пуще прежнего возлюбил своего верного нукера Борчу. Тогда же Чингисхан изрек: «Порою глупые слова женщины поучительны для мужчины. Знание правды — вот главная мудрость жизни».

*Легенда о волшебном животном и борьбе Хасара с заклинателем-тангудом**

Таким образом, в то время… только лишь одна часть Тибета под названием Миньяг* в лице девятого хана по имени Туби-Шидургу ему (Чингисхану. — *А.М.*) не подчинилась.

Этот хан был на самом деле существом с превеликой силой, совершенной добродетелью и самыми возвышенными мыслями. Он обладал способностью чудесных воплощений и был для меча и оружия недосягаем.

Из страны того миньягского хана явился на гору Муна какой-то заклинатель-тангуд и стал насылать проклятья [на войско монголов].

Чингис и Хасар с войском выступили в поход на миньягского Туби-Шидругу-хана. Когда они, достигнув железных ворот, встали лагерем, воины рассказали, что увидели чудо. Вот что они в один голос говорили: «Это было существо с туловищем оленя, с конским хвостом, с телом зеленого цвета. Увидев воинов, оно заговорило по-монгольски, мол, поскорей возвращайтесь в ставку хана». Вот так они говорили.

Тогда человек, по имени Алауд-Цуши*, важный чиновник по письменной части, следовавший за Чингисханом, доложил об этом хану: «Это был дивный зверь, говорящий на человеческом языке. Этот зверь называется Шиу-Тува*, а слова его ниспосланы с Неба. Добро будет хану в согласии с волею Неба возвратить войска вспять».

Услыхав это, Хасар сказал: «Ты — чиновник по письменной части, если ты не одобряешь войну, то сам можешь себе вернуться. К чему же так говорить, высказывать пустые слова, тревожить у хана душу и создавать препятствия державному делу? Я уже почти шестьдесят лет прожил и за время путешествия по разным землям не видел ничего невиданного и неслыханного. Откуда же в качестве небесного посланника явился ныне этот так называемый Шиу-Тува? Зачем нам слушать небылицы?» В таких выражениях он сильно накричал на него.

Так как Чингисхан считал Алауд-Цуши большим мудрецом и доверял ему, то он не одобрил поведение Хасара и разбранил его. А великое войско повернул обратно и расположился станом у горы Муна.

Когда он расположился лагерем, какая-то сова заухала в дневное время. Государь испугался и приказал [Хасару] ее застрелить. Когда Хасар стал стрелять, взлетела и попала под его стрелу сорока. Сову он не убил. Тогда Чингис разгневался, велел схватить Хасара, надеть на него кандалы и колодку и стеречь его все время отрядом в восемнадцать человек, посадив в темницу с каменной оградой.

После того Чингисхан, возвратясь во дворец, зазимовал там, а на следующую весну опять выступил в поход и расположился станом в местности Хухэбури, на северном склоне мыса Мона.

Начиная с той ночи сделался туман и холод. Поднялась буря.

Ни днем, ни ночью не прекращаясь, мело. От этого погибло великое множество людей и коней. В ту пору некий местный человек пришел и рассказал: «Недавно какой-то тангуд, пришедший сюда к нам, остановился в юрте одной здешней вдовы. Эта пурга, как люди говорят, — от его сглаза».

Когда он так сказал, самые смелые из войска пошли поглядеть, а как поглядели, то и увидели, как из метели появляются всевозможные черти. Как показались эти черти, не в силах идти дальше, они вернулись и доложили хану: «Эти скопища чертей никто, кроме Хасара, победить не сможет».

Когда они так сказали, хан приказал: «Выведите из темницы и доставьте сюда Хасара». Хотя Хасар от роду был болен ревматизмом, а в заключении болезнь усилилась и Хасар очень мучился, все-таки, превозмогая боль, он составил едкое зелье, губительное для сонмов чертей, взял лук и стрелы и пошел.

Под начальством Хасара люди перевалили через гору, и чуть только показались из метели черти, как Хасар начал читать сильные заклинания и подавлять чертей зельем. Так он победил чертей. Затем он разыскал этого вредного оборотня-тангуда и с одного выстрела его свалил. После этого снежная метель тотчас прекратилась. Он разрезал труп заклинателя, вынул у него сердце и принес в жертву горе. А воины поймали бабу, которая приютила заклинателя, разрезали на куски и сожгли.

Хан, очень сожалея о том, что он подверг Хасара наказанию, помирился с ним, и они вместе выступили в поход на племя миньяг.

По возвращении домой Хасар стал лечиться у китайского лекаря из рода Ли. Болезнь ног немного прошла, но не излечилась, он становился все слабее и слабее и вот сделался тэнгри (умер). Люди говорят, что хасаровские останки были погребены на большой горе.

*Легенда о Гурбэлджин-Тоа-хатун**

О том, что Святейший Владыка покорил Китайское государство и воссел на трон Алтан-хана*, услынал тангудский Шидургу-хан*. Он испугался и направил к Чингисхану посла Тортонга (Дурдана. — *А.М.*), сына Баян-Сартагара с [известием]: «Согласен быть твоим правым крылом и платить дань».

Когда посол после доклада Владыке возвращался [домой], он невзначай сказал: «Истинная правда, что Святейший Владыка — сын Неба, но наша ханша красивей их ханши! Она так хороша, что при свете ее красоты не нужно зажигать ночную лампаду».

А Владыка приблизил к себе Мунгэлун-Гоа, жену тайчудского Яабуги. Яабуга услышал слова посла тангудов и сказал Владыке: «Есть более красивая женщина, чем моя жена Мунгэлун-Гоа. Это Дочь китайского Джанджан-Сэцэн-Умидая (Жанганай сэцэн Номидай. — *А.М.*), жена тангудского Шидургу-хана Гурбэлджин-Гоа-хатун. Она так красива, что ночью затмевает свет лампады. Вот бы вам ее взять!»

Владыка послал к Шидургу-хану посла [с такими словами]: «Я [сейчас] отправляюсь на войну с Сартагульским государством. Так выступай же и ты!»*.

Тому послу Шидургу-хан ответил так: «Что это за хан, который еще не завоевал всех, а уже назвался ханом? Зачем мне такой союзник?»

И он не пошел.

Узнав об этих словах, Владыка поклялся своей золотой жизнью не выпустить [Шидургу-хана] из рук. Он прикончил сартагульского Султун-хана (хорезмшаха. — *А.М.*) и подчинил его народ своей власти. В тот военный поход он брал с собой Хулан-хатун…

У Шидургу-хана давно была желтая с черной мордой собака-вестник по имени Хубэлэн. Святейший Владыка (Чингисхан. — *А.М.*) трижды выставлял свое белое знамя с девятью бунчуками и три года собирался в поход [на тангудов], но [каждый раз] останавливался. Эта собака в мирное время, когда не было вокруг врагов, лаяла спокойно, но, как только появлялся враг, она лаяла завывая. Она знала о намерении владыки выступить в поход и потому выла уже три года подряд.

«Состарилась моя собака, потеряла умение предсказывать», — думал [Шидургу] и не обращал внимания [на ее вой].

Спустя какое-то время, в год Собаки (1226) в поход было отправлено войско, а затем, в год Свиньи (1227) Святейший Владыка, взяв с собой жену Йисуй (Есуй. — *А.М.*), лично выступил, предводительствуя войсками. [По пути следования войск] Святейший Владыка увидел выступающий мыс горы Муна и соизволил сказать:

«Когда держава в расстройстве,
Здесь хорошее убежище.
Когда держава в покое,
Здесь прекрасное место для жизни.
Да будут эти места заповедными для маралов!
Да станут эти места нашим последним приютом!»

Увидев на дереве сидящую дурноголосую сову, Владыка

приказал Хасару ее застрелить. Хасар выстрелил. Сова улетела, и вместо нее у пролетавшей мимо сороки оказалось отстреленным крыло.

Владыка со словами: «Погоди же!» — выхватил меч, но в это время Улуг-ноён (Баргуудай урлуг ноён. — *А.М.*) сказал: «Говорят же: замышляешь сделать доброе дело, а получается плохое. Государь, рассудите это сами!»

Владыка одобрил эти слова и согласился.

После этого слуга Мэчин сказал Владыке: «Напившись водки, твой младший брат Хасар взял за руку твою жену Хулан-хатун».

Когда он так доложил, то [Владыка] послал слугу Мэчина к Хасару с приказанием добыть орлиные перья.

Хасар сказал: «Хотя он и является Владыкой над всеми, но как понадобились орлиные перья, то и я сгодился» — и отдал орлиные перья. [Мэчин] их не взял, сказав: «Все запачканы в копоти», — и вернулся.

После этого слуга Мэчин был снова послан за птицей лысухой, которую приказано было убить. Когда птица лысуха пролетала, [Хасар] спросил у слуги Мэчина: «В какое место стрелять?»

Мэчин ответил: «Стреляй в промежуток между желтым и черным [пятнами]». Когда же последовал выстрел, то у птицы оказался отбитым клюв. «Для человека ханского достоинства нужны перья орла. Это не то, что перья птицы лысухи. Да они еще и в крови». И он не взял их.

Из-за этого Владыка разгневался и сказал: «Раньше Хасар соединился с семью хонхотанцами*. Потом убил сладкоголосую сороку, когда было приказано убить дурноголосую сову. Теперь не дал мне перья орла». Государь приказал схватить Хасара, и содержать его под стражей из четырех слуг, и кормить мясом дзейранов.

Во время приготовлений к большой облавной охоте в горах Хангай-хана был издан такой указ: «Если в облаву попадут бурый волк и красавица маралиха, то их не убивать!»* Если же попадется кудрявый человек на сизо-серой лошади, то схватить его живым!»

Когда в облавный круг попали серый волк и красавица маралиха, то их не убили и отпустили. Черного же человека на сизосерой лошади захватили.

Его спросили: «Ты какого рода-племени?» — но он молчал.

Его доставили к Владыке. Когда его стал спрашивать сам Чингисхан, то он ответил: «Говорили, что Святейший Владыка монголов выступил с войсками в военный поход, вот Шидургу-хан и послал меня в охранение. [Мой конь] прозывался серо-сизым

Хусболодом, которого не мог догнать ни один конь быстроногий. Однако стерлись его копыта, и настигли его твои всадники. А звать меня Бодоном. Прежде меня не мог поймать ни один черноволосый человек (здесь — монгол. — АМ.). Однако схватили меня твои люди, и пропала теперь моя буйная головушка».

Когда он так сказал, то Владыка спросил его: «Говорят, что твой хан способен на волшебные превращения? Правда ли это?»

На это Бодон ответил: «Рано поутру он становится желто-пестрым ядовитым змеем, и тогда его схватить нельзя. В полдень он перевоплощается в коричнево-пестрого барса, и тогда его тоже схватить нельзя. В вечерние часы он принимает образ красивого светловолосого юноши и сидит, наслаждаясь, со своей ханшей. Вот в это время его схватить можно!»

Этого человека казнили.

Затем стали приближаться к границам Тангудского царства. По дороге им встретилась черная старуха-ведьма, принадлежавшая Шидургу-хану, которая вышла навстречу монгольским войскам и многих мужчин и коней умертвила своими заклинаниями.

Субэгэдэй-батор доложил Чингисхану: «Эта зловредная старуха уничтожила много людей и коней. Соизволь помиловать и освободить Хасара, чтобы он с ней расправился».

Когда он так сказал, то Владыка согласился. Он приказал [Хасару] явиться на его саврасом скакуне и покончить со старухой. Так как Хасар был сильно измучен в неволе, он попал той старухе в коленку. Старуха упала и разразилась проклятиями: «Пусть потомки твои, Хасар, по мужской линии будут умирать от ран! Пусть потомки твои по женской линии будут брошены своими мужьями!» С этими словами проклятия она и умерла.

Затем, когда Шидургу-хан превратился в змея, в тот же час Владыка Чингисхан обернулся птицей Гаруди*. Когда тангудский хан превратился в барса, Владыка обернулся львом. Когда Шидургу-хан превратился в юнца, Чингисхан предстал перед ним старцем и поймал его.

После того как Шидургу-хан был пойман, он сказал Чингисхану следующее: «Не убивай меня. Я достану звезду Венеру и сделаю так, что у тебя больше не будет врагов. Достану для тебя звезду из созвездия Плеяды, и у тебя не будет больше бескормицы и падежа скота. Если ты меня убьешь, то тебе самому будет плохо. Если не убьешь, то твоим потомкам будет плохо».

[Владыка] не послушался его. Стал стрелять и рубить [его], но прикончить никак не мог.

Тогда Шидургу-хан сказал: «Меня застрелить и зарубить

нельзя. В подошве моего сапога есть пестрый, втрое скрученный шнур. Задуши им».

Когда нашли тот шнур и стали его душить, то Шидургу-хан сказал: «Если меня сейчас удушишь, пусть твои потомки в будущем будут задушены подобно мне. Мою ханшу Гурбэлджин-Гоа обыщи вплоть до ее черных ногтей»*. Сказал так и умер.

Святейший Владыка Гурбэлджин-Гоа-хатун взял себе. Ее красота удивила не только самого Чингисхана, но и весь его великий народ.

Ханша Гурбэлджин-Гоа сказала: «Моя красота померкла под пылью, которую подняли ваши воины. Прежде я была красивей. Если теперь я вымоюсь, то стану еще прекрасней».

[Поверив] этим словам, Святейший Владыка послал ее вымыться в реке. Когда ханша пришла к берегу реки, она изловила жаворонка и к его хвосту прикрепила письмо такого содержания: «Я в этой реке утоплюсь. Тело мое не ищите по течению реки, а ищите в верховье реки», — и послала его своему отцу.

Ее отец стал искать ее в верховье реки, как она написала. Найдя труп, он засыпал его землей. Кургану дали название Тумур Ульгий (Железная Колыбель. — *А.М.*). Название реки стало Хатны-гол*.

*Сказ о кончине Чингисхана**

Покорив тангудский народ, убив Шидургу-хана, разрушив враждебные грады тангудские и взяв в жены Гурбэлджин-Гоа-хатун, [Владыка] заболел, у него начался сильный жар. В свой предсмертный час, страдая от нестерпимой боли, он молвил:

«Подобные быстроходным скакунам, четыре брата мои.
Подобные стремительным жеребцам, четыре сына мои.
Пять цветных и четыре чужих народа мои, слушайте меня!
Когда я собирал свой великий народ так,
Что натягивался стремянный ремень
И стирались железные стремена,
Я не испытывал таких мучений,
Какие испытываю теперь.
Когда седлал свою яловую, белую кобылицу
И шел в поход,
Собирая свой великий народ,
Таких мук я не ведал.

Уж не совершил ли я какого греха
В своих прошлых перерождениях?»*

Затем Святейший Владыка сделал такое повеление: «Пусть явятся ко мне и держат речь от жен моих любезная супруга моя Бортэ, а от нукеров верных — Борчу и Мухали!»*

Тогда сунитский Гилугэдэй-батор промолвил:

«Подобная яшме держава твоя ослабнет.
Любимая тобой ханша мудрая Бортэгэлджин (Бортэ) скончается.
Твои братья Хасар и Бэлгудэй останутся в одиночестве.
В трудах собранный тобою народ рассеется.
Великой названная держава твоя разрушится.
Давними крепкими узами связанная [с тобой]
Ханша твоя мудрая Бортэгэлджин умрет.
Угэдэй и Толуй — твои сыновья станут сиротами.
Народы твои, которые ты так поспешно собирал,
Разбредутся и попадут под [управление] других людей.
Словно гора, образованная тобой, твоя держава разрушится.
Обретенная тобой верная ханша мудрая Бортэгэлджин умрет.
Отчигин и Хачигун, братья твои, останутся в одиночестве.
Многочисленный покорный народ твой разбредется по лесам и горам.
Перекочует с гор Хангай-хана.
Жена и дети твои идут с рыданиями.
Не соизволишь ли дать им свои наставления?
Идут они с гор Ункуя, рыдая и тоскуя.
Дочери и сыновья твои идут, скорбя и плача.
Не соизволишь ли ты дать им свои добрые наставления?
Трудно расколоть рожденное тело.
В случае же, если расколется,
Встретимся ли в нирване?
Здоровое тело трудно разрушить.
Но если оно разрушится,
Произойдет ли наша встреча в стране блаженства?
Не соизволишь ли указать источник воды
В пустынной земле вдове твоей Бортэгэлджин-хатун
И твоим сыновьям Угэдэю и Толую?
Не укажешь ли им путь через горный проход?»

Тогда Чингис дал такое наставление:

«Внемлите мне, жены и нукеры мои!
Да будут указаны остающейся в одиночестве мудрой ханше Бортэгэлджин
И моим сыновьям Угэдэю и Толую
Место для кочевья, воды и долины, проходы и дороги!
И еще.
На яшмовом камне нет кожи,
На твердом железе нет панциря.
Рожденное любимое тело не вечно.
Живите, не проявляя сомнений.
Пусть будут крепкими ваши помыслы.
Если начнете сто дел и выполните, вот вершина деяний.
Твердыми являются помыслы того человека,
Который достиг Истины.
Будьте скромны,
Живите в согласии с людьми.
Всем нам придется умереть.
Думайте о последующих, хороших рождениях.
Слова мальчика Хубилая особые.
Слушайтесь его приказаний»*.

После того, как было произнесено это наставление, он скончался в год Свиньи (1227), в седьмом месяце 2-го числа в возрасте шестидесяти семи лет.

*Хвала Гилугэдэй-батора почившему владыке**

И возложили тело златое владыки на большую телегу, запряженную лошадьми, и воздал при этом Гилугэдэй-батор сундский хвалу владыке почившему:

«О владыка, о хан всех племен!
Душа твоя отлетела —
ястребиным крылом она стала.
Душа отлетела, а тело —
только груз на скрипящей повозке.
Душа твоя отлетела,
став крылом щебечущей птахи.
Душа отлетела, а тело —
только груз на скрипучей телеге».

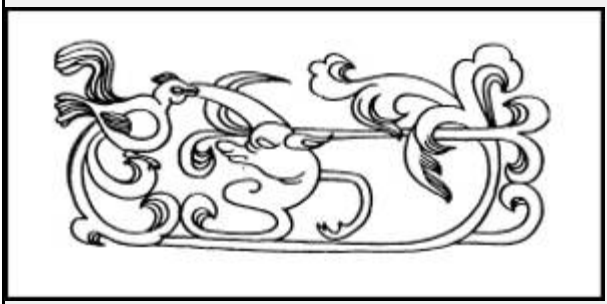
Когда процессия достигла горы Муна, ступицы телеги увязли в грязи так, что и пять лошадей не могли ее сдвинуть с места*. И взволновался люд монгольский, и тогда Гилугэдэй-батор сундский, сотворив поклонение, молвил:

«О, владыка, святой богатырь!
Предопределило рожденье твое,
Судьбу твою начертало
Вечное синее Небо!
Ужели покинул страну свою ты навсегда?
Как нужен ты, Тэмужин,
Земле, на которой родился,
И своему государству,
Которое созидал ты и долго умиротворял.
Ты нужен супругам своим
И сыновьям судьбоносным.
Вдали поджидают тебя
И созданное тобой государство,
И верные подданные твои,
Любезные жены и сыновья,
И ставка — дворец золотой.
Вдали поджидают тебя
И созданная в сраженьях держава,
И близкие — жены и дети твои,
Родня многочисленная — монголы,
Бессчетные подданные твои
И родные места — Дэлун болдог.
Вдали поджидают тебя
Бунчук твой всесильный, что был сплетен
Когда-то из челки гнедого коня;
Сигнальные трубы и барабаны твои,
И всюду тебя прославляющий люд,
И ставка в местности Худо арал,
Что на реке Керулен.
Вдали поджидают тебя
Премудрая хатан Бортэгэлджин,
С которою встретился ты молодым,
Два нукера — Борчу и Мухали
И милость дарующая земля
Великой державы твоей.
О, как, владыка, тебя заждались
Там, вдалеке, Хулан хатан твоя,
Возродившаяся для тебя на земле,
И хуры твои, и дудки твои,

И наигрыши, и песни,
Все верные подданные твои,
Все земли — твои владенья.
Не забыл ли ты, о, владыка,
О своей монгольской державе?
Ты вдали от нее восхвалял чужбину,
Говорил, что тепло, мол, в горах Харун,
Что весьма многочислен тангудский народ,
Что чужеземные девы прекрасны…
Увы, душа твоя отлетела,
Последнее ты испустил дыханье,
Но драгоценный твой прах, владыка,
Мы под охраной домой доставим,
Пред очи хатан Бортэгэлджин,
Всему народу тебя покажем».

И как только прозвучали эти слова,

Повозка скрипнула, тронулась с места —
В том воля была самого владыки.
И приободрились тогда все люди
И на кладбище Великих предков
Доставили прах своего государя.
И здесь, наконец, был земле он предан,
Воздвигнуты были восемь юрт священных,
И с той поры Чингисхан-владыка
Стал духом-хранителем всей державы,
И стал опорой он и поддержкой
Потомкам, правителям государства.
По всей монгольской земле возвестили:
На месте захоронения праха
Возложены, возведены в святыню
Юрта владыки, чулки и рубаха.
Еще говорят, что на самом-то деле
Владыка, мол, в Бурхан халдун погребен.
Иные считают, на северном склоне
Горы Алтай-хана покоится он.
А третьи взоры свои направляют
От Хэнтий-хана прямо на юг
И очень уверенно припоминают
Местность с названием Их утук…



III

ЛЕГЕНДЫ О ЧИНГИСХАНЕ В УСТНОЙ ТРАДИЦИИ

Легенды о местностях

В Хэнтийском аймаке Монголии есть местность под названием «Гурван нуур» (Три озера), где, по преданию, родился Чингисхан. По легенде, у восточного озера матушке Огэлун дали испить бульона из мяса белой кобылицы, а кобылью селезенку (по-монгольски «дэлуун») закопали невдалеке, отчего это озеро стало называться Дэлуун.

У западного озера младенцу сделали омовение (по-монгольски «болгох), отчего это озеро получило имя Болдог. Так появилось название этой местности Дэлуун Болдог.

На территории Барги есть две горы, которые называют «Алтан эмээл» («Золотое седло») и «Ардаг хурэн» («Необъезженный бурка»). Там, по преданию, у Чингисхана пал конь, и хан оставил с ним свое седло. Недалеко расположены горы Шивээ (Крепость) и Дош (Наковальня). Это Чингисхан снял верхушку с горы Шивээ и сделал себе наковальню. Горы под названием «Дош», которые считаются наковальней Чингисхана, есть по всей Монголии.

Недалеко от места, где родился Чингисхан, есть озерцо под названием «Тогоо» («Котел»). Рассказывают, что это был очаг Чингисхана, на котором стоял его котел. Таких «котлов» и «очагов» в Монголии — множество.

На берегу реки Балж у горы Намаржаа стоят два больших камня. Говорят, это куски развалившегося камня, из которого

вышла печать Чингисхана. И в других местностях о больших камнях часто говорят, что из них появилась печать Чингисхана.

В центральном аймаке на территории сомона Баянзурх есть местность под названием «Охид хуухэд» («Дети»). Легенда повествует, что здесь пряталось от войн потомство Чингисхана.

Недалеко от г. Налайхи есть гора под названием «Чингис». А рядом — скала Чингисийн суудал (Сиденье Чингиса) и скала с проемом. Местные жители считают, что Чингисхан, сидя на своем престоле, прострелил скалу из лука. Во многих местностях большие отверстия в скалах называют дырами от стрел Чингисхана.

Название «Тулгат гацаа» («Скала с очагом») в Центральном аймаке произошло оттого, что здесь, как говорят, остановился Чингисхан, чтобы испить чаю. И это, конечно, не единственная «скала с очагом Чингисхана» в Монголии.

В сомоне Дэлгэрхан Хэнтийского аймака названий, связанных с именем Чингисхана, чрезвычайно много. Озеро Гунбурд считают «Колодцем Чингисхана», расположенные рядом отроги скал — камнями, которые Чингисхан растерял, не донеся до колодца, холм рядом — землей, которую Чингисхан насыпал, роя этот колодец, гряду скал — тропой Чингисовых коней, высокие камни — привязью для кобылиц Чингисхана и т. д.

В Хубсугульском аймаке протекает небольшая река Тэнгис. Ее название, как считает местное население, происходит от имени Чингис, так как Чингисхан во время похода на север стоял лагерем на берегу этой реки. Недалеко стоят два высоких камня, которые называют привязью для коней Чингисхана.

В Хубсугульском аймаке есть местности под названием «Бух булгигч» («Бык взбрыкнул») и «Хувун» («Вата»). Рассказывают, что один бык из каравана Чингисхана, кочевавшего в этих местах, взбрыкнул и сбросил всю поклажу. Чингисхан рассердился, бросил поклажу и быка. Затем его неожиданно скинула лошадь. Однако владыка не только не пострадал, но даже не почувствовал боли. Так эти места были названы «Бык взбрыкнул» и «Вата».

В Восточном аймаке есть место, где снег быстро истаивает. Люди говорят, что здесь был очаг, в котором Чингисхан стерег огонь.

(Эзэн богд Чингис хааны домог оршив (Легенды о Святейшем Владыке Чингисхане) (на монг. яз.) / составление, редактирование и вступительная статья Х. Сампилдэндэв. Улаанбаатар. 1992)

Вал-дорога

На севере Восточного и Хэнтийского аймаков тянется большая дорога (вал-дорога), проложенная по выступающей насыпи.

Говорят, что эту дорогу построили по приказу Чингисхана. В то время ханская невестка не могла ехать на глазах у всех вместе с ханом-батюшкой. Поэтому Чингисхан, когда ему нужно было ехать с невесткой в дальний путь, чтобы соблюсти обычай и отправить невестку скрытно от себя, заставил тысячи людей построить огромную стену из земли. По одну ее сторону ехал Чингис, а по другую — невестка.

На этой дороге на расстоянии 15–20 километров друг от друга расположены развалины крепостей, в которых с южной стороны были ворота. Эти отрезки называют «крепостными сутками».

Монгол ардын домог (Монгольские народные легенды) (на монг. яз., составитель Ц. Олзийхутаг, Улаанбаатар, 1989. С. 9).

Колодец Чингиса

В сомоне Баянмунх Хэнтийского аймака есть глубокое озерцо под названием Гун-бурд. Лошади, когда подходят к нему, фыркают и не хотят заходить. Про это озерцо говорят, что оно образовалось из колодца, который вырыл Чингисхан.

Рассказывают, что когда-то давно в него зашел и утонул годовалый жеребенок. Он прошел под землей и вышел в местности Гэдзэг в районе Хэрэ-гухула. Недалеко от Гун-бурд есть две скалы, похожие на сидящего человека, с большим камнем, напоминающим голову. Их называют Большой и Малой скалой Агдза и считают столбами для привязи кобылиц Чингисхана. А след, будто от копыта жеребенка на плоской скале недалеко от этого места, называют следом от коня Чингисхана.

(Н. Баатар. газета «Худулмур» (на монг. яз.) № 96 (10440). 31.8.1989)

Дух горы Даян-Дэрхи

В прошлые времена собрались вместе духи гор Тангу, Булган, Даян-Дэрхи и Хэнтий и договорились хитростью увести красавицу младшую жену Чингисхана.

Даян-Дэрхи пошел в ставку Чингисхана, а остальные спрятались недалеко от ставки. Чингисхан принял Даян-Дэрхи с большим почетом. Он выставил угощенье, разлил по большим

чашам простоквашу, кумыс, водку, зарезал овцу.

Наступил вечер. Чингисхан приказал слугам: «Разнуздайте коня нашего гостя, прибывшего из дальних мест!»

Но слуга, ушедший исполнить приказ Владыки, вернулся и сказал: «Владыка! Зачем доброму гостю приезжать верхом на ядовитых змеях? Наверняка он явился не с добрыми намерениями. У него все из живых змей — начиная с вожжей и поводьев и кончая тороками и подпругой. Я попробовал разнуздать коня гостя, не имея никаких черных мыслей, но [змеи] не дали мне этого сделать, пытаясь ужалить меня. Видно, не хотят, чтобы их хозяин остался здесь ночевать».

Чингисхан ничего не ответил.

А Даян-Дэрхи сказал: «Это, наверное, они говорят, мол, дорога дальняя, ты засиделся, поскорее выходи. Ну-ка, ханша, придержи собак».

Он прошел с младшей ханшей Чингисхана до привязи, потом схватил ее и умчался.

Чингисхан вместе с богатырями погнался за ним, но Даян-Дэрхи соединился с теми тремя, что ждали его в укрытии, и они разбежались в четыре разные стороны.

Чингисхан гнался по пятам за Даян-Дэрхи, уносившим его ханшу. А Даян-Дэрхи спрятал младшую ханшу Чингисхана в пещере на берегу реки Ур-гол, и сам, превратившись в каменный истукан, сел на восточном берегу реки.

Чингисхан прискакал туда со своими богатырями. В гневе каждый из тысячи богатырей ударил мечом по истукану со словами: «Вот твоей круглой башке!» Потом подожгли ее и уехали.

На следующий год у Чингисхана погибло много людей и скота. Тогда Чингисхану поневоле пришлось почитать духа горы Даян-Дэрхи.

Пещера, где была спрятана ханша Чингисхана, находится на территории современного сомона Цаган-Ур и называется Даян-дэрхи.

(Гээлий Р. Ховсгол нутгийн уул усны домог (Легенды Прихубсугулья) (на монг. яз.) Мурэн, 1972. С. 31–33)

Чингисхан

В далекие времена
Владыка Чингисхан,
Лично двинув тысячную облаву*,
Нацепив тысячу луков,

Ведя следом тысячу гончих,
Отправился на охоту.
По степям и равнинам рыская,
Ловил щенков соболей.
По белым степям рыская,
Ловил бело-пестрых барсов
И белых лисиц.
По гребням рыская,
Ловил рысей и антилоп.
На желтые барханы взбираясь,
Ловил желто-пестрых тигров.

Однажды на землю опустился туман, ни одного айла* не было видно, и пришлось заночевать в степи. Когда наступил вечер и [охотники], накормив тысячу гончих, выгнав тысячную облаву, сварив мясо лосей и антилоп, стали ужинать, вдруг появился старик с черным лицом и бородой в сажень длиной. Он сказал предводителю облавной охоты Чингису: «У меня есть несколько причин, по которым я обращаюсь к вам, Чингис. Меня зовут Баян-Хан-Мани*. Мне сто двадцать три года. Моей старухе сто семнадцать лет. Я — хан, хозяин всех диких зверей на земле. Скажу вам, Чингис, вот что. Все подданные мне антилопы и зайцы, олени и лисицы, барсы и тигры, все принадлежат мне. Я хочу часть из них выделить и поднести вам. Часть же соблаговолите оставить мне, даровав им жизнь! И еще, смилостивьтесь и позвольте испросить у вас, Чингис, земли, где бы олени паслись, луга, где бы они ходили!»

Чингис ответил: «Пусть твои звери гуляют по моим землям, где им заблагорассудится. А если ты будешь сам давать моим хорошим и дурным людям запасы мяса на прокорм летом и зимой, то с этих пор я не буду вообще убивать твоих зверей! Если же однажды ты не выделишь мне долю, то всех твоих зверей выловлю по одному, перебью без остатка, а потом разберусь и с тобой!»

На это Баян-Мани сказал: «Чингис, где бы вы ни остановились, я буду подносить вам мясо зверей, лучшие куски. Людям, которые вас сопровождают, буду подносить шкуры зверей! Согласны?»

Чингис ответил: «Да! Да! Согласен! Да ты сам можешь не подносить. Тот из моих людей, кто посильнее, пусть сам ловит зверей, сам ест мясо, сам надевает шкуры, назначает им цену и торгует!» Так они договорились и разошлись.

Назавтра Чингис встал рано утром, призвал своего

коричневорыжего коня, поднял всех своих людей, поел еды, попил питья и двинул свою тысячную охоту. Тогда созданные из разных разностей лисицы-демоны, бешеные антилопы, ведьмы и черти — все сами собой покорились ему и исчезли.

[Охотники] во главе с Чингисханом нацепили тысячу луков и пустили тысячу гончих. Проведя полдень на южных склонах гор Хоёр-Богдо, они пошли рыскать между холмов. Вдруг откуда-то выскочила и исчезла белая лисица-демон. Чингис увидел, куда она убежала, и пустил ей вслед свою тысячу рыжих гончих. Они гнали, не догнали. Гнали-гнали — пригнали к берегу реки Тугул, но лисица-демон увернулась и убежала. Опять погнали ее и пригнали к северному склону горы Муна*. Там она юркнула в одну большую нору и исчезла.

[Охотники] во главе с Чингисом спешились, стали раскапывать нору, пускать в нее дым, но [лисица] не появилась. [Они] испробовали все способы, рассердились, окружили нору со всех сторон, стали рассматривать ее и так и сяк, а [лисица] выскочила из норы на расстоянии трех сотен с лишком саженей и убежала.

Поскакали по ее следу, как вдруг им встретился рыжий старик с косматой головой. Чингис спросил: «Много ты видел зверей, лисиц и птиц на своем пути?»

Рыжий старик упер руки в бока, выпятил грудь и сказал: «А как вас зовут, охотник? Сколько за вами бежит гончих — всю степь заполнили, пасутся они, что ли? Как я, старик, посмотрю, вы ловите диких зверей в степи, как вам заблагорассудится. Охотитесь на степную дичь, гоняетесь за ними, так зачем же вам спрашивать у меня, старика по имени Гунгэ? Охотитесь — и охотьтесь! Зачем вам надо, чтобы я указывал на лисиц? Я не такой старик, который на своих диких зверей указывает и лишает их жизни!»

Чингис разгневался и стал браниться: «Я не только охочусь за степными лисицами и ловлю их, как мне вздумается, но и держу правление государством, как пожелаю! Я не позволю старому рыжему бродяге допрашивать себя! Да, я охочусь, взяв с собой тысячу гончих псов, но я хожу по земле, которая принадлежит мне самому! Я не хожу по земле, которая принадлежит тебе, дряхлому старику-бродяге!»

Тогда старик Гунгэ сказал: «Ах ты, старый охотник, поноси, поноси меня, встретившегося тебе на пути! А то, что ты упустил белую лисицу-демона, сбежавшую от тебя, ты понимаешь? Эх ты, дурной и безумный старик!»

Чингис после этих слов затопал ногами, нахмурил брови. «Ты, тощий рыжий старик-бродяга! Ты не знаешь обычаев!

Говоришь разные слова со мной, как с простым человеком, болтаешь со мной, как тебе захочется, меня допрашиваешь?»

Он вытащил свою тонкую белую пику и только собрался пронзить ею [старика] в самое сердце, как один рыжий гончий пес согнул ноги, будто кланялся, и завыл-заскулил. Чингис вздрогнул и посмотрел в сторону рыжего пса. Там в воздухе и ветре показалась какая-то надпись. Чингис отставил пику, притянул к себе послание. Там было написано: «Если смилуетесь и оставите жизнь этому тощему рыжему старику Гунгэ, хоть он на вид и рыжий бродяга, в конце концов его три сына помогут вам поймать лисицу-демона!»

Чингис прочитал и успокоился. «Ты, высокий старик-бродяга, должен был бы отдать мне свою жизнь! Но этот рыжий гончий пес просит за тебя. Он хороший пес, поэтому — куда деваться? — оставляю тебе жизнь!»

Старый рыжий бродяга упер руки в бока и сказал: «Среди всей вашей тысячной охоты этот пес лучше тебя, Чингис! Даже этот бессловесный пес и тот просит не убивать живого, как же могу я, старик, указать на лисицу и лишить ее жизни? Ладно, раз этот пес попросил оставить мне жизнь, не стану я, Чингис, больше говорить с тобой!» И он ушел, качаясь и спотыкаясь.

Чингис сильно удивился. Он сказал, сжав зубы: «На этот раз я тебя прощаю! Но если встретишься мне еще раз, я сдеру, старый бродяга, твою рыжую шкуру и сделаю из нее мешок для воды!»

Он поднял охотников и отправился в путь. Пока они шли, солнце село, и настало время располагаться на ночлег. Становясь лагерем, все говорили: «Надо непременно что-нибудь придумать, чтобы поймать эту лисицу-демона!» Так они заночевали.

Назавтра встали рано, подняли тысячную охоту, пошли на гору Муна и стали там рыскать по ущельям и лощинам. Сам Чингис поднялся на самую высокую вершину, выбил трубку о подошву сапога, наполнил ее табаком, ударил огнивом, зажег табак и закурил. Так он сидел, смотря по сторонам, как вдруг между гор появилась, напевая песню, прекрасная женщина в зеленом халате-дэли. Чингис пригляделся — она была очень хороша собой и нарядна. Судя по ее лицу, ей было семнадцать-восемнадцать лет. Чингису женщина очень понравилась. Он поманил ее рукой, и, когда она подошла, он увидел, что такой красавицы нет во всем государстве. Чингис воспылал к ней сердечной страстью и сказал: «Смотрю я на тебя, девушка, нрава ты кроткого и послушного. Если я тебе нравлюсь, пойдем в лагерь, распустим пояса и соединим наши печени!»*

Маленькая женщина ответила кокетливо: «У меня дурной нрав и безобразный лик. Не судьба мне соединить с вами,

охотник, печень. Негоже творить такое дурное дело!»

Чингис сказал: «Что дурного в соединении печени? У меня, старика, тает сердце от твоей красоты и кротости. Пойдем!» Он взял ее за руку и повел в лагерь.

Наступила ночь. Когда пришло время ложиться спать, откуда-то прибежали три маленьких мальчика. Они встали перед Чингисом и стали делать знаки — моргать глазами, что-то показывать пальцами.

Чингис сразу все понял. Он спросил у мальчиков: «Где ваш дом? Чьи вы дети?» Мальчики ответили: «Наши юрты стоят на западе, на востоке и посередине горы. Наш отец — бродяга по имени Гунгэ».

Чингис вспомнил и подумал: «Об этом же было написано во вчерашнем послании, появившемся над гончим псом. Эти мальчики наверняка пришли, чтобы помочь мне». Он дал детям сладостей и вышел их проводить. Три мальчика сказали: «Маленькая женщина, которая сидит рядом с дядюшкой охотником, это демон, который уже два-три года живет в здешних горах. В некоторые дни он оборачивается белой лисицей. В некоторые дни принимает вид красивой женщины и крадет человеческие души. А в некоторые дни становится чертом и пугает людей. Его никто не может изничтожить, вот какое это существо!»

Чингис, услышав эти слова, вытащил свой тонкий белый меч и протрубил в рог сигнал для всех. Все охотники в одно мгновенье оседлали лошадей и подняли тысячу псов. В это время Чингис, держа белый меч, заскочил в шатер и ударил со всей мочи женщину по голове. Она издала страшный вопль и исчезла. Чингис пустил за ней в погоню свою тысячную охоту и сам помчался во главе.

Прискакали они к южным склонам горы Хоёр-Богдо. [Чингис] закричал: «Куда теперь тебе бежать? Кончилось твое время, остановись!»

Небо заволокло облаками, зарычали громом драконы, забили молнии. Лисица-демон выскочила, повернулась. Чингис белым мечом ударил ее по голове. Часть шкуры с нее слезла и упала на землю. Земля засветилась. Чингис увидел это и испугался. Он тут же стал читать магические заклинания и дуть*. Тогда свет, угаснув, превратился в желто-зеленый волос. Он взял его и бросил в огонь. Вот тут-то волос превратился в кости белой лисицы-демона.

Чингис воткнул меч в это место и сказал: «Лисица-демон! Ты боролась со мной, убегала от меня, но теперь я тебя казнил!»

В это время из скелета поднялся демон ролон*. Три дня и три

ночи сражались они с Чингисом. Чингис стал уступать, силы его кончились. Он стал читать заклинания, отдав себя во власть Неба. С неба прямо в руки Чингису упали три золотых кольца. Чингис взял три кольца и приказал им с помощью чудесной силы: «Разбейте вдребезги голову этого рол она и сожгите его!» Он бросил кольца. Кольца ударили по голове ролона, поднялся огонь, и ролон сгорел дотла. После того, как демон был убит, Чингис прочитал чудесные заклинания, вернул кольца обратно, а мечом ударил в то место, где лежал ролон.

Чингис поднял свою тысячную охоту и вернулся домой, победив всех врагов-демонов в своем государстве. Потом он позвал к себе трех сыновей Гунгэ. Когда они пришли, Чингис поблагодарил их, рассказал всем о заслугах мальчиков и наградил их тремя высокими званиями: Дзун-гун (Восточный князь), Барун-гун (Западный князь) и Дунд-гун (Средний князь), поделив их земли на три хошуна.

Рыжему старому бродяге с запавшими глазами, так как тот бранил тысячу желтых гончих псов, Владыка отдал хошун Му-Мянган (Плохая тысяча) и посадил его там ноёном.

Старый бродяга и три его сына стали править каждый в своем хошуне и жить в счастье и благоденствии.

(Mostaert A. Text oraux Ordos. Peiping, 1937. P. 126–130)

Пятый месяц

Чингис как-то договорился воевать с Китаем в пятом месяце. Однако когда наступил второй месяц, он сказал: «А у нас уже пятый месяц!» Он устроил побоище, застигнув китайцев врасплох.

Китайцы думали, что война начнется в пятом месяце, не ждали ее и потерпели поражение. С тех пор говорят: после монгольского Белого месяца (Нового года по лунному календарю. — *А.М.*) идет сразу пятый месяц.

(Mostaert A. Text oraux Ordos. Peiping, 1937. P. 131)

Золотой кол

Когда Чингисхан отправлялся на охоту или на войну, он останавливался в таких местах, где было много хорошей травы. На ночь он не спутывал путами ноги коню, а, воткнув в землю «золотой кол», на длинной веревке привязывал к его ушку коня, так чтобы тот мог щипать траву. Однажды об этом узнал один дурной человек. Ночью он украл «золотой кол». За ним

погнались, поймали и привели. Один конец привязали к его телу и поставили вместо «золотого кола». С тех пор каждый год 21-го числа 6-го месяца, когда Владыке приносят жертву кобыльим молоком, одного человека из потомков того, который украл кол, ставят в специально вырытую яму. Затем засыпают ему ноги землей и сверху делают надпись.

Вот такой появился обычай. Человек, который каждый год становится «золотым колом», принадлежит хошуну Ордосского отока.

(Ordosica. Par Antoine Mostaert. C.I. C. M. Reprint from Bulletin N 9 (1934) of the Catholic University of Peking. P.73).

Почему ожидают отставшего всадника

У монголов существует такой обычай: если несколько человек едут вместе и конь одного всадника начинает мочиться, этот всадник дает об этом знать другим, и все должны остановиться и дождаться, пока лошадь справит свою нужду. Если это происходит днем, он просто говорит спутникам: «Конь мочится», а в сумерках или ночью дает сигнал к остановке постукиванием кнута по стременам.

Рассказывают, что воины Чингисхана однажды не подождали своего собрата, когда конь того остановился помочиться, и враги захватили несчастного воина. После этого и был введен порядок ожидать отставшего всадника.

(Эзэн богд Чингис хааны домог оршив (Легенды о Святейшем Владыке Чингисхане) (на монг. яз.) / Составление, редактирование и вступительная статья Х. Сампилдэндэв. Улаанбаатар, 1992)

Как Чингис завоевывал города

Когда Чингис вошел в местность Бортохой, что в Ордосе, там было тридцать три города, а в пригороде каждого — специальное место для устройства военного лагеря. Когда Чингис брал эти города, он сначала собирал воинов на этом плацу, а потом окружал город на большом расстоянии. Воины, проходя, каждый бросал в одно место перед городом горсть земли. Когда все воины проходили, Чингис подходил и смотрел на холм. Посмотрев, сколько земли, он узнавал, все ли воины прошли. После этого они подходили ближе к стене города, делали огромный сундук, накрывали им телеги, быков, людей и пускали сундук вперед. Телеги упирались в стену города, открывались двери в сундуке —

а в нем с той стороны, которая упиралась в стену, были двери — воины делали подкоп под стену, копали до середины, закладывали в подкоп порох, прокладывали шнур, заваливали, выходили, зажигали шнур, а сами с телегами отходили. Шнур загорался, догорал до пороха, порох взрывался и разрушал стену. Тогда нападали основными силами, некоторые бились, некоторые врывались в проход, и так занимали город.

(Mostaert A. Text oraux Ordos. Peiping, 1937. P. 126–130)

Переправа войска Чингисхана через Хатны-гол

В давние времена, когда Святейший Владыка Чингисхан ходил войной на запад в тибетский район Амдо сражаться с тангудским народом, он несколько раз проходил через ордосские земли и оставил среди монголов много легенд о своих замечательных походах.

Однажды Святейшему Владыке Чингисхану по дороге на горы Бор-Тохой надо было переправиться через реку Хатны-гол. Он отдал приказ немедленно перебросить войско и коней через реку. Но никто не знал, как в летнее время переправить огромное войско и коней через реку.

Главнокомандующий, который ни на шаг не отходил от Чингисхана, громким голосом объявил приказ: «В течение трех дней тремя путями переправить все войско и всех коней через реку Хатны-гол, спокойно и без суеты!»

Люди испугались трудной задачи. Говорят ведь: камень тяжел, приказ труден.

Вначале передовой отряд конного войска согнал к реке трехлетних быков и за три раза переправил их на другой берег, а затем за четыре раза переправил и четырехлетних быков. Верховых коней связали у переправы, каждый воин из отряда взял по два пузыря из бычьей брюшины, и вскоре все переправились через реку Хатны-гол.

Но все войско было так многочисленно, что его переправить через Хатны-гол спокойно и быстро было трудно. Но если срочно не переправить хотя бы не все войско, а только передовой отряд, могли произойти ни с чем не сравнимые трудности и опасности.

Появилась угроза нападения врага. Главнокомандующий войсками Чингисхана знал это и был начеку. Он [приказал] одному отряду конных войск связать из деревьев, привезенных с горы Муна, плоты и притащить их к реке с помощью быков. Так, сотни, тысячи и десятки тысяч конных воинов переправились вместе с Чингисханом через большую реку.

Воины-стрелки, прикрывавшие [армию] от коварного врага сзади, переправиться на плотах не успели. Что им оставалось делать? Они затянули удила у коней, схватились за их гривы и хвосты и, ныряя под воду, перебрались через быструю реку Хатны-гол.

Поэтому в Ордосе теперь есть обычай — во время Нового года (Белого месяца) готовить в масле пряники в виде плотов, ставить их в качестве новогоднего угощенья и потчевать гостей.

Коней же, участвующих в скачках, когда заводят в воду, оставляют в удилах, и только потом их тихонько снимают. До сих пор тамошние жители придерживаются этих и других интересных и редких обычаев.

(Ordos-un soyol-un ob. 1987. С. 6)

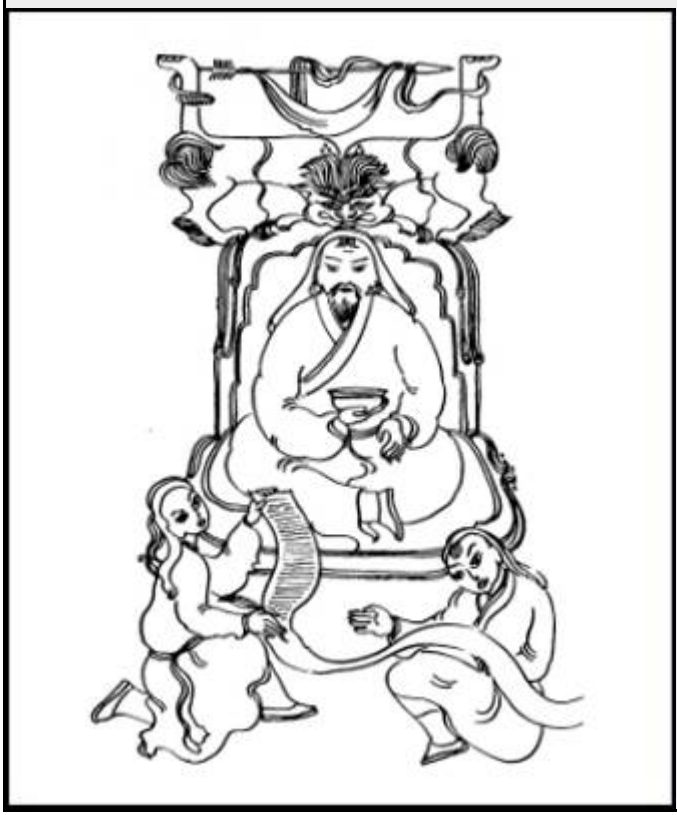
Могила Чингисхана

Говорят, что останки Чингисхана похоронили в гористой местности в верховьях Онона и Керулена. Тело его поместили в сандаловый гроб и закрепили тремя золотыми ремнями. Головой поместили в сторону восхода солнца.

Если когда-нибудь могила будет обнаружена, голова должна быть обращена в сторону восхода солнца. Говорят, что со стороны восхода солнца придет старик с бородой до пупка и на синем быке. Он-то и обнаружит останки.

(Авирмэд Г. газета «Улаан од», (на монг. яз.) № 25 (9170). 28.3.1990)

ТРЕТИЙ РАЗДЕЛ
«ВЕЛИКАЯ КНИГА ЯСЫ» И «БИЛИК» ЧИНГИСХАНА



«ВЕЛИКАЯ ЯСА», ИЛИ СКРИЖАЛИ ЧИНГИСХАНА

…1206 год. Как явствует из «Сокровенного сказания монголов», поставленная Тэмужином цель — объединение всех монгольских народов — была практически достигнута. «И воцарились тогда мир и спокойствие в улусе войлочностенном, и

в год Тигра у истока Онона собрался народ его на хуралдай, и воздвигли они белое девятибунчужное знамя свое, и провозгласили Тэмужина Чингисханом» [1]. «…В благодарность за это великое благодеяние, установив хорошие и твердые уставы, он счастливо воссел на престол» [2]. «Когда Чингисхан установил основные правила и наказания к ним и все передал письменно в книге, он дал наименование Ясы, или Ясака. Когда редакция книги была окончена, Чингисхан велел эти законы вырезать на стальных досках и сделал их кодексом для своей нации» [3].

«Хорошие и твердые уставы», о которых пишет Рашид ад-Дин, «основные правила и наказания к ним», о которых, в свою очередь, пишет Аль-Макризи, касались проведения важных реформ по укреплению собственной власти, армии и администрации, они заложили основу «нового имперского закона — Великой Ясы Чингисхана» [4].

До нас не дошел подлинный список «Великой Ясы», однако восточные авторы XIII–XV вв.: знаменитый персидский историк Рашид ад-Дин (1247–1318), не менее известный его соотечественник Джувейни (ум. 1283), арабский географ и историк Макризи (1364–1442), сирийский историк Григорий Абуль-Фарадж в своих произведениях утверждали, что такие списки существовали, цитировали отдельные фрагменты «Великой Ясы», пытались восстановить ее состав и структуру.

Основываясь на высказываниях Рашид ад-Дина и Макризи, можно с большой долей уверенности констатировать, что на Великом хуралдае в 1206 году были утверждены и первая редакция «Великой Ясы» и «Билик», свод важнейших изречений Чингисхана [5].

Следует подчеркнуть главенствующую роль Чингисхана в создании и формулировании нового имперского права — «Великой Ясы» и, естественно, «Билика». Для монголов этот свод законов и уставов был, по словам Г. В. Вернадского, «обобщенной мудростью основателя империи» [6].

Армянский историк Григор из Алканца записал историю появления «Ясы» на основе услышанного от монголов. Хотя ее нельзя рассматривать как точную в деталях, она адекватно передает дух отношения монголов к Чингисхану и делу его жизни.

Согласно Григору, когда монголы «осознали свое положение, весьма подавленные своей несчастной и бедной жизнью, они обратились к помощи Бога, Создателя неба и земли, и заключили с ним великое соглашение, повинуясь его повелениям. По приказанию Бога им явился ангел в виде орла с золотыми перьями и заговорил их собственной речью и языком с вождем,

которого звали Чанкез (Чингис)… Затем ангел сообщил им все повеления Бога… которые сами они называют ясак» [7].

Джувейни также рассматривал боговдохновенный разум Чингисхана как источник «Ясы». В своем сочинении «История завоевателя мира» (XIII в.) он писал: «Поелику Всевышний отличил Чингисхана умом и рассудком от его сотоварищей и возвысил его над царями мира по бдительности и могуществу, то он, без утомительного рассмотрения летописей и без докучного сообразования с древностями, единственно из страниц своей души изобретал то, что известно из обычаев гордых хосроев и что записано о порядках фараонов и кесарей, и из ума-разума своего сочинял то, что было связано с устройством завоевания стран и относилось к сокрушению мощи врагов и возвышению степени своих подвластных… Соответственно своему мнению, как оное того требовало, положил он для каждого дела законы и для каждого обстоятельства правило и для каждой вины установил кару, а как у племен татарских не было письма, повелел он, чтобы люди из уйгуров научили письму монгольских детей, а те ясы и приказы записали они на свитки, и называются они Великой Книгой Ясы» [8].

Помимо тех источников мудрости Чингисхана, о которых писали армянский и персидский историки, по-видимому, существовали и другие источники влияния со стороны. Подтверждение этому мы находим в монгольской летописи «Чандманийн эрх»: «По изгнании Алтан-хана хитайского и подчинении своей власти большей части китайцев, тибетцев и монголов Чингисхан, владея великим просветлением, так думал: законы китайцев тверды, тонки и непеременчивы, и при этой мысли, пригласив к себе из страны народа великого учителя письмен и восемнадцать его умных учеников, Чингисхан поручил им составить законы (йосон), из которых исходило бы спокойствие и благоденствие для всех его подданных, а особенно книгу законов (хууль ёсны билэг) для охранения правления его. Когда по составлении законы эти были просмотрены Чингисханом, то он нашел их соответствующими своим мыслям и составителей наградил титулами и похвалами» [9].

Эти строки подтверждают вывод Б. Я. Владимирцова о том, что «как «Билик», так и «Джасак» («Великая Яса») создавались им (Чингисханом) не в одно время, не сразу; они составлялись и пополнялись в течение долгого времени и были делом жизни Чингисхана…» [10].

При пересмотре и дополнении «Великой Ясы», по мнению Г. В. Вернадского, «принимались во внимание навыки и традиции китайской, уйгурской и иранской государственности… не без

влияния на «Ясу» осталась и христианская идея Вселенской империи» [11].

Так или иначе, в окончательной редакции «Великой Ясы», относящейся, по-видимому, к 1225–1226 гг., Чингисханом, со свойственной ему прозорливостью, была найдена «золотая середина»: с одной стороны, учтены и трансформированы для создавшихся новых условий древние предания, обычаи и воззрения своего рода, своего народа, монголо-тюркские традиции, с другой стороны, были учтены и «типологические особенности прилежащих государств — Цзинь, Уйгурии, Кара-Кидан, местные законы мусульманских тюркских правителей Ближнего Востока» [12].

Чингисхан предполагал дать монголам такие законы, которыми могли бы руководствоваться как его современники, так и потомки. Как пишет Рашид ад-Дин, Чингисхан дал наказ своим наследникам сохранять «Великую Ясу» неизменной: «…Если великие люди (государства), бахадуры (полководцы. — АМ.) и эмиры (нойоны. — АМ.)… не будут крепко держаться закона, то дело государства потрясется, будут страстно искать Чингисхана, но не найдут (его)» [13].

По всей видимости, сам Чингисхан представлял живое воплощение безусловного подчинения изданным им самим законам. И такой пример, подаваемый самим ханом, должен был оказать благотворное влияние на нравы всей монгольской администрации, что, в свою очередь, воспитывало народ в духе строгой законности.

Влияние этого законодательства на народные нравы подтверждается свидетельством посторонних наблюдателей. Плано Карпини в своей книге «История Монгалов» (XIII в.) так описывает «хорошие нравы татар»: «…Словопрения между ними бывают редко или никогда, драки же никогда, войн, ссор, ран, человекоубийства между ними не бывает никогда. Там не обретается также разбойников и воров… отсюда их ставки и повозки… не замыкаются засовами или замками… Женщины их целомудренны, и о бесстыдстве их ничего среди них не слышно…» [14].

Говоря о составе и структуре «Великой Ясы», а также о воспроизводимых ниже ее фрагментах, прежде всего подчеркнем, что впредь до открытия полного текста «Ясы» нет возможности установить первоначальный порядок отделов и статей подлинной «Ясы». Однако по публикуемым ниже фрагментам можно хотя бы приблизительно установить ее некоторые разделы и таким образом иметь основание судить о размахе правовой мысли их творцов — Чингисхана и его ближайших сподвижников.

Что касается «Билика», свода важнейших изречений, высказываний и наставлений Чингисхана, то он складывался постепенно еще с того времени, когда у монголов не было письменности.

Именно на это указывал один из крупнейших российских монголоведов Б. Я. Владимирцов: «Конечно, многое могло жить в устах его приверженцев и сподвижников из того, что они слышали и запоминали, что делалось особенно легко, потому что Чингисхан, как и все способные монголы той эпохи, был мастер свои мысли и изречения заключать в стихотворную форму, завещанную из дали веков, благодаря чему заветы предков лучше сохраняются у народа, не знающего письменности» [15].

Когда же при Чингисхане была воспринята и введена в широкий обиход уйгурская письменность, в свод изречений Чингисхана — «Билик» были внесены как передававшиеся из уст в уста его прежние изречения, так и новые высказывания Чингисхана. Фрагменты «Билика» дошли до нас благодаря «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина; некоторые его фрагменты включил в «Золотой изборник» Лубсан Данзан.

Монголы в эпоху Чингисхана придавали «Билику» такое же огромное значение, как и «Великой Ясе». Свидетельства тому мы находим в «Истории династии Юань» («Юань ши») и в книге «Путешествия Ибн-Батуты». Согласно этим источникам, потомки и сподвижники Чингисхана, возглавлявшие все улусы Великой Монгольской империи, на ежегодных хуралдаях (собраниях. — А.М.) вновь и вновь прослушивали мудрые высказывания Чингисхана, свидетельствуя тем самым о своем беспрекословном следовании «Великой Ясе».

А. Мелёхин

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сокровенное сказание монголов. Донецк. Сталкер, 2001. С. 168.

2. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: Ладомир, 2002. Т. 1. Кн. 2. С. 135.

3. Цит. по кн.: Хара-Давана Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста, 1991. С. 145.

4. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. — Тверь. Москва.: ЛЕАН, Аграф, 1997. С. 38.

5. По мнению Э. Хара-Давана, следует говорить о «Большом Джасаке», который включал два крупных раздела: «Билик» —

сборник «Изречений» самого Чингисхана, и собственно «Джасак» (Яса) — свод положительных законов, военных и гражданских, обыкновенно с установлением соответствующих кар за их неисполнение (Хара-Даван Э. Указ. соч. С. 60–61).

6. Вернадский Г. В. Указ. соч. С. 107.

7. Цит. по кн.: Хара-Даван Э. Указ. соч. С. 61.

8. Цит. по кн.: Груссе Р. Чингисхан — покоритель вселенной. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 250–251.

9. Цит. по кн.: Хара-Даван Э. Указ. соч. С. 61.

10. Цит. по кн.: Чингисхан. Спб.: Лань, 2000. С. 146.

11. Вернадский Г. В. О составе Великой Ясы Чигисхана. Брюссель, 1939. С. 7, 34.

12. Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Тверь — Москва.: ЛЕАН, Аграф, 1997. С. 114.

13. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: Ладомир, 2002. Т. 1. Кн. 2. С. 260.

14. Плано Карпини Джованни дель. История монгалов. М.: Мысль, 1997. С. 40.

15. Цит. по кн.: Чингисхан. Спб.: Лань, 2000. С. 148–149.

I. «ВЕЛИКАЯ ЯСА»

Фрагменты «Великой Ясы» из сочинения А. М. Джувейни «История завоевателя мира» *

О порядках, заведенных Чингисханом

после его появления, и о ясах, кои он повелел*

Поелику Всевышний отличил Чингисхана умом и рассудком от его сотоварищей и возвысил его над царями мира по бдительности и могуществу, то он без утомительного рассмотрения летописей и без докучного сообразования с древностями единственно из страниц своей души изобретал то, что известно из обычаев гордых хосроев и что записано о порядках фараонов и кесарей, и из ума-разума своего сочинял то, что было связано с устройством стран и относилось к сокрушению мощи врагов и к возвышению степени своих подвластных…

Соответственно своему мнению, как оно того требовало, положил он для каждого дела законы и для каждого обстоятельства правило и для каждой вины установил кару. А так как у племен татарских (монгольских. — *А.М.*) не было письма, повелел он, чтобы люди из уйгуров научили письму монгольских детей, и те ясы и приказы записали они на свитки, и называются они их Великой Книгой Ясы. Лежит она в казне доверенных царевичей, и в какое время станет хан на трон садиться или посадит [на конь] войско великое, или соберутся царевичи и станут советоваться о делах царства и их устроении, те свитки приносят и по ним кладут основу дел; построение ли войска, или разрушение стран и городов по тому порядку выполняют.

Чингисхан.

Из коллекции дворцовых портретов

монгольских императоров династии Юань

В ту пору, как зачиналось его дело, и племена монгольские к нему присоединились, отменил он дурные обычаи, что соблюдались теми племенами и признавались ими, и положил похвальные обычаи, коим всепрославленный им путь указует, и много среди тех приказов есть, что соответствует шариату.

СОДЕРЖАНИЕ ВЕЛИКОЙ КНИГИ ЯСЫ

I

В тех указах, что рассылал он по окружным странам, призывая их к повиновению, он не прибегал к запугиванию и не усиливал угроз, хотя правилом для властителей было грозиться множеством земель и мощностью сил и приготовлений. Наоборот, в виде крайнего предупреждения он писал единственно, что если [враги] не смирятся и не подчинятся, то «мы-де что можем знать. Древний Бог (Небо. — *А.М.*) ведает». В сем случае вспадает на ум размышление о слове тех, что полагаются на Бога: Рече Господь Всевышний: кто на Бога положится, то ему и довлеет, и всенепременно, что они в сердце своем ни возымели и чего ни просили, — все нашли и всего достигли.

II

Поелику Чингисхан не повиновался никакой вере и не следовал никакому исповеданию, то уклонялся он от изуверства, и от предпочтения одной религии другой, и от превозношения одних над другими. Наоборот, ученых и отшельников всех толков он почитал, любил и чтил, считая их посредниками перед Господом Богом, и как на мусульман взирал он с почтеньем, так христиан и идолопоклонников (буддистов. — *А.М.*) миловал. Дети и внуки его, по нескольку человек, выбрали себе одну из вер по своему влечению: одни наложили ислам [на выи свои], другие пошли за христианской общиной, некоторые избрали почитание

идолов, а еще некоторые соблюли древнее правило дедов и отцов и ни на какую сторону не склонились, но таких мало осталось. Хоть и принимают они [разные] веры, но от изуверства удаляются и не уклоняются от Чингисхановой Ясы, что велит все толки за один считать и различия меж ними не делать.

III

И еще у них похвальный обычай, что закрыли они двери чинопочитания, похвальбы званиями и [воспретили] крайности самовозвеличения и недоступности, кои в заводе у счастливцев судьбы и в обычае царей. Кто ни воссядет на ханский престол, одно имя ему добавляют — Хан или Каан, и только. Более сего не пишут, а сыновей его и братьев зовут тем именем, что наречено им при рождении, будь то в лицо или за глаза, будь то простые или знатные. Когда пишут обращения в письмах, одно то имя пишут и между султаном и простолюдином разницы не делают. Пишут только суть и цель дела, а излишние звания и выражения отвергают.

IV

Ловитву (облавная охота. — *А.М.*) Чингисхан строго содержал, говорил, что-де лов зверей подобает военачальникам: тем, кто носит оружие и в боях бьется, надлежит ему обучаться и упражняться (дабы знать), когда охотники доспеют дичь, как вести охоту, как строиться и как окружать дичь, по числу людей глядя.

Когда соберутся на охоту, пусть высылают людей на дозор и осведомляются о роде и числе дичи. Когда не заняты военным делом, пусть непременно ревнуют об охоте и войско к тому приучают. Цель не только сама охота, а больше то, чтобы воины привыкали и закалялись и осваивались со стрелометанием и упражнением.

А как двинется хан на великий лов — срок ему: едва наступит зимняя пора, — то рассылает приказы, чтобы те войска, что находятся в средоточии ставки и по соседству с ордами, готовились к лову, чтобы, как указано будет, столько-то людей из десяти садилось на конь, и чтобы сообразно каждому месту, где будет охота, собрали они снасти, оружие и все другое.

Тогда определяет [хан] правое и левое крыло и середину, распределяет их между великими эмирами (нойонами. — *А.М.*), а

[сам] выступает с катунями (ханшами. — *А.М.*), наложницами, яствами и питиями.

Кольцо для лова охватывается за месяц либо за два-три месяца, и зверя сгоняют постепенно и полегоньку, и берегутся, чтобы он не вышел за кольцо. А ежели каким разом выскочит зверь из круга, то станут обсуждать и расследовать причину до последней мелочи и бьют на том деле палками тысяцких, сотников и десятников, часто случается, что и до смерти убивают.

И ежели, к примеру, кто не соблюдает строя, что зовется у них нерге, и выступят из него либо отступят от него, наказание ему великое и спуску нет.

Таким чином два-три месяца денно и нощно гонят они дичь, как будто стадо баранов, и шлют послов к хану и дают ему сведения о звере и о его числе, что-де докуда достиг и откуда спугнут, пока наконец не сомкнется кольцо. Тогда на два-три фарсаха по-навяжут вервий одно к одному и понабросают [на них] войлок*.

Войско стоит на местах, плечо к плечу, а дичь внутри круга голосит и волнуется, и разные звери мычаньем и воем выражают, что-де пришло возвещенное время, когда соберутся купно звери: тигры свыкаются с дикими ослятами, гиены содружаются с лисами, и волки собеседуют с зайцами.

Когда стеснится кольцо до крайности, так что не станет мочи двигаться диким зверям, сперва хан с несколькими приближенными въедет в круг и с час времени пускает стрелы и разит дичь, а как прискучит ему, сойдет наземь на высоком месте среди нерге, чтобы полюбоваться и тем, как въедут царевичи, а за ними по порядку воины, начальники и простой люд.

Таким родом пройдет несколько дней, пока из дичи не останется ничего, кроме одиночек или парочек, раненых и разбитых.

Тогда удрученные годами старики смиренно подступят к хану, вознесут мольбу и заступятся за продление жизни остатков зверья, чтоб выпустили его через то место, где ближе до воды и травы. Всю дичь, что побита была, собирают, и коль нельзя счесть, исчислить и перечислить разных пород зверья, считают токмо хищных зверей да диких ослов. Друг один сказывал, что в дни царствования Каана (Угэдэя) таким путем одной зимой охота была, и Каан, ради любования и развлечения, сидел на холме. Звери всех родов устремились к его трону и под холмом подняли крики и вопли, словно просили справедливости.

Каан приказал всех зверей выпустить и отъять от них руки насилия. Он же приказал, чтобы посреди страны Хатайской (Китай. — *А.М.*), в месте зимовий, была построена стена из дерева

и земли, и на ней двери (ворота. — *А.М.*), чтобы из дальних мест собиралось туда зверей множество, и чтобы таким путем на них охотились. Тоже и в пределах Цагадаева Алмалыка да Куяша он устроил такое же место для охоты. (Не) таковы ли суть и обычаи войны, убиения, счета убитых и пощады остающихся; таковы они шаг за шагом, ибо то, что оставляется в живых в (покоренных) странах, состоит из бедняков, немногих числом, и немощных.

V

Что до устройства войска, то от времен Адамовых до сего дня, когда большинство климатов (стран) находится под владычеством и в повиновении рода Чингисханова, ни в какой истории не вычитано и ни в какой книге не написано, чтобы когда-либо какому-нибудь царю, бывшему господином всех народов, удалось иметь войско, подобное татарскому, которое терпеливо в трудностях и благородно в спокойствии, которое в радости и несчастии одинаково покорно полководцу, не из-за чаянья жалованья и корма (нареза земли) и не из-за ожидания прибытка и дохода, — и сие есть наилучший порядок для войска. Львы, пока не взалкают, не идут на ловитву и не нападают ни на какого зверя. В пословицах персидских говорится, что «от сытой собаки охоты нет», и сказано есть: неволь гладом пса твоего, да пойдет за тобою.

Какое войско в мире может быть, как татарское, что (даже) среди (ратного) дела охотится для одоления и презрения диких зверей; в дни покоя и досуга ведет себя, как баранье стадо, приносящее молоко, шерсть и многую пользу; а среди трудов и несчастий свободно от разделения и супротивности душ. Войско наподобие крестьян, что несут разные [повинности] поставок и не высказывают докуки при выполнении того, что приказано, будь это копчур (налог, дань, оброк), аваризы (дополнительные сборы), расходы на проезжих, содержание ямов*, предоставление подвод, заготовка корма для животных.

Крестьяне в образе войска, что во время ратных дел от мала до велика, от знатного до низкого — все рубят саблями, палят из луков и колют копьями и идут на все, что в ту пору потребуется.

Коль возникает опасение войны от врагов или козней от бунтовщиков, они заготовляют все, что в том случае пригождается: разное оружие и другое снаряжение, вплоть до знамен, иголок, веревок, верховых и вьючных животных, ослов и верблюдов. Таким образом, по десяткам и сотням, каждый выполняет свою повинность, а в день смотра предъявляют они

снаряжение, и если хоть немного не хватит, то такому человеку сильно достается, и его крепко наказывают. И хотя бы они находились среди самого сражения, все, что потребуется на разные расходы, через них достается.

Что до женщин их и людей, оставшихся при грузах (в обозе. — *А.М.*) или дома, то поставки (взносы), что производились, пока сам человек (мужчина. — *А.М.*) был дома, остаются в силе, до того, что если случайно повинностью того одного человека будет его личная помочь (в значении барщины), а мужчины не окажется, то женщина [того двора] выйдет лично и выполнит дело.

Места смотра и учета войска так устроены, что через них уничтожена необходимость смотрового приказа*, и служащие такового и их помощники уволились.

Все люди разделены на десятки, в каждой десятке один человек назначен начальником других девяти; из среды десяти начальников одному дано имя сотника, и вся сотня ему подчинена. Таким родом дело идет до тысячи и достигает десяти тысяч, над которыми поставлен начальник, называемый темником. В сем соответствии и распорядке, какое дело ни возникнет, потребуется ли человек или вещь, дело передается темнику, этим последним — тысяцкому, и так далее до десятника.

Для равенства: каждый человек трудится, как другой; разницы не делают и на богатство и поддержку не смотрят. Если вдруг понадобится войско, то приказывается: «столько-то тысяч нужно в такой-то час», и в тот день или вечер они являются в том месте. Не замедляют ни часа, ниже упреждают его*, и ни на мгновение ока не случается у них спешки или проволочки.

Повиновение и послушание таковы, что, если начальник тьмы*, будь он от хана на расстоянии, отделяющем восток от запада, — совершит промах, [хан] шлет конного, чтобы наказать его, как будет приказано: прикажут «голову снять» — снимут, захотят золота — возьмут.

Не то, что другие цари, которым приходится говорить с опаскою с рабом, купленным за их же деньги, как только в конюшне его окажется десяток коней. Что уж и говорить о том, коль поставят они под начальство этого раба целое войско и он приобретет богатство и поддержку. Сменить его они не в силах. Чаще всего восстает он мятежом и бунтом. А коль пойдут цари эти на врага либо враг затеет что-то против них, нужны месяцы и годы, чтобы собрать войско, и переполненные сокровищницы, чтобы истратить их на жалованья и кормы начальников. При получке жалованья и прибавок их число переваливает за сотни и

за тысячи, а как дойдет до сражения, ряды их от края до края пусты и никто из них не вступает на ристалище битвы.

Так раз шел счет с пастухом. «Сколько баранов налицо оказалось?» — говорил счетчик, а пастух спрашивает: «Где?» Говорят: «В приказных списках». Пастух отвечает: «Потому я и спрашивал; в стаде их нет». Это верная притча для войска [тех царей], ибо каждый начальник, для увеличения отпуска жалованья, поименно, говорит, столько-то у меня людей, а как дойдет до смотра, подставляет одного за другого, чтобы счет вышел верен.

VI

А еще яса такая: чтобы никто из тысяч, сотен или десятков, к которым он приписан, не смел уходить в другое место или укрываться у других, и никто того человека не должен к себе допускать, а если кто-либо поступит вопреки этому приказу, то того, кто перебежит, убьют всенародно, а того, кто его укрыл, ввергнут в оковы и накажут. Посему никто чужого к себе допускать не может. К примеру, если будет царевич, то и наималейшего звания человека к себе не пустит и от нарушения ясы воздержится. Всеконечно, никто не может перед своим начальником зазнаваться, а другие не смеют его совращать.

VII

И еще: где в войске найдутся девицы луноподобные, их собирают и передают из десятков в сотни, и всякий делает свой особый выбор вплоть до темника. После выбора девиц ведут к хану или царевичам и там сызнова выбирают: которая окажется достойна и на вид прекрасна, той возглашается: удержать по законности, а остальным: уволить по-хорошему, и они поступают на службу к катуням (ханшам. — *А.М.*); захотят хан и царевичи — дарят их, захотят — спят с ними.

VIII

И еще: когда удлинилось и расширилось протяжение их царства, и стали случаться важные события, невозможно стало без сообщений о положении врагов. Приходилось также перевозить ценности с запада на восток и с дальнего востока на запад.

Посему учреждены ямы чрез всю ширь и длину страны, и определены припасы и расходы по каждому яму, положено число людей и животных и [количество] яств, питий и прочего снабжения, и произведена раскладка на тьмы (тумэны. — *А.М.*): по одному яму на две тьмы, чтобы раскладка была по числу и чтобы сборы были взысканы, дабы путь проезда послов не удлинялся из-за [неудобства] посадки на перекладных и дабы ни войско, ни крестьяне не терпели постоянного беспокойства.

И послам он дал строгие приказы беречь животных и все другое… Ежегодно ямы должны осматриваться: коль будет какой недостаток или убыль, надо брать замену с крестьян.

IX

А как стали страны и люди под [монгольским] владычеством [жить], по установленному положению введены [среди них] переписи и назначены титла десятков, сотен и тысяч, и определены набор войска, ямская [повинность], расходы [на проезжих] и корм для скота, не считая денежных [сборов], да сверх всех этих тягот наложили еще копчур (оброк. — *А.М.*).

X

А еще такой у них порядок, что коль умрет чиновник либо простолюдин, что после него останется, много ли, мало ли, — прицепки не делают, и никто не вмешивается. Коль не было у покойного наследника, дают [имущество] его ученику либо холопу, и ни под каким видом добро умершего не берут в казну и считают это недопустимым.

Заключение

И много есть еще подобных яс. Каждую описывать долго будет. На этом и покончим.

*Фрагменты «Великой Ясы» из Сирийской «Летописи» Григория Аб-улъ-Фараджа**

О законах, постановленных Чингисханом

Поелику у монголов не было письменности, Чингисхан повелел уйгурским грамотеям обучить письму татарских (монгольских. — *А.М.*) детей. И посему монгольские слова пишут уйгурскими буквами, так же как египтяне [пишут] греческими буквами, а персы — арабскими. И он также повелел записать следующие постановленные им законы.

I. Когда нужно писать бунтовщикам или отправлять к ним послов, не надо угрожать надежностью и множеством своего войска, но только объявить: если вы подчинитесь, обретете доброжелательство и покой. Если вы станете сопротивляться — что мы знаем? Бог всевечный знает, что с вами будет. И в этом они (монголы) показали уверенность, возложенную ими на Господа. И этим они побеждали и побеждают.

II. Должно возвеличивать и уважать чистых, невинных, праведных, грамотеев и мудрецов какого бы то ни было племени, а злых и неправедных презирать. И видя между христианами чистоту и другие добродетели, монголы в начале своего владычества много возлюбили христиан. Но любовь их позже обратилась в ненависть, они не могли больше одобрять христиан, потому что всем множеством народа сделались они мусульманами.

III. Царям и знати не надо давать многообразных, цветистых имен, как это делают другие народы, в особенности мусульмане. Тому, кто на царском троне сидит, один только титул приличествует — Хан или Каан. Братья же его и родичи пусть зовутся каждый своим первоначальным [личным] именем.

IV. Когда нет войны с врагами, пусть предаются делу лова — учат сыновей, как гнать диких животных, чтобы они навыкали к бою и обретали силу и выносливость и затем бросались на врага, как на диких животных, не щадя [себя].

V. Воины берутся не ниже 20 лет от роду. Да будет поставлен начальник над каждым десятком, сотней, тысячей и тьмой.

VI. Весь народ монгольский да содержит хана из ежегодных достатков своих, [уделяя ему] коней, баранов, молока, также от шерстяных изделий.

VII. Никто да не уходит из своей тысячи, сотни или десятка, где он был сосчитан. Иначе да будет казнен он сам и начальник той (другой) части, который его принял.

VIII. От каждых двух тем (тумэнов. — *А.М.*) лошади должны быть поставлены (в распоряжение ямов. — *А.М.*) по всем дорогам для проезда послов.

IX. Из имущества умершего, у коего нет наследника, хан ничего да не возьмет, но его имущество все дается тому, кто за ним ходил.

Много у монголов и других законов, но, чтобы не удлинять изложения, мы только эту часть отметили.

*Фрагменты «Великой Ясы» по версии Алъ-Макризи**

1. Прелюбодей предается смерти без всякого различия, будет ли он женат или нет.

2. Кто повинен в содомии, тот также наказывается смертью.

3. Кто лжет с намерением или волхвованием, или кто подсматривает за поведением другого, или вступается между двух спорящих и помогает одному против другого, также предается смерти.

4. Тот, кто мочится в воду или на пепел, также предается смерти*.

5. Кто возьмет товар и обанкротится, потом опять возьмет товар и опять обанкротится, потом опять возьмет и опять обанкротится, того предать смерти после третьего раза.

6. Кто даст пищу или одежду полоненному без позволения полонивших, тот предается смерти.

7. Кто найдет бежавшего раба или убежавшего пленника и не возвратит его тому, у кого он был в руках, подвергается смерти.

8. Когда хотят есть животное, должно связать ему ноги, распороть брюхо и сжать рукой сердце, пока животное умрет, и тогда можно есть мясо его; но если кто зарежет животное, как режут мусульмане, того зарезать самого.

9. Если кто-нибудь в битве, нападая или отступая, обронит свой вьюк, лук или что-нибудь из багажа, находящийся сзади его должен сойти с коня и возвратить владельцу упавшее; если он не сойдет с коня и не возвратит упавшее, то предается смерти.

10. Он (Чингисхан) постановил, чтобы на потомков Алибека, Абу-Талеба всех до единого не были наложены подати и налоги, а также ни на кого из факиров, чтецов Аль-Корана, законодавцев, лекарей, мужей науки, посвятивших себя молитве и отшельничеству, муэдзинов и омывающих тела покойников не были налагаемы подати и налоги.

11. Он постановил уважать все исповедания, не отдавая предпочтения ни одному. Все это он предписал, как средство быть Угодным Богу.

12. Он запретил своему народу есть из рук другого, пока предоставляющий сначала не вкусит сам от предлагаемого, хотя бы он был князь (эмир), а получающий — пленник; он запретил им есть в присутствии другого, не пригласив его принять участие в еде; он запретил насыщаться одному более товарищей и шагать

через огонь трапезной и через блюдо, с которого едят.

13. Если кто проезжает подле людей, когда они едят, он должен сойти с лошади, есть с ними без позволения, и никто из них не должен запрещать ему это.

14. Он запретил им опускать руку в воду и велел употреблять что-нибудь из посуды для черпания воды.

15. Он запретил им мыть их платье в продолжение ношения, пока совсем не износится.

16. Он запретил говорить о каком-нибудь предмете, что он нечист, утверждал, что все вещи чисты, и не делал различия между чистыми и нечистыми.

17. Он запретил им оказывать предпочтение какой-либо из сект, произносить слово с эморазисом, употребляя почетные названия, и при обращении к султану или к кому другому должно употреблять просто его имя.

18. Все воеводы обязаны делать лично осмотр войску и вооружению до выступления в поход, предоставлять им все, с чем воин совершает поход, и осматривать все до иголки и нитки. Если у воина не оказалось какой-либо нужной вещи, начальник должен наказать его. Вооружение (легкое!) и обмундирование воин должен делать за свой счет.

19. Он предписал, чтобы женщины, сопутствующие войскам, исполняли труды и обязанности мужчин в то время, как последние отлучались на битву.

20.. Он приказал воинам по возвращении из военного похода исполнять определенные повинности на службе правителя.

21. Он предписал им предоставлять в начале каждого года всех своих дочерей султану (хану), чтобы он выбрал для себя и для своих детей.

22. Он поставил эмиров (беков) над войсками и учредил эмиров тысячи, эмиров сотни и эмиров десятка.

23. Он узаконил, что старейший из эмиров, когда он простудится и государь пошлет к нему последнего из служителей для наказания его, отдавал себя в руки последнего и распростирался бы пред ним, пока он исполнит предписанное государем наказание, хотя бы то было лишение живота.

24. Он запретил эмирам (военачальникам) обращаться к кому-нибудь, кроме государя, а если кто-нибудь обратится к кому-нибудь, кроме государя, того предавал смерти; кто без позволения переменит пост, того предавал смерти.

25. Он предписал султану учреждение постоянных почт, дабы знать скоро о всех событиях в государстве.

26. Он предписал наблюдать за исполнением Ясы сыну своему Цагадаю.

*Фрагменты «Великой Ясы» по Г. Лэмбу**

1. Повелеваем всем веровать в Единого Бога, Творца неба и земли, единого подателя богатства и бедности, жизни и смерти по Его воле, обладающего всемогуществом во всех делах.

2. Запрещено под страхом смерти провозглашать кого-либо императором, если он не был предварительно избран князьями, ханами, вельможами и другими монгольскими знатными людьми на общем совете.

3. Запрещается главам народов и племен, подчиненных монголам, носить почетные титулы.

4. Запрещается заключать мир с монархом, князем или народом, пока они не изъявили полной покорности.

5. Правило подразделения войск на десятки, сотни, тысячи и тьмы (десять тысяч) должно быть сохранено. Этот порядок позволяет собрать армию в короткое время и формировать командные единицы.

6. Ко времени начала похода каждый воин должен получить оружие из рук начальника, которому он подчинен. Он обязан содержать его в исправности и перед сражением предъявлять на смотр своему начальнику.

7. Запрещается под страхом смерти начинать грабеж неприятеля, пока не последует на то разрешение высшего командования, но по воспоследованию такового солдат должен быть поставлен в одинаковые условия, и ему должно быть позволено взять, сколько он может унести, при условии уплаты сборщику причитающейся императору доли.

8. Всякий, не участвующий лично в войне, обязан в течение некоторого времени поработать на пользу государства без вознаграждения.

9. Ни один подданный империи не может иметь монгола в качестве раба. Каждый мужчина, за редким исключением, обязан служить в армии.

10. Чтобы не допустить бегства чужеземных рабов, запрещается под страхом смерти скрывать беглых рабов, кормить их.

11. Прелюбодеяние наказывается смертью. Виновные в таковом могут быть убиваемы на месте преступления.

12. Воспрещается купаться или стирать одежду в проточной воде во время грозы.

13. Шпионы, лжесвидетели, все люди, подверженные постыдным порокам, и колдуны приговариваются к смерти.

14. Должностные лица и начальники, нарушающие долг службы или не являющиеся по требованию хана, подлежат

смерти. Если их проступок не очень серьезный, то они должны лично предстать перед ханом.

*Фрагменты «Великой Ясы» по другим источникам**

ИЗ КНИГИ ПЕРСИДСКОГО ИСТОРИКА XV В. МИРХОНДА «РАВДАТУ-С-САФА»

«От убийства (казни за преступление) можно отпуститься пенею, заплатив за мусульманина сорок золотых монет (барыш), а за китайца рассчитывались одним ослом».

«Он предписал солдат наказывать за небрежность; охотников, упустивших зверей в облаве, подвергать наказанию палками, иногда и смертной казни».

ИЗ КНИГИ ИБН-БАТУТЫ «ПУТЕШЕСТВИЯ ИБН-БАТУТЫ» (ПАРИЖ: ИЗД. ДЕФРЕМРИ, 1853–1858. II. С. 364)

«Тот, у кого найдется украденная лошадь, обязан возвратить ее хозяину с прибавкой девяти таких же лошадей; если он не в состоянии уплатить этого штрафа, то вместо лошадей брать у него детей, а когда не было и детей, то самого зарезать, как барана».

ИЗ «ИСТОРИИ МОНГОЛОВ ИНОКА МАГАКИИ»

(СПБ., 1871. С. 14)

«Яса предписывает: любить друг друга, не прелюбодействовать, не красть, не лжесвидетельствовать, не быть предателем, почитать старших и нищих; за нарушение — смертная казнь».

ИЗ РАЗНЫХ ИСТОЧНИКОВ

«Чингисова Яса предписывает: человека, подавившегося пищей, протаскивать под [решетчатой стенкой] ставки и немедленно убивать, равным образом предавать смерти, кто ступил ногой на порог ставки воеводы».

«По смерти отца сын распоряжается судьбою его жен, за исключением своей матери; может жениться на них или выдать их замуж за другого».

«Строжайше воспрещается пользоваться чем-либо из вещей покойного, за исключением законных наследников».

II
«БИЛИК»

Фрагменты биликов из «Сборника летописей»* Рашид ад-Дина

Чингисхан сказал: «Дети их не слушали нравоучительных речей отцов; младшие братья не обращали внимания на слова старших; муж не имел доверия к жене, а жена не следовала повелению мужа, свекры смотрели неблагосклонно на невесток, а невестки не уважали свекров, большие не воспитывали малых, а малые не соблюдали наставления старших; вельможи замкнулись в своем окружении, а не привлекали к себе людей вне их ближайшего окружения; люди богатые пользовались всеми благами, но не делали состоятельными людей, которыми они управляли; они не почитали Ёс*, Ясу* и путь разума. По этой причине у такого народа [были] враги, воры, лжецы, возмутители и разбойники. Такому народу в собственном их стойбище не являлось солнце, т. е. его грабили, лошади их не имели покоя; лошади, на которых отправлялись в поход передовые отряды, не имели отдыха, поэтому вскоре неизбежно умирали, сдыхали, сгнивали и уничтожались. Таково [было] это племя (монголов. — *А.М.*) без порядка, без смысла.

Когда явилось счастье Чингисхана, они пришли под его приказ, и он управлял ими посредством твердо установленного Ясака. Тех, которые были сведущие и храбрые, сделал командующими войском; тех, которые были проворны и ловки, сделал табунщиками; невежд, дав им небольшую плеть, послал в пастухи.

По этой-то причине дело его, словно новый месяц, возрастает изо дня в день, от Неба, силою Всевышнего Бога, нисходит победоносная помощь, а на земле, помощью его, явилось благоденствие; летние кочевья (летовки. — *А.М.*) его стали местом веселья и пиров, а зимние стойбища стали полностью соответствующими своему назначению.

Когда с благоволения Великого Бога я уразумел и обрел эти мысли (билики. — *А.М.*), то по этой причине спокойное житие, веселые празднества и пиры продолжались и достигли до сего времени.

В дальнейшем, и через пятьсот и тысячу, и десять тысяч лет, если наши потомки, которые родятся и займут мое место, сохранят и не изменят таковой Ёс и Ясу Чингисхана, который для народа ко всему пригоден, то от Неба придет им помощь благоденствия, непрерывно они будут в веселье и радости. Господь взыщет их пожалованием и милостями, а люди мира будут молиться за них. Они (наследники Чингисхана. — *А.М.*) будут жить долго и наслаждаться благами».

Еще он сказал: «Если вельможи, богатыри и военачальники, находящиеся на службе у детей Ханов, которые наследуют мне, не будут крепко соблюдать Ясу, то дело государства испытает потрясение и прервется. Опять будут охотно искать Чингисхана и не найдут».

Еще он сказал: «Военачальники тумэна, тысячи и сотни, съезжающиеся выслушать наши мысли в начале и в конце года и возвращающиеся назад, могут начальствовать войском; состояние тех же, которые сидят в своем юрте* и не слышат мыслей наших, походит на камень, упавший в большую воду, или на стрелу, пущенную в заросли тростника: они оба бесследно исчезнут. Таким людям не подобает командовать».

Еще он сказал: «Всяк, кто может достойно содержать свой дом и хозяйство, сможет верно распоряжаться и во вверенном ему уделе; всякий, кто может выстроить как подобает к бою десять человек, прилично дать тому тысячу и тьму воинов (тумэн. — *А.М.*), и он сможет выстроить их к бою так же хорошо».

Еще он сказал: «Всякий, кто может очистить свою душу от скверны, тот сможет очистить от воров и вверенный ему удел».

Еще он сказал: «Всякого военачальника, который не может

выстроить к бою свой десяток, того мы делаем виновным с женой и детьми, и выбираем в командиры кого-нибудь из его десятка. Так же [поступаем] с сотником, тысячником и темником».

Еще он сказал: «Всякое слово, с которым согласились трое мудрецов, можно сказывать всюду; в противном случае нельзя полагаться на него. Сравнивай слово свое и слово других со словами истинно мудрых: если оно будет им соответствовать, то можно его сказывать, в противном же случае никак не должно говорить».

Еще он сказал: «Всякий идущий к старшему, не должен говорить ни слова, до того времени, пока тот старший не спросит; тогда сообразно вопросу пусть младший ответит соответственно. Если он скажет слово прежде, хорошо, коли его захотят услышать. В противном же случае, он кует холодное железо».

Еще он сказал: «Всякую лошадь, будучи в теле, бегущую хорошо, можно назвать хорошей, если она побежит так же, будучи в полтеле и тощей. Но нельзя назвать хорошей лошадь, которая бежит хорошо только в одном из этих трех состояний».

Еще он сказал: «Старшие военачальники и все воины, подобно тому, как, занимаясь охотой, отличают имена свои, должны установить каждый имя свое и военный клич и когда выступают на войну. И пусть они всегда, моля усердно Всевышнего Бога, со смиренным сердцем желают достичь благоденствия в любой из сторон света».

Еще он сказал: «В мирное время среди народа воину моему должно быть подобным смирному теленку, а во время войны — подобным голодному соколу, который устремляется на охоту за дичью».

Еще он сказал: «Всякое молвленное слово сильно, если его скажут серьезно; а если оно сказано шутя — то и проку от него нет».

Еще он сказал: «Каким образом человек познает себя, пусть познает и других».

Еще он сказал: «Мужчина — не солнце, чтобы являться во всех местах людям. Его жена должна, когда муж займется охотой или войной, держать дом в благолепии и порядке, чтобы, если заедет в дом гонец или гость, он увидел бы все в порядке. Жена приготовила бы хорошее кушанье, и гость не нуждался бы ни в чем. Тем самым непременно она доставит мужу хорошую репутацию и возвысит имя его в собраниях, подобно горе, вздымающей вершину. Хорошие мужья узнаются по хорошим женам. Если же жена будет дурна и бестолкова, без рассудка и порядка, будет от нее видна дурность мужа».

Еще он сказал: «В смутах должно поступать так, как поступил

Даргай Уха. Он ехал в смутную пору от стойбища племени Хатагин, с ним было два нукера. Издали они увидали двух всадников.

Нукеры сказали: «Нас три человека, а их два: наедем на них».

Он сказал: «Как мы их увидали, так точно и они, должно быть, нас увидели, и потому теперь не следует нападать».

Ударив лошадь плетью, он ускакал. После оказалось точно и истинно, что один из тех двух незнакомых всадников был Тимур-Уха из племени Татар; около пятисот человек из своих нукеров он посадил в ущелье, устроив засаду, а сам показался, чтобы, когда три наших всадника напали бы на него, обратиться в бегство, достичь условленного места и с помощью нукеров схватить их.

Так как Даргай Уха понял вражеский замысел, он бежал и соединился с двадцатью другими нукерами, которые ожидали его поблизости, и всех увел в безопасное место. Смысл сказанного в том, что во всех делах необходима осмотрительность».

Еще он сказал: «Мы отправляемся на охоту и убиваем много изюбрей; мы отправляемся на войну и убиваем много врагов. Когда Всевышний Бог указывает нам путь и так облегчается дело, нам не следует важничать и забывать об этом».

Еще он сказал: «Нет героя, подобного Есун-Баю, нет в военном деле искуснее его человека. Однако так как он не знает усталости от тягости похода, не чувствует ни жажды, ни голода, то и других людей из нукеров и воинов, которые будут вместе с ним, всех считает подобными себе в перенесении трудностей, а они не имеют такой же силы и твердости к перенесению трудностей военного похода. По этой причине не подобает ему начальствовать войском. Подобает начальствовать войском тому, кто сам чувствует жажду и голод и соразмеряет с этим положение других, идет в дороге с расчетом и не допустит, чтобы войско испытывало голод и жажду, а скот отощал».

Еще он сказал: «Подобно тому, как купцы наши, привозящие парчовые одежды и хорошие вещи в надежде барыша, становятся чрезвычайно опытны в тех товарах и материях, и командиры армейские также должны хорошо обучать мальчиков стрельбе из лука и езде на конях, упражнять их в этих делах и делать их столь же сильными и храбрыми, как опытны купцы в искусствах, которыми владеют».

Еще он сказал: «После нас наследники наши будут носить златом шитые одежды, есть жирные и сладкие яства, ездить на добронравных лошадях, обнимать благообразных женщин и не скажут, что все это собрали отцы и старшие братья. И забудут они нас и тот великий день».

Еще он сказал: «Человек, пьющий вино и водку, когда опьянеет, не может ничего видеть и становится слеп. Когда его

зовут, он не слышит и становится немым; когда с ним говорят, он не может отвечать, Когда становится пьян, то бывает подобен умирающему человеку: если хочет сесть прямо — не может, и будет бесчувственным и ошеломленным, словно человек, которого ударили по голове.

В вине и водке нет пользы для ума и доблестей, нет также добрых качеств; они располагают к дурным делам, убийствам и распрям; они лишают человека вещей, которые он имеет, и доблести, которой он обладает. И становятся постыдны путь и дела его.

Государь, жадный до вина и водки, не способен на высокие помыслы, не может вершить великие дела. Военачальник, жадный до хмельного зелья, не может держать в порядке дела тысячи, сотни и десятка, не может довести эти дела до конца. Простой воин, который будет жаден в питье вина, подвергается весьма большой опасности, т. е. его постигнет великая беда. Человек простой, т. е. из черни, если будет жаден к питью вина, пропьет лошадь, стадо и все свое имущество, и станет нищим. Слуга, жадный к питью вина, будет проводить жизнь непрерывно в мучениях и страданиях. Эти вино и водка не смотрят на лицо и сердце пьющих, одурманивают и хороших, и дурных. Хмельное зелье руку делает слабой, так что она отказывается брать, а человек становится неспособным к своему ремеслу; ногу делает нетвердой, лишает человека способности самостоятельно идти; сердце и разум делает слабым, так что человек не может размышлять здраво: все чувства и орудия разумения делает непригодными.

Если нет уже средства от питья, то должно в месяц напиваться три раза; если перейдет за три, будет считаться наказуемым проступком; если в месяц два раза напивается — это лучше, а если один раз — еще похвальнее, а если не пьет вовсе, что же может быть лучше этого? Но где найдут такого человека, который бы не напивался? Если найдут, то он достоин всякого почтения».

Еще он сказал: «Чингисхан перед тем, как предпринять поход в области Китайские и пойти войной на Алтан-хана, как обычно в таких случаях, один поднялся на вершину горы, развязал пояс, повесил его на шею, расстегнул застежки халата, пал на колени и сказал: «О, Господь извечный! Ты знаешь и ведаешь, что прежде Алтан-хан произвел смуту и он начал вражду. Он убил безвинно Охин бархага и Амбагай-хана, которых схватили татары и послали к нему, а это были старшие родичи отца и деда моего.

Я есмь ищущий за кровь их возмездия и мщения. Если знаешь, что это намерение мое правое, ниспошли свыше в помощь

мне силу и победоносность, и повели, чтобы мне помогали свыше ангелы, люди, пери и дивы и оказывали мне вспоможение».

Такое он, молясь, произнес воззвание с полным смирением. После того он отправился в поход на Алтан-хана. По причине чистоты и правого намерения он одержал победу над Алтан-ханом, который был такой могущественный и великий государь, у которого не было конца многочисленному войску, обширному государству и неприступным крепостям его. Чингисхан овладел всеми теми областями его и детьми его».

Еще он сказал: «Однажды Чингисхан остановился в горах, на Алтае. Бросив взгляд по сторонам, он оглядел свои орды, своих воинов и слуг и сказал: «Стрелки и воины мои чернеют подобно многочисленным лесам; жены, невестки и девушки алеют подобно красноцветному пламени. Попечение и намерение мое состоит в том, чтобы услаждать их рот пожалованием сладкого сахара, украшать перед, зад и плечи их парчовыми одеждами, сажать их на хороших меринов, напоить их чистой и вкусной водой, пригнать их скот на обильные травою пастбища, приказывать удалять с больших дорог и путей, которые служат путями для народа, сор, сучья и все вредное; и не допускать, чтобы окрестности наши зарастали колючками и терном».

Еще он сказал: «Если из нашего рода кто-нибудь поступит вопреки утвержденной Ясе один раз, пусть его укорят словом; если сделает вопреки два раза, пусть действуют на него красноречием; в третий же раз пусть сошлют его в отдаленную, пустынную местность, именуемую Балжун Хулджур. Когда он сходит туда и возвратится — он одумается и станет внимателен и благоразумен. Если же он не образумится и на этот раз, пусть посадят его в тюрьму. Если выйдет оттуда добронравным и образумившимся — это будет очень похвально и хорошо; в противном же случае пусть соберутся все родственники и на общем сходе решат, что с ним делать».

Еще он сказал: «Военачальники тумэнов, тысячники и сотники должны каждый так содержать в порядке и готовности свое войско, чтобы во всякую пору, по приказу его воины тут же садились на коня и выступали, пусть даже ночью».

Еще он сказал: «Всякий мальчик, родившийся в Баргузин Тухуме, на Ононе и Керулене, будет умным и мужественным воином-богатырем, знающим и сметливым мужем без руководства и наставлений; всякая девушка, родившаяся там, будет прекрасна без причесывания и украшений».

Еще он сказал: «Как-то однажды в молодости Чингисхан проснулся ранним утром. Его приближенные заметили, что несколько прядей волос в локонах его побелели. Тогда они

спросили Чингисхана: «О, Владыка! Ты находишься в счастливом, молодом возрасте, и тебе еще далеко до старости. Каким же образом явился след седин в твоих локонах?»

Чингисхан сказал в ответ: «Так как Всевышний Господь восхотел сделать меня старшим и вождем тумэнов и тысяч и водрузить через меня знамя благоденствия, то и явил на мне знак старости, который есть знак старшинства».

Еще он сказал: «Однажды Чингисхан спросил у Борчу-нойона, который был главою над всеми военачальниками: «В чем состоит высшая радость и наслаждение мужа?»

Борчу сказал: «Оно состоит в том, чтобы человеку, взяв на руку сокола сизого своего, сесть на хорошего мерина и охотиться раннею весною за сизоголовыми птицами, и чтобы одеваться в хорошие одежды».

Чингисхан спросил Борохула: «А что ты скажешь?».

Борохул ответил: «Высшее наслаждение состоит в том, чтобы выпустить своего ловчего кречета на охоту за журавлями и наблюдать за тем, как кречет низвергнет журавля с небес ударами когтей и схватит его».

После этого Чингисхан задал тот же вопрос детям Хубилая*. На что те ответили: «Истинное блаженство человека состоит в облавной охоте, особливо с ловчими птицами».

Тогда Чингисхан промолвил: «Вы все не то говорите! Настоящее наслаждение и блаженство мужа в том, чтобы подавить и победить возмутившегося врага, отобрать у него все, чем он владеет, заставить истошно вопить его слуг и обливаться горючими слезами его жен, [в том чтобы] оседлать его быстроногих меринов, [в том чтобы] возлежать, словно на постели, на телах его прекрасных жен, лицезреть красоту их и целовать в сладкие, алые губы».

*Фрагменты биликов из «Золотого изборника» Аубсан Данзана**

ИЗ НАСТАВЛЕНИЙ ДОЧЕРЯМ

…Арслан-хану харлугудскому, который присоединился к Чингисхану не противясь, Чингисхан пожаловал дочь свою Алха бэхи и дал ей такие наставления:

«Любимейшая дочь моя Алха,
И впредь благоподательницей будь.
Муж прыгнуть хочет —
Стань его ногою,

А если пошатнется —
Стань подпоркой,
Подковой стань,
Чтоб он не поскользнулся.
Что человек?
Век тела очень краток,
Но имя незапятнанное — вечно!
Нет лучше друга нам,
Чем светлый ум,
Нет злей врага,
Чем неразумный гнев.
Вокруг достойно многое доверья,
Но вера — только самому себе;
Лелеять можно многое на свете,
Любить — одну лишь собственную жизнь.
Мы стойкие — и это всем на пользу.
Твоя безгрешность — вот благодеяние!»

…Чингисхан, милостиво призревший уйгурского Идугуда и пожаловавший ему за покорность дочь свою Ал-Алтун, соизволил дать ей наставления:

«Три мужа есть у женщины любой. Муж первый — то держава золотая. Второй муж — имя честное ее. А третий муж — ее супруг законный. И коль она своей державе верно служит, то имя честное с ней будет неразлучно. А коль она оберегает это имя, супруг ее законный вовек очаг семейный не покинет!»

…Поелику ойрадский Хутуга бэхи с тумэн ойрадами своими первым из лесных народов предался Владыке, Чингисхан пожаловал его сыну, Иналчи, свою дочь Чечей гэн. И, отдавая свою дочь замуж, Чингисхан пожелал передать ей через Борчу свои наставления. И приступил Борчу к Чечей гэн и молвил такие слова: «Любезная Чечей гэн, внемли наставлениям отца-батюшки твоего! Поскольку родилась девицей ты, Чингисхан, народ ойрадский покорив, в замужество тебя отдал ойрадам. Теперь уж твой удел — вставать с рассветом и, как стемнеет, отходить ко сну. Почитай родню мужнину! Денно и нощно будь стойка и благочестива. Речам разумным внемли, наматывай на ус! Все доброе, чему училась в отчине родной, возьми в свой новый дом, а все дурное, что и здесь претило, отринь! Да снизойдет благодать вместе с тобой на земли ойрадские!»

ИЗ НАСТАВЛЕНИЙ МЛАДШИМ БРАТЬЯМ,

СЫНОВЬЯМ И СПОДВИЖНИКАМ

…И сказал Чингисхан четырем сынам своим такое наставление:

«В крутых горах ищи пологий спуск,
Среди безбрежных вод — надежный брод.
Дорога далека — не унывай:
Не станешь медлить — одолеешь путь.
Поклажа тяжела твоя — терпи,
С плеч наземь лишний раз не опускай.
Есть зубы, чтобы мясо разжевать,—
Имей и зуб, чтоб одолеть врага.
Ты крепок телом — одолеешь одного,
Ты крепок духом — верх над многими возьмешь».

И обратился Чингисхан с наставлениями к своим четырем сыновьям:

«С восхода солнца до заката — годы
Я собирал вокруг себя народы;
И соплеменников своих и многих дальних —
Всех породнил, всех родственниками сделал.
Собрал единомышленников вместе
И тех еще, кто мыслили инако,—
Все разномыслие их — в голове одной!

Угэдэй-хан.

Из коллекции дворцовых портретов монгольских императоров династии Юань

Мы недругам своим осточертели,
Всех скудоумных как мы утомили,
Покорствовать заставив нашей воле!
О, родичи мои! В стремленьях ваших
Неутомимы будьте, заклинаю!
Еще — своим пристрастиям душевным
Не изменяйте. Будьте им верны!»

…Чингисхан изволил дать наставления своим младшим братьям и сыновьям:

«В стране, что мне пожаловало Небо,
Я скрепой стал, штырем своей державы,
И намертво теперь ее сплотил;
Я — привязь, на которой подобает
Держаться прочно подданным моим.
В державе этой родились на свет
Вы, братья младшие, и сыновья —
Наследники моей верховной власти.
Вам старцы мудрые опорой будут,

Их множество великое у нас.
О, братья, дети! Как зеницу ока
Наш древний род бесценный берегите!
Сил не жалейте для своей державы!
Премудрые! Не о самих себе,
О благе государства порадейте!
Наследники! На жизненном пути
Коль умных повстречаете людей,
Их от себя никак не отдаляйте.
Совсем напротив: щедростью души
На сторону свою привлечь старайтесь —
Воздастся вам сторицею за то.
Царевичи, родная кровь моя!
Наследуя трудов моих плоды,
Старайтесь сохранить их, преумножить.
Чего достиг я тяжкими трудами —
И вы трудом вседневным закрепите.
Вот так! Иначе прахом все пойдет.
Ну а заботы, прилежанье ваше,
Увидите, окупятся сполна.
О, родичи мои! Кряхтя и тужась,
Всю мощь свою собрав в одно усилье,
Глядишь, и льва однажды одолеешь.
А если силы не собрать в кулак,
Уж тут, как ни рычи и как ни злобься, —
Все попусту: победы не видать.
Объединишь усилия сполна,
Так одолеешь, может, и слона.
А мощь свою не соберешь в кулак —
Пыхти себе, пожалуй, кипятись
И разойдись вовсю и разозлись —
Не сможешь одолеть врага никак.
Не чванься, что высок ты, как гора:
Кто на вершину взобрался, тот выше.
Великодушие — вот высота,
Не знающая верхнего предела;
Оно как безграничный океан,
Однако для любого безопасный.
Тот человек, который не позволит
Ни в жизнь переступить через себя,
Доказывает неопровержимо,
Что Человеком он пришел в сей мир.
Бывает, произносят много слов,
Но нет, увы, в них стройности и лада.

Какая ж польза в этих словесах?
Законов устанавливаем тьму.
Чтоб выполнить любой из них разумно,
Осмыслить надо каждый бы из них.
Коль светлых мыслей голова полна,
Умелой пары рук она нужнее.
Коль есть на свете человек такой,
Что смыслит в государственных делах,
Так он, один-единственный, державе
Потребнее, чем темная толпа.
…Средь скал лови лисицу — не поймаешь,
В кустах лови зайчишку — не изловишь;
Как с прочной привязи не увести скотину,
Так подданного при достойном хане
Кому бы удалось переманить?
Всесильный блаженствует хан,
Когда в державе закон и порядок;
Блаженствует простолюдин,
Когда мудр, справедлив правитель;
Блаженствует в юрте жена,
Коли муж у нее разумный.
Блаженствует весь народ,
Когда в стране покой и согласье.
Простолюдин, при хане обретаясь,
Оценит ли достоинства владыки?
Уйдя от хана, враз уразумеет
И справедливость ханскую, и мудрость.
Жена, пока она с супругом вместе,
Достоинства его не замечает;
Но только приведет судьба расстаться,
Она постигнет всю его разумность.
Коль поведет себя правитель-хан,
Как мог бы повести себя холоп,—
Державу он, пожалуй, потеряет.
А ежели случится, что холоп,
Как хан-правитель, поведет себя —
Он голову дурную потеряет».

…Чингисхан соизволил дать наставления своим сородичам:

«Забудется в речной воде рыбешка,
На время потеряет осторожность —
Глядишь, уж и забилась на крючке.
А та, что осмотрительно и чутко

Заметить может всякую опасность,—
Та вовремя уйдет на глубину.
Когда толкуешь с умным человеком,
Он слушает — на ус себе мотает.
Но окажись перед тобой глупец,
Он, дела не поняв и не дослушав,
Сорвется с места, исполнять бежит.
Забыла рыбка осторожность вдруг —
Под острогу попала иль на крюк.
А та, что с осторожностью плывет,
Поймет опасность, в глубину уйдет.
Коль внемлющий твои слова умен,
От них еще мудрее станет он.
Глупец — свой обнаруживает нрав:
Сбежит, договорить тебе не дав.
Вы, родичи, вникайте в речь мою
И уясняйте: хан ваш всюду прав».

…Рожденный по благоволению Неба великий Чингисхан изрек такие наставления:

«Муж двоедушный — не мужчина, баба!
Муж прямодушный — драгоценный слиток.
Коль женщина свободна от лукавства,
Могла бы и мужчиною назваться.
А ежели сидит в ней лицемерье —
Не женщина она. Она собака.
Достойна ли такая дружбы нашей?»

Засим Чингисхан к сказанному добавил:

«Холоп, изрядно выпивший хмельного,
Вдруг возомнит, что всех он тут важнее.
Тряхнет его рука суровой власти —
И ощутит себя он псом бездомным.
Пригубит зелена вина мышонок —
И сам себя вообразит утесом,
А пробежит поблизости лисица —
Бросается мышонок к темной норке».

И еще Чингисхан молвил:

«Когда повалит густо снег из тучи,
Кошмою белой он укроет землю.
Коль нападает враг, несущий гибель,
Спаси, укрой скорей златой свой род.
Как бросится зима на нас в набег,
От холодов скрывает землю снег.
Когда приступит враг, суров и лих,
Так надо родичей спасать своих».

И изрек Чингисхан такие слова:

«Вдруг тело мое да запросит покоя…
Такое вело бы к потере державы.
Когда потянусь я к бездействию, к лени —
Смятенье державой моей овладеет.
Пусть бренное тело мое пострадает,
Но будет держава непоколебима;
Пусть тело мое обессилит, истает,
Зато государству стоять нерушимо».

*Фрагменты биликов из «Поучений Чингисхана его младшим братьям и сыновьям»**

Чингисхан спросил у своих сыновей: «Какое празднество выше всех празднеств? Какое наслаждение выше всех наслаждений?»

На это Цагадай сказал: «Если устроить счастливое празднество и пировать по случаю того, что минует старый год и ему на смену приходит новый, — это и будет высшее празднество».

Но Чингисхан промолвил: «Это ваше празднество не есть настоящее празднество. Ведь в то время, когда младенец еще не родился и ему не дано имени, когда он еще не вышел из утробы и не увидел света, — кому же будет нарекаться имя, чье начало будет праздноваться впервые? Если же впоследствии вы будете праздновать и наслаждаться, вспоминая день, когда вы получили начало от отца и родились от матери, то это будет подлинное празднество».

Цагадай сказал: «По моему мнению, если подавить врага, разгромить наездника, расторгнуть сговоренных, заставить верблюдицу реветь по верблюжатам и привезти с собой добычу — это будет высшее удовольствие».

Джучи (Жочи) сказал: «На мой взгляд, высшее удовольствие — разводить многочисленные табуны лошадей, пускать взапуски многочисленных двулеток, воздвигнуть себе ставку и забавляться пиршествами».

Угэдэй сказал: «Я полагаю, что лучшее из наслаждений будет в том случае, если обеспечить благоденствие великому государству, созданному трудами нашего отца-хана, положить ноги на почву и руки на землю*, предоставить своему собственному народу жить в ставке, держать в порядке дела государственного управления, дать возможность наслаждений старейшинам и обеспечить спокойствие подрастающей молодежи».

Тулуй (Толуй) сказал: «По моему мнению, высшее блаженство заключается в том, чтобы тренировать своих аргамаков, бродить по глубоким озерам, спуская своих старых ястребов, и устраивать охоту на птиц, ловя серых уток».

Чингисхан сказал: «Джучи и Тулуй, вы оба говорите речи маленьких людей. Цагадай ходил вместе со мной на врагов и потому говорит такие слова. Однако когда относились с пренебрежением к чужим, то не раз являлись причиной плача своих жен. Когда относились с пренебрежением к рыбе хариусу, то не раз были случаи, что он ранил до боли ладонь руки. Слова же Угэдэя — вполне правильны».

Чингисхан сказал: «Если дела государственного управления находятся в порядке, если хан государства — мудр и искусен, если начальствующие братья его обладают совершенствами, если давшие ему жизнь отец и мать живы и невредимы, если у него имеются чиновники, знающие дела государственного управления, если он располагает войском, способным подавить неунижающегося врага, если его жены, дети и потомство будут здравствовать до скончания веков, если ему будет покровительствовать могучий вечный дух вселенной, — то в этом и будет заключаться его несравненное великое блаженство».

ЧЕТВЕРТЫЙ РАЗДЕЛ

СВИДЕТЕЛЬСТВА СОВРЕМЕННИКОВ

О ЧИНГИСХАНЕ

ЭПОХА ЧИНГИСХАНА ГЛАЗАМИ СОВРЕМЕННИКОВ

Помимо историко-литературных памятников, фольклорных произведений монголов, повествующих о жизни и деяниях Чингисхана и считающихся основными источниками по истории монголов, истории Чингисхана, в XIII–XIV веках в сопредельных и завоеванных монголами странах — в Китае, Центральной Азии, на Ближнем Востоке, в Армении, Грузии, на Руси, в Западной Европе заинтересовались судьбой этого «безвестного и чужого» племени и его предводителя — Чингисхана. В этих странах появляются произведения, в которых с разной степенью достоверности и полноты описывается процесс формирования и появления на исторической арене монгольского этноса, история объединения монголоязычных родов и племен и создания Великого Монгольского Улуса, рассказывается о военных походах Чингисхана, о многогранной личности Чингисхана, о его ближайших сподвижниках и потомках, живописуются нравы и обычаи монголов той эпохи. Все эти сочинения крайне важны для восстановления исторической правды о личности Чингисхана, о его времени — веке монгольских завоеваний.

Среди исторических фолиантов той эпохи выделим фундаментальный летописный свод крупнейшего персидского историка XIII–XIV веков Рашид ад-Дина «Сборник летописей».

Известный российский ориенталист, первый исследователь и переводчик этого произведения в России И. Н. Березин, говоря о причинах «к особенному почету, которым пользуется История Рашид ад-Дина», пишет: «Рашид ад-Дин жил в эпоху процветания монгольского владычества, весьма близкую ко времени вступления монголов на историческую арену, когда еще живы были дети сподвижников Чингисхана и в устах всех ходили рассказы о первых подвигах монгольского завоевателя; можно сказать, что Рашид ад-Дин имел возможность заимствовать свои повествования чуть ли не из первых рук. Во-вторых, обширное и глубокое образование нашего автора придает его произведениям особенную цену… В-третьих, как министр гулагидских государей, как официальный историограф этой династии в цветущую ее пору, Рашид ад-Дин пользовался огромным влиянием и имел обширное знакомство с учеными людьми всех наций и с монгольскими аристократами. Такие исключительные условия, в которых находился Рашид ад-Дин, редко достаются на долю историка. В-четвертых, получив официальное поручение написать Историю Монголов, Рашид ад-Дин, одаренный замечательной добросовестностью и авторским талантом, употребил все усилия выполнить свой долг честно…

Важность изложенных нами преимуществ Рашид ад-Дина как историка дает его творению перевес перед всеми другими

источниками монгольской истории: даже китайские летописи, столь богатые сведениями о народах и событиях Средней Азии, уступают первенство Рашид ад-Дину… По признанию знатоков китайского языка и по личному знакомству нашему с переводами из китайских летописей, оказывается, что именно монгольский период занесен в китайскую историю без особенной подробности и многочисленные повествования Рашид ад-Дина находят себе лишь редкие и слабые отголоски в китайских летописях…»[1]

Следует подчеркнуть, что история монголов и основанных ими государств, изложенная Рашид ад-Дином, — это лишь одна из двух основных частей летописного свода. Вторая часть включает в себя «всемирную историю до ислама (в исламской традиции), историю халифата и последующих мусульманских государств до монгольского нашествия (газневидов, Сельджукидов, хорезм-шахов, салгуридов, исмаилитов Аламута), историю немусульманских народов и государств (Китая, древних евреев, франков, римских пап, «римских», т. е. германских, императоров и Индии) согласно их исторической традиции»[2].

Такое содержание «Сборника летописей» соответствовало главной идее, положенной в основу этого сочинения: «История исламских народов — арабов, персов и тюрков — лишь одна из рек, впадающих в море всемирной истории… истории всех известных тогда народов — от «франков» (т. е. западноевропейских народов) на крайнем западе до китайцев на крайнем востоке»[3].

Реализация столь грандиозного плана побудила ученого к созданию целого коллектива, который работал под его руководством. Как пишет исследователь исторического труда Рашид ад-Дина И. П. Петрушевский, «сам Рашид ад-Дин занялся непосредственно составлением 1-го раздела 1-й части, т. е. историей тюркских и монгольских племен до Чингисхана… Он использовал письменные источники — Махмуда Кашгарского, Джувейни («Тарих-и джехан гушай» — «История миропокорителя», около 1260 г.), сохранившиеся в архиве ильханов части «Алтан дептер» («Золотая книга») — официальная история Чингисхана, его предков и преемников, на монгольском языке. Эта история не совпадала с дошедшей до нас другой официальной историей первых двух монгольских ханов — «Сокровенным сказанием монголов». Этого было недостаточно. Рашид ад-Дин воспользовался пребыванием в Иране приехавшего сюда из Китая (1286 г.) эмира Пулада Чжэн-сяна (Чинсана), несравненного знатока монгольской старины и преданий… Оба они систематически, изо дня в день, занимались вместе, как учитель и ученик: «счастливый эмир рассказывал, ученый везир

записывал с его слов»…

Для собирания материала и составления истории других немусульманских народов Рашид ад-Дин кроме монголов располагал другими сотрудниками»[4].

Следует подчеркнуть, что уже современники Рашид ад-Дина по достоинству оценили значение этого фундаментального летописного свода. Как сообщает сам персидский историк, Ольджайту-хан, ознакомившись с его трудом, сказал: «То, что изустно передано от эпохи Чингисхана до теперешнего времени из всех дел [монгольского народа] и объяснения [происхождения] последнего, — есть общая цель сего [труда]… И подобного этому другой кто-либо не написал и не занес в летописный свод… Более правильно, более истинно никто [еще] не написал»[5].

Единодушны в оценке этого исторического сочинения и русские ученые-ориенталисты. Первый переводчик и комментатор «Сокровенного сказания монголов» П. И. Кафаров (1817–1878) писал: «Нет сомнения, что летописи Рашид ад-Дина… завершат и далеко оставят за собою прежние повествования и истории. Думаю, что настоящее Монгольское сказание («Сокровенное сказание монголов. — А.М.) не будет бесполезно для уразумения некоторых подробностей рассказа персидского историка и, во всяком случае, будет заимствовать от него много света и достоверность. Других источников для сличения, заслуживающих внимания, я не нахожу» [6].

И. П. Петрушевский дает следующую оценку этому сочинению: «Наибольшее значение сохраняет до наших дней 1-я часть («Сборника летописей»), наиболее полный и содержательный источник по истории Монгольской империи при первых ханах и по истории Хулагудского улуса. Разделы, посвященные истории тюркских и монгольских племен и истории Чингисхана до объединения под его властью Монголии, имеют значение исключительно важного свода сведений о кочевых племенах Центральной Азии в дофеодальный период их истории. Этнические связи, социальная жизнь, быт, обычное право и предания кочевников изложены Рашид ад-Дином с такой полнотой и точностью, какой мы не найдем ни в каком другом из источников по данной проблеме, не исключая и монгольских и китайских… Очень ценю то, что изложение Рашид ад-Дина, основанное на не дошедшем до нас «Алтан дептер», дает порою иную версию событий времени Чингисхана, нежели в «Сокровенном сказании монголов», и позволяет нам проверить рассказы последнего»[7].

На основании вышеизложенных оценок составителем и делался отбор фрагментов из «Сборника летописей» для

настоящего издания.

В связи с вопросом формирования монгольского этноса, взаимоотношений монголов с другими кочевыми племенами, в частности с татарами, в этот раздел нами включены соответствующие фрагменты хроники потомка Чингисхана, Хивинского хана Абуль-Гази «Родословное древо тюрков» (XVI в.).

Г.с. Саблуков, переводчик данной хроники Абуль-Гази, говоря именно об этой части повествования, отмечал: «Но и эти предания о глубокой древности, о вражде племен монгольского и татарского, в которой первое было загнано в горы Эргунэ-кун последним, — имеют в основании исторические факты. Критике предстоит очистить их от примеси вымысла, указать в настоящем своем виде и поставить на своем месте» [8].

* * *

Подраздел китайских источников, вошедших в настоящий раздел, открывает сочинение знаменитого российского китаиста Н. Я. Бичурина «История первых четырех ханов из дома Чингисова», которая, как писал сам автор, «не есть перевод какой-либо особливой книги, но извлечения из двух китайских сочинений, именно из собственной истории Чингисова дома, царствовавшего в Китае под названием Юань, и из Китайской всеобщей истории, называемой «Тхун-цзянь-ган-му» (сокращенно «Ган-му». — *А.М.*). Первая из них служит основанием издаваемой мною книги, а из второй заимствованы некоторые подробности, относящиеся к пояснению того, что сказано уже в первой. История династии Юань («Юань ши». — *А.М.*), будучи по качеству своему не чем иным, как биографией государей, содержит нагие происшествия, без соприкосновенных к ним обстоятельств. «Ган-му», напротив, поясняет свои тексты кратким описанием, входя несколько в подробности событий»[9].

Для нашего сборника из этого сочинения Н. Я. Бичурина были выбраны фрагменты, касающиеся похода Чингисхана в Китай и начала военных действий против империи Цзинь, представляющие, на наш взгляд, наибольший интерес в плане полноты и оригинальности содержания.

Следует отметить, что записки и дневники побывавших в Монголии китайских дипломатов, религиозных деятелей, путешественников, относящиеся к XIII–XIV векам, являются важными источниками для изучения истории эпохи Чингисхана.

Как писал известный переводчик и исследователь этих сочинений Н. Ц. Мункуев, эти источники «значительно дополняют

и уточняют сведения о монголах и других народах Центральной Азии, содержащиеся у персидских и арабских авторов. Кроме того, только в литературе на китайском языке мы находим подробные данные о собственно Монголии и господстве монгольских завоевателей в Китае в более позднюю эпоху, начиная приблизительно со второй половины XIII века. В так называемых мусульманских, т. е. персо- и арабоязычных, источниках подробно освещены лишь события, относящиеся к ранней истории монголов или происходившие в западных частях Монгольской империи. Ценность китайских источников для изучения истории Монголии и других стран, некогда входивших в состав империи, основанной Чингисханом, общепризнанна» [10].

Среди представленных в этом сборнике китайских источников следует в первую очередь отметить «Записку о монголо-татарах» («Мэн-да бэй-лу»). Автором этого самого древнего источника по истории Монголии и монголов является посол императора Сунской династии (1127–1279) Нин-цзуна — Чжао Хун, побывавший в 1221 году у главнокомандующего монгольскими войсками в Северном Китае гуй вана Мухали.

Чжао Хун в своих записках попытался отразить многие стороны жизни монголов: историю происхождения и их нынешнее состояние, планирование и организацию военных походов, их оружие и военное снаряжение, иерархию должностных лиц в армии и гражданской администрации в Северном Китае, нравы и обычаи монголов, их праздники и развлечения и многое другое.

«Путешествие на Запад монаха Чан Чуня…» («Чан-чунь чжэнь-жэнь си-ю цзы») — это путевой журнал, который вел один из спутников-учеников прославленного даосского монаха Чан Чуня (1148–1227), вызванного Чингисханом в его ставку и совершившего свое путешествие из Северного Китая в Среднюю Азию и обратно в 1219–1224 гг.

Выдающийся русский синолог П. И. Кафаров в предисловии к своему переводу описания этого путешествия писал: «Даосский монах Чан Чунь, живший во времена усиления монголов, пользовался в свое время большою славою в Северном Китае и почетом при дворах Сунском и Гиньском (Цзиньском). Он принадлежал к северной даосской школе, к секте Цзинь лянь, или Золотого ненюфара, последователи которой носили название Цюань чжень, т. е. вполне истинных, святых, и были адептами внутренней, или духовной, алхимии. Они искали в психическом мире вожделенный Дань (философский камень), тайны бессмертия, долголетия и другие дары… Чан Чунь, по мнению своих современников, достиг цели этой науки, провел всю жизнь свою в созерцании.

Чингисхан после вторжения в Китай узнал об имени Чан Чуня, вероятно, от предавшихся китайцев и вызвал его в свою орду, чтобы воспользоваться его секретами, по примеру китайских государей, увлекавшихся тщетными надеждами на чудотворную силу даосов»[11].

Итак, что хотел получить от общения с даосским проповедником Чингисхан? Очевидно: средства сохранения здоровья и продления жизни. Но не менее важным было для Чингисхана и другое: он стремился привлечь на свою сторону прославленного монаха, получить его совет, как управлять завоеванным Китаем, использовать его в повышении своего авторитета среди местного населения Китая.

Но что же помимо трепета перед «властелином вселенной» подвигнуло 72-летнего монаха совершить столь опасное и утомительное путешествие? Как считают некоторые исследователи, желание возвысить в глазах Чингисхана свою даосскую школу. Сам же Чан Чунь, размышляя об этом, писал: «… ныне, по первому зову Драконова двора, я иду, почему же? Я слышал, что Царь одарен от Неба мужеством и мудростью, превосходящею древность и нынешние времена; правота в нем помогает чудесному величию; китайцы и варвары покоряются ему; посему… я счел необходимым… представиться [Чингисхану] [12].

Отличительной особенностью путевых заметок, которые вел один из учеников Чан Чуня, Ли Чжи-чан, является их скрупулезность, объективность, точность наблюдений и датировки всех этапов этого путешествия. Любознательный Ли Чжи-чан подметил и отразил в своих записках особенности быта и нравов народов тех стран, через которые пролегал путь Чан Чуня и его спутников. Но главное — он сумел показать, как высоко ценил Чингисхан даосского монаха, его философию жизни. «Божественный и бессмертный три раза объяснял мне средства к поддержанию жизни; я глубоко вложил его слова в сердце»[13],— сказал Чингисхан присутствовавшим во время одной из его бесед с монахом сподвижникам. В другой раз, собрав царевичей, князей и вельмож, Чингисхан сказал: «…я теперь еще более убедился, что он небесный человек… Небо внушило ему то, что он говорил мне. Вы, каждый, запишите то в своем сердце»[14]. В этой связи вполне закономерным явилось сделанное Чингисханом тогда же «святое повеление», согласно которому даосские монахи были «избавлены от всех больших и малых повинностей, оброков и податей.. >[15].

Завершая обзор китайской части свидетельств современников о Чингисхане и его эпохе, подчеркнем еще раз очевидную

ценность этих и многих других китайских источников по одному из интереснейших периодов мировой истории — периоду монгольских завоеваний XIII–XIV вв.

* * *

В Западной Европе устойчивый интерес к монголам и их завоевательской политике возник в начале XIII века, сразу же после первых достигших Европу сообщений о походах Чингисхана в сопредельные страны; а после походов Батыя на Русь и южные области Центральной Европы, когда страшная опасность порабощения кочевниками нависла над Европой, потребность в информации об этом «безвестном и чужом» народе: его нравах и обычаях, его армии и вооружении и, главное, «о замыслах татар» стала настоятельной.

На Восток, к монголам, были отправлены несколько экспедиций, которые под прикрытием католического миссионерства должны были установить отношения с монгольскими ханами, собрать важную военно-стратегическую информацию.

Сразу отметим, что достичь политических целей не удалось, зато европейцы благодаря католическим миссионерам, а затем и купцам значительно расширили свои исторические, географические, этнографические знания, прежде всего о монголах, а также о тех народах, чьи земли посетили отважные путешественники. Благодаря книгам, которые они написали по возвращении на родину, их имена вошли в мировую историю.

Большие заслуги в информировании европейцев о Монголии и монголах имеют предшественники Марко Поло — Джованни дель Плано Карпини (нач.1180 — не позднее 1252) и Гильом де рубрук (не ранее 1215 — ок. 1270), путевые заметки которых стали бесценными свидетельствами эпохи Чингисхана и его ближайших потомков.

Хотя Плано Карпини был направлен к монголам самим папой римским в качестве его полномочного представителя, а Гильом де Рубрук — Людовиком Святым, цели их путешествий были, по сути дела, одинаковыми. Их точно выразил в начале своего сочинения «Истории монгалов» Плано Карпини: «Когда отправлялись мы по поручению апостольского престола к татарам… мы не щадили себя самих… чтобы, узнав их истинные желание и намерение, иметь возможность открыть это христианам, дабы татары своим случайным и внезапным вторжением не застигли их врасплох, как это и случилось

однажды по грехам людским…»[16].

Заголовки различных разделов сочинений этих авторов также красноречиво свидетельствуют о целях, которые они ставили перед собой. К примеру, в анонсе к восьмой главе сочинения Плано Карпини мы читаем: «Как надлежит встретить татар на войне, что они замышляют, об оружии и устройстве войск, как надлежит встретить их хитрости в бою, об укреплении крепостей и городов и что надлежит делать с пленными».

Наряду с подобной информацией книги этих путешественников изобилуют яркими картинами быта монголов и людей других национальностей, которые состояли у них на службе, материалами по истории, религии монголов. Особенно в этом преуспел Гильом де Рубрук. В частности, в своей книге «Путешествие в восточные страны» он первым из европейских путешественников подробно описал столицу монголов при первых ханах — город Каракорум.

Фрагменты этих замечательных, но редко издаваемых произведений, собранных в нашем своде, позволят широкому кругу читателей приобщиться к материалам, подробно повествующим о различных сторонах жизни Монгольской империи в эпоху правления Чингисхана и его ближайших потомков.

А. Мелёхин

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Сборник летописей. История монголов: сочинение Рашид ад-Дина. СПб., 1868. С. VI–VIII.

2. Петрушевский И. П. Рашид ад-Дин и его исторический труд в кн. Рашид ад-Дина «Сборник летописей». Т. 1. Кн. 1. М.: Научно-издат. центр «Ладомир», 2002. С. 24.

3. Петрушевский И. П. Там же. С. 24.

4. Петрушевский ИЛ. Там же. С. 25–26.

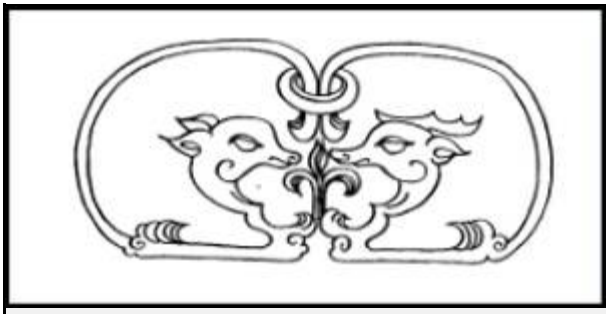
5. Сборник летописей. История монголов: сочинение Рашид ад-Дина. СПб., 1868. С. 45–46.

6. Старинное монгольское сказание о Чингисхане. Труды членов Русской духовной миссии в Пекине. Т. IV. С. 15.

7. Петрушевский И. П. Указ. соч. С. 27.

8. Абулъ-Гази. Родословное древо тюрков. Казань, 1906. С. VII).

9. История монголов. М.: АСТ, Транзиткнига, 2005. С. 9.
10. Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах. М.: Наука, 1965. С. 130.
11. Арабески истории. Кн. 2: «Пустыня Тартары». М.: Ди-Дик, 1995. С. 280–281.
12. Там же, с. 335.
13. Там же, с. 330.
14. Там же, с. 331.
15. Там же, с. 357.
16. Джованни дель Плано Карпини. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны; «Книга Марко Поло». М.: Мысль, 1997. С. 30.



I
ИЗ ТЮРКСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Абуль-Гази

*РОДОСЛОВНОЕ ДРЕВО ТЮРКОВ**

У Аланчи-хана было два сына, близнеца: старшему имя было Татар, младшему Монгол. Аланча-хан, когда состарился, разделил свои владения своим сыновьям. Оба брата провели жизнь свою в благополучии и счастье, не делая друг другу худого.

ТАТАР-ХАН И СЕМЬ ПРЕЕМНИКОВ,

ЦАРСТВОВАВШИХ ПОСЛЕ НЕГО

Татар-хан, процарствовав много лет, умер. Его сын, Бука-хан, занял место отца, царствовал много лет и умер. После него Илиндча-хан занял место отца и, несколько лет правив народом, скончался. Его сын Атли-хан, сделавшись после отца государем, несколько лет прожил в удовольствии и утехах, ушел вслед за отцом своим. Потом сын его Атсиз-хан, заместив отца, несколько лет провел в войнах с врагами и на охоте за зверями и ушел вслед за своим отцом. Потом сын его Орда-хан, сделавшись государем, в продолжение нескольких лет вино и кумыс пил, из китайской камки себе одежду кроил, и через глубокие воды смерти отправился вслед за отцом своим. После него воцарился его сын Байду-хан и несколько лет самодержавствовал.

С того времени, как Монгол и Татар были государями, до времени Байду, не было вражды между этими народами. Потомки

Монгол-хана царствовали в своем народе; потомки же Татар-хана царствовали в своем народе. Байду был нерассудительный, легкомысленный юноша: он вступил во вражду с преемниками Монгол-хановыми и начал делать набеги на их владения; но тогда пришла смерть, схватила его за ворот и увлекла вслед за отцом его.

После того заступил место отца Сююнуч-хан; при Сююнуч-хане между монгольскими и татарскими народами возгорелся огонь вражды столь сильный, что, если бы вылили на него воду реки Аму, он не погас бы. Монголы всегда оставались победителями.

ГЛАВА ВТОРАЯ

МОНГОЛ-ХАН И ЕГО ПРЕЕМНИКИ ДО ЧИНГИСХАНА

Корень слова «монгол» есть мунг-ул. Народ, уклоняясь от точного выговора, со временем стал произносить «монгол». Слово «мун», известное всем тюркам, значит «печальный»; ул значит «угрюмый», потому «монгол» значит: печальный, угрюмый. В этом племени девять человек были царями: первый из них Монгол-хан, последний Иль-хан…

Взаимная вражда монголов и татар. Иль-хан

Иль-хан был государем монгольского народа. Прежде мы говорили, что девятым ханом Татарским был Сююнуч-хан: Иль-хан и Сююнуч-хан были современники. Между ними происходили непрестанные битвы и грабительские набеги. Иль-хан оставался победителем, потому Сююнуч-хан, отправив посла, с большими подарками, к Киргизскому хану и обещав еще большие впоследствии, склонил его к союзу с собою.

Страны (владения. — *А.М.*) Татар были многолюдны; жителей в них было более, нежели во всех Монгольских поколениях*, но так как один род непрестанно с другим вел междоусобные битвы, то монголы их побеждали. В татарских землях не было ни одной, где бы не раздавался голос Монгола, куда не доставала бы рука его, потому все татарские уделы стонали от монгольских притеснений.

Сююнуч-хан, подружившись с Киргизским ханом, разослал по всем татарским землям послов с приказами, чтобы на помощь ему народ в такой-то день собрался на известном месте, дабы отомстить монголам за зло, ими сделанное. Жители означенных земель, собравшись в одно место, пошли на Монголов.

Монголы, собрав в одно место свои кибитки и имущество, окопали кибитки рвом*. Сююнуч-хан напал на них и, в продолжение десяти дней, вступал в бой с ними, но каждый день монголы одолевали. В один день ханы и беки, под начальством Сююнуч-хана, в потаенном месте составили общий совет и говорили: сколько мы ни ухитряемся против монголов, но дела наши идут худо. Потому на следующее утро они привели в исполнение следующую придуманную хитрость: войско их, как бы ослабленное битвами, обратилось в бегство, бросило тяжести и худшее имущество и стало удаляться; монголы, не зная, что их заманивают в засаду, пустились их преследовать и настигли их. Татары, увидавши монголов, поворотились, стали в боевой порядок, сразились, победили и совершенно истребили монголов.

Так как кибитки монголов были все собраны в одно место, то татары захватили их со всем богатством, так что ничего не было спасено: все взрослые из монгольских пленников были убиты мечом, а молодые сделаны рабами; каждый татарский воин взял по одному пленнику-монголу; из монголов на свободе не осталось почти никого, а оставшиеся в живых прислуживали татарам. И к какой земле принадлежал его господин, по оной и тот стал называться: одним словом, в мире не осталось ни одного монгола.

Переход Хияна и Нукуза в Эргунэ-кун

Когда Сююнуч истребил монголов, дети Иль-хана, которых было много, все погибли в битвах. У Иль-хана был младший сын по имени Хиян, в тот год он его женил; у младшего брата Иль-ханова был сын, по имена Нукуз, одних лет с Хияном, также в том году женился. Оба они попали в руки людей из одного татарского поселения. По прошествии десяти дней, ночью они оба со своими женами сели на коней и бежали оттуда. И приехали они в свой юрт. По прибытии они нашли в нем более, нежели четвертую часть разного скота. Советуясь между собою, они говорили: «Если мы войдем в сношение с местными жителями-татарами, то их отношение к нам, монголам, будет враждебным. Если мы, не выходя никуда, останемся в своем юрте, то нам нельзя будет ни с кем встретиться, ни на дороге, ни здесь в округе. Так не лучше ли нам отыскать место для стойбища в горах, куда никому нет дороги».

Итак, они, взявши свой скот, пошли в горы; среди горных утесов пробираясь по дороге, протоптанной горными баранами, поднялись на гору и стали на верхнем уступе ее. Осмотревшись хорошенько вокруг себя, они увидели, что туда не было другой дороги кроме той, по которой пришли они. Дорога эта была такова, что верблюд или конь с большим трудом мог проходить по ней и, при одном неверном шаге, мог пасть и разбиться. Посреди гор было обширное плато, где текли реки и ручьи, было много разных плодовых деревьев, разнообразные виды трав. Поселившись в этой земле, они воздали благодарение Богу. Зимою они питались мясом стад своих, весною пили молоко их, из кожи их делали одежду. Это место назвали они Эргунэ-кун. Эргунэ значит «горная цепь», а кун значит «острый».

У обоих сородичей было много детей и большое семейство; у Хияна было больше детей, у Нукуза меньше. Хиянов род называли Хиад; Нукузов род носил два имени: некоторых из них называли Нукуз, других — Дарлегин.

Хиян значит поток, который с силой стремится из горы вниз. Иль-ханов сын был человек сильный, быстрый, потому его назвали Хияном. Хиад есть множественное число слова Хиян.

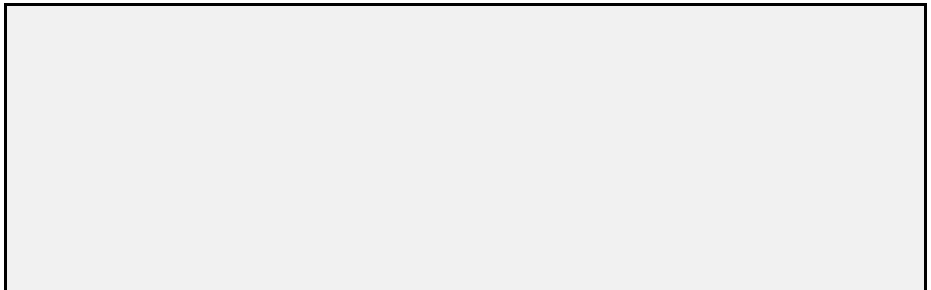
Дети этих двух человек много лет жили в Эргунэ-кун. Как говорится, ладонь их расширилась, бока их раздались. Каждое семейство сделалось особым аймаком и носило имя своего родоначальника.

Более четырехсот лет они жили в Эргунэ-кун, стада скота их так размножились, что им стало тесно. Потому они, собравшись в одном месте, сели и советовались между собою. Тут они

говорили: от отцов наших мы слышали, что вне Эргунэ-кун есть обширные земли и хорошие сельбища, которые прежде были нашими. Татары вместе с другими племенами, истребив наши роды, завладели нашими стойбищами. Слава Богу, в настоящее время Монголы не таковы, чтобы нам, боясь врагов, прятаться в горах. Поищем дорогу, которая выведет нас из этих гор, и откочуем отсюда. Те, кто захочет быть другом нашим, с тем и мы будем в ладу, а с врагами будем бороться. Все они, считая эти слова разумными, стали искать дорогу для выхода, но не находили ее.

Тут один кузнец сказал: в таком-то месте горы есть железная руда; эта гора выведет нас в долину, если в ней растопить эту руду. Они пошли, осмотрели место и согласились с разумным мнением кузнеца. На плечах наносили дров и угля и по всей ширине горы положили слой дров и слой угля, завалили ими вершину горы, и уступы боков ее, и скаты ее, и, сделав из кож семьдесят мехов, на семидесяти местах поставили их и стали сильно раздувать эти меха. Когда всемогуществом Божьим огонь возгорелся, гора расплавилась и растеклась, открылась дорога такая, что мог пройти и навьюченный верблюд. Несколько дней и ночей они спускались с гор. С тех пор у монголов вошло в обычай праздновать этот день и класть в огонь кусок железа и его раскаливать. Прежде хан, взяв клещами железо, кладет его на наковальню, ударяет по нему молотом, и потом князья его. Этот день почитают как день, в который они, монголы, вы-шедши из теснины, возвратились в юрт праотцовский.

В то время государем монголов был Бортэ чоно; из рода Хианова, из племени Горлос. Он во всей округе разослал послов с известием о выходе своем из Эргунэ-кун. Некоторые из соседей явились к нему доброжелательно, другие — с враждебными намерениями. Монголы с татарами сразу завраждовали. Оба эти народа, татары и монголы, составили ополчения и вступили в битву; Монголы, одержавши победу над татарами, взрослых из них истребили мечом, малолетних сделали рабами. Так, через четыреста пятьдесят лет монголы отомстили за кровь своих предков и стали жить в юрте прадедов.



II
ИЗ ПЕРСИДСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Рашид ад-Айн.

СБОРНИК ЛЕТОПИСЕЙ (ФРАГМЕНТЫ)

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ ПЕРВОЙ ЧАСТИ ПЕРВОГО ТОМА*

Описание тюркских племен, прозвание которых в древние времена было монгол и от которых явилось множество племен, как имеет быть изложено ниже

Эти монгольские племена состоят из двух отделов: монгол-дарлегин и монгол-нирун…

Отдел первый

Те, которых называют монгол-дарлегин. Они суть колена и племена, родившиеся от остатков монгольского племени, Нукуза и Хиана, которые ушли из Эргунэ-кун. Они были прежде времени Добун мэргэна и Алан гоо.

Отдел второй

Те, которых называют Нирун. Они суть племена, которые явились от рода Алан гоо после кончины ее супруга Добун мэргэна. Алан гоо была из племени горлос, которое есть одна ветвь из монгол-дарлегин. Она, по мнению и изъяснению монголов, после кончины ее супруга забеременела от света и

родила трех сыновей. Те, которые суть от рода тех сыновей, называются Нирун, что значит «чистые чресла». И из указания на эти чистые чресла явствует, что они (эти сыновья Алан гоо) родились от света. Эти племена, родившиеся от рода Алан гоо и ее сыновей, делятся следующим образом на три отдела.

Первый суть те, которые происходят из рода Алан гоо до шестого ее поколения, в котором был Хабул-хан. Все это собрание детей, внуков и рода их называют вообще Нирун; братьев Хабул-хана и род их также называют Нирун.

Второй. Хотя они суть Нируны, однако их называют Хиад. Они суть отделение, которое явилось от шестого поколения Алан гоо, т. е. от рода Хабул-хана.

Третий. Те, которых, хотя они из племени Нирун-Хиад и рода Алан гоо, и родились от ее потомка в шестом поколении по прямой линии Хабул-хана, называют Хиад-боржигин. И происхождение их есть таково, что они народились от внука Хабул-хана Есухэй-батора, отца Чингисхана.

Первый отдел четвертой главы

ОПИСАНИЕ ТЮРКСКО-МОНГОЛЬСКИХ ПЛЕМЕН,

КОТОРЫХ НАЗЫВАЮТ ДАРЛЕГИН И КОТОРЫЕ СУТЬ КОЛЕНА И ПЛЕМЕНА, РОЖДЕННЫЕ ОТ РОМ НУКУЗА И ХИАНА, ВЫШЕДШИХ ИЗ ЭРГУНЭ-КУН И БЫВШИЕ ПРЕЖДЕ ВРЕМЕНИ ДОБУН МЭРГЭНА И АЛАН ГОО

У этих племен юрт (места кочевий. — *А.М.*) и места проживания соединились вместе, и было определено, откуда докуда юрт каждого. Все юрты их простираются от страны Уйгур до пределов Китая и Джурджэ*, в стране, которую ныне называют Монголией… То племя, которое издревле называли Монголами, почти за 2000 лет до этого враждовало с другими тюркскими племенами. Эти племена победили монголов и так их избили, что никого не осталось от них, кроме двух мужчин и двух женщин. Те два семейства, опасаясь врага, ушли в труднодоступное место, окруженное горами и лесом…

А имена тех двух мужчин были Нукуз и Хиян. Они и потомки их остались там на долгие годы и посредством соединения и довольства размножились; каждая ветвь их стала определена и известна под каким-нибудь именем и стала родом… Ныне у монгольских племен так утверждено, что те, которые явились от

этих ветвей, имеют между собой отношения родства и они суть Монголы Дарлегины…

Когда они среди тех гор и леса стали многочисленной толпой, просторная долина стала для них тесна. Посовещавшись, они решили, как выйти из этой горной цитадели. Они нашли в тех горах место, где был железный рудник, в котором постоянно расплавляли железо; сообща они набрали из лесу множество дров и угля, убили семьдесят голов лошадей и быков, содрали с них шкуру и сделали кузнечные меха. Положив все дрова и уголь у подножия той горы, стали раздувать под ними огонь всеми семьюдесятью мехами одновременно до тех пор, пока тот горный косогор не расплавился и за ним не показался выход в широкую долину. Всем миром они откочевали из этой горной цитадели на простор степей. Говорят, что те меха раздувала коренная ветвь, относящаяся к Хияну, а вместе с ними раздували меха те племена, которые пошли от Нукуза, в том числе Урианхид, которое входит в число их ветвей…

Племя Урианхид

Это племя ответвилось от рода упомянутых Хияна и Нукуза… Урианхиды претендуют на то, что они были в числе тех племен, которые раздували меха в Эргунэ-куне…

Из этого племени урианхидов в век Чингисхана из старших военачальников был Зэлмэ-Оха; значение «Оха» есть «хищный, промышляющий на дорогах, храбрый». Так как он имел эти свойства, то и был прозван сим именем. В тот век он был из числа командиров гвардейского караула (хишигтэна. — *А.М.*). Не более двух-трех человек были старше его по званию…*

Субэгэдэй-батор* также был из этого племени…

В век Чингисхана из племени лесных урианхидов был командир тысячи по имени Удачи. После смерти Чингисхана дети этого тысяцкого с тысячью своей в местности, которую называют Бурхан халдун, охраняют священную запретную рощу, где покоятся останки Чингисхана…

Рассказывают, что Чингисхан однажды прибыл в это место; на том поле росло чрезвычайно зеленое дерево, зелень и свежесть которого ему крайне понравились. Он просидел час под этим деревом, отдыхая душой и наслаждаясь. Под впечатлением этого он дал наказ своим нукерам и приближенным: «Пусть это место будет моим последним пристанищем!»

После того, как Чингисхан скончался, как и было им завещано, в том месте, под тем самым деревом воздвигли его

большой шатер*. Говорят, что в том же году то поле от множества выросших деревьев превратилось в дремучий лес, и теперь никто не знает, под каким деревом покоится Чингисхан.

Племя Хонгирад

Это племя есть также из рода тех двух человек, которые пошли в Эргунэ-кун. Рассказывают, что племя хонгирад, не сговорившись с другими, первым спешно вышло из Эргунэ-кун, при этом повергнув под ноги очаги других племен. Монголы твердо уверены в том, что боль в ногах у хонгирадов, которая их частенько мучит, следствие того их поступка, за который многие другие монгольские племена на хонгирадов осерчали и стали их супротивниками…

Стойбища хонгирадов располагались в пределах стены Ут-кух*, построенной, наподобие стены Александра, между территорией Хитая и Монголии…

В век Чингисхана из числа старших командиров был один из племени хонгирад по имени Терке-иль; он был главою их войска своего колена, покорился Чингисхану и присоединился к нему. Чингисхан решил с ним породниться и дал ему свою дочь, на что надменный хонгирад сказал: «Дочь твоя похожа не то на лягушку, не то на черепаху. На что она мне?!» Из-за этого Чингисхан рассердился и казнил его.

Из хонгирадов было и другое колено: предводитель и глава их Дай-нойон (Дай сэцэн. — *А.М.*). Он имел двух сыновей: Алчи-нойона и Хуку-нойона и дочь Бортэ. Чингисхан в ранней молодости сватал ее, но Дай-нойон препятствовал этому*. Так как Алчи-нойон дружил с Чингисханом, он приложил все усилия, чтобы сестру отдали в жены Чингисхану… Дай-нойон имел брата по имени Дархан, у которого было четыре сына: Хада, Бубур, Тэкудар и Джуйгур. Большинство из них и их потомков брали в жены девушек из рода Чингисхана, а в его род отдавали своих. Степень их уважения была такова, что они (зятья из племени Хонгирад. — *А.М.*) сидели выше сыновей Чингисхана* и все были командирами подразделений левого крыла…

В век Чингисхана был почтенный военачальник по имени Дарги-хургэн (зять Дарги. — *А.М.*). У него был сын Шинку-хургэн. Чингисхан отделил четыре тысячи человек из других племен хонгирадских и пожаловал в управление Шинку-хургэну*, а также отдал ему в жены свою дочь Тумалун и послал его в страну Тумэдов…

Был в век Чингисхана и другой командир воинского

подразделения по имени Тохучар, который был на службе у Чингисхана. В то время, когда Чингисхан напал на Хитай, дабы обезопасить себя от нападения с тыла племен хэрэйдов, найманов, которые им были покорены, Тохучар с двумя тысячами воинов был оставлен в тылу в охранении.

Племя Уряуд

От этого племени уряуд отделились три ветви: Хонхотан, Арулад и Уряуд-килинкут (хэлэнгуд. — *А.М.*). Эти имена первоначально были именами трех братьев; от каждого брата пошла одна ветвь, образовался род, а затем — племя, названное именем того человека, от которого оно произошло.

Первый сын Хонхотан. Значение этого слова «большеносый»; он был таков и по этой причине получил сие имя…

В век Чингисхана Мэнлиг-эцэг (отец Мэнлиг. — *А.М.*) был из рода Хонхотан… Непременно в обстоятельствах трудных и спокойных, страшных и обнадеживающих он был заодно с Чингисханом. Чингисхан дал ему мать свою Огэлун*, и Мэнлиг-эцэг сидел выше всех нукеров подле Чингисхана, с правой руки.

У Мэнлиг-эцэга был сын по имени Хухучу, которого монголы называли Тэв тэнгэр. Обычай у Тэв тэнгэра был такой, что он объявлял о скрытых тайнах и предсказывал будущее. Он говорил, что посещает Небо, где выслушивает повеления Бога. К Чингисхану он был допущен всегда. Тэв тэнгэр сказал ему: «Бог повелел, чтобы ты был государем Вселенной!» Тэв тэнгэр дал ему и прозвание Чингисхан, сказав при этом: «По повелению Божьему имя твое таково и будет!»

По-монгольски «чин» означает «твердый», а Чингис — множественное от него. Дело в том, что в то время каракиданьский государь назывался Гур-ханом; «гур» также означает «твердый»… В монгольском языке Чингис имеет такое же значение, однако в виде гиперболы в этом случае оно поставлено во множественном числе, и значение этого слова такое же, как в персидском «шахиншах» — царь царей…

Второй сын Арулад. Это слово означает то, что сей человек нежен с отцом и матерью… В век Чингисхана из этого племени был Борчу-нойон… С самого детства он сопутствовал Чингисхану, никогда не выступал супротив него, оказывал похвальные услуги и сидел по правую руку, выше всех других нукеров… В то время, когда Чингисхан взошел на ханский престол, он дал всем нукерам ярлыки, но Борчу и Борохул-нойону не дал. Тогда они преклонили колени и били челом: «Почему нам не соблаговолил

ты, Чингисхан, дать ярлык?» И ответил им Владыка: «Заслуги и степень ваши превыше того, чтобы дать вам какой-нибудь определенный ярлык»… И еще Чингисхан сказал относительно Борчу-нойона: «Степень его ниже ханов, но выше всех нукеров моих, не говоря о простолюдинах!»

Третий сын Уряуд-килинкут (хэлэнгуд). По той причине, что он был кос, его прозвали этим именем. Ветви и племена килинкут (хэлэнгуд) многочисленны, и все произошли от его рода. Поскольку Чингисхан сделал Бадая и Хишилига дарханами, их стали называть килинкут-дарханы. Хотя они из племени килинкут, однако прозвание «дархан» стало именем и знаменем того племени.

Племя Уйгиин (Хугиин)

В век Чингисхана из этого племени в число старших военачальников входил только Борохул-нойон*. Сначала он был при Чингисхане букаулом* и стольником (кравчий. — *А.М.*). Затем получил повышение и стал одним из командиров хишигтэна и после того старшим командиром правого крыла, подчинявшимся только Борчу.

Чингисхан почитал и уважил их обоих до такой степени, что сказал: «Что бы ни случилось, только бы не умер Борчу! Что бы ни произошло, только бы не погиб Борохул!»

Второй отдел четвертой главы

ОПИСАНИЕ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН, КОТОРЫХ НАЗЫВАЮТ НИРУН

Эти племена произошли от возобновленного рода Алан гоо и относятся к монгольским племенам. Алан гоо была из племени горлос, которое является ветвью Монгол-Дарлегин. Ее соплеменники утверждают, что Алан-гоо забеременела без мужа, от луча света, и родила трех сыновей. Тех, кто происходит от рода и потомства этих трех сыновей, называют Нирун…

Эти племена, происходившие от Алан гоо и этих трех сыновей, составляют три отделения.

Первое отделение — племена, которые произошли от рода Алан гоо до Хабул-хана, ее потомка в шестом колене, а также братьев Хабул-хана, детей и потомков, — всех называют Нирун.

Племя Хатагин

Это племя из Нирунов; они ответвились от старшего сына Алан гоо, которого звали Бугу хатаги. Во время Чингисхана это племя выступало против него… В век Чингисхана их предводитель и воевода Агуджу-батор выступил против Чингисхана на стороне Буйруг-хана найманского.

Племя Салжуд

Это племя ответвилось от среднего сына Алан гоо, которого звали Бугуту салжи… По той причине, что во время Чингисхана они много враждовали с ним, множество из них было убито. В тот век был из этого племени достойный муж по имени Самукэ. Хотя он не был начальником войска, однако Чингисхан несколько раз давал ему войско и посылал по самым важным делам. Из числа их одно такое: один из старших вождей Алтан-хана вместе с войском отпал от него и выразил желание присоединиться к Чингисхану. Самукэ было приказано пойти и привести того вождя вместе с войском на службу. Самукэ пошел вместе с войском и выполнил приказ. После того вместе с теми китайскими войсками, которые также покорились, они осадили город Жунду*, взяли его, овладели имуществом, казною и князьями Алтан-хана, которые там находились. Впоследствии Чингисхан неоднократно посылал Самукэ по самым важным делам…

Когда умер отец Чингисхана, он был еще ребенком. Два его родственника, которые были приближенными отца, вскоре покинули Чингисхана. Однако затем несколько племен из Монголов-Дарлегинов покорились и присоединились к нему. Посоветовавшись с Жамухой сэцэном, Чингисхан отправил к племенам хатагин и салжуд посла. В то время в сношениях между племенами они изъяснялись порой трудным для понимания, афористичным, рифмованным слогом. Отправленное Чингисханом послание было именно из этого рода. Выслушав посла, хатагинцы и салжуды не уразумели смысла сего послания. Среди них был некий юноша, который сказал: «Смысл этого послания гаков: есть много племен, таких как хонгирад, татар и прочие дарлегины, которые не имеют с нами никакой родственной связи, но теперь сдружились с нами и стали заодно. Поскольку мы — родственники, братья по крови, давайте объединимся и подружимся!»

Но те племена не согласились; зачерпнув половником накипь из котла, они выплеснули ее в лицо послу и, презрительно

насмехаясь, отправили его восвояси. По этой причине вражда и ненависть усилились, война и раздор между ними стали постоянные, и много раз они бились друг с другом. В конце концов Чингисхан победил их и уничтожил бесчисленное множество. И хотя до этого их было много, теперь осталось мало. Будучи родственниками Чингисхана, все они ему подчинились и стали вассалами.

Племя Тайчуд

В летописи «Алтай дэвтэр» («Золотая книга». — А.М.), которая всегда хранилась в ханской сокровищнице под присмотром вельмож, критически исследовано и ясно и определенно написано, что тайчуды появились от Чарахай Линху, сына Хайду-хана… Чарахай Лин-гун есть китайское имя и прозвание; значение «лин-гун» — старший князь. Так как монголы не знают слов «лин-гун», они произносят «линху». В то время, когда Бай шинхора не стало, Чарахай Линху взял в жены вдову старшего брата, которая была матерью Тумбинай сэцэна. От нее он имел двух сыновей: Гэнду чоно и Улугчин чоно. От собственной жены у него родился сын по имени Соргодулу чоно, который стал его преемником и прославился. Этот сын кочевал совместно с родственником Тумбинай сэцэном. Преемником Соргодулу чоно был Амбагай-хан, который был родственником Хабул-хана. Наследовал Амбагай-хану его сын Хадан тайши, который был в родстве с Бартан-батором. В то время все родственники жили в согласии друг с другом.

Так как племя татар подчинялось хитайскому Алтан-хану, они внезапно захватили Амбагай-хана и отправили его к хитайскому Алтан-хану, чтобы тот казнил его, пригвоздив к деревянному ослу. Сын Хабул-хана, Хутула-хан, мстя за родича, пошел войной на Алтан-хана и перебил множество воинов хитайских.

После того во время Есухэй-батора тайчудские племена умножились от детей, братьев и двоюродных братьев, которые народились. Во времена Чингисхана они начали распрю и раздор. Однако потомки Гэнду чоно и Улугчин чоно взяли сторону Чингисхана*. Среди детей и внуков Амбагай-хана и Хадан тайши, которые во время Чингисхана были известны как вожди и предводители племени тайчудов и выступили против него, назовем следующих:

Буда (Тодойн Хирту. — *А.М.*) был сыном Хадан тайши*…

Адал-хан был из рода Амбагай-хана, жил во времена Есухэй-

батора и не оказывал ему сопротивления. Во времена Чингисхана жил его сын Таргудай Хирилтуг. «Хирилтуг» обозначает «скупой» и «завистливый». Так как он имел эти свойства, то так его и прозвали. Он положил начало раздору с Есухэй-батором, а с Чингисханом постоянно враждовал и воевал…

В союз с тайчудами против Чингисхана вступали как племена из Нирунов, так и некоторые другие племена: часть племен Уругуд и Мангуд под водительством Одота и Бодота, часть племени Джуръят под водительством Улуг-батора… в разное время заодно с тайчудами были, затем снова отходили от них Жамуха, а также племена Ихирэс, Нутакин (ноёхан. — *А.М.*), Горлос, Барин, Хатагин и Салжуд.

Племя Ноёхан, Уругуд и Мангуд

Из девяти сыновей Тумэна-хана (Мэнэн Тудуна. — А.М.) старшего звали Чаксу (Хачи Хулуг. — *А.М.*); от его детей происходят три ветви: одну называют племя Ноёхан, другую — племя Уругуд, третью — племя Мангуд*.

Племена Ноёхан и Уругуд во времена Чингисхана были заодно с племенем Тайчуд и враждовали с Чингисханом. В век Чингисхана главами племени Уругуд были Одот и Бодот, которые относились к числу противников Чингисхана. Из почтенных командиров на службе у Чингисхана был Джида-нойон (Журчидэй. — *А.М.*).

Племя Мангуд так же, как и племя Уругуд, в большинстве своем было на стороне тайчудов. Только один Хуилдар сэцэн присоединился к Чингисхану с домочадцами и сторонниками своими. Он служил Чингисхану верой и правдой, и Чингисхан называл его андой-побратимом…

Когда Чингисхан окончательно покорил племена Тайчуд, Уругуд и Мангуд, он повелел большую их часть уничтожить, а всех остальных отдал Джида-нойону (Журчидэю)…

Племя Джуръят

Это племя происходит от седьмого сына Тумэна-хана (Мэнэн Тудуна. — *А.М.*) по имени Дурбаян; это племя также называют Джаджирад*. Во времена Чингисхана это племя неоднократно противостояло Чингисхану, затем опять покорялось и снова переходило на сторону врага. Из числа общеизвестных предводителей этого племени в то время был Жамуха сэцэн. Его

называли сэцэном потому, что он был чрезвычайно умен и хитер. Чингисхан называл его побратимом, однако Жамуха, желая захватить улус Чингисхана, постоянно употреблял в отношении его вероломство, интригу и уловки… В конце концов Жамуху схватили его собственные нукеры и передали воинам Чингисхана… Так как Чингисхан называл Жамуху побратимом, то не захотел его убить, а подарил его с нукерами и семейством своему двоюродному брату Элджидэй-нойону, которого любил. Через несколько дней Элджидэй умертвил Жамуху. Рассказывают, что Элджидэй приказал отделить его члены один от другого. На что Жамуха сказал: «Право на вашей стороне. Прежде я надеялся, что получу помощь Неба и точно так же разделаюсь с вами. Поскольку Небо благоволило к вам, так рубите же меня поскорее на части!» Он торопил своих палачей, показывая им свои суставы. И, ничуть не труся, лишь приговаривал: «Режьте здесь!»…

Племя Исут (Бэсуд)

Эта ветвь явилась от девятого сына Тумэна-хана (Мэнэн Тудуна. — *А.М.*), которого звали Джонтай. Сначала это племя враждовало с Чингисханом, но затем некоторые из них ему покорились и верно служили. Из знаменитостей этого племени в эпоху Чингисхана был один Зэв. В то время, когда это племя противилось Чингисхану, он победил их и захватил все имущество. Некоторым бэсудам удалось скрыться; в их числе был и Зэв.

Однажды, когда Чингисхан охотился, Зэв оказался внутри охотничьей цепи. Чингисхан признал его и хотел с ним сразиться, но Борчу-ноён сказал: «Я сам сражусь с ним!» Он попросил у Чингисхана беломордого коня, тот выполнил просьбу Борчу. Тогда Борчу вскочил на коня и выехал на поединок. Борчу выстрелил из лука в Зэва, но промахнулся. Затем пустил стрелу Зэв и поразил насмерть беломордого скакуна Борчу, после чего ускакал прочь. Окончательно выбившийся из сил и лишенный какой-либо поддержки, Зэв через некоторое время явился к Чингисхану и покорился. Зная его храбрость, Чингисхан поставил его командовать десятком своих воинов; а вскоре за его заслуги сделал его командиром сотни, а затем тысячи и, наконец, тумэна…

Когда Зэв поразил стрелой ту беломордую лошадь под Борчу, а затем явился с покорной, головой он преклонил колено и сказал: «Я знаю, что виноват в убийстве беломордого коня, но, если Чингисхан соблаговолит меня простить, я приведу ему на

службу множество таких коней». По возвращении из похода против сына Таян-хана найманского, Хучулуга, Зэв привел из тех пределов и кланялся Чингисхану тысячей таких коней.

В то время, когда Чингисхан был в области Балха и Талекана*, он отправил Зэва вместе с Субэгэдэем и Бурком из племени Жалайр в те пределы… Пройдя эти области, они захватили и разграбили некоторые города Персидского Ирака; оттуда пошли в область Грузии и Тифлис. Грузины собрали большое войско и были готовы сразиться. Монголы использовали свою обычную военную хитрость: якобы отступая, заманили грузин в засаду и там разбили… Оттуда они удалились и пошли в страну Русскую. Повсеместно они убивали и грабили. С Чингисханом было условлено, что они закончат этот поход в течение трех лет, на самом же деле им удалось закончить дела за два с половиной года…

ГЛАВА ВТОРАЯ

ОПИСАНИЕ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН, КОТОРЫХ НЫНЕ НАЗЫВАЮТ МОНГОЛАМИ, НО В ДРЕВНИЕ ВРЕМЕНА КАЖДОЕ ИЗ ЭТИХ ПЛЕМЕН ИМЕЛО ОТДЕЛЬНОЕ НАЗВАНИЕ И СВОЕГО ПРЕДВОДИТЕЛЯ

Племя Жалайр

Одним из жилищ их были места у реки Онон. Рассказывают, что в древние времена (начало XI века. — *А.М.*) китайское войско произвело в том месте такое избиение здешних жалайров, что лишь малая часть их смогла бежать. Когда жалайры спасались бегством, они убили супругу Мэнэн Тудуна, Мунулун. Другие жалайрские роды спрашивали их: «Зачем вы решились на такое дурное, постыдное дело?» И по этой причине некоторых из них предали смерти, а иные стали вассалами Хайду-хана… переходили в наследство от предка к предку Чингисхана, почему это племя и считается его исконным вассалом…

Во времена Чингисхана из всех племен жалайрских (всего их насчитывается десять. — А.М.) самым известным и старшим по званию был Мухали гуй ван из жалайров-джаитов. Он командовал всеми войсками левого крыла. Дети его также носят титул «гуй ван», что в переводе с китайского означает «великий хан». В то время, когда Чингисхан оставил его с войском в местности, называемой Хараун жидун*, китайцы дали ему такое прозвание…

Рассказывают, что, когда мэргэды, улучив момент, разграбили стойбище Чингисхана, они отправили его жену Бортэ, беременную Жочи, к Ван-хану, с которым в то время у мэргэдов был мир*. Так как у него (Ван-хана. — *А.М.*) была старинная дружба с отцом Чингисхана, его самого он называл сыном, Ван-хан содержал Бортэ как невестку и смотрел на нее оком целомудрия и заступничества. Когда его нукеры советовали ему взять ее себе в жены, он отвечал: «Она — моя невестка. Нельзя смотреть на нее взором вероломства».

Когда Чингисхан получил известие об этом, он послал Сабу (из племени Жалайр. — *А.М.*) за своей супругой. Ван-хан, оказав ему почтение и исполнение долга, передал ему супругу Чингисхана. После этого Саба вместе с Бортэ отправились к Чингисхану. Дорогой родился Жочи. Так как дорога была опасна, они не могли останавливаться, чтобы сделать настоящую колыбель. Тогда Саба из небольшого запаса муки сделал мягкое тесто, завернул в него дитя, взял в свой подол и бережно нес, чтобы не сделать больно его членам. По причине того, что ребенок неожиданно появился на свет, его назвали Жочи*.

Племя Татар

Имя их издревле было известно в мире; от них ответвились многочисленные ветви. Все это племя составляло семьдесят тысяч кибиток (семей). Места их кочевий и стойбищ были распределены по племенам и ветвям и располагались вблизи границ Хитая. Основным местом обитания татарских племен была местность вблизи озера Буйр-нур. Большую часть времени татары повиновались и платили дань хитайским императорам. В то же время некоторые из них восставали, поднимали бунты, но хитайские императоры направляли против них войска и приводили их в повиновение.

Также и между собой татары враждовали и ссорились, постоянно воевали друг с другом. Они прославились братоубийством: из-за несговорчивости и своего невежества они чуть что пускали в ход ножи и сабли… В ту пору у них не было Ясы, которая ныне существует у монголов. Ненависть, злость и зависть преобладали в их природе. Но если бы у них было взаимное единодушие и не было бы раздоров и вражды, то другие племена из хитайцев и прочих и вообще никто не смог бы противостоять им по причине их многочисленности. И тем не менее при той вражде и раздорах, которые царили между ними, татары уже в глубокой древности большую часть времени

господствовали над племенами (монгольскими), были могущественны и почтенны. Из-за этого их величия и почтения другие тюркские роды при всем различии их разрядов и названий стали известны под их именем и все назывались татарами. И те различные роды полагали свое величие и достоинство в том, что относили себя к ним (татарам. — *А.М.*) и стали известны под их именем, подобно тому, как в нынешнее время по причине благоденствия Чингисхана и рода его — так как они суть монголы — другие тюркские племена, такие, как жалайры, татары, ойрады, онгуды, хэрэйды, найманы, тангуды и прочие, у каждого из которых было определенное имя и собственное прозвание, ныне все называют себя монголами, для придания себе славы… Прежде же по причине силы и могущества татар было нечто подобное; и по этой причине по сей день в стране Хитай, Инду стан, в Чине и Мачине*, в стране киргизов, келар и башкир, в Дешт-и Кипчаке*, в северных от него районах, у арабских племен, в Сирии, Египте, Магрибе (Марокко) все тюркские племена называют себя татарами…

Хотя между татарскими племенами были постоянные раздоры, стычки, грабежи, однако на случай войны между ними и монгольскими племенами татары объединялись и были всегда заодно. Татары и монголы враждовали с давних времен: во времена Хабул-хана, который был ханом монгольской общины*, из рода которого происходила большая часть племени Хиад, а монгольские племена Нирун суть его двоюродные братья, а другие ветви монголов, каждая из которых еще до него была известна под своим названием, все были его дядья и деды, его друзьями и сторонниками, а в несчастьях и происшествиях становились помощниками и защитниками его, — в то время заболел Сайн Тегин, брат Хуаху, супруги Хабул-хана, которая была родом из племени Хонгирад. Для его лечения пригласили шамана-татарина по имени Будуя Джиркыль. Шаман явился и совершил камлание. Сайн Тегин вскоре умер. Монголы обвинили во всем шамана; они избили его и после этого прогнали восвояси. На том родственники Сайн Тегина не успокоились: они пошли и убили шамана. По этой причине между ними и татарами возникла вражда. А поскольку сыновьям Хабул-хана пришлось по-свойски и по дружбе помогать родственникам Сайн Тегина, они также рассорились с татарами, стали враждовать и воевать с ними. При любом удобном случае они убивали и грабили друг друга. Эти вражда и войны продолжались много лет.

И вот однажды, воспользовавшись случаем, татары схватили Амбагай-хана, который был одним из предводителей тайчудов…* Так как татары, подчинявшиеся Алтан-хану, знали, что Алтан-хан

хитайский осерчал на Хабул-хана за то, что он убил его послов и слуг*, и что Алтан-хан питал ненависть к Амбагай-хану и другим монгольским племенам, которые были в родстве и заодно с Хабул-ханом, они отправили Амбагай-хана к Алтан-Хану, который пригвоздил его к деревянному ослу… Одному из слуг Амбагай-хана по имени Булагчи Алтан-хан повелел сообщить монголам эту дурную весть. После этого Хутула-хан выступил с монгольским войском на войну против хитайского императора и разграбил его страну*.

В другой раз татарские племена, улучив момент, схватили Охин Бархага, старшего сына Хабул-хана и предка племен Хиад, и отправили к Алтан-хану, чтобы и его также умертвить, пригвоздив к деревянному ослу. По этой причине ненависть и вражда монгольских племен к хитайскому императору и татарским племенам увеличилась, и до времени Чингисхана они непрерывно воевали друг с другом, с обеих сторон осуществлялись опустошительные набеги, грабежи и убийства…

Из числа татарских мальчиков, которые стали во время Чингисхана почтенными нойонами и которых воспитали Чингисхан и жены его, был некто Хутуг-нойон, которого также называли Шигихутуг. События, связанные с ним, таковы: когда разоряли племя татарское, Чингисхан не имел детей, а у его старшей супруги Бортэ было желание родить ребенка. Чингисхан случайно увидел на дороге [оставленного родителями] мальчика; он поднял его и отправил к жене Бортэ со словами: «Поскольку ты желаешь иметь ребенка, сохрани и воспитай этого мальчика, как своего собственного сына!» Бортэ воспитала мальчика в семейном кругу, как родного, в любви и заботе. Когда он вырос, его нарекли Шигихутугом, а также называли Хутуг-нойон. Чингисхана он называл эцэг, т. е. отец, а Бортэ — тэргуун эх (старшая мать. — *А.М.*)…

[Как Верховный судья], он (Шигихутуг. — *А.М.*) судил всех по справедливости…* Он часто повторял: «Не должно считать признанием в содеянном показания подозреваемого, данные им в состоянии страха и испуга». Он также говорил [подозреваемым]: «Не бойся и говори правду!»

От судей нам известно, что с тех пор и поныне в самой Монголии и в подчиненных монголам странах в судебных дознаниях и процессах полагаются на установленные им нормы и правила.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОПИСАНИЕ ТЮРКСКИХ ПЛЕМЕН, У КАЖДОГО ИЗ КОТОРЫХ БЫЛ СВОЙ ВОЖДЬ И ПРЕДВОДИТЕЛЬ, НО У КОТОРЫХ НЕ БЫЛО РОДСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ И ТЕСНЫХ СВЯЗЕЙ КАК С УПОМЯНУТЫМИ В ПРЕДЫДУЩЕЙ ГЛАВЕ ТЮРКСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ, ТАК И С МОНГОЛЬСКИМИ ПЛЕМЕНАМИ, ХОТЯ ПО ТИПУ И ЯЗЫКУ ОНИ БЫЛИ С НИМИ БЛИЗКИ

Племя Хэрэйд

У них были уважаемые ханы из своих племен. В то время и в тех пределах они имели силы и могущества больше, чем другие племена.

Ими было воспринято Слово Иисуса — мир ему! — и они приняли его веру*.

Они представляют собой род монголов; обитают в монгольских землях, по рекам Онон и Керулен, [на юге их земли] примыкают к хитайским. Хэрэйды враждовали с различными племенами, особенно с найманами. Во времена Есухэй-батора и Чингисхана их предводителем был Ван-хан. Они имели дружеские отношения; [Есухэй-батор и Чингисхан] не раз оказывали Ван-хану помощь. [Во времена Чингисхана] дружба уступила место вражде, они воевали друг с другом. В конце концов побежденные хэрэйды стали пленниками и вассалами Чингисхана…

Эти хэрэйды имеют много племен и колен; [во времена Чингисхана] все они повиновались Ван-хану. Рассказывают, что в древние времена был один хан, имевший восемь сыновей, на вид смуглых. По этой причине их прозвали хэрэйдами. В дальнейшем со временем каждый из потомков тех сыновей получил особое имя и прозвище. До последнего времени собственно хэрэйдами называют одну [племенную] ветвь, которую возглавлял предводитель. Остальные сыновья стали вассалами того брата, который был предводителем.

Дед Ван-хана именовался Маркуз, а еще его называли Маркуз Буйруг-хан… У этого Маркуза было два сына: Хурчахус Буйруг и Гур-хан. Гур-ханы, которые были государями в Мавераннахре и Туркестане, суть из кара-киданей. А этот Гур-хан был сыном Маркуза, предводителя хэрэйдов. Это надо иметь в виду, чтобы не перепутать их. Сыном Хурчахус Буйруга был Торил, которому хитайский государь пожаловал титул Ван-хан, т. е. «государь страны». Других сыновей Хурчахус Буйруга звали: Эрхэ хар, Бай-Тимур-тайша, Буга-Тимур и Илха-Селенгун. Илха — имя, Селенгун означает «сын господина». [Имя еще одного сына]

прежде было Керайдай. Когда его захватили тангуды и оценили его как человека смышленого, они прозвали его Жаха хамбу, т. е. достопочтенный князь страны.

Когда не стало их отца, Ван-хана, которого [в то время] называли Торилом, отправили на границы земель хэрэйдских, чтобы управлять ими. Другие сыновья — Бай-Тимур-тайша и Буга-Тимур заняли место отца. Ван-хан пришел и, убив этих братьев, занял отцовский престол. Эрхэ хар бежал и укрылся у найманов, которые оказали ему помощь: изгнали Ван-хана и вернули бразды правления в хэрэйдском улусе Эрхэ хару.

Отец Чингисхана в очередной раз помог Ван-хану обратить в бегство Эрхэ хара и вернуть себе ханский престол. Затем пришел дядя Ван-хана, Гур-хан, и снова изгнал Ван-хана и захватил его престол. На этот раз на помощь Ван-хану пришел Чингисхан, который изгнал Гур-хана и вернул ханство Ван-хану. После этого хэрэйдский улус окончательно закрепился за Ван-ханом.

Жаха хамбу всегда был заодно с братом своим Ван-ханом… Жаха хамбу имел четыре дочери. Одну взял Чингисхан для себя; ее имя Ибага бэхи. Другую для старшего сына, Жочи-хана; ее имя — Биктуймиш-фуджин. И еще одну взял для меньшего сына Толуя; имя ее Сорхагтани бэхи. Она была матерью четырех сыновей Толуя: Мунх-хана, Хубилай-хана, Хулагу-хана и Ариг-Буха. И еще одну дочь Жаха хамбу Чингисхан отдал за сына онгудского вождя…

У Ван-хана был нойон по имени Угутимур. В то время, когда у Чингисхана была дружба с Ван-ханом и между ними были отношения отца и сына, когда Чингисхан сидел пред Ван-ханом, как названый сын, упомянутый нойон садился выше Чингисхана. Угутимур знал всякое дело и каждое слово, бывшее между Ван-ханом и Чингисханом. Он и сам дружил с Чингисханом. Когда Чингисхан победил и низложил Ван-хана, его сына Сэнгума и его вельмож, а те, которые не были убиты, повиновались ему, этот Угутимур-нойон, опираясь на старую дружбу и полагаясь на прежнее согласие, пришел на службу к Чингисхану; тот почтил и уважил Угутимура. Все старые и молодые внимали словам его.

Угутимур имел много жен; одну из них он чрезвычайно любил. Однажды до него дошла молва, будто [бежавший сын Ван-хана] Сэнгум опять усилился в районе страны кыргызов. Будучи приверженцем Сэнгума, Угутимур оставил Чингисхана, свое жилище и домочадцев и бросился на его поиски. Он долгое время блуждал, не зная пути-дороги, и так и не нашел Сэнгума. Поскольку Угутимур бежал и оставил семью на произвол судьбы, Чингисхан отдал его любимую жену [верному сподвижнику] То лун чэрби из племени хонхотан. Толун чэрби также имел много

жен, но, взяв ее, он оставил других и находил счастье с ней.

Через какое-то время, не найдя Сэнгума и не имея средств к существованию, Угутимур вернулся к Чингисхану на службу Так как старые заслуги его были незыблемы и он был слишком стар, Чингисхан милостиво предал забвению его вину и изволил сказать: «Разве есть такая вина, которую нельзя было бы простить такому старцу?!»

Тогда Угутимур, преклонив колено, молвил: «Ты даровал мне прощение. И если ты соблаговолишь вернуть мне мою любимую жену, я буду премного благодарен милости твоей!»

Чингисхан спросил Толун чэрби: «Что ты на это скажешь? Отдашь ли обратно Угутимуру его жену или нет?»

И молвил тогда Толун чэрби в ответ: «Хоть и я люблю [эту женщину], но как я могу ослушаться приказа твоего!». И он вернул Угутимуру его любимую жену.

И спросил тогда Чингисхан у той женщины: «У каждого из этих нойонов есть по несколько жен. Так почему же, беря тебя в жены, они любят тебя более остальных?»

И отвечала эта женщина Чингисхану: «Телосложение у всех женщин почти что одинаковое. Так как муж — могущественный повелитель, а жена — покорная служанка, она должна делать все, что доставляет мужу удовольствие, не перечить ему, угадывать его сокровенные желания, содержать и благоустраивать жилище согласно его воле. Когда жена будет таковой, муж будет любить ее еще крепче!»…

В то время, когда Чингисхан ушел в Балжун*, группа нойонов, [примкнувшая к Ван-хану с одной только целью натравить его на Чингисхана], сговорившись, замыслила напасть ночью на самого Ван-хана, обратить его в бегство и захватить его улус. Среди них были Даридай отчигин (дядя Чингисхана. — *А.М.*), Хучар бэх, Жамуха сэцэн, Хум-Нарин, Бугай-Далу, Хутугут, Суэкэ. Когда Ван-хан узнал об их сговоре, он их разорил…

Заговорщики предприняли эти шаги, подозревая, что Чингисхан заодно с Таян-ханом найманским*. Когда Чингисхан одолел Таян-хана, всех их он убил…

Племя Найман, которое состоит из нескольких ветвей

Племена найманов были кочевыми: некоторые из них кочевали в гористой местности, другие — в степях. Все они обитали в следующих местах: [на западе] в районе Большого Алтая, вблизи Каракарума, где [в свое время] Угэдэй-хан построил в степи высокий дворец, в горах Аруй-Серас и Кук

Ирдыш (Синий Иртыш)… [в бассейне] реки Иртыш, в горах, находящихся между этой рекой и пределами области кыргызов, до земель монгольских [на востоке], в которых жил Ван-хан и с которым найманы постоянно враждовали, до границ пустынь, прилегающих [на юго-западе] к землям уйгуров.

У этих найманских племен были свои почтенные и могущественные предводители; они имели многочисленное войско; обычаи и привычки их были похожи на монгольские…

Государя, который был предводителем найманов до начала вражды Чингисхана с ними, называли Инанч билгэ Буку-хан… Он имел детей. Старшего звали Бай-буга: китайские государи дали ему прозвание Ай-Ван, что в переводе с китайского означает «сын хана»… Монголы не понимали смысла китайского прозвания и, переиначив его на свой лад, стали именовать Бай-Буга Таян-ханом. [Инанч билгэ] имел и второго сына, которого называли Буйруг-ханом.

Оба брата после смерти отца поспорили и повздорили из-за любимой наложницы отца. В результате они стали врагами и разделились…

Таян и Буйруг много воевали; во время сражений Чингисхана с Ван-ханом они не выступали на стороне одного из них. Когда же [до этого] Чингисхан вместе с Ван-ханом напали на найманов, из-за несогласованных действий [монголов и хэрэйдов] они не смогли их покорить. После того, как Чингисхан покончил с Ван-ханом, он пошел повоевать Таян-хана, Буйруг-хана и прочих найманов. Он разбил найманов и теперь мог не беспокоиться [об опасности, грозившей ранее с их стороны].

Племя Онгуд

Во времена Чингисхана и прежде того онгуды состояли в числе войск и приверженцев хитайского императора Алтан-хана. Онгуды — особое племя, похожее на монголов. Их насчитывалось четыре тысячи семей. Хитайские императоры, которых [монголы] называют Алтан-ханами, для охраны своей империи от живущих поблизости монголов, хэрэйдов, найманов и прочих кочевых племен возвели стену, которую монголы называют «онгу», тюрки — «бугурга»… Первоначально [хитайцы] обязали охранять эту стену [и проходы в ней] племя онгудов.

Во времена Чингисхана вождем онгудов был Алахуши дигитхури, который был склонен [поддержать] Чингисхана. [Поэтому, когда] Таян-хан задумал напасть на Чингисхана и направил к Алахуши дигитхури посла с призывом быть с ним

заодно, [вождь онгудов] известил Чингисхана об этом…

После того, когда Чингисхан напал на хитайские земли, Алахуши дигитхури, давно затаивший обиду на Алтан-хана, открыл [перед войсками Чингисхана] проход внутрь Китайской стены. По этой причине он заслужил расположение Чингисхана, который пожелал отдать за него свою дочь…

Племя Тангуд

Это племя в основном обитало в городах и селах, однако они были чрезвычайно воинственны и имели большое войско. Они неоднократно воевали с Чингисханом. [Страной тангудов] правил Илуху Шударга*. Страна тангудов имеет обширную территорию, на которой [выстроено] много городов, укрепленных селений и крепостей. Вся эта страна расположена у горной цепи Алашань; страна тангудов граничит с Хитаем.

Во времена Чингисхана и Угэдэй-хана [монголы] несколько раз ходили в эту страну… В первый раз*, когда Чингисхан захватил большую часть мэргэдов, в год Быка (1205-й. — *А.М.*) он пошел войной на эту страну. В тех пределах была большая, неприступная крепость Лики (Лигири. — *А.М.*) и большой город Аса-Кинклус (Лос. — *А.М.*), которые были монголами взяты и разрушены. Из тех пределов монголы угнали множество верблюдов.

После того… зимой и осенью года Зайца (1207-й. — *А.М.*) Чингисхан с многочисленною ратью снова повоевал эту страну, очистил [от неприятеля] и захватил большую ее часть…

Осенью года Лошади (1209-й. — *А.М.*) Чингисхан пошел в страну тангудов, взял большой город Арик (Яргай. — *А.М.*), привел к покорности всех бунтовщиков, завоевал все крепости. Чингисхан взял в жены дочь их правителя Лун-Шудрага; для поддержания порядка он оставил в стране тангудов своего наместника и войско…

Затем Чингисхан вознамерился напасть на страну таджиков (Хорезм. — *А.М.*). [Вернувшись оттуда] в свою ставку в год Курицы (1225-й. — *А.М.*), через некоторое время он услышал, что правитель тангудов снова восстал. Его охватило желание отомстить (изменнику), но он уже был стар и чувствовал, что уже близок момент перехода [в иной мир]. Тогда Чингисхан созвал своих детей, близких и нойонов, изложил свое завещание, сделал наказ относительно государства, хана-наследника, армии, дал наставления детям.

Осенью того же года (1225-й. — *А.М.*) Чингисхан напал на

Хашин*. Правитель тангудов Лун-Шудрага молил Чингисхана о пощаде: «Я был перепуган и совершил недобрый проступок. Но коли [Чингисхан] смилуется, даст мне отсрочку и поклянется, что будет считать меня своим сыном, я выйду из крепости».

Чингисхан поклялся и дал ему отсрочку на определенное время. Но вскоре Чингисхан захворал и на смертном одре дал наказ: когда он умрет, не объявлять об этом, не оплакивать его, дабы враг не узнал об этом и вышел [из крепости] в назначенный срок. А когда они выйдут, следует всех схватить и перебить.

Весной года Собаки (1226-й. — *А.М.*) Лун-Шударга вышел [из крепости] наружу; его и всех, вышедших с ним, предали мечу мщения, а затем захватили всю страну тангудов.

Гроб с телом Чингисхана привезли в ставку в начале года Свиньи (1227-й. — *А.М.*), где и осуществили обряд оплакивания; таким образом, стало известно о смерти Чингисхана….

Из [племен] тангуд было множество военачальников. Из их числа был Чаган-нойон, которого Чингисхан привел и воспитал как сына. Тогда ему было пятнадцать лет. Чингисхан называл его пятым сыном. Он начальствовал главною тысячей Чингисхана. В тот век было так обусловлено и принято за обыкновение, что в тысяче, несмотря на то, что она будет главной (или старшей), не должно быть более тысячи [воинов]. Всю эту тысячу составляли люди, которые принадлежали ордам и самому Чингисхану. Всякого рода подати, провиант, повинности, дары и прочее, что предоставляют войскам, всем этим снабжали по справедливости тысячу Чингисхана и тех, кто принадлежал лично ему. И все это давали по требованию Чаган-нойона. Во времена Угэдэй-хана тот поставил Чаган-нойона во главе всех войск, находившихся на границе Хитая, присоединив к тому управление Хитаем в такой мере, что царевичи и нойоны, которые сидели в тех пределах, все состояли в его повелении.

Был [и] другой командир, по имени Буда-нойон, которого также привел Чингисхан из Тангуда. Он командовал личной сотней императора. Когда Чаган-нойон был откомандирован [в Хитай], его тысячей стал начальствовать этот Буда-нойон…

Рассказ об этом Буда-нойоне таков. Его в тринадцатилетнем возрасте привели пленником из страны тангудов. Он пас в орде стадо быков. Однажды Чингисхан, охотясь на зверя, увидел его. Положив свою шапку на конец палки, он почтительно стоял и держал чашку. Чингисхан спросил: «Что ты делаешь и что это такое?»

Он ответил: «Я — тангуд, взятый тобою в полон, тоскую от одиночества. Я положил шапку на конец палки и говорю: «Из нас двоих один пусть будет старшим». А шапка выше меня будет,

поэтому я и должен ей служить!»

Чингисхану понравились эти слова, и так как он увидел в них признаки способностей и прямоты, то привел его в свою ставку к Бортэ-фуджин и велел заняться воспитанием его. Так как счастье было ему помощником, он стал командиром сотни. После того он сделался командиром [Чингисхановой] тысячи. Во времена Угэдэй-хана, когда Хитайское государство окончательно было завоевано и подчинилось, [Угэдэй-хан] поручил ему [управлять] теми областями и [командовать] войсками, которые были в той стране.

ГЛАВА ПЕРВАЯ ВТОРОЙ ЧАСТИ ПЕРВОГО ТОМА,

СОДЕРЖАЩАЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ О ПРЕДКАХ

ЧИНГИСХАНА И РАССКАЗЫ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

ЖИЗНИ ЕГО РОДИЧЕЙ

Повествование о Хабул-хане, сыне Тумбинай-хана

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ЕГО ЖИЗНИ, ЕГО ДЕТЯХ И ИХ ВЕТВЯХ

Хабул-хан есть третий предок Чингисхана. Монголы третьего предка называют элэнчик (элэнц. — *А.М.*). От него народилось и ответвилось много колен и ветвей; детей и внуков его называют Хиад.

Старший сын его был Охин Бархаг. Значение слова «охин» есть «девушка»; так как он был чрезвычайно красив и благообразен, так что засмотревшиеся дивились и изумлялись его красоте и совершенствам, его назвали Охин Бархаг. Он умер в молодости. Он имел сына, по имени Сурхагту журхи (Хутугту журхи). Внук его был Сача бэхи. Все хиад-журхинцы суть от рода его…

Второй сын его был Бартан-батор, бывший дедом Чингисхана…

Третий сын Хутугту-Мунгур, из рода которого было много племен. Он имел сына по имени Тайчу*, от рода которого суть некоторые Хиады.

Четвертый сын Хадан-Батор… Сначала он был в союзе с Чингисханом, но затем стал заодно с Ван-ханом.

Пятый сын Хутула-хан… он имел старшего сына по имени Жочи, который ему наследовал. Жочи со своей тысячей пришел к Чингисхану и присоединился к его армии. Хутула-хан имел и другого сына, по имени Алтан; сначала он присоединился к Чингисхану, но потом… ушел к Ван-хану. В конце концов Алтан был убит воинами Чингисхана.

Шестой сын его был Тудугэн отчигин…

ОТДЕЛ ВТОРОЙ.

РАССКАЗЫ О ХАБУЛ-ХАНЕ

…Хабул-хан имеет совершенный почет и славу у монгольских племен; он был ханом-предводителем племен, подчинившихся ему. Так как он и все его дети были храбры и мужественны, молва о них достигла Хитая, пришла к Алтан-Хану и его военачальникам. Алтан-хан в отношении Хабул-хана был высокого мнения и искал пути сближения с ним. Он хотел, чтобы с обеих сторон была пробита большая дорога дружбы и соединения. Вот почему и отправил к нему послов с приглашением. Когда Хабул-хан прибыл туда, Алтан-хан оказал ему полный почет и уважение, его потчевали различными яствами и напитками. Так как хитайцы были склонны к хитрости и уловкам и исподтишка, вероломно нападали на сильных врагов и славились отравлениями, то Хабул-хан заподозрил, что ему подсыпают яд в пищу. Поэтому он под предлогом облегчения то и дело выходил вон и сблевывал все съеденное… Затем он опять являлся к Алтан-хану и как ни в чем не бывало снова много ел и пил. Хитайцы удивлялись и говорили: «Всевышний господь сотворил его господином благоденствия и силы: он ненасытен и не пьянеет от такого количества питья!»

Однажды Хабул-хан все же опьянел. Прихлопывая руками и приплясывая, он подошел к Алтан-хану, схватил его за бороду и повел себя оскорбительно. Когда вельможи и сановники увидали эту дерзкую забаву Хабул-хана, они сказали: «Это что за презрительное обращение с нашим повелителем?» Они бросились на Хабул-хана, но так как он видел Алтан-хана смеющимся и веселым, то подошел к нему и заискивающе сказал: «Я поступил дерзко. В воле Алтан-хана наказать меня или оставить меня живым!»

Алтан-хан был государь терпеливый, умный; он знал, что за Хабул-ханом стоят племена и подданные; если он его накажет за такую мелочь, то после родственники Хабул-хана восстанут против него, желая отмщением отомстить. И тогда вражда и противостояние затянутся надолго. Поэтому он представил эту выходку Хабул-хана как шутку, унял гнев и оставил этот проступок без внимания. Алтан-хан приказал, чтобы из казнохранилища принесли золота, драгоценных камней и платья. Эта сложенная вместе груда подарков для Хабул-хана была выше его роста. Алтан-хан одарил всем этим Хабул-хана и отправил его восвояси торжественно и с почетом.

Вельможи Алтан-хана наедине сказали ему: «Это не дело, позволить ему возвратиться и оставить его проступок без внимания и наказания!» Тотчас был послан вслед за ним посол с тем, чтобы Хабул-хан возвратился. Хабул-хан сказал послу: «Мы закончили наши беседы с Алтан-ханом, и я уехал с его ведома. Что значит это его новое требование?» Он не принял [приглашения] и грубо отказал послу.

Послы возвратились. Алтан-хан вторично отправил послов звать его. Хабул-хана не оказалось дома, а жены сказали посланным, что Хабул-хан отправился привести сыновей и невесток. Посланные решили возвратиться, но по дороге они увидали Хабул-хана: он ехал в сопровождении нескольких слуг. Признав Хабул-хана, посланники Алтан-хана взяли его под стражу и повезли. По дороге они подъехали к стойбищу Сайджутая, анды-побратима Хабул-хана. Когда побратим узнал, в чем дело, он сказал: «Не к добру это все. Как бы не погубили они тебя».

Сайджутай имел резвого жеребца. Он отдал этого коня Хабул-хану со словами: «При удобном случае стегани его плетью и гони, чтобы они не догнали тебя». Днем Хабул-хан, улучив момент, стеганул лошадь и ускакал прочь. Преследователи не смогли догнать его, пока он не прибыл домой. Вслед за ним прибыли и посланники Алтан-хана. Невестка по имени Метай, которую Хабул-хан взял из племени горлос, жила в специально приготовленном шатре. В нем [на время] поместили прибывших посланников.

Так как в тот момент сыновей Хабул-хана не было, он обратился к невесткам и слугам: «Всех вас и этих слуг я взял в свой дом для того, чтобы в момент опасности вы все были бы заодно со мной. Так помогите мне убить этих послов, а если вы откажетесь, я убью вас. Так как хитайцы замышляют убить меня, я, конечно, погибну, но сначала я покончу с вами. Как говорится, на людях и смерть красна». Все с ним согласились, они напали на послов, убили их и тем самым спасли свою жизнь. Через некоторое время Хабул-хан захворал и скончался собственною смертью, оставив мир сыновьям…

Из числа шести сыновей Хабул-хана Хутула-хан стал предводителем и несколько времени ханствовал*. Хотя братья его все были богатырями, он превосходил и их силою и храбростью. Монгольские стихотворцы сложили много хвалебных од, ему посвященных, в которых описали его храбрость и богатырскую силу. Говорят, у него был такой громкий голос, что его крик был слышен за семь холмов и походил на эхо, разносящееся в горах. Две его пятерни были подобны медвежьим лапам; человека,

который был крепче и сильнее его, он хватал двумя руками, без труда и усилия сгибал его пополам, как деревянную стрелу, и переламывал его хребет…

Рассказ о походе Хутулы-хана на войну с Алтая-ханом, императором хитайским, для отмщения за кровь Амбагай-хана, о поражении хитайского войска и захвате богатой добычи, о том, как, возвращаясь восвояси, Хутула-хан чуть было не попал в руки племени Дурбан, и о его благополучном возвращении домой, в то время, когда по нему уже начали справлять поминки

Амбагай-хан, бывший в то время предводителем племени тайчуд, отправился к племенам татарским, чтобы выбрать из их девушек одну себе в жены. Прогневались за это на него татары: «Почему это монголы позарились на девушек наших?» Татары схватили Амбагай-хана вместе с его слугами. Так как татары были подчинены и повиновались Алтан-хану, они передали Амбагай-хана ему. Алтан-хан повелел, по существовавшему у хитаев обычаю, пригвоздить Амбагай-хана к деревянному ослу, и тот умер…

Когда дошло к ним это известие, Хадан тайши, Тудай и Есухэй-батор единодушно со множеством племен и улусов монгольских сошлись, чтобы сговориться и отомстить за кровь Амбагай-хана. Они возвели на ханский престол Хутулу-хана. Когда все их войска собрались и подчинились ему, он направил их в Хитай. Когда [монголы] дошли туда и начали войну, они разбили войска Алтан-хана, убили множество китайцев и, захватив добычу без меры, разделили между воинами и возвратились восвояси…

Рассказ о совещании племен тайчудов после [мученической смерти] Амбагай-хана

После того, как татары отправили Амбагай-хана к Алтан-хану и тот его умертвил, родственники и дети Амбагай-хана и прочие князья тайчудские собрались, чтобы выбрать и назначить нового предводителя всех тайчудов. Они посовещались некоторое время, но так ни на ком и не сошлись. Наконец, они собрались однажды и обратились к Тодору билгэ, который был из числа двоюродных братьев [Амбагай-хана], одним из предводителей и старейшин племени: «Что ты скажешь по этому делу и кого считаешь

достойным и соответствующим быть вождем [тайчудов]?» Тодор билгэ ответил: «Пусть скажет Таргудай Хирилтуг. Он также из его двоюродных братьев, сын Адал-хана».

Этот также уклонился от прямого ответа: «Я-то что скажу? Пусть говорит Мутугун сэцэн». И молвил тогда Мутугун сэцэн: «Что тут скажешь? Я не хочу, как воробей, прыгнуть в силок, чтобы нога моя угодила в него. Черная ласточка, взлетев на вершину лиственницы, не попала в силок. Какое право я, простой смертный, имею встревать со своими словами? Это вам, мудрым предводителям нашим, держать слово, чтобы мы, простые люди, подобно жеребенку, который пьет молоко двух кобылиц и от того бывает сыт и в теле, жили и благоденствовали. Если вы придете к согласию, все дела ваши будут удачными, и все люди ваши будут следовать желаниям вашим; если же между вами не будет согласия, размолвки и неурядицы найдут путь к вашему улусу»…

На том сборе никто не был возведен в ханы [тайчудов], и хотя после того неизвестно, как все было у них решено, однако в истории приводятся свидетельства о том, что после смерти Есухэй-ба-тора… прежде всех начал распрю с Чингисханом Таргудай Хирилтуг, сын Адал-хана, а затем Тудугэн гиртэ… и другие предводители [тайчудов]… И поскольку первым упомянут Таргудай Хирилтуг, должно быть, ему и дали начальствовать и предводительствовать над всеми тайчудами.

Истинно же есть то, что после смерти Хутулы-хана предводительствовал (в улусе «Все Монголы». — *А.М.*) его племянник, сын Бартан-батора, Есухэй-батор, который был отцом Чингисхана…

Повествование о Бартан-баторе, сыне Хабул-хана

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ЕГО ЖИЗНИ И ЖИЗНИ ЕГО ДЕТЕЙ, ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ И ПОДРОБНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТОРИИ ИХ ВЕТВЕЙ

Бартан-батор был дедом Чингисхана. По-монгольски деда называют эбугэ. Он имел старшую жену по имени Сунигил-фужэн, из племени баргуд: от нее он имел четырех сыновей.

Первый его сын — Мэнгэту хиан, у которого было много сыновей, но наследником его был Чаншигуд. В эпоху Чингисхана он командовал войском, племенем и подданными Мэнгэту хиана.

Во время войны Чингисхана с тайчудами он с войском своим состоял в свите Чингисхана…

Второй сын был Нэхун тайш, от рода которого суть племя ойн («лесные». — *А.М.*). Их называют ойн иргэн по той причине, что во времена Чингисхана они, изменив ему, отпали и ушли к племени тайчуд в леса. Из-за этого их презрительно назвали «лесные люди». Тайчуды и несколько других племен назывались тем же именем. Причина тому есть та, что каждое племя, юрт которого был близко к лесу, относилось к племени лесному. Так как леса были далеко одни от других, то племя, колено и ветви их не имели взаимной связи, и хотя всех их называли лесным племенем, однако по местонахождению леса у них было установлено, к какому племени они относятся.

Нэхун тайш имел много сыновей. Старшего его сына, который ему наследовал, звали Хучар. В то время, когда после смерти отца в детские годы Чингисхана его племена склонились на сторону тайчудов, Хучар присоединился со своим войском к Чингисхану, долгое время состоял в его свите и оказал ему похвальные услуги.

Когда Чингисхан вел войну с племенем Татар, они поклялись, что во время сражения не будут брать добычу, а после сражения все, что будет добыто, разделят поровну. Сын Хутулы-хана Алтан, этот Хучар и дядя Чингисхана Даридай отчигин не были верны слову и взяли [себе] добычу. Чингисхан приказал взять у них ее обратно. По этой причине они изменили ему, и, когда у Чингисхана произошла распря и раздор с Ван-ханом, они склонились на сторону Ван-хана, стали помощниками и пособниками врага и зачинщиками интриги и войны. Когда Ван-хан был побежден, они бежали, пришли к найманам и вторично воевали с Чингисханом. Наконец, Всевышний Господь даровал Чингисхану победу, и он также убил Хучара и Алтана. По этой причине никто из племени и детей его, которые уцелели, не имеют почета и авторитета и, сверх того, малочисленны в сравнении с другими родичами Чингисхана…

Третий сын был Есухэй-батор, который есть отец Чингисхана. Хиад боржигины суть от рода его. Значение боржигин есть сероглазый. Как ни странно, потомки, которые произошли от Есухэй-батора, от его детей и рода его до сего времени, большею частью были сероглазые и желто-цветной наружности. Это объясняется тем, что в то время, когда Алан гоо забеременела, она говорила: «Свет, наподобие человека сероглазого и желто-цветной наружности, нисходит ко мне ночью и [затем] уходит». Так как в восьмом колене, которое есть Есухэй-батор, опять налицо эти признаки, которые, по словам монголов, являются знаками ханской власти детей Алан гоо, о которой она говорила,

то подобная внешность была доказательством истинности ее слов и подлинности [рассказанных ею] обстоятельств…

Четвертый сын был Даридай отчигин. Так как он много враждовал с Чингисханом, в конце концов его род стал его вассалом… Он был убит вместе с Алтаном и Хучаром…

Повествование о Есухэй-баторе, сыне Бартан-батора

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ.

ПРЕДИСЛОВИЕ ОБ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ЕГО ЖИЗНИ И ЖИЗНИ ЕГО ДЕТЕЙ, ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ И ПОДРОБНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ИСТОРИИ ИХ ВЕТВЕЙ

Есухэй-батор есть отец Чингисхана. Монголы называют отца эцэг. Он был ханом-предводителем большинства монгольских племен*; его родственники, дяди и двоюродные братья все повиновались ему и единодушно из своей среды возвели его на ханский престол. Мужество и храбрость составляли его свойства, он много воевал с другими монгольскими племенами, особенно с татарами, а также с войском хитайским, и, таким образом, его авторитет и слава стали известны повсеместно.

У него было много жен из разных племен. Старшая из них, мать его детей и сыновей почтенных, была Огэлун-фужин из племени олхунуд; ее называли также Огэлун-Эхэ (матушка Огэлун. — *А.М.*). «Фужин» в переводе с китайского означает «супруга». Так как они были близко к хитайским пределам, то и употребляли их слова и выражения…

От этой старшей супруги он имел четырех сыновей и не имел ни одной дочери. От другой жены он имел еще одного сына, меньшего из всех, по имени Бэлгудэй-нойон, но почет был этим четырем сыновьям [от старшей жены].

Первый сын, старший и лучший из всех, Тэмужин, которому, когда он в возрасте пятидесяти одного года, убив хана найманов, стал [верховным ханом всех монгольских племен], дали титул Чингисхан…

Второй сын был Жочи Хасар: Жочи есть имя, а слово Хасар означает «лев». Так как Жочи был велик силою и крепостью, то он был титулован этим прозванием. Говорят, что плечи и грудь его

были так широки, а в талии до такой степени тонок, что, когда он спал на боку, под ним пролазили собаки. Сила у него была такая, что, взявши человека обеими руками, перегибал его пополам и переламывал ему хребет, как деревянную стрелу. Большую часть времени он был в согласии и единодушии с братом своим Чингисханом, хотя во время войны с Ван-ханом он [сперва] жил отдельно от него. И в некоторых других случаях за ним были провинности.

Однако в великой битве Чингисхана против Таян-хана, предводителя найманов, он (Чингисхан. — *А.М.*) доверил Жочи Хасару начальствовать центром армии. Он в том сражении оказал старание и употребил умение. По этой причине Чингисхан пожаловал ему и детям его степень высокого сана и звание выше всех братьев и племянников. И поныне существует обычай, что в роде Чингисхана из всех дядей и двоюродных братьев сажают в ряду царевичей только один род Жочи Хасара, а все другие сидят в ряду нойонов…

Третий сын [Есухэй-батора] Хачигун. Он имел много жен и детей, но наследовал ему Элджидай*. Он был весьма почтен: Угэдэй-хан, Мунх-хан и Хубилай-хан всегда его чтили и уважали и в важных делах советовались с ним…

Четвертый сын Тэмугэ отчигин. Тэмугэ — имя, а «отчигин» означает «господин, наследник-хранитель очага и юрта». Меньшего сына называют отчигином (эзэном). Чаще всего его называли Отчи-нойоном; под этим именем он имеет известность…

Отчи-нойон среди монголов отличался пристрастием к строительству, и в каждом месте, где бы ни жил, он строил дворцы, разбивал сады. Чингисхан любил его больше других братьев и сажал [рядом с собой] выше старших его братьев. И поныне дети его сидят выше детей двух старших братьев…

Пятый сын [Есухэй-батора] Бэлгудэй-нойон, родился от другой супруги: его не упоминали в числе других братьев. Он всегда состоял в свите Чингисхана…

Большая часть войн и сражений Есухэй-батора была с племенами татарскими, которые в ту эпоху были славнейшими из тюркских племен, и войско их было сильнее других…

В частности, в пору благословенного рождения Чингисхана Есухэй-батор воевал с татарами, убил Тэмужина Угэ и Хори буха, которые были их предводителями, и разграбил достояние и имущество их. Когда он возвратился, Чингисхан благополучно родился. Посчитав [победу над татарами] счастливым предзнаменованием, Есухэй-батор нарек ему имя Тэмужин…

ГЛАВА ВТОРАЯ ВТОРОЙ ЧАСТИ ПЕРВОГО ТОМА КНИГИ «СБОРНИК ЛЕТОПИСЕЙ», СОДЕРЖАЩАЯ ПОВЕСТВОВАНИЯ О ЧИНГИСХАНЕ И ЕГО ЗНАМЕНИТОМ РОДЕ,

ИЗ КОТОРОГО НЕКОТОРЫЕ [ЕГО СОРОДИЧИ] БЫЛИ В СВОЕ ВРЕМЯ ХАНАМИ, А НЕКОТОРЫЕ СТАЛИ НАМЕСТНИКАМИ ОПРЕДЕЛЕННОГО УЛУСА (УДЕЛА),

С ПРИЛОЖЕНИЕМ КРАТКИХ РАССКАЗОВ О ГОСУДАРЯХ [ДРУГИХ] СТРАН СВЕТА, КОТОРЫЕ БЫЛИ ИХ СОВРЕМЕННИКАМИ ВПЛОТЬ ДО НАСТОЯЩЕГО ВРЕМЕНИ, КОТОРОЕ ЯВЛЯЕТСЯ 705 Г.Х. (1305/6 ГГ. Н.Э.)

Повествование о Чингисхане, сыне Есухэй-батора

ОТДЕЛ ПЕРВЫЙ. ИЗЛОЖЕНИЕ РОДОСЛОВНОЙ ЧИНГИСХАНА, ИЗЪЯСНЕНИЕ И ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ ЕГО ЖЕН, СЫНОВЕЙ, ДОЧЕРЕЙ И ЗЯТЬЕВ ЕГО

Рассказ о супругах Чингисхана и его детях

У Чингисхана было около пятисот жен и наложниц; каждую он взял из какого-нибудь племени; некоторых он сватал по монгольскому брачному обряду, а большая часть из них были те, которых он брал, когда покорял и овладевал государствами и племенами. Однако тех, которые были старшими женами и удостоились его полного уважения, было пять.

Первая супруга Бортэ-фужин, дочь Дай-нойона, главы и государя племени хонгирад. Она была почтеннейшею и старшею из всех его жен и матерью четырех старших сыновей, которые были наиболее авторитетны [среди прочих], и пяти дочерей.

Старший сын был Жочи, из рода которого суть все государи и царевичи, Дешт-и Кипчака…

Второй сын Цагадай, которому поручено было управление

территорией от начала страны Туркестанской до конца реки Аму (Амударьи. — *А.М*)…

Третий сын Угэдэй-хан, который стал ханом после Чингисхана и тринадцать лет ханствовал…

Четвертый сын Толуй-хан, прозванье которого было Их-нойон и Хулуг-нойон, а Чингисхан называл его нукером; большую часть времени он сопутствовал отцу и во время военных походов находился с ним. Толуй в переводе с монгольского языка значит «зеркало». С тех пор, когда он скончался, и по сей день слово «зеркало» стало запретным… Мунх-хан, Хубилай-хан, Хулагу-хан и Ариг бух — все были его детьми. Ныне из рода Толуя и его внуков Тимур-хан и самодержец ислама Газан-хан — да продлится его существование! — суть ханы и самодержцы…

Эти четыре сына Чингисхана все были умны, исполнены достоинств, совершенны, мужественны, ценимы отцом, войском и народом. Государству Чингисхана они служили четырьмя столпами, и он каждому из них уготовил удел. Он называл их четырьмя хулугами. Так называют людей, лошадей и прочих, которые стоят выше всех, превосходят [по своим качествам] других и бывают впереди [всех]…

Вторая супруга Хулан-хатун, дочь Дайр Усуна, главы племени увас мэргэдов, который подчинился Чингисхану по его требованию, привел эту дочь и отдал Чингисхану. От нее он имел одного сына, по имени Кюлькан; этому сыну он даровал степень четырех упомянутых сыновей…

Третья супруга Есухэн, из племени татар. От нее он имел сына по имени Джаур; его не стало в юности.

Четвертая супруга Гунж-хатун, дочь Алтан-хана, государя хитайского. Известно, что она не была красива лицом, однако по причине того, что отец ее был чрезвычайно великий государь, ее уважали. Чингисхан не имел от нее детей…

Пятая супруга Есуй, сестра упомянутой Есухэн, также из племени татар…

ОТДЕЛ ВТОРОЙ

ЛЕТОПИСЬ И РАССКАЗЫ О ЧИНГИСХАНЕ, НАЧИНАЯ ОТ ЕГО РОЖДЕНИЯ АО ВРЕМЕНИ ХАНСТВОВАНИЯ. ИЗОБРАЖЕНИЕ ДВОРА, СУПРУГ, ЦАРЕВИЧЕЙ И НОЙОНОВ ПРИ ВОСШЕСТВИИ ЕГО НА ХАНСКИЙ ПРЕСТОЛ. РОД ЕГО НОЙОНОВ; ОПИСАНИЕ СРАЖЕНИЙ, В КОТОРЫХ ОН УЧАСТВОВАЛ В РАЗНОЕ ВРЕМЯ, И ПОБЕД, КОТОРЫЕ ОДЕРЖАЛ. ДЛИТЕЛЬНОСТЬ ЕГО ЦАРСТВОВАНИЯ ДО КОНЦА ЭПОХИ И ОПИСАНИЕ КОНЧИНЫ

ЕГО

История Чингисхана со времени его рождения от начала года Кака, который есть год Свиньи, соответствующий месяцам 547 г.х. (1152–1153 гг. н. э.) и приходящийся (своим началом) на месяц зул-кадэ (28 января — 26 февраля 1153 г.), до следующего года Кака, который есть также год Свиньи, соответствующий месяцам 562 г.х. (1166–1167 гг. н. э.) и приходящийся (началом) на месяц раби II (25 янв. — 22 февр. 1167 г.)

Так как во времена Чингисхана и его отца астрологи не умели определять время путем астрономических наблюдений и летописцы определенно не зафиксировали день и месяц, то час и день рождения Чингисхана доподлинно неизвестны, однако всем монгольским царевичам и нойонам ведомо и стало общеизвестным фактом, что продолжение жизни его было семьдесят два года и что он скончался на семьдесят третьем году жизни. Почтенные астрологи записали год его кончины, поелику это был предел его величия и совершенства царствования его. Они свидетельствуют, что он скончался в год Кака, который есть год Свиньи (1227 год. — *А.М.*), в середине осени по прошествии пятнадцати дней месяца; и хотя это будет семьдесят третий год с года рождения его, однако, наверное, день его рождения также был в середине года, и посему продолжение жизни его составит полных семьдесят два года…

Во время, как отец его Есухэй-батор находился на верху величия и полноты счастья и благоденствия, он стал правителем и главою всех (монгольских. — *А.М.*) племен, которые [ранее] были подчинены его предкам, и эти племена признавали его своим вождем и предводителем и оказывали ему покорность и подчинение. Татарские и некоторые другие племена, по причине, изложенной в рассказе о племени татар, враждовали с ним. Между ними было много сражений.

В упомянутый год Свиньи, бывший годом рождения Чингисхана и соответствующий месяцам 547 г.х. (1152–1153 гг. н. э.), Есухэй-батор выступил на войну с татарами; супруга его Огэлун-эхэ была беременна Чингисханом. Государями у татар были Тэмужин Угэ и Хори буха. Есухэй-батор сразился с ними и, одолев их, возвратился победителем. Он захватил их домочадцев, табуны и стада. В местности, которую называют Дэлун Болдог, он

приказал остановиться, и через некоторое время, в упомянутом году Свиньи, Чингисхан явился на свет* под счастливым предзнаменованием: он держал в ладони правой руки небольшой кусок запекшейся крови; на его челе обнаруживались знаки завоевателя и самодержца мира, его лицо излучало сияние счастливой судьбы и полновластия. Так как Есухэй-батор накануне одержал победу над татарами, победил и низложил их вождя Тэмужина Угэ, то принял этот случай за предзнаменование и нарек необыкновенное дитя Тэмужином, по имени татарского вождя…

Кроме Чингисхана, он имел несколько других детей…

В этот тринадцатилетний промежуток времени он по-прежнему верховодил племенами своими, и через каждые несколько месяцев он ополчался для отражения враждебных тюркских племен, находившихся поблизости от его улуса. В большей части сражений победа была за ним. Но некоторые родичи, [согласно поговорке]: «Близкие — скорпионы», по причине ненависти и вражды, завидовали ему, а так как силы для сопротивления не имели, то они до конца его жизни сеяли семя ненависти и мести внутри себя.

Когда Есухэй-батор в молодые годы скончался, племена тайчуд, принадлежавшие к числу двоюродных братьев и родственников его отца, были самыми сильными и обладали наибольшим количеством подчиненных и воинов, а предводителями их были авторитетные ханы. Хотя во времена Есухэй-батора они были последователями, друзьями и подчиненными его, однако в конце его правления, в момент его кончины, они перестали ему повиноваться.

Во время кончины его отца Чингисхану было тринадцать лет, а братья его были малолетки. Мать их, Огэлун-эхэ из племени олхонуд, была весьма умна и совершенна, по причине кончины Есухэй-батора жизнь их пришла в расстройство. Подробности их жизненных обстоятельств в тот промежуток [времени] неизвестны…

История Чингисхана после тринадцатилетнего возраста, когда он лишился отца…

…Чингисхан остался без отца в детском возрасте тринадцати лет. По причине того, что во время жизни его отца Есухэй-батора самые влиятельные из их родственников племена тайчудов завидовали им и питали втайне ненависть, [после смерти Есухэй-батора] они обнаружили стародавнюю ненависть. Таргудай

Хирилтуг, сын Адал-хана, внук Хабул-хана, и Хорил-батор, сын его дяди, оба предводители племен тайчуд от зависти, которую они хранили внутри со времени Есухэй-батора, встали на путь непокорности. По той причине, что тайчуды были главнейшими из ветвей [родственных племен], постепенно дошло до того, что другие родственники и войска, повиновавшиеся Есухэй-батору, отвративши лицо от детей его, склонились к тайчудам и сплотились вокруг них, так что у сих племен (тайчудов. — *А.М.*) появилась реальная сила и могущество…

В то время юрт [семьи] Есухэй-батора был в окрестностях [рек] Онона и Керулена. Когда большая часть подданных Есухэй-батора откочевала и присоединилась к тайчудам, Тудугэн гиртэ, который был старшим среди всех родичей, начал откочевку; Чингисхан, которого в то время называли Тэмужин, лично отправился к нему и почтительно, но твердо сказал ему, чтобы они не уходили. Тот не внял… выступил и пошел [к тайчудам]. Мать Чингисхана

Огэлун-эхэ лично повела войско со знаменем (туг) рода в руках вслед за беглецами, чтобы воротить их. Когда они сошлись, с обеих сторон выстроились и вступили в сражение. В конце концов, некоторых из того племени и улуса своего она воротила…

Рассказ о начале оппозиции Жамухи сэцэна и о его присоединении к племени Тайчуд, совместных замыслах против Чингисхана тайчудов, ихирэсцэв и других племен, об извещении Чингисхана об этом, о разделении войска [Чингисхана] на тринадцать куреней и поражении врага*

В то время у Жамухи сэцэна, предводителя племени жажирад, относящегося к Нирунам, был родственник по имени Тайчар. Он решился на конокрадство и отправился с несколькими людьми в местность, называемую Ульгий булаг, в пределах Саарь хээр, которые были юртом Чингисхана. В тех местах находилось стойбище Жочи Дармала, из племени жалайр… Этот Тайчар пошел туда, чтобы увести у него лошадей. Жочи Дармала узнал об этом и принялся караулить, спрятавшись среди табуна. Когда Тайчар пришел, Жочи Дармала поразил его стрелой и убил.

По этому поводу Жамуха сэцэн положил начало вражде с Чингисханом, начал смуту и присоединился с войском и племенем своим к племенам тайчудов. Кроме него сторонниками тайчудов были… ихирэсцы, кои суть ветвь хонгирадская, и племя горлос из Монгол Дарлегин, и еще племя Уругуд и Ноёхан, кои

суть из Монгол Нирун. Это сборище, опираясь друг на друга, единодушно… двинулось с 30 ООО конников на Чингисхана. Он не знал о коварных замыслах врагов. К счастью, некто Нигун из племени ихирэс уведомил Чингисхана о выступлении врагов.

Чингисхан, узнав об этом, тотчас занялся устроением войска и известил все дружественные ему племена. Когда они собрались, разделил их по тумэнам, тысячам, сотням и десяткам*. Всего их было тринадцать куреней. Значение куреня есть кольцо. В старинные времена, когда какое-нибудь племя останавливалось в какой-нибудь местности, [оно располагалось] наподобие кольца, а [ставка] их вождя была в середине [этого] круга. Это [расположение племени] и называли куренем. В нынешнее время, когда приблизится неприятельское войско, [монголы] также располагаются подобным образом, дабы неприятель не проник в их ставку. В число тринадцати куреней [Чингисхана] входили:

первый — мать Чингисхана Огэлун-эхэ, племена, подчиненные из родичей, слуги и люди, которые принадлежали ей лично;

второй — Чингисхан, его дети, нукеры, нойоны и их дети, его личная охрана;

третий — Булгаджу-батор из рода Сэм Хачиуна, старшего брата Хабул-хана, принадлежащий к одной из ветвей хэрэйдов, с племенем хадаргин, главой которого был Мухур-Хуран из Нирунов, и Букури, который был из его рода; и племя горлос из Дарлегинов;

четвертый — сыновья Соргоду-нойона, Деринги и брат его Хуридай; они из племени Нирун и Хиад. С племенем Будат, которое также из Нирун;

пятый и шестой — сыновья Сорхагту (Хутугту. — А.М.) журхи, Сача бэхи и брат его Тайчу, и племена жалайр;

седьмой — сыновья Утуджукуда, из числа племен хиадских и люди, принадлежащие им;

восьмой — сыновья Мунгэту хиана — Дженкшут (Чаншигуд. — *А.М.*) и братья, кои суть двоюродные братья Чингисхана, и племя Баягуд из Дарлегин во главе с Унгуром;

девятый — Даридай отчигин, дядя Чингисхана, Хучар, двоюродный брат его, сын Нэхун тайша, и Далу, из их родственников; племя дуклад из Нирун, и племена нукуз, хорхан, сагант и уджин (уйшин?) из Дарлегин;

десятый — Жочи-хан, сын Хутулы-хана, двоюродный брат Чингисхана, подчиненные и нукеры его;

одиннадцатый — Алтан, который был также сын Хутулы-хана; двенадцатый — Даху-батор, из племени хингхоют (хонгирад), кои суть из Нирун, и племя суган, кои суть также из

племен нирун.

тринадцатый — Гэнду чоно и Улугчин чоно, из сыновей Чарахай линху; их называют Нукуз, однако они не первые Нукузы, поелику они суть Нируны…

Эти тринадцать куреней войска Тэмужина, которые описаны в подробности, расположились куренями, наподобие кругов.

Когда тринадцать куреней войска Чингисхана пришли (приготовились к бою), тайчудское войско подошло к месту Далан Балжуд, оставив сзади холмы Алаут Тураут, и стали против [воинства] Чингисхана. С обеих сторон вступили в битву. Всевышний Господь даровал Чингисхану победоносную помощь: с этими тринадцатью куренями он разбил тридцать тысяч [вражеских] конников…

Племена Уругуд и Бурудуд, предводителями которых были Уругуд и Бурудуд, пришли и покорились [Чингисхану].

В том месте, на берегу реки, был огромный лес. Чингисхан остановился там и приказал, чтобы в семидесяти котлах заживо сварили злобных врагов, которые были пленены*. Испугавшись этого, в то же время покорилось племя Джуръят, они пришли и перенесли жилища свои в [стойбище] Чингисхана. Вскоре некоторые из них снова взбунтовались.

Племена тайчудов, которые были весьма многочисленны, сильны, могущественны и страшны, в той войне были разбиты, рассеяны и скрылись кто куда.

Рассказ о подчинении [Чингисхану] Улуг-батора, Тугай-Далу и племен Джуръят, об их единодушном пришествии на службу Чингисхану и затем нарушении слова своего и восстании против него.

Их (джуръятов) жилища были близки к юрту Чингисхана. Однажды они совместно отправились на охоту… Удачно поохотившись, они решили: «Мы переночуем здесь вместе с Чингисханом». Всего их было четыреста человек. Так как они не имели котлов и провианта, двести человек отправились домой, а двести человек расположились тут же, рядом с Чингисханом. Чингисхан распорядился, чтобы им дали нужное количество котлов и провиант.

На другой день они снова охотились, и Чингисхан дал им большую часть добычи. Когда они расставались друг с другом, отправляясь в свои стойбища, они долго благодарили Чингисхана и сказали: «Племя тайчудов нас покинуло и отделилось, а Чингисхан без особых на то причин оказал нам все эти почести и

одарил нас [такой добычей]. Он есть государь, думающий о своих подданных и заботящийся о войске».

По пути в свое стойбище они таким образом воздавали Чингисхану хвалу, и слава о нем распространилась среди всех племен. Когда они пришли домой, один из их предводителей, Улуг-батор, держал совет с Багуем и Бадаганой: под впечатлением благодарности [Чингисхану], он предложил пойти на службу к Чингисхану и покориться его величию. Багуй и Бадагана не дали согласия и сказали: «Что дурного нам сделало племя тайчуд? К тому же они — наши родичи. С какой стати мы от них отвратимся без причины и пойдем к Чингисхану?»

Так как они не согласились, Улуг-батор с Тугай-Далу и с племенем Джуръят, которое было родственно с ними и обитало поблизости, пришли к Чингисхану и сказали: «Мы остались подобно женам без мужей, табуну без хозяина и стаду без пастуха. Дети [великих родителей] убивают нас и разоряют. Мы будем сплоченно сражаться во имя твоей дружбы и будем бить врагов твоих».

Чингисхан сказал в ответ Улуг-батору: «Я был подобен спящему. И ты, потянув меня за локоть, разбудил меня. Я был неподвижен [как истукан], а ты, потянул меня, и я поднялся [на ноги]. Что же до обязательств [в отношении вас], я сделаю все, что окажется нужным». [После того] они были обласканы [Чингисханом] и поощрены им.

Через некоторое время, когда они (джуръяты) вполне обосновались на месте (в юрте Чингисхана), они вдруг ушли [от Чингисхана] и долго скитались по разным землям, пока наконец некто Ходон-Орчан, который был из племени мэргэд, не убил Тагай-Далу. Когда у джуръятов не осталось больше ни силы, ни могущества, [это племя] распалось.

После этого предводителем племени Джуръят был Жамуха сэцэн, который был одарен умом, способностями и хитростью и был большой интриган. Чингисхан называл его андой-побратимом. Хотя Жамуха [на словах] был верен побратимству и демонстрировал знаки дружбы и искреннего расположения, однако втайне питал к Чингисхану вражду, замышлял [деяния] супротив него и желал воссесть на его престол… [Для этого] Жамуха сэцэн несколько раз соединялся с врагами и неприятелями его (Чингисхана)…

Через какое-то время упомянутые племена (Джуръят), достигнув между собой согласия, сказали: «Тайчуды нас без конца беспокоят и понапрасну тревожат. Этот царевич Тэмужин снимает [с себя] платье, которое носил, и отдает, сходит с лошади, на которой сидел, и отдает. Этот человек заботится о людях, печется

о войске, хорошо и в достатке живет его улус». Поразмыслив и посоветовавшись меж собой, они пришли все на службу к Чингисхану, добровольно приняли подданство и успокоились в тени благоденствия его…

Рассказ о начале дружбы Чингисхана с Ван-ханом

Дело обстояло так: между отцом Чингисхана, Есухэй-батором, и Ван-ханом по причине близкого соседства с давних пор была дружба и единство. В трудную минуту Есухэй-батор оказал помощь Ван-хану и вызволял его из бездны затруднений. Друг друга они называли андой-побратимом. Как говорится, «любовь наследственна», поэтому Чингисхан, как того требовал обычай, следовал по пути дружбы и называл его (Ван-хана) отцом.

Ван-хан был предводителем племени хэрэйд, конкоит и других племен, входивших в число хэрэйдских. Это племя — многочисленное, с большим войском, [его] вожди были древнеславные. Они имели сходство с племенами монгольскими; их быт, обычаи, речь близки друг с другом.

Прежде Ван-хана звали Тогорил… Так называют птицу, которую хотя никто не видел, однако имя ее известно и ведомо между людьми, подобно [сказочной птице] Анке… Министр Алтан-хана хитайского Чинсан дал ему прозвание Ван-хан, то есть «государь одного округа»…

Причина дружбы и побратимства Ван-хана с Есухэй-батором была следующей: Ван-хан после смерти отца своего, Буюрук-хана, убил нескольких братьев и племянников… По этой причине его дядя Гур-хан воевал с ним и разбил Ван-хана. Некоторое время он (Ван-хан) скитался и наконец прибыл к Есухэй-батору. Есухэй-батор оказал ему помощь, разбил войско Гур-хана, так что заставил его бежать до страны Хашин (страны тангудов. — *А.М.*). Взяв у Гур-хана обратно владения Ван-хана, Есухэй-батор вернул их Ван-хану. Тогда-то Есухэй-батор приобрел такие права на его (Ван-хана) признательность, и они стали андами-побратимами.

После того, как младший брат Ван-хана, Эрхэ Хар, увидел, что Ван-хан, убив родных его, сделался предводителем [хэрэйдов], он спасся бегством и пришел в страну найманов, к Инанч-хану. Инанч-хан сжалился над ним и через какое-то время оказал ему помощь, послал войско [против Ван-хана], он отнял у него снова племя и войско, а самого заставил бежать.

В то время Есухэй-батор скончался. Ван-Хан, пройдя через три страны, пришел [на поклон] к государю туркестанскому, Гур-хану кара-китайскому (киданьскому. — *А.М.*). В той стране, а

также в городах уйгурских и тангудских произошла смута, и он остался без приюта. Ван-хан обеднел так, что имел всего пять штук овец, молоком которых он питался, и двух-трех верблюдов, от которых получал пропитание свое. После того, как некоторое время он пребывал в таком расстроенном положении, он услыхал молву о появлении у Чингисхана силы и мощи. В силу дружбы, которую он имел с отцом его, Есухэй-батором, он пришел весной в год Луу, который есть год Дракона*… в местность, называемую Гусэгур-нур, близ юрта Чингисхана, туда, где когда-то они жили вместе с Есухэй-батором. Оттуда Ван-хан отправил к Чингисхану, вверх по Керулену, двоих своих слуг, Тугая и Суэкэ, и о приходе своем повестил. Чингисхан выступил и двинулся навстречу ему. Когда они сошлись вместе, Ван-хан сказал: «Я оголодал и отощал».

Сердце Чингисхана сжалилось над ним, он наложил на монголов подать для него, поместил его в своем курене… Осенью, когда они вместе перекочевали в ущелье Хар хавцал, в силу того, что Ван-хан и Есухэй-батор были андами-побратимами, стали они (Ван-хан) с Чингисханом [считаться] отцом и сыном и устроили [по этому случаю] пир…

Рассказ о хуралдае Чингисхана с Ван-ханом в местности Саарь Хээр и выступлении их на войну с тайчудами

Весной года Бичин, который есть год Обезьяны*… Чингисхан и Ван-хан сошлись в пределах местности, называемой Саарь хээр, и устроили хуралдай, после которого единодушно выступили в поход для нападения на тайчудов. В то время предводителями у тайчудов были Анку-Хакучу, Курил, Кудудар и другие, которые были ниже их братьев и родичей, таких, как Таргудай Хирилтуг И подобные ему…

Тогтога бэхи, бывший вождем племени Мэргэд и бежавший в Баргузин, послал в ту пору на помощь к тайчудам братьев своих Худу и Орчана. Все это сборище соединилось в монгольских степях на реке Онон. Чингисхан и Ван-хан двинулись на них и сразились. Тайчуды и [прочие] племена, будучи побеждены, начали отступать. Войска Чингисхана преследовали Таргудая Хирилтуга и Кудудара до местности Энгут-Турас, где обоих убили…

Рассказ о походе Чингисхана войной на воеводу мэргэдского Алаг-Удура и бывших с ним некоторых: воевод из тайчудов и татар и о поражении его (Алаг-Удура)

Чингисхан пошел войной на войско собравшихся вместе племен Мэргэд, Тайчуд и Татар*. Их военачальниками были Алаг-Удур из мэргэдов, Киркан тайш из тайчудов и Джакур и Келбек из татар. Все они были предводителями племен и достопочтенными [людьми своего] времени.

Упомянутый [выше] Алаг-Удур в ту эпоху стоял во главе равных ему, знаменитых и достопочтенных предводителей [племен] и в мыслях [своих] имел желание и стремление к верховной (ханской) власти.

В ту эпоху был один умный и проницательный старец из племени баягуд, который говорил, что «Сача бэхи из племени хиад журхин стремится к ханской власти, однако это не его дело. Жамуха сэцэн, который беспрестанно натравливает людей друг против друга и учиняет различные хитрости и лицемерные [ухищрения], чтобы достичь своей [цели], также не добьется того… Жочи Хасар, брат Чингисхана, тоже имеет таковую страсть и желает отличиться, [рассчитывает] на свою силу и искусство стрельбы из лука; однако и ему [ханский престол] не достанется. Алаг-Удур из племени Мэргэд, стремящийся к ханской власти и показывающий величие и могущество, также [власти] не получит.

Этот Тэмужин, то есть Чингисхан, обладает внешностью, свойствами и способностями, необходимыми для того, чтобы властвовать, и, наверное, он достигнет ханского величия».

[Свои мысли], по монгольскому обычаю, он искусно излагал в стихах. В конце концов вышло так, как он и говорил…

Когда Чингисхан, выступив войной на это сборище, сошелся с ними в местности Далан Нумургэс, он разбил и заставил [врага] отступить. [Впоследствии] они вторично собрались…

Так как Жочи Хасар (брат Чингисхана. — *А.М.*) в то время [кочевал] отдельно от Чингисхана, Зэв находился при нем. Племя хонгирад пожелало прийти к Чингисхану и покориться, но Зэв подбил Жочи Хасара [ударить по ним] и обратить в бегство. [Тогда хонгирады] передумали подчиняться Чингисхану, не доверяя ему. По этой причине Чингисхан рассердился на Жочи Хасара и укорял его*.

Рассказ об уходе племени Хонгирад к Жамухе сэцэну из племени Джаджирад, о возведении его на гур-ханство этими племенами совместно с племенами Ихирэс, Хатагин и другими, об их намерении воевать [с Чингисханом], об его уведомлении и их поражении.

В год Курицы (1201-й. — *А.М.*) подвергшиеся нападению

[воинов Жочи Хасара] хонгирады, будучи в замешательстве, потеряли голову и ушли к Жамухе сэцэну. Хонгирады вместе с племенами Ихирэс, Горлос, Дурбан, Татар, Хатагин и Салжуд собрались на берегу реки Кем и возвели Жамуху на гур-ханство. Значение Гур-хана есть государь султанов и правителей. Когда он стал Гур-ха-ном, они замыслили воевать с Чингисханом…

Когда… Чингисхану доложили [об этом], он немедленно выступил на войну против них, сразился с Жамухой в местности, называемой Еди-Хорган, и разбил его. Племя хонгирад тогда же покорилось [Чингисхану]…

Рассказ об объединении Буйруг-хана, брата хана найманского, и Тогтога бэхи, вождя мэргэдов и других племен — Татар, Хатагин и прочих, об их выступлении с большим войском на войну с Чингисханом и их гибели от снега и бурана

Осенью года Собаки (1202-й. — *А.М.*) Тогтога бэхи мэргэдский, племена дурбан, татар, хатагин, салжуд с их предводителем Ухуту-батором и вождь племени Ойрад, Хутуга бэхи, — все это сборище, которое многократно воевало с Чингисханом и Ван-ха-ном, бежало и нашло прибежище у Буйруг-хана. Объединившись с ним и сформировав большое воинство, они выступили на войну с Чингисханом и Ван-ханом.

[Найманы] сделали камлание, чтобы пошел снег и начался буран. Смысл камлания заключается в следующем: читают заклинания и кладут в воду разные камни, в результате чего разверстываются хляби небесные.

[Однако] тот снег и буран обернулись против них самих… Известно, что в том месте [многие воины] Буйруг-хана найманского и упомянутых племен монгольских, которые были с ним заодно, лишились от жестокой стужи рук и ног. Буран был такой силы, что множество людей и лошадей погибли, сорвавшись с высоты.

[Так как] с племенами, которые возвели Жамуху на гур-ханство и [затем] пришли вместе с Буйруг-ханом повоевать Чингисхана, вышло такое [несчастье], Жамуха вторично склонился на сторону Чингисхана; [по пути] он разграбил стойбища племен, которые возвели его на гур-ханство, и пришел на службу к Чингисхану…

В ту зиму Чингисхан пожелал для старшего сына своего, Жочи, сестру Сэнгума (сына Ван-хана. — *А.М.*), Чаур бэхи, а Ван-Хан — дочь Чингисхана Худжин бэхи для Туе-Бука, сына Сэнгума. Но дело не состоялось, поэтому между ними появилось некоторое

неудовольствие.

Рассказ о поездке Жамухи сэцэна к Сэнгуму, сыну Ван-хана, о привлечении его к враждебным действиям против Чингисхана, об объединении их и других племен и о сражении Чингисхана с ними в местности Халалжид элст.

Так как Жамуха, в сущности, был завистником и зложелателем Чингисхана, чрезвычайно коварен и зловреден, улучив подходящий момент, он пошел к Сэнгуму и сказал: «Мой старший брат Чингисхан сговорился с Таян-ханом, вашим врагом, и беспрестанно посылает к нему послов». [Злопыхатель] Жамуха вселил в душу Сэнгума эту мысль, и Сэнгум по простоте душевной ему поверил. Они сговорились с ним о том, что, «когда Чингисхан нападет, войска наши устремятся со всех сторон, дабы его поразить».

Так как дядя Чингисхана, Даридай отчигин, и двоюродные братья его Алтан, сын Хутулы-хана, Хучар, сын Нэхун тайша, вопреки запрету Чингисхана, взяли во время сражения с татарами добычу, Чингисхан у них отнял ее. Рассердившись на него, они также пристали к Сэнгуму. И Тагай-Кулакай из племени мангуд, и Мухур-Хуран, глава племени адархин, что из Нирун, с тем сборищем соединились, чтобы поразить Чингисхана.

В то время Сэнгум кочевал отдельно от отца… Он отправил послом к отцу некоего Салхан-Туда из числа своих нукеров и так устроил, чтобы [подданные] Чингисхана и его войско смешались с его людьми и войском. Он искал благоприятного случая для [исполнения] своих замыслов и совещался с Жамухой. Жамуха называл Сэнгума андой-побратимом; с Чингисханом они были также анды.

Через того посла Сэнгум извещал отца о том, что «сын Огэлун-эхэ, Чингисхан, который претендует на твою дружбу и благорасположение, замыслил такое-то вероломство. Мы же думаем, как его опередить и поразить».

Ван-Хану эти слова пришлись не по душе, и он сказал: «Жамуха — обыкновенный пустослов, бесчестный и не заслуживающий доверия. И слова его не должно слушать!»

Через некоторое время Чингисхан отошел от них (стойбища Сэнгума) и остановился далее.

Весной в год Свиньи (1203-й. — *А.М.*) Сэнгум вторично отправил посла к отцу со словами: «Как могут дальновидные и здравомыслящие люди пропускать мимо ушей [правдивые слова], не видеть очевидного!»

Когда Ван-хан услышал гневные слова сына, он сказал: «Мы с ним (Чингисханом) стали побратимами, и несколько раз он великодушно оказывал нам вспоможение имуществом и всем прочим. Как ты можешь думать о нем такое? Что тут скажешь? Сколько вас ни останавливаю, вы не слушаетесь. Даже на старости лет не видать мне покоя! Коли вы не слушаете моих речей, поступайте как знаете. Бог вам судья!» Сказав это, Ван-хан чрезвычайно опечалился.

После этого они тайно подожгли пастбище, где находилось стойбище Чингисхана. Он так и не узнал, чьих это было рук дело. Затем они замыслили следующее: прежде он желал взять дочь Ван-хана Чаур бэхи для сына своего Жочи, но ему отказали. Теперь же они решили: пошлем и скажем, что мы отдаем им свою дочь, пригласим их на пир, и, когда он придет, мы его схватим…

Когда Чингисхана оповестили об этом (о приглашении Сэнгума. — *А.М.*), он двинулся в путь с двумя нукерами. По дороге он заехал в стойбище к отцу Мунлигу из племени хонхотан, который был отцом Тэв Тэнгэра, и там переночевал. Посоветовавшись с отцом Мунлигом, Чингисхан [не поехал к Сэнгуму] и отправил с [их] посыльным такой ответ: «Наши кони отощали. Мы откормим их и одного человека пошлем на сговорный пир». Чингисхан отправил назад посыльного Сэнгума, а сам отправился домой. После этого Ван-хан и Сэнгум замыслили идти войной на Чингисхана…*

Рассказ о восшествии Чингисхана на ханский престол после того, как он разгромил Ван-хана, который был почтенным предводителем [хэрэйдов], и о закреплении за ним ханского звания

Когда Чингисхан разгромил войско Ван-хана и, низложив его с сыном, обратил их в бегство, племена хэрэйдов покорились ему. Зимой года Свиньи (1203-го. — *А.М.*) в местности, называемой

Тэмээн хээр, Чингисхан занимался [облавной] охотой, после чего радостный и счастливый воротился в ставку победителем. Так как ему далась такая великая победа, ханская власть его укрепилась; отовсюду к нему приходили племена и принимали подданство. Тогда он устроил великое собрание и в благодарность за ту великую благодать установил хорошие и твердые уставы (яса) и благополучно воссел на ханский престол… *

Рассказ о походе Чингисхана войной на Таян-хана и о

поражении Таян-хана

Хотя Чингисхану было известно враждебное к нему отношение Таян-хана, однако он снова удостоверился в этом, [выслушав онгудского] посла Торбидаши. Поэтому весной года Мыши (1204-го. — *А.М.*) он созвал хуралдай в местности Темегэ Бедин-Тул-кулджут.

Военачальники единодушно молвили: «Лошади наши отощали; вот откормим их и осенью нападем». Отчигин-нойон, дядя Чингисхана, сказал: «Нукеры! Что это еще за предлог — худоба лошадей! Коль скоро мы услыхали такие речи [найманов], мы выступим с войском [немедля]! Как можно [позволить] Таян-хану захватить нас? Это мы должны пойти и захватить его! И скажут [наши потомки]: в этом месте схватили Таян-хана. Так мы прославим свои имена. Что же касается того, кто кого победит: мы его или он нас, ведает только Великий Господь. Так выступим же тотчас!»

После этого Бэлгудэй, брат Чингисхана, обращаясь к нему, сказал: «Если найманское племя отберет у нас колчаны, они разнесут наши кости [по степи]! Они кичатся своим превосходством, потому что их улус большой и многочисленны их табуны и стада. Но что они нам могут сделать с их большим улусом, множеством табунов и стад, если мы опередим их? Что мешает нам первыми захватить их колчаны?»

Чингисхан одобрил его слова и [вскоре] выступил войной на Таян-хана…

Таян-хан принял бой. Чингисхан приказал Жочи Хасару командовать срединным полком войска, а сам лично расставлял [остальные полки]. Когда Жамуха сэцэн увидел издали боевой порядок воинства Чингисхана, он сказал, обращаясь к нукерам: «Заметьте, как изменился боевой порядок войска моего анды-побратима*. Племя найманское не делится добычей с другими; и нам от них не будет толку». Сказав это, он поворотил коня и покинул [общий] строй.

В тот день было большое сражение. Ближе к ночи войско Таян-хана было разбито, обратилось в бегство с поля битвы. Таян-хан получил много тяжелых ран. Он нашел прибежище у одной горы; с ним находился Хорису бэчи и несколько других нукеров. Какие бы усилия они ни употребляли и какие бы старания ни прилагали, чтобы он встал и продолжил битву, от тяжести ран Таян-хан не имел возможности двинуться. Тогда Хорису бэчи сказал другим военачальникам и нукерам: «Теперь я скажу слово, от которого, я знаю, он придет в себя и поднимется на ноги». И он сказал: «Таян-хан! Мы находимся [на вершине] горы. Так встань

же, спустись с нами с хребта и пойди [вместе с нами] в бой!» То слово Таян-хан услыхал, но нисколько не оживился и не поднялся на ноги. Тогда [Хорису бэчи] снова сказал: «О Таян-хан! Супруги твои, особенно возлюбленная твоя Гурбэсу, украсив себя и приведя в порядок ставки свои, ожидают тебя! Встань же, и пойдем!» И это слово слышал Таян-хан, но не смог пошевелиться. Тогда Хорису бэчи сказал нукерам: «Если бы у него было хоть немного силы, он пошевелился бы или ответил. Теперь, прежде чем увидать кончину его, пойдемте и сразимся пред его очи, чтобы он видел смерть нашу».

Они спустились с того хребта и жестоко сражались, пока не были убиты. Как ни желал Чингисхан взять их живыми, так и не смог. Чингисхан был восхищен ими, чрезвычайно хвалил их верность и твердость. Он сказал: «Всякому, у кого будут такие нукеры, незачем печалиться!»…

В том сражении племена дурбан, татар, хатагин и салжуд все покорились и пришли на службу Чингисхану, а мэргэды не явились и бежали; Хучулуг, сын Таян-хана, бежал к брату отца своего, Буйруг-хану…

Рассказ о походе Чингисхана в страну Хашин, которую называют Тангуд, и о покорении их крепостей и городов

Когда благополучно наступил год Быка (1205-й. — *А.М.*), Чингисхан, приведя в порядок войска, направил армию в страну Хашин, которую называют Тангуд. Когда они пошли в ту страну, пришли сначала к крепости, которую называли Ликили, которая была чрезвычайно укреплена. Они осадили ее, вскоре взяли и разрушили все до основания. Оттуда они пошли к городу, имя которого есть Киленгуси. Это был город чрезвычайно большой. Они также взяли его и разграбили. Они взяли и некоторые другие области тангудские, разграбили их, угнали весь скот, который нашли в тех пределах, и возвратились к Чингисхану с богатыми трофеями, бесчисленным количеством верблюдов.

Рассказ о великом хуралдае Чингисхана, на котором он повелел воздвигнуть белое девятибунчужное знамя и [на котором] за ним был утвержден титул «Чингисхан»…

Когда благополучно и счастливо наступил год Барса (1206-й. — *А.М.*), в начале весны Чингисхан повелел воздвигнуть белое девятибунчужное знамя и устроил великий хуралдай. На этом

хуралдае за ним утвердили титул «Чингисхан», и он счастливо воссел на престол. Утвердившим это звание был сын Мэнлига из племени Хонхотан, Хухучу, которого называли [также] Тэв тэнгэр. Значение «чин» — сильный и крепкий, а «чингис» — его множественное число, подобное [титулу] Гур-хан, которое было прозванием великих государей кара-китайских, т. е. государь сильный и великий…

Рассказ о походе против вождя мэргэдов Тогтога бэхи, который неоднократно вел войну и заводил смуты [против Чингисхана], а во время [этого похода] был убит

В год Дракона (1208-й. — А.М.) Чингисхан воротился в ставку с победой над страною Тангуд и кыргызами, правители которых покорялись. Там он провел конец лета, а зимой отправился в погоню за Тогтога бэхи и Хучулугом, которые оба бежали после разгрома Буйруг-хана и пришли в места [близ реки] Иртыш. Дорогой караульные и передовые войска Чингисхана случайно наткнулись на племя ойрад, главою которого был Хутуга бэхи. То племя, не имея возможности и силы к войне и сопротивлению, покорилось, присоединилось к войску Чингисхана и взялось быть их проводниками. Внезапно они наехали на Тогтога бэхи, вождя мэргэдов, и Хучулуга, сына Таян-хана. [Ворогов] окружили, их имущество, табуны и стада захватили. Тогтога бэхи был убит в сражении, а Хучулуг с немногими людьми спасся, бежал и нашел убежище в стране кара-китайской. Он находился там некоторое время, после чего Гур-хан кара-китайский обласкал его, назвал сыном и затем отдал ему дочь свою…

Рассказ о принятии подданства племенем уйгуров

и пожаловании Чингисханом их правителя Идугуда

Весенней порой года Змеи (1209-го. — *А.М.*) Идугуд, правитель уйгуров, склонился на сторону Чингисхана, так как он слышал молву о величии, могуществе, справедливости и щедрости Чингисхана. В то время уйгуры были данниками Гур-хана [кара-китайского], старший вельможа которого по имени Шукем сидел [в их стране] наместником.

Идугуд убил наместника Шукема и намеревался отправить послов с прошением к Чингисхану о подданстве. Молва о том событии достигла слуха Чингисхана, и он сам отправил

посольство к Идугуду…

Когда они пришли, Идугуд весьма обрадовался их прибытию: почтил и уважил их и, выразив свою преданность, отправил вместе с ними к Чингисхану двух своих послов. Он передал через них следующее: «Я слышал от всех приходящих и уходящих о могуществе, величии, власти и силе царя миродержца и миропокорителя. Я воспротивился власти кара-китайского Гур-хана и хотел отправить к тебе послов, чтобы изложить подробно положение Гур-хана и все другое, что я знаю, и честно служить тебе. Как раз в это время, опередив меня, прибыли твои послы… Возрадовалось мое сердце. И потому я отдаю всю страну уйгурскую [тебе, Чингисхан,] и становлюсь слугою и сыном твоим»…

Когда те два упомянутые посла пришли [вместе] с послами Чингисхана и послание Идугуда передали, Чингисхан принял их с почестями и повелел: «Коли Идугуд действительно искренне желает ему служить, то пусть возьмет из того, что он имеет в казнохранилище, и лично принесет [дань]».

С этим важным делом он вторично послал своих послов [к Идугуду]. Когда они пришли туда, Идугуд осмотрел казнохранилище, и то, что признал достойным и соответственным, он взял и отправился к Чингисхану.

Чингисхан, вторично отправив посольство к Идугуду, лето года Лошади (1210-го. — *А.М.*) провел в своей ставке. Идугуд был занят приготовлениями [к поездке к Чингисхану] и еще не прибыл. Тем временем наступила осень. Чингисхан ополчился на страну тангудов*. Он прибыл к городу, который называют Яргай, и призвал [тангудов] к подчинению. Государь страны тангудов, [подчинившись], отдал ему в жены свою дочь. Когда весной года Барана (1211-го. — *А.М.*) Чингисхан возвратился [в свою ставку] победителем, туда благополучно прибыл [предводитель уйгуров] Идугуд, и правитель харлугов Арслан-хан также пришел подчиниться Чингисхану…

*Рассказ о начале похода Чингисхана на Хитай, Кара-Хитай и Джурджэ и овладении большей частью того государства, которое монголы называют Джаокут**

Весной года Барана (1211-го. — А.М.) Чингисхан пошел в поход на страну Хитай. Перед этим он послал в охранение на западные рубежи своего улуса двухтысячный отряд под командованием Тохучара из племени хонгирад, которого [еще] называли Далан турхаг Тохучар. Это было сделано для того,

чтобы, когда он (Чингисхан) пойдет в страну Хитайскую, его орды и тыл были в безопасности, и [чтобы] монгольские племена, [а также] хэрэйды, найманы и другие народы, которые большею частью были покорены, не сговорились бы снова за его спиной и не замыслили супротив него чего-нибудь. После того, как он предпринял эти меры предосторожности и подготовил войско, осенью упомянутого года он благополучно выступил в поход, чтобы покорить страну Хитай, Кара-Хитай и Джурджэ, которую монголы называют Джаокут…

Когда Чингисхан двинулся в те пределы, сначала он пришел к озеру Тал-нур и взял города Тису (Да шуй Луань) и Бадини (Бай-дэн-чэн). Затем они взяли города Туша (Ушабуу), Хучженъ-чжеу (Чанчжоу), Хунь-чжеу (Хуань-чжоу) и Фу-чжеу (Фучжоу).

Сыновья Чингисхана Жочи, Цагадай и Угэдэй взяли города*: Юн-юй (Юнь-нэй), Дунь-чженъ (Дун-шэн), Ду-чжеу (У-чжоу), Сунь-чжеу (Сюань-чжоу) и Юнь-чжеу (Нин-чжоу).

Затем [монголы] захватили один чрезвычайно большой город — Сибкин (Си-цзин)*… (затем), не делая обхода, прошли и ушли*…

Чингисхан остановился у города, называемого Фучжоу, и осадил его*. Командующие войском Джурджэ — Гю-гянь Нарду (Ваньянь-гюгянь), Чжиутай Утеду (джау-тау Цзю-цзинь), Ану-Нарду (цзянь-цзюнь Вань-ну) и Мянган*, которые командовали тумэнами, шли [навстречу Чингисхану] с большим войском. На перевале Унэгэн даваа они остановились и перестроились в боевой порядок…

Цань-чжэнь Багуша (Ваньян Хуша*) сказал главнокомандующему войсками Джурджэ [Ваньянь] гю-гяню: «Войска Чингисхана разграбили город Фучжоу и, занимаясь разделом добычи, лошадей отпустили на пастбища. Сейчас они беспечны и не знают [о наших планах]. Если внезапно нагрянем, мы их разобьем».

Гю-гянь сказал в ответ: «Места там непростые. Нападем на них рано утром совместным ударом пехоты и конницы!»

Закончив совет, они выступили [в сторону монголов]. Чингисхан получил известие об этом [наступлении врага], в то время когда войска были заняты принятием пищи. [Тем не менее] они опрокинули котлы и поспешно выступили. Придя и встав двумя отрядами в местности, называемой Хурчжоу, [монголы] стали ожидать неприятеля…

Чингисхан, разделив свое войско надвое и построив в боевой порядок, внимательно наблюдал за приближением неприятеля. Армия Алтан-хана была весьма многочисленна. Ее главнокомандующий, упомянутый Гю-гянь, призвал одного из

командиров по имени Мянган и сказал ему: «Ты прежде находился среди монголов и знаешь Чингисхана. Ступай и скажи ему: «Что ты видел от нас плохого, что вот так, с войском, идешь на нас?» Если он в ответ будет перечить, поставь его на место крепким словом!»

Чингисхан штурмует китайский город

(фрагмент миниатюры XVI века)

Мянган, выполняя приказ Гю-гяня, пришел к Чингисхану и передал слова своего командующего. Чингисхан приказал его схватить и держать, чтобы допросить его после сражения.

Тем временем обе рати сошлись, и завязалась битва. Скоро войско монгольское разбило передовую часть войска хитайского; было убито столько врагов, что все поля в тех пределах стали зловонны от гниющих тел убитых. [Монголы] устремились вслед за отступающими, пока не достигли [расположения] главных сил [врага]. В местности Хой-хэ-пху были повергнуты и обращены в бегство и эти отборные войска [цзиньцев], командиром которых был Хуша.

Это было крупное и прославленное сражение, которое и поныне у монголов весьма известно как «сражение Чингисхана на перевале Унэгэн даваа». Много прославленных хитайских полководцев были убиты в том сражении.

Чингисхан достиг, чего хотел, и поэтому воротился оттуда счастливый.

Возвратившись в ставку, он спросил у взятого под стражу перед самым сражением Мянгана: «Что плохого я сделал тебе? Почему ты на людях позволил себе оскорбить меня?»

Мянган ответил: «Я давно замыслил прийти к тебе на службу, но я боялся, что меня заподозрят и помешают явиться к тебе. Когда Гю-гянь решил послать кого-нибудь к тебе с этим посланием, я сам вызвался и под этим предлогом пришел к тебе просить взять меня в услужение. Не представься мне такой случай, я вряд ли бы смог к тебе прийти».

Чингисхан одобрил его речь и освободил Мянгана.

После этого они взяли и разрушили город Сюань Дэ, который был одним из самых больших городов. Оттуда пошли к городу Даинь-ху (Дэ син), который был также велик. В тех пределах много садов и цветников, и вино там в изобилии.

Когда они подошли [к Дэ сину], их встретило многочисленное и сильное войско. [Монголы] не смогли приблизиться [к городу] и воротились. Тогда они послали туда с войском Толуй-хана и Чигу-хургэна, который был сыном Алчинойона из племени хонгирад. Они сразились и разбили [цзиньцев], взошли на городскую стену, взяли крепость Чжу и возвратились*.

[Цзиньцы] вторично возмутились, и Чингисхан осенью (1213 года. — *А.М.*) сам пошел [на Дэ син], захватил и разрушил его*. Чингисхан подошел к одному из самых больших городов Алтан-хана, который называется Хуай-лай*. Ему противостоял с большим войском вельможа Алтан-хана Гю-гэ Чжунг-ше (Чжу-ху

Гао-ци). Гю-гэ (Гао-цы) есть имя, а значение Чжунг-ше (Чжу-ху) — командующий десятитысячным [войском]. Чингисхан с ним сразился, разбил и гнал до [крепости] Хавцал. Значение слова «хавцал» есть «[горный] проход». Такие укрепления с воинским гарнизоном были устроены [цзиньцами] в каждом горном проходе…

Чингисхан оставил Хэтэя и Бочэ с войском перед [северным проходом] в это ущелье, а сам направился в обход (с запада) к другому горному проходу, который называется Сикин-гю (крепость Цзицзингуань).

Алтан-хан, которого об этом [маневре монголов] известили, срочно послал большое войско во главе с командиром Нодуном, чтобы не позволить отряду Чингисхана преодолеть этот горный проход [и закрывающую его заставу] и выйти на [оперативный] простор. Пока [цзиньцы] добрались туда, Чингисхан уже прошел через проход и заставу и послал свое войско под командованием Зэва к крепости в Хавцальском ущелье, чтобы, подойдя с тыла, он [захватил] ее и охранял. Зэв застал врага врасплох и захватил крепость. Оставленные [ранее Чингисханом] перед горным проходом [с севера] Хэтэй и Бочэ присоединились к нему. После этого Чингисхан послал Хэтэй-нойона с пятью тысячами конников, чтобы они взяли под свою охрану все дороги, ведущие к городу Жунду, а сам осадил город Чжочжоу. И после двадцати дней осады взял его*.

[Зимой 1213 года] Чингисхан отослал [войска правого крыла под командованием] Жочи, Цагадая и Угэдэя [вдоль южной стороны] хребта Чжо-лу (Тайханшай), чтобы овладеть теми пределами. Они захватили все города и крепости от города Ту-чжоу до города Хуай-Мынь-Чжоу; взяли два больших города, из коих один монголы называют Чаган-балгасун, а на китайском языке — Чжинь-Цзин-ху (Чжан Чжи), а другой, который поменьше, называют Ву-чжоу. Оттуда они пошли к Хар-Мурэну (Желтая река. — *А.М.*)… Возвращаясь оттуда, они разграбили город Тунг-Фу.

Чингисхан послал [на восток] войска левого крыла [под командованием младшего брата] Хасара, Алчи-нойона и Бочэ из [племени] хонгирад и Журчидая… чтобы они, пройдя вдоль берега моря, покорили [эти пределы]. [Сначала] они пошли и захватили города Цзи-чжеу (Цзинь Чжоу) и Ли-чжеу (Луань-чжоу). [Пойдя дальше], они захватили и разрушили все крепости, которые были у них на пути, после чего возвратились.

Чингисхан вместе с Толуй-ханом, которого также называли Их-нойон (монг. «Великий господин». — *А.М.*), повели войско центра посередине. Не останавливаясь, они проследовали мимо

двух больших городов, Дань-бянь-фу и Дай-минь-фу. (Но затем) они захватили все попадавшиеся по пути города, деревни и укрепления, разрушили их и возвратились…*

Рассказ о прибытии Чингисхана в окрестности города Жунду, о том, как Алтан-хан в знак подчинения [Чингисхану] отправил ему свою дочь, о бегстве Алтан-хана в город Намгин, об осаде и завоевании Жунду войском Чингисхана

…Чингисхан прибыл в пределы упомянутого выше города Жунду. В конце весны (1214 года. — *А.М.*) Алтан-хан находился в том городе вместе с начальником войска своего по имени Гюгянь, который имел звание юань-шуай, т. е. главнокомандующий войсками. Это был тот главнокомандующий, который однажды уже сражался с Чингисханом. Алтан-хан устроил совещание в присутствии своих военачальников, где поставил вопрос: «Монгольские воины [из-за жаркого климата] разболелись, и [войско] разом ослабело. Что, если мы теперь сразимся с ними?»

Другой придворный вельможа, юнъ-гун чин-сан (первый министр Вань-янь Фу-син), сказал: «Не стоит это делать! Ведь наши воины собраны из окрестных поселений и имеют семьи: жен и детей. Разве мы можем [теперь] знать их мысли и мысли каждого человека [в отдельности]? Если вдруг мы будем разбиты, все они разбегутся по своим жилищам, а если мы разобьем монголов, они [и подавно] уйдут к женам и детям. Как можно положиться на авось, рискуя лишиться отчины, земли дедов и предков и высокого царского престола? Нельзя поступать необдуманно. Теперь должно отправить посла [к монголам] для примирения. [Узнав, что мы подчиняемся], они непременно удалятся из наших пределов, тогда-то мы все и перерешим».

Алтан-хан одобрил его предложение и отправил посла к Чингисхану, а с ним [к монгольскому хану] послал свою дочь, Гунж-хатан*. Вместе с ней он отправил своего почтенного вельможу по имени Фукин чин-сан. Когда они прибыли туда, передали Чингисхану послание Алтан-хана и вручили девушку, он был удовлетворен их покорностью и [решил] пойти восвояси. Тот (цзиньский) вельможа, сопровождая Чингисхана, вместе с ним перевалил через Цавчалский перевал и дошел до местности под названием Мачи. Отсюда он воротился.

Спустя четыре месяца в том же году (в мае 1214 года. — А.М.) Алтан-хан ушел в город Темкин (Намгин) и перенес туда резиденцию. Этот город находится на берегу Хар-мурэн (Желтой реки. — *А.М.*). Описывают его чрезвычайно большим; в

окружности сорок фарсангов. В древности он был столицею китайских государей; имеет три чрезвычайно крепкие стены, реку (как естественную преграду. — *А.М.*), сады и цветники без числа.

Для защиты города Чжунду он (Алтан-хан) оставил сына своего и двух знатных вельмож, Фу-гин (чин-сана) и Цинь-чжуна, ему в помощники.

Алтан-хан [по пути в Намгин] прибыл в город Чжо-чжоу (чжеу). Войско кара-киданьское, которое [сопровождало его] и Шло следом за ним, догнало Алтан-хана в местности Лин-Лингя-Гильсун (Лян-сянь); он приказал разоружить [киданей]. Они воспротивились приказу [Алтан-хана], убили местного управителя по имени Сянь-гун. Затем (кидане) поставили предводителями своими трех человек: Чжида, Бейзер и Жалар и выступили обратно [в направлении Жунду].

Это известие достигло Фу-гин чин-сана, который был одним из вельмож Алтан-хана и следовал в арьергарде. Тотчас он послал войско к мосту, который был на их пути, чтобы не дать им переправиться через него.

Тем временем кара-киданьское войско достигло татарских племен, которые обитали в тех пределах и были подданными Алтан-хана. Кидани присоединили их к себе, затем переправили тысячу человек через реку, чтобы зайти в тыл [цзиньским] войскам, которые охраняли мост. Они обратили их в бегство, некоторых убили, захватили и забрали себе лошадей, оружие и провиант. Переправившись через мост, они (кидане) угнали все табуны и стада сына Алтан-хана и его вельмож, которые находились на пастбищах недалеко от Жунду. Они насытили и накормили войско свое…

Прошло уже пять месяцев, как Алтан-хан поручил охрану города Жунду своему сыну и Фу-гин чин-сану и Цинь-чжуну, после чего (в июле 1214 года. — *А.М.*) сын Алтан-хана оставил город вельможам и ушел к отцу, в Темкин (Намгин).

Чингисхан послал с войском из монголов Самукэ-батора из племени салжуд и Мянганя из народа Джурджэ, который [ранее] покорился и был почтен, чтобы они прошли за пределы Жунду и привели бы от города Жунду то войско кара-киданьское, которое, бежав от Алтан-хана, прислало к нему посла. Они пошли, увели то войско и все вместе осадили город Жунду.

Алтан-хан, слышавший прежде, что в городе Жунду не оставалось ни съестных припасов для войска и жителей, ни фуража для животных, послал (в марте 1215 года. — *А.М.*) князя темника по имени Чжун-шай (юань-шуай Ли Ин), с тремя другими князьями, один по имена Гун-су, второй Кам-Сай и Ли-фин, чтобы они доставили в город Жунду провиант…

Когда они двинулись со съестными припасами, Чжун-шай пошел дорогою на город и крепость Сюань-фэн-чжай (около города Чжо-Чжоу), а другие князья пошли иным путем. В местности Син-бэй (укрепление Цин-гэ города Ба-чжоу) войско Чингисхана противостало им и отняло все, что несли оба отряда.

Так как съестные припасы не дошли в города Жунду, тамошние жители от чрезмерного голода ели человеческое мясо и умирали. Фу-гин чин-сан, которого Алтан-хан оставил с сыном своим в городе Жунду, принял с горя яд и умер. Другой князь, по имени Цинь-чжун, следуя завещанию умершего (Фу-гин чин-сана), ушел к Алтан-хану в Темкин.

Посланные Чингисханом Мянган с Самукэ-батором (в мае 1215 года. — *А.М.*) вошли в город Жунду и отправили посла к Чингисхану, сообщая «мы-де взяли город Чжуду благодаря удаче, сопутствующей Чингисхану»…

Рассказ о возвращении Чингисхана из страны Хитай и прибытии в свою ставку

После того, как в течение трех-четырех лет (Чингисхан) покорил и завоевал хитайские области и крепости, он, осуществив желаемое, победоносно отправился (осенью 1215 года. — *А.М.*) из той страны и в упомянутый же год Мыши (1216 год. — *А.М.*) пришел в свою ставку…

Рассказ о том, как Чингисхан закрепил за Мухали титул гуй ван и отправил его с войском на завоевание страны хитайской

В год Барса (1218-й. — *А.М.*) Чингисхан закрепил за Мухали титул гуй ван*. Причиной было то, что перед этим он послал его в пределы страны Джурджэ, а племена чжурчжэньские называли его гуй ван, т. е. государь одного округа. Когда Чингисхан послал его вторично в те пределы, он сказал, что это прозвание есть хорошее предзнаменование, и пожаловал ему (официально) этот титул. Чингисхан дал ему в подчинение тумэн войска… Дав в подчинение Мухали гуй вану эти войска, Чингисхан приказал ему, чтобы он охранял то, что было покорено в пределах областей хитайских и чжурчжэньских; и, по возможности, покорял то, что еще не было покорено. [В то время] Алтан-хан находился в городе Темкин (Намгин), он еще владел частью территории Хитая, и все [верные ему] войска стекались к нему…

Рассказ о поиске Хучулугом покровительства у Гур-хана, о предательстве Хучулугом своего покровителя, об убиении Хучулуга и окончательном уничтожении монголами племени найманов

Как было сказано выше, когда Чингисхан освободился от войны с Хитаем, он отправил Мухали гуй вана с большим войском для охранения Хитая и стороны восточной, а сам направился в западные пределы*.

Зэв-нойона он отправил вперед с большим войском для уничтожения Хучулуга. В это время Хучулуг находился в городе Кашгар. Монгольское войско подошло к городу, но еще не вступало в бой, а Хучулуг уже обратился в бегство.

Зэв-нойон огласил [высочайшее повеление] о том, что каждый человек свободен в вероисповедании и вправе следовать путем веры своих дедов и отцов*. Солдаты Хучулуга, расселенные в городе в домах мусульман, тут же все были уничтожены.

[Тем временем] войско монгольское пустилось по следам Хучулуга; но его гнали отовсюду, где бы Хучулуг ни останавливался. В конце концов он сбился с пути в гористой местности в пределах бадахшанских. В ущелье, которое называют Сарык-куль, его схватили, убили и возвратились…

Рассказ о походе знамен властелина мира, императора Чингисхана в пределы султана Мухаммеда хорезмшаха и покорении его

Когда наступил год Зайца (1219 год. — *А.М.*)… Чингисхан назначил сыновей и сподвижников [командирами] тумэнов, тысяч и сотен, созвал и устроил хуралдай, положил основание Ясе из нововведений и древних уставов и пошел войной в страну хорезмшаха. В год Дракона (1220 год. — *А.М.*) он провел лето в пути к реке Иртыш, отправил послов к султану Мухаммеду с извещением о походе на него, дабы отомстить султану за убиение купцов*. Осенью он приказал выступить в поход…*

Рассказ о прибытии Чингисхана к городу Отрар и взятии его монгольским войском*

В конце осени упомянутого года Дракона* Чингисхан с храброй армией прибыл к городу Отрар; шатер его воздвигли перед городскими укреплениями. Султан дал большое войско

Гаир-хану, а на помощь ему отправил Караджа-хана с 10 000 конницы; крепостные стены были укреплены, военное снаряжение подготовлено. Чингисхан приказал, чтобы Цагадай и Угэдэй с несколькими туманами войска обложили город.

Жочи с войском был направлен в сторону Дженда и Енгикента, а несколько других командиров были отправлены со своими войсками в Ходженд и Бенакет. Сам Чингисхан с сыном Толуем двинулся на Бухару.

У Отрара сражение продолжалось пять месяцев. Наконец, жители Отрара дошли до отчаяния. Караджа дал согласие на изъявление покорности и сдачу города, но Гаир-хан, зная, что он есть зачинщик той распри, никак не думал с ним соглашаться под тем предлогом, что не хотел предавать своего господина. По этой причине Караджа не настаивал более и ночной порой вышел со своим войском за городские ворота. Монгольские воины схватили его и привели к сыновьям Чингисхана. И молвили они: «Ты не остался верен собственному господину, так как же нам доверять тебе!» И казнили они его. Захватив город, они выгнали из него всех жителей, как стадо баранов, после чего разграбили его. Гаир-хан с двадцатью тысячами воинов укрылся в цитадели, из которой каждый день делали вылазки отряды по пятьдесят человек. Сражения не прекращались в течение месяца, в результате чего большинство защитников крепости были убиты. Гаир-хан остался в живых всего с двумя воинами. Вскоре и они были убиты, а Гаир-хан, покинув крепость, забрался на крышу. Оставшись без оружия, он бросал в наседавших монголов камни. Наконец он был окружен и схвачен.

После этого монголы сровняли с землей крепостные стены и укрепления. Часть пленных угнали в полон, чтобы использовать при осаде Самарканда и Бухары, а самого Гаир-хана казнили в Кук-сарае*, после чего отправились дальше…

*Рассказ о прибытии Чингисхана к городу Бухара * и о том, как он его захватил*

Отправив сыновей и командиров на завоевание разных городов и областей, сам Чингисхан отправился из Отрара в Бухару. Во главе своего храброго войска и в сопровождении младшего сына Толуя, прозванного Их нойоном*, Чингисхан двинулся в направлении города Зарнук*. К укреплению они подошли неожиданно, на рассвете. Жители в страхе спрятались за крепостными стенами. Чингисхан отправил к ним послом Данишменд-хаджиба, дабы сообщить о своем прибытии и

предложить сдаться. Неразумная чернь набросилась было на него с оскорблениями и угрозами, но Данишменд воскликнул: «Я — Данишменд-хаджиб, мусульманин и сын мусульманина. По приказу Чингисхана я пришел посланником, чтобы спасти вас от гибели. Чингисхан прибыл сюда с храбрым и мужественным войском. Если вы вздумаете сопротивляться ему, в одно мгновение крепость сделается равниной, а поля от крови превратятся в Сейхун (Сырдарью. — *А.М.*). Если же вы послушаете совета и покоритесь и подчинитесь ему, то души и имущество ваше останутся невредимы».

Услышав эти разумные речи, они увидели спасение свое в изъявлении покорности. Отцы города выступили вперед и отправили [к Чингисхану] послов с разными яствами. Когда ему доложили о прибытии посольства [горожан], Чингисхан потребовал к себе городского голову Зарнука и разгневался, когда его не оказалось среди посольства. За ним был послан один из послов. Тогда городские вельможи поспешили явиться к нему; они были помилованы и удостоились разных почестей.

Затем Чингисхан повелел вывести всех горожан за городские стены; молодые были отобраны и отправлены в хашар Бухары*, остальным было позволено возвратиться, а город с тех пор именовался Кутлук-балык (Счастливый город).

Один туркмен-проводник, который знал все местные дороги и тропы, вывел войско [Чингисхана] к окрестностям Нура*… Чингисхан отправил в Нур послом Тайр-батора из передового отряда, который известил [горожан] о прибытии [Чингисхана с войском], пообещал ханскую милость [в случае капитуляции] и уничтожение [в случае сопротивления]. После возвращения посла жители Нура отправили к Чингисхану своего посла с различными яствами и изъявили покорность… Когда прибыл Чингисхан, его торжественно встретили и коленопреклоненно поднесли изысканные яства. Чингисхан отнесся к этому благосклонно и спросил: «Какую дань полагалось городу Нуру давать хорезмшаху?» Они сказали: «Тысяча пятьсот динаров».

Тогда он приказал: «Выплатите [нам] сейчас же эту сумму, и вам не будет бояее притеснений».

Они выплатили и тем самым избавили себя от грабежа и избиения.

Оттуда [войско Чингисхана] двинулось к Бухаре. В первых числах месяца мухаррама 617 г.х. (март-апрель 1220 года) войско Чингисхана подошло к Бухаре и остановилось у стен крепости. Войска прибывали постепенно и располагались вокруг города. Войско Бухары составляло 20 000 человек; командовал им Кук-хан… Ночной порой он [со своим сопровождением] выехал из

крепости, [чтобы спасти свою жизнь], но, когда они достигли берега Сейхуна, на них наехал разъезд [монголов] и покончил с ними. На другой день [жители] отперли ворота, и к Чингисхану с выражением покорности явились имамы и ученые люди Бухары.

Чингисхан направился осматривать город и его укрепления. Добравшись до соборной мечети, он остановился у самого дальнего места храма*. Его сын Толуй-хан сошел с коня и взошел на мембер*.

Чингисхан спросил: «Это жилище — дворец султана?» Ему ответили: «Это — дом Бога».

Он сошел с лошади, поднялся на две-три ступени мембера и изрек: «Трава в степи пожухла. Накормите наших лошадей!»

И открыли тогда зерновые амбары, и достали зерновой хлеб, а сундуки со списками Корана сделали колодами для лошадей; бурдюки с вином разложили в мечети, привели городских певцов, чтобы они пели и танцевали. Монголы пели свои песни. [А тем временем] отцы города, сейиды, улемы и шейхи стояли у конюшен, охраняя лошадей вместо конюхов и выполняя приказания монголов.

После этого Чингисхан вышел из города и приказал явиться всем его жителям. Взойдя на мембер праздничного моления и изложив по порядку все вероломные деяния хорезмшаха, он сказал: «О, народ! Знайте, что вы учинили великие грехи, но главные грешники — ваши предводители. Если вы меня спросите, чем это доказать, я отвечу: тем, что я — кара Господня. Если бы у вас не было великих грехов, Великий Бог не послал бы меня покарать вас!»

…Затем он призвал к себе богатых и зажиточных [горожан] и приказал, чтобы они отдали припрятанные ценности. Всего к нему явились двести восемьдесят человек, из которых сто девяносто были [местными] жителями, а остальные — прибывшими из других мест. Им было приказано через доверенных лиц сдать ценности. Монголы приняли все, что было сдано, и на большее не посягали. Чингисхан приказал поджечь город, в результате чего его большая часть сгорела, остались лишь мечети и дворцы, построенные из кирпича. Жителей Бухары они погнали на осаду крепости. По сторонам [крепости] установили катапульты, метавшие камни, и арбалеты, пускавшие стрелы; стены забрасывались сосудами с горящей нефтью, крепостной ров, заполненный камнями, трупами людей и животных, сровнялся с землей. Сражение продолжалось несколько дней, пока гарнизон крепости не оказался в критическом, безвыходном положении. Вскоре бастион был взят и подожжен. В те дни погибли более тридцати тысяч человек,

женщины и дети были уведены в полон, а молодых определили в хашар Самарканда и Дабусии. Оттуда Чингисхан отправился с войском к Самарканду…

Рассказ о походе мародержавного воинства Чингисхана на Самарканд и взятии его

Чингисхан в конце весны упомянутого года (1220 г. — *А.М.*) … двинулся оттуда (из Бухары) к Самарканду*. Султан Мухаммед хорезмшах поручил [охрану] Самарканда стадесятитысячной армии. Шестьдесят тысяч [из них] были туркмены, которыми командовали их ханы, а пятьдесят тысяч — таджики. У них были двадцать удивительно больших слонов; к войску могли присоединиться столько жителей города — знатных и простолюдинов, — сколько смогла бы вместить крепость. Заранее были укреплены крепостные стены, вокруг сооружены бастионы, вырытые рвы заполнены водой.

[Уже] в то время, когда Чингисхан прибыл к Отрару, молва о многочисленности самаркандского войска, прочности крепостных укреплений распространилась по округе. И все были согласны, что потребуются годы, чтобы завладеть городом и добраться до цитадели. Из предосторожности Чингисхан сначала решил захватить все окрестности. По этой причине он сначала пошел к Бухаре и покорил ее, а затем пленных погнал к Самарканду. Тем встречавшимся ему по дороге городам, которые ему покорялись, Чингисхан не причинял вреда, а у тех, которые оказывали сопротивление, к примеру Сарипуль и Дабусия, оставлял войска для осады.

Когда он прибыл к Самарканду, сыновья и командиры его войск, ранее им отправленные на захват Отрара и других областей, завоевав их, явились к нему, пригнав тамошний хашар. Они устроили ставку в Кук-сарае. По мере прибытия войска располагались вокруг города. Чингисхан один-два дня лично объезжал вокруг цитадели и бастионов и обдумывал план взятия крепости.

Между тем пришло известие, что султан находится в летней резиденции. Чингисхан отправил своих почтенных, старших командиров Зэв-батора и Субэгэдэй-батора с тридцатью тысячами конницы за султаном, Алаг-нойона и Бисура он послал в сторону Вахша и Талекана.

На третий день после этого, утром, город окружило бесчисленное количество монгольского войска и [пригнанного с разных мест] хашара. Албар-хан, Сиюнч-хан, Балан-хан и другие

ханы со своими отрядами [покинули крепость] и вступили с монголами в бой. Было много убитых с обеих сторон. Ночью оба войска вернулись на позиции, которые [первоначально] занимали.

На следующий день Чингисхан сел на коня и поднял в бой все войска, окружавшие город.

Жители Самарканда, испуганные этим сражением, разделились во мнении [о необходимости сопротивления].

Назавтра монголы и оказывавшие им сопротивление горожане возобновили сражение. Неожиданно к Чингисхану явились казий и шейх-ал-ислам с имамами. Обнадеженные хорошими обещаниями Чингисхана, они вскоре вернулись в город. Утром отворили Намазгахские ворота, и войска вошли в город и тут же занялись разрушением стены и бастионов, которые вскоре сровняли с землей. Разбитых на сотни женщин и мужчин в сопровождении монголов вывели из города. Но казия и шейх-ал-ислам с другими служителями [церкви] оставили в покое. Таковых набралось пятьдесят тысяч человек.

Горожанам было объявлено, что каждый, кто попытается спрятаться [в городе], будет убит. Монголы, занимавшиеся в городе грабежом, убили много спрятавшихся и обнаруженных ими людей. Вожаки слонов привели их к Чингисхану и просили пищи для них. Он приказал: «Отпустите их в поле, чтобы они сами бродили и ели». Слонов отпустили [на волю], где они так и погибли от голода.

Ночью монголы вышли вон из города. Гарнизон находился в великом страхе. Алп-хан сделал мужественную вылазку с тысячью [таких же, как он сам,] сорвиголов. Ударил по [монгольскому] войску и ушел.

Утром монголы вторично окружили крепость: со всех сторон обрушили на ее защитников град стрел и камней. Стену, укрепление и бастионы разрушили и водоканал, по которому [в город и крепость] поступала вода, испортили. В ту же ночь заперли [городские] ворота и ушли.

Около тысячи отчаянных смельчаков укрылись в мечети и отчаянно бились [с монголами]. Они [монголы]… сожгли мечеть со всеми, кто в ней был…

Когда город и крепость были одинаково разрушены, а множество воинов и их командиров убито, то на другой день сосчитали оставшихся в живых. Из того числа тридцать тысяч ремесленников разделили между сыновьями, женами и военачальниками. Такое же количество отправили в хашар (на осаду). Остальные спаслись тем, что получили позволение возвратиться и выкупить свою жизнь данью в сумме 200 000

динаров. Главным сановникам Самарканда Бака-Эльмульке и эмиру Амиду-старшему он поручил собирать эту дань. Также Чингисхан назначил в Самарканд своего правителя…

Рассказ об уходе Чингисхана из пределов Самарканда вместе со своим меньшим сыном Толуй-ханом, которого называют Их нойон или Улуг-нойон, в погоню за султаном Мухаммедом-хорезмгиахом, о завоевании находившихся на его пути городов Нахшаб, Термез, Балх, Талекан и прилегающих областей, об отправлении Их нойона в Хорасан и покорении тех пределов

…Чингисхан… в начале лета (1220 г. — *А.М.*) отправил в погоню за хорезмшахом Зэва-нойона, Субэгэдэй-нойона и Тохучара. Но в то же лето он взял Самарканд и по завоевании его отправил своих сыновей к Хорезму. В начале осени Чингисхан вместе с Толуй-ханом ушел из пределов Самарканда и пришел на луга Нахшаба. Оттуда по дороге, которую монголы называют Тумур-хаалга*, отправился на покорение Термеза, а Толуй-хана отправил с большим войском вперед покорить Хорасан. С Толуем пошел каждый десятый воин из войска Чингисхана.

Когда Чингисхан прибыл к Термезу, он отправил в город своих послов с предложением покориться и разрушить укрепления и крепость. Местные жители, полагаясь на прочность крепостных стен, половина которых возвышалась над рекой Джейхун (Амударья. — *А.М.*), и обольщенные своим мужеством и храбростью, отказались покориться и вступили в бой. На десятый день город был взят приступом; всех его жителей выгнали [из города] в поле и, по заведенному обычаю, разделив между воинами, предали смерти.

Тогда одна старая женщина сказала: «Не убивайте меня! Я вам дам одну большую жемчужину, которую я проглотила». Ей тотчас вспороли живот, и вынули ту жемчужину. [С тех пор] у всех умерших и убитых распарывали животы…

…Вначале года Змеи (1221 г. — *А.М.*) он приказал переправиться через реку Джейхун и пошел к Балху, величайшему из городов Хорасана… Тамошние начальники вышли ему навстречу, изъявили покорность и повиновение и поднесли разные яства. После этого под предлогом того, что нужно сосчитать всех [жителей города], их всех разом вывели в поле и, по заведенному обычаю, разделили между воинами и всех предали смерти; затем разрушили бастионы, стены, городской вал, сожгли и уничтожили город.

Оттуда Чингисхан отправился к Талекану; крепость та,

именуемая Нусрет-куг, была отлично укреплена, имела много военных запасов, защищалась отчаянными людьми. Сколько раз Чингисхан ни посылал послов, предлагая покориться, они отказывались. И после семи месяцев осады крепость не была взята по причине неприступности.

В ту весну, когда Чингисхан осадил Талекан, сыновья Жочи, Цагадай и Угэдэй находились на взятии Хорезма*. Толуй-хан, пройдя через Тумур-хаалга, разделил свое войско на левое и правое крыло, а сам шел во главе срединного полка в направлении Мерведжака, Бага и Гешура. Он захватил те области, взял Мерв и далее до конца весны упомянутого года подчинил себе все крупные, хорошо укрепленные города до Нишапура, такие, как Серахс, Абиюльд, Несу, Туе, Джаджирем, Джувейн, Багик, Хааф, Шейган и Рудабад.

Чингисхан отправил от Талекана посыльного к Толую сказать, чтобы тот до наступления жары к нему пришел. В соответствии с приказом отца Толуй поворотил свое войско, по пути назад захватил и разграбил область Кугистан, перейдя реку Кум-джеран, взял город Герат и его окрестности, после чего присоединился к Чингисхану и преподнес ему с почтением дары. После возвращения Толуя была взята и разрушена крепость Талекан.

Через некоторое время прибыли из Хорезма Цагадай и Угэдэй и преподнесли [Чингисхану] с почтением дары. Жочи ушел из Хорезма со своим обозом.

В сражении у крепости Бамиян стрела смертельно ранила любимого внука Чингисхана, сына Цагадая, — Мутугэна, которого Цагадай сделал своим наследником. От этой раны он скончался. По этой причине Чингисхан приказал срочно захватить этот город. Когда город был взят, Чингисхан повелел предать смерти в нем все живые существа, будь то люди, животные или птицы; а сам город разрушить, превратить в пепел, чтобы там уже никогда никто не жил. С тех пор это место именовали Маукурган… И еще Чингисхан приказал, чтобы никто не говорил об этом событии Цагадаю. Когда тот прибыл и потребовал привести к нему сына, ему сказали, что он куда-то ушел. Когда [вскоре] к нему явились все сыновья, Чингисхан нарочно сделал вид, что разгневан, и молвил, обращаясь к Цагадаю: «Вы не следуете моим словам и приказам!»

Опешивший Цагадай встал на колени и сказал: «Коли мы станем тебе прекословить, пусть мы умрем».

Тогда Чингисхан спросил его: «Поклянись, что ты сдержишь слово, тобой реченное!»

Цагадай поклялся: «Если я не выполню твой приказ, пусть я

умру!»

После этого Чингисхан сказал: «Твой сын Мутугэн убит в сражении. Я велю тебе не плакать и не стенать [по убиенному]. И не смей ослушаться повеления сего!»

Цагадай был ошарашен этой вестью, он едва сдерживал себя, чтобы не нарушить приказ Чингисхана, и продолжал есть и пить. Через какое-то время он вышел из ставки, якобы по нужде, и в степи дал волю своим чувства. Всплакнув и облегчив душу, он вытер слезы и вернулся обратно в ставку.

Чингисхан вместе с сыновьями и войском провел лето в горах вблизи Талекана. В то время султан Джалал ад-Дин находился в Газни*. Хан-Мелик, наместник Мерва*, присоединился к нему с сорока тысячами всадников. Султан пожелал [взять в жены] его дочь. Сейф-эд-дин Аграк, также из числа беков туркменских, присоединился к султану с сорока тысячами человек, и эмиры Турские также присоединились к нему…

В это время Чингисхан отправил тридцатитысячное войско под командованием Шигихутуга и других нойонов в направлении Газни, Гурджистана, Забула и Кабула, чтобы они, по мере возможности, овладевали этими областями и охраняли проездные пути. Сам Чингисхан с сыном Толуй-ханом занялся завоеванием областей Хорасана…

От караула Шигихутугу пришло известие, что хан Мелик с приверженцами и единомышленниками двинулся к султану Джелал ад-Дину. Шигихутуг с войском тотчас же пошел следом за ним и ночью его настиг… Из осторожности он остановился, чтобы сразиться на заре при дневном свете. Хан Мелик шел всю ночь и утром соединился с султаном в местности Перван. Канглы и другие [хорезмские] войска, как и обещали, прибыли туда же. [Таким образом, у султана] собралось огромное войско…

Монгольские [командиры войска Шигихутуга] распорядились, чтобы каждый всадник смастерил куклу наподобие человека и усадил ее на лошади, за своей спиной. Ночью их приготовили. На другой день вступили в бой. Войска султана, увидев это, подумали, что к войску монгольскому подошла помощь, и хотели бежать. Тогда султан воскликнул: «Наша армия многочисленна. Так сразимся же с ними и окружим их с левого и правого крыла!»

Его войско остановилось и под страшный бой барабанов пошло в атаку на монголов. Их было больше, поэтому они почти окружили монголов, и те бросились отступать. В тех полях было много ям и нор, поэтому монгольские воины падали с лошадей, а воины султана, имея легких, быстроногих коней, догоняли их и убивали. Тогда погибло много монгольских воинов.

Когда весть об этом достигла Чингисхана, как ни был он крайне огорчен этим, однако вида не подал и сказал: «Шигихутуг привык всегда быть победителем и никогда не вкушал жестокости фортуны. Ныне, когда он вкусил ее, он будет внимателен, опытен и сведущ в делах»…

Рассказ о преследовании Чингисханом султана Джалал ад-Дина, о поражении султана на берегу реки Синд и его переправе через реку Синд

К тому моменту, когда Шигихутуг пришел к Чингисхану, тот уже захватил крепость Талекан, Цагадай и Угэдэй возвратились победителями из Хорезма, а Толуй-хан воротился из Хорасана. Все они и их воины провели лето на холмах Талекана, отдохнули сами и откормили лошадей. Как только Чингисхан услышал о том событии, он приказал, чтобы все войска в год Лошади двинулись из пределов Талекана на султана Джалал ад-Дина*. Они продвигались два перехода с такой поспешностью, что не было возможности приготовить пищу.

Когда они прибыли на то место, где сражались войска Шигихутуга и султана, Чингисхан спросил у Укера и Шигихутуга: «Где располагались ваши войска и как стояло воинство султана?» Они показали. Чингисхан счел диспозиции обеих сторон негодными и пожурил своих нойонов за то, что не сумели выбрать подходящее место для сражения.

Когда Чингисхан прибыл в Газни, он услышал, что прошло уж пятнадцать дней, как султан ушел отсюда с намерением переправиться через реку Синд. Чингисхан назначил наместником в Газни Мама-Ялавача и поспешил вслед за султаном.

Султан велел привести суда к берегу, чтобы переправиться. [Отряд] Урхана прикрывал отход султана. Передовые части монголов наехали на них и перебили всех. Узнав, что султан намеревается переправиться на рассвете, войска Чингисхана, проскакав всю ночь, упредили его. Монгольская армия окружила его со всех сторон, наподобие лука. Река Синд была тетивой [этого лука]. Когда взошло солнце, султан увидел себя между водой и огнем.

Чингисхан приказал «не убивать султана, а постараться взять его живым». Он послал Укер-Гулиджу и Гугус-Гулиджу оттеснить султана от берега. Те смогли придвинуться вплотную к воинам султана, сражавшимся уже на берегу. Тем временем монгольское войско пошло в атаку на правом фланге, который удерживали воины хана-Мелика. Когда они были разгромлены, хан-Мелик бежал в сторону Пешавара. Но монгольские войска преградили ему путь и убили. Также был разбит и левый фланг [обороны султана]. Сам султан во главе семисот воинов сражался в центре и продержался с рассвета до полудня. Потеряв всякую надежду на

спасение, он кидался то вправо, то влево, то набрасывался на монголов по центру. Так как было запрещено пускать в него стрелы, то кольцо окружения вокруг него все сужалось. Когда он понял, что бессмысленно противостоять горе и сопротивляться водной стихии, султан вскочил на свежую лошадь и бросился на наступающих монголов, заставив их отпрянуть.

Потом султан повернул коня назад, перекинул за спину щит и, подхватив свое знамя, стеганул коня и через мгновение был уже на противоположном берегу…

Чингисхан от изумления даже прикрыл рукой рот. Затем, указывая в сторону Джалал ад-Дина, сказал сыновьям: «Таким должен быть сын своего отца!»…

Монгольские воины, увидев, что султан бросился в воду, хотели последовать за ним, но Чингисхан запретил им [преследовать его]. Все войско султана было перебито; все его сыновья, вплоть до младенцев, были умерщвлены, а красавицы из его гарема — расхищены. Так как большая часть казны султана состояла из золота, серебра, драгоценных камней и вещей, он приказал в тот день все это бросить в реку Синд. Чингисхан повелел, чтобы ныряльщики подняли со дна все, что сумеют отыскать…

Рассказ о возвращении Чингисхана с берега реки Синд, его пребывании в местности Первая, разорении Газни и его окрестностей

Когда султан Джалал ад-Дин переправился через реку, Чингисхан отправил за ним Бала-нойона и Дурбай-нойона, а сам весной года Овцы возвратился к верховьям реки Синд*. Угэдэй был послан в низовья реки Синд, дабы покорить те края. Угэдэй захватил и разграбил Газни, ремесленников и искусников отослал в восточные пределы, прочих предал смерти, а город разрушил…

Чингисхан в ожидании Бала-нойона провел то лето в степной местности, которую монголы называют Перван. Все прилегающие к ней области он захватил и разграбил. Когда пришли Бала-нойон и Дурбай-нойон, Чингисхан ушел оттуда…

По причине [неподходящего для монголов] климата большая часть армии захворала…

Поскольку Чингисхан преодолел сопротивление султана Мухаммеда и его сына Джалал ад-Дина, из коих один умер, а другой скитался [на чужбине], и отправил Зэва и Субэгэдэя захватить султановы владения: Арран, Азербайджан, Ирак и Ширван, он считал дело сделанным и был на этот счет

спокойным. Во всех городах, которыми он овладел, он поставил своих правителей. Когда воины поправились, Чингисхан замыслил о возвращении [в Монголию] через Хиндустан и царство Тангуд.

Сделав несколько [дневных] переходов [в том направлении]*, Чингисхан получил известие, что тангуды снова подняли восстание. На пути монгольского войска возвышались высокие горные кручи и росли труднопроходимые леса; климат этой местности был непривычен и неблагоприятен для монголов. Из-за этого и нехорошей [питьевой] воды воины снова начали заболевать. И Чингисхан поворотил войско назад, в Пешава, и было решено возвращаться [в Монголию] той дорогой, по которой пришли сюда.

Рассказ о возвращении Чингисхана после завоевания страны таджиков в свои старинные кочевья и о событиях, случившихся в пути

Чингис после завоевания страны таджиков в год Обезьяны (1224 год. — *А.М.*) осуществил свое намерение возвратиться из Пешавара в свои родные кочевья и верховную ставку. Причиной поспешности было то, что пришло известие о восстании жителей [царства] Тангуд*. По причине продолжительного его (Чингиса) отсутствия, они позволили себе крамольные замыслы…

Перейдя через Джейхун, он провел ту зиму (1223 года. — *А.М.*) в окрестностях Самарканда. Когда он выступил оттуда, Чингисхан приказал, чтобы Туркан-хатун, мать султана Мухаммеда, и весь его гарем, выйдя на дорогу, громко оплакивали царство султана, пока [все монгольские] воины не пройдут мимо них. Когда Чингисхан пришел к реке Фенакетской (Сырдарья), все его сыновья, за исключением Жочи, собрались к нему, и (весной 1224 года. — *А.М.*) был устроен хуралдай. После того все откочевали оттуда и шли тихо и спокойно от одной стоянки до другой, пока не пришли к пределам родных кочевий…

Возвращаясь из завоеванной страны таджиков, Чингисхан провел в пути лето и зиму (1224 года. — *А.М.*). Когда он достиг пределов своих кочевий, ему навстречу прибыли одиннадцатилетний Хубилай-хан и девятилетний Хулагу-хан. И сошлись (в октябре 1224 года. — *А.М.*) они в местности Алмак-Уй, на границе (бывшего. — *А.М.*) улуса найманов, близ Амол-Худжин, за рекой Гилэ, что протекает рядом со страной уйгуров. [Прямо перед их встречей дети охотились,] и Хубилай-хан убил зайца, а Хулагу-хан подстрелил (дикую) козу. Когда мальчик-

монгол в первый раз охотится, по их обычаю, его большой палец полагается смазать жиром и мясом [убитого им животного]. [Тогда] Чингисхан сам совершил это помазание. При этом Хубилай-хан едва дотронулся до большого пальца Чингисхана, а Хулагу-хан крепко за него ухватился. Тогда Чингисхан сказал: «Этот [парень] чуть не оторвал мой палец!»

Двинувшись оттуда, они пришли в местность Бука-Сучигу (Буга Сочигай). И повелел Чингисхан воздвигнуть золотую ставку и устроил там хуралдай и большой пир*.

Так как почва того места была мягкой и легко поднималась пыль, Чингисхан повелел, чтобы все [в его свите] набросали мелких камешков вокруг ставки. Все сделали, как приказал Чингисхан. Один только Тэмугэ отчигин, младший брат Чингиса, вместо камней набросал веток. И поэтому Чингисхан пожурил его. Когда через некоторое время они выехали на охоту, Тэмугэ отчигин не держался в общей цепи [загонщиков], а замешкался позади. За два этих проступка его семь дней не допускали в ставку [к Чингисхану]. Тогда Тэмугэ отчигин сказал, что, если он еще раз совершит предосудительный поступок, пусть его серьезно накажут. После этих заверений Чингисхан простил его и разрешил прибыть в ставку.

Весной года Курицы (1225 год. — *А.М.*) они прибыли и расположились в [Верховной] ставке. В ней Чингисхан провел лето и соизволил дать умные повеления. Когда его оповестили, что тангуды снова восстали*, он, снарядив войска, отправился в те пределы.

Рассказ о последнем походе Чингисхана в страну Тангуд и о сражении с предводителем тангудов

Осенью года Курицы… Чингисхан напал на страну Хашин, которую называют Тангуд… Когда он прибыл в страну Тангуд, он захватил сначала такие города, как Ган-чжоу, Су-чжоу, Го-чжоу и Урукай… Во время войны предводитель той страны по имени

Шудрага, именуемый по-тангудски Ли-ван, выступил с пятьюдесятью тумэнами войска из большого города, который был его резиденцией и назывался Иргай (Яргай), а по-монгольски Иргиа, чтобы сразиться с монгольским войском. И тогда Чингисхан вступил с ним в сражение. В тех местах было множество озер, и все они были покрыты льдом. Выйдя на лед, Чингисхан приказал стрелять по ногам [бегущих по льду врагов], и тут монголы не прогадали. В сражении погибло много тангудов… После этого Шудрага обратился в бегство и укрылся в

крепости.

Чингисхан сказал: «Он сокрушен нами так, что после этого [поражения] у него не будет больше сил [для сопротивления]!» Затем он прошел мимо города, [в котором укрылся Шудрага,] и, захватив другие города и области, двинулся в направлении Хитая.

В начале весны года Собаки (1226 г. — *А.М.*) Чингисхан достиг места под названием Онгон Далан Хутуг. И здесь он задумался [о вечном], ибо [накануне] видел сон, указывающий о близости его смерти. Из царевичей при нем оказался Есунгу-ака, сын Жочи Хасара. Чингисхан спросил у него: «Далеко ли сейчас находятся мои сыновья Угэдэй и Толуй?» Они находились [в расположении] своих войск. Тот ответил: «Они находятся на расстоянии двухтрех фарсангов [отсюда]».

Чингисхан тотчас послал за ними человека и призвал их к себе. Наутро, после того, как все позавтракали, Чингисхан попросил своих нойонов оставить его с сыновьями одних, дабы он смог поделиться с ними своими заботами, дать советы и высказать сокровенные мысли.

Рассказ о встрече Чингисхана с прибывшими сыновьями наедине и о его завещании

Когда нойоны и прочие люди удалились, Чингисхан остался с сыновьями наедине и после многочисленных наставлений и советов заключил: «Дети мои! Знайте, как бы этого ни не хотелось, близится время, когда я умру и отправлюсь в последний путь. Божьей силой и милостью Небесной для вас, моих сыновей, я завоевал и оставляю вам огромный улус, от центра до границ которого в каждую сторону целый год пути. А завещание мое таково: чтобы жить в довольстве и радости и получать удовлетворение от властвования своего, будьте едины в помыслах и делах своих, сражаясь с врагом и возвеличивая друзей. Моим преемником да будет Угэдэй-хан!»

Дав советы и наставления и огласив завещание свое, Чингисхан сказал напоследок: «Отправляйтесь назад в свои владения, оставленные вами улусы. Я же не желаю умереть дома и отправляюсь в поход во имя славы! После моей кончины не смейте переиначивать повеления мои. [К сожалению], здесь нет Цагадая. Упаси его бог, после моего ухода переиначить мои слова и сеять смуту в улусе! А теперь ступайте!»

Будучи наедине с сыновьями, Чингисхан произнес такие речи. Затем он простился с ними обоими и отослал их в свои уделы, а сам выступил с войском в Нанкияс*.

Рассказ о походе Чингисхана в Нанкияс, о начале его болезни, о приходе [к нему] предводителя тангудов и выражении им покорности и его желания об отсрочке сдачи города

Чингисхан, как только огласил свое завещание и отправил сыновей [в их уделы], двинулся к [пределам] Нанкияса. Градоначальники городов, которые он проследовал, приходили, сменяя один другого, и выражали свою покорность. Когда он пришел в местность Лю-пхан-шан, там, где сходятся границы Джурджэ, Нанкияса и Тангуда, чжурчжэньский правитель услышал о прибытии Чингисхана, отправил к нему послов со словами «Мы покоряемся!» и подарками, в числе которых был поднос с превосходным жемчугом.

Чингисхан тогда повелел, чтобы всякому, у кого проколота мочка уха, дали по одной жемчужине. Те из присутствующих, у которых не были проколоты мочки ушей, бросились протыкать свои уши. [Когда] всем дали по жемчужине, осталось еще много. И тогда Чингисхан повелел: «[Да будет объявлен] день даров! Рассыпьте весь [оставшийся] жемчуг [на улице], чтобы люди его подбирали». Сам же, чувствуя приближение своей кончины, не обратил на жемчуг [никакого] внимания. Из того [разбросанного] жемчуга много затерялось в пыли, и еще долго с тех пор [люди] искали и находили завалявшиеся [где-то] жемчужины.

Тем временем предводитель тангудов размышлял: «Несколько раз я восставал против Чингисхана. И всякий раз [после этого] в моей стране происходили убийства и грабежи [со стороны монголов]. Какой толк сопротивляться. Надо идти к нему в услужение!».

Посылая к Чингисхану своих послов с прошением мира, договора и клятвы, Шудрага сомневался: «Я и не надеюсь, что он признает меня своим сыном!»

Чингисхан благосклонно отнесся к его просьбе. Шудрага желал [получить] один месяц отсрочки на приготовление подарков и вывод населения из города. Чингисхан дал ему эту отсрочку. Шудрага хотел иметь аудиенцию для поднесения даров, но Чингисхан сказал: «Я болен. Пусть подождет, пока мне будет лучше».

Он приставил Тулун чэрби к Шудраге, и тот неотлучно следовал за тангудом.

Болезнь Чингисхана день ото дня усиливалась.

Рассказ о кончине Чингисхана, об убиении предводителя тангудов и всех жителей этого города, о возвращении

нойонов в ставку с гробом [Чингисхана], объявлении о смерти Чингисхана, о его оплакивании и погребении

Чингисхан, предвидя свою кончину от той болезни, дал наказ нойонам: «Не смейте объявлять о моей смерти, не поднимайте воплей и плача, чтобы враг не узнал. Когда предводитель тангудов и жители города, как обещали, выйдут из него, всех их уничтожьте!»

В пятнадцатый день осеннего месяца в год Свиньи (1227 г. — *А.М.*) Чингисхан покинул этот бренный мир и оставил свой престол своему славному роду.

Нойоны, согласно наказу Чингисхана, хранили тайну его смерти. Когда тангудский народ вышел из города, их всех предали смерти. И после этого пустились в обратный путь с его гробом. По дороге убивали всякого, кто попадался навстречу, пока не доставили его тело в ставку. Все его сыновья, жены и нойоны собрались и предались печали.

Чингисхан однажды был на охоте. В одном месте он увидел одиноко стоящее дерево. Ему понравился вид того дерева, и он целый час просидел под ним. Воодушевленный этим, он приказал: «Это место подходит для моего последнего приюта. Запомните это место!»

Когда оплакивали Чингисхана, люди, которые слышали от него эти слова, напомнили о [его наказе]. Сыновья и нойоны исполнили его волю и выбрали [для погребения] то самое место.

Говорят, что в год его погребения на том поле выросло бесчисленное количество деревьев и кустов. Ныне там уже стоит густой, непроходимый лес, и уже не найти и то первое дерево, и место его погребения. Теперь и старые хранители запретного места (кладбища предков. — А.В.) не найдут дороги к его могиле…

III
ИЗ КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Н. Бичурин (о. Иоакинф).

ИСТОРИЯ ПЕРВЫХ ЧЕТЫРЕХ ХАНОВ ИЗЛОМА ЧИНГИСОВА (ФРАГМЕНТЫ)[*][18]

1206

…Чингис, собрав всех князей и чиновников в верховьях Онона, выставил девять белых флагов и вступил на императорский (ханский) престол. Князья и чины поднесли ему титул Чингисхана. Этот год было шестое лето династии Гинь (Цзинь. — *А.М.*), правления Тхай-хо.

По вступлении на престол он опять пошел войною на найманов. В это время Бор-хан (Буйруг-хан. — *А.М.*), занимавшийся облавою при Урт-ууле, был им схвачен. Таян-ханов сын Хучулэй-хан (Хучулуг. — *А.М.*) и Тохтога бэхи бежали к Ярдаши-голу (Иртыш. — *А.М.*).

После Чингисхан начал помышлять о войне против нючжис-Цев (чжурчжэней. — А.М.). Незадолго пред сим нючженьский государь казнил Чингисханова родственника Хамбухай-хана (Амбагай-хана. — *А.М.*), за которого Чингисхан и помышлял отмстить*.

В то же время перебежчики и пленные из нючженьцев единогласно говорили Чингисхану, что государь их (империи Гинь*) бесчеловечно поступает. По сим-то причинам Чингисхан решился объявить ему войну; но не смел приступить к делу без особенного приготовления.

ИЗ «ГАН-МУ»

…Монгольский Хиад Тэмужин объявил себя императором при Ононе.*

Из предков Тэмужина был некто Бодончар. Мать его Алан гоо,

родив двух сыновей, овдовела. После того ей неоднократно виделось во сне, будто сияние разливалось над ее чревом, и она от этого родила третьего сына. Это был Бодончар.

Потомство сыновей ее размножилось, и от каждого произошло особливое колено*. Сии родственники жили от колена Ухуань на севере (на северо-западе) и смежны были с коленами Ойрад, Найман и с древним городом Хорин, который принадлежал хой-хорцам девяти колен. Из колена в колено они считались вассалами домов Ляо и Гинь, вообще же принадлежали к татаньскому племени.

Уже Есухэй покорил прочие колена под свою власть и учинился сильнейшим. Воюя с коленом Татар, он взял в плен старейшину его Тэмужина. На возвратном пути при горе Тели-вынь-пань-то, где он расположился лагерем, родился сын, которого в память победы назвал Тэмужином.

По смерти Есухэя Тэмужин остался малолетен. Многие из его колен поддались родственному с ним дому Тайчуд. Этот Тайчуд, соединив семь колен, пришел с тридцатью тысячами учинить на него нападение. Тэмужин с матерью Огэлун повел своих родовичей тринадцатью колоннами (куренями. — *А.М.*) и, вступив в главное сражение, разбил Тайчудов.

Эта победа несколько успокоила Тэмужина. Тайчуд, владея обширными землями и многочисленным народом, не имел хорошего управления, поэтому низшие, советуясь между собою, говорили: «Тэмужин одевает людей собственным платьем, сажает их на собственных коней; он истинный наш государь». Поэтому многие поддались Тэмужину, а от этого колено Тайчудово умалилось.

В скором времени колено Татар отложилось от Нючженьского царства. Тэмужин повел войска с берегов Онона и, соединившись с войсками нючженьцев, уничтожил это колено. За такую услугу он получил название Жаут хури, т. е. главнокомандующего против мятежников.

Как колено Найманов было одно из сильнейших, то Тэмужин с подобострастием служил ему. Но когда Найманы начали производить притеснения и грабежи, то Тэмужин собрал все подвластные ему колена при Тэмэгэ-голе, где с согласия всех объявил войну найманам. Найманский Таян-хан расположился с войсками под Хангаем и соединился с коленами Морхис (мэргэд. — *А.М.*) и пр. Войско его было довольно многочисленно. Тэмужин вступил с ним в главное сражение, на котором взял в плен и убил самого Таян-хана. Прочие колена все рассеялись.

Тэмужин наиболее усилился, почему в следующем году учинил нападение на Си-ся, разбил крепость Ла-и-ри, прошел

город Ло-со-хото и, обогатившись награбленной добычей, возвратился. Остановившись в верховье Онона, он собрал старшин из всех колен, выставил девять белых флагов и сам себя провозгласил Чингисханом.

Пред сим нючженьский государь отправил князя Юнь-цзи в Цзин-чжоу, для принятия дани от Тэмужина. Юнь-цзи удивился виду его и по возвращении предложил своему государю при каком-нибудь случае погубить его, но последний не согласился. Тэмужин, узнав о том, начал питать злобу.

1207

…Осенью вторично Чингисхан пошел войною на Си-ся и взял город Уй-ра-ка (Яргай). В сем году послал двух чиновников, Алтана и Бору, к колену Кир-цзи-су (киргиз). Вскоре за тем (киргизские колена. — *А.М.*) Идыр-нэрэ и Алдар прислали посланников с лучшими соколами.

1208

…Весной хан возвратился из Си-ся. Летом от жары уехал в Лун-тьхин. Зимою опять пошел войною против Тохтога (мэргэдского) и Хучулэй-хана (найманского). В это время Ойрад и другие колена, встретившись с передовым нашим корпусом, без сражения покорились. Использовав их проводниками, дошли до Ярдати-гола (Иртыша) и уничтожили колено Морхис (мэргэд. — *А.М.*). Тохтога, будучи ранен стрелой, умер. Хучулэй бежал в Киданьº.

1209

…Весною владение Хойхор вступило в подданство монгольскоеº. Хан проник в Хо-си. Тангудский государь Ли-аньцюань поручил армию своему наследнику, который, вступив в сражение с Чингисханом, был разбит, а второй главнокомандующий, Гао, взят в плен. Чингисхан еще завоевал Урянхайº и полонил генерала Сиби. После этого он взял крепость И-мынь; вторично разбил тангудское войско; полонил полководца Вэймина и подступил к городу Чжун-син. Здесь тангуды разрушили плотину и равнины наполнили водою, почему Чингисхан, сняв осаду, возвратился и послал вельможу Эда в

Чжун-син с предложениями к тангудскому государю. Тот представил Чингисхану дочь свою и просил о мире.

1210

…Весною нючженьский двор (Алтан-хана), предполагая начать войну, построил укрепление Ву-ша-пху. Отправленный Чингисханом генерал Чжебэ (Зэв), нечаянно напав на это укрепление, побил войска и пошел далее на восток.

Прежде Чингисхан ежегодно представлял нючженьскому двору дары. Вследствие этого нючженьский государь отправил князя Юнь-цзи в Цзин-чжоу для принятия дани от него. Чингисхан при входе этого князя не сделал ему должной чести. Юнь-цзи по возвращении предложил объявить Чингисхану войну.

В это время нючженьский государь скончался, и князь Юнь-цзи, вступив на престол, послал к Чингисхану указ, при вручении коего ему сказано, чтоб учинил поклонение.

Чингисхан спросил у посланника, кто такой новый государь? Князь Юнь-цзи, отвечал посланник.

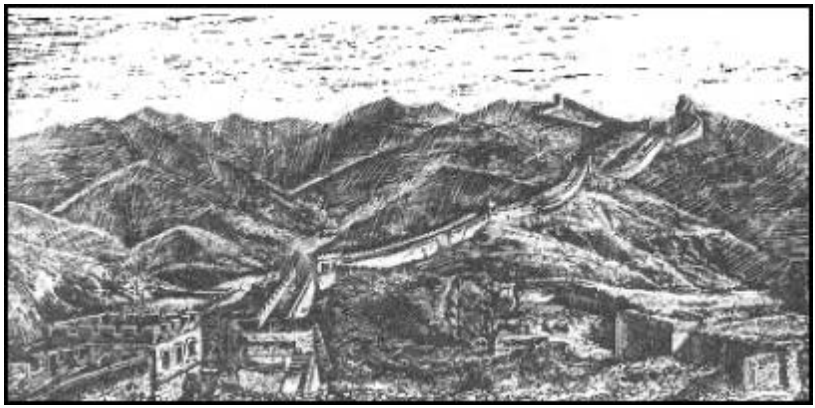
Чингисхан тотчас обратился лицом к югу и, плюнув, сказал: «Я думал, что какой-либо необыкновенный человек сел на престол в Чжун-юань; а этот слабоумный может ли царствовать? Он не заслуживает поклонения».

После того тотчас сел на лошадь и уехал. Посланник по возвращении донес о сем государю Юнь-цзи, который чрезвычайно разгневался, но решил дождаться времени, когда Чингисхан приедет ко двору с данью, дабы при случае погубить его.

Чингисхан узнал об этом и совершенно прервал связь с нючженьским двором; а для предосторожности усилил войска свои…

1211

…Весной Чингисхан находился при Гилур-голе. Из западного края Арслан-хан, глава хоралутского (харлагудского. — А.М.) народа, поддался ему. Идугуд, владетель хой-хорский (уйгурский. — *А.М.*), приехал ко двору его.



Великая китайская стена

Во второй месяц Чингисхан сам повел армию на юг, разбил Даши, полководца нючженьского, при горе Е-ху-лин и завоевал уезды Да-шуй-ло и Фын-ли; но нючженьцы возобновили укрепление Ву-ша-пху.

Осенью в седьмой месяц Чингисханов генерал Чжебэ (Зэв) приступом взял Ву-ша-пху и Ву-ю-ин.

В восьмой месяц Чингисхан дал сражение с нючженьским войском в Сюань-пьхине при реке Хой-хэ-чуань и одержал победу.

В девятый месяц приступом взял Дэ-син-фу. Командующий в Цзюй-юне ушел, поэтому Чжебэ вступил в сию крепость и доходил до средней столицы (Жунду. — *А.М.*).

Зимой в десятый месяц [хан] напал на главное правление нючженьских пастбищ, отбил табуны и возвратился.

Елюй-аха (из киданей. — *А.М.*) покорился Чингисхану и на пути явился к нему. Царевичи Жочи, Цагадай и Угэдэй завоевали округи: Юнь-нэй, Дун-шен-чжоу и Ву-шо.

Той зимой стоявшие на северных пределах царства Гинь генералы Лю-бо-линь, Гуалгя и Чангэ также покорились Чингисхану.

ИЗ «ГАН-МУ»

…Весною в третий месяц двор Гинь отправил нарочного для испрошения мира у монголов. Монголы не согласились.

Нючженьский генерал Нахата-майчжу, охранявший северные пределы, как скоро узнал, что монголы готовятся напасть на

границы, поспешил донести о том своему государю.

Государь сказал: «Мы не имеем вражды с ними; с чего ты взял это?»

Майчжу сказал ему: «Си-ся представили ему царевну, беспрерывно куют стрелы и делают щиты. При окопах велят мужчинам возить телеги, а лошадей берегут. Что же имеют в виду, как не нападение на нас?»

Нючженьский государь, почитая Нахата-майчжу затейщиком пограничных несогласий, приказал посадить его в заточение.

Монголы, учинив нападение на Юнь-чжун и Цзю-юань, весь год продолжали войну. После этого, разорив Да-шуй-ло, пошли далее.

Нючженьский государь сам, усмотрев опасность, освободил Майчжу и отправил северо-западного главнокомандующего Нюху-ру к монголам с мирными предложениями.

Монгольский государь не согласился. Тогда нючженьский государь, для отражения монголов, назначил трех полководцев: Тунги-цяньгяну, Ваньяня-хошо и главноуправляющего в Западной столице Хэшери-хушаху…

В восьмой месяц монголы осадили Западную столицу царства Гинь.

Главноуправляющий в ней Хэшери-хушаху, оставив город, ушел. Северо-западные области царства Гинь все покорились монголам.

Нючженьские генералы Тунги-цяньгяну и Ваньянь-хошо пришли в Ву-ша-пху; но еще не успели закончить военных распоряжений, как монгольские войска неожиданно подошли и штурмом взяли Ву-ша-пху и Ву-ю-ин. Монгольский государь, пользуясь победой, разорил Бай-дын-чен и потом осадил Западную столицу.

По прошествии семи дней Хушаху пришел в страх; оставив город, пробился со своим гарнизоном сквозь толпы осаждающих и ушел. Монгольский государь погнался за ним с тремя тысячами отборной конницы. Войско нючженьское было совершенно разбито. Он преследовал его до Цуй-бин-кхэу и после этого взял Западную столицу, Сюань-дэ и Фу-чжоу.

Кроме этого, отправленные монгольским государем сыновья: Жочи, Цагадай и Угэдэй, разделившись в три стороны, завоевали округи: Юнь-нэй, Дун-шен-чжоу, Ву-чжоу, Шо-чжоу, Фын-чжоу, Цзинь-чжоу, а потом Дэ-син, Хун-чжоу, Чан-пьхин, Хуай-лай, Цзинь-шань, Фын-жунь, Ми-юнь, Фу-нин, Цзи-нин, на восток до Пьхин-чжоу и Луань-чжоу, на юг до Цин-чжоу и Цан-чжоу, от

Линь-хуан за Ляо-хэ, на юго-запад до Синь-чжоу и Дай-чжоу, все округи покорились монголам…

В високосный девятый месяц войска царства Гинь, отражая монголов, совершенно разбиты на берегах Хой-хэ. После этого монголы вступили в Цзюй-юн-гуанъ, произвели великие грабежи и ушли.

Монгольский государь, взяв Фу-чжоу, дал отдых войскам и выкармливал лошадей, в намерении предпринять поход на юг. Государь нючженьский снова предписал генералам Ваньяню-гюгяню и Ваньяню-вань-ну для предосторожности расположиться с многочисленным войском при Е-ху-лин (перевал Унэгэн даваа. — А.М.), а Ваньяню-хошо следовать за ними с главною армией.

Некоторые представляли Гюгяню, что монголы, недавно разорив Фу-чжоу, всю добычу разделили между собою, а лошадей распустили по лугам, [поэтому] надлежит, пользуясь расплохом, нечаянно ударить на них. Гюгянь сказал на это: «Такое покушение опасно, напротив, самое надежное средство — подаваться вместе с пехотой и конницей».

Монгольский государь, узнав о том, пошел с войском в Хоэлль-цзуй.

Гюгянь отправил генерала Минганя (Мянгана) спросить монголов о причине войны. Мингань, напротив, передался монголам и объявил им о подлинности состояния нючженьской армии. Вследствие этого монгольский государь вступил с Гюгянем в сражение. Войско нючженьское было совершенно расстроено; конница мяла и топтала пеших; и великое множество побито в сражении. Монголы, пользуясь первым жаром, устремились вперед.

Ваньянь-хошо, страшась их напора, не смел противостоять им и с войском своим отступил на юг, монгольские войска поражали его тыл. При Хой-хэ-пху нючженьские войска еще разбиты были так, что Ваньянь-хошо один только спасся бегством в Сюань-дэ.

Монгольские войска, пользуясь победами, приблизились к сему городу и на пути взяли Гинь-ань-сянь. Объездные отряды подошли к Цзюй-юн-гуаню (крепость Цавчал. — *А.М.*). Комендант Ваньянь-фу-чжоу, бросив сию крепость, бежал, и монгольские войска заняли оную.

В нючженьской Средней столице (Жунду) приняты строгие меры предосторожности и запрещено мужчинам выходить из города. Монгольские конные отряды подъезжали к самым стенам столицы. Нючженьский государь хотел удалиться на юг в Бянь (южную столицу. — *А.М.*), но гвардия поклялась отчаянно

сражаться, и действительно монгольские войска несколько раз отражены были с уроном.

Но монголы нечаянно напали на нючженьское конское правление и угнали казенные табуны. И посему нючженьский государь остановился и приказал Чжугэ-гао-ци, правителю округа Цзинь-чжоу, расположиться с войсками за воротами Тхун-сюнь-мынь. Ваньянь-хошо был наказан понижением чина. Офицеры и солдаты сочли это наказание легким и от этого наипаче начали выходить из подчиненности…

1212

…В первый месяц (киданец) Елюй-люгэ, собрав войска в Лунь-ане, объявил себя главнокомандующим и прислал к Чингисхану нарочного с предложением своего желания вступить в подданство. Чингисхан взял города: Чан-чжоу, Хуань-чжоу и Фу-чжоу.

Генералы Хэшери и Гюгянь пришли сюда на помощь с тремя тысячами войска. Чингисхан вступил в сражение с ними при местечке Цюан-элль-цзуй и совершенно разбил их.

Осенью осадил Западную столицу. Нючженьский главнокомандующий Ошун пришел на помощь; но Чингисхан, заманив его к крепости Ми-гу-кхэу, вступил в сражение и истребил весь корпус его. После этого опять сделал приступ к Западной столице, но здесь был ранен стрелой, почему и снял осаду.

В девятый месяц Цаган завоевал Фын-шен-чжоу. Зимою в 12-й месяц, в день Цзя-шень, Чжебэ (Зэв) осадил Восточную столицу и принужден был отступить без успеха, но, возвратившись ночью, снова напал неожиданно и таким образом взял город.

ИЗ «ГАН-МУ»

Монгольский государь по взятии Сюань-дэ-фу тотчас приказал осаждать Дэ-син-фу и взбираться на городские валы. Нючженьцы отразили нападение, и монгольские войска не имели успеха. Толуй, четвертый сын монгольского государя, и с ним зять ханский Чигу снова взошли на стены под своими щитами и начали стрелять из луков. Нючженьские войска отступили.

После этого монголы овладели всеми городами и крепостями в пределах области Дэ-син; но когда удалились, то нючженьцы опять заняли их.

…Чингисхан пошел к Хуай-лаю, разбил нючженьских генералов Ваньяня-гин и Гао-ци и преследовал их до Гу-бэй-кхэу. Нючженьские войска укрепились в Цзюй-юне. Чингисхан предписал генералу Хэтэбци наблюдать за ними, а сам пошел в Чжо-лу.

Хушаху, главнокомандующий в Западной нючженьской столице, оставил город. Чингисхан пошел на Цзы-цзин-гуань, разбил войска нючженьские при горе Ву-хой-лин и взял города Чжо-чжоу и И-чжоу.

Киданьский генерал Улан-бар сдал крепость Гу-бэй-кхэу. После этого Чжебэ (Зэв), зашедши с южной стороны, взял крепость Цзюй-юн и соединился с Хэшебци.

В восьмой месяц нючженьский Хушаху убил своего государя Юн-цзи и возвел на престол князя Сюнь (Удабу).

Осенью, разделив армию на три части, приказал царевичам Жочи, Цагадаю и Угэдэю с западной армией следовать на юг, по направлению хребта Тхай-хан. Они взяли города: Бао-суй, Ань-су, Ань-дин, Син-чжоу, Вэй-хой, Хуай-чжоу и Мын-чжоу; разорили округи: Цзэ-чжоу, Лу-чжоу, Ляо-чжоу, Цинь-чжоу, Пьхин-ян, Тхай-юань, Цзи-чжоу, Си-чжоу; приступом взяли города: Фынь-чжоу, Ши-чжоу, Лань-чжоу, Сунь-чжоу, Синь-чжоу, Дай-чжоу, Ву-чжоу и возвратились.

Чингисханов младший брат Хасар, Ванцинь, Ноин и Джучи с восточной армией пошли по морскому берегу на восток и завоевали Цзи-чжоу, Пхин-луань, Ляо-си и возвратились.

Чингисхан и царевич Толуй со средним корпусом завоевали Сюн-чжоу, Ба-чжоу, Мо-чжоу, Ань-чжоу, Хэ-цзянь, Цан-чжоу, Цзин-чжоу, Сян-чжоу, Шен-чжоу, Ци-чжоу, Ли-чжоу, И-чжоу, Энь-чжоу, Пху-чжоу, Кхай-чжоу, Хуа-чжоу, Бо-чжоу, Цзи-чжоу,

Тхай-ань, Цзи-нань, Бин-чжоу, Дай-чжоу, И-ду, Чжи-чжоу, Вэй-чжоу, Дынь-чжоу, Лай-чжоу, И-чжоу.

По его же предписанию генерал Мухури (Мухали. — А.М.) вырубил город Ми-чжоу*. Нючженьские генералы Ши-тьхянь-ни и Субут покорились со своими войсками монголам, и Мухури именем Чингисхана определил их темниками.

Чингисхан подошел к Средней столице. Все три армии по возвращении соединились и расположились при Да-кхэу. В сем году завоеваны и взяты были почти все города, лежащие по северную сторону Желтой реки, исключая десять: Средняя столица, Тхун-чжоу, Чжен-дин, Шунь-чжоу, Цин-чжоу, Да-лин, Дун-пьхин, Дэ-чжоу, Пьхи-чжоу и Хай-чжоу.

ИЗ «ГАН-МУ»

Киданец Елюй-люгэ служил у нючженей тысячником на северной границе. С самого начала монгольской войны нючжени подозревали потомков династии Ляо в измене. Елюй-люгэ начал опасаться и бежал в Лун-ань, где, собрав до ста тысяч войска, объявил себя главнокомандующим и отправил нарочного к монголам с предложением своего подданства.

Отряженный нючженьским двором Ваньянь-хошо учинил нападение на него, но Елюй-люгэ одержал над ним полную победу. После этого объявил себя королем в Ляо и назвал свое правление Юань-тхун. Он овладел всеми областями и округами в Ляо-дун и утвердил свое пребывание в городе Сянь-пьхин…

В восьмой месяц Хушаху умертвил Юн-цзи и возвел на престол князя Сюня. Сам себя объявил визирем, председателем совета и главнокомандующим над всеми войсками.

В третий месяц прошлого года нючженьский государь отрешил Хэшери-хушаху от должности и сослал в деревню; в нынешнем же году опять его призвал и препоручил ему корпус войск, расположенных по северную сторону Пекина*. Туктань-и усиленно отговаривал, но государь не послушал его.

Хушаху со своими сообщниками Ваньянь-чеу, Фуча-люгинь и Ухури-дола умыслил произвести возмущение. В это время монгольские войска находились в Цзюй-юн-гуань (крепость Цавчал. — А.М.), между тем Хушаху ежедневно занимался охотой, нимало не помышляя о военных делах. Нючженьский государь послал к нему нарочного с выговором. Хушаху рассердился на то и, ложно разгласив, что пекинский правитель Туктань-нань-пьхин умышляет взбунтоваться, именем государева повеления повел войска в столицу тремя колоннами. Опасаясь же, чтобы войска, находящиеся в столице, не воспротивились ему, он отправил вперед одного конного, который, подъехав к восточным воротам Дун-хуа-мынь, во весь голос закричал, что татаньцы (монголы. — *А.М.*) пришли к северному предместью и уже вступили в сражение.

Вслед за тем прискакал другой конный и то же самое повторял. После этого послал своего сообщника Тукта-ня-гинь-шеу позвать к себе Туктаня-нань-пьхин, который, не зная об умысле, действительно поехал и на дороге самим Хушаху убит был. После этого Хушаху вступил во дворец, сменил всех дежурных, а места их занял своими сообщниками; себя объявил временным правителем и главнокомандующим над всеми войсками и, расположившись в провинциальном правлении, окружил себя войсками.

На другой день принудил государя перейти из своего дворца в княжеский и потребовал от императрицы государственную печать. Но императрица, несмотря на угрозы, отказала в выдаче печати. Хушаху хотел похитить престол, но еще колебался в нерешимости. Туктань-и, вельможа, всеми уважаемый, предложил ему двух князей, достойных престола. Хушаху промолчал и препоручил одному евнуху умертвить государя.

В это время Ваньянь-ган стоял со стотысячною армиею при горе Цзин-шань. Хушаху вызвал его обманом и убил; после этого потребовал пограничные войска в Пекин и предложил стоявшему в Чжан-дэ князю Ваньяню-сюн престол.

В девятый месяц этот князь прибыл в Пекин и вступил на престол, а сына своего Шеу-чжуна объявил наследником.

В одиннадцатый месяц монголы совершенно разбили царства Гинь генерала Чжугэ-гао-ци под городом Хуай-лай и осадили Среднюю столицу; Гао-ци по возвращении убил Хушаху. Нючженьский государь определил Гао-ци главнокомандующим.

Когда монгольские войска приблизились к Хуай-лаю, нючженьский генерал Чжугэ-гао-ци выступил против них и был наголову разбит. Пространство земли на сорок ли устлано было трупами. Монголы, пользуясь победою, простерлись до Гу-бэй-кхэу, но войска нючженьские защитили крепость Цзюй-юн и воспрепятствовали им проникнуть на юг.

Итак, монгольский государь, оставив генерала Хэтэбци с дивизией наблюдать за помянутой крепостью, сам с большой армией пошел на Цзы-цзин-гуань, разбил нючженьское войско при Ву-хой-лин и приступом взял два города, Чжо-чжоу и И-чжоу. Отряженный им генерал Чжебэ (Зэв) подступил к крепости Цзюй-юн с южной стороны и, взяв оную, вышел в северные ворота и соединился с корпусом генерала Хэтэбци. После этого избрали они изо всех колен пять тысяч отборной конницы, которая, соединившись с войсками генералов Котая и Хотая, обложила Пекин. В это время большая монгольская армия пришла к речке Хой-хэ и хотела переходить через мост Гао-цяо. Хушаху, у которого болела нога, распоряжался сражением, сидя в колясочке. Монгольская армия была совершенно разбита.

На другой день снова начали сражение. Хушаху по причине усилившейся боли в ране не мог выехать. Он приказал генералу Гао-ци выступить против монголов с пятью тысячами. Гао-ци просрочил, за что Хушаху хотел казнить его, но нючженьский государь приказал простить, в уважение оказанных им услуг. Итак, Хушаху, усилив корпус генерала Гао-ци и приказывая ему

вступить в сражение, присовокупил: «Ежели победишь, то будешь прощен, ежели не победишь, то отсеку тебе голову».

Гао-ци вступил в сражение, которое продолжалось с вечера до рассвета. В это время поднялся с севера сильный ветер, который вздымал каменья с песком, так что невозможно было открыть глаз. Войска нючженьские приведены были в большое замешательство. Гао-ци, предполагая, что генерал Хушаху не преминет казнить его, вторгся со своими солдатами в Пекин и окружил дом его.

Хушаху, видя опасность, хотел убежать через заднюю стену, но, запутавшись в своем одеянии, упал и повредил себе руку. Здесь солдаты отрубили ему голову, с которою Гао-ци, явившись во дворец, просил судить себя*.

Государь простил его, обнародовав преступления генерала Хушаху, лишил его (по смерти) чинов и достоинств, а генерала Гао-ци произвел главнокомандующим. Войскам также учинена награда соразмерно услугам…

В это время монгольский главнокомандующий Мухури (Мухали), производя войну в пределах нючженьских, куда только ни обращался, [все] ниспровергал и разрушал…

В 12-й месяц монголы, разделившись на несколько корпусов, взяли областные и окружные города в Хэбэй и Хэдун.

Монгольский государь, оставив Котая и Хотая с войском по северную сторону Пекина, разделил сорок шесть китайских дивизий, равно и татаньские (монгольские. — *А.М.*) войска, на три армии. Трех сыновей своих, Жочи, Цагадая и Угэдэя, послал с правой, т. е. с западной, армией следовать по направлению хребта Тхай-хан на юг. Они взяли города: Бао-чжоу, Чжун-шань, Син-чжоу, Мин-чжоу, Цы-чжоу, Сян-чжоу, Вэн-хой, Хуай-чжоу и Мынь-чжоу. Прошли до Желтой реки и произвели великое опустошение между городами Пьхин-ян и Тхай-юань.

Генерал Бот с прочими шел подле моря на восток; взял Луань-чжоу, Цзи-чжоу и произвел великие грабежи в Ляо-си.

Монгольский государь с сыном Толуем пошел средней дорогой; взял города: Сюн-чжоу, Мо-чжоу, Цин-чжоу, Цан-чжоу, Цзин-чжоу, Сянь-чжоу, Хе-цзянь, Бин-чжоу, Дай-чжоу, Цзи-нань; потом от Да-кхэу снова повернул с армией к Пекину. В это время нючженьские войска со всех дорог* отозваны были в Чжун-юань для охранения мест, лежащих позади гор, в провинции Шаньси; а крестьяне все взяты были в ополчение и поставлены на стенах городских для отражения неприятеля.

Монголы всех оставшихся в домах согнали для взятия тех же

городов. Так, с противных сторон отцы узнавали сыновей, старшие братья взывали к младшим. По этой-то причине никто не имел твердости защищаться, и города при первом прибытии войск сдавались. Таким образом разорено было около девяноста областных городов. В провинциях Хэбэй, Хэнэй и Шаньдун на нескольких тысячах ли пространства почти все жители были побиты. Золото и шелковые ткани, сыновья и дочери, волы и кони — все, подобно циновке, свернуто и увезено. Дома и хижины преданы огню; городские стены превращены в развалины. Только Дай-мин, Чжен-дин, Цин-чжоу, Юнь-чжоу, Пьхи-чжоу, Хай-чжоу, Во-чжоу, Шунь-чжоу и Тхун-чжоу, мужественно защищаемые войсками, спаслись от разорения.

1214

…Весною в третий месяц [Чингисхан] остановился с армией по северную сторону [от Пекина]. Генералы просили его, чтобы торжество побед довершить взятием этой столицы. Но Чингисхан не согласился на это, а отправил посланника к государю нючженьскому со следующим предложением: «Теперь все твои города в Шаньдуне и Хэбэе завоеваны мною. У тебя осталась одна только Средняя столица. Небо привело тебя в бессилие, и я подвергнул бы тебя большим опасностям, если бы не страшился небесного гнева. Теперь иду я с армией в обратный путь, хочешь ли угостить мои войска, дабы сим утишить гнев моих полководцев?»

Нючженьский государь отправил посланника с предложением о мире и, удочерив дочь покойного государя, выдал ее в качестве царевны за Чингисхана; послал ему в подарок множество вещей, по 500 мальчиков и девиц и 3000 лошадей. Сверх этого, отправил министра Ваньяня-фу-син проводить Чингисхана через крепость Цзюй-юн.

В пятый месяц нючженьский государь перенес свой двор в Бянь, а наследника своего Шеу-чжун с министром Ваньянем-фу-син и помощником Муньянем-цзинь-чжун оставил управлять Средней столицей.

В шестой месяц нючженьский генерал Чжода, убив своего начальствующего генерала, передался со всей дивизией Чингисхану, который тотчас предписал генералам Самухэ, Шумуру, Минганю (Мянгану) и Чжоде обложить Среднюю столицу, а сам поехал от жары к Юй-элль-ло.

Осенью, в седьмой месяц, нючженьский наследник Шеу-чжун уехал в Бянь.

Зимой, в десятый месяц, Мухури (Мухали) пошел в Ляо-дун против Лу-цзун и Цзинь-гуа в Гвао-чжоу и взял город Цзинь-чжоу. Чжан-цин, убив своего инспектора, объявил себя королем и отправил нарочного к Чингисхану, с предложением своего подданства.

ИЗ «ГАН-МУ»

…В третий месяц дом Гинь выдал за монгольского государя царевну, дочь покойного государя Юн-цзи. Летом, в четвертый месяц, заключил мир с монголами.

Монгольский государь по возвращении из провинции Шаньдун расположился по северную сторону Пекина. Генералы предложили ему, чтобы, пользуясь победами, взять сию столицу. Монгольский государь не послушался их. Он отправил к нючженьскому государю посланника со следующим предложением: «Твои провинции и уезды в Шаньдуне и Хэбэе все в моей власти; у тебя остался только Пекин. Небо уже привело тебя в бессилие, и если еще буду теснить тебя, то и сам должен я опасаться небесного гнева. Теперь иду я в обратный путь, хочешь ли угостить войска, чтоб укротить гнев моих генералов?»

Гао-ци, министр нючженьский, говорил своему государю, что татаньские (монгольские) солдаты и лошади изнурены, и предлагал дать решительное сражение.

«Невозможно, — возразил на это Ваньянь-чен-хой. — Наши войска находятся в столице, но их семейства живут по разным провинциям, трудно полагаться на их твердость. Если проиграем сражение, то не преминут разбежаться; даже и по одержании победы, также помышляя о своих семействах, могут разойтись. Спокойствие и безопасность престола зависят от этого единого предприятия. Всего лучше отправить посланника для заключения мира, и когда войска их обратно уйдут, то придумать новые меры».

Нючженьский государь одобрил последнее мнение. И отправил министра Чен-хой просить о мире.

Монгольский государь пожелал иметь царевну. Нючженьский государь выдал меньшую дочь покойного государя Юн-цзи и с нею послал множество золота и дорогих материй, пятьсот мальчиков, пятьсот девиц и три тысячи лошадей.

Монгольский государь пошел в обратный путь. По выступлении за Цзюй-юн-гуань собрал до нескольких сот тысяч молодых мужчин и женщин, взятых в провинциях Шаньдун,

Фэнэй и Хэбэй, и всех предал смерти.

Нючженьский государь, по заключении мира с монголами, обнародовал в своем царстве великое прощение…

В пятый месяц царства Гинь государь Ваньянь-сюн перенес двор в Бянь. Гвардия взбунтовалась и предалась монголам. Осенью, в седьмой месяц, монголы снова обложили среднюю столицу.

Изнуренное состояние государства, слабость войск и истощение государственной казны не подавали никакой надежды к удержанию Пекина, поэтому нючженьский государь решился перенести двор в Бянь-цзин и ни от кого не принимал представлений против этого.

В пятый месяц он препоручил министру, главнокомандующему Ваньянь-чен-хой, старшему помощнику министра Муянь-цзинь-чжун, вместе с наследником престола управлять в Средней столице, а сам со всем двором отправился в путь.

Монгольский государь, услышав это, с гневом сказал: «По заключении мира тотчас переселяться — это значит, что он не доверяет мне и еще питает злобу. Он заключил мир в том намерении, чтобы, усыпив меня, снова помышлять о завоеваниях на юге?»

Нючженьский государь по прибытии в Лян-сян приказал отобрать у провожающей гвардии выданные ей прежде доспехи и лошадей и все возвратить во дворец. Гвардия от такой досады произвела возмущение, убила своего главноначальствующего Су-вынь и, избрав трех начальников, Чжоду, Бэйшера и Чжалара, пошла обратно на север (к столице).

Ваньянь-чен-хой, услышав о сем перевороте, занял с войсками переход при Лу-гэу, но Чжода разбил его и, как скоро усилился, то отправил нарочного к монголам, с предложением своего подданства.

Монгольский государь послал Минганя (Мянгана) для подкрепления Чжоды, и сии генералы по соединении войск их облегли Пекин.

Нючженьский государь, услышав о сем, потребовал наследника к себе. Принц Ваньянь-сурэ находил это несообразным.

Министр Чжугэ-гао-ци сказал на это: «Где государь находится, там и наследник должен быть. Сверх этого ручаешься ли, что спасешь столицу?»

«За спасение столицы совершенно ручаться не могу, — отвечал Сурэ, — но если наследник будет здесь находиться, то все

будет производимо с большею деятельностью. Если пограничные места будут защищаемы, то и для столицы мало опасности. В прошедшие времена, когда Мин-ди, государь династии Тхан, уехал в Сычуань, наследник оставался в Лин-ву, и присутствие его могло привязывать подданных целой империи».

Его не послушали, и как скоро наследник выехал из Пекина, то вся столица пришла в большое смятение.

Монгольский генерал Мухури (Мухали) покорил области и провинции царства Гинь в Ляо-си.

Мухури со своими войсками осадил северную нючженьскую столицу. Главнокомандующий Ин-цин противостал ему при Хо-то с 200 000 войска, но, будучи разбит, обратно ушел и заперся в городе. Генералы Ваньянь-силинь и Гао-дэ-юй убили Ин-цин и объявили генерала Илдуху главноуправляющим.

Мухури отрядил генерала Ши-тьянь-сян с войсками для осады города, и Илдуху сдался. Мухури, раздраженный промедлением в сдаче, хотел разорить город, но Сяо-эсэнь сказал: «северная столица есть важнейшая крепость в Ляо-си. Если она покорилась и разорить ее, то после этого кто пожелает покоряться?»

Мухури принял совет его и предложил, чтобы Илдуху на время оставили главноуправляющим в северной столице, а генерала Уера временным главнокомандующим. После этого нючженьские города: Шунь-чжоу, Чен-чжоу, И-чжоу и Тхун-чжоу один за другим покорились монголам…

1215

…В третий месяц нючженьский генерал-прокурор Ли-ин, шедший к Средней столице со вспомогательным войском, вступил в сражение под Ба-чжоу и был разбит…

В пятый месяц, в день Гыш-шен, главноуправляющий в Средней столице Ваньянь-фу-син умертвил себя ядом. Муянь-цзинь-чжун выехал из города, а Мингань (Мянган) занял их место в столице.

В сем месяце [Чингисхан] уехал от жары в Хуань-чжоу, откуда послал Шигихутуга описать казенное имущество в Пекине…

Чингисхан послал Ицири к нючженьскому государю с предложением, чтобы он сдал остальные города в Хэбэе и Шаньдуне, чтобы сложил с себя титул императора и остался бы королем в Хэнане, чем и война должна прекратиться; но это

предложение было отвергнуто…

Сею осенью завоевано городов и местечек общим числом 862.

ИЗ «ГАН-МУ»

…Войско, посланное государем царства Гинь для избавления средней столицы, встретившись с монголами под Ба-чжоу, пришло в великое замешательство. Летом, в пятый месяц, главноуправляющий в этой столице младший министр Ваньянь-чен-хой сам предал себя смерти. После монголы вступили в среднюю столицу.

Средняя столица нючженьская уже давно находилась в осадном состоянии. Как Муянь-цзинь-чжун долго служил на войне, то Ваньянь-чен-хой препоручил ему военную часть, а себе предоставил главный над всем надзор и в представлении, квасцами писанном, донес двору о крайности своего положения.

Нючженьский государь отправил для спасения столицы генерала Юн-си с корпусами областей Чжун-шань и Чжен-дин; генерала Ухури-цин-шеу с 18-тысячным корпусом из Да-мина, присоединив из юго-западных дорог 11 тысяч пехоты и конницы, а из Хэбэя 10-тысячный корпус. Генерал-прокурору Ли-ин предписал вести съестные припасы из Да-мин, а сенатору Фу-чжури следовать за ним. Ли-ин по прибытии в Да-мина получил несколько десятков тысяч войска; но в распоряжении ими не соблюдал никакого порядка.

В третий месяц, будучи пьяным, встретился с монгольским войском по северную сторону города Ба-чжоу и, будучи разбит, потерял весь транспорт со съестными припасами и, наконец, убит в сражении.

Корпусы генералов Ухури и Юн-си, получив об этом известие, оба обратились в бегство. После такого происшествия сообщение со Среднею столицею пресеклось, и она не могла уже ожидать вспоможений с внешних сторон.

Чен-хой, советуясь с Цзинь-чжун, хотел вместе с ним умереть за отечество, но Цзинь-чжун не соглашался с ним. Чен-хой в досаде тотчас возвратился в свой дом. Впрочем, войска воспротивились ему, и все приняли сторону генерала Цзинь-чжун. Для Чен-хой ничего более не оставалось, как умереть. Итак, он, простившись в храме с предками, призвал секретаря Чжао-сы-вынь и сказал ему: «Когда состояние дел дошло до такой степени, то осталось только из усердия к отечеству умереть».

В пятый месяц, в некоторый день, Чен-хой написал завещание

государю и препоручил президенту сената Ши-ань-ши переписать. В сем завещании он рассуждал толька о великих мерах в пользу отечества и о злонамеренных видах сенатора Гао-ци; сверх этого, извинялся, что не мог сохранить столицы. Он был спокоен, как в обыкновенное время. Собрав все свое имущество, он позвал домашних людей и наделил каждого из них по заслугам. Весь дом рыдал. Чен-хой, с величественным видом разговаривая с Ши-ань-ши, сказал: «Все, что преподали мне учителя в пяти священных книгах, я тщательно соблюдал и по мере сил исполнял не для одной пустой учености». Как скоро он опьянел, то, взяв кисть, простился с Ши-ань-ши и на самом конце написал две буквы превратно (низом вверх), бросил кисть и сказал: «От вас я впал в погрешности и мог ли не расстроиться в наилучших намерениях?» Потом сказал Ши-ань-ши: «Прощай!»

Ши-ань-ши лишь вышел из ворот, как услышал вопль и опять возвратился. На вопрос его сказали, что Чен-хой, приняв яд, уже умер. Домашние люди в замешательстве похоронили его в зале. В вечеру этого дня царицы, остававшиеся в Средней столице, услышали, что Цзинь-чжун намерен уехать на юг, поэтому, увязав платье, собрались у дворцовых ворот Тхун-сюань-мынь.

Цзинь-чжун, в намерении обмануть их, сказал, что ему должно прежде выехать и открыть для них дорогу. Царицы поверили ему. И так Цзинь-чжун с любимой наложницей и приближенными своими выехал из города и более об этом не думал.

После этого монгольские войска вступили в Среднюю столицу. Чиновников и жителей погибло при сем случае великое множество. Своевольствующие солдаты зажгли дворец, и пожар продолжался более месяца. В это время монгольский государь находился в Ху-ань-чжоу. Получив известие о взятии Пекина, он отправил нарочного, чтобы объявить благодарность Минганю (Мянгану) с прочими и отвезти сокровища государственного казначейства на север.

Таким образом, погибли таблицы предков царствующего рода нючженей вместе с оставшимися в Пекине царицами. Цзинь-чжун по прибытии в Чжун-шань сказал своим приближенным: «Если бы ехали вместе с царицами, то можно ли было нам достигнуть этого места?»

Ши-ань-ши прибыл в Бянь с завещательным докладом министра Чен-хой, который по смерти пожалован княжеским достоинством и назван Чжун-су. Цзинь-чжун также приехал в Бянь. Государь освободил его от суда и произвел в сенаторы, но в скором времени за умысел против престола изменник был предан казни.

Зимой, в десятый месяц, монголы, осадив Тхун-гуанъ, крепость царства Гинь, не могли взять ее, и поэтому через Сун-шань пошли на Бянь; но, будучи отражены жителями царства Гинь, обратно ушли.

Монгольский государь, имея пребывание при озере Юй-элльло, предписал Самухэ-батору идти с десятью тысячами конницы из Си-ся на Цзин-чжао и осадить Тхун-гуань. Самухэ-батор не мог взять этой крепости, посему узкой дорогой через Сун-шань пошел на Жуй-чжоу. Если встречал горные ущелья, то из связанных железных копий делал мосты для перехода. Преодолев столько трудностей, пошел на Бянь-цзин.

Нючженьский государь наискорейше вызвал пестрошапочный корпус из провинции Шаньдун. Уже монгольское войско подходило к Син-хуа-ин, в 20 ли от Бянь-цзина, как пестрошапочный корпус отразил его. На обратном пути оно пришло к Шень-чжоу. В это время Желтая река покрылась льдом, посему монголы и перешли на северный берег.

Нючжени решились защищать одни крепости. Монгольские войска, куда ни обращались, все покоряли. Нючженьский государь отправил посланника просить о мире. Монгольский государь, соглашаясь, сказал генералу Самухэ: «Если серны и олени внутри облавной площади уже нами пойманы, а остался один заяц, для чего бы не пустить его?»

Самухэ, стыдясь, что он еще ничем не отличился, не соглашался на заключение мира и отправил нарочного сказать государю нючженьскому, чтобы он, если желает договариваться о мире, сложил с себя достоинство императора и назвался вассалом, в замену же того признан будет королем.

Таким образом, не могли приступить к мирным переговорам…

1216

…Весной Чингисхан возвратился в походный дворец на берегу Лу-цзюй-хэ…

Осенью Сэр-цзи-от (Шилиж, Эд) и Самухэ-батор отправились со своими войсками из Си-ся в Гуань-чжун; в пути миновали Тхун-гуань, полонили нючженьского генерала Нимаха-Фулху, приступом взяли Жуй-чжоу и другие города, дошли до Бянь-цзина и возвратились…

ИЗ «ГАН-МУ»

…Летом, в четвертый месяц, Елюй-люгэ, правитель в Ляо, покорился монголам.

Монгольский государь определил Елюй-люгэ главнокомандующим и предписал иметь пребывание в Гуан-нин-фу.

Зимой, в 10-й месяц, монголы взяли нючженьскую крепость Тхун-гуань.

Монгольские войска расположились между горою Сун-шань и городом Жуй-чжоу. Нючженьский прокурорский приказ представлял своему государю происшедшее так: «Неприятельские войска, миновав Тхун-гуань, Жао-гуань и Мянь-чжоу, далеко прошли вглубь и приближаются к западному предместью столицы. Им уже известно, что в столице находится многочисленное войско, посему, не делая приступа к городу, избегают сражения, но только конные отряды пресекают сообщение по дорогам, а другие войска их нападают на окрестные города. Это также неприметное окружение столицы. Если только иметь в виду одно защищение городов, то бедствия, постигшие Среднюю столицу, скоро увидим и в настоящее время. Сверх этого, общественные и частные запасы здесь, в сравнении с запасами Средней столицы, и в сотую долю не сравнятся. Вот от чего леденеет сердце наше. Желательно, чтобы Вы приказали войскам области Шень-чжоу прикрыть Тхун-гуань и занять позицию в противоположности с генералом Алибасом; выбрать в столице несколько десятков храбрейших офицеров и каждому дать лучших солдат, чтобы они, смотря по обстоятельствам, производили поиски, где сражались бы, а где охраняли; еще предписать, чтобы и в Хэбэе таким же образом поступили».

Нючженьский государь отдал это представление сенату. Сенатор Чжугэ-гао-ци сказал на это, что члены прокурорского приказа несведущи в военном искусстве и что оборонительная система им неизвестна. Итак, представление остановлено.

Когда монгольские войска день ото дня сближались около столицы, Гао-ци только о безопасности своей заботился и хотел, чтобы находилось в столице многочисленное войско. Таким образом, области и провинции, оставленные без всякой обороны, были разорены и разграблены. Нючженьский государь был обманут, и положение царства его час от часу становилось опаснее…

Царства Гинь генерал Сюй-дин разбил монголов под Пьхин-яном

Сюй-дин, предполагая запереть монгольским войскам дорогу через Желтую реку, призвал войска из пяти округов, Цзян-чжоу, Сю-чжоу, Ши-чжоу, Цзи-чжоу и Мынь-чжоу, и поставил их в таком положении, чтобы могли они напасть с лица и с тыла. Когда монголы переправились из Си-Гинь, что в Сань-мине, на север и приблизились к городу Пьхин-яну, то Сюй-дин вступил в сражение с ними. Монгольские войска были биты и ушли.

1217

…Осенью, в восьмой месяц, Мухури (Мухали), будучи произведен визирем (гуй ван. — А.М.)… послан с монгольскими и китайскими войсками на юг, где он приступом взял Суй-чен и Ли-чжоу (Ли-сянь).

Зимою, в десятый месяц, покорил Да-мин-фу, а потом утвердил на востоке города: И-ду, Чи-чжоу, Дын-чжоу, Лай-чжоу, Вэй-чжоу и Ми-чжоу. В том году колено Тумэд отложилось; но генерал Бурин Дурвун усмирил их.

ИЗ «ГАН-МУ»

…В 12-й месяц монголы постановили Мухури визирем и отправили его для завоевания земель по южную сторону гор (Тхай-хан).

Как Мухури (Мухали) оказал великие услуги, то монгольский государь, пожаловав его визирем (гуй ван)… и, уполномочив своим именем решать дела, дал ему клятвенную грамоту и золотую печать. Отделив десять корпусов генерала Хун-гири и также заграничные и китайские войска, все подчинил его начальству; и при сем сказал ему: «Земли по северную сторону хребта Тхай-хан я сам завоевал; о землях же по южную сторону того хребта тебе должно позаботиться».

И так, Мухури на юг от Пекина осадил города Суй-чен и Ли-чжоу и оба взял. Вначале город Ли-чжоу упорно защищался и покорился уже по совершенном истощении сил; Мухури, рассердившись, хотел вырубить город. В это время Чжао-цзинь, житель этой округи, служивший при Мухури в должности

сотника, явился к нему в слезах и говорил: «Мать моя со старшим братом находятся в городе. Я предлагаю собственную жизнь для искупления целого города».

Этот просил столь жалостно и усердно, что Мухури, из уважения к его справедливости, склонился на просьбу, посему, поворотив на восток, ударил на Ци, утвердил за собою города: Лин-цзы, Дын-чжоу и Лай-чжоу; после этого возвратился…

1218

…Осенью, в восьмой месяц, войска, выступив из Цзы-цзин-кхэу, взяли в плен нючженьского генерала Чжан-жеу, которого хан оставил при прежней должности.

Мухури из Западной столицы, вступив в Хэдун, взял Тхай-юань, Пьхин-ян, Син-чжоу, Дай-чжоу, Цзэ-чжоу, Лу-чжоу, Фынь-чжоу и Хо-чжоу (в Шэнь-си).

…Киданьский Лухэ овладел некоторыми корейскими городами, но генерал Хао-цит-чжала покорил его. После этого корейский король Дунь покорился и обязался ежегодно представлять дань, состоящую из местной продукции.

1219

…Летом, в шестой месяц, в Западном краю убили посланников, и Чингисхан сам повел армию туда*…

Чжао Хун

ЗАПИСКА О МОНГОЛО-ТАТАРАХ (МЭН-ДА БЭЙ-ЛУ) (ФРАГМЕНТЫ)*

I. ОСНОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА

Земля, в которой в первый раз являются татары*, лежит на северо-западе от киданей… Они (монголы. — *А.М.*) разделяются на три вида: черных, белых и непокорных (диких).

Белые татары* более красивой наружности; почтительны и вежливы; знают почтительность к родителям; когда случится

смерть отца или матери, изрезывают себе лицо и плачут.

Находясь между ними, я часто, встретив человека недурной наружности, но с рубцами на щеках, на вопрос: «Не белый ли это татарин?» — всегда получал утвердительный ответ.

Они получили образование от захваченных в плен китайских мужчин и женщин, с которыми вступали в брак, и оттого в обращении с другими выказывают мягкость; их провинция управляется [ныне] Би-цзи, дочерью (гун-чжу) повелителя татарского Чингисхана*.

Непокорные татары* весьма бедны, грубы и ни к чему не способны, только и умеют ездить на лошади…

Нынешний император Чингис, его полководцы, министры и главнейшие чиновники, — все принадлежат к черным татарам*.

Татарская нация (монголы. — *А.М.*) по большей части не высокого роста; самый высокий человек не выше пяти футов с двумя или тремя вершками. Также нет среди них толстых и жирных. Лицо у них широкое, плоское и четырехугольное с выдавшимися скулами; глаза без верхних ресниц; волос на бороде и [на месте усов] весьма мало; их наружность весьма некрасива.

Только нынешний татарский повелитель Тэмужин огромного роста, с широким лбом, длинной бородой; он отличается мужеством…

II. ПРОИСХОЖДЕНИЕ ТАТАРСКОГО ПОВЕЛИТЕЛЯ

…Чингисхан, в малолетстве, попал в плен к цзиньцам (т. е. чжур-чжэням), провел у них в рабстве более десяти лет и потом бежал*. От этого он вполне узнал состояние и дела Цзиньского царства.

Это человек мужественный, сильный, сообразительный; привлекает к себе всех; чтит Небо и Землю, весьма уважает справедливость.

Всем известное имя Тэмужин — есть не что иное, как имя, данное ему при рождении… Некоторые говорят, что Чингис есть исковерканное слово (из двух китайских букв) «тянь-цы» («пожалованный Небом»).

III. НАЗВАНИЕ ДИНАСТИИ И ПРАВЛЕНИЯ

В древности был народ монголы (мон-гу), которые при цзиньском правлении Тянь-хой (годы царствования Укимая, брата Агуды, 1123–1135) часто нападали на разбойников чжурчжэней* и их

беспокоили.

Цзиньцы постоянно вели с ними войну и наконец заключили мир, дав множество денег и вещей…

В начале возвышения татар, у них не было вовсе письменности. И всякий раз, когда надобно было что-то повелеть, отправляли туда и сюда посланца и ему давали заучить на память послание. Но посланный не смел ни прибавить, ни убавить ни одного слова. Таков обычай этого народа, так просты их нравы.

В соседстве с ними находятся уйгуры, которые перепродают им то, что выменивают [у нас] на обеих реках.

Поныне еще, во всякой переписке с другими государствами, [татары] употребляют уйгурскую письменность, похожую на китайские ноты для флейты. Но теперь уже два года, как цзиньские изменники и сдавшиеся [монголам] чиновники, не имевшие пристанища, желая быть для них полезными, научили их письменам (т. е. китайским), и в переписке с Цзиньским царством они употребляют китайскую письменность. В прошлом году весной, просматривая их бумаги, я во всех [документах] встречал, что они называют себя великой династией (Да-чао). Более того, по привязанности к монголам, как к мужественной нации, дали своему улусу название Великого Монгольского Улуса…

VII. ВОЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Татары родятся и вырастают в седле и на лошади; они сами собой учатся сражаться, потому что вся их жизнь круглый год проводится на охоте. Оттого у них нет пехоты, а все — конница; войска у них может набраться несколько сот тысяч.

Письменных приказов у них (по военной части) почти нет; все, начиная от главнокомандующего до тысячника, сотника и десятника, командуют лично.

Всякий раз, когда они хотят взять большой город, то сначала нападают на окрестные селения, берут в плен тамошних жителей и гонят их на осаду [города]. Для этого они отдают повеление, чтобы каждый конный солдат захватил десятерых человек; когда это число полностью набрано, то каждым человеком (пленным) берется известное количество травы или дров, земли или камней. Затем их гонят день и ночь, убивая отставших; пригнав, немедленно заравнивают рвы и канавы (вокруг городских стен, принесенными материалами). [При осаде] употребляют еще также подкопы и проч.; при этом не жалеют десятков тысяч народа, и поэтому города всегда бывают взяты.

После взятия города его жителей убивают без всякой пощады, всех, не разбирая ни старых, ни малых, красавцев и безобразных, бедных и богатых, сопротивлявшихся и покорных; никакое знаменитое лицо не избегнет смертной казни, если оно окажет сопротивление при осаде города.

Добычу делят на пропорциональные части между высшими и низшими чинами. Велика ли, мала ли эта добыча, всегда оставляют одну долю для поднесения императору Чингису*.

…Всякое совещание о начале войны производится в 3-й или 4-й луне*; весть о решении рассылается повсюду; потом 5-го числа 5-й луны* вторично обсуждается, куда направиться осенью настоящего года, после чего, в связи с летней жарой, все разъезжаются по своим стойбищам; в 8-й луне* все собираются в Яньской столице (Жунду. — А.М.), и после этого начинается поход.

VIII. КОНЕВОДСТВО

Татарская страна (Монголия. — *А.М.*) богата водой и травой и благоприятна для выращивания баранов и лошадей. Лошадей, через год или два после рождения, обучают и объезжают в течение последующих трех лет. И только тогда начинают использовать в деле…

Качества лошади превосходны: весь день она обходится без пищи, и только ночью пускают ее пастись в поле, не разбирая, попалось ли место, покрытое зеленью или с высохшей [растительностью]; на рассвете [снова] седлают; [для корма лошадей] вовсе не употребляют горох или просо. У каждого человека, по выступлении в поход, имеется несколько лошадей, на которых он скачет поочередно, по одному дню; поэтому лошади не изнуряются и не гибнут…

X. ЗАВОЕВАНИЯ

В то время, когда татары (монголы. — *А.М.*) не вышли еще из своих пределов, в годы правления Да-дин (т. е. 1161–1189), при разбойничьей Цзиньской династии, в Яньской столице и Киданьской стране разнеслось предсказание, что настоящее правительство, теснимое татарами (монголами. — А.М.), не найдет себе убежище и [будет свергнуто]. Цзиньский глава*, Юн (это кличка Ши-цзуна Цзиньской династии вышесказанных годов правления Да-дин), случайно услыхав об этом, с испугом

воскликнул: «Татары непременно будут [впоследствии] причиной беспокойства для нашего царства!» Поэтому он отдал приказ немедленно выступить в поход против их отдаленной и пустынной страны. И через каждые три года отправлялись войска на север для истребления и грабежа. Это называлось набором (цзянь див, что буквально значит «уменьшение рабов, или слуг, рекрутов») и истреблением людей.

Поныне еще в Китае все помнят, что за двадцать лет до этого в [провинциях] Шаньдун и Хэбэй, в чьем только доме не было купленных в рабство татарских девочек и мальчиков. Все они были захвачены в плен войсками. Те, которые в настоящее время у татар [являются] нойонами, тогда, по большей части, были уведены в плен и жили в цзиньских пределах.

Кроме того, каждый год из их страны [монголы] платили дань; ее принимали за границей (на территории Монголии), отсылая назад посланных, не допуская их, таким образом, вступать в цзиньские пределы.

Татары убежали в Шамо (монгольские степи. — *А.М.*), и мщение проникло в них до мозга костей.

Когда ложный Чжан-цзун* вступил на престол, то в годы его правления Мин-чан (1190–1196) было запрещено убивать и грабить. Поэтому татары (монголы) постепенно возвратились на родину; число их народа увеличилось. Это снова обеспокоило Чжан-цзуна, и он воздвигнул новую Великую стену (чан-чэн) на севере от Цзинь-чжоу и охранение ее поручил племени тангу-чжа (тангудов. — А.М.). Когда тангу-чжа взбунтовались, то вместе с ними взбунтовались и-ла-ду-чжа (в Цзиньской истории: е-ла-ду), мудянь-чжа, моу-чжа, хоудянь-чжа (в Цзиньской истории: гудун) и прочие [племена]. Цзиньцы отправили против них войска и усмирили; рассеянные чжасцы передались татарам (монголам. — *А.М.*).

[Тем временем] среди уйгуров был некто по прозваниюТянь, весьма богатый и ведущий торговлю на огромные суммы; он часто посещал Хэбэй и Шаньдун; вместе с чжасцами он начал рассказывать татарам (монголам. — *А.М.*) о богатстве жителей этой страны, подстрекая их к сбору войска и вторжению [в цзиньские пределы]. И Тэмужин, который уже питал ненависть за притеснения, вступил в цзиньские пределы и, завоевав, истребил все пограничные крепости.

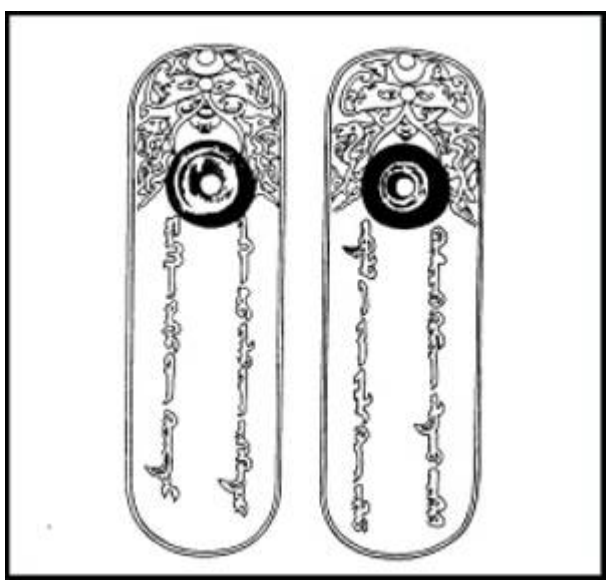
У татар, как старые, так и молодые, все теперь припоминают слова яньских разбойников (т. е. чжурчжэней), которые говорили: «Наше царство подобно морю, а ваше — горсти песка. Куда же вам с нами справиться!» Только тогда, когда была взята западная столица, вздрогнули как [чжурчжэньский] царь, так и вельможи

разбойников. Они собрали все свои отборные войска в количестве 500 000 человек пехоты и конницы и отправили их навстречу [Чингисхану] под начальством Хушаху; но они (чжурчжэни) потерпели великое поражение.

Было собрано новое войско, набранное в Шаньдуне, Хэбэе и других провинциях; к нему присоединена была гвардия императорских телохранителей и прочие [части]; в нем насчитывалось 300 тысяч человек, командовал им Гао-ци. Это войско было разбито под стенами Яньской столицы, когда татары приступили к этому городу. [Таким образом], сокрушены были силы цзиньских разбойников. Войско, увеличившееся в течение столетия, было рассеяно и истреблено. Поэтому [Цзиньская] империя пришла в упадок. Всякий раз, когда татары осаждали города в Хэбэе, Шаньдун и Яньбэй (на севере от Пекина), [цзиньские] разбойники не могли оказать им сопротивление.

XI. ДОЛЖНОСТИ

Татары (монголы), подражая цзиньским разбойникам, также ввели у себя звания лин-лу шан-шу (министров), лин-цзо-ю-сян (главноуправляющих), правого и левого пин-чжан (директоров) и другие должности. Они также поставили визирей (тайши), главнокомандующих (юань-шуай) и др., которые носят при себе (в знак достоинства) золотые пайцзы.



Монгольские пайцзы

Первостепенные, знаменитые вельможи носят [пайцзы с] изображением двух тигров, или так называемую ху-доу («дерущиеся тигры»). На золотой пайцзе находится китайская надпись: «Святая воля ниспосланного Небом императора Чингиса должна по возможности [с благоговением] исполняться»*.

За ней следует простая пайцза (т. е. без тигров) с надписью: «Святая воля ниспосланного Небом императора Чингиса да немедленно [исполнится]».

За ней следует серебряная пайцза с такой же надписью, как и на предыдущей пайцзе…

Чиновники, управляющие провинциями (чжоу), называются цзе-ши. Те богатыри, которые стоят [в карауле] по обеим сторонам [Чингисхана] с луками и стрелами и знаками достоинства, называются гвардейцами.

XII. НРАВЫ

Татары презирают старость и уважают бодрость; у них не в обычае частые ссоры и драки. Первого числа первой луны они непременно поклоняются Небу*…

Они любят угощения. Всякий раз, когда правитель Мухали возвращался из военного похода, он несколько дней кряду пировал [попеременно] у своих жен; то же делают и подчиненные ему нойоны.

Татары, по большей части, имеют обычай не мыть рук и хватаются ими [во время еды] за рыбу и мясо; когда жир пристает к рукам, то обтирают их о свои кафтаны. Платье их не снимается (т. е. не меняется) и не стирается до тех пор, пока не износится. Женщины иногда намазывают себе шею (или лоб, но здесь, очевидно, лицо) желтыми белилами; они ходят поныне без перемены в старинном (традиционном. — *А.М.*) китайском костюме.

Все, начиная от Чингиса до простолюдина, подобно китайским детям, бреют окружность головы, оставляя три пучка, из которых тот, что спадает со лба, подстригают, когда он отрастает. Два других по бокам заплетают в косы и спускают на плечи.

XIII. ВОЕННЫЕ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ И ОРУЖИЕ

В знак присутствия Чингиса водружают большое знамя, все

белое; кроме этого, нет других знамен и хоругвей; но также бывает и зонт: он делается из желтой или красной материи.

Троном служит монгольский диван (ху-чуань) с драконовыми заголовками, обложенный золотом.

Правитель (гуй ван Мухали) иногда употребляет серебряный стул, что и служит отличием [его от других]; седло и подпруга (сбруя), так же, как и у хана, украшаются золотом и фигурами свернувшегося дракона.

Ныне [Чингисхан] употребляет только одно белое знамя о девяти хвостах (бунчуках. — *А.М.*). В середине его изображена черная луна; оно водружается, когда отправляются в поход. Говорят, что, кроме него, только у одних главнокомандующих бывает по одному знамени. Только у одного царя употребляется барабан, в который бьют, когда вступают в сражение.

Седло делается из дерева; оно весьма легко и искусно сделано…

На стрелы употребляют песчаную иву; сабли весьма легки и тонки; они выгнуты.

XV. ЖЕРТВОПРИНОШЕНИЯ (РЕЛИГИЯ)

Всякий раз, когда гадают о счастье или несчастии, о каком-нибудь предприятии или военном нападении, употребляют баранью лопатку: разламывают ее железным молотком или в огне и по излому и трещинам заключают об успехе. Это похоже на [китайское] гадание на черепашьем черепе.

Всякий раз, когда они пьют вино, сперва потчуют (друг друга). Они обыкновенно весьма чтут Небо и Землю; во всяком деле упоминают о Небе (т. е. призывают Небо в свидетели); услышав гром, весьма пугаются и не смеют идти с войском, говоря, что такова воля Неба.

XVI. ЖЕНЩИНЫ

По их обычаю при выступлении в поход как богатые, так и бедные берут с собой и женщин, которые сами говорят, что они нужны для присмотра за багажом (постелью), платьем, вещами и деньгами. На женщинах лежит исключительная обязанность ставить юрты, принимать лошадей, седлать их, присматривать за скарбом, верблюдами и проч. Они весьма искусны в езде (на лошади)…

Мужчины и женщины садятся [на пиру вместе] без всякого

разбора и без всякого запрета, потчуют друг друга…

*Путешествие на запад * монаха Чан Чуня *;*

*ОПИСАНО УЧЕНИКОМ ЕГО ЧЖЕНЬ ЧАН ЦЗЫ * ПО ИМЕНИ АИ ЧЖИ ЧАН* (ФРАГМЕНТЫ)*

…Император Чин ги сы (Чингисхан) отправил своего приближенного Лю чжун лу* с тигроголовой золотой дощечкой*, на которой написано было: «Предоставляется полновластно распоряжаться, как бы я сам путешествовал»*; с ним было 20 человек монголов; он объявил повеление [Чингиса] с усердным приглашением учителя (Чан Чуня. — *А.М.*) к себе:

*ПОСЛАНИЕ ЧИНГИСА**

«Небо отвергло Китай за его чрезмерную гордость и роскошь. Я же, обитая в северных степях, не имею в себе распутных наклонностей; люблю простоту и чистоту нравов; отвергаю роскошь и следую умеренности; у меня одно платье, одна пища; я в тех же лохмотьях* и то же ем, что коровы и конские пастухи; я смотрю на народ, как на детей; забочусь о талантливых, как о братьях; мы в начинаниях согласны, взаимная любовь у нас издавна; в обучении тем* я напереди других; в ратных боях не думаю о заде.

В семь лет я совершил великое дело и во всех странах света утвердил единодержавие. Не оттого, что у меня есть какие-либо доблести, а оттого, что у гиньцев (чжурчжэней. — *А.М.*) правление непостоянно, я получил от Неба помощь и достиг престола. На юге — Суны, на севере — Хой хэ, на востоке (?) — Ся, на западе — варвары, — все признали мою власть. Такого царства еще не было с давних времен наших…*

Но звание велико, обязанности важны, и я боюсь, что в правлении моем чего-нибудь недостает; при том строят судно и приготовляют весла для того, чтобы можно было переплыть через реки; подобно тому, приглашают мудрецов и избирают помощников для успокоения вселенной*. Я со времени наследования престола усердно занимаюсь делами правления, но не видел еще достойных людей для занятия санов трех гунов и девяти цинов*.

В сих обстоятельствах я наведался, что ты, учитель, сроднился с истиною и шествуешь по правилам; многоученый и

опытный, ты глубоко изведал законы; твоя святость прославилась и доблести проявились; ты хранишь строгие обычаи древних мудрецов и обладаешь прекрасными талантами высших людей; издавна приви-таешь в скалах и ущельях и скрыл себя [от мира]; ты прославляешь просвещение предков; ты привлекаешь к себе людей, обладающих святостию, которые, как облака, шествуют к тебе стезей бессмертных в неисчислимом множестве.

Я беспрестанно думал о тебе. Но что мне делать? За обширностию гор и долин я не могу сам встретить тебя. Я только схожу со своего места и стою подле*; постился и омылся*, избрал своего приближенного Лю чжун лу, приготовил легких всадников и простой экипаж* и, не страшась тысяч ли, прошу тебя подвинуть святые стопы твои; не думай о дали песчаных степей; или пожалей о народе, по современному состоянию дел, или из милости ко мне, сообщи мне средства сохранения жизни. Я сам буду прислуживать тебе. Я мечтаю, что ты отрыгнешь мне хоть остатки и скажешь мне хоть одно слово; но и этого довольно.

Теперь я несколько выразил мои задушевные мысли, надеясь, что они сколько-нибудь ясны в настоящей грамоте. Надеюсь, что ты, проявив сущность великого Дао, сочувствуешь всему доброму и, конечно, не поперечишь желаниям существ. Посему настоящее повеление должно быть вполне ведомо. 5-й луны 1-го числа».

Пока учитель раздумывал об этом, Чжун лу говорил ему: «Имя твое уважается в четырех морях*. Император нарочно отправил меня пройти горы и моря и не положил срока года и луны, только чтобы дошел до тебя».

Учитель сказал ему: «Со времени войны, и там и здесь, всюду границы*; ты, путешествуя с такими опасностями, подлинно потрудился».

Чжун лу отвечал: «Получив высочайшее повеление, мог ли я не употребить всего усердия моего».

Учитель, зная, что нельзя отказаться, подумав, сказал Чжун лу: «Здесь трудно доставать продовольствие; вы отправьтесь в Иду и, обождав, пока я кончу служение по случаю Шан юаня*, пришлите за мной 15 вершников, с коими я и отправлюсь 18-го числа».

Вследствие того посланец отправился со всей свитой на запад в Иду.

Учитель заблаговременно избрал из своих учеников 19 человек и ожидал прибытия провожатых. В назначенный срок вершники прибыли, и он отправился с ними в путь.

Узнав, что Чингис переходит на запад*, и опасаясь, что по преклонности лет ему трудно будет переносить непогоды, он хотел обождать возвращения Императора из похода и тогда

явиться к нему.

Чжун лу хотел было взять с собой набранных им девиц*, но учитель воспротивился этому. Тогда Чжун лу отправил Хэла* с донесением к государю; учитель также отправил человека к нему с адресом*.

АДРЕС ЧАН ЧУНЯ

«Дэн чжоуский из Сися сяня; стремящийся к Дао, Цю чу цзи, получил недавно Высочайшее повеление издалека. Весь бездарный приморский народ неразумен. Представляя себе, что в делах жизни я туп, в деле изучения Дао не успел, трудился всевозможным образом, состарился и не умер, что хотя слава обо мне распространилась по государствам, но по святости я не лучше обыкновенных людей, внутренне я мучусь стыдом; тайные мысли кто ведает? Прежде из южной столицы (империи Цзинь. — *А.М.*) и от Сунов несколько раз были ко мне приглашения, но я не пошел туда, а ныне, по первому зову Драконова двора*, я иду, почему же?

Я слышал, что Царь одарен от Неба мужеством и мудростию, превосходящею древность и нынешние времена; правота в нем помогает чудесному величию; китайцы и варвары покоряются ему; посему я хотел сначала скрыться в горах или уйти в море, но не решился противиться повелению и счел необходимым бороться со снегами и инеями, намереваясь единожды представиться.

Я слышал, что ваша колесница отправляется далеко, неизвестно за сколько тысяч ли. Ветер и пыль беспрерывны, небо помрачено, а я стар и слаб, не могу выносить [трудов] и весьма боюсь, что по такому пути не дойду. Если же и буду к Царю, то дела военные и государственные не в моих силах. По духу Дао надобно обуздывать страсти, а это дело весьма трудное, поэтому я совещался с полномочным Лю чжун лу и говорил, что лучше мне остановиться и обождать в Пекине или Дэ-син-фу и наперед отправить человека донести о том. Но Лю чжун лу не согласился; поэтому я сам вынужден был писать особое донесение. Представляя себе, что я решился исполнить волю и отправился вдаль, на ветры и инеи, я прошу Царя заблаговременно ниспослать милостивое повеление и решить, должно или нет мне ехать.

Мы вчетвером поступили в монашество; трое достигли святости; только я попусту слыву за святого. Вид мой высохший, тело истощенное. Ожидаю святого решения. В год Дракона, 3-й луны (1220)».

Вскоре прибыл Али сянь из ставки великого князя Огинь* с приглашением учителя к нему; вслед за тем прибыл также Сюань фу Ван гун Цзюй чуань, говоря, что, по особому повелению великого князя, он просит учителя, если он поедет на запад, заехать к нему. Учитель сделал утвердительный знак головой. В

этой луне, во время прогулки в северные горы Ван-шань, возвратился посланец Хэла, отправленный к Чингису с адресом. Он привез учителю повеление со следующим предписанием:

ЧИНГИС-ИМПЕРАТОР — УЧИТЕЛЮ ЦЮ (ЧАН ЧУНЮ. — А.М.)

«С удовольствием прочитал я уведомление твое о том, что, согласно с моим повелением, ты отправился в путь, и все прописанное тобою принял к сведению. Ты святостию превосходишь трех мудрецов; твои доблести гремят во многих странах; поэтому я послал сановника с пригласительным даром*, на почтовых, искать тебя у океана. Случай был согласен с моими желаниями; Небо не воспротивилось человеку.

Два двора несколько раз приглашали тебя, но ты не пошел к ним; но когда мой один посланец пригласил тебя однажды, ты восхотел подняться с места. За то, что я воздвигнут Небом, ты сам пошел ко мне. Ты не отказался переносить на открытом воздухе ветер и иней и сам решился пройти песчаные степи. Когда твое писание представлено было мне, нечего говорить, как я был рад и доволен.

Дела ратные и государственные не в моем желании, а мысли в духе Дао дэ, искренно скажу, заслуживают уважения. За непокорность тех глав (правителей государств. — *А.М.*) я громлю их грозно; только приходит моя рать, дальние страны усмиряются и успокаиваются. Кто приходит ко мне, тот со мной; кто уходит, тот против меня. Я употребляю силу, чтобы достигнуть продолжительного покоя временными трудами, надеясь остановиться, как скоро сердца покорятся мне. С этой целью я несу и проявляю грозное величие и пребываю среди колесниц и воинов.

Я снова представляю себе, что облачная колесница твоя уже тронулась с Пын-лая и что ты можешь направить путь, на журавле, в Индию. Да мо пришел на Восток, чтобы запечатлеть истины преданием духа учения; Лао ши шествовал на Запад, чтобы и варваров просветить и возвести на степень святости. Хотя равнины и широки, но недалеко узреть мне стол и посох твой. Поэтому и отвечаю на твое послание, чтобы тебе ведомы были мои мысли. Надеюсь, во время пути ты будешь благополучен и здоров; о прочем не распространяюсь».

Юрты монголов, перевозимые на телегах

Такие знаки уважения получил учитель. В повелении на имя Лю чжун лу также было сказано: «Не заставляй Чан Чуня голодать и утомляться, заботься о нем и путешествуй с ним помаленьку».

3-й луны 5-го числа мы поднялись с места и ехали на северо-восток; по всем сторонам, вдали, виднелись людские обиталища, состоявшие из черных телег и белых юрт*; жители переходят с места на место, смотря по тому, где есть вода и трава для пастбища, по возвышенностям и низменностям не было более ни одного деревца; во все стороны виднелись только желтоватые облака и блеклое растение.

Не переменяя дороги, через двадцать с лишком дней мы наконец увидели одну песчаную речку, текущую на северо-запад и впадающую в реку Лу гюй*. Вода в речке по брюхо лошади; по берегам ее растут густо ивы. Перейдя речку, мы три дня ехали на север и вошли в небольшую песчаную полосу.

4-й луны 1-го числа мы прибыли в ставку великого князя Огиня*; тогда лед только что таял, и на почве появились ростки растений. В то время происходило там брачное празднество. Старшины окрестных кочевий, в окружности на 500 ли, приехали с кобыльим молоком, для вспоможения*. Черные телеги и войлочные юрты стояли рядами, в числе нескольких тысяч.

7-го числа учитель представлялся великому князю, который спрашивал его о способах продления жизни*. Учитель ответил, что надобно наперед попоститься, а потом уже слушать его

наставления; решено было дать наставления в 15-е число, но в назначенный день выпал большой снег, поэтому дело не состоялось.

Великий князь сказал: «Император послал нарочного за тобой, за 10 000 ли, желая слышать твои наставления. Как же я осмелюсь прежде его слушать тебя?»*

Вместе с тем он приказал Али сяню, по представлению Чинги-су, на обратном пути заехать к нему с учителем.

17-го числа великий князь прислал на подъем быков и лошадей, до сотни, да десять телег. Путь наш лежал на северо-запад.

Далее мы путешествовали десять дней; в летний поворот солнца тень от него, по нашему измерению, была 3 фута и шесть или семь вершков. Мало-помалу показались пики высоких гор*. Отселе на запад постепенно были горы и холмы; обитателей весьма много; все они тоже живут в черных телегах и белых юртах. Обычные занятия их суть скотоводство и звероловство. Одеваются в кожаное и меховое платье, питаются мясом и молоком. Мужчины и девицы связывают волосы и опускают их на уши. Замужние женщины надевают на голову бересту, фута в два вышиной, и весьма часто накрываются сверху черной шерстяной фатой, а богатые женщины — красной сырцовой фатой; хвосты этих шапок походят видом на гуся или утку и называются гугу*; они весьма боятся, чтобы кто-нибудь неосторожно не наткнулся на эти шапки, и входят в юрты или выходят из них, нагнувшись вниз, и задом.

Народ этот не знает письменности; договариваются только на словах и заключают контракты нарезыванием меток на дереве*. Встретив обед, они без церемонии садятся вместе с хозяевами; во время бедствий бегут наперерыв; приказаний никогда не ослушиваются и, давши слово, не изменяют ему; у них остались следы нравов глубокой древности.

Далее, через четыре перехода на северо-запад, мы переправились через реку*, за которой началась равнина; на окраинах ее горы и долины прекрасны, трава тучная и вода добрая; на западе и востоке есть основания древнего города*, еще свежие; можно было распознать улицы и переулки; устройство походит на китайское; время построения его нельзя было узнать за неимением памятников; говорили, впрочем, что он построен киданями.

Вскоре нашли в земле старую черепицу с киданьскими на ней буквами. Это был, вероятно, город, построенный теми киданьскими воинами, которые удалились сюда, не желая поддаться новой династии (Цзинь. — *А.М.*). Говорили также, что

отсюда на юго-за-пад, более 10 000 ли, есть город Сюнь-сыгань*, построенный в самом лучшем месте государства Хойхэ (Туркестана. — *А.М.*), который составляет столицу киданей*, где царствовали преемственно семь их императоров.

28-го числа мы остановились на восток от орды*. Посланец отправился наперед доложить о нашем прибытии императрице и получил от нее приказание просить учителя переправиться через реку.

Река эта течет на северо-восток (Орхон или Тола. — АМ); широка и глубока по ступицу колеса. Переправившись через реку, мы вступили в становище и тут оставили телеги; на южном берегу были тысячи телег и юрт. Каждый день приготовляли кумыс и сливки. Царевны из дома Хитайского и Ся* прислали в подарок одно доу рису и 10 лан серебра*; здесь за 50 лан можно купить только 80 гинов муки; ибо мука приходит сюда из-за северных гор, более чем за 2000 ли*; торгующие варвары западных стран* доставляют ее вьюками на верблюдах. В средний период жары в юртах не было мух.

Орда, по-нашему сказать, походный дворец. Колесницы и юрты орды имеют величественный вид; такого великолепия не было у древних Шаньюев*.

…С рассветом мы снова отправились вдоль южных гор, на которых мы усматривали снег. Станционные сказывали, что на севере этих снежных гор стоит Балгасун Тянь чжень хая*; Балгасун по-нашему значит город; в нем есть хлебные магазины; посему он называется также Цан Тоу (т. е. магазин. — *А.М.*).

7-й луны 25-го числа живущие здесь ремесленники и рабочие из китайцев* толпой вышли навстречу учителю; все они были в восторге, восклицали и кланялись ему и пошли наперед его с разноцветными хоругвями, цветными зонтами и душистыми цветами… На другой день посетил учителя Чжень хай с северной стороны гор Абу хань*.

Учитель, в разговоре с ним, говорил ему: «Хотя я уже в преклонных летах, однако ж, повинуясь двукратному, настоятельному повелению императора, отправился в далекий путь; я проехал несколько тысяч ли прежде, чем достиг управляемой тобою страны. В Шамо*, большей частью, не занимаются земледелием; поэтому я обрадовался, увидев здесь зрелые жнивы. Хотелось бы провести здесь зиму и обождать возвращения императора. Как вы думаете об этом?»

Посланец сказал на это: «Учитель получил непременное повеление; поэтому я, со своей стороны, не имею ничего сказать. Пусть рассудит это Чжень хай».

Чжень хай сказал: «Недавно было повеление императора всем

начальникам мест, дабы они, если учитель будет проезжать у них, не замедляли его путешествия; очевидно, что он желает скорее видеть тебя. Если ты останешься здесь, то вина будет на мне. Я решился ехать вместе с тобою; что же тебе нужно, я, разумеется, не смею не позаботиться».

Учитель сказал на это: «Если такова судьба, то остается избрать день для отъезда».

Чжень хай сказал: «Впереди будут высокие и крутые горы и обширные болота, где нельзя проехать в экипаже; надобно будет сократить число телег и спутников и ехать налегке верхом»…

8-го числа, взяв с собой десять учеников, на двух телегах и в сопровождении двадцати с лишком станционных монголов, учитель отправился около великих гор на запад.

…Потом прибыли мы в один город, где нашли траву и воду; далее проехали одним городом, хойхэский старшина которого вышел далеко нам навстречу, угостил нас, на юге от города, обедом и поднес виноградного вина; причем, по его приказанию, мальчики забавляли нас, лазая по шестам и танцуя с мечами. Потом, проехав еще два города, мы полдня ехали в горах и выехали на долину, простирающуюся с юга на север; здесь мы провели ночь под шелковичным деревом; это дерево тенью своей могло прикрыть до ста человек. Далее, прибывши к одному городу, мы видели на дороге колодец глубиной более ста футов; один старик из Хойхэ коровой вертел колодезный ворот и вычерпывал воду для жаждущих; когда Император проходил здесь на завоевание запада, то, увидев старика при этом занятии, подивился этому и повелел освободить его от оброка и повинностей.

В 3-й луне (1222 года. — *А.М.*), в первой декаде, прибыл из ханской ставки Али-сянь с таким повелением Императора: «Святой муж! Ты пришел из страны восхода солнца, пробрался с трудом через горы и долины и утрудился крайне. Теперь я уже возвращаюсь (в Монголию. — *А.М.*) и нетерпеливо желаю слышать толкование Дао; не поленись встретить меня».

На имя посланца Чжун лу было следующее повеление: «Ты, с моим повелением, проси его; если ты угодишь моей мысли — после я поставлю тебя на доброй земле»*.

Потом было повеление Чжень хаю: «Ты, сопровождая и сберегая учителя тщательно, заслужил мое благоволение».

Вместе с тем повелено темнику Бо лу чжи (возможно, Борчу. — *А.М.*) с 1 000 латников сопровождать его при проходе через Железные ворота*.

Потом, через четыре дня, мы прибыли в ханский стан. Хан выслал навстречу учителю вельможу Хэла бодэ. Это было в 5-й

день 4-й луны.

Когда устроено было помещение для учителя, он представился Императору*. Хан приветствовал его, говоря ему: «Другие дворы приглашали тебя*, но ты отказался; а теперь пришел сюда из-за 10 000 ли; мне это весьма приятно».

Учитель отвечал: «Что горный дикарь пришел сюда, по повелению Вашего Величества, то воля Неба».

Чингис был доволен; он пригласил его сесть и приказал подать ему кушанья; потом спросил его: «Святой муж! Ты пришел издалека; какое у тебя есть лекарство для вечной жизни*, чтобы снабдить меня им?»

Учитель отвечал: «Есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства для бессмертия»*.

Чингисхан весьма похвалил его чистосердечие и прямоту. Он приказал приготовить две юрты для его проживания, на восток от ханской [юрты].

Переводчик спросил его (Чан Чуня)*: «Люди называют тебя Тэн ги ли мэн гу кун (т. е. небесным человеком)*; ты сам так назвал себя или другие дали тебе это имя?»

Учитель отвечал: «Горный дикарь не сам назвался так; другие дали мне это имя».

Переводчик опять подошел с вопросом: «В прежнее время как называли тебя?»

Учитель доложил: «Нас было четыре человека, изучавших Дао под руководством учителя Чун яна; трое уже вознеслись; остался в мире только горный дикарь; люди называли меня Сянь шен»*.

Хан спросил Чжень хая: «Какое дать наименование святому мужу?»

Чжень хай отвечал: «Иные, из уважения к кому-нибудь, называют его наставником и святым мужем; другие — бессмертным».

Император сказал: «С сих пор пусть он будет называться бессмертным».

В то время, по случаю жары, он (Чан Чунь) последовал за Императором в снежные горы, куда Чингис на то время удалился.

Император назначил для слушания наставлений Чан Чуня 14-е число 4-й луны (1223 года. — *А.М.*)*.

22-го числа встречал учителя Чжень хай, с которым и прибыли в ханскую ставку. Хан опять прислал Чжень хая спросить учителя: хочет ли он тотчас же представиться или желает несколько отдохнуть? Учитель отвечал, что он желает представиться.

Надобно заметить, что даосы с самого начала, являясь к хану, не становились пред ним на колени и не били земных поклонов,

а, войдя в юрту, только наклонялись и складывали ладони*.

По окончании представления хан пожаловал учителю кумысу, но учитель решительно отказался пить. Когда Чингисхан спросил его, всего ли было достаточно для него в городе, где он жил, — учитель отвечал, что в прежнее время снабжали его продовольствием монголы, Хой хэ и тайши, а в последнее время с продовольствием было несколько труднее; тайши один снабжал его оным.

На другой день хан опять прислал ближнего сановника Хэ чжу передать учителю повеление хана, коим спрашивал его, — не хочет ли он каждый день являться к нему обедать. На что учитель отвечал: «Горный дикарь — подвижник; люблю уединение».

Хан позволил ему жить по воле. 27-го числа хан тронулся в возвратный путь на север; во время пути он часто жаловал учителю виноградного вина, дынь и закусок.

9-й луны 1-го числа (сентябрь 1223 года. — *А.М.*), переехав через плавучий мост, мы направились на север. Учитель доложил хану, что так как время беседы наступает, то не благоугодно ли будет ему призвать тайши Ахая (Елюй Чу-цай. — *А.М.*).

15-го числа этой луны хан приготовил палатку и убрал ее; прислужницы были удалены; по обе стороны зажжены свечи, которые распространяли кругом свет; только Шэ либи и Чжень хай и посланник Чжун лу стояли вне. Учитель вошел в палатку с тайши Ахаем и Али сянем и сел; потом сказал Императору: «Чжун лу проехал со мной 10 ООО ли, а Чжень хай сопровождал меня несколько тысяч ли. Не благоугодно ли будет позволить и им быть в палатке и слушать духовные речи?»

Хан повелел им войти. То, что говорил учитель, хан приказал тайши Ахаю передавать ему на монгольском языке. Слова его были крайне приятны и по мысли Чингиса*.

19-го числа, в ясную ночь, он позвал его опять; учитель объяснял ему учение. Хан чрезвычайно был доволен. 23-го числа снова пригласил его в палатку, с такими же знаками уважения; он слушал учителя с видимым удовольствием, повелев присутствующим записывать его слова; кроме того, приказал изложить их китайским письмом, для того чтобы не забыть их.

Он сказал присутствовавшим: «Шень сянь три раза объяснял мне средства к поддержанию жизни; я глубоко вложил его слова в сердце; не нужно разглашать их вне».

Затем, вслед за ханом, отправились мы на восток. Временами учитель просвещал его учением. Потом, через несколько дней, прибыли к большому городу Семи-сыгань и остановились на юго-запад от него, в тридцати ли. 10-й луны 1-го числа учитель просил у хана позволения заранее возвратиться на прежнюю

квартиру; хан согласился.

Хан же остановился станом на восток от города в двадцати ли. 6-го числа этой луны учитель представлялся хану вместе с тайши Ахаем.

Хан сказал: «Присутствующим можно не уходить?» Учитель сказал: «Ничего, пусть остаются». Затем, через тайши Ахая, говорил хану: «Горный дикарь, упражняюсь в Дао уже много лет; люблю постоянно в уединенных местах ходить и сидеть; перед царскою же палаткой господствует шум от ратников, так что мой дух не спокоен, посему да позволено мне будет с сих пор ехать по воле или наперед, или позади. Это будет большою милостью для горного дикаря». Хан позволил.

Хан спросил учителя о громе. Он отвечал: «Горный дикарь слышал, что подданные твои летом не моются в реках, не моют платья, не делают войлоков и запрещают собирать на полях грибы, — все для того, что боятся небесного гнева*; но это не составляет уважения к Небу. Я слышал*, что из 3000 грехов самый важный — непочтительность к родителям. Поэтому-то Небо показывает угрозу.

Теперь же я слышал, что подданные твои, большею частию, не уважают своих родителей. Хан, пользуясь силою и доблестями своими, благоволи исправить свой народ».

Хан был доволен и сказал: «Слова твои мне по сердцу»— и приказал записать хойхэскими письменами*.

Учитель просил обнародовать о том подданным; хан согласился. Потом хан собрал царевичей, князей и вельмож и сказал им: «Китайцы чтят Шень сяня, как вы чтите Небо; я теперь еще более убедился, что он действительно небесный человек». Затем объявил им все, что учитель прежде и после говорил ему, и сказал: «Небо внушило ему то, что он говорил мне. Вы, каждый, запишите то в своем сердце».

2-й луны в первое 7-е число (февраль 1224 года. — *А.М.*) учитель представлялся хану и говорил: «Горный дикарь, отправляясь с приморья, дал слово возвратиться через три года; теперь в этот третий год я решительно желал бы возвратиться в свои горы».

Хан сказал: «Я сам пойду на восток; хочешь ли идти вместе?»

Учитель сказал: «Лучше мне идти наперед. Когда я отправлялся сюда, китайцы спрашивали горного дикаря о времени возвращения, на что я сказал: через три года. Теперь все, чего хотел от меня хан, объяснено и кончено». Посему он снова настоятельно просил позволения откланяться.

Хан сказал: «Подожди немного, дня три или пять, когда приедут царевичи. Когда я пойму то, что осталось непонятным в

прежних беседах, тогда ступай».

8-го числа хан охотился у восточных гор. Когда он стрелял в одного большого вепря, лошадь его споткнулась, и он упал с лошади. Вепрь остановился вблизи, не смея приблизиться; свитские тотчас подвели ему лошадь; охота прекратилась, и хан возвратился в ставку.

Узнав о том, учитель представлялся ему и говорил: «Небо хочет, чтобы мы берегли свою жизнь; теперь у святого* лета уже преклонны; надобно поменьше охотиться; падение с лошади есть указание Неба; а то, что вепрь не смел подвинуться вперед, есть знак покровительства Неба».

Хан отвечал: «Я сам уже понял это; твой совет весьма хорош. Мы, монголы, с ранних лет привыкли стрелять верхом и не можем вдруг оставить эту привычку. Впрочем, слова твои я вложил в сердце».

Хан, обращаясь к Гисили дала ханю*, сказал: «На будущее время я во всем последую советам его».

Действительно, два месяца он не отправлялся на охоту.

24-го числа учитель снова просил разрешения откланяться. Хан сказал ему: «Я подумаю, что бы подарить тебе на прощанье; подожди еще немного».

Учитель, видя, что ему нельзя тотчас раскланяться, волею или неволею остался ждать. 3-й луны 7-го числа он опять просился. Чингис пожаловал ему коров и коней и прочее, но учитель ничего не принял, сказав, что для него достаточно почтовых лошадей.

Хан спросил переводчика Али сяна: много ли у него (Чан Чуня. — *А.М.*) в Китае учеников?

Тот отвечал: «Весьма много; когда он ехал сюда и был в Дэсин-фусской кумирне Лун ян гуань, то я постоянно видел, как местное начальство заставляло их (последователей Чан Чуня. — *А.М.*) исправлять повинности».

Хан сказал: «Надобно избавить всех его последователей от повинностей». И он пожаловал ему грамоту («Святое повеление», приводимое ниже. — *А.М.*) с императорским указом, с приложением императорской печати*.

СВЯТОЕ ПОВЕЛЕНИЕ

Царя Чингиса повеление начальникам всех мест: «Какие есть у Цю шень сяня (Чан Чуня. — *А.М.*) скиты и дома подвижничества, в них ежедневно читающие священные книги и молящиеся Небу пусть молятся о долгоденствии Царя на многие

лета; они да будут избавлены от всех больших и малых повинностей, оброков и податей; скиты и дома монахов, принадлежащих Цю шень сяню, во всех местах да будут избавлены от повинностей, податей и оброков; вне сего кто будет, ложно называя себя монахом, под незаконным предлогом отказываться от повинностей, того доносить властям и наказывать по усмотрению.

По получении настоящего повеления да не осмелятся изменить и противиться оному. Для чего и дано сие свидетельство».

В год Гуй вэй (Овцы), 3-й луны (с приложением императорской печати), (?) дня (1224).

Посему повелел Али сяню быть Сюань Чаем (императорским посланцем. — *А.М.*), а помощников ему назначил Мэн гу дая и Гэла Бахая— для сопровождения учителя, при возвращении его на восток.

10-го числа учитель, после представления хану, отправился в путь. Начиная с Да ла ханя до низших чиновников все провожали его несколько десятков ли, с виноградным вином и редкими плодами. При расставании все утирали слезы…

IV
ИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Джованни дель ПЛАНО КАРПИНИ
ИСТОРИЯ МОНГАЛОВ* (ФРАГМЕНТЫ)

Когда направлялись мы по поручению апостольского престола к татарам* и к иным народам Востока и знали волю [на

то] господина папы и досточтимых кардиналов, мы прежде избрали путешествие к татарам. Именно мы опасались, что от них вскоре будет грозить опасность Церкви Божьей. И хотя мы опасались, что татары или другие народы могут нас убить или подвергнуть вечному пленению или голоду, жажде, холоду, зною, чрезмерным поношениям и трудам и, так сказать, мучить сверх сил (все это, за исключением смерти или вечного пленения, и случилось с нами многократно в гораздо большей степени, чем мы могли представить себе раньше), однако мы не щадили себя самих, чтобы иметь возможность исполнить волю Божью согласно поручению господина папы и чтобы принести чем-нибудь пользу христианам или, по крайней мере, узнав их истинное желание и намерение, иметь возможность открыть это христианам, дабы татары своим случайным и внезапным вторжением не застигли их врасплох, как это и случилось однажды по грехам людским, и не произвели большого кровопролития среди христианского народа…

ГЛАВА ПЕРВАЯ
О ПОЛОЖЕНИИ ЗЕМЛИ ТАТАР, ЕЕ КАЧЕСТВЕ И РАСПРЕДЕЛЕНИИ В НЕЙ ВОЗДУХА

О земле мы предположили рассуждать следующим образом: во-первых, мы скажем о ее положении, во-вторых, о качестве, в-третьих, о распределении в ней воздуха.

§ I. О положении земли

Итак, вышеназванная земля расположена в той части востока, в которой, как мы полагаем, восток соединяется с севером. К востоку же от них расположена земля китайцев, а также солангов*, к югу — земля сарацин*, к юго-западу расположена земля гуиров*, с запада — область найманов*, с севера земля татар окружена морем-океаном. В одной своей части она чрезмерно гориста, в другой представляет равнину, но почти вся она смешана с хрящом*, редко глиниста, по большей части песчаная.

§ II. О качестве земли

В одной части земли находится несколько небольших лесов,

другая же часть совершенно безлесна, пищу же себе варят и сидят [для тепла], как император, так вельможи и все другие люди, при огне, разведенном из бычачьего и конского навоза. Далее, даже и сотая часть вышеназванной земли не плодородна, и она не может даже приносить плода, если не орошается речными водами. Но вод и ручьев там немного, а реки очень редки, поэтому там нет селений, а также и каких-нибудь городов, за исключением одного, который слывет довольно хорошим и называется Каракарон*, но мы его не видели, а были почти за полдня пути до него, когда находились в Сыр-Орде*, каковая является главным двором их императора. И хотя в других отношениях земля не плодородна, она все же достаточно, хотя и не особенно, пригодна для разведения скота.

§ III. О распределении воздуха

Воздух в этой земле распределен удивительно. Именно среди лета, когда в других странах обычно бывает в изобилии наивысшая теплота, там бывают сильные громы и молнии, которые убивают очень многих людей. В то же время там падают также в изобилии снега. Бывают там также столь сильные бури с весьма холодными ветрами, что иногда люди едва с затруднением могут ездить верхом. Отсюда, когда мы были в Орде (так называются у них становища императора и вельмож), то от силы ветра лежали распростертые на земле и вследствие обилия пыли отнюдь не могли смотреть. В этой земле также зимою никогда не бывает дождя, а летом идет он часто, но так мало, что едва может иногда смочить пыль и корни трав. Падает там также часто очень крупный град. Отсюда в то время, когда был избран император и должен был восседать на царском престоле, в бытность нашу при дворе, выпал столь сильный град, что, когда он внезапно растаял, как мы узнали вполне достоверно, более 160 человек утонуло там же, при дворе, а имущества и жилищ было снесено еще больше. Там бывает также летом внезапно сильный зной и неожиданно страшнейший холод. Зимою же в одной части выпадают сильнейшие снега, а в другой — неглубокие.

ГЛАВА ВТОРАЯ
О ВНЕШНЕМ ВИДЕ ЛИЦ, О СУПРУЖЕСТВЕ, ОДЕЯНИИ, ЖИЛИЩАХ И ИМУЩЕСТВЕ ИХ

Сказав о земле, надлежит сказать о людях: во-первых, мы опишем их внешний вид; во-вторых, изложим об их супружестве, в-третьих, об одеянии; в-четвертых, о жилищах и; в-пятых, об их имуществе.

§ I. О внешнем виде

Внешний вид лиц отличается от всех других людей. Именно между глазами и между щеками они (лица. — *А.М.*) шире, чем у других людей, щеки же очень выдаются от скул; нос у них плоский и небольшой; глаза маленькие, и ресницы приподняты до бровей. В поясе они в общем тонки, за исключением некоторых, и притом немногих, росту почти все невысокого. Борода у всех почти вырастает очень маленькая, все же у некоторых на верхней губе и на бороде есть небольшие волоса, которых они отнюдь не стригут.

На маковке головы они имеют гуменце наподобие клириков, и все вообще бреют [голову] на три пальца ширины от одного уха до другого; эти выбритые места соединяются с вышеупомянутым гуменцем; надо лбом равным образом также все бреют на два пальца ширины; те же волосы, которые находятся между гуменцем и вышеупомянутым бритым местом, они оставляют расти вплоть до бровей, а с той и другой стороны лба оставляют длинные волосы, обстригая их более чем наполовину; остальным же волосам дают расти. Из этих волос они составляют две косы и завязывают каждую за ухом.

Ноги у них также небольшие.

§ II. Об их супружестве

Жен же каждый имеет столько, сколько может содержать; иной сто, иной пятьдесят, иной десять, иной больше, иной меньше, и они могут сочетаться браком со всеми вообще родственницами, за исключением матери, дочери и сестры от той же матери. На сестрах же только по отцу, а также на женах отца после его смерти они могут жениться. А на жене брата другой брат, младший, после смерти первого или иной младший из родства даже обязан жениться. Всех остальных женщин они берут в жены без всякого различия и покупают их у их родителей очень дорого. По смерти мужей жены нелегко вступают во второй брак, разве только кто пожелает взять в жены свою мачеху.

§ III. Об их одеянии

Одеяние же, как у мужчин, так и у женщин, сшито одинаковым образом. Они не имеют ни плащей, ни шапок, ни шляп, ни шуб. Кафтаны же носят из букарана*, пурпура или балдакина*, сшитые следующим образом. Сверху донизу они разрезаны и на груди запахиваются; с левого же боку они застегиваются одной, а на правом — тремя пряжками и на левом боку разрезаны до рукава.

Полушубки, какого бы рода они ни были, шьются таким же образом, но верхний полушубок имеет волосы снаружи, а сзади он открыт, но у него есть один хвостик, висящий назад до колен. Замужние же женщины носят один кафтан, очень широкий и разрезанный спереди до земли.

На голове же они носят нечто круглое, сделанное из прутьев или из коры, длиною в один локоть и заканчивающееся наверху четырехугольником, и снизу доверху этот [убор] все увеличивается в ширину, а наверху имеет один длинный и тонкий прутик из золота, серебра или дерева или даже перо*; и этот [убор] нашит на шапочку, которая простирается до плеч. И как шапочка, так и вышеупомянутый убор покрыты букараном, или пурпуром, или балдакином. Без этого убора они никогда не появляются на глаза людям, и по нему узнают их другие женщины.

Девушек же и молодых женщин с большим трудом можно отличить от мужчин, так как они одеваются во всем так, как мужчины. Шапочки у них иные, чем у других народов; описать, понятно, их вид мы бессильны.

§ IV. Об их жилищах

Ставки (юрты) у них круглые, изготовленные наподобие палатки и сделанные из прутьев и тонких палок. Наверху же, в середине ставки, имеется круглое окно, откуда попадает свет, а также для выхода дыма, потому что в середине у них всегда разведен огонь. Стены же и крыши покрыты войлоком, двери сделаны также из войлока. Некоторые ставки велики, а некоторые небольшие, сообразно достоинству и скудости людей. Некоторые быстро разбираются и чинятся и переносятся на вьючных животных, другие не могут разбираться, но перевозятся на повозках. Для меньших при перевозке на повозке достаточно одного быка, для больших — три, четыре или даже больше, сообразно с величиной повозки, и, куда бы они ни шли, на войну

или в другое место, они всегда перевозят их с собой.

§ V. Об их имуществе

Они очень богаты скотом: верблюдами, быками, овцами, козами и лошадьми. Вьючного скота у них такое огромное количество, какого, по нашему мнению, нет и в целом мире, свиней и иных животных нет вовсе.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
О БОГОПОЧИТАНИИ, О ТОМ, ЧТО ОНИ ПРИЗНАЮТ ГРЕХАМИ, О ГАДАНИЯХ И ОЧИЩЕНИЯХ И ПОГРЕБАЛЬНОМ ОБРЯДЕ

§ 1.О богопочитании татар

1. Они веруют в единого Бога*, которого признают творцом всего видимого и невидимого, а также и признают его творцом как блаженства в этом мире, так и мучений, однако они не чтут его молитвами, или похвалами, или каким-либо обрядом. Тем не менее у них есть какие-то идолы из войлока*, сделанные по образу человеческому, и они ставят их с обеих сторон двери ставки и вкладывают в них нечто из войлока, сделанное наподобие сосцов, и признают их за охранителей стад, дарующих им обилие молока и приплода скота. Других же идолов они делают из шелковых тканей и очень чтут их. Некоторые ставят их на прекрасной закрытой повозке перед входом в ставку, и всякого, кто украдет что-нибудь с этой повозки, они убивают без всякого сожаления.

А когда они хотят делать этих идолов, то собираются вместе все пожилые хозяйки, которые находятся в тех ставках, и с благоговением делают их, а когда сделают, то убивают овцу, едят ее и сжигают огнем ее кости.

И когда также болен какой-нибудь отрок, то они делают идола вышесказанным способом и привязывают его над ложем.

Вожди, тысячники и сотники всегда имеют козла в середине ставки. Вышеупомянутым идолам они приносят (в жертву. — *А.М.*) прежде всего молоко всякого скота, и обыкновенного, и вьючного. И всякий раз, как приступают к еде или питью, они, прежде всего, приносят им часть от кушаний и питья. И всякий раз, как они убивают какого-нибудь зверя, они приносят на каком-нибудь блюде сердце идолу, который находится на повозке, и оставляют до утра, а также уносят сердце с его вида,

варят и едят.

2. Прежде всего, также они делают идола для императора и с почетом ставят его на повозке перед ставкой, как мы видели при дворе настоящего императора, и приносят ему много даров. Посвящают ему также лошадей, на которых никто не дерзает садиться до самой их смерти. Посвящают ему также и иных животных, и если убивают их для еды, то не сокрушают у них ни единой кости, а сжигают огнем.

В полдень также они поклоняются ему как Богу и заставляют поклоняться некоторых знатных лиц, которые им подчинены. Отсюда недавно случилось, что Михаила, который был одним из великих князей русских*, когда он отправился на поклон к Бату*, они заставили раньше пройти между двух огней; после они сказали ему, чтобы он поклонился на полдень Чингисхану.

Тот ответил, что охотно поклонится Бату и даже его рабам, но не поклонится изображению мертвого человека, так как христианам этого делать не подобает. И после неоднократного указания ему поклониться и его нежелания вышеупомянутый князь передал ему через сына Ярослава, что он будет убит, если не поклонится. Тот ответил, что лучше желает умереть, чем сделать то, чего не подобает.

И Бату послал одного телохранителя, который бил его пяткой в живот против сердца так долго, пока тот не скончался. Тогда один из его воинов, который стоял тут же, ободрял его, говоря: «Будь тверд, так как эта мука недолго для тебя продолжится, и тотчас воспоследует вечное веселье». После этого ему отрезали голову ножом, и у вышеупомянутого воина голова была также отнята ножом.

3. Сверх того, они набожно поклоняются солнцу, луне и огню, а также воде и земле, посвящая им начатки пищи и пития, и преимущественно утром, раньше чем станут есть или пить. И так как они не соблюдают никакого закона о богопочитании, то никого еще, насколько мы знаем, не заставили отказаться от своей веры или закона, за исключением Михаила, о котором сказано выше.

Что они станут делать дальше, не знаем; некоторые, однако, предполагают, что если татары получат единовластие, — да отвратит это Бог, — то они заставят всех поклоняться этому идолу. Случилось также в недавнюю бытность нашу в их земле, что Андрей, князь Чернигова* (Cherneglove), который находится в Рус-сии, был обвинен пред Батом в том, что уводил лошадей татар из земли и продавал их в другое место; и хотя этого не было доказано, он все-таки был убит. Услышав это, младший брат его прибыл с женою убитого к вышеупомянутому князю Бату с

намерением упросить его не отнимать у них земли. Бат сказал отроку, чтобы он взял себе в жены жену вышеупомянутого родного брата своего, а женщине приказал взять его в мужья, согласно обычаю татар. Тот сказал в ответ, что лучше желает быть убитым, чем поступить вопреки закону. А Бат тем не менее передал ее ему, хотя оба отказывались, насколько могли, и их обоих повели на ложе, и плачущего и кричащего отрока положили на нее и принудили их одинаково совокупиться сочетанием не условным, а полным.

§ II. О том, что они признают грехами

Хотя у них нет никакого закона о справедливых деяниях или предостережении от греха, тем не менее все же они имеют некоторые предания о том, что называют грехами, измышленные или ими самими, или их предшественниками.

Одно состоит в том, чтобы вонзать нож в огонь, или также каким бы то ни было образом касаться огня ножом, или извлекать ножом мясо из котла, также рубить топором возле огня, ибо они веруют, что таким образом должна быть отнята голова у огня.

Точно так же опираться на плеть, которой погоняют коня (они ведь не носят шпор); точно так же касаться стрел бичом; точно так же ловить или убивать молодых птиц, ударять лошадь уздою; точно так же ломать кость о другую кость; точно так же проливать на землю молоко или другой какой напиток или пищу, мочиться в ставке.

Но если кто это сделает добровольно, его убивают, если же иначе, то им должно заплатить много денег колдуну, чтобы он очистил их и заставил также и ставку, и то, что в ней находится, пройти между двух огней, а раньше, чем она будет так очищена, никто не дерзает войти в нее и унести из нее что-нибудь.

Точно так же, если кому положат в рот кусочек и он не может проглотить его и выбросить его изо рта, то под ставкой делают отверстие, вытаскивают его через это отверстие и без всякого сожаления убивают.

Точно так же, если кто наступает на порог ставки какого-нибудь вождя, то его умерщвляют точно таким же образом.

И у них есть много подобного этому, о чем было бы слишком долго рассказывать. А убивать людей, нападать на земли других, захватывать имущество других всяким несправедливым способом, предаваться блуду, обижать других людей, поступать вопреки запрещениям и заповедям Божьим отнюдь не считается у них греховным. Они ничего не знают о вечной жизни и вечном

осуждении; веруют, однако, что после смерти станут жить в ином мире, будут умножать свои стада, есть, пить и делать другое, что делают люди, живущие в этом мире.

§ III. О гаданиях и очищениях грехов

Они успешно предаются гаданиям вообще, а также по полету птиц и внутренностям животных, чародействам и волшебству. И когда им отвечают демоны, они веруют, что это говорит им сам Бог. Этого Бога они называют Итога*, а команы* именуют его Кам; они удивительно боятся и чтут его, и приносят ему много даров и начатки пищи и питья, и делают все согласно его ответам. Все то, что они желают делать нового, они начинают в начале луны.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ
О НРАВАХ ТАТАР, ХОРОШИХ И ДУРНЫХ, ИХ ПИЩЕ И ОБЫЧАЯХ

§ I. О хороших нравах татар

Вышеупомянутые люди, то есть татары, более повинуются своим ханам, чем какие бы то ни было люди, живущие в сем мире, или духовные, или светские, более всех уважают их и нелегко лгут перед ними. Словопрения между ними бывают редко или никогда, драки же никогда, войн, ссор, ран, человекоубийства между ними не бывает никогда.

Там не обретается также разбойников и воров важных предметов; отсюда их ставки и повозки, где они хранят свое сокровище, не замыкаются засовами или замками. Если теряется какой-ни-будь скот, то всякий, кто найдет его, или просто отпускает его, или ведет к тем людям, которые для того приставлены; люди же, которым принадлежит этот скот, отыскивают его у вышеупомянутых лиц и без всякого труда получают его обратно.

Один достаточно чтит другого, и все они достаточно дружны между собою; и хотя у них мало пищи, однако они вполне охотно делятся ею между собою. И они также довольно выносливы; поэтому, голодая один день или два и вовсе ничего не вкушая, они не выражают какого-нибудь нетерпения, но поют и играют, как будто хорошо поели.

Во время верховой езды они сносят великую стужу, иногда

также терпят и чрезмерный зной. И это люди не изнеженные.

Взаимной зависти, кажется, у них нет; среди них нет почти никаких тяжебных ссор; никто не презирает другого, но помогает и поддерживает, насколько может, по средствам. Женщины их целомудренны, и о бестыдстве их ничего среди них не слышно; однако некоторые из них в шутку произносят достаточно позорных и бесстыдных слов. Раздоры между ними возникают или редко, или никогда, и хотя они доходят до сильного опьянения, однако, несмотря на свое пьянство, никогда не вступают в словопрения или драки.

§ II. О дурных нравах их

Описав их хорошие нравы, следует изложить теперь о дурных. Они весьма горды по сравнению с другими людьми и всех презирают, мало того, считают их, так сказать, ни за что, будь то знатные или незнатные.

Именно, мы видели при дворе императора, как знатный муж Ярослав, великий князь Руссии*, а также сын царя и царицы грузинской* и много великих султанов, а также князь солангов не получали среди них никакого должного почета, но приставленные к ним татары, какого бы низкого звания они ни были, шли впереди их и занимали всегда первое и главное место, а, наоборот, часто тем надлежало сидеть сзади…

По сравнению с другими людьми они очень вспыльчивы и раздражительного нрава. И также они гораздо более лживы, чем другие люди, и в них не обретается никакой почти правды; вначале, правда, они льстивы, а под конец жалят, как скорпион. Они коварны и обманщики и, если могут, обходят всех хитростью.

Это грязные люди, когда они принимают пищу и питье и в других делах своих. Все зло, какое они хотят сделать другим людям, они удивительным образом скрывают, чтобы те не могли позаботиться о себе или найти средство против их хитростей.

Пьянство у них считается почетным, а когда кто много выпьет, там же извергает обратно, но из-за этого не оставляет выпить вторично.

Они очень алчны и скупы, огромные мастера выпросить что-нибудь, а вместе с тем весьма крепко удерживают все свое и очень скупые дарители.

Убийство других людей считается у них ни за что. И, говоря кратко, все дурные нравы их по своей пространности не могут быть изображены в описании.

§ III. Об их пище

1. Их пищу составляет все, что можно разжевать, именно: они едят собак, волков, лисиц и лошадей, а в случае нужды вкушают и человеческое мясо. Отсюда, когда они воевали против одного китайского города, где пребывал их император, и осаждали его так долго, что у самих татар вышли все съестные припасы, то, так как у них не было вовсе что есть; они брали для еды одного из десяти человек. Они едят также очищения, выходящие из кобыл вместе с жеребятами. Мало того, мы видели даже, как они ели вшей, именно они говорили: «Неужели я не должен есть их, если они едят мясо моего сына и пьют его кровь?» Мы видели также, как они ели мышей.

Скатертей и салфеток у них нет. Хлеба у них нет, равно как зелени и овощей и ничего другого, кроме мяса; да и его они едят так мало, что другие народы с трудом могут жить на это.

2. Они очень грязнят себе руки жиром от мяса, а когда поедят, то вытирают их о свои сапоги, или о траву, или обо что-нибудь подобное; более благородные имеют также обычно какие-то маленькие суконки, которыми напоследок вытирают руки, когда поедят мяса. Пищу разрезает один из них, а другой берет острием ножика кусочки и раздает каждому, одному больше, а другому меньше, сообразно с тем, больше или меньше они хотят кого-либо почтить.

Посуды они не моют, а если иногда и моют мясной похлебкой, то снова с мясом выливают в горшок. Также если они очищают горшки, или ложки, или другие сосуды, для этого назначенные, то моют точно так же.

У них считается великим грехом, если каким-нибудь образом дано будет погибнуть чему-нибудь из питья или пищи, отсюда они не позволяют бросать собакам кости, если у них прежде не высосать мозжечок. Платья свои они также не моют и не дают мыть, а особенно в то время, когда начинается гром, до тех пор, пока не прекратится это время.

3. Кобылье молоко, если оно у них есть, они пьют в огромном количестве, пьют также овечье, коровье и верблюжье молоко. Вина, пива и меду у них нет, если этого им не пришлют и не подарят другие народы. Зимою у них нет даже и кобыльего молока, если они небогаты. Они также варят просо с водою, размельчая его настолько, что могут его не есть, а пить. И каждый из них пьет поутру чашу или две, и днем они больше ничего не едят, а вечером каждому дается немного мяса, и они пьют мясную похлебку. Летом же, имея тогда достаточно кобыльего молока, они редко едят мясо, если им случайно не подарят его или они не

поймают на охоте какого-нибудь зверя или птицу.

§ IV. Об их законах и обычаях

1. Далее, у них есть закон или обычай убивать мужчину или женщину, которых они застанут в явном прелюбодеянии, также если и девица будет с кем-нибудь блудодействовать, они убивают мужчину и женщину.

Если кто-нибудь будет застигнут на земле их владения в грабеже или явном воровстве, то его убивают без всякого сожаления.

Точно так же, если кто-нибудь (вражеский лазутчик. — *А.М.*) открывает их замысел, особенно когда они хотят идти на войну, то ему дается по заду сто ударов таких сильных, насколько может дать их крестьянин большой палкой.

Точно так же, когда кто-нибудь из младших оскорбляет кого-нибудь, то их старшие не щадят их, а подвергают тяжкому бичеванию.

Точно так же между сыном от наложницы и от жены нет никакой разницы, но отец дает каждому из них, что хочет, и если он из племени князей, то сын наложницы является князем постольку же, как и сын законной супруги.

И если один татарин имеет много жен, то каждая из них сама по себе имеет свою ставку и свое семейство; и один день он пьет, ест и спит с одной, а другой день — с другою; все-таки одна из них считается старшей среди других, и он бывает с ней чаще, чем с другими, и, хотя их так много, они нелегко ссорятся между собою.

2. Мужчины ничего вовсе не делают, за исключением стрел, а также имеют отчасти попечение о стадах; но они охотятся и упражняются в стрельбе, ибо все они от мала до велика суть хорошие стрелки, и дети их, когда им два или три года от роду, сразу же начинают ездить верхом и управляют лошадьми и скачут на них, и им дается лук сообразно их возрасту, и они учатся пускать стрелы, ибо очень ловки, а также смелы.

3. Девушки и женщины ездят верхом и ловко скачут на конях, как мужчины. Мы также видели, как они носят колчаны и луки. И как мужчины, так и женщины могут ездить долго и упорно. Стремена у них очень короткие, лошадей они очень берегут, мало того, они усиленно охраняют все имущество. Жены их все делают: полушубки, платья, башмаки, сапоги и все изделия из кожи, также они правят повозками и чинят их, вьючат верблюдов и во всех своих делах очень проворны и скоры. Все женщины носят

штаны, а некоторые и стреляют, как мужчины.

ГЛАВА ПЯТАЯ
О НАЧАЛЕ ДЕРЖАВЫ ТАТАР, ОБ ИХ КНЯЗЬЯХ, О ВЛАСТИ ИМПЕРАТОРА И ЕГО КНЯЗЕЙ

Сказав об их обычаях, следует присовокупить об их державе, и сперва скажем об ее начале, во-вторых, об ее князьях, в-третьих, о власти императора и князей.

§ 1.О начале державы татар

1. Есть некая земля среди стран Востока, о которой сказано выше и которая именуется Монгал. Эта земля имела некогда четыре народа: один назывался йека-монгал*, то есть великие монгалы, второй назывался су-монгал*, то есть водяные монгалы, сами же себя они именовали татарами*, от некоей реки, которая течет чрез их страну и называется Татар; третий народ назвался меркит*, четвертый — мекрит*. Все эти народы имели одну форму лиц и один язык, хотя между собою они разделялись по областям и государям.

2. В земле Йека-Монгал был некто, который назывался Чингис*; он начал быть сильным ловцом перед Господом, ибо он научил людей воровать и грабить добычу. Далее, он ходил в другие земли и не оставлял пленять и присоединять к себе кого только мог, людей же своего народа он приклонил к себе, и они следовали за ним как за вождем на все злодеяния. Далее, он начал сражаться с су-монгал, или татарами, после того как подчинил себе многих людей и убил их вождя, в продолжительной войне покорил себе всех татар, привел их себе в рабство и подчинил. После этого вместе со всеми ими он сразился с меркитами, страна которых была расположена возле земли татар; и их также подчинил себе войною. Подвигаясь оттуда, он сразился против мекритов и покорил их также.

3. Найманы, услышав, что Чингис так возвысился, сильно вознегодовали, ибо у них самих раньше был очень храбрый император, и все вышеназванные народы платили ему дань.

Когда он исполнил общий долг всего плотского, его место заступили его сыновья, но они были молоды и глупы и не умели держать народа, а между собою они жили в раздоре и несогласии; отсюда в то время, как вышеназванный Чингис так возвысился, они все же тем не менее устраивали набег на вышеуказанные

земли и убивали мужчин, женщин и детей и забирали от них добычу.

Чингис, слыша это, соединил всех подвластных себе людей; найманы, так же как и кара-китаи*, т. е. черные китаи (кидане. — *А.М.*), равным образом собрались напротив в огромном количестве в некую долину, сжатую между двух гор, через которую проезжали мы, отправляясь к их императору, и завязалось сражение, в котором найманы и кара-китаи были побеждены монгалами, и большая часть их была убита, а другие, которые не могли ускользнуть, были обращены в рабство.

В земле же вышеназванных кара-китаев Оккодай-хан* сын Чингисхана, после своего назначения императором построил некий город, который назвал Омыл*; вблизи него к югу есть некая великая пустыня, в которой, как говорят, наверное, живут лесные люди*; они никак не говорят и не имеют суставов в коленях, а если когда упадут, то отнюдь не могут встать без помощи других; но у них есть настолько рассудительности, что они делают войлоки из верблюжьей шерсти, в которые одеваются, и даже ставят их против ветра, и если какие-нибудь татары идут на них и ранят их стрелами, то они кладут траву в раны и быстро бегут от врагов.

4. Монгалы же, вернувшись в свою страну, подготовились к битве против китаев и, снявшись с лагеря, вступили в их землю; император же китаев, услышав это, пошел против них со своим войском, и завязалось тяжкое сражение, в каковом сражении монгалы были побеждены и все вельможи монгалов, которые были в вышесказанном войске, были убиты, за исключением семи; отсюда и до сих пор, когда кто-нибудь грозит им, говоря: «Вы будете убиты, если пойдете в ту страну, так как там пребывает множество народа и находятся люди, пригодные к сражению», они отвечают: «Некогда мы также были убиты, и нас осталось только семь, а теперь мы выросли в огромную толпу, поэтому нас не страшит подобное»*. Чингис же и другие, которые остались, убежали в свою землю.

5. И, несколько отдохнув, вышеназванный Чингис снова подготовился к бою и вышел на войну против земли гуиров; эти люди — христиане несторианской ереси; их он также покорил войною, и татары приняли их грамоту, ибо прежде не имели никаких письмен; теперь же эту грамоту именуют монгальскою*. Двинувшись отсюда против земли саригуйюр*, и против земли карани-тов*, и против земли войратов*, и против земли команов, Чингис покорил войною все эти земли и вернулся затем в свою землю.

6. И когда он несколько отдохнул, то, созвав всех своих

людей, двинулся равным образом на войну против китаев*, и после долгой борьбы с ними они покорили большую часть земли китаев, императора же их заперли в его главном городе*. Они осаждали его так долго, что у войска не хватило вовсе съестных припасов, и, когда у них не было вовсе что есть, Чингисхан приказал им, чтобы они отдавали для еды одного человека из десяти.

Жители же города мужественно сражались против них при помощи машин и стрел, и когда не стало хватать камней, то они вместо камней бросали серебро, и главным образом серебро расплавленное, ибо этот город был полон многими богатствами. И после долгого сражения, не будучи вовсе в состоянии одолеть город войною, татары сделали большую дорогу под землею от войска до середины города и, открыв внезапно землю, выскочили без ведома тех и в середине города сразились с людьми того же города; и те, которые были вне, таким же образом сражались против горожан; разбив ворота, вошли в город; убив императора и многих людей, завладели городом и унесли золото, серебро и все его богатства и, поставив во главе вышеназванной земли китаев своих людей, вернулись в собственную землю. И тогда впервые после победы над императором китаев вышеназванный Чингисхан сделался императором. Все же некоторую часть земли китаев, как расположенную на море, они никоим образом не одолели вплоть до нынешнего дня.

Китаи же, о которых мы сказали выше, суть язычники, которые имеют особую грамоту, и, как говорят, у них есть Новый и Ветхий Завет; и они имеют Жития отцов и пустынников и дома, сделанные наподобие церквей, где они молятся в свое время; и говорят, что они имеют некоторых святых. Они чтут единого Бога, уважают Господа Иисуса Христа и веруют в вечную жизнь, но крещения у них отнюдь нет; уважают и чтут наше Писание, любят христиан и творят значительные милостыни; они кажутся людьми очень кроткими и человечными. Бороды у них нет, и в очертании лица они очень схожи с монгалами, однако они не так широки в лице; язык у них особый; в целом мире нельзя найти лучших мастеров во всех тех делах, в которых обычно упражняются люди. Земля их очень богата хлебом, вином, золотом, серебром и шелком, а также всеми вещами, которые обычно поддерживают природу человеческую.

7. И, несколько отдохнув, он разделил свои войска. Одного из своих сыновей, по имени Тоссука*, которого также называли «кан»*, то есть император, он послал с войском против команов*, которых тот победил в продолжительной борьбе; а после того как он их победил, он вернулся в свою землю. Также другого сына он

послал с войском против индов, и он покорил Малую Индию*; это черные сарацины, которые именуются эфиопами. Это же войско вышло на бой против христиан, которые находятся в Большой Индии. Слыша это, царь той страны, который именовался в народе Пресвитером Иоанном*, выступил против них с соединенным войском и, сделав медные изображения, поместил их на седлах на лошадей, разведя внутри огонь, а сзади медных изображений поместил на лошадей людей с мехами, и со многими изображениями и лошадьми, так подготовленными, они вступили в бой против вышеназванных татар; и когда они пришли на место боя, то послали вперед этих лошадей, одну рядом с другой; мужи же, бывшие сзади, положили что-то на огонь, который был в вышеназванных изображениях, и стали сильно дуть мехами. Отсюда произошло, что греческий огонь опалял людей и лошадей и воздух омрачился от дыма, и тогда они пустили стрелы в татар; от этих стрел много людей было ранено и убито, и, таким образом, они выгнали их в замешательстве из своих пределов, и мы никогда не слыхали, чтобы татары впредь к ним возвращались…

…11. И отсюда он вернулся в свою землю; там он издал многочисленные законы и постановления*, которые татары нерушимо соблюдают; из них мы упоминаем только про два.

Одно постановление такое, что всякого, кто, превозносясь в гордости, пожелает быть императором собственною властью без избрания князей, должно убивать без малейшего сожаления.

Отсюда до избрания настоящего Куйюк-хана* из-за этого был убит один из князей, внук Чингисхана, ибо он хотел царствовать без избрания.

Другое постановление такое, что они должны подчинить себе всю землю и не должны иметь мира ни с каким народом, если прежде не будет им оказано подчинения, пока не настанет время их умерщвления, именно: они сражались сорок два года и предварительно должны царствовать восемнадцать лет. После этого, как говорят, они должны быть побеждены другим народом, каким, однако, не знают, как им было предсказано, и те, которые будут в состоянии уйти, как говорят, должны соблюдать тот закон, который соблюдают те, кто победит их войною.

Он установил также, что их войско должно быть разделено под начальством тысячников*, сотников, десятников и тьмы (командующих тумэнами, то есть десятью тысячами воинов). Он установил также и многое другое, рассказывать о чем было бы долго, да к тому же мы и не знаем [всего]. После этого, свершив свои распоряжения и постановления, он был убит ударом грома*.

§ II. О князьях татар

1. А у него (Чингисхана. — *А.М.*) было четыре сына*: одного звали Оккодай, второго звали Тоссук-хан, третьего звали Хыадай, а имени четвертого мы не знаем*. От этих четырех лиц произошли все вожди монгалов…

§ III. О власти императора и его князей

1. Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми*. Никто не смеет пребывать в какой-нибудь стране, если где император не укажет ему. Сам же он указывает, где пребывать вождям, вожди же указывают места тысячникам, тысячники — сотникам, сотники же десятникам.

Сверх того, во всем том, что он предписывает во всякое время, во всяком месте, по отношению ли к войне, или к смерти, или к жизни, они повинуются без всякого противоречия.

Точно так же, если он просит дочь-девицу или сестру, они дают ему без всякого противоречия; мало того, каждый год или по прошествии нескольких лет он собирает девиц из всех пределов татар и, если хочет удержать каких-нибудь себе, удерживает, а других дает своим людям, как ему кажется удобным.

Каких бы, сколько бы и куда бы он ни отправлял послов, им должно давать без замедления подводы и содержание*; откуда бы также ни приходили к нему данники или послы, равным образом им должно давать коней, колесницы и содержание. Но послы, приходящие из других стран, терпят большую нужду, как в содержании, так и в одежде, ибо издержки на них скудны и малы, а в особенности когда они прибывают к князьям и должны там иметь пребывание. Тогда на десять человек дается так мало, что на это едва могут прожить двое; также и при дворах князей и в путешествии дается им поесть только раз в день, и очень мало; точно так же, если им причиняют какие-нибудь обиды, они отнюдь не легко могут жаловаться, поэтому им следует терпеливо сносить эти обиды.

2. Сверх того, как князья, так и другие лица, как знатные, так и незнатные, выпрашивают у них много подарков, а если они не получают, то низко ценят послов, — мало того, считают их как бы ни во что; а если послы отправлены великими людьми, то они не желают брать от них скромный подарок, а говорят: «Вы приходите от великого человека, а даете так мало?» Вследствие этого они не считают достойным брать, и если послы хотят хорошо обделать

свои дела, то им следует давать больше. Поэтому и нам пришлось также раздать по нужде на подарки большую часть тех вещей, которые люди благочестивые дали нам для продовольствия.

И следует также знать, что все настолько находится в руке императора, что никто не смеет сказать: «Это — мое или его», но все принадлежит императору, то есть имущество, вьючный скот и люди, и по этому поводу недавно даже появился указ императора.

3. Ту же власть имеют во всем вожди над своими людьми, именно люди, то есть татары и другие, распределены между вождями. Также и послам вождей, куда бы те их ни посылали, как подданные императора, так и все другие обязаны давать как подводы, так и продовольствие, а также без всякого противоречия людей для охраны лошадей и для услуг послам.

Как вожди, так и другие обязаны давать императору для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко, на год, на два или на три, как ему будет угодно; и подданные вождей обязаны делать то же самое своим господам, ибо среди них нет никого свободного. И, говоря кратко, император и вожди берут из их имущества все, что ни захотят и сколько хотят. Также и личностью их они располагают во всем, как им будет благоугодно…

ГЛАВА ШЕСТАЯ
О ВОЙНЕ И РАЗДЕЛЕНИИ ВОЙСК, ОБ ОРУЖИИ И ХИТРОСТЯХ ПРИ СТОЛКНОВЕНИИ, ОБ ОСАДЕ УКРЕПЛЕНИЙ И ВЕРОЛОМСТВЕ ИХ ПРОТИВ ТЕХ, КТО СДАЕТСЯ ИМ, И О ЖЕСТОКОСТИ ПРОТИВ ПЛЕННЫХ

§ I. О разделении войск

О разделении войск скажем таким образом: Чингисхан приказал, чтобы во главе десяти человек был поставлен один (и он по-нашему называется десятником), а во главе десяти десятников был поставлен один, который называется сотником, а во главе десяти сотников был поставлен один, который называется тысячником, а во главе десяти тысячников был поставлен один (командир тумэна. — *А. М.*), и это число называется у них «тьма». Во главе же всего войска ставят двух вождей или трех, но так, что они имеют подчинение одному.

Когда же войска находятся на войне, то если из десяти человек бежит один, или двое, или трое, или даже больше, то все они умерщвляются, и если бегут все десять, а не бегут другие сто, то все умерщвляются; и, говоря кратко, если они не отступают

сообща, то все бегущие умерщвляются; точно так же, если один, или двое, или больше смело вступают в бой, а десять других не следуют, то их также умерщвляют, а если из десяти попадают в плен один или больше, другие же товарищи не освобождают их, то они также умерщвляются.

§ II. Об оружии

1. Оружие же все, по меньшей мере, должны иметь такое: два или три лука или, по меньшей мере, один хороший и три больших колчана, полные стрелами, один топор и веревки, чтобы тянуть орудия. Богатые же имеют мечи, острые в конце, режущие только с одной стороны и несколько кривые; у них есть также… прикрытия для голеней, шлемы и латы.

Некоторые имеют латы, а также прикрытия для лошадей из кожи, сделанные следующим образом: они берут ремни от быка или другого животного шириною в руку, заливают их смолою вместе по три или по четыре и связывают ремешками или веревочками; на верхнем ремне они помещают веревочки на конце, а на нижнем — в середине, и так поступают до конца; отсюда, когда нижние ремни наклоняются, верхние встают и таким образом удваиваются или утраиваются на теле.

Прикрытие лошади они делят на пять частей: с одной стороны лошади — одну, а с другой стороны — другую, которые простираются от хвоста до головы и связываются у седла, а сзади седла на спине и также на шее; также на крестец они кладут другую сторону, там, где соединяются связи двух сторон: в этом куске они делают отверстие, через которое выставляют хвост, и на грудь также кладут одну сторону. Все части простираются до колен или до связей голеней; и пред лбом они кладут железную полосу, которая с обеих сторон шеи связывается с вышеназванными сторонами.

Латы же имеют также четыре части; одна часть простирается от бедра до шеи, но она сделана согласно расположению человеческого тела, так как сжата перед грудью, а от рук и ниже облегает кругло вокруг тела. Сзади же к крестцу они кладут другой кусок, который простирается от шеи до того куска, который облегает вокруг тела. На плечах же эти два куска, именно передний и задний, прикрепляются пряжками к двум железным полосам, которые находятся на обоих плечах. И на обеих руках сверху они имеют кусок, который простирается от плеч до кисти рук, которые также ниже открыты, и на каждом колене они имеют по куску. Все эти куски соединяются пряжками.

Шлем же сверху железный или медный, а то, что прикрывает шею и горло, — из кожи. И все эти куски из кожи составлены указанным выше способом.

2. У некоторых же все то, что мы выше назвали, составлено из железа следующим образом: они делают одну тонкую полосу шириною в палец, а длиною в ладонь, и таким образом они приготовляют много полос; в каждой полосе они делают восемь маленьких отверстий и вставляют внутрь три ремня плотных и крепких, кладут полосы одна на другую, как бы поднимаясь по уступам, и привязывают вышеназванные полосы к ремням тонкими ремешками, которые пропускают чрез отмеченные выше отверстия; в верхней части они вшивают один ремешок, который удваивается с той и другой стороны и сшивается с другим ремешком, чтобы вышеназванные полосы хорошо и крепко сходились вместе, и образуют из полос как бы один ремень, а после связывают все по кускам так, как сказано выше. И они делают это для вооружения как коней, так и людей. И они заставляют это так блестеть, что человек может видеть в них свое лицо.

3. У некоторых из них есть копья, и на шейке железа копья они имеют крюк, которым, если могут, стаскивают человека с седла. Длина их стрел составляет два фута, одну ладонь и два пальца, а так как футы различны, то мы приводим здесь меру геометрического фута: двенадцать зерен ячменя составляют поперечник пальца, а шестнадцать поперечников пальцев образуют геометрический фут. Железные наконечники стрел весьма остры и режут с обеих сторон наподобие обоюдоострого меча; и они всегда носят при колчане напильники для изощрения стрел. Вышеупомянутые железные наконечники имеют острый хвост длиною в один палец, который вставляется в дерево. Щит у них сделан из ивовых или других прутьев, но мы не думаем, чтобы они носили его иначе как в лагере и для охраны императора и князей, да и то только ночью… Есть у них далее и другие разнообразные стрелы для охоты на птиц и зверей.

§ III. О хитростях при столкновении

1. Когда они желают пойти на войну, они отправляют вперед передовых застрельщиков, у которых нет с собой ничего, кроме войлоков, лошадей и оружия. Они ничего не грабят, не жгут домов, не убивают зверей и только ранят и умерщвляют людей, а если не могут иного, обращают их в бегство; все же они гораздо охотнее убивают, чем обращают в бегство.

За ними следует войско, которое, наоборот, забирает все, что находит; также и людей, если их могут найти, забирают в плен или убивают. Тем не менее все же стоящие во главе войска посылают после этого глашатаев, которые должны находить людей и укрепления, и они очень искусны в розысках.

2. Когда же они добираются до рек, то переправляются через них, даже если они и велики, следующим образом: более знатные имеют круглую и гладкую кожу, на поверхности которой кругом они делают частые ручки, в которые вставляют веревку и завязывают так, что образуют в общем некий круглый мешок, который наполняют платьями и иным имуществом и очень крепко связывают вместе. После этого в середине кладут седла и другие, более жесткие предметы; люди также садятся в середине. И этот корабль, таким образом приготовленный, они привязывают к хвосту лошади и заставляют плыть вперед наравне с лошадью человека, который бы управлял лошадью. Или иногда они берут два весла, ими гребут по воде и таким образом переправляются через реку, лошадей же гонят в воду, и один человек плывет рядом с лошадью, которою управляет, все же другие лошади следуют за той и таким образом переправляются через воды и большие реки. Другие же, более бедные, имеют кошель из кожи, крепко сшитый; всякий обязан иметь его. В этот кошель, или в этот мешок, они кладут платье и все свое имущество, очень крепко связывают этот мешок вверху, вешают на хвост коня и переправляются, как сказано выше.

3. Надо знать, что всякий раз, как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и, если их враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают.

Точно так же, если они видят, что против них имеется большое войско, они иногда отходят от него на один или два дня пути и тайно нападают на другую часть земли и разграбляют ее; при этом они убивают людей и разрушают и опустошают землю. А если они видят, что не могут сделать и этого, то отступают назад на десять или на двенадцать дней пути. Иногда также они пребывают в безопасном месте, пока войско их врагов не разделится, и тогда они приходят украдкой и опустошают всю землю. Ибо в войнах они весьма хитры, так как сражались с другими народами уже сорок лет и даже более.

4. Когда же они желают приступить к сражению, то располагают все войска так, как они должны сражаться. Вожди,

или начальники войска, не вступают в бой, но стоят вдали против войска врагов и имеют рядом с собой на конях отроков, а также женщин и лошадей. Иногда они делают изображения людей и помещают их на лошадей; это они делают для того, чтобы заставить думать о большем количестве воюющих.

Пред лицом врагов они посылают отряд пленных и других народов, которые находятся между ними; может быть, с ними идут и какие-нибудь татары. Другие отряды, более храбрых людей они посылают далеко справа и слева, чтобы их не видели противники, и таким образом окружают противников и замыкают в середину…

Затем они начинают сражаться со всех сторон. И хотя их иногда мало, противники, которые окружены, воображают, что их много. А в особенности бывает это тогда, когда они видят тех, которые находятся при вожде или начальнике войска, — отроков, женщин, лошадей и изображения людей, как сказано выше, которых они считают за воителей, и вследствие этого приходят в страх и замешательство.

А если случайно противники удачно сражаются, то татары устраивают им дорогу для бегства, и, как только те начнут бежать и отделяться друг от друга, они их преследуют и тогда, во время бегства, убивают больше, чем могут умертвить на войне.

Однако надо знать, что, если можно обойтись иначе, они неохотно вступают в бой, но ранят и убивают людей и лошадей стрелами, а когда люди и лошади ослаблены стрелами, тогда они вступают с ними в бой.

§ IV. Об осаде укреплений

Укрепления они завоевывают следующим способом. Если встретится такая крепость, они окружают ее; мало того, иногда они так ограждают ее, что никто не может войти или выйти; при этом они весьма храбро сражаются орудиями и стрелами и ни на один день или на ночь не прекращают сражения, так что находящиеся на укреплениях не имеют отдыха; сами же татары отдыхают, так как они разделяют войска, и одно сменяет в бою другое, так что они не очень утомляются.

И если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь*. Мало того, они обычно берут иногда жир людей, которых убивают, и выливают его в растопленном виде на дома. И везде, где огонь попадает на этот жир, он горит, так сказать, неугасимо; все же его можно погасить, как говорят, налив вина или пива; если же он упадет на тело, то

может быть погашен трением ладони руки.

А если они не одолевают таким способом, и этот город или крепость имеет реку, то они преграждают ее или делают другое русло и, если можно, потопляют это укрепление. Если же это сделать нельзя, то они делают подкоп под укрепление и под землею входят в него в оружии. А когда они уже вошли, то одна часть бросает огонь, чтобы сжечь его, а другая часть борется с людьми того укрепления.

Если же и так они не могут победить его, то ставят против него свой лагерь или укрепление, чтобы не видеть тягости от вражеских копий, и стоят против него долгое время, если войско, которое с ними борется, случайно не получит подмоги и не удалит их силою.

§ V. О вероломстве татар и о жестокости против пленных

Но когда они уже стоят против укрепления, то ласково говорят с его жителями и много обещают им с той целью, чтобы те предались в их руки; а если те сдадутся им, то говорят: «Выйдите, чтобы сосчитать вас, согласно нашему обычаю». А когда те выйдут к ним, то татары спрашивают, кто из них ремесленники, и их оставляют, а других, исключая тех, кого захотят иметь рабами, убивают топором; и если, как сказано, они щадят кого-нибудь иных, то людей благородных и почтенных не щадят никогда, а если случайно в силу какого-нибудь обстоятельства они сохраняют каких-нибудь знатных лиц, то те не могут более выйти из плена ни мольбами, ни за выкуп.

Во время же войн они убивают всех, кого берут в плен, разве только пожелают сохранить кого-нибудь, чтобы иметь их в качестве рабов. Назначенных на убиение они разделяют между сотниками, чтобы они умерщвляли их обоюдоострою секирою; те же после этого разделяют пленников и дают каждому рабу для умерщвления десять человек, или больше, или меньше, сообразно с тем, как угодно начальствующим.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ
КАК ОНИ ЗАКЛЮЧАЮТ МИР С ЛЮДЬМИ; О НАЗВАНИЯХ ЗЕМЕЛЬ, КОТОРЫЕ ОНИ ПОКОРИЛИ; О ЗЕМЛЯХ, КОТОРЫЕ ОКАЗАЛИ ИМ СОПРОТИВЛЕНИЕ, И О ЖЕСТОКОСТИ, КОТОРУЮ ОНИ ПРОЯВЛЯЮТ К СВОИМ ПОДДАННЫМ

§ I. Как они заключают мир с людьми

1. Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся, потому что, как сказано выше, они имеют приказ от Чингисхана, чтобы, если можно, подчинить себе все народы.

И вот чего татары требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества. Именно: они отсчитывают десять отроков и берут одного и точно так же поступают и с девушками; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. Остальных они считают и распределяют согласно своему обычаю. А когда они получат полную власть над ними, то, если что и обещали им, не исполняют ничего, но пытаются повредить им всевозможными способами, какие только соответственно могут найти против них.

Например, в бытность нашу в Руссии был прислан туда один сарацин, как говорили, из партии Гуйюг-хана и Батыя, и этот наместник у всякого человека, имевшего трех сыновей, брал одного, как нам говорили впоследствии; вместе с тем он уводил всех мужчин, не имевших жен, и точно так же поступал с женщинами, не имевшими законных мужей, а равным образом выселял он и бедных, которые снискивали себе пропитание нищенством. Остальных же, согласно своему обычаю, пересчитал, приказывая, чтобы каждый, как малый, так и большой, даже однодневный младенец, или бедный, или богатый, платил такую дань, именно: чтобы он давал одну шкуру белого медведя, одного черного бобра, одного черного соболя, одну черную шкуру некоего животного, имеющего пристанище в той земле, название которого мы не умеем передать по-латыни, а по-немецки оно называется «ильтис», поляки же и русские называют этого зверя «дохорь», и одну черную лисью шкуру И всякий, кто не даст этого, должен быть отведен к татарам и обращен в их раба.

2. Они посылают также за государями земель, чтобы те являлись к ним без замедления; а когда они придут туда, то не получают никакого должного почета, а считаются наряду с другими презренными личностями, и им надлежит подносить великие дары как вождям, так и их женам, и чиновникам, тысячникам и сотникам; мало того, все вообще, даже и сами рабы, просят у них даров с великою надоедливостью, и не только у них, а даже и у их послов, когда тех посылают к ним.

Для некоторых также они находят случай, чтобы их убить, как было сделано с Михаилом и с другими; иным же они позволяют вернуться, чтобы привлечь других; некоторых они

губят также напитками или ядом. Ибо их замысел заключается в том, чтобы им одним господствовать на земле, поэтому они выискивают случаи против знатных лиц, чтобы убить их. У других же, которым они позволяют вернуться, они требуют их сыновей или братьев, которых больше никогда не отпускают, как было сделано с сыном Ярослава, неким вождем аланов и весьма многими другими. И если отец или брат умирает без наследника, то они никогда не отпускают сына или брата; мало того, они забирают себе всецело его государство, как, мы видели, было сделано с одним вождем солангов.

3. Башафов (Baschathos)*, или наместников своих, они ставят в земле тех, кому позволяют вернуться; как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того, что они хотят; то эти башафы возражают им, что они неверны татарам, и, таким образом, разрушают их город и землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда татар, которые приходят без ведома жителей по приказу того правителя, которому повинуется упомянутая земля, и внезапно бросаются на них, как недавно случилось, еще в бытность нашу в земле татар, с одним городом, который они сами поставили над русскими в земле команов.

И не только государь татар, захвативший землю, или наместник его, но и всякий татарин, проезжающий через эту землю или город, является как бы владыкой над жителями, в особенности тот, кто считается у них более знатным. Сверх того, они требуют и забирают без всякого условия золото и серебро и другое, что угодно и сколько угодно.

4. Сверх того, если у тех государей, которые им сдались, возникают какие-нибудь спорные случаи, то им надлежит отправляться для разбирательства к императору татар…

ГЛАВА ВОСЬМАЯ
КАК НАДЛЕЖИТ ВСТРЕТИТЬ ТАТАР НА ВОЙНЕ, ЧТО ОНИ ЗАМЫШЛЯЮТ, ОБ ОРУЖИИ И УСТРОЙСТВЕ ВОЙСК, КАК НАДЛЕЖИТ ВСТРЕТИТЬ ИХ ХИТРОСТИ В БОЮ, ОБ УКРЕПЛЕНИИ КРЕПОСТЕЙ И ГОРОДОВ И ЧТО НАДЛЕЖИТ ДЕЛАТЬ С ПЛЕННЫМИ

§ I. Что замышляют татары

1. Замысел татар состоит в том, чтобы покорить себе, если можно, весь мир, и об этом, как сказано выше, они имеют приказ

Чингисхана. Поэтому их император так пишет в своих грамотах: «Храбростью Бога, император всех людей»; и на печати его написано следующее: «Бог на небе и Гуйюг-хан над землею — храбрость Божья. Печать императора всех людей»*. И потому, как сказано, они не заключают мира ни с какими людьми, если только те случайно не предаются в их руки. И так как, за исключением христианства, нет ни одной страны в мире, которой бы они ни владели, то поэтому они приготовляются к бою против нас.

Отсюда да знают все, что в бытность нашу в земле татар мы присутствовали в торжественном заседании, которое было назначено уже за несколько лет пред сим, где они в нашем присутствии избрали в императоры, который на их языке именуется хан, Гуй-юга. Этот вышеназванный Гуйюг-хан поднял со всеми князьями знамя против Церкви Божьей и Римской империи, против всех царств христиан и против народов Запада, в случае если бы они не исполнили того, что он приказывает господину папе, государям и всем народам христиан на Западе.

Нам кажется, что этого отнюдь не следует исполнять, как по причине чрезмерного и невыносимого рабства, которое доселе не слыхано, которое мы видели своими глазами и в которое они обращают все народы, им подчиненные, так и потому, что к ним нет никакой веры, и ни один народ не может доверять их словам, ибо они не соблюдают всего того, что обещают, когда видят, что обстоятельства им благоприятствуют, коварны во всех своих делах и обещаниях, замышляют даже, как сказано выше, уничтожить с земли всех государей, всех вельмож, всех воинов и благородных мужей и делают это по отношению к своим подданным коварно и искусно.

Точно так же недостойно христиан подчиниться им вследствие мерзостей их и потому, что почитание Бога сводится у них ни к чему; души погибают, тела терпят разнообразные мучения больше, чем можно поверить; вначале, правда, они льстивы, а после жалят, как скорпионы, терзают и мучают. Затем они меньше числом и слабее телом, чем христианские народы…

Гильом де Рубрук
ПУТЕШЕСТВИЕ В ВОСТОЧНЫЕ СТРАНЫ (ФРАГМЕНТЫ)

ГЛАВА ВТОРАЯ

О ТАТАРАХ И ИХ ЖИЛИЩАХ

Они не имеют нигде постоянного местожительства (civitatem) и не знают, где найдут его в будущем… И всякий начальник (capitaneus) знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ*, а также где он должен пасти свои стада зимою, летом, весною и осенью.

Именно зимою они спускаются к югу, в более теплые страны, летом поднимаются на север, в более холодные. В местах, удобных для пастбища, но лишенных воды, они пасут стада зимою, когда там бывает снег, так как снег служит им вместо воды.

Дом, в котором они спят, они ставят на колесах из плетеных прутьев; бревнами его служат прутья, сходящиеся кверху в виде маленького колеса, из которого поднимается ввысь шейка наподобие печной трубы, ее они покрывают белым войлоком, чаще же пропитывают также войлок известкой, белой землей и порошком из костей, чтобы он сверкал ярче, а иногда также берут они черный войлок. Этот войлок около верхней шейки они украшают красивой и разнообразной живописью. Перед входом они также вешают войлок, разнообразный от пестроты тканей. Именно: они сшивают цветной войлок или другой, составляя виноградные лозы и деревья, птиц и зверей.

И они делают подобные жилища настолько большими, что те имеют иногда тридцать футов в ширину. Именно: я вымерил однажды ширину между следами колес одной повозки в 20 футов, а когда дом был на повозке, он выдавался за колеса по крайней мере на пять футов с того и другого бока. Я насчитал у одной повозки 22 быка, тянущих дом, 11 в один ряд вдоль ширины повозки и еще 11 перед ними. Ось повозки была величиной с мачту корабля, и человек стоял на повозке при входе в дом, погоняя быков.

Кроме того, они делают четырехугольные ящики из расколотых маленьких прутьев величиной с большой сундук, а после того с одного краю до другого устраивают навес из подобных прутьев и на переднем краю делают небольшой вход; после этого покрывают этот ящик, или домик, черным войлоком, пропитанным салом или овечьим молоком, чтобы нельзя было проникнуть дождю, и такой ящик равным образом украшают они пестротканными или пуховыми материями. В такие сундуки они кладут всю свою утварь и сокровища, а потом крепко привязывают их к высоким повозкам, которые тянут верблюды, чтобы можно было таким образом перевозить эти ящики и через реки. Такие сундуки никогда не снимаются с повозок.

Когда они снимают свои дома для остановки, они всегда

поворачивают ворота (вход. — *А.М.*) к югу и последовательно размещают повозки с сундуками с той и другой стороны вблизи дома, на расстоянии половины полета камня, так что дом стоит между двумя рядами повозок как бы между двумя стенами.

Женщины устраивают себе очень красивые повозки, которые я не могу вам описать иначе как живописью; мало того, я все нарисовал бы вам, если бы умел рисовать.

Один богатый моал*, или татарин, имеет таких повозок с сундуками непременно 100 или 200; у Батыя 26 жен, у каждой из которых имеется по большому дому, не считая других, маленьких, которые они ставят сзади большого; они служат как бы комнатами, в которых живут девушки, и к каждому из этих домов примыкают по 200 повозок.

И когда они останавливаются где-нибудь, то первая жена ставит свой двор на западной стороне, а затем размещаются другие по порядку, так что последняя жена будет на восточной стороне. И расстояние между двором одной госпожи и другой будет равняться полету камня. Таким образом, один двор* богатого моала будет иметь вид как бы большого города, только в нем будет очень немного мужчин. Самая слабая из женщин (muliercuia) может править 20 или 30 повозками, ибо земля их очень ровна. Они привязывают повозки с быками или верблюдами одну за другой, и бабенка будет сидеть на передней, понукая быка, а все другие повозки следуют за ней ровным шагом. Если им случится дойти до какого-нибудь плохого перехода, то они развязывают повозки и перевозят их по одной. Ибо они едут так медленно, как ходит ягненок или бык.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОБ ИХ ПОСТЕЛЯХ, ИДОЛАХ И ОБРЯДАХ ПЕРЕД ПИТЬЕМ

Когда они поставят дома, обратив ворота к югу, то помещают постель господина на северную сторону. Место женщин всегда с восточной стороны, то есть налево от хозяина дома, когда он сидит на своей постели, повернув лицо к югу. Место же мужчин с западной стороны, то есть направо.

Мужчины, входя в дом, никоим образом не могут повесить своего колчана на женской стороне. И над головою господина бывает всегда изображение, как бы кукла или статуэтка из войлока, именуемая братом хозяина; другое похожее изображение находится над постелью госпожи и именуется братом госпожи; эти изображения прибиты к стене; а выше среди них находится

еще одно изображение, маленькое и тонкое, являющееся, так сказать, сторожем всего дома. Госпожа дома помещает у своего правого бока, у ножек постели, на высоком месте козлиную шкурку, наполненную шерстью или другой материей, а возле нее маленькую статуэтку, смотрящую по направлению к служанкам и женщинам.

Возле входа, со стороны женщин, есть опять другое изображение, с коровьим выменем, для женщин, которые доят коров; ибо доить коров принадлежит к обязанностям женщин. С другой стороны входа, по направлению к мужчинам, есть другая статуя, с выменем кобылы, для мужчин, которые доят кобыл. И всякий раз, как они соберутся для питья, они сперва обрызгивают напитком то изображение, которое находится над головой господина, а затем другие изображения по порядку. После этого слуга выходит из дома с чашей и питьем и кропит трижды на юг, преклоняя каждый раз колена. Это делается для выражения почтения к огню; после того он повторяет то же, обратясь на восток, в знак выражения почтения к воздуху; после того он обращается на запад для выражения почтения к воде; на север они кропят в память умерших.

Когда господин держит чашу в руке и должен пить, то, прежде чем пить, он выливает на землю соответствующую часть. Если он пьет, сидя на лошади, то до питья делает излияние ей на шею или на гриву

Итак, когда слуга покропит таким образом на четыре стороны мира, он возвращается в дом; и два служителя с двумя чашами и столькими же блюдами стоят наготове, чтобы отнести питье господину и жене, сидящей на постели возле него, но повыше. И если у господина очень много жен, то та, с которой он спит ночью, сидит рядом с ним днем, а всем другим в тот день надлежит приходить к тому дому, и там в тот день происходит собрание, приносимые же подарки складываются в сокровищницы этой госпожи. При входе стоит скамья с бурдюком молока или другого питья с чашами.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ОБ ИХ НАПИТКАХ И О ТОМ, КАК ОНИ ПООЩРЯЮТ ДРУГИХ К ПИТЬЮ

Зимою они делают превосходный напиток из рису, проса, ячменя и меду*, чистый, как вино, а вино им привозится из отдаленных стран. Летом они заботятся только о кумысе. Кумыс

стоит всегда внизу у дома, пред входом в дверь, и возле него стоит гитарист со своей маленькой гитарой. Наших гитар и рылей я там не видал, но видел много других инструментов, которых у нас не имеется.

И когда господин начинает пить, то один из слуг возглашает громким голосом: «Га!» — и гитарист ударяет о гитару. А когда они устраивают большой праздник, то все хлопают в ладоши и также пляшут под звуки гитары, мужчины пред лицом господина, а женщины пред лицом госпожи. Когда же господин выпьет, то слуга восклицает, как прежде, и гитарист молчит. Тогда все кругом, и мужчины, и женщины, пьют, при этом иногда они пьют взапуски очень гадко и с жадностью.

И когда они хотят побудить кого-нибудь к питью, то хватают его за уши и сильно тянут, чтобы расширить ему горло, и рукоплещут и танцуют пред его лицом. Точно так же, когда они хотят сделать кому-нибудь большой праздник и радость, один берет полную чашу, а двое других становятся направо и налево от него, и таким образом они трое идут с пением и пляской к тому лицу, которому они должны подать чашу, и поют и пляшут пред его лицом; а когда он протянет руку для принятия чаши, они внезапно отскакивают и снова возвращаются, как прежде, и издеваются над ним таким образом, отнимая у него чашу три или четыре раза, пока он не развеселится хорошенько и не почувствует хорошего аппетита. Тогда они подают ему чашу, поют, хлопают в ладоши и ударяют ногами, пока он не выпьет.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ОБ ИХ ПИЩЕ

Об их пище и съестных припасах знайте, что они едят без разбора всякую свою падаль, а среди столь большого количества скота и стад, вполне понятно, умирает много животных.

Однако летом, пока у них тянется кумыс, то есть кобылье молоко, они не заботятся о другой пище. Поэтому, если тогда доведется умереть у них быку и лошади, они сушат мясо, разрезывая его на тонкие куски и вешая на солнце и на ветер, и эти куски тотчас сохнут без соли, не распространяя никакой вони. Из кишок лошадей они делают колбасы, лучшие, чем из свинины, и едят их свежими. Остальное мясо сохраняют на зиму.

Из шкур быков они делают большие бурдюки, которые удивительно высушивают на дыму. Из задней части конской шкуры они делают очень красивые башмаки. Мяса одного барана

хватает на 50 или 100 человек: они разрезают мясо на маленькие кусочки на блюдечке вместе с солью и водой — другой приправы они не делают, — а затем острием ножика или вилочки*, сделанных нарочно для этого, наподобие тех, какими мы обычно едим сваренные в вине груши и яблоки, они протягивают каждому из окружающих один или два кусочка, сообразно с количеством вкушающих.

Прежде чем поставить мясо барана [гостям], господин сам берет, что ему нравится, а также если он дает кому-нибудь особую часть, то получающему надлежит съесть ее одному и нельзя давать никому; если же он не может съесть всего, то ему надлежит унести это с собою или отдать своему служителю, если налицо находится тот, кто охраняет его, или иначе он прячет это в свой каптаргак, то есть в квадратный мешок, который они носят для сохранения всего подобного; сюда они прячут также и кости, когда у них нет времени хорошенько обглодать их, чтобы обглодать впоследствии, дабы не пропадало ничего из пищи…

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ОБ ИХ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ, СУДАХ, СМЕРТИ И ПОХОРОНАХ

О судопроизводстве их знайте, что, когда два человека борются, никто не смеет вмешиваться, даже отец не смеет помочь сыну; но тот, кто оказывается более слабым, должен жаловаться пред двором государя, и если другой после жалобы коснется до него, то его убивают. Но ему должно идти туда немедленно без отсрочки, и тот, кто потерпел обиду, ведет другого как пленного.

Они не карают никого смертным приговором, если он не будет уличен в деянии или не сознается. Но когда очень многие опозорят его, то он подвергается сильным мучениям, чтобы вынудить сознание.

Человекоубийство они карают смертным приговором, так же как соитие не со своею женщиной. Под не своей женщиной я разумею или не его жену, или его служанку. Ибо своей рабыней можно пользоваться как угодно.

Точно так же они карают смертью за огромную кражу. За легкую кражу, например за одного барана, лишь бы только человек нечасто попадался в этом, они жестоко бьют, и если они назначают сто ударов, то это значит, что те получают сто палок. Я говорю о тех, кто подвергается побоям по приговору двора.

Точно так же они убивают ложных послов, то есть тех, которые выдают себя за послов и не суть таковые. Точно так же

умерщвляют колдуний, о которых, однако, я скажу вам потом полнее, так как считают подобных женщин за отравительниц.

Когда кто-нибудь умирает, они скорбят, издавая сильные вопли, и тогда они свободны, потому что не платят подати до истечения года. Погребение (могила. — *А.М.*) того, кто умирает, остается неизвестным*. И всегда около тех мест, где они хоронят своих знатных лиц, имеется помещение для охраняющих погребения…

КОММЕНТАРИИ

СОКРОВЕННОЕ СКАЗАНИЕ МОНГОЛОВ

ОБОСНОВАНИЕ ТЕКСТА

Подлинный текст «Сокровенного сказания монголов», написанный уйгуро-монгольским письмом, до нас не дошел и, по-видимому, безвозвратно утерян. Однако дошедшие до нас различные копии и варианты иероглифической транскрипции «Сказания» (см. подробно во вступительной статье монгольского ученого С. Дулама) позволяют монголоведам и синологам все же пытаться свести их в «единую, критически установленную китайскую транскрипцию» этого литературного памятника, дабы на ее основе реконструировать критический (исходный) текст монгольского оригинала памятника.

Как отмечалось во вступительной статье, уже проделана значительная работа по реконструкции текста оригинала «Сокровенного сказания монголов». Однако авторы этих публикаций восстановленного монгольского текста, руководствуясь своим пониманием языка и стиля иероглифической транскрипции текста «Сказания», а также собственным вкусом, порой довольно вольно трактуют китайский оригинал, допускают его исправления без подробных объяснений правки. Конечно, все эти публикации имеют право на существование, но они не могут заменить критического издания средневекового текста.

Исходя из поставленной перед собой задачи — создания литературного перевода «Сокровенного сказания монголов», переводчики в известной мере шли за Ц. Дамдисурэном [1], но подошли к его литературному переложению «Сказания» критически. Нами были использованы результаты текстологического изучения памятника, его изданий и переводов, осуществленных С. А. Козиным [2], Т. Дашцэдэном [3], Ш. Гаадамбой [4], Ц. Цэрэнсодномом [5], а также монгольского издания [6] и русского перевода [7] монгольской летописи XVII века «Алтан тобчи»

Лубсан Данзана, которая, по мнению многих исследователей, во-первых, подтверждает сам факт существования в прошлом оригинала «Сокровенного сказания монголов», написанного уйгуро-монгольским письмом, а во-вторых, значительная ее часть

сама по себе является копией одного из вариантов оригинала «Сокровенного сказания монголов». И, наконец, подготовленный к печати перевод «Сказания» был сверен с классическим, оригинальным текстом «Сокровенного сказания монголов», подготовленным монгольскими учеными в 2004 году [8].

Современные подходы к решению вопроса о названии, структуре и тексте оригинала «Сокровенного сказания монголов» (см. вступительную статью) определили деление текста перевода на три части и соответствующее название этих частей, а также отсутствие разбивки текста на параграфы. Осуществленная нами разбивка текста перевода на главы основана на точке зрения многих монголоведов о том, что «Сокровенное сказание монголов» вобрало в себя более трех десятков рассказов, легенд, сказов, историй, мастерски объединенных создателями этого литературного памятника в единое целое [9].

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Дамдисурэн Ц. Монголын нууц товчоо. Улаанбаатар, 1976.

2. Козин С А. Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием Mongyol-un Niyuбa TobSiyan. М. — Л., 1941.

3. Дагицэдэн Т. Монголын нууц товчоо, У Б., 1985, / CSM, XXI, I/

4. Гаадамба Ш. Монголын нууц товчоо, УБ., 1990.

5. Цэрэнсодном Ц. Монголын нууц товчоо: Цог сэтгуул, 1990. № 1–4,

6. Лувсанданзан Алтант овч. УБ., 1990.

7. Лавсан Данзан. Алтан тобчи (Золотое сказание). М.: Наука, 1973.

8. Монголын нууцт овчоо. Сонгомол эх. УБ., 2004.

9. Цэрэнсодном Д. Монгольская художественная литература (на монг. яз.). УБ., 1987. С. 160.

ПРАРОДИТЕЛИ ЧИНГИСХАНА

С. 50. *…рожденный по благоволению Неба…* — Согласно древней народной религии монголов — шаманизму, Небо («Голубое Небо», «Вечное Небо») — высший представитель сил природы, верховное божество, дарующее жизнь и душу, управляющее миром и руководящее делами человека.

С. 50. *Бортэ чоно* — по мнению монгольского ученого Х. Пэрлээ, легендарный прародитель Чингисхана родился в 758 году. Далее даты рождения предков Чингисхана также даются по версии Х. Пэрлээ.

…сели в окрестностях горы Бурхан халдун, что в верховьях реки Онон, — то есть в северо-восточной части Монголии; среди ученых нет однозначного мнения в вопросе, откуда пришли прародители Чингисхана, где находится легендарная местность Эргунэ-кун, о которой написал средневековый персидский историк Рашид ад-Дин в своем «Сборнике летописей». По последней версии, выдвинутой монгольским ученым Ч. Далаем, древние предки монголов покинули местность Эргунэ-кун, располагающуюся в Саянах, миновали озеро Хубсугул, переправились через речку Тэнгэс и дошли до верховья реки Онон, где и осели.

Батачи-хан — родился в 786 году.

Тамача — родился в 828 году.

Ужим борохул — родился в 847 году.

Их нудэн — родился в 873 году.

Сэм сочи — родился в 891 году.

Харчу — родился в 908 году.

У Торголжин баяна была жена Борогчин гоо, молодой слуга Боролдай суялби и два любимых, сивых скакуна. — Не следует понимать дословно эти строки «Сокровенного сказания монголов». В действительности богач Торголжин, конечно же, имел не один десяток слуг, которых, очевидно, и возглавлял молодец Боролдай суялби. А два коня, имена которых попали в историю, по-видимому, были самыми любимыми хозяином, красой его многочисленного табуна. Подобный прием — описание множества через единичное — был характерен для древнемонгольского летописания.

Добун мэргэн — родился в 945 году.

Поприще — условная мера длины, равная расстоянию в один дневной переход; здесь речь идет отнюдь не о сказочном герое: с помощью антитезы древние авторы описывали особые способности того или иного героя, в данном случае особую зоркость Дува сохора.

С. 51. *Ноён* (в других переводах нойон) — князь, господин. В процессе классового расслоения монгольского общества XIII века во всех племенах выделился господствующий класс — ноёнство; ноёны подчиняли себе сначала большие группы людей своего племени, а затем и целиком какой-нибудь род, постепенно добиваясь власти над всем племенем.

С. 51. *…чьи земли лежат в дальней дали.* — Родственные племена бар-гуд, хорь тумэд проживали в Забайкалье по рекам Баргузин и Селенга.

…хорилары перекочевали в удел Шинчи баяна урианхайского… — Племя урианхайцев, по сведениям Рашид ад-Дина, было в числе племен, покинувших Эргунэ-кун и перебравшихся в местность Бурхан халдун.

И прозывалось с тех пор племя четырех братьев этих Дурвун… — сообщение Рашид ад-Дина о четырех сыновьях Тамача-хана, из родов которых образовалось племя «дурбан», и повествование автора «Сокровенного сказания монголов» о четырех сыновьях Дува сохора, племя которых прозывалось «дурвун», очевидно, два варианта одних и тех же событий. Племя Дурвун относится к монгольским племенам Дарлегин; во времена Чингисхана постоянно выступали против него в союзе с другими племенами.

Охотник-урианхаец отсек голову оленя и вместе с сердцем и легкими взял себе… — По древней традиции монголов, охотник не отдавал другим голову, сердце и легкие убитого им животного, дабы в будущем его не покинула охотничья удача.

С. 52. *Сам я из племени Малиг баягудай.* — Это племя во времена Чингисхана жило в долине реки Селенги и было его союзником в борьбе за объединение всех монгольских племен.

Бодончар мунхаг — родился около 970 года.

Но в доме нашем все же есть один чужой мужчина: слуга из племени Малиг баягудай. Должно быть, дети от него. — Рашид ад-Дин в «Сборнике летописей» сообщает: «Большинство племен баягуд (Малиг баягудай. — *А.М.*), которые являются рабами уруга (рода. — *А.М.*) Чингисхана, принадлежат к потомкам этого мальчика». В дополнение к этому Рашид ад-Дин свидетельствует: «В начальную пору молодости Чингисхана, когда у него началась война с племенем тайчуд и он собирал войско, большинство племен Баяут (Малиг баягудай. — *А.М.*) были с ним союзниками. Из тринадцати куреней его войска один курень составляли они, он повелел тому племени именоваться утэку» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. С. 176). Под «утеку» (монг. «утуг» — старейший) в данном контексте понимаются исконные, наследственные вассалы, потомственно служившие Чингисхану и его роду. Думается, таким образом еще раз недвусмысленно развеивались все сомнения о роли слуги из племени баягудай в истории рождения трех внебрачных детей Алан гоо, а значит, и в генеалогии «золотого рода» Чингисхана.

…к нам в юрту каждой ночью чрез орхо посланец Неба нисходил… — Согласно верованиям древних монголов, Небо, верховное божество, иногда посылает на землю избранного, которому назначено быть вершителем великих дел; такой посланец входит в бытие сверхъестественным образом, примером чему является предание о рождении трех сыновей Алан гоо. Подобные предания имели целью возвысить в глазах народа известные владетельные роды.

Орхо — фартук, прикрывающий тоно, дымовое отверстие в крыше монгольской юрты.

С. 53. *…Балжийн Арал…* — Эта местность находится на северо-востоке Монголии, на территории нынешнего Дадал сомона Хэнтэйского аймака между рек Балж и Тэнгэлэг.

С. 54. *Дэл* — национальная верхняя одежда монголов, халат на подкладке.

С. 55. *Все они принадлежали к роду Жадаран.* — У Рашид ад-Дина это племя называется джуръят или джаджират; в отличие от автора «Сокровенного сказания монголов», который однозначно говорит, что Жамуха (во времена Чингисхана сначала его побратим, а затем один из главных соперников в борьбе за власть) происходит от приемного сына Бодончара и, значит, не относится к «золотому роду», Рашид ад-Дин сообщает, что

родоначальником племени джуръят, к которому принадлежал Жамуха, был седьмой сын Тумбинэ-хана, Удур-Баян, что, наоборот, свидетельствует о близком родстве Чингисхана и Жамухи. Китайский монголовед Сайшал в комментируемом отрывке «Сокровенного сказания монголов» совершенно справедливо обратил внимание на то, что Жамуха появился на свет в шестом поколении после Бодончара. Чингисхан же, как явствует из того же «Сокровенного сказания монголов», потомок Бодончара в одиннадцатом поколении. Поскольку Жамуха и Чингисхан — люди одного поколения, очевидно, что в «Сокровенном сказании монголов» пропущены несколько поколений в родословной Жамухи (Сайшал. История Чингисхана (на монг. яз.). Улан-Батор, 2004. С. 145).

…род Боржигин. — Родоначальником рода был Бодончар (правил соплеменниками в конце X века), по преданию, появившийся на свет по благоволению Неба, что должно было свидетельствовать о его особом предназначении; к этому роду принадлежал Чингисхан. Как пишет Рашид ад-Дин: «Значение боржигин есть сероглазый. Как ни странно, потомки, которые произошли от Есухэй-батора, от его детей и рода его до сего времени, большею частью были сероглазые и желто-цветной наружности. Это объясняется тем, что в то время, когда Алан гоо забеременела, она говорила: «Свет, наподобие человека сероглазого и желто-цветной наружности, нисходит ко мне ночью и [затем] уходит». Монгольский исследователь Д. Гонгор отмечал, что «при Бодончаре и его потомках продолжался процесс обособления новых родов и племен. Так, по сведениям «Сокровенного сказания монголов», в этот период времени отложились 16 родов, ведущие свое начало от Бодончара. Наряду с процессом образования новых родов, племен и родо-племенных объединений, наметилась тенденция к объединению разрозненных монгольских племен, которая заметно усилилась, начиная с X века» (Гонгор Д., Предки халха-монголов и халхасское ханство» (на монг. яз.). Улан-Батор, 1970. С. 70).

С. 56. *…Хабичи по прозвищу толстоногий.* — По свидетельству автора «Сокровенного сказания монголов», полное имя этого сына Бодончара было Барим шийрт Хабичи или Хабичи-батор. Монгольский ученый Х. Пэрлээ определил дату рождения Хабичи-батора — 984 год. По мнению китайского монголоведа Сайшала, начиная с Хабичи-батора представители рода боржигин потомственно становились вождями образовавшегося монгольского улуса.

После смерти Бодончара сына оного Жэгурэдэя обвинили в том, что мать прижила его от одного из мужей рода аданхан

урианхайцев, и прогнали. — Этот эпизод связан с родовым культом древних монголов: в жертвоприношениях участвовали только члены данного рода; недопущение же к участию в жертвоприношениях было равносильно изгнанию из рода.

У Хачи хулуга и жены его Номулун родился сын Хайду. — Согласно «Сокровенному сказанию монголов», Хайду (по Х. Пэрлээ, родился в 1035 году) — сын старшего сына Мэнэн тудуна, Хачи хулуга, и жены его Номулун. Судя по свидетельству «Юань ши», Хачи хулу г в числе шести сыновей Мэнэн тудуна был убит жалайрами; седьмой сын Мэнэн тудуна, Начин-батор, спас Хайду, своего племянника, и впоследствии возвел на ханский престол. Речь идет о провозглашении Хайду вождем «Монгольского улуса»; Хайду был представителем старшего рода, поэтому, когда он подрос, его дядя Начин-батор признал именно его вождем «Монгольского улуса», сам же возглавил войско улуса.

Роды Ургуд и Мангуд находились в кровном родстве с родом Боржигин.

…*Тумбинай сэцэна, что значит Тумбинай мудрый.* — Родился в 1069 году.

…*Сэнгум билгэ, от которого пошел род Амбагайтан Тайчуд.* — Пожалуй, точнее это словосочетание следовало бы перевести как «Амбагай и все тайчуды»; летописец сделал имя Амбагая фактически нарицательным, потому что Амбагай впоследствии прославился, став не только вождем тайчудов, но и, главное, ханом улуса «Все Монголы».

С. 57. *Хабул-хан* — по сведениям монгольского летописца XVIII века Мэргэн-гэгэна, родился в 1094 году; по другим источникам, родился в 1101, умер в 1148 (по некоторым источникам, в 1137) году.

Бэхи — потомок старшего в роде, высший жрец, шаман.

Тайши — титул военачальника в улусе «Все Монголы»

Есухэй-батор — отец Тэмужина (Чингисхана), наиболее влиятельный среди преемников Хабул-хана; в его подчинении находилось самое крупное племя улуса Хамаг Монгол (Все Монголы) — тайчуды; Есухэй-батор был отравлен татарами в 1170 г., после чего этот улус распался.

…*дархадскими ноёнами.* — В XIII в. в среде господствующего класса Монголии существовала «прослойка» дархадских ноёнов. Чингисхан жаловал в дархады особо преданных ему сподвижников. Дархады состояли у него на военной службе и имели право брать себе добычу, захваченную ими в походах, выбирать себе жен среди покоренных племен, собирать под свое водительство сродников (быть тысяцкими), наследственно владеть уделами.

Хамаг Монгол («Все Монголы) — начальное государственное объединение ряда племенных союзов в бассейне рек Онон и Керулен в XII в. Тэмужин (Чингисхан) был внуком первого хана улуса Хамаг Монгол — Хабул-хана. Исследователи связывают появление этнонима «монгол» с племенами «ши-вэй». В частности, Н. Ц. Мункуев отмечал, что название «монгол» впервые в китайских источниках встречается в «Цзю Тан шу» («Старая история [династии] Тан», составлена в 945 г.) в форме «мэн-у ши-вэй» («монголы-шивэйцы»). В «Синь Тан шу» «Новая история [династии] Тан», составлена в 1045–1060 гг.) этот этноним передан через «мэн-ва бу» («племя мэн-ва»). Местом первоначального расселения «мэн-у ши-вэй», как считают ученые, была территория между реками Аргунь и Онон, откуда в VIII веке их значительная часть перекочевала в район Трехречья (реки Онон, Керулен и Туул). В киданьских и китайских источниках XII века эти племена назывались по-разному: мэнг-ку, мэнгули, мангуцзы, мэнгу го. Однако все эти названия, по существу, суть различные транскрипции этнонима «монгол», издревле использовавшегося самими монголами, а впоследствии давшего название улусу монгольских племен. По мнению Б. Я. Владимирцова, «в XII веке аристократический род Хабул-хана носил имя боржигин и принял название монгол после того, как подчинил себе и объединил несколько соседних родов и племен, образовав (в 1130 году. — *А.М.*), таким образом, единое политическое целое, один род — улус; этому-то улусу и было дано имя монгол («Хамаг Монгол». — *А.М.*) в память славного имени какого-то древнего и могучего народа илй рода. Хотя из сообщения «Сокровенного сказания монголов» можно понять, что Хабул-хан повелевал всеми монголами, однако на самом деле в начале XII века Хабул-хан впервые объединил только племена нирун-монголов (по «Сокровенному сказанию монголов», таких племен было 27), главенствующее положение среди которых занимали хиад-боржигины и тайчуды; вожди именно этих двух племен в разные годы в зависимости от внутриполитических факторов и внешней обстановки становились ханами этого улуса.

Как явствует из древних источников, Хабул-хан предпринимал усилия не только к объединению коренных монгольских племен, но и к установлению союзнических отношений с ближайшими соседями — ханствами мэргэдов и хэрэйдов. Также им предпринимались шаги к установлению равноправных отношений и цзиньским Алтан-ханом, от которого исходила главная внешняя угроза существованию улуса «Все Монголы». И поначалу казалось, что возросший авторитет Хабул-хана и политическое влияние его улуса позволят ему добиться

желаемого. Об этом свидетельствует сообщаемый Рашид ад-Дином факт приглашения Хабул-хана Алтан-ханом чжурчжэньской династии Цзинь к себе, дабы «между обеими сторонами была проторена широкая дорога единения и дружбы». Это событие, очевидно, произошло в 1133–1135 годах, так как после смерти Алтан-хана Укимая (Баян Ужимэй) в правящей верхушке чжурчжэней окончательно возобладала позиция сторонников силового воздействия на монголов с целью их порабощения. Эта политика нового Алтан-ха-на вылилась как в прямые вторжения цзиньской армии на территорию улуса «Все Монголы», так и в натравливании татарских племен, живших на востоке современной Монголии, на их соседей, монгольские племена. В частности, в конце 1138 года значительные силы чжурчжэней во главе с военачальником Хушаху вторглись на территорию улуса «Все Монголы». Но уже весной следующего, 1139 года, будучи разбиты монголами в местности Ханлин, были вынуждены уйти восвояси. Затем в 1140 году тот же военачальник снова вторгся со своими войсками в Монголию, но, как и в первый раз, получил достойный отпор и ретировался. Вскоре уже Другой военачальник чжурчжэней — Ушу двинул на монголов значительные силы. Примечательно, что этот военачальник с юных лет специально готовился к военным действиям против монголов: стал прекрасным наездником и метким стрелком из лука. Монголы позволили войскам Ушу углубиться в свою территорию, а там, нанеся ему встречный удар, принудили сдаться. Это поражение войск Ушу стало сильным потрясением для чжурчжэней, и в 1147 году Алтан-хан был вынужден направить в Монголию начальника канцелярии крепости Бяньцзин Сяо Бошоно, приказав ему заключить с ханом улуса «Все Монголы» мирный договор. В соответствии с этим приказом Сяо Бошоно встретился с вождями улуса «Все Монголы» и договорился о том, что монголам передавались 27 крепостей, располагавшихся севернее реки Сандин, а также гарантировались ежегодные поставки в Монголию в виде даров тележных волов, овец, зерна, гороха и других продуктов.

При преемниках Хабул-хана, Амбагай-хане и Хутуле-хане, чжурчжэни, поправ мирный договор, не раз вторгались в Монголию, что побуждало монголов отвечать тем же.

Обострение внешнеполитической обстановки вокруг улуса «Все Монголы» было обусловлено как военной и экономической политикой чжурчжэней и их союзников, татар, так и недальновидными действиями самого Хабул-хана и его окружения. Об этом красноречиво свидетельствуют персидские и китайские источники, повествуя о вызывающем поведении Хабул-

хана на приеме у Алтан-хана, что впоследствии привело к убийству послов последнего, а также о бессмысленном убийстве татарского шамана, повлекшем за собой многолетнюю вражду и обоюдную месть.

С. 57. *И хотя имел Хабул-хан семерых сыновей, он наказал возвести на престол после себя Амбагай-хана…* — С плохо скрываемым упреком в адрес Хабул-хана автор «Сокровенного сказания монголов» пишет о том, что, имея семерых сыновей, Хабул-хан наказал возвести на престол после себя племянника, Амбагая, который возглавлял в то время племя тайчудов, входившее в улус «Все Монголы». Это, очевидно, на какое-то время ослабило позициии боржигинов и, наоборот, укрепило позиции тайчудов в этом улусе. Доподлинно неизвестны мотивы решения Хабул-хана о передаче власти предводителю тайчудов. Существует мнение, что Хабул-хан, заботясь о сохранении единства улуса, считал, что именно племя тайчудов, обладавшее в то время значительными людскими и военными ресурсами, сможет стать главной опорой и силой в противодействии внешней опасности. По другой версии, решение Хабул-хана было вызвано признанием собственной вины в ухудшении внешнего положения улуса «Все Монголы», а также пониманием того, что наследование его престола одним из его сыновей лишь усугубит враждебность Алтан-хана и его приспешников, татар, к монголам, усилит их лютую ненависть и жажду мести.

Амбагай-хан, как свидетельствуют источники, предпринял важные шаги по укреплению единства улуса, боеспособности его войска. Автор «Сборника летописей» Рашид ад-Дин сообщает, что при Амбагай-хане была введена должность главнокомандующего всеми монгольскими войсками — тайши. Им был назначен сын Амбагай-хана — Хадан-батор, которому подчинялись все войска, разделенные на три крыла. Также из этого источника мы узнаем о стремлении монголов заручиться поддержкой ранее им дружественных ханств мэргэдов и хэрэйдов. И, наконец, многие источники сообщают о том, что Амбагай-хан попытался путем сватовства восстановить нормальные отношения с татарами. Все эти попытки потерпели крах. И самому вождю тайчудов не суждено было долгое время оставаться во главе улуса «Все Монголы». Как пишет Рашид ад-Дин, татары, затаившие вражду и неприязнь к монголам, захватили Амбагая и передали Алтан-хану, чем обрекли его на мученическую смерть.

С. 57. *…татарские племена…* — Одним из могущественных монголоязычных племен конца XII века были татары (или «татары тридцати родов»), потомки тунгусских народов. Татары издревле кочевали в районе озер Хулун и Буйр (нынешний автономный

район Внутренняя Монголия КНР), а их главная ставка находилась вблизи озера Буйр.

В XII веке татары постоянно грабили и разоряли более слабые монгольские племена, пытались навязать им свое верховодство. После победы чжурчжэней над киданями и создания империи Цзинь Алтан-хана татары в 1127 году заключили союз с последними. После чего татары стали главной и надежной силой осуществления реакционной государственной политики Алтан-хана «достижения власти над чужеземцами руками самих чужеземцев». Татары продали интересы всех монгольских племен, превратились в подлых, ненавистных предателей, сдавшихся на милость своих чжурчжэньских господ.

…Алтан-хану хятаскому… — Имеется в виду император чжурчжэньской империи Цзинь, существовавшей на северо-востоке Китая; чжур-чжэни (они же цзиньцы) — народность, говорившая на языке, близком к маньчжурскому, и обитавшая в северо-восточной Маньчжурии; первоначально чжурчжэни находились под властью киданей (династия Ляо), но в начале XII века они восстали и, нанеся киданям поражение, в 1115 году объявили о создании династии Цзинь, т. е. «Золотой династии» (по-монгольски Алтан-хан — Золотой хан). Рашид ад-Дин сообщает, что Алтан-хан «приказал прибить его (Амбагай-хана) железными гвоздями к «деревянному ослу», и он погиб». Это древний способ казни, во время которой обреченного клали лицом вверх на специальный плоский деревянный настил и, пригвоздив руками и ногами к нему, оставляли умирать в мучениях.

С. 58. *Племя Мэргэд* — принадлежало к числу крупных монгольских племен; обитало в верховьях реки Селенги; среди других монгольских племен выделялось своей воинственностью. Мэргэды имели сильное войско.

Если говорить о реальном местопребывании других важнейших монголоязычных племен, речь о которых пойдет ниже, то на востоке от боржигинов и тайчудов (далее будем именовать их «центрально-монгольские племена»), южнее правого берега реки Аргунь и озер Буйр и Хулун располагались татары и хонгирады; на юге от центрально-монгольских племен, севернее Великой Китайской стены, — онгуды; на юго-западе от центрально-монгольских племен, по течению рек Орхон и Туул — хэрэйды; за хэрэйдами, вдоль Алтайского хребта — найманы; на западе от центрально-монгольских племен, по течению реки Селенга — мэргэды; на северо-западе и севере от центрально-монгольских племен, западнее озера Байкал — ойрады; на севере и северо-востоке от центрально-монгольских племен — жалайры;

восточнее озера Байкал, в районе Баргузин Тухума — баргуды… В конце XII столетия эти племена, очевидно, в основном говорили на различных диалектах монгольского языка. Поэтому мы называем их монголоязычными племенами.

Огэлун ужин («ужин» *от кит.* фужэнь — «госпожа») — мать Тэмужина (Чингисхана), принадлежала к роду олхунуд.

С. 59. *Тем временем Хамаг Монгол и тайчуды собрались на берегу реки Онон в местности, именуемой долиной Хорхонаг, и, сговорившись, поставили над собой ханом Хутулу…* — Здесь описывается эпизод избрания хана улуса «Все Монголы»; специальное упоминание автором «Сокровенного сказания монголов» племени тайчуд свидетельствует о его особом, главенствующем положении среди прочих племен нирун монголов, входивших в состав улуса. И тем не менее Амбагай-хан назвал своим преемником Хутулу, сына Хабул-хана. Вторым человеком в улусе, его главным воеводой, как и наказывал Амбагай-хан, остался его сын Хадан тайши. Возвращение престола хана улуса «Все Монголы» хиад боржигинам было, очевидно, связано с ростом авторитета и влияния этого рода и самого Хутулы, а также с раздорами, борьбой за власть среди сыновей самого Амбагай-хана. Впоследствии тайчуды, самое крупное племя, входившее в улус Хамаг Монгол, долгое время подчинялось отцу Чингисхана Есухэй-батору, после смерти которого отделилось от его наследников и враждовало с ними. Тайчуды жили в долине реки Онон и верховьях Селенги.

С. 59. *…под священным раскидистым деревом Хорхонагским…* — Одним из объектов религиозного почитания монголов было приметное дерево в Хорхонагской долине на реке Онон; к этому дереву сходились представители всех родов и племен на совместные празднества, хуралданы (советы).

С. 60. *И воротился Есухэй-батор восвояси…* — Как свидетельствуют древние источники, в конце 50-х годов XII века улусу Хамаг Монгол («Все Монголы») было нанесено чувствительное поражение со стороны татарских племен и поддерживавших их цзиньцев, что привело к утрате единства в рядах монголов. В период наступившего было безвластия Есухэй-батору, будущему отцу Чингисхана, было суждено продолжить дело своих высокородных предков и встать во главе улуса «Все Монголы». Его путь на царствование в улусе (ориентировочно он возглавил улус в конце 50-х — начале 60-х годов XII века) был тернистым: сначала, как свидетельствует «Юань ши», он «слил воедино все обоки (роды. — *А.М.*), оставшиеся после отца», затем, как пишет Рашид ад-Дин, он стал «предводителем и главою племени нирун, старших и младших родственников и родичей

своих» и далее в сражениях с различными монгольскими племенами «часть из них подчинил себе». О его верховодстве в улусе «Все Монголы» говорит и сообщение «Сокровенного сказания монголов» об успешных сражениях возглавляемого им войска против татар. События же, случившиеся после его смерти и описанные в последующих главах «Сказания», не оставляют и тени сомнения в том, что вплоть до смерти Есухэй-батора (примерно в 1170 году) большинство монгольских племен «были ему послушны и подвластны».

…Огэлун ужин тем временем разрешилась Чингисом… — О дате рождения Тэмужина (Чингисхана) существуют различные точки зрения. Прежде всего нет единодушия в этом вопросе у авторов древних летописей, по свидетельствам которых современные ученые остановились на трех основных версиях: 1155, 1162 и 1167 гг. Чаще всего (и в первую очередь самими монголами) годом рождения Чингисхана называется год Черной лошади — 1162-й. В нашем повествовании именно этот год и будет являться точкой отсчета, определяющей дальнейшую датировку событий жизни Тэмужина-Чингисхана.

…в местности, называемой Дэлун болдог… — В настоящее время большинство монгольских ученых сходятся во мнении, что местность Дэлун болдог, о которой повествует «Сокровенное сказание монголов», ныне именуется Ламын ухаа (или Хурээ ухаа) и находится на территории нынешнего Биндэр сомона Хэнтэйского аймака на северо-востоке современной Монголии.

С. 60. *Альчик* — название косточки в бараньей ноге.

И нарекли ему имя Тэмужин… — Есухэй и Огэлун своему первенцу дали имя Тэмужин. По мнению Б. Я. Владимирцова, выбор отца определил древний тюркско-монгольский обычай «нарекать имена по наиболее бросающемуся в глаза явлению при рождении» ребенка (Владимирцов Б. Я., «Чингисхан», в указанной ранее книге. С. 148). А этим событием были победа над татарами и пленение их воевод, а также то обстоятельство, что будущий властитель мира родился, сжимая в руке сгусток крови. Поэтому родители, дабы «запечатлеть его воинственность и славу», и нарекли его Тэмужином.

Наверняка родители, давая сыну это имя, вкладывали в него и более глубокий смысл. Как считают некоторые исследователи этимологии этого имени, оно происходит от тюркско-монгольского корня «темур» (железо), а это роднит его со словом «кузнец», что в переносном смысле может означать «человек железной воли» (Груссе Р. Чингисхан. Покоритель вселенной. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 34). А вот американский ученый Джек Уэзенфорд, подметив, что имена трех детей Есухэй-батора и

Огэлун являются однокоренными (это до сих пор в традиции монголов), утверждает, что все эти три имени (Тэмужин, Тэмугэ и Тэмулун) производны от корня «тэмул» (Уэзнфорд Дж. Чингисхан и рождение современного мира. М.: АСТ, 2005. С. 70), в современном монгольском языке означающего «рваться, устремляться, стремиться вперед, вырываться». Что ж, с фонетической точки зрения оба толкования могут быть признаны справедливыми. И тогда факторов, побудивших Есухэй-батора назвать первенца именем Тэмужин, становится сразу несколько, и тем весомее и значительней был смысл, который, вероятно, вкладывал отец, нарекая своего сына, впоследствии выковавшего в себе железную волю и устремившегося вперед, к достижению своих замыслов.

С. 61. … *От Огэлун ужин родилось у Есухэй-батора четверо сыновей — Тэмужин, Хасар, Хачигун и Тэмугэ.* — Хасар (или Жочи Хасар) родился, судя по свидетельству «Сокровенного сказания монголов», в 1164 году; в зрелые годы он в основном «находился в союзе и был единодушным» с Чингисханом; в периоды охлаждения отношений между братьями, которое изредка случалось, восстановить братский союз помогали их мать, Огэлун, а также ближайшие родичи и сподвижники;

Хачигун родился в 1166 году; по свидетельству Рашид ад-Дина, Хачигун «пользовался большим значением, Угэдэй, Мунх-хан и Хубилай-хан (преемники Чингисхана. — А.М.) всегда им дорожили… и советовались в важных делах»; Тэмугэ отчигин родился в 1167 году; по свидетельству Рашид ад-Дина, Тэмугэ отчигин верой и правдой служил Чингисхану и его преемникам.

С. 61. …*сватать сыну невесту.* — Как отмечал известный русский монголовед Б. Я. Владимирцов: «Основным элементом древнемонгольского общества (XI–XII вв.) был род (obog-obox), т. е. «своеобразный союз кровных родственников». Древний монгольский род был экзогамным, почему члены одного и того же рода не могли вступать в брак с девушками того же рода, а должны были жениться обязательно на женщинах из других, не родственных родов…

Монгольский род был агнатным, т. е. члены каждого рода вели свое происхождение от одного общего предка (ebuge). Но так как роды росли и разветвлялись, то оказалось, что ряд родов (obox) вел свое происхождение от одного и того же ebuge — предка… Брак между членами таких родов не допускался тоже, так как все они считались кровными, агнатными, сказали бы мы, родственниками, принадлежащими к одной кости (yasun)… Поэтому… все роды-oboх, которые считали своим предком Bodoncar'a (Бодончара. — *А.М.*), признавались кровными родственниками, принадлежащими к одной кости (yasun), и должны были брать в жены девушек из родов другой кости» (Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. — В кн.: Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 341–343).

На полпути между урочищами Цэгирр и Чихургу повстречали они Дэй сэцэна из племени Хонгирад. — Будущие родственники повстречались в местности, которая находится в устье реки Керулен; по мнению ученых-монголоведов, различные ветви и роды племени Хонгирад кочевали между реками Аргунь на севере

и Халхин-Гол на юге, в районе озера Хулун-нур современного автономного округа Китая Внутренняя Монголия. По свидетельству «Юань ши», Дэй сэцэн был «начальником и предводителем воинской части хонгирадов»; по поводу его титула «сэцэн» этот источник поясняет, что получил его Дэй «за военные заслуги и доблесть». «Юань ши» также сообщает, что у Дэй сэцэна было три сына: Алчи-ноён, Ахудай и Чэ. В дальнейшем все они поддержали борьбу Чингисхана за объединение всех монгольских племен. Алчи-нойон в 1206 году стал одним из тысяцких Чингисхана, в подчинении которого, по свидетельству «Сокровенного сказания монголов», было три тысячи хонгирадов.

С. 62. *Хиад* — одна из главных коренных монгольских родовых групп, давшая начало родо-племенному союзу Хиад-Боржигин, представители которого сыграли главную роль в образовании единого централизованного Монгольского государства и возглавили его.

С. 63. *Бортэ* — первая из четырех главных, законных жен Чингисхана.

Хотя и говорят в народе так… — По-видимому, это было связано с традиционным ритуалом сватовства у монголов, в соответствии с которым согласие отца выдать свою дочь замуж не могло быть получено по первой же просьбе свата; традиционно сватам приходилось «долго уговаривать» родителей невесты, после чего те соглашались.

А сына оставляй у нас. Отныне он наш зять. — По установившейся в то время традиции, после сватовства зять оставался в семье будущей жены, чтобы показать свою состоятельность как работника.

…не допусти, чтоб псы его пугали. — Если учесть злобное отношение хозяйских псов к чужакам, появляющимся в стойбище, просьба Есухэй-батора по-житейски вполне понятна и отнюдь не характеризует негативно будущего Властелина мира; кроме того, Есухэй-батор мог предчувствовать те нелегкие испытания, которые вскоре обрушились на его семью и его малолетнего сына, и поэтому его предостережение было не чем иным, как просьбой к Дэй сэцэну не оставить их без внимания и поддержки.

С. 64. *Отец Мунлиг…* — Племя Хонхотан, к которому относился старик Чарахи и его сын Мунлиг, одна из трех ветвей (хонхотан, арулад, уряут-хилингуд) племени уряут (уриагуд (?). — *А.М.*), входило в состав улуса «Все Монголы». Есухэй-батор, находясь на смертном одре, завещал Мунлигу позаботиться о своей семье; очевидно, Мунлиг выполнил завещание Есухэй-батора, привез домой его старшего сына, Тэмужина, и какое-то время вместе со своим отцом, стариком Чарахи, пытался

сохранить собранный Есухэй-батором улус, но, когда это сделать не удалось, Мунлиг также покинул семью Есухэй-батора. Несмотря на это, как свидетельствует Рашид ад-Дин, этот Мунлиг «всегда при тяжелых и благоприятных, при страшных и обнадеживающих обстоятельствах был заодно с Чингисханом» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: Ладомир. Т. 1, кн. 1. С. 167). Очевидно, здесь идет речь и о заслугах Мунлига перед Чингисханом в последующие годы, поэтому благодарный Тэмужин (Чингисхан) величал его не иначе, как Мунлиг-эцэг, отец Мунлиг, а летописцы засвидетельствовали этот факт в своих хрониках.

С. 64. *В тот год весной…* — Очевидно, эти события относятся к 1171 году.

С. 66. *…Таргудай шрилтуг и Тудугэн гиртэ, предводители тайчудов…* — Тайчуды произошли от Чарахай линху, сына Хайду-хана; таким образом, род Чингисхана, хиад-боржигин, и тайчуды были кровными сородичами. Китайский ученый Сайшал утверждает, что Тудугэн гиртэ, как и Таргудай хирилтуг, оба были сыновьями Амбагай-хана, некоторое время возглавлявшего улус Хамаг Монгол («Все монголы»).

С. 65. *…Огэлун ужин сама поскакала вослед ушедшим, и держала она в руке знамя святое.* — Вождь племени имел свое духовное знамя, в которое, как считали монголы, после его смерти вселялась его душа; она становилась гением-хранителем всего племени; монгольское знамя того времени — это древко, верхушка которого обрамлена закрепленными на ней особым способом конскими хвостами.

С. 66. *Так братья-тайчуды покинули вдовицу Огэлун ужин и сыновей ее малолетних и отошли от родных пределов.* — Авторы «Сокровенного сказания монголов» подробно описали отчаянные, но безуспешные попытки вдовы Есухэй-батора, Огэлун, и горстки людей из свиты ее мужа возвратить непокорных под свое знамя. Вслед за тайчудами ушло большинство не только дальних, но и близких сородичей Есухэй-батора, которые, по образному выражению Рашид ад-Дина, оказались «скорпионами», которые «по причине злобы и ненависти, порожденных и внедренных в [самой] их природе, завидовали [Есухэй-батору], а так как они не имели достаточной силы и мощи для сопротивления, то до конца его жизни сеяли в сердце (своем) семена мести и вражды». Даже при таком отношении к предводителю улуса тайчуды и другие соплеменники были вынуждены повиноваться ему; без его, прежде всего, таланта воина, непоколебимой воли и стремления к объединению всех монгольских родов и племен им ни за что бы не удалось сдержать натиск ворогов-татар и цзиньцев. Но после

его смерти они не признали наследственное право Огэлун и ее старшего сына Тэмужина стать преемниками его великого дела и просто-напросто бросили их на произвол судьбы. С тем, что предводительство в улусе и ратные подвиги — это не женское дело, и тем более не под силу неопытному юнцу, — еще можно было бы согласиться или понять. Но их демонстративный исход был постыдным предательством, которое, как свидетельствуют древние источники, ни Огэлун, ни воспитанный ею Тэмужин всем им никогда не простили. Следует отметить, что не все роды и племена, входившие в улус «Все Монголы», последовали за тайчудами. Родовая монгольская знать вместе со своими подданными-сородичами, а также недавние подданные отца Тэмужина примкнули к предводителю племени жадаран Жамухе сэцэну, тем самым в тот момент отдавая ему предпочтение среди прочих возможных претендентов на ханский престол предводителя улуса «Все Монголы».

С. 67. *И вот однажды Тэмужин, Хасар, Бэгтэр и Бэлгудэй…* — По свидетельству древних источников, от второй жены по имени Сочигэл Есухэй-батор имел двух сыновей — Бэгтэра и Бэлгудэя; описываемые события относятся к 1173 году.

С. 68. *И тогда Тэмужин и Хасар пустили в него свои стрелы, один спереди, другой сзади, и убили его.* — Юный Тэмужин был крайне нетерпим к любым проявлениям несправедливости в отношении себя и близких ему людей. Кроме того, в те годы (а Тэмужину было тогда лет 12) «проявилась у него уже та черта характера, которая потом развилась вполне, — властность. Не терпел он также, чтобы лишали его чего-нибудь, что он считал принадлежащим ему по праву. Вот эти-то стороны его натуры и толкнули его на братоубийство». Поэтому неудивительно, что заурядный на первый взгляд конфликт между ним и сводным братом Бэгтэром, ярко описанный автором «Сокровенного сказания монголов», вылился в братоубийство. Возможно, у Тэмужина были и другие веские причины, толкнувшие его на этот поступок. Так, по очень правдоподобной версии Л. Н. Гумилева, Бэгтэр, поощряемый тайчудами в соперничестве с Тэмужином, доносил своим покровителям о настроениях в семье Огэлун, обо всем, что там делалось и говорилось. Вороги-тайчуды не могли не понимать, в каком духе воспитывает Огэлун своих детей, и в первую очередь Тэмужина. Поэтому, узнав об убийстве их соглядатая, они еще раз убедились, с кем они имеют дело в лице подрастающего Тэмужина. Об этом свидетельствуют слова одного из их предводителей, Таргудай хирилтуга, которого цитирует автор «Сокровенного сказания монголов»: «Полиняла у ягненка шерсть, знать, подрос ягненок-одногодка!»

Мангас — древнейший персонаж монгольского фольклора, многоголовое кровожадное чудовище.

С. 69. *«Выдайте нам старшего брата вашего, Тэмужина».* — Нападение тайчудов на стойбище Огэлун, пленение Тэмужина и «учиненная над ним расправа», о которых подробно повествует «Сокровенное сказание монголов», явились попыткой тайчудов сломить и подчинить Тэмужина своей воле. Почти через тридцать лет, вспоминая о событиях того времени, Таргудай хирилтуг подтвердил сам факт своих попыток «приручить» Тэмужина: «Мне Тэмужин не причинит вреда. Его, покинутого всеми сироту, призрел я; на лике — свет, в его очах — огонь узрев, уверовал в его звезду, как необъезженного жеребенка обучал. Ничего не стоило сгубить его тогда, я ж милостиво пестовал его». Это «пестование» отрока Тэмужина в ставке тайчудов, очевидно, длилось не один год. Автор «Сокровенного сказания монголов» вложил в уста одного из спасителей Тэмужина из плена Сорхан шара слова, которые однозначно характеризуют и «ягненка-одногодку» Тэмужина, и отношение к нему ворогов-тайчудов: «В глазах твоих огонь, ты ликом светел и мудр не по годам. Вот почему тайчуды так тебя не любят… Так жаждут твоей крови, аж наточили зубы».

С. 70. *Сорхон шар из племени Сулдус набрел на то место, где в заводи лежал Тэмужин.* — Племя сулдус относится к дарлегин-монголам; как гласит легенда, название этому племени дало степное растение, ковром покрывающее местность, где кочевали сулдусы; во время пленения Тэмужина тайчудами Сорхон шар находился в услужении их старейшины — Тудугэн гиртэ; Сорхон шар окончательно перешел на сторону Чингисхана в 1202 году, когда Чингисхан разгромил тайчудов и остатки этого народа присоединил к своему улусу. В дальнейшем Сорхон шар верой и правдой служил Чингисхану и делу создания единого монгольского государства, за что удостоился должности министра-советника (всего при Чингисхане их было девять), был провозглашен тысяцким ноёном и вместе с сыновьями получил многие привилегии. Обращаясь на Великом хуралтае 1206 года к Сорхон шару и его сыновьям, Чингисхан повелел: «Да будет вам даровано дархадство, наследственно владейте землями мэргэдов, что на Селенге, свободно промышляйте там охотой, сходитесь на пирах, архи хмельною наполняя чаши! Да не заслужат порицанья любые ваши девять прегрешений!» Сам Чингисхан следующим образом определил права сподвижников, в том числе и Сорхон шара, которым было даровано дархадство:

Когда, на врагов своих нападая,

Пожитки и юрты у них отобьете —
Делиться не надо вам — все заберете!
Когда завладеете вы добычей,
Проворство явив на облавной охоте, —
Делиться не будете — всю заберете!.

(Сокровенное сказание монголов, Донецк, Сталкер, 2001. С. 184).

С. 71. *«…В глазах твоих огонь, ты ликом светел и мудр не по годам…»* — Людей всегда интересовал и по-прежнему интересует вопрос о внешнем облике Чингисхана, каким он был от рождения. Одним из немногих сообщений наших источников по этому вопросу мы находим в «Сокровенном сказании монголов», когда будущий тесть Чингисхана, Дэй сэцэн, впервые увидев его еще ребенком, сказал: «У отрока в глазах огонь, и ликом светел он». Впоследствии эта характеристика в разных вариантах неоднократно повторяется в «Сокровенном сказании монголов».

Посол династии Южных Сунов Чжао Хун в своем «Полном описании монголо-татар» со слов своих информаторов пишет, что «Тэмужин высокого и величественного роста, с обширным лбом и длинной бородой. Личность воинственная и сильная. [Это] то, чем [он] отличается от других» (Мэн да бэй-лу (Полное описание монголо-татар). М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1975. С. 48).

Другие косвенные свидетельства о личности и внешности Чингисхана мы находим у прославленного европейца-путешественника Марко Поло, прибывшего ко двору Хубилай-хана более чем через сорок лет после смерти Чингисхана. Марко Поло охарактеризовал Чингисхана как «человека храброго, умного и удалого», а также сообщил, что слышал, будто Хубилай-хан внешне похож на своего прославленного предка. Марко Поло, проведший семнадцать лет при дворе Хубилай-хана, основываясь на своих наблюдениях, так описал внешний облик Хубилай-хана: «Великий государь царей Хубилай-хан с виду вот какой: роста хорошего, не мал и не велик, среднего роста; толст в меру и сложен хорошо; лицом бел и, как роза, румян; глаза черные, славные, и нос хорош, как следует» (Книга Марко Поло. М.: Мысль, 1997. С. 249). Марко Поло описал Хубилай-хана таким, каким он видел его собственными глазами. Также несомненно, что его информация о похожести Чингисхана и Хубилай-хана почерпнута им от людей, которые были современниками Чингисхана или жили в не столь отдаленное от его периода жизни время. То, как в нескольких словах охарактеризовал

Чингисхана Дэй сэцэн, свидетельствует о том, что описание, сделанное Марко Поло с натуры, весьма близко к реальному внешнему облику Чингисхана.

«Основываясь на прямых и косвенных свидетельствах наших источников, внешний облик Чингисхана в молодости в общем представляется следующим: высокий, гладкий лоб, красивое, крупного овала (квадрата) белое с румянцем лицо, густые черные брови, довольно высокий, ровный нос, черные со светло-коричневым оттенком и огненным блеском глаза, широкие, плоские уши; телосложения крепкого, плечистый с сильными руками, осанка величественная, присущая могущественным вождям» (Сайшал. История Чингисхана (на монг. яз.) Улан-Батор. 2004. Т. 1. С. 76–78).

С. 71. *…Чулун и брат его Чимбай…* — Оба брата самоотверженно служили Чингисхану.

С. 72. *И поручили его заботам младшей сестры своей по имени Хадан…* — В 1202 году, после разгрома тайчудов и смерти во время решающего сражения мужа Хадан, Чингисхан, как пишет автор «Сокровенного сказания монголов», «призрел ее». Это дало основание некоторым исследователям считать, что Чингисхан сделал ее своей наложницей.

Айл — группа семей, связанная родственными узами; по мере разложения общинно-родового строя, классового расслоения проходил переход к айловой системе кочевого хозяйства; айл утверждается как основная хозяйственная единица.

Тарбаган — степной сурок.

С. 73. *И вот однажды на их стойбище налетели конокрады и на глазах у всех угнали восемь соловых коней…* — Это событие исследователи склонны относить к 1177 году.

С. 74. *Я верным нукером тебе отныне стану.* — Нукер — дружинник, сподвижник, военный слуга хана, нойона-господина; нукерство появилось в связи с тем, что вожди, дабы подчинить себе соплеменников и предохранить себя от набегов врагов, «организуют военных слуг-нукеров в постоянные военные отряды, в правильно устроенную охранную стражу и, наконец, как апогей, в «гвардию» (Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов», в кн. Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов, М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 391).

Отец мой прозывается Наху баяном; его единственный я сын, зовусь Борчу. — Племя арулад, представителями которого были Наху баян (Богач Наху) и его старший сын Борчу, относилось к нирун-монголам и прежде входило в состав улуса «Все Монголы»; родоначальником этого племени был третий сын Чаужин ортэгэя

по имени Арулад. Сам Чаужин ортэгэй был третьим сыном Хайду-хана, потомком которого в шестом поколении был Чингисхан; Борчу был одним из первых нукеров Чингисхана, сохранившим ему верность на всю жизнь и ставшим впоследствии его самым преданным соратником в борьбе за объединение всех монгольских племен.

…наехали на курень. — Курень (мот. хурээ — кольцеобразный) являлся основной формой кочевания в первобытной общине монголов; в один курень входило около тысячи кибиток-семей; кочуя с места на место, монголы обязательно располагались кольцом, в центре которого устанавливалась юрта вождя племени; в условиях формирования новых патриархально-феодальных отношений курень постепенно утрачивал свое хозяйственное значение, но сохранял оборонное (круговая форма обороны). Вот что по этому поводу писал русский монголовед Б. Я. Владимирцов:

«Наши источники позволяют различать два вида кочевья у монголов XI–XII вв. С одной стороны, жили и кочевали более или менее большими группами; с другой — наблюдается явление противоположное: отдельные семьи кочуют в одиночку, изолированно или небольшими объединениями… Кочевавшие обществом обычно передвигались одним табором и останавливались одним становищем. Стойбища такие иногда насчитывали несколько сотен юрт.

Стойбища, kuriyen-guriyen по-монгольски, образовывались из скопления айлов, по-монгольски ayil, т. е. кочевых стоянок или кочевых дворов, состоявших из отдельных юрт и телег-кибиток… Итак, монголы XI–XII вв. кочевали или айлами, или куренями. Если, с одной стороны, некоторым было удобнее кочевать изолированно, айлом, то, с другой стороны, при других обстоятельствах было страшно и опасно быть исключением из стойбища, куреня. В данном случае обнаруживается одно из важных противоречий кочевой жизни вообще.

Богатому скотом кочевнику, и особенно коневоду, неудобно кочевать в большом обществе, заботы о своих стадах и табунах заставляют его искать более привольного существования отдельным айлом… Но кочевание айлом, т. е. небольшой изолированной группой с большим количеством скота, возможно только при условии общей безопасности. Подобное положение делается невыносимым при наездах, грабежах, войнах. Приходилось поэтому искать выход: разбивали большие курени на малые, сами владельцы жили и кочевали куренями, а стада свои, главным образом табуны, держали айлами. Соединение куренного хозяйства с айльным представлялось, по-видимому,

монголу XI–XII вв. самым идеальным» (Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. — В кн.: Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 332).

С. 74. *Укрюк* — березовый шест с ременной петлей для ловли лошадей.

С. 76. *И вот поехал Тэмужин вместе с Бэлгудэем на реку Керулен, дабы разыскать суженую свою — Бортэ ужин.* — В хронике Саган сэцэна «Эр-дэнийн товч» сообщается, что Тэмужин отправился за своей невестой Бортэ в год Желтой собаки, т. е. в 1178 году, когда ему было семнадцать лет. Немецкий монголовед П. Рачневский в книге «Чингисхан: жизнь и наследие» пишет, что Тэмужин отправился за невестой, когда ему было пятнадцать лет, т. е. достигнув по тогдашним монгольским меркам совершеннолетия (цитируется по монгольскому изданию этой книги, вышедшей в 2006 году в Улан-Баторе, с. 21).

С. 76. *…Борчу стал верным нукером Тэмужина.* — Источники по истории монголов довольно часто упоминают о дружинниках, т. е. свободных лицах, служащих вождям и предводителям родов и племен, главным образом в качестве воинов… Древнемонгольские дружинники назывались nohod-nokud — «друзья», от единственного числа nohor-nokur — «друг». Таких nokud-нукеров мы встречаем и у древнемонгольских ханов, и у разных багатуров и других предводителей кланов, поколений и племен, причем отличительной особенностью является то, что нукеры служат вождю другого, хотя порой и родственного рода… Одним из отличий службы нукера было свободное принятие обязанностей по отношению к своему господину. В древнемонгольском обществе nokor не был подданным или наемником господина, поуап'а; он свободный воин, обязавшийся служить своему вождю, который становится для него «законным» господином. Чингисхан захотел взять себе в нукеры Борчу, с которым он незадолго перед тем познакомился. Борчу, ставший впоследствии одним из самых выдающихся сподвижников Чингисхана, принадлежал к аристократическому роду арулад и был сыном богатого человека. Когда за ним приехали от Чингиса с приглашением идти в «друзья» — nokor, он немедленно отправился к тому, не переговорив даже со своим отцом… Древнемонгольские нукеры прежде всего являются военными слугами вождей, nokod — военная дружина при ханах… Монгольский предводитель XI–XII вв. всегда, во всех случаях своей жизни неразлучен со своими нукерами, они всегда, в том или другом количестве, при нем; они составляют его свиту. Нукер в ставке своего предводителя оказывается прислужником, на

войне или во время набега он воин, во время облавных охот — он помощник; он заведует всегда чем-нибудь, наблюдает, он состоит в свите; он же является ближайшим другом и советником своего предводителя». (Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. — В кн. Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 382–389).

…отправился к хэрэйдского народа владыке Ван-хану. — Племя хэрэйдов, которое в конце XII века возглавил Ван-хан (Торил-хан), было известно издревле. Китайский историк Цю Шоу Сынь сообщает, что народ, именовавшийся в то время хэрэйдами, ранее входил в древнетатарское межплеменное объединение под названием «татары девяти родов». Исторические хроники свидетельствуют о тюркском происхождении хэ-рэидов, однако в конце XII века этот народ был монголоязычным.

В VII–IX веках хэрэйды кочевали западнее озера Байкал, в районе реки Хэм. В дальнейшем ушли на юг и в XII–XIII веках располагались между Хангайским и Хэнтийским хребтами, в долинах рек Орхон и Туул. На западе хэрэйды граничили с найманами, на севере, по реке Селенге — с мэргэдами, на юге — с онгудами. У хэрэйдов были тесные взаимоотношения с соседями. Прежде всего выделим их отношения с чжурчжэньской империей Цзинь, которой хэрэйды платили дань и поэтому могли рассчитывать на помощь и поддержку. Это не могло не способствовать повышению авторитета хэрэйдов и самого Торил-хана в глазах других монголоязычных племен. Прочные связи установились у хэрэйдов с уйгурами, наиболее культурным из тюркских племен того времени, и найманами. В среде хэрэйдской знати было распространено христианство несторианского толка. Легенду о восточном «пресвитере Иоанне», в которую европейцы того времени свято верили, многие ученые связывают именно с именем Торил-хана. В XII–XIII веках племя хэрэйдов представляло собой мощный родо-племенной союз. Последнее обстоятельство, а также побратимство отца Тэмужина, Есухэй-батора, и Торил-хана предопредилили обращение семнадцатилетнего Тэмужина к вождю хэрэйдов, Торил-хану, в котором он видел надежную опору на этом этапе своей жизни.

С. 76. *…предводитель племени Хэрэйд Ван-хан был андой-побратимом их отца, Есухэй-хана.* — Институт побратимства получил широкое распространение среди монгольских племен в период, предшествовавший образованию единого Монгольского государства. И Тэмужин очень успешно использовал эту традицию в своей борьбе против соперников за воссоздание улуса «Все Монголы». «Побратимство, которое прежде было выражением

дружественных отношений родовых вождей, в этот период времени приобрело характер военно-политического союза между предводителями племен и родо-племенных объединений. Клятва участников побратимства была своего рода устным договором двух сторон, которые тем самым брали на себя обязательства борьбы против врагов совместными силами, соблюдения равноправия и верности друг другу, разрешения всех споров и противоречий путем личных переговоров… Тэмужин для достижения своих целей прежде всего решил опираться на побратима своего отца, хэрэйдского Торил-хана. Также он восстановил отношения с предводителем племени жадаран Жамухой, с которым они еще в юности стали побратимами». (Жугдэр Ч. Политические взгляды и военное искусство Чингиса (на монг. яз.) Улан-Батор, 1990. С. 9–10).

С. 77. *Зэлмэ* — сын Жарчудая из племени Урианхай; это племя относилось к дарлегин-монголам, в XII веке это племя кочевало в горах Хэн-тэя, было в вассальной зависимости от рода боржигин. Жарчудай — подданный Есухэй-батора, мастер-кузнец, который сдержал слово, данное им при рождении Тэмужина: в 1178 году отдал своего сына Зэлмэ ему в нукеры. Впоследствии Зэлмэ стал верным соратником, одним из предводителей личной охраны Чингисхана, которому он был обязан жизнью.

…когда они кочевали в местности Бурги эрэг, что в верховьях Керулена… — события, связанные с пленением Бортэ мэргэдами, относятся к 1179 году.

С. 78. *Тэмужин с братьями и нукерами своими первыми вскочили на лошадей и двинулись в сторону Бурхан халдуна.* — Вот как объяснил поведение Тэмужина в этом происшествии американский исследователь Джек Уэзенфорд: «При первом же признаке нападения жертвы обычно пускались в бегство, бросая свои стада и имущество… Смерти в таких набегах случались довольно редко. Молодых девушек захватывали в качестве жен, а мальчиков — в качестве рабов. Пожилым женщинам и совсем маленьким детям в таких нападениях обычно ничего не угрожало. Мужчины, способные держать в руках оружие, как правило, спасались на самых быстрых и выносливых конях, потому что у них был наибольший шанс быть убитыми, а от них более всего зависело выживание всего рода… В отчаянном мире кочевников, где смерть всегда была где-то рядом, никто не мог позволить себе такую роскошь, как искусственный кодекс благородного поведения. По их вполне прагматическим соображениям, оставив этих троих женщин мэргэдам, они как минимум замедлили продвижение захватчиков настолько, чтобы остальные успели спастись». (Уэзерфорд Джек Чингисхан и рождение современного

мира. М.: АСТ, 2005. С. 73, 98). Есть и другая точка зрения: в то время Бортэ уже была беременна, поэтому для нее в таком положении было небезопасно скакать на лошади.

С. 79. *Те ратные люди, что ополчились на Тэмужина и на родичей его, были из трех родов мэргэдских…* — Автор «Сокровенного сказания монголов» назвал три важнейших из шести известных историй ветвей племени мэргэд (им не были названы маудан, тудаглин и жэгун мэргэды); некоторые исследователи считают мэргэдов народом тюркского происхождения, однако есть основания утверждать, что в XII веке мэргэды не только жили среди монголоязычных племен (южнее озера Байкал, в бассейне реки Селенги, западнее племени жалайр, а на севере граничили с «лесными народами»), но и сами уже были монголоязычными. Среди мэргэдекой знати было распространено христианство несторианского толка. Кроме них, несторианство было распространено и среди других монголоязычных народов: хэрэйдов, найманов и онгудов. Вождь удуйд мэргэдов Тогтога бэхи был старшим братом Их чилэду, у которого отец Тэмужина, Есухэй-батор, умыкнул невесту Огэлун. С этого происшествия мэргэды и хиад-боржигины стали заклятыми врагами, неизменно противоборствовавшими на протяжении последующих десятилетий.

С. 80. *И, вознеся с благоговением такую молитву…* — Автор «Сокровенного сказания монголов» повествует нам, с какой искренностью спасшийся от преследователей Тэмужин воздает хвалу предупредившей его семью об опасности служанке и, главное, духам-хранителям горы Бурхан халдун, укрывшим его от погони, клянется чтить священную гору из поколения в поколение. Тэмужин к тому времени свято уверовал в то, что «земная власть была неотделима от магической, поскольку и та и другая происходили от единого источника — Вечно Синего Неба. Для того, чтобы победить и возобладать над другими, человеку должна быть дарована сверхъестественная сила из мира духов. Чтобы его Духовное Знамя вело его к победе и власти, оно должно было предварительно быть заряжено магической силой. Трехдневные моления Тэмужина на Бурхан халдун стали началом глубокой и искренней связи между ним и этой горой, которая, как он сам верил, давала ему силу и предоставляла защиту» (Уэзерфорд Джек. Чингисхан и рождение современного мира. М.: АСТ, 2005, С. 100–101).

С. 81. *Тотчас же Жамуху ты извести…* — Из дальнейшего повествования «Сокровенного сказания монголов» становится ясным, почему Торил-хан привлек Жамуху к совместному походу на мэргэдов и фактически возложил на него руководство

немалым войском. Друг детства и побратим Тэмужина, Жамуха (1161–1205) в то время верховодил не только своим племенем жадаран и мог собрать десятитысячное войско; после смерти Есухэй-батора к нему примкнули и его авторитет признавали большинство (кроме тайчудов) бывших подданных Есухэй-батора. Поэтому-то он и пообещал Торил-хану и Тэмужину собрать из их числа второй десятитысячный корпус, и сдержал свое слово. Автор «Сокровенного сказания монголов» описывает Жамуху энергичным, решительным, воинственным предводителем, знающим слабые места ворогов-мэргэдов, месторасположение их стойбищ и ближайшие пути подхода к ним. И действительно, как свидетельствует «Сокровенное сказание монголов», молниеносный рейд союзников, монголов и хэрэйдов, застал мэргэдов врасплох; полного разгрома им удалось избежать, как ни странно, благодаря инициатору этого похода, Тэмужину, который, отыскав в стойбище мэргэдов свою жену Бортэ, посчитал, что цели их набега достигнуты: жена освобождена, и добыча захвачена немалая. В дальнейшем Жамуха оказал Тэмужину немалую помощь в собирании бывших подданных его отца, Есухэй-батора. Однако их союз не был долговечным: Жамуха, по всей видимости, сам претендовавший на власть над улусом Хамаг Монгол («Все Монголы»), отошел от Тэмужина и до самой смерти был в стане его врагов.

С. 81. *Тумэн* — единица военно-административного устройства, включавшая до десяти тысячи человек (воинов).

С. 82. *Долина Буур хэр* находится южнее современного российского, приграничного города Кяхта.

С. 83. *Я знамена окропил — жертву им я принес…* — В монологе Жамухи автор «Сокровенного сказания монголов» воссоздает ритуал выступления монгольских воинов на войну, описывает их вооружение и экипировку; особое значение в ритуале, предшествующем военному походу, придавалось обряду окропления боевого черного знамени — прибежища гения-покровителя этого племени; это знамя называлось всевидящим, т. к. считалось, что оно вобрало в себя тысячу черных очей, которые видят всех врагов рода-племени и несут этим врагам неминуемую погибель.

С. 85. *Хурал* — собрание, съезд.

…брат младший Жамуха… — Подобное обращение отнюдь не говорит о родстве разговаривающих, а лишь свидетельствует о желании одного собеседника показать свое старшинство над другим.

С. 88. *И с этими словами побрела она в рощу, и сколько ни искали ее, так и не смогли найти.* — Загадочное бегство матери

Бэлгудэя Л. Н. Гумилев объясняет следующим образом: «Вопрос о последней (матери Бэлгудэя. — *А.М.*) очень сложен. Будто бы она мотивировала свое бегство от любящего сына Бэлгудэя тем, что ей стыдно «смотреть в глаза детям», которые «поделались ханами», а она мается с простолюдином, который только месяц прожил с ней. Ой, врет баба! Ни Бэлгудэй не сделался ханом, ни она не успела бы привыкнуть к похитителю за столь краткий срок. А стыдно ей действительно было потому, что без помощи кого-то из боржигинов мэргэды не смогли бы найти их ставку. Но если Сочигэл приняла миссию своего старшего сына, Бэгтэра, то понятны и целенаправленный набег мэргэдов, и ее привязанность к новому мужу, и бегство в тайгу, потому что она боялась — не раскрыта ли ее предательская роль? Но честный и искренний Бэлгудэй не подозревал свою мать, поэтому он был в отчаянии, потеряв ее. Да, тяжела была доля Тэмужина, окруженного лжецами и предателями! И с каким достоинством он ее нес, не дав понять Бэлгудэю, которого он любил, чем занимались его брат и мать! Такая выдержка ради стремления к цели и есть характерная черта пассионарного человека». (Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ, 2000. С. 454).

С. 89. *Так, повоевав люд мэргэдский, учинив ему разор, возвратились они восвояси.* — Китайский монголовед Сайшал оценил первую победу Тэмужина следующим образом: «Сражение, в котором были разгромлены мэргэды, стало первым сражением, в котором Тэмужин смог сформировать и организовать свои боевые ряды. Это сражение имело важное, по сути, ключевое значение в великом деле объединения всей Монголии… В результате этой победы молва о Тэмужине разнеслась по степи, в первую очередь в среде бывших подданных его отца, Есухэй-батора, стремительнее смерча. Все, кто был свидетелем этой победы, дивились увиденному, все, кто слышал о ней — только об этом и говорили. Благодаря этому победоносному событию Тэмужин, во-первых, обрел сторонников как среди нарождающейся феодальной знати, так и в среде простолюдинов. И особенно много в его окружение влилось совсем еще молодых людей. Во-вторых, Тэмужин во время этого сражения впервые обрел опыт организации своего воинства, ведения сражения и, главное, руководства войсками. И, наконец, в результате разгрома мэргэдов он смог значительно укрепить свою военную силу и тыл». (Сайшал. История Чингисхана (на монг. яз.) Улан-Батор, 2004. С. 152).

Гутулы — высокие сапоги на войлочной подошве, часто с загнутыми вверх мысами.

И взяли ратники отрока этого с собой и отдали его на

воспитание матушке Огэлун. — Автор «Сокровенного сказания монголов» здесь, а также неоднократно в дальнейшем, рассказывает о фактах усыновления матерью Чингисхана, Огэлун, малолетних детей различных родов. Впоследствии эти приемные братья Чингисхана вырастут и станут его самыми верными сподвижниками. Как пишет Б. Я. Владимирцов: «…приемные дети не всегда входили в род своих приемных родителей и приемных братьев, а продолжали считаться принадлежащими к тому роду, из становища которого они были взяты. Тем не менее они пользовались имущественными правами наравне с приемными братьями своими, природными детьми своих родителей; хотя, быть может, получали меньшую долю. Главное, они получали убежище и защиту дома, а следовательно, и рода, их принявшего» (Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. — В кн.: Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 357).

Алангир — особый вид лука, боевое оружие древних монголов.

С. 91. *И прожили Тэмужин и Жамуха бок о бок в дружбе и согласии год и половину другого…* — Китайский монголовед Сайшал описывает этот период жизни Тэмужина следующим образом: «Полтора года, которые побратимы прожили в Хорхонаг жубуре, вместили в себя достаточно противоречивые события. Воистину это было время, когда новый друг познал своего врага. Поначалу же, когда Тэмужин последовал за Жаму-хой, пришел и сел вместе с ним в Хорхонагской долине, когда Тэмужин пожаловал Жамухе дары и еще больше с ним сдружился, налицо было искреннее желание и стремление Тэмужина привлечь Жамуху к себе, стать с ним вечными побратимами, соединить их силы воедино для разгрома заклятых врагов. Поэтому, даже когда Жамуха от него отделился, Тэмужин по-прежнему питал эту свою надежду. С другой стороны, во время недавних совместных военных действий Тэмужин узнал, что в рядах воинов — подданных Жамухи очень много бывших вассалов его отца, Есухэй-батора. Поэтому еще одной причиной «соседствования» с Жамухой было стремление Тэмужина привлечь этих людей к себе. В результате в течение этих полутора лет между ним и его бывшими вассалами, в особенности новым поколением феодальной знати этих родов и племен, сложились достаточно тесные отношения; авторитет Тэмужина в их среде заметно вырос. Свидетельством тому стали последующие события.

Естественно, что и Жамуха в этот период времени преследовал свои личные цели. Сначала он не осознал истинного значения разгрома мэргэдов их с Тэмужином и Ван-ханом (Торил-

ханом. — *А.М.*) совместными силами, не почувствовал усиления влияния Тэмужина. Военный поход на мэргэдов представлялся Жамухе обычным грабительским набегом или же очередным конфликтом враждующей между собой кочевой знати. Возможно, Жамуха рассчитывал на то, что если он поддержит Тэмужина, разгромит ненавистных мэргэдов и освободит из неволи жену побратима, то Тэмужин не забудет оказанной ему услуги, воздаст за нее воздаянием, последует за ним в качестве вассала… Однако в течение этих полутора лет все обернулось для Жамухи совершенно иначе. Авторитет и влияние Тэмужина росли, его силы множились, многие племена и роды, араты-простолюдины и, главное, влиятельная родо-племенная знать потянулись к нему. Именно тогда «мудрый» Жамуха замыслил покинуть временного побратима навечно и вступить с ним в непримиримое противоборство» (Сайшал История Чингисхана (на монг. яз.) Улан-Батор, 2004. Т. 1.С. 153–154).

С. 91. *Но не уразумел Тэмужин слов Жамухи и не ответил анде ничего.* — Китайский монголовед Ц. Хишигтогтох так объясняет слова Жамухи: «Поскольку соседство с Тэмужином стало Жамухе не в радость, он предпочел найти себе других нукеров, на которых мог бы с уверенностью положиться. Этих самых нукеров он и сравнил с предгорьем и речной долиной; себя же уподобил конюшим и пастухам. И тогда его обращение к Тэмужину следует понимать так: «Тэмужин, побратим мой! Подыщу-ка я себе нукеров, что горы-исполины. Пусть станут мне они надежным прибежищем и защитой! Отыщу-ка я себе нукеров, что привольные долины рек. Пусть будет мне при них вольготно и сытно!» Будучи побратимом такого искреннего и верного человека, каким был Тэмужин, и при этом декларировать свое желание приобрести новых нукеров, которые бы стали его опорой и гарантом благополучия, — разве это не свидетельствует о том, что Тэмужин стал Жамухе не по душе?! Если это происшествие понимать и трактовать именно так, очевидно, что наша точка зрения совпадает с тем, как поняла и объяснила слова Жамухи жена Тэмужина, Бортэ ужин» (Хишигтогтох Ц. Тэмужин и Жамуха-сэцэн. — Цит. по кн.: Сайшал История Чингисхана (на монг. яз.) Улан-Батор, 2004. С. 155).

С. 92. *…узрели многих пришедших к ним людей других племен.* — Немецкий монголовед П. Рачневский высказался о значении предпринятого Тэмужином шага и его последствиях следующим образом: «Уход от Жамухи стал поворотным моментом в жизни Тэмужина. Этот его шаг не только манифестировал стремление Тэмужина играть активную роль в борьбе за господство над монгольскими племенами, но и сделал

очевидным его конфликт с Жамухой, который вынашивал такие же планы. Жамуха был законным вождем племени жадаран, поэтому мог положиться как на консервативные институты, стоявшие на страже родо-племенных порядков, так и на единство племенной знати, ноёнов. Хотя отец Тэмужина и был знатного происхождения, но люди, которые покинули его племя после его смерти, а затем стали собираться вокруг Тэмужина, по своему происхождению относились к иным социальным слоям. Это были люди, мужчины-воины, которые предали забвению племенную иерархию, покинули свои роды и племена, дабы служить вождю, от которого ждали более свободной и обеспеченной жизни, и в первую очередь это касалось простолюдинов (наследственных вассалов), страстно желавших освободиться от зависимости своих прежних господ. Тэмужину предстояло завоевать авторитет добропорядочного и щедрого вождя, добиться преданности этих людей». (Рачневский П. Чингисхан. Жизнь и наследие (на монг. яз.) Улан-Батор, 2006. С. 27).

С. 92. *…пришли три брата из племени Жалайр…* — По свидетельству Рашид ад-Дина, род тохурун — один из десяти больших ветвей, из которых состояло племя жалайр; это племя с середины XI века стало вассалом Хайду-хана, шестого предка Чингисхана, и, «переходя от предка к предку, дошло в конце концов до Чингисхана; вследствие этого то племя было его унгу-боголом (вассалом. — *А.М.*) (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 1. М.: Ладомир. С. 92–93). Во времена Чингисхана самым известным из жалайров был Мухали, который после прихода к Чингисхану предрек ему восшествие на ханский престол и сам способствовал этому своей беззаветной отвагой и преданностью.

С. 93. *Из племени таргуд пришел Хадан далдурхан…* — В истории этого «лесного» племени примечательным является то, что таргудкой была бабушка Чингисхана по отцовской линии, жена его деда Бартан-батора, Сунигул-ужин.

Сын Мунгэту хиана Унгур привел с собой своих подданных — людей из родов Чаншигуд и Баягуд… — Мунгэту хиан — дядя Чингисхана по отцу, а его сын Унгур, таким образом, приходился Чингисхану двоюродным братом. Возможно, поэтому Чингисхан назначил Унгура в числе самых приближенных и надежных нукеров на должность кравчего, от которого в то время во многом зависело не просто достойное пропитание хана, но порой и сама его жизнь. По свидетельствам Рашид ад-Дина, которые отличаются от «Сокровенного сказания монголов», у Мунгэту хианы «было много сыновей, но наследником и заместителем его был Чаншигуд, и во времена Чингисхана войском, племенем и подчиненными Мунгэту хиана ведал он. Во время войны с

тайчудами он состоял со своим войском при особе Чингисхана» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: Ладомир. Т. 1, кн. 2. С. 46). В «сражении тринадцати куреней», речь о которой пойдет далее, чаншигуды вместе с баягудами составили один из тринадцати куреней Чингисхана. Племя баягудов относилось к дарлегин-монголам; прародителем этого племени был тот мальчик, которого муж Алаг гоо, Добун мэргэн, взял в свой дом прислужником. В отличие от «Сокровенного сказания», Рашид ад-Дин неоднократно свидетельствует о том, что Унгур во времена Чингисхана стоял во главе именно этого племени баягуд. Но информацию о том, что Унгур был кравчим («смотрителем за изготовлением пищи») при Чингисхане, Рашид ад-Дин подтверждает.

С. 92. *Хубилай* (ум. в 1211) — выходец из знатной семьи племени Барулас; в 1181 году присоединился к Тэмужину. Впоследствии стал одним из его ближайших сподвижников, верховным главнокомандующим, ведавшим всеми военными делами.

Чэрби — высший воинский чин; назначенные Чингисханом в 1203 г. шесть чэрби командовали его личной охраной, были тысяцкими-ноёна-ми, управляли хозяйственными делами в государстве.

Субэгэдэй-батор (1176–1248) — сын Хабала, представителя знати племени жарчудай Урианхай; с четырнадцати лет состоял на службе у Чингисхана, в 1206 г. стал его тысяцким-ноёном, участвовал во всех сражениях за объединение монгольских племен и создание единого Монгольского государства; прославился в военных походах в Китай, Среднюю Азию и на Русь.

С. 93. *Такое было мне Небесное видение.* — Монгольский ученый Д. Пурэвдорж так трактует «небесное видение» Хорчи: «В роли «послов Небесных», глашатаев божественной воли, выступили рыже-красная корова и комолый рыжеватый вол. Растолковывал действия этих «небесных посланников» Хорчи, шаман, которому было это «Небесное виденье». «Рыже-красная корова… ходит кругом Жамухи, его бодает…» — значит, осуждает его действия. Эта корова «ненароком рог себе сломала» — означает, что она обвиняет Жамуху в разрыве с Тэмужином. «Отдай мой рог!» — мычала однорогая корова, уставившись на Жамуху…» — таким образом она призывала Жамуху к воссоединению с Тэмужином. «…В телегу с главной юртою впряженный комолый рыжеватый вол дорогой проторенной идет за Тэмужином вслед…» — за Тэмужином признается право верховодить в улусе. Растолковав Тэмужину действия «небесных

посланников», Хорчи поведал ему главный смысл этого знамения: «Отец наш Небо и мать Земля в согласии порешили: быть Тэмужину владыкою улуса!»… Под «владыкою улуса» Хорчи имел в виду не только верховенство в улусе «Все Монголы» и над тайчудами, но и ханский престол во всей Монгольской «войлочностенной» державе, объединившей бы все монголоязычные племена, в том числе хэрэйдов, найманов, мэргэдов, татар. И сам Тэмужин желал этого. Судя по тому, как Хорчи превозносит себя, понятно, как важно и в то же время очень сложно было стать ханом монгольской державы и какой влиятельной фигурой был Хорчи, по всей видимости, отнюдь не рядовой, а верховный шаман.

Шаманство, оказывавшее большое воздействие на жизнь и мировоззрение монголов, таким образом, использовало силу своего влияния для еще более активного привлечения монгольских родов и племен на сторону Тэмужина…

В результате к Тэмужину присоединились все потомки Хутула-хана… а также все потомки Хабул-хана; всего добровольно пришли и присоединились к Тэмужину девять куреней, 28 родов и племен» (Пурэвдорж Д. Основные сведения о «Сокровенном сказании монголов и Чингисхане» (на монг. яз.) Улан-батор, 2004. С. 122–123).

С. 93. *Ноён-темник* — ноён, командовавший тумэном в войске Чингисхана.

С. 94. *Даридай отчигин* — родной дядя Тэмужина по отцу; после смерти Есухэй-батора и распада улуса «Все Монголы» так же, как тайчуды и другие сородичи, покинул вдову Огэлун с ее детьми. Когда после разрыва Тэмужина с Жамухой многие монгольские роды и племена приняли сторону Тэмужина, Даридай отчигин в числе прочих «знатных дядьев и братьев» из племен нирун-монголов поспешил присоединиться к набиравшему силу племяннику.

Сача бэхи и Тайчу, сыновья Сорхату журхи из племени Журхи… — Троюродные братья по отцу, их род также именуется хиан-журхи. Тэмужин надеялся, что близкие родственные связи хиан-боржигинов и хиан-журхи будут способствовать укреплению улуса «Все Монголы», однако этого не произошло. Многочисленные конфликты и происшествия, инициированные журхинцами, в конце концов закончились их предательским нападением на стойбище Чингисхана, за что их постигло неминуемое жестокое, но справедливое возмездие.

…Хучар бэхи, сын Нэхун тайши… — двоюродный брат Тэмужина по отцу; стал известен и знаменит, потому что, по выражению Рашид ад-Дина, «метал стрелы очень далеко, высоко

и метко». После воссоединения с Тэмужином Хучар, как свидетельствует Рашид ад-Дин, «заключил с Чингисханом союз и в течение некоторого времени находился при его особе и похвально служил [ему]». Но впоследствии их пути, равно как и пути других знатных родичей Чингисхана, разойдутся.

…Алтан отчигин, сын Хутула-хана… — дядя Тэмужина по отцу; один из знатных сородичей Тэмужина, по инициативе которых Тэмужин был провозглашен ханом улуса «Все Монголы». Впоследствии, не удовлетворившись положением, которое ему отводилось в улусе, и не желая беспрекословно следовать приказам Чингисхана, перешел на сторону его врагов, за что и поплатился жизнью.

С. 94. *Алтан, Хучар и Сача бэхи, сговорившись, приступили к Тэмужину и молвили: «На ханский престол возведем мы тебя…* — Возрождающемуся улусу «Все Монголы» нужен был не просто предводитель, военачальник, но всеми коренными монгольскими племенами признанный хан. Но поскольку Тэмужин и его сторонники все же не могли игнорировать родо-племенные традиции престолонаследия, высокородным потомкам Хабул-хана и Хутула-хана в первую очередь было предложено возглавить воссоздаваемый улус. Как свидетельствует «Сокровенное сказание монголов», когда через несколько лет «их высокородия» переметнулись в стан врагов, Чингисхан, укоряя их за отступничество, напомнил им историю своего избрания ханом улуса «Все Монголы»: «…Хучар — ты сын Нэхун тайши, и потому мы предлагали ханом быть тебе. Но сам ты им не стал. Тебя, Алтан, как сына нашего владыки, Хутула-хана, мы возвести на ханский трон хотели. Но ведь и ты согласия не дал. И Сача бэхи и Тайчу, которые потомков Бартан-батора по происхождению знатнее, упрашивал я тщетно ханом стать. Никто из вас не согласился, поэтому я, возведенный вами в ханы, правил всем народом» (Сокровенное сказание монголов. Донецк: Сталкер, 2001. С. 127–128).

С. 95. *…нарекли они Тэмужина Чингисханом и поставили ханом над собой.* — После разрыва с Жамухой и укрепления своего положения путем привлечения на свою сторону большинства племен и родов, ранее подвластных Жамухе, Чингисхан в 1189 г. стал ханом улуса Хамаг Монгол («Все Монголы»). Доржи Банзаров предложил версию, что Тэмужина титуловали Чингисом в честь грозного шаманского божества «Хажир Чингис тэнгри». Эта версия может рассматриваться в связи со словами верховного шамана Тэв тэнгэра, которые Джувейни записал «со слов надежных монголов»: «Всевышний говорил со мной и сказал: «Я отдал все лицо земли Тэмужину и

его детям и нарек его Чингисханом» (Джувейни Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. М.: Издательский дом Магистр-пресс, 2004. С. 28). Многие ученые считают, что титул «Чингис» не что иное, как измененное слово «тэнгэс» (море, океан), и тогда Чингисхан может означать «великий, всемогущий хан». Большинство прямых и косвенных свидетельств говорят за то, что титул «Чингис» был преподнесен Тэмужину в 1189 году его старшими родичами, которые возвели его на ханский престол.

Монгольский исследователь И. Дашням пришел к выводу, что воссоздание улуса «Все Монголы» стало первым, причем необходимым, этапом на пути образования единого Монгольского государства, которое было провозглашено в 1206 году Чингисханом. «Именно улус «Все Монголы» являлся главным связующим звеном всей Монголии, находившимся в центре ее территории, имевшим более высокий социально-экономический, политический и культурный уровень, являвшимся хранителем обычаев и традиций коренных монгольских народов, способным повести за собой другие племена и народности, принять на себя ответственность за их будущее, стать ядром создаваемого единого монгольского государства» (Дагиням И. Великий Чингисхан и его историческая заслуга (на монг. яз.). Улан-Батор, 2006. С. 16).

С. 95. …*Чингисхан повелел младшему сородичу Борчу — Угэлэ чэрби, а также Хачигун тохуруну и братьям Жэтэю и Доголху чэрби носить колчаны его.* — Имеется в виду создание специального подразделения стрелков, в обязанности которых вменялась и охрана самого Чингисхана.

С. 96. Х*ошного* — овечья прямая кишка, вывернутая жиром внутрь, начиненная мясом и сваренная.

И, назначив Хубилая, Чилгудэя и Харахай тохуруна меченосцами под водительством Хасара… — Это свидетельствует о начале формирования регулярного воинства Чингисхана.

С. 97. *И потому-то каждому из них определил он ханской властью службу.* — «Сокровенное сказание монголов» сообщает нам о том, что вновь избранный хан первым делом занялся обустройством ставки и распределением обязанностей среди своих первых сподвижников и людей, которые примкнули к нему к этому времени. «Тэмужин по своему собственному опыту знал, как легко в среде кочевников, в степях и горах устраивать неожиданные наезды и набеги; он хорошо понимал, что должен прежде всего озаботиться, чтобы у него было безопасное пристанище, известный, хотя бы кочевой, центр, который мог стать связующим местом, крепостью для его нарождающейся кочевой державы» (Владимирцов Б. Я. Чингисхан. — В кн.: Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских

народов. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 158–159). По свидетельству Рашид ад-Дина, уже в конце своей жизни Чингисхан скажет, что под его водительство пришел «народ, у которого сыновья не следовали биликам (наставлениям. — *А.М.*) отцов, а их младшие братья не обращали внимания на слова старших братьев, муж не полагался на свою жену, а жена не следовала повелению мужа, свекры не одобряли невесток, а невестки не почитали свекров, великие не защищали малых, а малые не принимали наставлений старших, великие стояли близко к сердцам своих служителей и не привлекали на свою сторону сердца бывших вне их окружения, люди, пользовавшиеся всеми благами, не обогащали население страны и не оказывали ему поддержки, пренебрегали обычаем и законом (яса), соображениями разума и обстоятельствами и по этой причине [становились] противниками управителей государства…» (Рашид-ад-Дин. Сборник летописей. М.: Ладомир, 2002. Т. 1, кн. 2. С. 259). Поэтому свою первостепенную задачу он видел в том, чтобы покончить «с необузданным произволом и безграничным своеволием» тех, кто ему подчинился, и водворить порядок в «улусе войлочностенном». Главной опорой Чингисхану в этой борьбе суждено было стать его первым и самым верным сподвижникам.

С. 98–99. *…Мулхэ тотаг и Боролдай из племени Ихирэс прибыли к Чингисхану в урочище Хурэлху и донесли…* — Хотя племя ихирэс в то время было подвластно тайчудам, врагам Чингисхана, их сородич Буту был мужем младшей сестры Чингисхана, Тэмулун, поэтому, посоветовавшись со своим отцом, Нэгуном, Буту отправил своих верных нукеров сообщить Чингисхану о надвигающейся опасности со стороны тайчудов.

С. 99. *…Жамуха, отмщения за брата убиенного, Тайчара, жаждя, собрал три тумэна мужей тринадцати тебе враждебных кланов и во главе их встал; и на тебя, Чингисхан, ополчась…* — С воссозданием улуса «Все Монголы» завершился первый этап на пути образования единого Монгольского государства. На втором этапе этого пути Чингисхану предстояла тяжелейшая борьба за объединение всех монголоязычных племен и племенных союзов в единое государство. Сложность решения этой задачи усугублялась тем, что, хотя Чингисхан и был провозглашен ханом улуса «Все Монголы», многие коренные монгольские племена и роды, которые ранее подчинялись его отцу, не признали его. «Большая часть монголов: тайчуды, салжуды, хатагины, дурбэны (дурвэды. — *А.М.*) и ихирэсы (ветвь хонгирадов), а также союзники — отуз-татары, ойрады и мэргэды — стремились к созданию племенной конфедерации, где власть хана была бы

номинальной, а фактическая власть принадлежала бы главам племен… Недостатком этой политической программы была легализация права на самоуправство, безнаказанные грабежи соседей, угон скота и убийства» (Гумилев Л. Н. Древняя Русь и Великая степь. АСТ, М.: 2000. С. 46). Чингисхан же, «добившись своей цели и создав на обломках протогосударств соперников свой чифдом, не пошел по пути, обычному для всех таких кочевнических образований, т. е. по пути типичной «имперской конфедерации». Чингисхан на рубеже XIII в. начал строительство полноценного государства с его полноценным государственным аппаратом» (Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. АСТ, ВЗОИ, М.: 2004. С. 47–48). И то, что в своей деятельности Чингисхан прежде всего опирался на своих нукеров-сподвижников, зачастую ставя их выше родовой знати, еще больше встревожило вождей племен, противостоящих ему, привело к их консолидации в борьбе за сохранение своих прав и привилегий. Именно поэтому с момента провозглашения Чингисхана предводителем улуса «Все Монголы» борьба с конфедератами на многие годы стала его первостепенной, неотложной задачей.

Как сообщают древние источники, тайчуды во главе с Таргудай хирилтугом, родственные им ветви племени жадаран, одним из вождей которых был Жамуха, а также другие племена и ветви заключили античингисовый союз. И «весь этот народ, поддерживая друг друга, единодушно поднялся против Чингисхана» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1, кн. 2. С. 86). И все же, как свидетельствует Рашид ад-Дин, основу этого первого союза заложил Жамуха, бывший побратим Тэмужина. Убийство его младшего брата-конокрада подданным Чингисхана было лишь поводом для распри, который Жамуха использовал для консолидации античингисовых сил. «Истинной причиной этого военного противостояния было стремление Жамухи уничтожить еще не окрепшее воинство Чингисхана и установить собственное господство над монгольскими племенами» (Сайшал. История Чингисхана (на монг. яз.). Т. 1. С. 204).

Отсутствие свидетельств древних источников об участии хэрэйдского Торил-хана в военном конфликте между Чингисханом и Жамухой, во-первых, возможно, подтверждает мнение Джека Уэзерфорда о том, что Торил-хану «было на руку разделение монголов… он добивался ослабления обоих и укреплял свою власть над монголами». А во-вторых, его собственное вождество в хэрэйдском ханстве в то время в очередной раз было под вопросом, а само хэрэйдское ханство находилось на грани раскола, и Торил-хана, очевидно, больше

волновал внутренний конфликт со своими братьями, речь о которых пойдет в последующих главах, нежели разборки в среде монголов.

С. 99. *…собрал Тэмужин из тринадцати куреней своих три тумэна воинов и выступил навстречу Жамухе.* — Калмыцкий ученый-исследователь Эренжен Хара-Даван писал о соотношении сил в этом противостоянии и его участниках: «Войско Тэмужина к этому времени возросло до 13 000 конных воинов, разделенных на 13 куреней, силою около 1000 человек каждый… 13 куреней Тэмужиновой рати составлялись каждый одним из подвластных ему или родственных племен.

На этот раз, как и в старину, тайчуды, чувствуя надвигающуюся на них угрозу, стараются предупредить своего противника нападением. Их вождь Таргудай (хирилтуг. — *А.М.*), собрав такие силы, которые обеспечивали ему, как казалось, верный успех, а именно 30 куреней, т. е. 30 000 всадников, нападает на Тэмужиновы племена во время их перекочевки с летних на зимние пастбища. При тайчудской армии состоял и бывший друг, а ныне злой враг Тэмужина — Жамуха, который, вероятно, был душой этого предприятия» (Хара-Даван Эренжен. Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. С. 33).

С. 99. *И сразились они в местности, именуемой Далан балжуд…* — Сражение при Далан балжуде, известное в монгольской истории как «сражение тринадцати куреней», произошло в 1190 году.

Именно с этой битвы началось многолетнее противостояние сторонников и противников создания единого Монгольского государства. По версии «Сокровенного сказания монголов», воины Чингисхана в этой кровопролитной сечи были потеснены превосходящими их почти в три раза по численности ратями врага и вынуждены в конце концов отступить. И «только по причине своей непоследовательности и легкомыслия Жамуха не смог воспользоваться плодами своего успеха». По другим источникам («Сборник летописей», «Юань ши»), Чингисхан «перебил этими тринадцатью куренями тридцать тысяч [вражеских] всадников» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: Ладомир, 2002. Т. 1, кн. 2. С. 88), а «племена тайчуд… были рассеяны в этой войне» (там же. — *А.М.*). И все же, как мне думается, говоря о реальном исходе этой битвы, следует опираться на свидетельства автора «Сокровенного сказания монголов», хотя бы потому, что сам Чингисхан во время последней встречи с Жамухой помянул как вескую причину казни последнего именно то, что Жамуха «ослепленный местью, на

побратима ополчился своего… Тогда на нас нагнал ты страху, в Жэрэнское ущелье потеснив» («Сокровенное сказание монголов». Донецк: Сталкер, 2001. С. 167–168).

Что же касается причины «непоследовательности» Жамухи, не попытавшегося продолжить преследовать и навсегда покончить с Чингисханом, то, по мнению большинства исследователей этого вопроса, само это нападение и зверства, которые совершил Жамуха с плененными им сторонниками Чингисхана, были всего лишь показательным актом устрашения побратима, которого Жамуха не сумел «приручить» во время совместного пребывания в его стойбище, и поэтому вознамерился проучить и окончательно подчинить себе в результате этого вооруженного набега. Жамуха, очевидно, был уверен, что Чингисхан сам явится с повинной, но он и на этот раз просчитался.

Чем бы ни руководствовался Жамуха, сначала инициируя этот поход античингисовых сил, а затем в одном шаге от победы, по сути, отказываясь от нее, каким бы на самом деле ни был результат «сражения тринадцати куреней», плоды его пожинал Чингисхан. По свидетельству древних источников, после этого сражения в стане Жамухи и Таргудай хирилтуга произошел раскол, и многие ветви племен тайчуд и жадаран «после обдумывания и держания совета… явились к Чингисхану по собственной воле, подчинились и покорились ему» (Рашид ад-Дин. Указ. соч. С. 90).

У Гарольда Лэмба мы находим реконструкцию хода этого сражения: «Враг предстал перед монголами в виде 30 тысяч тайчудов во главе с Таргудаем. Обратиться в бегство означало пожертвовать женщинами, скотом и всем имуществом племени. А если собрать свои боевые отряды и двинуться навстречу тайчудам, то это неизбежно привело бы к тому, что их окружил бы численно превосходящий противник, и монголы были бы посечены или рассеяны. Это была кризисная ситуация в их кочевой жизни, при которой племя оказалось перед лицом опасности уничтожения, и оно ждало от хана немедленного принятия решения и действий.

Незамедлительно и в свойственной ему манере Тэмужин встретил опасность. К этому времени все его воины были на конях и собрались под своими штандартами. Выстроив их в линию по эскадронам под защитой леса с одного фланга, он сформировал другой фланг в виде квадратного пространства, огороженного кибитками, и внутрь этого квадрата загнал скот. В кибитках спешно укрылись вооруженные луками женщины и дети. Теперь он был готов встретить пересекавшего долину неприятеля численностью в 30 тысяч воинов.

Они двигались строем, эскадронами по пятьсот всадников. Один ряд в эскадроне состоял из ста человек, и, соответственно, таких рядов было пять. В первых двух шеренгах скакали воины, носившие доспехи — тяжелые железные пластины с отверстиями, через которые пропущены скрепляющие их между собой завязанные узлами ремни, и шлемы из железа или покрытой лаком грубой кожи, увенчанные гребнем из конского волоса. Лошади также были защищены — их шея, грудь и бока были закрыты кожей.

Однако эти шеренги вооруженных всадников остановились, в то время как самые задние ряды легковооруженных воинов продвинулись между ними вперед. На них была всего лишь дубленая кожа, и вооружены они были дротиками и луками. Они на своих юрких лошадях сновали перед монголами, метая дротики и стрелы и прикрывая выдвижение тяжелой конницы. Воины Тэмужина, вооруженные и экипированные подобным же образом, встретили атакующих стрелами, выпущенными из мощных, укрепленных рогами луков. Перестрелка прекратилась, когда легкая кавалерия тайчудов откатилась назад, под прикрытие конников в доспехах, и ударные отряды перешли в галоп. Тогда Тэмужин выпустил навстречу своих монголов. Но он выстроил свою орду в двойные эскадроны, по тысяче человек по фронту и десять рядов в глубину. И хотя у него было только тринадцать боевых дружин, а у тайчудов шестьдесят отрядов, напор его более глубоко эшелонированных формирований на узком фронте сдерживал продвижение тайчудов, и их первые эскадроны были рассеяны.

Теперь Тэмужин мог бросить свою ударную тяжелую конницу против легких эскадронов неприятеля. Рассредоточившиеся и мчащиеся монголы под своим родовым знаменем из девяти хвостов яка пускали стрелы с каждой руки.

И вспыхнула одна из жесточайших степных битв — орды всадников, яростные крики, наступающие под градом стрел воины, вооруженные короткими саблями, стаскивающие своих врагов с коней арканами и крюками на концах копий. Каждый эскадрон бился самостоятельно, и сражение шло по всей протяженности долины, а ратники рассеивались под натиском противника, перестраивали ряды и вновь шли в бой. Это продолжалось до сумерек. Тэмужин одержал решительную победу. Пали на поле брани 5 или 6 тысяч воинов неприятеля, а семьдесят вождей были доставлены ему с мечами и колчанами на шеях.

Некоторые источники утверждают, что монгольский хан велел всех этих пленников тут же сварить заживо в котле, — эта

жестокость выглядит неправдоподобной. Молодой хан не очень-то жалостлив, но видел пользу, которую могли бы принести эти еще полные сил пленники у него на службе» (Лэмб Гарольд. Чингисхан. Властелин мира. М.: Центрполиграф, 2002. С. 43–46).

С. 99. *И тогда по велению его заживо были сварены…* — Поскольку древние источники разделились в вопросе, на чей счет должны быть записаны эти «подвиги бесполезной жестокости» (выражение Р. Груссе), современные исследователи либо идут за автором той или иной хроники, либо (как, например, монгольский ученый Ж. Тумурцэрэн, китайский исследователь Хух Ундур и другие) выдвигают свои версии, суть которых сводится к тому, что текст главного источника, «Сокровенного сказания монголов», был неверно понят или намеренно искажен китайскими переводчиками и летописцами, которые первыми его изучали, переводили и использовали.

Американский исследователь Джек Уэзерфорд высказал свою точку зрения о последствиях «бессмысленной жестокости» Жамухи: «В последовавшей битве силы Жамухи обратили воинов Тэмужина в бегство. Чтобы отбить у них охоту еще когда-либо выступать против него, Жамуха пошел на самые жестокие меры, какие только знали степные войны. Сначала он отрубил голову одному из пленных предводителей и привязал ее к хвосту своего коня. Пролитие крови и осквернение мертвой головы осквернили душу усопшего, а привязывание головы рядом с нечистым местом коня опозорило всю его семью. Сообщают, что Жамуха приказал сварить заживо семьдесят пленных юношей в котлах. Такая смерть должна была разрушить сами их души и таким образом полностью истребить их. Поскольку у монголов «семь» считается несчастливым числом, вся история про семьдесят котлов может быть просто поэтическим преувеличением зверств Жамухи, но тем не менее «Сокровенное сказание» однозначно указывает на то, что действия упоенного своей победой Жамухи серьезно испортили ему имидж. Такая жестокость с его стороны еще больше усилила антагонизм между старыми аристократическими родами, которые унаследовали власть от предков, и малыми и незначительными семьями, которые могли рассчитывать только на свой талант и личную доблесть. Это происшествие оказалось решающим для Тэмужина, который проиграл битву, но выиграл поддержку и популярность среди монголов…». (Уэзерфорд Джек. Чингисхан и рождение современного мира. АСТ, М.: 2005. С. 114–115).

С. 99. …*Уругуды под водительством Журчидэя и Мангуды во главе с Хуйлдаром.* — Эти роды были в кровном родстве с родом боржигин; приход уругудов и мангудов значительно укрепил

дружину Чингисхана.

Отец Мунлиг — это тот самый Мунлиг из племени Хонхотан, которому умирающий Есухэй-батор, отец Чингисхана, завещал позаботиться о своей семье; наши источники не сообщают подробности того, как Мунлиг истолнил завет Есухэй-батора, но, судя по тому, что Чингисхан неоднократно называл его отец Мунлиг, можно сделать вывод о характере отношений между ними.

По мнению монгольского ученого Ш. Гаадамбы, сразу после смерти Есухэй-батора Мунлиг призрел семью сродника, став Тэмужину фактически отчимом. Один из сыновей Мунлига, Хухучу, стал впоследствии верховным шаманом и до определенных событий, о которых речь ниже, имел большое влияние на Чингисхана.

Возрадовавшись радостью великою оттого, что столько народа удалилось от Жамухи и пришло под его покровительство, Чингисхан вместе с матерью своей Огэлун ужин, братом Хасаром$_{у}$ журхинцами Сача бэхи и Тайчу и всеми прочими сошлись в дубраве на берегу Онона и пировали. — Ученые-монголоведы датируют это событие 1196 годом. В этой связи некоторые исследователи отмечают отсутствие в исторических хрониках упоминаний о Чингисхане на протяжении почти десяти лет. Поэтому некоторые историки назвали этот период его биографии «неизвестным десятилетием», «белым пятном», «пробелом в биографии», выдвигали гипотезы, где он был и что делал в этот период.

На наш взгляд, наиболее взвешенной и объективной является позиция по этому вопросу монгольского ученого Ш. Нацагдоржа, который в написанной им биографии Чингисхана отмечал: «Рашид ад-Дин констатировал, что, поскольку Чингисхан в период 1168–1194 годов «находился в расстроенном состоянии», «обстоятельства его жизни не известны в подробностях и погодно» и «пишутся сокращенно». По мнению немецкого востоковеда П. Рачневского, «было что-то такое, что могло негативно сказаться на репутации Завоевателя вселенной и на что было наложено табу как для современников, так и для более поздних историков». Это и привело к тому, что образовался десятилетний пробел в биографии Чингисхана. П. Рачневский допускает, что в течение десяти лет, когда имя Чингисхана не упоминалось в исторических хрониках, его на родине не было, и «есть основания считать, что он бежал из Монголии, дабы найти прибежище у цзиньцев, или даже, будучи «захваченным ими в плен, обращен в рабство».

Основанием для его гипотезы является свидетельство

чиновника Сунской династии Чжао Хуна, которое, в свою очередь, ни на чем не основано и имело целью лишь дискредитацию чести и достоинства Чингисхана, и поэтому не бралось во внимание историками. П. Рачневский же вновь вытаскивает на свет это сообщение, дабы объяснить, почему в течение десяти лет о Чингисхане ничего не было слышно.

Мы не можем согласиться с гипотезой П. Рачневского. И прежде всего отметим, что он путается в датировке и последовательности событий… По Рачневскому, Чингисхан бежал из цзиньского плена и вернулся на родину в 1195 году, и уже буквально через год вместе с Торил-ханом, помогая тем же цзиньцам, он воюет со своими кровными врагами, татарами. Трудно поверить в то, что Чингисхан, о котором в течение десяти лет не было ни слуху ни духу, вдруг, неожиданно снова появляется, как ни в чем не бывало возвращается на престол улуса «Все Монголы» и, более того, собирает дружину и воюет с татарами. Допуская, что Чингисхан целых десять лет был в цзиньском рабстве, П. Рачневский ни словом не обмолвился, что происходило в Монголии в его отсутствие. Сам собой напрашивается вопрос, что делал в это время Жамуха? Почему не занял ханский престол, после того как разгромил побратима и главного соперника в борьбе за власть и тот бежал за пределы Монголии? Ведь тогда занять ханский престол в улусе «Все Монголы» для Жамухи было проще простого. Но этого не произошло. И так же, как и в отношении Чингисхана, остается неразгаданной загадкой, где в это время был Жамуха и что делал. Кроме того, не ясно, что делали в это время и другие соперники Чингисхана — тайчуды, наймана, татары. Все это неоспоримо свидетельствует о том, что Чингисхан в указанный выше период времени никуда не девался, постоянно находился на родине, занимал престол хана улуса «Все Монголы», укрепляя его и наводя свои порядки. (Нацагдорж Ш. Жизнеописание Чингисхана (на монг. яз.). Улан-Батор, 1991. С. 55–57).

С. 99. *Засим наполнил чашу молодой жены Сача бэхи — Эбэхэй. Вознегодовали тогда старшие жены его — Хорижин хатан и Хурчин хатан…* — Если журхинских женщин, ставших зачинщицами распри, автор «Сокровенного сказания монголов» называет женами Сача бэхи, то у Рашид ад-Дина они — мачехи вождя журхинцев. Но это не меняет глубинной сути этого происшествия, которое положило начало процессу размежевания основной части сил, поддерживавших Чингисхана, и «временных попутчиков» из числа родовой знати.

С. 100. *«Не оттого ли я при всех сношу побои, что опочил Есухэй-батор и нету уж Нэхун тайши?!»* — Виночерпий Шихигур

сетует на неспособность Чингисхана подчинить своей власти зарвавшихся знатных соплеменников, чего, по-видимому, не могло случиться в те времена, когда во главе улуса «Все Монголы» стояли Есухэй-батор и его брат, Нэхун тайши.

От журхинцев распорядителем на пиру был Бури бух — Бури бух был троюродным дядей Чингисхана по отцовской линии; хотя сам Бури бух не происходил из рода журхин, но был их соратником.

Но не внял словам Бэлгудэя Чингисхан… — По мнению китайского монголоведа Сайшала, «главная причина конфликта Чингисхана и журхинцев заключалась в следующем. Журхинцы были потомками Охин бархага, старшего сына Хабул-хана. И, хотя их предводители, Сача бэхи и Тайчу, предпочли Жамухе Чингисхана, они кичились своим старшинством и стремились превратить молодого хана Чингиса лишь в номинальную фигуру. Намерения Чингисхана покончить с раздробленностью монгольских родов и племен противоречили их устремлениям своевольно управлять своими подданными. Иными словами, быть ли монгольским племенам объединенными в единое государство или оставаться по-прежнему раздробленными — вот в чем заключалась суть этого конфликта… который начиная с битвы «тринадцати куреней» и вплоть до 1196 года продолжал еще более углубляться и наконец перерос в военное противостояние» (Сайшал. История Чингисхана (на монг. яз.). Улан-Батор, 2004. Кн. 1. С. 214–216).

С. 100. *Кумысные мутовки* — специальные палки, которыми монголы пахтали кумыс в больших кожаных бурдюках.

Описываемые ниже события (поход Чингисхана на татар) относятся к 1196 году; китайский ученый Сайшал так описывает причины военного конфликта между чжурчжэнями и татарами и участия в нем Чингисхана: «После того, как чжурчжэни уничтожили империю киданей и создали державу Алтан-хана, между ними и татарами с 1127 года установились тесные взаимоотношения; татарские племена стали самым надежным проводником их враждебной государственной политики по отношению к монгольским племенам. Цель чжурчжэней была в том, чтобы «властвовать над инородцами силами самих же инородцев»…

Однако власти чжурчжэньского государства не были заинтересованы и в том, чтобы укреплялись сила и мощь самих татар. Они не только прекрасно знали ситуацию в татарском лагере, но и ждали подходящий момент, чтобы под любым предлогом воздействовать на татар.

Первый поход Чингисхана на татар на самом деле

соответствовал указанной выше политике чжурчжэньского Алтан-хана. Татары были кровными врагами нескольких поколений рода хиад, и Чингисхан жаждал отмщения. Но собственных сил у него было недостаточно, поэтому до сих пор попыток отмщения он не предпринимал. Алтан-хан же считал использование раскола среди монголоязычных племен основой своей государственной политики.

В 1194 году монгольские племена хатагин и салжуд вторглись в порубежные районы чжурчжэньской державы. Ее правитель, Чжанцзун-хан… направил против них три тумэна солдат, рекрутированных в приграничных районах, а также приказал татарам помочь военной силой. В следующем, 1195 году чжурчжэньские войска под командованием Иламина и Ваньгинь Аньго двинулись в сторону озера Хулун и захватили четырнадцать куреней племен хатагин и салжуд. На этот раз на подмогу чжурчжэ-ням выступило татарское воинство во главе с Мэгужин султом, которое захватило много добра. Однако действия татар были осуждены находившимся при войсках чжурчжэньским сановником Цзя Гу Цин Чэнем, поскольку добыча самих чжурчжэней оказалась незначительной. На большую же часть добычи посягнули татары. Это и послужило причиной военного конфликта, разгоревшегося между татарами и чжурчжэнями, и обвинений в предательстве, обращенных в адрес татар» (Сайшал. История Чингисхана (на монг. яз.). Улан-Батор, 2004. Кн. 1. С. 210–211).

С. 102. …*титул жаут хури* означает могущественный ноён; так чжур-чжэни именовали командиров «заградительно-усмирительных» отрядов, формировавшихся из племен, живших вдоль границы их державы и состоявших у них на службе.

Ван (кит.) — князь, воевода.

Жау тау — это звание давалось чжурчжэнями командующему «заградительно-усмирительными» отрядами.

И нарекла матушка Огэлун имя ему Шигихэн хутугу (Шихихутуг) и воспитывала его как сына родного. — Шихихутуг отплатил сторицей усыновившей его семье, став верным соратником Чингисхана, который после создания единого Монгольского государства доверил ему всю судебную власть в улусе.

В отсутствие Чингисхана подлые журхинцы напали на остававшихся в его ставке людей: десятерых убили, а десятков пять до нитки обобрали. — Радость победы над татарами была омрачена известием о подлости сородичей-журхинцев, которые во время его отсутствия учинили кровавую бойню в родовом курене Чингисхана. Отметим, что Чингисхан, возвращаясь из похода на

татар (в 1197 году), был склонен простить журхинцам все их прошлые грехи ради сохранения единства улуса. «Он захотел, — свидетельствует Рашид ад-Дин, — снискать расположения племени журхин, подарив им что-нибудь из того, что он награбил, и принял решение пойти к ним» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: Ладомир, 2002. Т. 1. Кн. 2. С. 93). Однако вожди журхинцев своими подлыми деяниями переполнили чашу его терпения и тем самым подписали себе смертный приговор. Их бесславный конец на какое-то время заставил примолкнуть прочих высокородных оппонентов Чингисхана. А кроме того, в результате ликвидации журхинских предводителей Чингисхан подчинил себе всех их подданных — «самых смышленых и самых могучих, самых отважных и лучников лучших», как их характеризует автор «Сокровенного сказания монголов».

С. 103. *Мухали* (1170–1223) — после прихода к Чингисхану становится одним из его ближайших соратников; велики заслуги Мухали в деле создания единого Монгольского государства; Чингисхан очень высоко Ценил его бесстрашие воина, мудрость политика и дар предвидения, ведь именно Мухали был одним из тех, кто напророчил Чингисхану великую судьбу Владыки монгольской державы; после провозглашения единого

Монгольского государства Мухали был назначен командующим одним из трех (восточным) туманов монгольского воинства, затем участвовал в походах на державу чжурчжэней; с 1214 года принял единоличное командование военными действиями на территории державы чжурчжэней; в 1217 году (по некоторым источникам, в 1206 году) получил от Чингисхана титул гуй вана — державного князя.

С. 104. *Повстречавшись с матушкой Огэлун, Жэбгэ преподнес ей в дар отрока по имени Борохул, подобранного им в Журхинских кочевьях.* — Борохул (ок. 1182–1216), воспитанный матушкой Огэлун в духе безграничной преданности Чингисхану и его семье, был титулован Чингисханом одним из четырех его «бесстрашных богатырей»; Чингисхан был признателен своему названому брату Борохулу и его жене за спасение двух его сыновей — Угэдэя и Толуя. Борохул погиб во время военной кампании по усмирению восставших хори тумэдов. После их усмирения Чингисхан в знак признания заслуг Борохула отдал его семье сто хори тумэдских семей.

И поскольку под водительством Хутугту журхи собрались мужи отважные и гордые сердцем, прозвали их за это журхинцами. — Название роду журхин дало монгольское слово зурх (сердце); журхин означает «имеющий сердце», т. е. отважный.

И покорил Чингисхан тех горделивых журхинцев и сделал все их племя подданными своими. — Американский ученый Джек Уэзерфорд подметил важные изменения в действиях Чингисхана на пути к единоличной власти над всеми монголоязычными племенами: «Тэмужин провел вторую радикальную реформу в своем стиле правления, которая отметила следующий шаг к верховной власти. В долгой истории степной войны побежденное племя обычно грабили, часть людей забирали в рабство, а остальных оставляли в покое. Побежденные кланы быстро собирались с силами и наносили ответный удар или бежали и присоединялись к вражеским племенам. Тем не менее после победы над журхинцами Тэмужин повел себя вразрез с обычаями. В этом проявилась его твердая решимость прервать бесконечный цикл нападений и ответных набегов и создания и расторжения эфемерных союзов.

Он собрал курултай своих сторонников и провел над высокими предводителями журхинцев показательный процесс, обвинив их в том, что они нарушили свое слово, отказавшись присоединиться к нему в походе против татар, и повели себя бесчестно, напав в его отсутствие на его стойбище. Когда они были признаны виновными, Тэмужин приказал тут же казнить их в назидание другим и в знак цены верности и предательства. Также это было прозрачное послание ко всем родам «белой кости», которое сообщало им, что на привычные привилегии и особое обращение они больше могут не рассчитывать. После этого Тэмужин совершил еще один беспрецедентный шаг — он захватил земли журхинцев и распределил оставшихся в живых членов этой семьи между семьями своего клана. И хотя многие члены обоих родов решили, что пленных отдают в рабство, как это было принято в степи, «Сокровенное сказание» утверждает, что Тэмужин принял их в свой клан как равноправных членов» (Уэзерфорд Джек. Чингисхан и рождение современного мира. М.: АСТ, 2005. С. 118–120).

С. 104. *И понудил тогда же Чингисхан бороться Бури буха и Бэлгудэя.* — Бури бух был двоюродным братом отца Чингисхана, пользовался большим авторитетом среди журхинцев, поэтому Чингисхан, покарав предателей, журхинских вождей, счел необходимым, дабы окончательно усмирить журхинцев, покончить и с Бури бухом.

С. 106. *Год Курицы* — 1201 год.

Найманы — племя, кочевавшее в районах между Хангайским и Алтайским хребтами; найманы считались наиболее культурными из всех монгольских племен; их знать пользовалась услугами уйгурских писцов. Л. Н. Гумилев считал, что найманы — «осколок державы хархятадов (киданей)».

…обряд возведения Жамухи в Гур-ханы… — После того как Жамухе удалось укрепить свои связи с некоторыми родоплеменными группами, враждовавшими с Чингисханом, их аристократические правители провозгласили его гур-ханом (всеобщим ханом). О значении этого события и дальнейших действиях врагов Чингисхана американский исследователь Джек Уэзерфорд писал: «…Жамуха все еще отказывался признать его (Чингисхана. — *А.М.*) превосходство и стал центральной фигурой в движении кланов «белой кости», которым пришлись не по нраву те изменения, которые Тэмужин вносил в их традиционный образ жизни.

В 1201 г., году Петуха, Жамуха выдвинул свои претензии на роль правителя всех монголов. Бросив вызов Тэмужину и даже его покровителю Он-хану, Жамуха созвал курултай, который присвоил ему древний и почетный титул Гур-ка или Гур-хана, что означает Вождь над вождями или Хан над ханами. Его люди принесли ему новую клятву верности и, чтобы освятить ее, принесли в жертву коня и кобылу.

Жамуха выбрал этот древний титул не только из-за любви к старым традициям, у него был и еще один довольно зловещий повод сделать это. Последним ханом, который носил титул Гур-хана, был дядя Он-хана, правивший хэрэйдами до того, как Он-хан поднял против него восстание и убил его и всех его братьев. Именно во время этого восстания отец Тэмужина Есухэй стал союзником Он-хана. Избрав этот титул, Жамуха во всеуслышание заявил про свои претензии на власть Он-хана, так же как и его вассала Тэмужина.

Если бы Жамухе удалось выиграть эту войну, он стал бы верховным правителем центральной степи. На его стороне были древние и уважаемые кланы, такие как тайчуды, которым когда-то была подчинена семья Тэмужина и которые держали его в рабстве долгие годы. Борьба между двумя монгольскими политическими группами переросла обычный круговорот набегов и разграблений, она стала войной не на жизнь, а на смерть между Жамухой и Тэмужином. Ставкой в этой войне стала верховная власть над Степью» (Уэзерфорд Джек. Чингисхан и рождение современного мира. АСТ, 2005. С. 122–123).

С. 107. *«То гнев небесный пал на нас!» — возопили они, и*

разбежалось воинство Жамухи в разные стороны. — Судя по древним источникам, ни численное превосходство, ни волхвование найманских шаманов не принесли Жамухе и его союзникам успеха в решающем сражении в урочище Хойтэн (1202 год). Действия их были разрозненными по причине отсутствия единого руководства, в то время как войска Чингисхана и Ван-хана, своевременно оповещенные своим сторонником из рода горлос Хоридаем, сделали маневр и, заняв лучшие позиции, сами перешли в наступление. Когда же найманские шаманы попытались, как пишет автор «Сокровенного сказания монголов», «волшебством обрушить ненастье… на головы ратников Чингисхана, разверзлись хляби небесные над ними самими. И скользили их ноги и вязли в непролазной грязи. «То гнев небесный пал на нас!» — возопили они, и разбежалось воинство Жамухи в разные стороны».

Так красноречиво свидетельствовал автор «Сокровенного сказания монголов» о бесславном конце, пожалуй, последнего, упомянутого в древних источниках столь крупного античингисова союза.

Сам Жамуха, пограбив в ханы его возведший народ, поспешил обратно вниз по реке Эргунэ. — Рашид-ад-Дин в «Сборнике летописей» сообщает нам о том, что Жамуха после этого сокрушительного поражения «разграбил жилища тех племен, которые возвели его на царствование, [и] явился к Чингисхану с проявлением рабской покорности» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 122).

«Сокровенное сказание монголов» факта прихода Жамухи к Чингисхану не подтверждает, но свидетельствует о том, что Жамуха после распада воинства античингисовой коалиции «поспешил обратно к реке Эр-гунэ (Аргунь. — *А.М.*)… Ван-хан стал преследовать Жамуху. Чингисхан погнался вслед за Агучу-батором, двинувшимся в пределы тайчудские». Так разошлись, в прямом и переносном смысле, пути-дороги Ван-хана и его многолетнего вассала Чингисхана. Забегая вперед, скажем, что последующие два года станут периодом их открытой конфронтации, который завершится крахом хэрэйдского предводителя.

С. 108. *И подошла рать Чингисхана и ввязалась в сражение с тайчудами.* — Автор «Сокровенного сказания монголов» сообщает, что после того, как было рассеяно воинство античингисовой коалиции, Чингисхан направил своих ратников вслед за остатками тайчудских войск. Несомненно, Чингисхан решил раз и навсегда покончить с вождями тайчудов, по вине которых 30 лет назад распался улус его отца Есухэй-батора, а он

сам перенес столько бед и лишений, преследований и унижений.

Благодаря неизвестному и поныне автору «Сокровенного сказания монголов» мы становимся очевидцами сражения Чингисхановой рати против «лучших мужей тайчудских», сочувствуем страданиям тяжелораненого в этом бою Чингисхана, восторгаемся преданностью и готовностью к самопожертвованию его соратника Зэлмэ, которому Чингисхан воистину «животом обязан».

В этом ярком, эпическом повествовании Чингисхан предстает перед нами человеком, искренне благодарным боевым соратникам и всем простым аратам, протянувшим ему руку помощи в трудную минуту. Он мудр и великодушен в отношении людей честных, даже если они воевали против него, но затем сами пожелали встать под его знамена, как это получилось в историях с Зургадаем и стариком Ширгэтом и его сыновьями. В обоих случаях при принятии решения о приближении к себе этих людей Чингисханом прежде всего учитывались их честность и искреннее желание «в услужение всю силу положить», а также, и это было не менее, если не более значимо для него, их преданность своему прежнему господину.

Зэлмэ, обагряя губы, то и дело отсасывал закупоривавшую артерию кровь Чингисхана. — Зэлмэ — один из первых нукеров, сподвижников Чингисхана; еще в 1178 году был приведен отцом Жарчудаем из племени урианхай и отдан в услужение семье Чингисхана. Зэлмэ принимал непосредственное участие во всех сражениях Чингисхана, был ему беззаветно предан, внес большой личный вклад в дело создания единого Монгольского государства; поскольку использование отравленных стрел было в то время делом обычным, иного способа спасти Чингисхана от заражения крови и смерти у Зэлмэ не было.

С. 108. *…дэл, гутулы, малахай…* — халат, кожаные сапоги и зимний головной убор монголов.

С. 110. *…кто ранил в шейный позвонок коня, что подо мною был?* — По-видимому, Чингисхан, намеренно скрывая факт своего ранения, говорит о том, что в бою была якобы ранена его лошадь.

С. 111. *…мы наречем тебя Зэв отныне* (монг. «наконечник стрелы») — Зэв — один из лучших военачальников Чингисхана, большую часть жизни провел в военных походах в Северном Китае, стране тангудов, Средней Азии, Туркестане, на Руси. Умер в 1224 г., возвращаясь из очередного похода.

С. 112. *…в нукеры не возьмет он нас, не верных господину своему холопов; казнить прикажет, ибо на господина мы посягнули своего.* — Известный российский монголовед Б. Я. Владимирцов так оценил черту характера Чингисхана, о которой говорит Наяа:

«Чингисхан всегда и везде, даже в среде неприятелей, поддерживал аристократические начала: власть феодала по отношению к своему вассалу, власть господина по отношению к своему рабу; он всегда поощрял верных слуг и наказывал смертью изменивших своему господину, хотя бы этот господин был злой враг самому Чингису. Степная аристократия могла гордиться своим новым ханом, он был истинным ее вождем, настоящим выразителем ее чаяний, ее идеалов» (Владимирцов Б. Я. Чингисхан. Указ. соч. С. 165).

С. 113. …*пришел к нему хэрэйдский Жаха гамбу*… — Жаха гамбу (при рождении нареченный Хэрэйдаем) — третий сын хэрэйдского хана Хурчахус Буйруга; детские и отроческие годы провел в плену у тангудов; за свои недюжинные способности был у них в почете и получил прозвание «Жаха гамбу», т. е. «великий эмир страны». По возвращении на родину стал предводителем одного из родственных хэрэйдских племен. В зависимости от расстановки сил в хэрэйдском сообществе Жаха гамбу то поддерживал Торил-хана, то находился к нему в оппозиции. Жаха гамбу неоднократно переходил на сторону Чингисхана, породнился с ним: одна из дочерей Жаха гамбу стала женой Чингисхана, две другие — женами его детей, Жочи и Тулуя.

И пришли тогда же под водительство владыки тумэн тубэгэнцы и олон донхайдцы и прочие роды хэрэйдские, оставившие свои пределы и разбредшиеся. — В XII–XIII веках хэрэйдское сообщество составляли шесть родственных племен: донхайд, жиргэн (чирхир), сахиад, тумэн тубэгэн, эрихэ, онгужин. Среди предводителей этих племен шла постоянная борьба за верховенство над всем хэрэйдским сообществом, апогеем которой и стали события, которые будут описаны в следующей главе.

По свидетельству «Сокровенного сказания монголов», эти племена (тумэн тубэгэнцы и олон донхайдцы) участвовали в сражении между хэ-рэйдами и дружиной Чингисхана в 1203 году, поэтому приход остатков этих племен к Чингисхану был возможен только после осени 1203 года.

С. 113. *Владыка хэрэйдов Ван-хан был некогда крепко дружен с Есухэй-батором, отцом Чингисхана, и стали они побратимами.* — Российский монголовед Б. Я. Владимирцов дает такую характеристику племени хэрэйдов и его вождю Торил-хану (Ван-хану): «Хэрэйды были народом кочевым, говорили на монгольском наречии, но в культурном отношении стояли несколько выше монгольских племен, вроде татар, тайчудов и других. Среди них было довольно распространено христианство нес-торианского толка, имели они сношения и с культурным народом тангу — тами — Си-ся, которые в ту пору владели

северо-западными окраинами Китая, и с разными народами, населяющими Туркестан и Семиречье.

Ван-хан совершенно незаслуженно сделался знаменитой личностью, в особенности в Европе, куда проникли и нашли себе горячий отклик легендарные сказания о царе-священнике Иоанне, который будто бы блистательно правит христианским народом где-то на отдаленном Востоке; титул «Ван-хан» дал повод отождествить легендарного попа Иоанна с хэрэйдским ханом. На самом же деле Торил-хан хэрэйдский был незначительной личностью; жестокий и коварный, он, несмотря на то что был очень энергичен, не обладал совершенно качеством, необходимым для того, чтобы успешно стоять во главе кочевого государства. Несколько раз поэтому он попадал в тяжелые положения, из которых ему помогал выйти, между прочим, и Есухэй-батор» (Владимирцов Б. Я. Чингисхан. — В кн.: Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: «ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 154).

Ван-хан погубил младших братьев отца своего — Хурчахус Буйруг-хана$_{y}$ чем прогневал дядьку по отцу — Гур-хана. — Рашид ад-Дин обратил внимание читателей на двух разных Гур-ханов: «Гур-ханы, которые были государями в Мавераннахре и Туркестане, [происходят] из народа кара-хитай (киданей. — *А.М.*). Этот же Гур-хан был сыном Маркуза, царя хэрэйдов. [Это надо заметить], чтобы не ошибиться» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн.1. С. 127–130).

…в страну Хашин — имеется в виду страна тангутов; название Хашин происходит от китайского Хэ Си — т. е. «страна с правой стороны реки»; имеется в виду река Хуанхэ.

И ополчился тогда Инанча-хан на Ван хана и понудил его бежать прочь. — После того как Тэмужин был провозглашен ханом улуса «Все Монголы» и Торил-хан благословил это решение сородичей своего названого сына, хан хэрэйдов на некоторое время пропал из поля зрения авторов древних источников, в том числе и «Сокровенного сказания монголов». Очевидно лишь то, что он не вмешался в конфликт двух побратимов, Тэмужина и Жамухи, и не поддержал одного из них в «сражении тринадцати куреней». По-видимому, именно в это время в ханстве хэрэйдов вспыхнул и постепенно разгорался свой конфликт, о котором повествует «Сокровенное сказание монголов». В конце концов в 1196 году один младший брат Ван-хана, Эрхэ хар, воспользовавшись отсутствием Ван-хана и его воинства в родных кочевьях (они в это время воевали с татарами), «перекинулся на сторону найманского Инанча-хана», и последний «ополчился на Торил-хана и понудил его бежать прочь». По-видимому,

найманам удалось застать врасплох возвращающееся из похода воинство Ван-хана, разбить его и вынудить спасаться бегством.

А другой младший брат Ван-хана, Жаха гамбу, и «много люда хэрэйдского, оставившего свои пределы и разбредшегося», чуть позднее пришли под водительство Чингисхана. Очевидно, Чингисхан не смог прийти в тот момент на помощь Торил-хану (Ван-хану) вследствие того, что сам воевал в это время с журхинцами.

Когда же после долгих мытарств, описанных в «Сокровенном сказании монголов», Ван-хан «насилу добрался» до кочевий Чингисхана, тот, памятуя о прежней дружбе своего отца с ханом хэрэйдов и помощи и поддержке, которую последний оказал ему в недавнем прошлом, самолично встретил его и призрел в курене своем. И, конечно же, Чингисхан проявил благородство: вернул своему названому отцу его бывших подданных, которые к нему примкнули, и в дальнейшем способствовал тому, чтобы народ хэрэйдский вновь собрался под водительство своего хана.

Несомненно, помощь, оказанная Чингисханом своему названому отцу, укрепила и его собственный авторитет среди монголов. Но самое главное то, что «положение Чингисхана и Ван-хана существенно изменилось. Да, первый по-прежнему называл себя вассалом хэрэйдского хана и величал его «ханом и отцом», но, спасши его от верной гибели и восстановив на троне, уже обращался с ним как с ровней» (Груссе Рене. Чингисхан покоритель вселенной. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 76).

С. 113–114. *Скитаясь, прошествовал Ван-хан через три града, пока не достиг пределов Гур-хана хар хятанского.* — Хар хятаны (кара-хи-таи) — киданьский народ, который после прекращения существования киданьской империи Ляо в 1125 году под водительством Елюй Даши двинулся на запад, где была основана Кара-хитайская держава, которая в начале XIII века включала в себя «Западную Джунгарию от реки Ими-ля на севере и Семиречье до реки Чу на юге… К югу от реки Чу и Центрального Тянь-Шаня лежала гораздо большая территория, подвластная гур-хану по праву завоевателя. На юге она была ограничена волнами Аму-Дарьи, на западе — Аральским морем, так как хорезмшахи признали верховную власть гур-хана, на востоке — богатым оазисом Хотаном. Кашгар, Самарканд, Бухара и Термез, так же как Хорезм и Хотан, имея своих собственных правителей, после Катванской битвы сочли за благо платить гур-хану необременительную дань, что гарантировало им покой и отсутствие необходимости организовывать дорогостоящую оборону северной границы» (Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. Санкт-Петербург, 1994. С. 116–117).

С. 114. *Вместе откочевав, провели они зиму в урочище Хубахаяа.* — Описанные выше события происходили в 1194–1196 годах.

Земли Сартаульские — территория Туркестана.

С. 115. *Год Собаки* — 1202 год.

…ополчился Чингисхан на люд татарский… — Чингисхан сразу после разгрома тайчудов в 1202 году решил одним ударом покончить и с этой «зияющей раной на теле Монгольского государства». «Он повелел произвести всеобщее избиение татар» (Рашид ад-Дин), дабы «отомстить за все старое и обеспечить себе тыл для будущих возможных походов против племен, населявших Среднюю Монголию» (Б. Я. Владимирцов).

Рашид ад-Дин свидетельствует, что сила татарских племен, ранее насчитывавших 70 ООО домов, к концу XII века, особенно после их разгрома в 1196 году их бывшим сюзереном, чжурчжэнями, которых поддержало воинство Чингисхана и Ван-хана, заметно ослабла. Очевидно, и поэтому Чингисхан выступил против татар самостоятельно, без своего союзника, Ван-хана.

Но прежде он изрек закон… — «Сокровенное сказание монголов» сообщает, что походу на татар предшествовал принятый Чингисханом указ, целью которого было укрепление дисциплины в его рати. Джек Уэзерфорд так оценил эти нововведения Чингисхана: «В этой войне против татар Тэмужин провел еще одну серию радикальных изменений в законах, которые царили в Степи на протяжении столетий.

Эти изменения, с одной стороны, оттолкнули от него нескольких традиционно настроенных сторонников из аристократических кланов, но с Другой — укрепили стократно любовь и верность, которыми он пользовался у бедных и неблагородных родов, чью жизнь он улучшил.

Совершая набег за набегом, Тэмужин осознал, что повальное стремление к разграблению чужих гэров (юрт, жилищ. — *А.М.*) становится препятствием на пути к полной победе над врагом. Вместо того чтобы преследовать убегающих воинов противника, нападающие обычно отвлекались на грабеж. Такая система ведения войны позволяла многим воинам спастись и со временем вернуться, чтобы отомстить. В связи с этим Тэмужин решил приказать своим войскам отложить разграбление поселений до того момента, когда будет достигнута полная победа над татарами. Тогда можно было бы провести разграбление более организованно: вся добыча была бы собрана в его руках с тем, чтобы он справедливо распределил ее между всеми своими соратниками…

Другое его нововведение заключалось в том, что он приказал

передавать долю погибших во время похода воинов их вдовам и сиротам… Такая политика не только подарила ему поддержку со стороны беднейших людей в племени, но и усилила верность его солдат, которые были уверены, что, даже если их убьют в бою, заботу об их семьях возьмет на себя хан…

Взяв на себя распределение всего награбленного богатства, Тэмужин снова урезал освященные обычаем привилегии благородных родов, которые обычно сами делили между собой добычу. Это вызвало у многих из них сильную ярость, и некоторые даже перешли на сторону Жамухи, еще более углубив вражду между «белой костью» и простыми кочевниками.

Тэмужин вновь показал, что вместо того, чтобы рассчитывать на кровные узы и силу обычая, члены его племени могут обращаться за помощью непосредственно к нему. Таким образом, он заметно централизовал управление кланом и одновременно усилил преданность своих подданных» (Уэзерфорд Джек. Чингисхан и рождение современного мира. М.: АСТ, 2005. С. 128–130).

С. 115. *И сразился Чингисхан с татарами в местности Далан нумургэс…* — эта местность находится в районе слияния рек Халхин-гол и Нумургу-гол.

С. 116. *Хубилай* — один из четырех «верных псов» Чингисхана; родом из племени барулас. В 1206 году был назначен Чингисханом главнокомандующим войсками единого Монгольского государства.

Мы уничтожим каждого из них, кто перерос тележную чеку… — После разгрома татар и пленения татарского народа на сходе ближайших сродников и соратников Чингисхана «держали они совет, как быть с полоненными татарами». Описание этого схода и последовавшей за ним беспощадной расправы над недругами-татарами дает автор «Сокровенного сказания монголов», который повествует о решении Чингисхана и его сродников и соратников «покончить с ними навсегда» как о естественном, закономерном акте возмездия в отношении «искони губившего их дедов и отцов» народа.

Современными учеными факт истребления татар Чингисханом трактуется неоднозначно. Так, российский ученый Е. И. Кычанов считает, что «кровавое избиение татар, хотя и было в духе той среды и тех лет, не могло не напугать своей жестокостью современников. Сбывалось мрачное пророчество Чингисова рождения с куском запекшейся крови в руке. Монголия, которая, как, по крайней мере, полагает современная наука, жаждала объединения, могла впервые воочию увидеть ту цену, которую она за него заплатит. В междоусобных войнах

татаро-монгольских племен рождался тот их истребительный характер… который потом, когда они выплеснутся за пределы Монголии, заставит содрогнуться весь мир» (Кычанов Е. И. Жизнь Тэмужина, думавшего покорить мир. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, «Школа-Пресс», 1995. С. 115).

Иного мнения по этому вопросу придерживается монгольский исследователь Ж. Бор, который не склонен объяснять факт почти поголовного истребления мужской части татарского народа «природной, дикой жестокостью» Чингисхана, но считает, что «татары на протяжении почти ста лет являлись приспешниками чужеземцев, источником раскола и разрозненности монгольских племен. И у Тэмужина не было иного способа одним махом разрешить ситуацию, угрожавшую самостоятельности монгольского государства, нежели применить репрессивные меры» (Бор Ж. Чингис — прирожденный дипломат (на монг. яз.). Улан-Батор, 2004. С. 27).

С. 117. *Покончив с татарами…* — Французский ученый Рене Груссе так оценил разгром Чингисханом татарских племен: «Истребление татарского народа обеспечило Чингисхану абсолютную власть над Восточной Монголией в то время, когда хэрэйды являлись владетелями Монголии Центральной, а найманы — Западной. Чтобы понять значимость победы над татарами, следует знать, что именно в их бывшую страну сбежал Есухэев сын на другой год, когда, рассорившись с хэрэйдами, был вынужден оставить им свои земли на верхнем Керулене. Если бы… татары не были повержены, то Герой оказался бы, словно в тисках. Этими исконными врагами своей семьи и Ван-ханом он, несомненно, был бы раздавлен. Уничтожение татар изменило баланс сил в Монголии в пользу Чингисхана, в ущерб хэрэйдам. Сын Есухэя Храброго не замедлил высказать свои претензии Ван-хану и тем спровоцировал разрыв с ним» (Груссе Рене. Чингисхан — повелитель вселенной. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 94).

По аймакам… — В период разложения общинно-родового строя под «аймаком» понималась общность людей, объединенных родственными связями и проживающих на общей территории; последняя черта этой общности в дальнейшем стала превалирующей; здесь: племенное воинское подразделение.

В тот же год Собаки, пока Чингисхан воевал татар, Ван-хан ополчился на мэргэдов. — По Рашиду ад-Дину, данные события (поход Торил-хана на мэргэдов) произошли в 1198 году.

С. 118. *…повоевать найманского Хучугуда, прозванного Буйруг-ханом.* — «В год Желтой Овцы, или в 1199 году Чингисхану было тридцать восемь лет. В этот год совместно с Ван-ханом Чингисхан совершил военный поход против северных

найманов (Буйруг-хана. — *А.М.*). Для Чингисхана это было первым сражением против найманов…

Найманы и до своего полного вхождения в монгольский улус поддерживали тесные отношения с монгольскими племенами, с которыми, очевидно, изъяснялись по-монгольски. Поэтому правильно будет считать их уже в то время монголоязычными.

С XI века найманы исповедовали христианство несторианского толка. Они в основном занимались скотоводством, хотя в ряде местностей культивировалось и земледелие. Найманы считались самым культурным народом среди монгольских кочевых племен. Многое было почерпнуто ими из высокоразвитой тюркской культуры. В частности, они были одним из самых первых монголоязычных народов, который стал использовать древнесогдийский алфавит, пришедший к ним от уйгуров (некоторые ученые считают, что они позаимствовали этот алфавит непосредственно от согдийцев)…

В конце XII века (по мнению китайского историка Ту Цзы (1856–1921), в 1197 году) после кончины найманского хана Инанча ему наследовал старший сын Тайбуха, который впоследствии именовался Таян-хан. Тогда же его младший брат Хучугуд не поделил со старшим братом наложницу отца по имени Гурбэсу (на самом деле он оспаривал право на престолонаследие). Младший был вынужден уступить старшему и довольствоваться властью над некоторыми северными территориями найманов. С тех пор он стал себя величать Буйруг-ханом.

Чингисхан и Ван-хан на этот раз напали именно на Буйруг-хана, владетеля северных найманских территорий (местность вблизи нынешнего Кобдоского аймака Монголии)» (Сайшал. История Чингисхана (на монг. яз.). Улан-Батор, 2004. Кн. 1. С. 223–224).

С. 118. *Засим Чингисхан и Ван-хан выступили вместе повоевать найманского Хучугуда, прозванного Буйруг-ханом.* — Усиление улуса «Все Монголы», укрепление собственного авторитета Чингисхана привело к активизации действий враждебных ему монгольских племен и межплеменных союзов, созданных на античингисовой платформе. В монгольской степи началось десятилетие жестоких, непрерывных межплеменных войн.

На этом, во многом решающем этапе своей жизни и борьбы Чингисхан по-прежнему нуждался в таком сильном союзнике, как хэрэйдское ханство и его предводитель — Ван-хан. Хотя за двадцать лет, прошедших после того, как юный Тэмужин впервые явился к Торил-хану с собольей дохой, их отношения сильно

изменились, и теперь уже не Чингисхан, а Ван-хан в критические моменты своей жизни был вынужден обращаться к своему бывшему вассалу за помощью, тем не менее и Чингисхан, и Ван-хан понимали: их союз — это «телега, что о двух колесах и оглоблях», и еще какое-то время они вынуждены будут тащить эту телегу сообща. И все же «дух единодушного согласия», который царил на первом этапе (1178–1196) их взаимоотношений, и сам характер этих отношений — отца-сюзерена и сына-вассала, уступили место прагматичным отношениям союзников, которые к тому же были не всегда последовательны в своих действиях, что свидетельствовало о внутриполитической борьбе, которая началась в недрах этого союза на втором этапе (1196–1202) его существования.

Чингисхан, как свидетельствуют «Юань ши» и «Сборник летописей», вел себя исключительно благородно по отношению к Ван-хану: делился с ним захваченной в набегах добычей, возвращал ему разбредшихся подданных. В результате этого Ван-хан «снова окреп и стал главою подчиненных и войска» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 111). При этом наши источники отмечают, что Чингисхан тогда не придавал большого значения тому, что его окрепший союзник не считает нужным сообщать ему о собственных боевых вылазках и тем более «не делится своей добычей».

Новым свидетельством лояльности и верности Чингисхана союзническому долгу стал поход союзников в 1199 году на найманов, о котором сообщают все древние источники. «…У найманов с Он-ханом, — пишет Рашид-ад-Дин, — постоянно были распря и вражда…» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 1. С. 137). Как мы ранее узнали из наших источников, именно найманы поддержали мятежных братьев Ван-хана и лишили его в 1196 году ханского престола. Все это и стало основной причиной боевого похода союзников на найманов, инициатором которого, по-видимому, был сам Ван-хан. Но нельзя, очевидно, исключать и то, что и сам Чингисхан «искусно втравливал своего союзника в столкновения с его западными соседями» (Хара-Даван Эренжен. Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. С. 41), дабы, с одной стороны, не дав им укрепиться и сплотиться с другими недругами Чингисхана, обезопасить свой улус с запада, а с другой стороны, усилиться самому настолько, чтобы в дальнейшем «быть в состоянии открыто выступить против правителя хэрэйдов» (Хара-Даван Эренжен. Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. С. 41).

С. 118. *Я настигли наши Буйруг-хана у озера Хишилбаши и*

там покончили с ним. — Авторы древних хроник расходятся во мнениях в отношении судьбы самого Буйруг-хана. По свидетельству Рашид ад-Дина, «Буйруг-хан, обращенный в бегство, ушел в область Кэм-Кэмджиут, принадлежащую к местностям, входившим в область киргизов…». Эта местность находится между верховьями рек Обь и Енисей (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 112).

Среди ночи Ван-хан, оставив горящими костры на месте привала своего воинства, двинул свою рать вверх по течению реки Хар сул. — Главное внимание древних источников по этому периоду жизни Чингисхана обращено на происшествие, которое случилось по пути следования союзников восвояси. Как сообщают «Сокровенное сказание монголов» и «Сборник летописей», путь союзникам преградил военачальник второй половины (Таян-хана) найманов — Хугсэгу сабраг. Супротивники договорились биться поутру. Однако ночью, судя по нашим источникам, без объяснений соратнику, Ван-хан снялся со стоянки и двинулся в направлении своей отчины. Источники свидетельствуют также о том, что не последнюю роль в принятии Ван-ханом этого на первый взгляд неожиданного решения сыграл бывший побратим Чингисхана, а в то время один из главных его соперников в борьбе за власть в монгольской степи, — Жамуха. Последний убеждал Ван-хана в том, что Чингисхан «с найманами во дружестве живет» и от Ван-хана «он желает отделиться».

Российский ученый Л. Н. Гумилев (Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. Санкт-Петербург, 1994. С. 227–228), а затем и немецкий монголист П. Рачневский (Рачневский П. Чингисхан. Жизнь и деяния (на немецком яз.). 1983), развивая приведенный выше тезис Э. Хара-Давана, в своих исследованиях высказали мнение, что древние источники что-то недоговаривают, и выдвинули версию, согласно которой накануне битвы с найманским богатырем Хугсэгу сабрагом Чингисхан ультимативно потребовал от Ван-хана объявить его, Чингисхана, наследником хэрэйдского престола (по П. Рачневскому, Чингисхан впервые заговорил об этом еще раньше, после мятежа братьев Ван-хана и оказания Чингисханом ему помощи), а неожиданный уход Ван-хана с поля битвы был его «ответом» на это требование Чингисхана.

Л. Н. Гумилев и П. Рачневский считают, что весь ход последовавших затем событий подтверждает их версию: потерпевшим от этого шага оказался сам Ван-хан; перед лицом Неминуемого разгрома он был вынужден снова умолять о помощи Чингисхана, и тот вновь спас «несчастного» союзника, которому затем ничего не оставалось делать, как во всеуслышание объявить

Чингисхана названым сыном, а следовательно, и наследником.

На этот счет имеются и другие мнения. В частности, монгольского историка Ш. Нацагдоржа: «Утверждение Л. Н. Гумилева и П. Рачневского о том, что Тэмужин намеревался занять престол Ван-хана, пожалуй, похоже на правду. Однако именно в то самое время был ли Тэмужин в силах лишить Ван-хана его трона? И была ли тогда необходимость решительно порвать союзнические связи с Ван-ханом? Как мне думается, в то время, когда Ван-хан уже пришел в себя после тяжелых мытарств, когда тем более не было ясно, чем бы закончилось их прямое противостояние, трудно поверить в то, что он мог ультимативно потребовать от Ван-хана освободить ханское кресло. Главным врагом Ван-хана в то самое время был отнюдь не Тэмужин, а хан найманов. Тэмужин же, и это документально подтверждено, был его вассалом-союзником. И поэтому мы не можем согласиться с Рачневским, по версии которого Ван-хана не страшило объединение Тэмужина с найманами, а больше беспокоило то, что Тэмужин может занять его престол. Нам же очевидно, что Ван-хан больше верил россказням Жамухи о том, что Чингисхан в сговоре с найманами; и поскольку для Ван-хана ничего более опасного, чем это объединение, не было, он поспешно удалился от Тэмужина и пытался уйти прочь, даже не вступая в бой с найманами. Что касается Тэмужина, то у него в то время и в мыслях не было объединяться с найманами; наоборот, он был заинтересован поддерживать с Ван-ханом отношения сына и отца, иначе говоря, называться его вассалом и какое-то время быть с ним вместе.

И то, что Чингис вновь пошел на восстановление союза с Ван-ханом, во многом было связано с тем, что он еще не смог присоединить к себе многие бывшие племена улуса «Все Монголы» (Нацагдорж Ш. Жизнеописание Чингисхана (на монг. яз.). Улан-Батор, 1991. С. 65–66).

Так или иначе, ясно одно: Чингисхан посчитал, что время полного разрыва отношений с Ван-ханом еще не наступило, благородно пришел ему на помощь, отбил у найманов все, что они недавно захватили у его союзника Ван-хана, и возвернул это последнему.

И хотя автор «Сокровенного сказания монголов» закончил свой рассказ об этом происшествии на высокой, оптимистической ноте («Скрепив содружество свое взаимной клятвой, жили они с тех пор душа в душу»), как показали дальнейшие события, описанные в наших источниках, не все в окружении Ван-хана были столь же оптимистичны и рады фактическому объявлению Чингисхана его наследником. В первую очередь это родной сын

Ван-хана, Сэнгум, для которого с этого момента Чингисхан становился реальным соперником в борьбе за отцовское наследство и власть в улусе хэрэйдов.

С. 118. *Той ночью к Ван-хану присоединился Жамуха.* — Рашид ад-Дин и другие источники засвидетельствовали возвращение Жамухи в стан своего побратима Чингисхана и его участие в походе на Буйруг-хана найманского, как и то, что Жамуха по-прежнему склонен «к лицемерию и злонамеренности» в отношении Чингисхана.

Сайшал оценивает «лицемерные речи» Жамухи как попытку путем сговора с Ван-ханом оставить Чингисхана один на один с сильным врагом, руками которого и устранить Чингисхана (История Чингисхана. Кн. 1.С. 225).

Л. Н. Гумилев склонен видеть в действиях Жамухи новый этап взаимоотношений Чингисхана и Жамухи, когда последний «постоянно находится среди врагов Чингиса, но ведет там двойную игру. Здесь он играет на руку Чингису, отпугивая Ван-хана от примирения с найманами. Для этого было достаточно сказать, что с врагом уже договорился сам Чингис; этой одной фразы оказалось достаточно, чтобы испуганный Ван-хан обратился в бегство… Да и как ему (Ван-хану. — *А.М.*) было не опасаться коварства Чингиса, стремившегося стать его наследником?!» (В поисках вымышленного царства. С. 231).

С. 119. *И снарядил Чингисхан свою рать на помощь Ван-хану. И шли впереди посланные им четверо богатырей — Борчу, Мухали, Борохул и Чулун.* — Китайский исследователь Сайшал считает, что в этом походе войско Чингиса могли возглавлять только Борчу и Мухали, т. к. Борохул в то время был еще ребенком, а сын Сорхан шара, Чулун, еще не присоединился вместе с отцом к Чингисхану.

С. 120. *И сошлись Чингисхан и Ван-хан в Черной роще…* — Эта встреча Торил-хана и Чингисхана состоялась в конце 1200 года. Ситуацию, которая сложилась к этому моменту, российский ученый Р. Храпачевский охарактеризовал следующим образом: «В монгольской степи явно вырисовались следующие группировки: хэрэйды Ван-хана; монголы Чингисхана; Жамуха как глава множества малочисленных обоков, видевших в нем свою защиту от поглощения крупными объединениями; объединение татар и найманов Таян-хана. Отношения между ними были неустойчивыми, существовавшие на этот момент союзы между разными группировками были хрупкими и уже испытывали сильные тенденции к распаду. Каждая группировка внимательно следила за действиями других, зрела череда заговоров против союзников и, наоборот, готовились составиться невозможные

альянсы. Такова была ситуация к концу года Обезьяны, т. е. на переломе 1200 и 1201 годов нашего летоисчисления» (Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, изд. ВЗОИ, 2004. С. 101).

С. 121. *И замыслил однажды Чингисхан упрочить их дружество…* — Описываемое здесь событие относится к концу 1202 — началу 1203 гг. После объявления Ван-ханом своим названым сыном Чингисхана последний предложил ему «упрочить их дружество» путем «перекрестных» межродовых браков, что обычно практиковалось в средневековом монгольском обществе. В конечном итоге это привело бы к упрочению положения Чингисхана как потенциального наследника хэрэйдского престола, укрепило бы союз двух ханств.

К сожалению для Чингисхана, его далеко идущим планам не суждено было осуществиться. Отметим, что, по свидетельству Рашид ад-Дина, первоначально Ван-хан был сторонником такого породнения, но все расстроил, как сообщает «Сокровенное сказание монголов», его сын, Сэнгум, «которого обуяла гордыня». И сделано это было в весьма неуважительной форме по отношению к названому брату. Этот отказ явился зловещим предвестником всех последующих событий. «Действительно, для Чингиса отказ этот должен был быть большим разочарованием, в его аристократической системе возможность породниться со знатным и могучим домом занимала важное место. Вскоре Чингису пришлось пережить и другие разочарования и испытания» (Владимирцов Б. Я. Чингисхан. — В сборнике Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 162).

Жочи — старший сын Чингисхана.

Хоймор — самое почетное место в юрте; находится напротив входа, у задней стенки юрты.

Год Свиньи — 1203 год.

…встретились с Нилха Сэнгумом. — Как явствует из «Сокровенного сказания монголов», «взаимной неприязнью» Чингисхана и хэрэйдов не преминули воспользоваться враги Чингисхана. Инициатором очередного античингисова заговора вновь стал Жамуха, к которому примкнули отошедшие от Чингисхана его ближайшие сородичи Алтан, Хучар, Даридай отчигин.

Автор «Сокровенного сказания монголов» подробно повествует о том, как Жамуха и его приспешники сначала смогли привлечь на свою сторону сына Ван-хана, Сэнгума, который и без того был настроен крайне враждебно в отношении Чингисхана, а затем как уже сам Сэнгум «дожал» находившегося в смятении и

нерешительности отца, самую трагическую фигуру этого конфликта.

Ата-Мелик Джувейни в своей «Истории завоевателя мира» дал, пожалуй, лучшую характеристику той атмосферы, которая воцарилась в стане хэрэйдов после этого злополучного сватовства: «Сыновья и братья Ван-хана, его придворные и фавориты стали завидовать положению и милости, которыми он (Чингисхан. — *А.М.*) пользовался, и тогда они накинули сеть коварства на врата счастливого случая и расставили капканы вероломства, чтобы очернить его имя; в тайных беседах они рассказывали о его могуществе и превосходстве и повторяли истории о том, как все сердца склоняются к повиновению и верности ему. Под видом доброжелателей они постоянно рассказывали об этом, пока Ван-хан также не заподозрил его и не начал сомневаться в том, как ему поступить; и опасение и страх перед его мужеством и отвагой поселились в его сердце» {Джувейни Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. М.: Издательский дом Магистр-Пресс, 2004. С. 26).

С. 123. *«…Но коль по силам вам такое, что ж, воля ваша!»* — Монгольский ученый Ж. Бор так оценил позицию Ван-хана в готовившемся заговоре против Чингисхана: «Ван-хан трижды отказывался от участия в заговоре, направленном против Тэмужина, но затем все же дал свое согласие. В этом заговоре обращают на себя внимание два момента. Во-первых, это то, что Жамуха для реализации своих замыслов решил вторично использовать мифический тайный сговор Чингисхана и найманов в качестве жупела для Ван-хана и его сына. Поскольку найманы на протяжении нескольких поколений вмешивались во внутренние дела хэрэйдов, вплоть до решения вопроса о престолонаследии, Жамуха справедливо, как потом оказалось, считал, что перспектива союза найманов и Тэмужина не могла не напугать хэрэйдов. Во-вторых, Ван-хан, трижды отвергнув доводы заговорщиков, но затем все же согласившись, высказался при этом достаточно двусмысленно. Хотя Ван-хан вроде бы искренне предостерегал их от нападения на благодетельного сына Тэмужина, защитившего его ханский престол, однако его речи мало согласуются с политикой этого «прожженного» дипломата. Поэтому, ни в коей мере не беря под сомнение личные мысли Ван-хана, но при этом памятуя о том, что «дипломату дарован язык для того, чтобы скрывать свои мысли», позволю себе предложить иную трактовку его действий. Ван-хан, отвергая предложение заговорщиков, тем самым испытывал их волю, желал убедиться в серьезности их намерений; выказывая свое недовольство их замыслами, он намеренно разжигал в них

стремление к достижению поставленной ими цели…

Следует отметить, что Ван-хан и сам «заглотил» приманку, брошенную Жамухой, и был крайне напуган перспективой союза найманов и Тэмужина. Это чувство страха «помогло» ему преодолеть свои колебания, и он однозначно решил воевать против Тэмужина» (Бор Ж. Чингисхан — прирожденный дипломат (на монг. яз.). Улан-Батор, 2004. С. 29–31).

…пригласим, как водится, на багалзур… — то есть пригласим на свадьбу; издревле у монголов существовал обычай, по которому три дня после свадьбы муж и жена ели только шейную часть овцы (багалзур). Поскольку багалзур костистая и твердая, тем самым утверждалась крепость союза молодоженов.

С. 127. *Затем пусть выступает Хори шилэмун тайши, в сраженье тысячу ведя моих гвардейцев. И лишь потом пусть силы наши главные вступают в бой.* — Автор «Сокровенного сказания монголов» свидетельствует о составе войска Ван-хана и его диспозиции (в пять «эшелонов») во время сражения при Мау ундуре; упоминаемые здесь жирхинцы, тумэн тубэгэнцы и донхайдцы — племена, родственные хэрэйдам, являвшиеся подданными Ван-хана. Интересно также сообщение автора летописи о наличии в дружине Ван-хана специальной тысячи гвардейцев.

С. 128. *И выстроили Журчидэй и Хуилдар уругудских и мангудских мужей, и готовы были уже они выступать передовым отрядом рати Чингисхана…* — По свидетельствам разных источников, войско Чингисхана не превышало 3–5 тысяч человек, когда дружина противника превосходила его в несколько раз.

С. 129. *Угэдэй* — третий сын Чингисхана взошел на престол через два года после его смерти, правил с 1229 по 1241 г. По сведениям Рашид-ад-дина, Угэдэй-хан «был известен и знаменит высокомерием, умом, способностями, суждением, рассудительностью, твердостью, степенностью, великодушием и справедливостью, однако предавался наслаждениям и пил вино…».

С. 132. *И послал Чингисхан…* — После трехдневной кровопролитной битвы «Чингисхан понял, что для решительной победы над Ван-ханом необходимо собрать больше сил; поэтому он после боя предпринял отступление, подкрепляя коней и давая отдых воинам; во время этого отхода войско его усилилось подходившими подкреплениями. Чтобы выиграть еще больше времени, он пытался вступить с Ван-ханом в переговоры…» (Хара-Даван Эренжен. Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. С. 42).

В «Сокровенном сказании монголов» во всех подробностях

воспроизводится содержание устных посланий, которые через своих послов Чингисхан донес до каждого из членов вражеского союза. «…Монгольский Герой разговаривал с каждым из членов вражеского союза отдельно, на его собственном языке, выдвигая аргументы, важные лишь для него одного… Во всем этом под прикрытием безупречной верности слову и трогательной доброжелательности таилось намерение рано или поздно окончательно разрушить вражескую коалицию» (Груссе Рене. Чингисхан — покоритель вселенной. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 107).

И надо отдать должное его таланту дипломата; этот ловкий ход дал поразительные результаты. По свидетельству автора «Сокровенного сказания монголов», когда Ван-хан выслушал послание своего названого сына, его захлестнула волна раскаяния, он поклялся жизнью не идти более супротив «достойного сына». Как сообщает Рашид ад-Дин в «Сборнике летописей», зачинщики этой смуты, достойно пристыженные Чингисханом в его личных посланиях, вознамерились свергнуть хэрэйдского хана-союзника, но получили отпор и вынуждены были срочно ретироваться кто куда.

Племена, которые были на стороне Ван-хана или занимали выжидательную позицию, искусно «распропагандированные» посланцами Чингисхана, влились в его ряды и значительно пополнили его изрядно потрепанное в боях и вынужденных переходах войско. Эта успешная акция «открытой дипломатии» Чингисхана позволила ему показать истинное лицо своих врагов, и тем самым он привлекал на свою сторону все новые и новые силы. И, пожалуй, главное, чего достиг Чингисхан этим своим посланием Ван-хану, было усыпление его бдительности, что в конечном итоге привело к полному краху хэрэйдского ханства.

С. 137. *…и наказал: «Сыну передай!»* — Согласно традиции побратимства, будущие побратимы, дабы в дальнейшем считаться кровными родными, вместе с ритуальным вином испивали несколько капель крови друг друга.

С. 138. *Да не позорьте звание гвардейца жаут хури!* — Чингисхан имеет в виду себя; в 1196 году чжурчжэни пожаловали титул жаут хури; говоря о «звании гвардейца», Чингисхан недвусмысленно указывает своим высокородным сородичам место, которое им отводилось в возглавляемом им улусе.

Да не позвольте ворогу вступить в пределы отчины, к истокам трех родимых рек! — Имеются в виду Керулен, Онон и Туул, являвшиеся колыбелью главных монгольских родов и племен, создавших единое Монгольское государство. Взывая к чувству патриотизма своих ближайших сородичей, Чингисхан сделал

последнюю попытку их «образумить» и привлечь под свои знамена.

С. 139. *И присовокупил к сказанному Чингисхан: «Мой хан-отец, мои два побратима, Сэнгум и Жамуха, и вы, Алтан, Хучар, Ачиг ширун и Хачигун! Пускай придут ко мне по два посла от каждого из вас!»* — Французский ученый, писатель Рене Груссе так определил цель этих посланий Чингисхана: «Это послание было весьма ловким дипломатическим ходом. Монгольский Герой (Чингисхан. — *А.М.*) разговаривал с каждым из членов вражеского союза отдельно, на его собственном языке, выдвигая аргументы, важные лишь для него одного.

Так, обращаясь к Ван-хану, он стоял на позициях верности вассальной присяге, показывая себя приемным сыном, ничем не заслужившим немилости, в которой оказался, и страдавшим от раны, нанесенной его «сыновней» любви. Одновременно он пытался посеять недоверие между старым ханом и его законным наследником, Сэнгумом, которого как бы подозревал в отцеубийственных намерениях.

Монгольских же князей, перешедших на службу к Ван-хану, он стыдил за предательство предков и народа и ненавязчиво призывал их под свой бунчук для совместной борьбы с хэрэйдами, оккупировавшими дедовские степи. Во всем этом под прикрытием безупречной верности слову и трогательной доброжелательности таилось намерение рано или поздно окончательно разрушить вражескую коалицию» (Груссе Рене. Чингисхан — покоритель вселенной. М.: Молодая гвардия, 2000. С. 107).

С. 139. *Вскоре перекочевал Чингисхан к озеру Балжуна.* — В различных источниках речь идет либо об озере Балжуна, либо о реке под этим же названием; о местонахождении этого озера (реки) у исследователей нет единого мнения, но, принимая во внимание косвенные данные, в частности, о направлении движения мусульманина Асана (к реке Аргунь), который повстречался Чингисхану на озере Балжуна, можно согласиться с теми исследователями, которые считают, что это небольшое озерцо находилось юго-западнее озера Хулун.

…человек по имени Асан сартагтай. — Этот мусульманский купец, по-видимому, вошел в доверие к Чингисхану, и поэтому его имя значится среди соратников Чингисхана по «сидению» на озере Балжуна.

«…Мусульманские купцы… тогда держали в своих руках торговлю в Средней Азии, проникая в самые отдаленные места. Благодаря общению с этими мусульманами Чингисхан имел возможность значительно расширить свой горизонт, многое узнать о том, что делается в мире, узнать о разных странах и

народах» (Владимирцов Б. Я. Чингисхан. — В кн.: Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 164).

Тот Асан гнал тысячу овец из пределов онгудского Алахуши дигитхури… — Вождь онгудского племени Алахуши дигитхури впоследствии оказал Чингисхану неоценимые услуги в борьбе против найманов и чжурчжэней.

С. 140. *Вместе с горстью нукеров он отошел от Ван-хана…* — Имеются исторические сведения о том, что одно время отношения между братьями — Тэмужином и Хасаром — испортились из-за того, что Хасар по недоразумению воспрепятствовал воссоединению племени хонгирад с Чингисханом, за что получил осуждение последнего. Вероятно, поэтому Хасар покинул старшего брата и некоторое время жил в ставке Ван-хана. Чингисхан был рад не только самому возвращению младшего брата, а возможности использовать Хасара в борьбе против Ван-хана. Впоследствии Чингисхан от имени Хасара направил к Ван-хану своего разведчика, дабы выведать состояние дел у хана хэрэйдов. И, убедившись таким образом в их беспечности, неожиданно напал и разбил их. Дальнейшие отношения между Чингисханом и Хасаром характеризовались взаимным недоверием, подозрительностью в заговорах друг против друга.

С. 141. *«…Такой нам в нукеры годится!»* — Русский философ Н. Трубецкой так прокомментировал этот характерный для Чингисхана поступок: «…После завоевания каждого нового царства или княжества Чингисхан осыпал наградами и приближал к себе всех тех, которые оставались верными бывшему правителю этой завоеванной страны до самого конца, верными даже тогда, когда их верность была для них явно невыгодна и опасна. Ибо своей верностью и стойкостью такие люди доказывали свою принадлежность к тому психологическому типу, на котором Чингисхан и хотел строить свою государственную систему.

Люди такого ценимого Чингисханом психологического типа ставят свою честь и достоинство выше своей безопасности и материального благополучия. Они боятся не человека, могущего отнять у них жизнь или материальные блага, а боятся лишь совершить поступок, который может обесчестить их или умалить их достоинство… в своих собственных глазах».(Трубецкой Николай. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. — В сб.: Классика геополитики. XX век. М.: АСТ, 2003. С. 154).

С. 144. *…мать Таян-хана найманского Гурбэсу…* — Таян-хан — хан улуса найманов; Таян-хан был противником возвышения и усиления Чингисхана и поэтому в союзе с другими врагами

Чингисхана боролся против него, но был разгромлен летом 1204 г. После этого Чингисхан присоединил найманский народ и их земли к себе.

По другим источникам, Гурбэсу была не матерью, а женой (или наложницей) отца Таян-хана или перешла к Таян-хану после отцовской смерти.

Хур — монгольский национальный музыкальный инструмент.

С. 145. *Я непременно попленю монголов этих и в отчину свою их пригоню.* — Весть о разгроме хэрэйдского ханства и смерти Ван-хана, очевидно, не оставила никого равнодушным на монгольских просторах, ускорила процесс решающего размежевания монгольского общества.

Недруги Чингисхана понимали, что единственной реальной силой, способной противостоять Чингисхану, их последним союзником и оплотом может стать лишь найманский Таян-хан. И поэтому, как свидетельствуют автор «Сокровенного сказания монголов» и Рашид ад-Дин в «Сборнике летописей», «вслед за Жамухой» все они «полностью собрались к Таян-хану».

Чингисхан, кроме военной победы над Ван-ханом, в результате которой он «захватил [его] владения и весь род хэрэйдов», благодаря своей политике «открытой дипломатии», развернутой еще накануне сражения с Ван-ханом и продолженной после гибели хана хэрэйдов от рук найманов, добился и морального перевеса над своими врагами.

То, что нам сообщают древние источники о надругательстве хана найманов над головой убиенного Ван-хана, о его оскорбительном высокомерии в отношении монголов, несомненно, было донесено до слуха еще не примкнувших к Чингисхану племен. В результате его улус, помимо многочисленных хэрэйдских родов, пополнился и другими монгольскими и тюркскими племенами, которые в этот решающий момент поспешили перейти на сторону Чингисхана.

С. 147. *…я шлю гонца тебя предостеречь: будь осторожен, не дай врагу себя обезоружить…* — «Сокровенное сказание монголов» сообщает о прочингисовой позиции онгудов. Автор «Сказания» неслучайно заостряет наше внимание именно на онгудах, которые, как и найманы, были народом «тюркских кровей и несторианской веры» (Груссе Рене. Чингисхан — покоритель вселенной. М.: Молодая гвардия. 2000. С. 117).

Найманы, готовясь к войне против Чингисхана, крайне нуждались в онгудах, которые могли бы нанести удар по Чингисхану с тыла. Однако вождь онгудов, по-видимому, опасаясь набирающего силу и мощь Чингиса, не только отказался присоединиться к античингисовым силам, но, как

свидетельствуют древние источники, «Сокровенное сказание монголов» и «Сборник летописей», поспешил известить Чингисхана о коварных замыслах найманов и их союзников, а по сообщению «Юань ши», и вовсе «поднял обок (племя. — *А.М.*) и стал вассалом (Чингисхана)».

С. 147. *Выслушав онгудского гонца, здесь же, в урочище, собрались держать совет…* — Известие о надвигающейся угрозе с запада подвигло Чингисхана и его сподвижников к незамедлительному принятию решительных контрмер. Автор «Сокровенного сказания монголов» запечатлел напряженную обстановку, в которой обсуждался план предстоящей войны с найманами. В жарких спорах, как свидетельствуют «Сокровенное сказание монголов» и «Юань ши», верх взяли сторонники упреждающего удара по врагам, дабы «воспользоваться их неготовностью».

Отчигин ноён (Тэмугэ Отчигин) — младший брат Чингисхана; имя Отчигин происходит от «отгон» — хранитель огня, очага.

С. 148. *…пожалован чин высокий — чэрби.* — Высший воинский чин; назначенные Чингисханом в 1204 году шесть чэрби командовали его личной охраной, были тысяцкими-ноёнами, управляли хозяйственными делами в улусе.

И, покончив с этим, занялся Чингисхан устроением личной караульной стражи — хишигтэна… — Решающий характер предстоящего сражения побудил Чингисхана к началу коренной реорганизации своего улуса и, главное, к перестройке значительно увеличившейся армии, в которой «десятичная система была принята за основу войска, причем ее комплектация производилась не столько по родовым подразделениям (как это было принято в предыдущих десятичных системах других кочевников, начиная с хунну), а по принципу целесообразности и по решению каана (хана. — *А.М.*) — главнокомандующего. Кроме того, вводились должности, отделенные от родовых старейшин, т. е. войсковые командиры и управители хозяйством улуса, назначаемые лично кааном — тысячники, сотники и десятники, а также черби. И наконец, ближняя к Чингисхану дружина стала гвардией-кешигом (хишигтэн. — *А.М.*), которая стала опорой каана против оппозиции внутри улуса… Чингисхан делает из самых близких нукеров личную гвардию, не связанную ни с кем, кроме своего повелителя… В дальнейшем роль кешига только возрастала, эта «гвардия» со временем стала одним из главных несущих элементов государства Чингисхана» (Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: «АСТ», ВЗОИ, 2004. С. 115).

С. 149. *В день после полнолуния — шестнадцатого числа первого летнего месяца года Мыши, окропив боевое знамя,*

Чингисхан выступил в поход. — Монголы перед выступлением в боевой поход осуществляли обязательный ритуал жертвоприношения боевому знамени, в котором, по убеждению древних монголов, хранилась «сулдэ», жизненная сила великих предков, которые являлись гениями-хранителями рода.

С. 150. …*Вступать в борьбу, надеясь на авось, со стойкими монголами не надо.* — Как сообщает автор «Сокровенного сказания монголов», реорганизованная многотысячная рать Чингисхана совершила более чем 300-километровый переход от реки Халхин-Гол до восточных отрогов Хангайских гор, где протекает река Орхон. Людям и лошадям, очевидно, нужна была передышка. Да и численный перевес, как признавали сами монголы, был все же на стороне врага. По свидетельству автора «Сокровенного сказания монголов», один из сподвижников Чингисхана, Додай чэрби, посоветовал ему, как сбить с толку противника, обеспечив тем самым себе передышку и подготовку к решающему сражению. Уловка Чингисхану удалась: враг был дезориентирован, Таян-хан оказался в растерянности, запаниковал.

С. 152. …*обогнули восточный склон горы Наху хун…* — Эта гора, по мнению монгольского исследователя Х. Пэрлээ, находится на правом берегу реки Орхон; ее современное название — Лах баян.

Отогнав передовой отряд неприятеля, наши ратники выстроились в боевой порядок; и было решено:

«Как колючки караганы в тело недруга вонзая,
Тут и там его терзая, обтекая, окружая,
Клинья по бокам вбивая,
Разрывая, расчленяя,
Будем бой вести».

— Монголы Чингисхана, разработав тактику ведения боя, кстати, в поэтической (!) форме описанную автором «Сокровенного сказания монголов», выстроились в боевой порядок, который окончательно поверг в сомнения и страх не только Таян-хана, но и его союзников, в частности, Жамуху, которые, как свидетельствует «Юань ши», не ожидали увидеть перед собой «войско, исполненное твердого порядка».

Американский ученый Джек Уэзерфорд попытался «расшифровать» тактику Чингисхана, изложенную выше в стихотворной форме: «В предшествующие решительному бою дни Тэмужин часто испытывал свою новую систему организации армии. Вместо того чтобы ввязываться в открытый бой с

превосходящими силами найманов, он изводил их внезапными и быстрыми атаками. Он построил своих воинов в боевой порядок, который назывался «перекати-поле», и нанес удар за час до рассвета. Вместо того чтобы бросаться в бой большими подразделениями, Тэмужин приказал небольшим арбанам (десяткам. — *А.М.*) рассредоточиться и, незаметно приблизившись к противнику в предрассветной тьме, нападать с разных сторон. Такая тактика не позволяла врагу ни оценить число нападавших, ни дать им организованный отпор с какой-то одной стороны лагеря. Нанеся молниеносный удар и сколь возможно более серьезный урон противнику, арбаны так же быстро отступали в разные стороны, не давая врагу времени опомниться или организовать погоню.

После нескольких таких атак Тэмужин построил воинов в боевой порядок, который назывался «озеро». Войска растягивались длинной цепью, передний ряд выпускал во врага стрелы залпом и тут же отходил назад, давая место следующей волне. Подобно прибою, они накатывались на позиции противника, нанося удар и тут же исчезая в темноте. Отступившие пристраивались в заднюю часть колонны и формировали новую «волну». Такая тактика вынудила найманов растянуться в длинную цепь, чтобы защищаться от широких «волн».

Как только их войска растянулись достаточно широко, Тэмужин перешел к третьей части своего плана. Он перестроил отряды в боевой порядок, который назывался «шило», где воины выстраивались узким, но чрезвычайно глубоким строем, что позволяло сосредоточить всю силу удара в одной точке и прорваться через растянутые ряды найманов» {Уэзерфорд Джек. Чингисхан и рождение современного мира. М.: АСТ, 2005. С. 146–147).

То, какой представлялась рать Чингисхана врагам в том бою, в прекрасном поэтическом диалоге Таян-хана и Жамухи далее изложил все тот же автор «Сокровенного сказания монголов».

С. 156. *Итак, я от найманов ухожу, и нукеры мои уходят.* — Монгольский ученый Ш. Нацагдорж так объясняет поведение Жамухи: «Если следовать свидетельствам «Сокровенного сказания монголов», отношения Тэмужина и Жамухи кажутся воистину непонятными и удивительными. Как объяснить то, что Жамуха не только не был последовательным противником Тэмужина, но более того, помогал ему? По-моему, во-первых, Жамуха по ходу развертывавшихся событий все более убеждался в том, что все заговоры против Тэмужина в конечном итоге ни к чему, кроме поражения их инициаторов, не приведут, и в какую бы самую

тяжелую ситуацию Тэмужин ни попал, из нее в конце концов он выйдет победителем. Во-вторых, Жамуха, очевидно, знал, что его соратники по борьбе против Тэмужина — хэрэйдский Ван-хан, мэргэдский Тогтога бэхи, найманский Таян-хан, хотя и использовали его в этом противостоянии как крупного и влиятельного феодала улуса «Все Монголы», отнюдь не желали сделать его ханом этого улуса, не говоря уже о подчинении ему народов всей Монголии. В-третьих, знал Жамуха и то, что противники Тэмужина — и хэрэйдский Ван-хан и найманский Таян-хан, и другие его недруги были люди недалекие, не ладившие друг с другом; их позиции в собственных ханствах были шаткими. Поэтому, вполне возможно, Жамуха надеялся на то, что, перейдя на сторону Тэмужина и помогая ему, им (с Чингисханом) удастся убрать со своего пути всех, кто намеревался установить свое господство в Монголии. И вот тогда, оставшись с Тэмужином один на один, он попытался бы склонить чашу весов в свою пользу» (Нацагдорж Ш. Биография Чингисхана (на монг. яз.). Улан-Батор, 1991. С. 103–104).

С. 156. *…влились под водительство Чингисхана.* — Некоторые древние летописи, в частности «Сборник летописей» Рашид ад-Дина и «Алтан тобчи» Мэргэн гэгэна, свидетельствуют о том, что победа далась Чингисхану не так легко, как это может показаться из описания этой битвы автором «Сокровенного сказания монголов»; найманы и их хан и не думали сдаваться на милость победителя, «жестоко сражались, пока не были [все] перебиты». Их мужество, как сообщает Рашид ад-Дин, оценил даже сам Чингисхан. Так «был полонен и подчинен весь народ найманский на Алтае», под водительство Чингисхана влились и все племена, ранее ведомые Жамухой.

С. 157. *Вождь племени Увас мэргэд по имени Дайр усун, не желая воевать против Чингисхана, решил показать ему свою дочь Хулан.* — К периоду войны с мэргэдами относится важное событие в жизни Чингисхана: женитьба осенью 1203 года Чингисхана на Хулан (1185–1225), дочери вождя племени увас мэргид Дайр Усуна.

С. 158. *Полонив народ мэргэдский, Чингисхан пожаловал Угэдэю Дурэ-гэнэ хатан.* — Старший из пяти сыновей Угэдэя и Дурэгэнэ хатан, Гуюг (1206–1248), правил Монгольской империей в 1246–1248 годах.

С. 159. *Год Быка* — 1205 год.

Эрчис — река Иртыш.

…наехал на мужей мэргэдского Тогтога и найманского Хучулуга, которые соединились против него. — Рене Груссе так описал этот момент в противостоянии Чингисхана и его врагов: «Тем временем… мэргэдский вождь Тогтога с сыновьями скитался по Западной Монголии, разделяя участь изгнанника с найманским княжичем Хучулугом. Преследуя беглецов, Завоеватель (Чингисхан. — *А.М.*) подошел к границе Монгольского Алтая, где встал на зимние квартиры (зима 1204/05 г.). Теперь удара противника он мог ждать со стороны гор Улан-дабан и Табын-ула (до 4000 м над уровнем моря), соединявших монгольскую и русскую части Алтая. На восточном склоне этого массива берет начало питающая своими водами тот озерный край река Кобдо, тогда как на склоне западном находятся истоки реки Бухдурмы, притока верхнего Иртыша… Именно там, на берегах Бухдурмы, то есть в нынешней Семипалатинской области, на полпути между одноименным городом и городком Алтайском, Тогтога бэхи и Хучулуг собрали все имевшиеся у них войска. Весной 1205 года к ним вплотную приблизился Чингисхан» (Груссе Рене. Чингисхан — покоритель вселенной. М.: Молодая гвардия. 2000. С. 127–128).

С. 159. *…отсекли отцовскую голову…* — Этот эпизод связан с существовавшей, как явствует из древних источников, традицией делать из черепа умершего знатного мужа в знак его почитания пиалу, инкрустированную серебром, устанавливать ее на специальный коврик, а перед нею ставить различные яства. Эта традиция связана с верованиями монголов в то, что череп является вместилищем «сулдэ» — «жизненной силы» великого человека, которая становится гением-хранителем своего рода, племени. Если автор «Сокровенного сказания монголов» считает, что этот эпизод случился в 1205 году, то Рашид ад-Дин датирует этот эпизод 1208 годом.

…на запад через земли ханлинов и кипчаков. — После сражения Чингисхана с объединенными войсками его врагов избежать пленения удалось лишь самому Жамухе и сыну Таян-хана, Хучулугу. Не подчинились Чингисхану и его старые недруги, мэргэды, которые, по сообщению Рашид ад-Дина, были «заодно с Таян-ханом и бежали после его поражения».

По свидетельству автора «Сокровенного сказания монголов», вскоре и мэргэдам пришлось «почувствовать себя в шкуре изгнанников». В погоне за недобитыми ворогами Чингисхан во главе своей рати совершил многотрудный переход через Алтайский хребет. Основные силы найма-но-мэргэдского воинства им были разгромлены в начале 1205 года на Иртыше. Правда, как сообщает автор «Сокровенного сказания монголов»,

найманскому княжичу Хучулугу и сыновьям убитого хана мэргэдов Тогтога снова удалось уйти невредимыми; они проследовали на запад: Хучулуг — «в Семиречье, к господствовавшим там кара-киданям, а сыновья мэргэдского хана — «через земли ханлинов и кипчаков», где их ждали разные судьбы, о чем будет рассказано далее.

С. 160. *В тот же год Быка Чингисхан, предоставив Субэгэдэю колесницу, отослал нукера своего вдогонку за сыновьями Тогтога бэхи — Худу, Галом, Чулуном и прочими мэргэдами.* — Судя по персидским и китайским источникам, Субэгэдэй был отправлен Чингисханом вслед за остатками племени мэргэдов в 1216 году, а в следующем покончил с ними. Вот как описал предысторию этого похода Рашид ад-Дин: «Когда Чингисхан, покончив вышеупомянутым образом с завоеванием областей Хитая, вернулся назад, он услышал, что из племени мэргэд, с которым он, как это уже упоминалось, прежде неоднократно воевал, убил их государя Тогтога-бэхи и несколько его сыновей и братьев, а войска их рассеял, брат Тогтога-бэхи, Худу, и трое его сыновей: Чилаун, Маджар и Мэргэн, бежавшие раньше к границе области найманов, в местность, на пути к которой лежат труднодоступные горы и к которой ведут тяжелые дороги, снова устроили там [свое] сборище и хотят начать враждебные действия. Он [тотчас] озаботился принять против них меры.

В год Быка (1217 г. — *А.М.*)…Чингисхан послал Субэгэдэй-батора вместе с войском на войну против Худу и его племянников по брату. Он приказал сделать для войска множество повозок и скрепить их железными гвоздями, чтобы они быстро не поломались среди камней» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. 1. Кн. 2. С. 177).

С. 163. *И схватили Жамуху пятеро нукеров его прямо за трапезой и привели к Чингисхану.* — В предыдущих главах «Сокровенного сказания монголов» мы узнали многое из истории взаимоотношений Тэмужина (Чингисхана) и его побратима и в то же время главного соперника, Жамухи, которые считаются одной из самых таинственных и загадочных страниц монгольской истории того времени. Как явствует из древних источников, пути-дороги Тэмужина и Жамухи, ставших побратимами еще в детстве, снова сошлись в тяжелое для Тэмужина время: в плен к мэргэдам попала его жена — Бортэ. История ее вызволения, а также последующие полтора года жизни «бок о бок в мире и согласии» вроде бы свидетельствовали о братских отношениях Тэмужина и Жамухи. Однако, как говорится, все познается в сравнении. Соплеменникам, людям, подвластным Тэмужину и Жамухе, по-видимому, стала ясна разительная разница между побратимами: с

одной стороны, чванливость, жестокий нрав, диктаторские замашки «золотопоясной» знати — у Жамухи, а с другой стороны, свободомыслие, дружелюбие, способность притягивать к себе людей, оценивать их за смелость и преданность, так характерные для «людей вольной воли», — у Тэмужина. Подобное «прозрение» привело к переходу многочисленных сторонников и соплеменников Жамухи в стан Тэмужина. И тогда Жамуха, уразумев, что именно Тэмужин становится главным препятствием на пути его возвышения над всеми монгольскими племенами, фактически предложил побратиму впредь кочевать врозь. Дальнейшие события показали, что этот разрыв, хотя и произошел достаточно мирно и спокойно, развел побратимов навсегда, стал поворотным этапом в их судьбах. Говоря о неизбежности этого разрыва, Б. Я. Владимирцов писал: «Жамуха должен был стать врагом Чингиса… потому что был таким же ханом-узурпатором, претендентом на то же, к чему стремился и Чингис» (Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. — В сб.: Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: ИФ «Восточная литература», РАН, 2002. С. 380).

Именно после этого разрыва поведение, поступки Жамухи становятся по меньшей мере странными, внутренне противоречивыми, трудно объяснимыми. Действительно, почему Жамуха, который отделился от анды-побратима Тэмужина, ибо претендовал на престол хана всех монголов, вдруг оставляет своих потенциальных союзников, которые могли помочь ему в достижении его цели, более того, сообщает в самый критический момент своему побратиму численность и расположение войск его противников или повергает их своей «психологической обработкой» в смятение и страх, что в конечном итоге привело врагов Чингисхана к краху? Все это наводит на мысль о том, что Жамуха, возможно, и не помышлял серьезно бороться с Чингисханом за власть, но специально, удалившись от него и распознав замыслы и человеческие качества его врагов, приближал их к себе, дабы избавить анду-побратима от коварных временных союзников. Можно предположить, что ставшие побратимами в детстве Тэмужин и Жамуха, уже позднее предчувствуя, что одному из них суждено будет встать во главе борьбы за создание единого Монгольского государства, «тайно поклялись» друг другу в том, что ради достижения этой цели каждый из них будет готов пожертвовать честью и даже жизнью. И, поклявшись в этом, они разошлись как «заклятые враги», тем не менее тайно всячески поддерживали друг друга.

Именно этим вопросом задавался Л. Н. Гумилев в своей книге

«В поисках вымышленного царства»: «Теперь можно поставить вопрос: в чью пользу действовал Жамуха, последовательно предавая доверявшихся ему противников Чингисхана? Или точнее: кто выигрывал от советов Жамухи? Только один человек — Чингисхан! И больше того, если бы не было Жамухи, если бы никто не подбивал Нилха-Сэнгума на безрассудный, несвоевременный конфликт, не испугал зазевавшегося Чингиса, не обнажил во время боя найманского фланга, то вряд ли бы удалось Чингисхану подчинить себе храбрых и воинственных кочевников, в том числе и самих монголов. И тут напрашивается одно-единственное решение: а что, если названые братья до конца оставались друзьями?» (Гумилев Л. Н. В поисках вымышленного царства. С. 234).

Однако более правдоподобной нам представляется другая версия, близкая к гипотезе монгольского ученого Ш. Нацагдоржа. Когда сила и влияние Жамухи росли, он не мог себе представить, что однажды его побратим — всеми отвергнутый и попранный — воспрянет силой и духом и станет его главным соперником в борьбе за престол хана всех монголов. И как только ему стали видны первые признаки этого возрождения, он поспешил отдалиться от Тэмужина, дабы достичь своей цели первым. Но со временем Жамухе становится ясно, что события развиваются в пользу его побратима и замышлявшееся им дело объединения всех монгольских племен осуществляется отнюдь не по его плану. И тогда, желая, хоть и с опозданием, внести свой вклад в это великое дело, Жамуха начинает тайно помогать Чингисхану, формально оставаясь в стане его противников. Когда же чаша весов в борьбе за единоличную власть над всеми монголоязычными племенами окончательно склонилась в сторону Чингисхана, а сам Жамуха был предан и сдан своими нукерами бывшему побратиму, барская гордыня, нежелание еще большего позора не позволили Жамухе вымаливать у Чингисхана жизнь за оказанную анде-побратиму помощь, которую, кстати сказать, Чингисхан, как свидетельствует автор «Сокровенного сказания монголов», высоко ценил. С присущим ему благородством и великодушием Чингисхан был готов пощадить Жамуху, дабы воздаянием воздать за оказанную им помощь в борьбе против хэрэйдов и найманов. Более того, как сообщает автор «Сокровенного сказания монголов», Чингисхан предложил Жамухе возродить их дружество и «стать второй оглоблей в одной колеснице». И это при том, что Чингисхан прекрасно понимал, что они с побратимом Жамухой стремились различными путями к одной цели, были непримиримыми соперниками в борьбе за верховодство над всеми монголами, и потому Жамуха вряд ли

смирится с долей проигравшего, но милостиво прощенного. Именно это и услышал Чингисхан от Жамухи в его, так сказать, «последнем слове», зафиксированном для истории автором «Сокровенного сказания монголов». Жамуха предпочел почетную смерть, нежели до конца своих дней коптить небо в тени славы Чингисхана.

С. 165. *…Был с толку сбит завистливою бабой…* — В отличие от первой жены Чингисхана — Бортэ, нам не известно имя и происхождение жены Жамухи. Одно лишь можно сказать наверно, что между этими женщинами возникла атмосфера взаимного недоверия, зависти, что не могло не повлиять на взаимоотношения их мужей.

С. 167. *Да будет покровителем мой дух/ Твоим потомкам…* — Желание Жамухи умереть бескровной, без членовредительства смертью и стать после смерти гением-хранителем монголов связано с верованиями монголов в то, что «сулдэ» («жизненная сила») великого человека после его смерти может стать гением-хранителем рода, племени лишь в том случае, если удалось избежать истечения крови из тела и членовредительства, т. к. именно кровь и костяк являются вместилищем «сулдэ».

Твоим сулдэ, увы, повергнут я… — Это признание Жамухи в своем поражении связано с верованиями монголов в «сулдэ» («жизненная сила», «жизненная субстанция», «гений-хранитель»), от которой зависит рождение и жизненный путь всех людей.

С. 168. *И воцарились тогда мир и справедливость в улусе войлочностенном…* — В 1206 году усилиями Чингисхана и его сподвижников закончилось создание единого государства всех монголоязычных народов. В «Сокровенном сказании монголов» не упоминается официальное название этого государства. Однако, основываясь на том, что на печати Угэдэй-хана, который был провозглашен ханом после смерти Чингисхана, были выгравированы слова «Печать Далай-хана Великой Монголии», можно с уверенностью сказать, что название созданного Чингисханом государства — Великая Монголия.

О значении слова «ulus» Б. Я. Владимирцов писал: «У древних монголов всякое объединение родов, поколений, племен, рассматриваемое с точки зрения зависимости от вождя… называлось ulus, т. е. «народ-владение», «народ-удел»… Ввиду этого, слово ulus может быть переводимо, с известными оговорками, как «удел, владение»; только монголов, как истых кочевников, в понятии этом больше интересуют люди, а не территория: действительно, первоначальное значение слова ulus и есть именно «люди». Поэтому слово ulus может быть передано и

как «народ», т. е. «народ-удел», «народ, объединенный в таком-то уделе или образующий удел-владение». Впоследствии ulus означает уже «народ-государство», «народ, образующий государство-владение, «государство» (Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. — В кн.: Владимирцов Б Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 393).

С. 168. *Год Тигра* — 1206 год.

С. 168. *…собрался народ его на хуралдай…* — Как явствует из «Сокровенного сказания монголов», поставленная Тэмужином цель — объединение всех монгольских народов — была практически достигнута. «И воцарились тогда мир и спокойствие в улусе войлочностенном, и в год Тигра у истока Онона собрался народ его на хуралдай (со времен Чингисхана высший государственный сейм. — *А.М.*), и воздвигли они белое девятибунчужное знамя свое, и провозгласили Тэмужина Чингисханом». Таким образом, завершился второй (1189–1206), решающий этап борьбы Чингисхана за создание единого Монгольского государства. Не традиционной «племенной конфедерации, где власть хана была бы номинальной, а фактическая власть принадлежала бы главам племен», но «полноценного государства с полноценным государственным аппаратом» (Р. П. Храпачевский). Все предыдущее повествование — зримое свидетельство тому, как Чингисхан, опираясь на своих нукеров-сподвижников, начал выполнение своих обширных замыслов «с покорения окружавших его кочевых племен, введения между ними дисциплины и устройства из них армии» (М. И. Иванин), и как в решающий момент (накануне сражения с найманами в 1204 году) провел «коренную реорганизацию своего улуса и, главное, перестройку значительно увеличившейся армии» (Р. П. Храпачевский).

Логическим завершением этой многотрудной борьбы стал созванный Чингисханом Великий хуралдай 1206 года, на котором волею и мудростью провозглашенного единодержца были установлены «хорошие и твердые уставы», «основные правила и наказания к ним».

«Хорошие и твердые уставы», о которых пишет Рашид ад-Дин, «основные правила и наказания к ним», о которых, в свою очередь, повествует Аль-Макризи (Аль-Макризи (1364–1442) — арабский географ, историк), «касались проведения важных реформ по укреплению собственной власти, армии и администрации, они заложили основу «нового имперского закона — Великой Ясы Чингисхана» (Вернадский Г. В. Монголы и Русь. Леан, Тверь, Аграф, Москва, 1997. С. 38.).

Мудрость Чингисхана заключалась в том, что он смог аккумулировать и заложить в основание созданного им Великого Монгольского Улуса многовековой исторический опыт общественного развития и государственного строительства как монголоязычных, так и тюркских народов, объединенных им в одно государство. А воля и решимость Чингисхана в осуществлении реформ, которые предшествовали хуралдаю 1206 г., так и объявленных на нем и после него, обеспечили их последовательность, безусловное исполнение и, главное, результативность, «в державе водворение порядка».

Как свидетельствуют древние источники, сам Чингисхан инициировал и «устроил с [присутствием] собрания [полного] величия великий курилтай (хуралдан. — *А.М.*)». Это была дань многовековой традиции монгольских и тюркских племен, восходящей еще к родовому строю древних монголов и получившей развитие в период создания и существования улуса «Все Монголы». Именно с этого времени на подобных хуралдаях знатными предками Чингисхана решался вопрос о престолонаследии. Как мы помним, и вопрос о воссоздании улуса «Все Монголы» и возведении Тэмужина на престол хана этого улуса также решался на хуралдае родовой знати монгольских племен в 1189 году. И на этот раз Чингисхан решил, что именно на Великом хуралдае должно объявить о создании Великого Монгольского Улуса и возвести его на ханский престол единого Монгольского государства.

Чингисхан был провозглашен самодержцем, «владетелем, основавшим государство». Древние источники также сообщают, что его «провозгласили всенародно Чингисханом». Авторы древних источников, очевидно, сделали акцент на «всенародном» характере этой церемонии провозглашения, т. к. мы помним, по свидетельству «Сокровенного сказания монголов», что в 1189 году родовая знать уже титуловала Тэмужина Чингисханом, но это происходило в «узком кругу» знатных сородичей и ближайших сподвижников.

С. 168. *…и провозгласили всенародно Тэмужина Чингисханом.* — Монгольский ученый ИДашням попытался реконструировать картину Великого хуралдая 1206 года: «Церемония провозглашения Тэмужина ханом Великой Монголии на Великом хуралдае привлекла к себе огромное внимание всех монгольских народов, явилась выдающимся историческим событием, в котором приняли участие члены «золотого рода» Тэмужина, его ближайшие сподвижники и военачальники, гражданские управители, воины-нукеры, араты-подданные…

По свидетельству знаменитого монгольского ученого

В. Инжиннаша (В. Инжиннаш (1837–1892) — известный монгольский писатель XIX века, автор первого исторического романа о Чингисхане «Хух сударˮ («Синяя сутраˮ. — *А.М.*), после того как Чингисханом «было дано распоряжение о том, что все народы, ему подвластные, вплоть до детей старше десяти лет, должны были прибыть на церемонию без опозданияˮ… весь люд монгольский в составе своих улусов и аймаков, преодолев горы и реки, в условленный срок сошелся на Великий хуралдай…

Тридцать шесть больших улусов (по-видимому, больших племен. — И. Д.) и семьдесят два малых племени были разделены на три части (левой, правой руки и центр. — *А.М.*); все прибывшие расположились вокруг ханской ставки, образовав как бы девять «живых» колец, каждое из которых имело свой отличительный цветовой знак; все подразделения водрузили свои стяги…

Когда Сорхон шар снял свой малахай и тем самым подал условный знак, все собравшиеся — воины и простолюдины, мужчины и женщины, стар и млад, — все сто туманов народа монгольского сняли свои малахаи, преклонили колени и трижды поклонились…».

В широкой долине реки Онон были сооружены и размещены в строгой иерархической последовательности великое множество шатров-ставок, юрт, палаток: первый ряд составляли шатры-ставки представителей царствующего «золотого родаˮ, в последующих рядах в соответствии с заслугами, должностями и званиями размещались шатры ближайших сподвижников, военачальников, славных воинов-богатырей, государственных мужей, и далее юрты и палатки их свиты и челяди…

Ставка Великого хана была возведена на высоком постаменте, походила на белую, словно снег, монгольскую юрту, украшенную с внешней стороны синей обшивкой с золотой каймой. Четыре опоры, подпиравшие тооно (верхнее дымовое отверстие), были покрыты червонным золотом.

Перед входом в ставку Великого хана были водружены и величественно возвышались его знамена: с одной стороны — белое девятибунчужное (переводчики по разному трактуют этот термин: некоторые считают, что это — одно знамя, на древке которого вместо ткани закреплены девять бунчуков (конских хвостов), другие, в частности монгольский ученый Д. Гонгор, говорят о девяти подобных знаменах (древках с бунчуками), за которые отвечали девять главных сподвижников Чингисхана — *А.М.*), с другой — черное четырехбунчужное (это боевое знамя монголов, ритуал поклонения которому традиционно осуществлялся ими перед выступлением на войну с врагом; его

полное название — «Тысячеокое (всевидящее) боевое черное знамя», которое, по верованиям древних монголов, являлось материальным воплощением тысячеокого грозного божества, всевидящего и сокрушающего всех врагов. — *А.М.*).

Внутри Великой ставки на значительном возвышении находился ханский престол, представлявший собой олбог, хорошо набитую красную подушку для сидения, устланную целиковой, белого цвета конской шкурой. Подле него располагался нарядный трон ханши Бортэ.

…В правой половине Великой ставки (если войти в юрту, повернуться и встать лицом к двери, то правая (от вас) часть ставки (так же, как и юрты) предназначена для мужчин, а левая — для женщин. — *А.М.*) в строгом иерархическом порядке занимали места сыновья и родственники хана, военачальники, государственные сановники, ноёны, в левой половине вслед за ханшей Бортэ — матушка Огэлун, другие ханские жены, дочери, родственницы.

Когда настал час начала церемонии провозглашения Тэмужина Великим ханом, выражая свое глубокое почтение Небу и Земле, своим предкам, породившей его матушке Огэлун, Тэмужин возжег курения и лампаду и благоговейно поклонился. Затем он по священной традиции вымыл руки рашаном, забеленным молоком напитком, ополоснул рот, стряхнул с одежды пыль.

Тем временем на просторной площадке перед Великой ставкой был расстелен белый монгольский войлок, на который и был усажен Тэмужин. После чего сородичи и соратники подняли его на войлоке и двинулись вовнутрь Великой ставки. Дойдя до ханского престола, они опустили войлок с сидящим на нем Тэмужином на пол; самые старые из его соратников — Сорхон шар и Дай сэцэн — помогли ему подняться с войлока, возвели и усадили на ханский престол.

После того как Тэмужин занял свой трон, расположившиеся справа и слева от него сыновья, сородичи, сподвижники, военачальники, ханши и все прочие приглашенные в знак признания его главой государства девять раз поклонились ему и, подняв на плечи трон с восседавшим на нем Тэмужином, один раз обошли вокруг Великой ставки.

Все собравшиеся вокруг ставки, выражая свое глубокое почтение Тэмужину, падали ниц перед этой величественной процессией. Когда трон с восседавшим на нем Тэмужином водворили обратно на положенное ему место в Великой ставке, глава дворцовой канцелярии, мудрый учитель и просветитель Тататунга объявил во всеуслышание о возведении Тэмужина на

ханский престол и наречении великого хана Чингисом. Затем Тататунга вознес к небу руки, в которых держал государственную печать, вырезанную из белого халцедона, и величаво огласил выгравированную на ней надпись: «Указ возведенного волею Вечного Неба, Всемогущего хана Улуса Великая Монголия (о том, что созданное Чингисханом государство называлось именно так, свидетельствует «Хэй да ши люе» («Краткие сведения о черных татарах») («Проблемы востоковедения», 1960, № 5, С. 136); кроме того, это подтверждается надписью на печати преемника Чингисхана, его сына Угэдэй-хана: «Печать Далай-хана Великой Монголии». — *А.М*). Да преклонится и затрепещет всяк, кто ему внемлет!» — после чего торжественно, двумя руками передал государственную печать Чингисхану (судя по древним источникам, Чингисхан и его приближенные впервые узнали о предназначении государственной печати как одного из атрибутов ханской власти после сражения с найманами и пленения чиновника канцелярии Таян-хана, Тататунги. Современные ученые считают, что именно после бесед с плененным Тататунгой Чингисхан взял его на службу начальником своей канцелярии, «возвратил печать, которой впредь он должен был скреплять послания монголов». Как свидетельствуют монгольские хроники, тот же Тататунга был первым учителем монгольской элиты, которую он «учил грамоте, военному делу и прочему». Исходя из этого, можно предположить, что именно по инициативе Тататунги была сделана государственная печать, которую он же и вручил Чингисхану на хуралдае 1206 года. — *А.М*.).

В тот миг, когда Владыка также двумя руками благоговейно принимал государственную халцедоновую печать, под сводами Великой ставки грянула раскатистая, бравурная мелодия, и все собравшиеся в Великой ставке и за ее пределами огласили округу заздравными возгласами «Чингис, Чингис!».

Вслед за этим присутствовавшие на церемонии Великого хуралдая сыновья Чингисхана, его сородичи, сподвижники, военачальники, государственные сановники с выражением верности и признательности кланялись Чингисхану и ханше Бортэ дарами достойными.

Чингисхан, преисполненный величия и просветленный радостью произошедшего, с присущим ему достоинством и в то же время непринужденно выслушивал и одаривал вниманием всех собравшихся, не делая различия между ними, радушно угощал многочисленными, изысканными яствами.

Тем временем перед Великой ставкой развернулось грандиозное всенародное празднество — надом; несметное количество людей радостно пировало и веселилось на великом

том торжестве (Дашням И. Великий Чингисхан и его исторические заслуги (на монг., яз.). Улан-Батор. 2006. С. 27–30).

С. 168. …*Мухали был пожалован в гуй ваны.* — Гуй ван — державный князь; по свидетельству Рашид ад-Дина, этот титул Мухали получил в 1218 году. Он пишет в «Сборнике летописей»: «В год Барс, который является годом Барса…Чингисхан дал Мухали прозвище «гойон» (гуй ван. — *А М.*). Причиной этого было то, что перед тем он его посылал на границу области Джурджэ (империя Цзинь. — *А.М.*). Джурджэнские же племена прозвали его «гойон», что значит «государь одной области». Когда [Чингисхан] снова его послал в те пределы, он сказал, что это прозвище — счастливое предзнаменование, и вследствие этого присвоил [его] ему. Он дал ему один тумэн войска… вверил ему также то, что было покорено из областей Хитая и владений Джурджэ с тем, чтобы он их охранял и завоевал бы по мере возможности то, что [еще] не подчинилось…» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: Ладомир, 2002. Т. 1. Кн. 2. С. 178–179).

С. 168. …*Зэва Чингисхан отослал вдогонку за найманским Хучулуг-ханом.* — Российский исследователь военного искусства монголов М. И. Иванин так писал о подготовке монголов к походам и их вооружении: «Перед походом или приготовлением к сражению делали смотр войскам, осматривали оружие и требуемые в походе вещи; неисправных наказывали; хорошим воинам в случае недостаточности их давали пособие. Начальники в нужде не должны были обращаться ни к кому другому, кроме государя; в противном же случае они подлежали смертной казни.

Оружие их состояло из лука, стрел (в запасе каждый имел по несколько луков и колчанов стрел; стрелы у них были необыкновенно остры), секир, пик, к которым приделывали крючья для стаскивания неприятельских всадников с седла; другие имели железные палицы; кроме того, каждый воин должен был иметь пилку (вероятно, терпуг) для острения стрел, шило, иголки, нитки, сито. Хорошо вооруженные воины имели сабли несколько кривые, каски кожаные с железными полосками, а отборные воины носили и железные; конница имела заводных лошадей и была разделена на легкую и тяжелую; легкая употреблялась для аванпостовой службы, для начатия сражения должна была метанием стрел в лошадей и неприятельских всадников расстраивать их и облегчать действия тяжелой конницы и служила также для преследования противника.

Монголы были отличными стрелками, приучаясь к стрельбе из лука с трехлетнего возраста: малым детям давали малые луки и стрелы и потом постепенно увеличивали величину луков и стрел. Оборонительное оружие состояло из крепкой кожи

буйволов и других толстокожих животных. К езде верхом тоже приучались с малолетства.

Отправляясь в поход, монголы должны были брать с собой, кроме оружия, небольшие палатки; каждый брал два турсука (кожаных мешка), один для воды, другой для крута (сушеный кислый сыр, в который добавляется вода), и этим крутом они питались при быстрых передвижениях. Но везде, где было возможно, они варили мясо в своих малых котелках, которые тоже брали с собой; за неимением крута или другого продовольствия они пускали кровь лошадям и пили их кровь: этим способом они могли продовольствоваться дней до десяти…

Решение о начале похода принималось по совещании на общем собрании, называемом хурилтаем; там постановляли все, что необходимо было для составления армии, сколько с каждого десятка назначать в поход, определяли место и время сбора войск и проч.» (Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. Санкт-Петербург. АО «Славия», 2003. С. 55–56; 61).

С. 168. *Так закончив объединение всех монгольских народов, Чингисхан повелел…* — Судя по свидетельствам «Сокровенного сказания монголов» и других древних источников, на Великом хуралдае 1206 года Чингисхан фактически завершает строительство «пирамиды» военно-административного аппарата исполнительной власти, основы которой начинали им закладываться еще в 1189 году, после возведения его на престол хана улуса «Все Монголы», а реальные очертания приобрели уже в 1204–1206 гг., накануне решающей битвы против найманов и после нее.

На вершину этой пирамиды был возведен единодержец Чингисхан, который, как сообщают древние источники, разделил всю подвластную ему территорию на уделы — ulus'ы между своими сыновьями (царевичами) и ближайшими родственниками. И в основании этой вертикали власти были ноёны (нойоны) — темники, тысяцкие, сотники, десятники.

«Сокровенное сказание монголов» и «Сборник летописей» Рашид ад-Дина содержит подробные сведения о сыновьях и ближайших родственниках Чингисхана, получивших уделы-улусы, которые состояли «из ulus, «людей, народа», т. е. определенного количества монголов-кочевников, и nutug (yurt), т. е. территории, на которой эти люди могли кочевать.

Улус-удел определялся, с одной стороны, количеством ayil'ов, т. е. кочевых дворов, а с другой стороны — количеством воинов (cerig), которое мог он выставить» (Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. — В кн.: Владимирцов

Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 398).

Кроме этого, «Сокровенное сказание монголов» сообщает нам об одном из первых повелений, сделанных Чингисханом на посту верховного владетеля Великого Монгольского Улуса. Этим повелением он образовал «тысячи», основные единицы в здании империи Чингисхана» (Б. Я. Владимирцов), и возвысил в тысяцких ноёнов «своих нукеров непоколебимых, кои державу создавали». Чингисхан, исходя из современных ему условий и потребностей монгольского общества XIII века, создавал такую систему государственной власти, которая соединила в себе как военно-полицейские функции (порядок формирования армии, гвардии-хишигтэна), так и чисто гражданские, административно-хозяйственные функции (судебная, правовая система, отправление религиозных культов, хозяйственная и культурная деятельность).

С. 169. *Хургэн (монг.)* — зять.

Лесные народы — звероловы и рыболовы; селились в лесах, по берегам рек на Южном Алтае и в Забайкалье; поскольку в 1206 году лесные народы еще не были присоединены к Великому Монгольскому Улусу, естественно, они не могли быть разделены на тысячи и отданы под начало тысяцких ноёнов.

Всего по благоволению Чингисхана девяносто пять нукеров его были возвышены в тысяцкие ноёны. — Б. Я. Владимирцов писал о сути и значении проведенной Чингисханом военно-административной реформы: «Согласно системе, известной по империи Чингисхана, во главе которой стал «золотой род» борджигинов, нукер или присоединившийся к хану степной аристократ, — не нужно забывать, что и большинство нукеров были выходцами из той же степной аристократии, — оказавшие своему предводителю те или другие услуги, получают, в зависимости от этих заслуг и своего значения вообще, в ленное владение такое количество кочевых ayil'ов, которое могло бы выставить сотню или тысячу воинов, в более редких случаях — десять тысяч.

Сообразно этому, все монгольские племена, все поколения, роды, кланы были поделены на «десятки» (arban), «сотни» (ja'un-jagun), «тысячи) (minggan) и «тьмы» — десятки тысяч (tumen), т. е. на группы айлов, которые могли выставить десяток, сотню, тысячу и т. д. воинов… Самовольные переходы от одного начальника к другому были запрещены под угрозой смертной казни. В особые книги заносилось распределение народа по тысячам и сотням, т. е. между «тысячниками» и «сотниками».

Звание сотника, тысячника, темника было наследственным;

носящие же эти звания получали общий титул поуап, т. е. «господин», «сеньор», «военный сеньор»; как известно, титул этот — китайского происхождения — с давних пор носили представители степных аристократических родов. Перенесение титула поуап на военных вассалов-феодалов знаменательно. Каждый ноён, получив в ленное потомственное владение «сотню», «тысячу», «тьму», являлся прежде всего вассалом царевича одного из уделов-улусов, на которые распадалась монгольская империя, а затем он был вассалом монгольского императора, как главы империи и войска монгольского. Вместе с тем сотники почти всегда являлись вассалами тысячников, а тысячники очень часто оказывались вассалами темников. Получалась система вассальных отношений, довольно стройная, представляющая собой цепь вассалов и арриер-вассалов. Схематично отношения эти можно представить в следующем виде: Император (хан) > царевич (принц крови) — владелец удела > темник > тысячник > сотник = xagan > kobegun > поуап…

Чингисхан чаще всего образовывал «тысячу» из представителей одного племени — рода и во главе ее ставил ноёном тоже принадлежавшего тому же роду. Т. е. Чингис просто брал уже сложившуюся единицу, какое-нибудь поколение, какой-нибудь клан, т. е. аристократический род с его unagan bogol'ами, например клан-род мангуд, закрепляя за ним уже выдвинувшегося предводителя, например Хуйлдара; затем, по приблизительному подсчету, клан-род объявлялся «тысячью» — minggan и отдавался в ленное владение Хуйлдара; вместо рода или клана мангуд появлялась «тысяча» Хуйлдара или «тысяча» войска мангудского…

В других случаях с делом образования «тысяч» было больше осложнений… Очень часто «тысячи» монгольского хана были составлены из представителей разных племен-родов… Еще чаще наблюдалось, что ноён — тысячник оказывался принадлежащим совсем другому роду, чем «люди» его «тысячи». Подобное смешение родов, поколений и племен монгольских при образовании «тысяч», этих основных единиц в здании империи Чингисхана, имело очень важные последствия для родового строя, который неминуемо должен был сильно измениться и угаснуть. Потом распределение по «тысячам», распределение уделов знаменовало окончательное распыление целого ряда больших древнемонгольских племен, как, например, татар, мэргид, джажират, найман, хэрэйд, остатки которых в большинстве случаев оказались разбросанными по разным улусам и уделам-тысячам» (Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. В кн.: Владимирцов Б. Я. Работы по истории и

этнографии монгольских народов. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 400–406).

С. 169. *Любезных нукеров, главную мою опору, пожаловать особо я хочу.* — Из предыдущего повествования мы узнали многое о роли нукеров в судьбе Чингисхана, поэтому вовсе не удивительно, что и в государственном и военном строительстве он в первую очередь опирался на них.

Как сообщает «Сокровенное сказание монголов», на хуралдае 1206 года все они были особо пожалованы: «Всех, кто усердие приложил к созданию государства, назначил владыка ноёнами тумэнов, тысяцкими, сотниками и десятниками; пожалованья и милости достойных пожаловал и людям, повеления его достойным, повелел». Именно они, как свидетельствуют наши источники, были призваны Чингисханом продолжить кардинальные преобразования в армии, начатые им еще в 1204 году.

В этой связи представляется интересным мнение Н. Трубецкого, попытавшегося проникнуть в психологию Чингисхана и его верных нукеров-сподвижников: «К своим подданным, начиная с высших вельмож и военачальников и кончая рядовыми воинами, Чингисхан предъявлял известные нравственные требования. Добродетели, которые он больше всего ценил и поощрял, были верность, преданность и стойкость; пороки, которые он больше всего презирал и ненавидел, были измена, предательство и трусость. Эти добродетели и пороки были для Чингисхана признаками, по которым он делил всех людей на две категории. Для одного типа людей их материальное благополучие и безопасность выше их личного достоинства и чести, поэтому они способны на трусость и измену…

Люди ценимого Чингисханом психологического типа ставят свою честь и достоинство выше своей безопасности и материального благополучия. Они боятся не человека, могущего отнять у них жизнь или материальные блага, а боятся лишь совершить поступок, который может обесчестить их или умалить их достоинство, притом умалить их достоинство не в глазах других людей (ибо людских насмешек и осуждений они не боятся, как вообще не боятся людей), а в своих собственных глазах. В сознании их всегда живет особый кодекс, устав допустимых и недопустимых для честного и уважающего себя человека поступков; этим уставом они и дорожат более всего, относясь к нему религиозно, как к божественно установленному, и нарушение его допустить не могут, ибо при нарушении его стали бы презирать себя, что для них страшнее смерти…

Подразделяя людей на две вышеупомянутые психологические

категории, Чингисхан это подразделение ставил во главу угла при своем государственном строительстве… Весь военно-административный аппарат составлялся только из людей второго психологического типа, организованных в стройную иерархическую систему, на высшей ступени которой пребывал сам Чингисхан. И если прочие подданные видели в Чингисхане только подавляюще страшную силу, то люди правящего аппарата видели в нем прежде всего наиболее яркого представителя свойственного им всем психологического типа и преклонялись перед ним как перед героическим воплощением их собственного идеала…

Итак, согласно государственной идеологии Чингисхана, власть правителя должна была опираться не на какое-либо господствующее сословие, не на какую-нибудь правящую нацию и не на какую-нибудь определенную официальную религию, а на определенный психологический тип людей. Высшие посты могли заниматься не только аристократами, но и выходцами из низших слоев народа; правители принадлежали не все к одному народу, а к разным монгольским и тюрко-татарским племенам и исповедовали разные религии. Но важно было, чтобы все они по своему личному характеру и образу мысли принадлежали к одному и тому же психологическому типу, обрисованному выше» (Трубецкой Я. Взгляд на русскую историю не с Запада, а с Востока. — В сб.: Классика геополитики XX в. АСТ, М.: 2003. С. 153–163).

С. 170–171. *Деля державы достоянье и тяжбы разные судя, в Синие росписи вноси об этом запись и росписи сии своди в единый Свод. И все, что с моего согласья порешишь и в Своде синем том по белому запишешь…* — В этой связи Э. Хара-Даван оценил значение принятия и использования уйгурской письменности: «Чингисхан своим гениальным умом оценил великое значение письменности и тотчас же воспользовался услугами того пленного сановника (по имени Тататунга. — *А.М.*) для удовлетворения нужд своего государства, а также для подъема культурного развития подвластных ему кочевых народов. Конечно, он мог бы воспользоваться для этой цели и другой древней цивилизацией, находившейся в пределах его досягаемости, — китайской, но он отдал предпочтение уйгурской, очевидно, потому, что она была по духу ближе кочевникам: среди уйгуров сохранялось много остатков кочевых преданий и степных обычаев. Усвоение монгольской знатью этой культуры не отрывало ее от своего народа и не подрывало в ней преданности степным обычаям….

Одним из важнейших приобретений, которое дала вновь

введенная письменность, явилось то, что благодаря ей оказалось возможным закрепить и кодифицировать монгольское обычное право и народные обычаи и воззрения, разумеется, под сильным влиянием на эту кодификацию взглядов самого Чингисхана» (Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1991. С. 60.).

С. 172. *«…Пусть Борчу станет во главе тумэна правого крыла, что на Алтае!»* — тумэном левого крыла командовал Мухали, а командующим срединным тумэном — Наяа.

С. 175. *И молвил еще Чингисхан, обращаясь к Хубилаю…* — Хубилай (умер ок. 1211 г.) — выходец из знатной семьи племени барулас; в 1181 году примкнул к Чингисхану. Впоследствии стал одним из его ближайших сподвижников, ведавшим всеми военными делами, являвшимся, по-нынешнему, «начальником генерального штаба».

Китайский монголовед Сайшал охарактеризовал военное строительство Чингисхана следующим образом: «Нам не известны конкретные исторические свидетельства о том, когда впервые Чингисхан создал свою армию. Однако после того, как в 1178 году Борчу и Зэлмэ явились к Тэмужину нукерами, очевидно, в его распоряжении появилось небольшое количество воинов. А в следующем, 1179 году, когда Тэмужин, поддерживаемый Ван-ханом и Жамухой, впервые воевал с мэргэдами, у него, несомненно, уже был боевой отряд.

Вся армия Чингисхана представляла собой исключительно кавалерию. Процесс ее организации и становления можно разделить на четыре основных этапа. Первый этап — с 1178 по 1189 год (год провозглашения Тэмужина ханом улуса «Все Монголы»). В этот период времени Тэмужин завязывал дружбу со своими будущими нукерами-сподвижниками, устанавливал контакты с новым поколением знати монголоязычных племен, при этом ставя во главу угла численное увеличение своего воинства.

Представления о формировании и организации войска в то время у Тэмужина были достаточно примитивными. В основном все съезжались на совместную облавную охоту, в остальное время — пребывали каждый в своем стойбище. Когда же объявлялся военный поход, запасшись провиантом, воины собирались в назначенное время в условленном месте. Набег на мэргэдов, который приходится на этот период времени, имел важное значение для последующего военного строительства Чингисхана.

Второй этап берет свое начало в 1189 году с провозглашения Тэмужина в первый раз Чингисханом и подчинения им нирун-монголов и продолжается до весны 1204 года, когда Чингисхан

начал реорганизацию своей армии, сформировав ее подразделения — «тысячи», «сотни», «десятки». Этот этап можно считать периодом масштабного развертывания военного строительства, которое, и это главная особенность этого этапа, проводилось одновременно с многими боевыми кампаниями…

В течение четырнадцати лет Чингисхан участвовал в пятнадцати крупных сражениях. На этом этапе основной формой боевой организации воинства Чингисхана был курень. Хотя «курень» как организационная форма был порождением родового строя, его сущность в эпоху Чингисхана претерпела качественные изменения. Эти изменения выразились в том, что «курень», являвшийся формой совместных перекочевок скотоводов-сородичей, превратился в форму боевого построения войска при оборонительно-наступательной тактике.

Третий этап военного строительства начался весной 1204 года, когда «куренная» форма построения войска уступила свое место более компактной и эффективной «тысячной», и продолжался до 1206 года — года провозглашения Великого Монгольского Улуса. Это был период становления регулярной армии на новых принципах ее формирования.

Осуществление военной реформы диктовалось требованием практики боевых действий того времени. Бесспорно, что «курень» как организационная форма был эффективен при оборонительных действиях. Но также очевидно, что эта форма не подходила для тактики наступления по всему фронту, которую Чингисхан применял в большинстве случаев.

Четвертый этап начался после провозглашения Великого Монгольского Улуса, когда был завершен переход от «куренной» формы боевого построения к формированию регулярной армии строго по десятичной системе («десятка», «сотня», «тысяча»), что позволило уже вскоре иметь десять тумэнов «железной кавалерии» (Сайшал. История Чингисхана (на монг. яз.). Улан-Батор, 2004. Кн. 1. С. 345–347).

С. 175. *Когда я мог, как верных псов, с тобой Зэлмэ, Зэв и Субэгэдэя туда отправить, где были вы всего нужнее…* — Этих четырех сподвижников Чингисхан именовал не иначе, как «четырьмя верными псами»; они возглавляли его передовые войска, отправлявшиеся в самые ответственные и тяжелые походы.

…когда богатырей бесстрашных Борчу, Чу луна, Мухали и Борохула мог при себе держать… — Эти четыре сподвижника Чингисхана прослыли в народе как «бесстрашные, верные витязи и мудрые советчики» Чингисхана, на которых он мог положиться в любой ситуации и был им обязан своей жизнью.

С. 179. *И сказал еще тогда Чингисхан: «Пожалованы будут мною и женщины, чтимые в нашем роду».* — Учитывая, что выше шла речь об отважном поступке жены Борохула, Алтани, резонно предположить, что именно ее он имел в виду, когда говорил о «самых достойных» женщинах; конечно, не менее достойными высших почестей были мать Чингисхана, Огэлун, и его первая жена Бортэ, которые имели огромное влияние на него, всегда были его верными советчиками и надежной опорой.

У нас, монголов, исстари так повелось:
Почтенных старцев
Мы возводим в сан бэхи ноёнов.
Так будет же Усун,
Потомок рода древнеславного Барин,
В бэхи ноёны нами возведен!
И пусть отныне белый дэли носит он,
На белом скакуне пусть ездит
И, восседая на почетном месте,
Пророчествует нам! —

Б. Я. Владимирцов так прокомментировал введение Чингисханом этой должности: «Чингисхан установил должность бэхи, желая иметь государственного первосвященника, облеченного властью, признаваемой официально… Титул или сан бэхи был известен издавна, и его часто носили предводители отдельных родов и племен, преимущественно лесных, которые совмещали светскую власть князя и духовный авторитет волхва, связанного с былым родоначальником и с духами-покровителями.

Чингис теперь установил должность такого государственного волхва, причем назначил бэхи старика Усуна, который был старшим потомком в роде Барин, старшей ветви, происшедшей от легендарного Бодончара; Усун поэтому мог считаться связанным особым образом с родоначальником и быть его заместителем» (Владимирцов Б. Я. Чингисхан. — В кн.: Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов». М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 173).

С. 180. *«Желали б мы дархадство получить и жить на Селенге в мэргэдских землях».* — В XIII веке в среде господствующего класса Великого Монгольского Улуса существовала привилегированная «прослойка» дархадских ноёнов. Чингисхан жаловал в дархады особо преданных ему сподвижников. Дархады состояли у него на военной службе и имели право брать себе добычу, захваченную в походах, выбирать себе жен среди покоренных племен, собирать под свое водительство сродников

(быть тысяцкими), наследственно владеть уделами.

Архи — молочная водка.

С. 182. *Засим Чингисхан молвил свой указ: «В былые времена я караульную устроил стражу…»* — «Сокровенное сказание монголов» обращает наше внимание еще на одно повеление Чингисхана, касающееся дальнейшего укрепления особого, гвардейского подразделения его армии — хишигтэна, функции которого еще в 1204 году были сформулированы самим Чингисханом: «Во дни сражений впереди меня пусть в бой они идут! В дни мира и покоя пусть охраной личною моей стоят на карауле!» На хуралдае 1206 года количественный состав гвардии был значительно увеличен, а порядок формирования и функции всех трех подразделений личной гвардии Чингисхана были им самим же более четко сформулированы и закреплены в уставном порядке, о чем подробно повествует «Сокровенное сказание монголов».

Российский ученый Р.П Храпачевский оценил значение создания хишигтэна следующим образом: «Важнейшим делом среди реформ Чингисхана было учреждение его личной гвардии — кешига (хишигтэна. — *А.М.*)… Основное его значение заключалось в том, что: а) впервые у Чингисхана появилось орудие осуществления его личной власти, не зависящее от традиционного родового уклада и способное оказывать влияние даже на дружину (нукеров); б) имея такое орудие, Чингисхан мог теперь создавать управленческие структуры, подкрепленные аппаратом насилия; в) из нее же (т. е. гвардии-кешига) набирались такие кадры руководителей этих структур, которые были бы в полной воле своего каана (хана. — *А.М.*), а не родовых авторитетов…

Чингисханова гвардия-кешиг… стала эмбрионом многих властных структур — в первую очередь военных и полицейских. Последнее стало серьезным нововведением, достаточно вспомнить, с каким трудом Чингисхану удавалось до определенного периода подавлять вызовы своему лидерству. Только наличие охранного органа, функции которого выполнял кешиг, позволило ему перевести решение задач государственного насилия на регулярную основу. Имея такой мощный стабилизатор власти каана, как личная гвардия, Чингисхан смог далее навязывать внутреннюю дисциплину во всех структурных единицах по принципу круговой поруки. Введение круговой поруки как основы административной единицы зафиксировано в источниках — дело в том, что в ЮШ («Юань ши». — *А.М.*) используются для описания самой низшей организационной единицы у монголов, т. е. «десятка», иероглифы, имеющие

значение «десяток круговой поруки». Аналогичной порукой были скреплены и руководители этих единиц, что связывало всю иерархию военно-административной системы государства Чингисхана сверху донизу. Дисциплина в войсках (ив государстве вообще) монголов поддерживалась как снизу, через круговую поруку и ответственность всех за каждого, так и сверху — через внешнюю охранную структуру, т. е. кешиг» (Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, ВЗОИ, 2004. С. 124–125).

С. 183. *Сообразно указу сему сыновья тысяцких, сотников и десятников были отобраны и посланы в ханский хишигтэн.* — Джек Уэзерфорд так характеризовал введенный Чингисханом порядок формирования хишигтэна: «Пытаясь укрепить верность и сплоченность своего государства, Чингисхан восстановил древнюю традицию набора заложников. Он потребовал, чтобы каждый из командиров мянганов (командир тысячи воинов — *А.М.*) и тумэнов прислал своих сыновей и их лучших друзей лично к нему. Из них он организовал личный мянган. Вместо того чтобы угрожать смертью заложников в случае неверности чиновника, Чингисхан использовал куда более мудрую стратегию. Чингисхан воспитал из своих заложников хороших администраторов и руководителей и держал их наготове, чтобы при необходимости заменить ими провинившегося подчиненного. Угроза такого смещения действовала намного более эффективно, чем угроза убить взятых в заложники родственников. Таким образом, Чингисхан изменил статус заложников, сделав их необходимой частью государственной системы, которая давала практически каждой семье непосредственный доступ к ханскому двору» (Уэзерфорд Джек. Чингисхан и рождение современного мира. М.: АСТ, 2005. С. 163–164).

С. 188. *Пусть ведают они…* — Об особенностях функционирования хишигтэна во времена Чингисхана писал российский ученый Е. И. Кычанов: «Ранняя монгольская государственность не знала разделения функций охраны ханской ставки, управления двором хана и управления государством. При Чингисхане и незначительное время после его смерти кешиктены (хишигтэны. — *А.М.*) были как бы центральным органом управления государством. Из гвардии было преобладающее число чиновников государственного аппарата…

Гвардейцы хана выполняли функции как непосредственного управления ордой (ауруком, ставкой), так и управления государством (бичечи, ярлыкчи, ведение «Синих книг»). Они выполняли полицейско-судебные функции (ловля воров, суд на местах, участие в деятельности верховного суда). В полномочия

гвардейцев входило ведение хозяйственными делами как ставки хана, так и государства (выпас скота и перекочевки, распределение кочевий, составление списков населения как основы обложения его в пользу ханской казны). Гвардейцы обслуживали хана, они ведали его столом, одеждой, они же в принципе обслуживали и всю семью хана…

Таким образом, гвардия Чингисхана была хотя и воинским формированием, но формированием, которое далеко не ограничивалось исполнением только одной функции — охраны особы государства. Гвардейцы-кешиктены были и администраторами монгольского государства, при этом на первых этапах его существования их роль в администрации была решающей…

Военно-административная система, сращение в аппарате управления государством военного и гражданского начал, являлась примечательной и всеобщей особенностью аппарата управления кочевых государств» (Кычанов Е. И. Кешиктены Чингисхана (о месте гвардии в государстве кочевников). — В сб.: MONGOLICA. К 750-летию «Сокровенного сказания». М.: Наука, ИФ «Восточная литература», 1993. С. 151–155).

История покорения харлугов, уйгуров и лесных народов. — Провозгласив на хуралдае 1206 года «мир и справедливость в улусе войлочностенном» и приступив к осуществлению реформ по созданию полноценного, единого Монгольского государства, Чингисхан в течение последующих пяти лет предпринял своевременные шаги, направленные на укрепление и расширение созданного им Великого Монгольского Улуса. Имеющиеся в нашем распоряжении источники, и в первую очередь «Сокровенное сказание монголов», свидетельствуют о том, что это были целенаправленные, тщательно спланированные и подготовленные действия как военного, так и дипломатического характера.

Внешнее окружение тогдашних владений Чингисхана в целом было ему враждебным. В стане «непримиримых» собрались не добитые им жалкие остатки племен найман, мэргэд и хэрэйд, искавшие себе пристанище и надежную опору, дабы использовать ее как плацдарм для сведения счетов с Чингисханом.

Используя прежние союзнические (по античингисовой коалиции) и родственные связи, «непримиримые» во главе с сыном найманского Таян-хана, Хучулуг-ханом, пытались заручиться поддержкой граничивших с владениями Чингисхана на северо-западе «лесных племен», но главное, на юге — тангудского государства Си-ся и на юго-западе — державы кара-киданей.

Чингисхан же, помимо задачи физического истребления старых врагов, которую, судя по «Сокровенному сказанию монголов», он поставил перед своими лучшими военачальниками уже на самом Великом хуралдае 1206 года, также намеревался подчинить себе потенциальных союзников «непримиримых». Для этого Чингисхан направил своих послов к харлугам, хиргисам (енисейским киргизам) и уйгурам и «призвал их к подчинению».

Справедливости ради, и об этом свидетельствуют наши источники, следует сказать, что дипломатические демарши Чингисхана подкреплялись и направлением войск, что на многих, прежде находившихся к нему в оппозиции, действовало отрезвляюще.

Факты, приводимые автором «Сокровенного сказания монголов», являются убедительным свидетельством победоносных деяний Чингисхана в этот период времени. Так, мы узнаем о сокрушительном разгроме «непримиримых» мэргэдов и найманов, бесславной гибели заклятого врага Чингисхана и его рода — хана мэргэдов Тогтога бэхи и бегстве последнего, серьезного врага Чингисхана — найманского Хучулуг-хана к кара-киданям.

Автор «Сокровенного сказания монголов» достаточно подробно повествует о походе Жочи к «лесным народам», который, «в первый раз покинув отчие пределы, потерь не понеся, достойно совершил поход: к Державе присоединил лесных народов благоденствующие племена», которые в честь этого были пожалованы Чингисханом своему старшему сыну и стали основой его улуса, знаменитого «улуса Джучиева».

Несомненным и крайне важным успехом дипломатии Чингисхана, как с военно-политической (перенесение западных рубежей своей державы к границам кара-киданей), так и с экономической точки зрения (вступление на Великий шелковый путь) стало подчинение себе бывших вассалов кара-киданей — уйгуров и харлугов. «Сокровенное сказание монголов» свидетельствует о том, что вожди этих народов присягнули Чингисхану «служить ему и верно и усердно», а сам Чингисхан соблаговолил ввести их в свою семью, породнившись с ними.

С. 188. …*Чингисхан отослал ноёна Хубилая к харлугам…* — Харлуги — народ тюркского происхождения; в XIII веке харлуги располагались южнее озера Балхаш, были вассалами кара-киданей. После получения послания от Чингисхана, с которым к ним был послан Хубилай, добровольно признали сюзеренитет Великого Монгольского Улуса. В 1211 году Хубилай вместе с владетелем харлугов Арсланом вернулся в ставку Чингисхана, который, одобрив присоединение харлугов к монгольской

державе, скрепил его породнением двух родов: пожаловал Арслану в жены свою дочь. Впоследствии зятьями Чингисхана стали сын и внук Арслана, верой и правдой служившие монголам.

С. 189. *Субэгэдэй-батор, отправившийся с мужами своими вдогонку за сыновьями мэргэдского Тогтога — Худу и Чулуном, нагнал их на реке Чуй.* — Очевидно, что эти события произошли в 1217 году, когда Чингисхан отправил Субэгэдэй-батора покончить с остатками племени мэргэд.

Зэв настиг Хучу луг-хана найманского в местности, именуемой Сариг хун, и, убив его, возвратился к владыке. — Как свидетельствуют другие источники, в последний раз Зэв был отправлен Чингисханом в погоню за Хучулугом в 1216 году, а покончено было с Хучулугом в 1218 году, перед походом Чингисхана в Среднюю Азию.

Уйгурский идугуд отправил к Чингисхану послов… — Китайский ученый Сайшал излагает вкратце историю уйгуров: «Древние уйгуры обитали в бассейне трех рек — Орхон, Туул и Селенга и были подданными Тюркского каганата. В период правления Тайцзуна Танской династии (626–649) были его вассалами. В 745 году уйгуры, воспользовавшись смутой, царившей в Тюркском каганате, захватили его земли и провозгласили образование собственного Уйгурского ханства. В то время вождю уйгуров императором Танской династии был пожаловал титул Буку-хан. Ханская ставка феодального улуса уйгуров-кочевников находилась на берегу реки Орхон, а территория ханства простиралась до пустыни Гоби на востоке и до Алтайского хребта на западе. Уйгурское ханство просуществовало сто с лишним лет и пало в 847 году под натиском киргизов и Танской династии. Так прежде могущественное Уйгурское ханство прекратило существование и смогло сохранить за собой лишь небольшой улус вблизи Алтайского хребта с центром в Бешбалыке… Позднее уйгуры стали подданными кара-киданей, которые посадили в Бешбалыке своего наместника. Последним наместником кара-киданей был Шукам, которого убил идугуд — хан уйгуров — Барчук Арт Тигин» (Сайшал. История Чингисхана (на монг. яз.). Улан-Батор, 2004. Кн. 1. С. 513–516).

Год Зайца — 1207 год.

С. 189. *И пришел первым на встречу Жочи ойрадский Хутуга бэхи с тумэн ойрадами своими и уверил его в повиновении своем.* — Исследователи сходятся во мнении, что название «ойрад» — производное от монгольского «ойн ард» (лесные люди); по одной из версий, они являются потомками четырех сыновей Дува сохора, который, в свою очередь, был потомком Бортэ чоно в

двенадцатом поколении; в XIII веке ойрады обитали в районе верхнего течения Енисея, в таежной местности, прилегающей к озеру Гусэгур; в период междоусобной борьбы монгольских племен ойрады неоднократно выступали на стороне античингисовых сил. Под общим, собирательным именем «тумэн ойрад» имелись в виду народы племен ойрад, буриад, тумэд, баргун, урсуд, хабханас, ханхас и туба, из которых первые четыре были монголоязычными, остальные — тюркского происхождения.

С. 189. *…дошли они аж до реки Шишгид-гол.* — Река, берущая начало в северных отрогах Алтайского хребта и впадающая в реку Ховд.

С. 189–190. *Потом пошел он в пределы тумэн хиргисов. И явились к Жочи ноёны хиргисские Йэди, Инал, Алдихэр и Урэбэг дигин, и выразили смирение свое, и кланялись ему белыми соколами, белыми скакунами и черными соболями. Кроме оных, покорил Жочи многие племена лесные — шибирцев, кэшдиймов, байидов, тухасцев, тэнлэгцев, тугэлэсцев, тащев — всех вплоть до бажигидов.* — Перечисленные выше племена фигурируют в «Сокровенном сказании монголов» под общим, собирательным именем «тумэн хиргис», имели тюркское происхождение; первые упоминания о хиргисах относятся к III в. до нашей эры; исторические источники свидетельствуют о том, что в дальнейшем они входили в состав Тюркского, а затем и Уйгурского каганатов; в 840 году в результате многолетней борьбы с уйгурами хиргисы уничтожили Уйгурский каганат и создали на его месте свой Улус, которому, впрочем, не суждено было просуществовать долго: в начале X века хиргисы были побеждены пришельцами с востока — киданями. В XIII веке потомки древних хиргисов обитали на обширной территории; граничили на юге по Малому Алтаю с найманами, на северо-востоке их земли доходили до реки Ангары, на юго-востоке — до реки Селенги, а на северо-западе (месторасположение бажигидов (башкиров) — аж до восточного берега Волги.

С. 190. *Дочь владыки, Алаха бэхи, была пожалована в замужество онгудам.* — В чреде «политических браков», которые практиковал Чингисхан в отношениях с владетелями подчинившихся ему племен и народов, важное место занимает породнение с онгудами, которые ранее приняли его сторону в противостоянии с найманами и впоследствии сыграли важную роль в подготовке к войне с империей Цзинь и, в частности, в первом походе Чингисхана на чжурчжэней, в котором они выступили в качестве проводников.

Дочь Чингисхана, Алаха бэхи, была выдана замуж за Буян Сибела, сына владетеля онгудов Алахуши дигитхури.

Впоследствии, после гибели отца и сына, владетелей онгудов, Чингисхан вручил Алаха бэхи бразды правления над территорией южной части Гоби, о чем свидетельствует специальная печать, полученная ею в 1219 году.

С. 191. *…достойно совершил поход…* — Джек Уэзерфорд, оценивая предпринятые Чингисханом шаги по укреплению границ и расширению территории Великого Монгольского Улуса, писал: «Чингисхан отправил в 1207 году своего старшего сына, двадцатилетнего Жочи, во главе его тумэна в Сибирь, чтобы покорить лесные племена и скотоводов, которые разводили северных оленей. Жочи вернулся с победой и привел с собой тысячи новых рекрутов для монгольской армии, а также вождей тамошних племен, с которыми Чингисхан договорился о нескольких политических браках… Кроме людей, Жочи привез богатую добычу, включая меха, охотничьих птиц и другие дары леса.

Экспансия на север не представляла особого интереса, кроме мехов и птичьих перьев. Внимание Чингисхана приковал к себе юг, где производили куда больше различных товаров — металл, ткани и украшения. Он получил первую партию таких товаров от уйгуров, которые жили в оазисах великой пустыни Таклимакан и соседних землях, которые входят теперь в автономный регион КНР Синьцзян.

Чингисхан принял их подданство и, как обычно, хотел включить их в свою семью. Он отдал свою дочь в жены уйгурскому хану, сделав его, таким образом, своим зятем. Расширяя свое родство на сибирские племена и уйгуров, Чингисхан не просто заключал союзы между царскими семьями. Он принимал весь народ в состав своей империи как родной, поскольку в мышлении племен степи, породнившись с ханом, он принимал в семью и весь его народ. Так идея родства постепенно переросла в некое подобие гражданства. Поскольку Чингисхан продолжал эксплуатировать эту практику еще много лет, она приняла форму универсального гражданства, основанного не на религии, как это было среди христиан и мусульман, и не только на биологическом родстве, как это было в традиционных кланах степи. Оно было основано просто на верности, терпимости и преданности» (Уэзерфорд Джек. Чингисхан и рождение современного мира. М.: АСТ, 2005. С. 171–172).

С. 191. *Затем Чингисхан отослал ноёна Борохула хорь тумэдов к державе присоединить.* — Тумэды подразделялись на восточных, которых называли хори тумэды (они жили вперемешку с баргудами), и западных — просто тумэды, которые обитали на юго-западе от озера Байкал и граничили с севера с

хиргисами. Через несколько лет после присоединения к Великому Монгольскому Улусу они и их соседи, хиргисы, по некоторым источникам, в 1216 году, по другим — в 1217 году восстали, пытаясь обособиться, но эти попытки были пресечены в результате карательного похода войск Чингисхана.

Поход Борохула, описанный автором «Сокровенного сказания монголов», очевидно, и был первым этапом усмирения восставших хори тумэдов. Об этом же свидетельствует и Рашид ад-Дин: «В том же упомянутом году Быка (1217 г. — А.М.), когда Чингисхану стало известно, что Тайтула-Сокар (Дайдухула сохор. — *А.М.*), предводитель племени тумэд, который перед этим подчинился [Чингизу], вследствие отлучки Чингисхана в Хитай снова восстал, а это племя составляло отдельное войско и было воинственным и мятежным, — он назначил Наяа-нойона из племени Баарин и Дурбан-нойона (Дурбэй. — *А.М.*) для выступления на войну против них (тумэдов). Наяа-нойон отговорился болезнью. Когда доложили [об этом] Чингисхану, он несколько подумал, а затем вместо него назначил Борохул-нойона. Когда Борохул-нойон услышал [об этом], он спросил у эмиров: «Вы напомнили государю обо мне или он сам соизволил надумать?» Они сказали: «Он сам соизволил!» Тогда тот сказал: «Я пойду на счастье Чингисхана, но я иду [пролить кровь] взамен другого!» И, поручив свою жену и детей государю, выступил. Он захватил племя тумэд и уничтожил [его], но был убит в бою.

Когда Чингисхан услышал слова, сказанные Борохул-нойоном, и вспомнил его заслуги, [то] весьма огорчился его смертью; он сжалился над его детьми и соизволил сказать: «Я для оставшихся после него подобен печени и нутру, они не должны горевать, ибо я буду их беречь хорошо!» В дальнейшем он содержал его детей в почете и уважении, оказывал им различного рода пожалования и постоянно заботился о них» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: Ладомир, 2002. Т. 1. Кн. 2. С. 178).

С. 192. *«…Всем вам и прочим сродникам моим пожалованы будут подданные наши!»* — «Сокровенное сказание монголов» содержит подробные сведения о сыновьях и ближайших родственниках Чингисхана, получивших уделы-улусы. Б. Я. Владимирцов так описал особенности процесса феодализации в Великом Монгольском Улусе при Чингисхане: «Продолжая очень старые кочевые традиции, Чингисхан, вскоре после объединения ряда монгольских племен, после создания своей кочевой державы, Monggol ulus, начинает раздавать уделы — ulus'ы своим сыновьям и ближайшим родственникам…

Выделение уделов основывалось на том принципе, что «государство» (ulus irgen) является достоянием всего рода того

лица, которое создало державу и стало ханом. Так же, как род или его ответвление владеет определенной территорией, на которой совместно кочуют его члены — urux'и, и владеет людьми, которые являются его потомственными крепостными вассалами (unagan bogol), совершенно так же род является владельцем народа-государства (ulus), проживающего на определенной территории (nuntux «nutug). Происходит, следовательно, перенесение понятий о родовой собственности на более широкую область народа-государства. С этой точки зрения все племена и народы, вошедшие в состав монгольской империи Чингисхана, все делаются unagan bogol'ами и его, и его рода; «так как Чингисхан, — говорит Рашид ад-Дин, — был ханом, господином соединения планет, самодержцем земли и времени, все племена и роды монгольские их родных и чужих стали его рабами и слугами»; поэтому Mongol ulus приобретает значение «народ-государство рода монгол». Власть рода Чингисхана над его улусом, т. е. народом-государством, выражается в том, что один из родичей, altan urug (urux)'а (золотого рода. — *А.М.*), становится императором, ханом (хап, xagan), повелевающим всей империей, избираемым на совете всех родичей (xuriltai «xurultai); другие же члены рода, главным образом мужские его отпрыски, признаются царевичами (kobe'un «kobegun, слово, значащее собственно «сын»), имеющими право на то, чтобы получать в наследственное пользование удел-улус…

Удел состоял из ulus — «людей, народа», т. е. определенного количества монголов-кочевников, и nutug (yurt), т. е. территории, на которой эти «люди» могли кочевать. Улус-удел определялся, с одной стороны, количеством ayil'ов, т. е. кочевых дворов, а с другой стороны — количеством воинов (cerig), которое мог он выставить…

Для кочевника, ведущего экстенсивное натуральное хозяйство, важно не обладание большим или малым, но определенным участком земли, земельным наделом, а возможность использовать большие пространства для периодических перекочевок в зависимости от времени года, возможность выбирать лучшие и удобные стоянки…

Наши источники определенно указывают, что nutug (yurt), т. е. пространство земли, достаточное для содержания той или другой кочевой единицы, считалось принадлежащим господину — noyan или царевичу — kobegun… Раз сеньор владел людьми, то, естественно, должен был и владеть землею, на которой они могли бы жить-кочевать. Всякий сеньор поэтому, получая во владение или даже в управление ulus — народ, людей, непременно получал совершенно определенный юрт, nutug, т. е.

землю, годную для содержания выделенных ему кочевников. Удел — xubi состоял из двух частей: из определенного количества кочевых семейств (ulus) и из достаточного для их содержания пространства пастбищных и охотничьих угодий (nutug). Внимание кочевника, конечно, сосредоточено на людях, потому что nutug мог быть найден и другой; ввиду этого словом ulus и стали обозначать самый удел, выделенный тому или другому лицу…

Раньше владельцем nutug'a был род, потом вождь, bagatur, ха'ап и т. п., во время монгольской державы владельцем юрта-нутука становится сеньор, noyan, kobegun…

В древнемонгольском обществе, в период империи, у кочевников владение землей выражалось в том, что noyan, т. е. феодальный сеньор, царевич или «тысячник», руководил кочеваньем зависящих от него людей (ulus), направлял их по своему усмотрению, распределяя лучшие пастбищные угодья (belciger «belci'er) и указывая стоянки в определенных местах предоставленного ему нутука-юрта…

В пределах своих тысяч и сотен монгольские ноёны, по-видимому, были неограниченными господами и творили суд и расправу над своими подчиненными, руководясь Джасаком (Великая Яса. — *А.М.*) и обычным правом вообще (Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов. — В кн.: Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 394–395; 398–399,407-408,413).

По древним источникам невозможно точно определить, когда Чингисхан раздал уделы своим сородичам; некоторые ученые склоняются к тому, что это могло произойти уже после подчинения Чингисхану лесных народов, но до похода на чжурчжэней, т. е. до 1211 года.

С. 192. *Цагадай* — второй сын Чингисхана.

Толуй — четвертый сын Чингисхана.

Алчидай — сын младшего брата Чингисхана, Хачигуна.

С. 193. *Сказ об убиении Тэв тэнгэра.* — Сокрушив и изгнав со своей территории остатки непримиримых врагов — мэргэдов и найманов, осуществив присоединение к Великому Монгольскому Улусу «лесных народов», расширив свою территорию за счет бывших вассалов кара-киданей — уйгуров и харлугов, а также союзников чжурчжэней — тангудов, Чингисхан был вынужден вернуться к укреплению своих позиций внутри созданной им державы. Очевидно, не все объединенные Чингисханом в единую державу племена и, главное, их вожди смирились с тем, что стали «потомственными вассалами» Чингисхана и его рода. По-видимому, некоторые посчитали себя обделенными при раздаче

уделов, званий и титулов. Судя по «Сокровенному сказанию монголов», недовольными остались даже некоторые члены рода самого Чингисхана, в частности, мать Чингисхана, Огэлун, его дядя Даридай-отчигин, братья — Хасар и Бэлгудэй. Этим не преминула воспользоваться «новая оппозиция», которую возглавил шаман Тэв тэнгэр («Тэнгэр» — в переводе с монгольского значит «небо», Небо и небесный дух; его настоящее имя — Хухучу).

Поначалу Чингисхан благоволил к шаману Тэв тэнгэру. Это было в первую очередь связано с тем, что он являлся одним из семерых сыновей Мунлига из рода Хонхотадай, «подле которого Чингисхан родился и вырос» и который, по всей видимости, в детстве и ранней юности заменил ему умершего отца. Не случайно Чингисхан часто величал его отцом Мунлигом. К тому же влияние шаманов на монголов, в т. ч. и на Чингисхана, было огромным. А так как слова шамана Тэв тэнгэра «служили поддержкой Чингисхану, то последнему он приходился по душе» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. Т. 1. Кн. 1. С. 167).

Действительно, какое-то время Чингисхан шел у шамана Тэв тэнгэра на поводу. Как пишет Джувейни, «что бы он ни говорил, Чингисхан следовал всему безоговорочно» (Джувейни Ата-Мелик. Чингисхан. История Завоевателя мира. М.: ИД Магистр-пресс, 2004. С. 28). Однако «впоследствии, когда (Тэв тэнгэр) стал говорить лишнее, вмешиваться во все и повел себя спесиво и заносчиво, Чингисхан полнотою [своего] разума и проницательности понял, что он — обманщик и фальшивый человек» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: НИЦ «Ладомир», 2002. Т. 1. Кн. 1. С. 167). К этому времени «он (Тэв тэнгэр) приобрел силу; и когда вокруг него собралось множество сторонников, он пожелал сам стать правителем» (Джувейни Ата-Мелик. Чингисхан. История Завоевателя мира. М.: ИД Магистр-пресс, 2004. С. 28).

Последней каплей, переполнившей чашу терпения Чингисхана, стали события, подробно описанные автором «Сокровенного сказания монголов». Зарвавшийся шаман Тэв тэнгэр «на меньших братьев (Чингисхана. — *А.М.*) руку поднял, наветами раздор посеять вознамерился меж ними», за что и был безжалостно уничтожен. Расправа с прославленным шаманом послужила наглядным уроком всем тем, кто вздумал подняться против монгольского хана и его родичей…

С. 193. *Коли не остережешься нынче ты Хасара…* — Как считают исследователи, верховный шаман Тэв тэнгэр специально натравливал братьев друг на друга, используя их взаимную

неприязнь, дабы усилить свое влияние в государстве.

С. 195. *…монголы всех девяти наречий…* — Здесь имеются в виду не какие-то конкретные девять наречий, а в общем большое количество людей, которые пришли искать покровительство у верховного шамана Тэв тэнгэра.

С. 198. *«Тэв тэнгэр на меньших моих братьев руку поднял, наветами раздор посеять вознамерился меж ними и потому в немилость впал у Неба Вечного, которое и унесло с собою и дух его, и тело навсегда!»* — Б. Я. Владимирцов так прокомментировал эти слова Чингисхана: «Чингисхан упомянул о теле шамана, потому что среди суеверных монголов пошли слухи, что труп Тэв тэнгэра на третий день после смерти на рассвете ушел через дымовое отверстие юрты, которая была поставлена над ним. Словами же этими Чингис совершенно определенно указывал, что Небо покровительствовало и покровительствует ему, его роду и готово наказать всякого, кто вздумает подняться против монгольского хана или его родичей…» (Владимирцов Б. Я. Чингисхан. — В сб.: Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 174–176).

«…Коль знать мне прежде ваш враждебный нрав, вас участь Жамухи, Алтана и Хучара ожидала б!» — О значении этого решающего шага Чингисхана в борьбе со своими соперниками за власть американский ученый Джек Уэзерфорд написал следующее: «Тэв тэнгэр был последним соперником, с которым Чингисхану пришлось столкнуться среди племен степи. Все, чем он не мог управлять, он уничтожил. Он нейтрализовал влияние своих родичей, истребил аристократические кланы и перебил соперников-ханов, смешал древние племена друг с другом и, наконец, позволил убить самого могучего шамана во всей степи…

Приверженцы Чингисхана тоже по-своему поняли произошедшее: их хан не только обладал несравненной военной силой, но и силой духовной, большей, чем у самого сильного шамана. В глазах многих своих последователей Чингисхан показал себя могучим шаманом…» (Уэзерфорд Джек. Чингисхан и рождение современного мира. М.: АСТ, 2005. С. 170).

С. 199. *История завоевания Чингисханом державы Алтан-хана.* — Для того чтобы понять реальные причины той лютой ненависти и жажды мести монголов и, естественно, Чингисхана в отношении чжурчжэней, вернемся на столетие назад и оживим в памяти историю взаимоотношений монголов и чжурчжэней.

Чжурчжэни с момента создания своего «Золотого государства» (1115) вынашивали планы завоевания всего Китая. В 1125–1126 годах они повергли державу киданей и китайское государство Северное Сун, перенесли столицу в город Жунду,

после чего направили свои главные военные силы на юг, против китайской державы Южных Сунов. Что касается северных соседей, кочевых монголоязычных племен, то в отношении их чжурчжэнями «применялась двойственная политика. Путем подстрекательских действий они стремились посеять рознь среди кочевников и не допустить их политического объединения. В противном случае чжурчжэней могла постичь участь киданей и северных сунов быть разбитыми новым союзом кочевых племен. С другой стороны, чжурчжэни для укрепления своего господства в Северном Китае стремились привлечь племена кочевников на свою сторону» (Нацагдорж Ш. Жизнеописание Чингисхана (на монг. яз.). Улан-Батор: Соёмбо, 1991. С. 128). Проводником своей политики в среде кочевых монголоязычных племен чжурчжэни сделали татарские племена, которые уже в 1127 году стали их вассалами.

Однако как ни препятствовали чжурчжэни и их вассалы, татары, объединению коренных монгольских племен в межплеменной союз, все их усилия не увенчались успехом. Более того, чжурчжэньский Алтан-хан вынужден был искать пути сближения с предводителем улуса Хамаг Монгол («Все Монголы»), Хабул-ханом. А после ряда неудачных попыток подчинить себе улус «Все Монголы» военным путем (1138–1140) чжурчжэни в 1147 году подписали-таки с монголами мирный договор. Но от своих коварных замыслов чжурчжэни не отказались. С помощью своих вассалов, татар, они решили обезглавить улус «Все Монголы». Предки Чингисхана — Охин бархаг, Амбагай-хан, Хадан тайши, отец Чингисхана, Есухэй-батор, стали жертвами этой политики.

«И это — лишь прославленные «высокородия» монголов, чьи имена были вписаны в анналы истории. А сколько было истреблено простых монголов, особенно тех, кто был уничтожен во время карательных походов цзиньцев (чжурчжэней. — *А.М.*) и чьи имена не были отражены в исторических хрониках?!» (Сайшал. Историй Чингисхана (на монг. яз.). Улан-Батор, 2004. Кн. 2. С. 560). Именно о таких карательных походах чжурчжэней, которые осуществлялись каждые три года, сообщает нам китайский источник XIII века «Мэн-да бэй-лу».

Очевидно, так продолжалось до 1196 года, когда чжурчжэни решили покарать своих вассалов, татар, за неуступчивость при разделе добычи во время очередного своего карательного похода против северных кочевников. А поскольку именно монголы и хэрэйды — кровные враги татар — пришли на этот раз на помощь чжурчжэням в их стычке с татарами, вождям этих племен, Чингисхану и Торил-хану, были пожалованы почетные титулы,

что, хотя и повышало престиж этих ханств и их вождей, по сути своей, де-факто, означало лишь принятие Алтан-ханом в вассалы на место татар других монгольских племен.

С тех пор Чингисхан, о чем свидетельствует «Юань ши», «вносил дань (империи. — *А.М.*) Цзинь ежегодными подношениями» (Юань ши. — В кн.: Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, ВЗОИ, 2004. С. 458) и делал это, по-видимому, так справно, что приобрел «доверенность императора нючжей (чжурчжэней. — А.М.), который потом слишком долго смотрел сквозь пальцы на его честолюбивые замыслы… То, почему гины (чжурчжэни. — *А.М.*) допустили усиления Чингисхана, позволив ему покорить окрестные племена, подвластные Китаю (имеется в виду империя Цзинь. — *А.М.*), можно объяснить только недальновидностью тогдашнего правителя гинов, продажностью некоторых его чиновников, которых Чингисхан, без сомнения, держал на жалованье, искусным сокрытием замыслов этого честолюбца, исправностью в выполнении условий подданства и наружным видом преданности и покорности к царствующей династии» (Иванин М. И. О военном искусстве монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. Санкт-Петербург: АО «Славия», 2003. С. 46; 105–106).

Поворотным моментом в истории взаимоотношений империи Цзинь и монголов стал 1206 год, когда «Чингисхан возводит род монгол на небывалую высоту, ставит его во главе большого кочевого государства и… осуществляет его старые мечты, даже далеко превосходит их» (Владимирцов Б. Я. Чингисхан. — В кн.: Владимирцов Б. Я. Работы по истории и этнографии монгольских народов. М.: ИФ «Восточная литература» РАН, 2002. С. 178). Однако Алтан-хан не пожелал расставаться со своими имперскими замашками в отношении своих прежних вассалов, как ни в чем не бывало требовал уплаты ежегодной дани, «по-прежнему препятствовал экономическим отношениям, в частности, торговле кочевых племен с Китаем, что приводило к крайнему дефициту товаров широкого потребления и продуктов питания, в которых нуждались кочевники» (Нацагдорж Ш. Жизнеописание Чингисхана (на монг. яз.). Улан-Батор: Изд. Соёмбо, 1991. С. 128).

«Но, кроме того, у Чингиса были особые причины жаждать войны с… государством Цзинь… Не только грабить и разорять богатые области, но и мстить… старым губителям его славного рода…» (Владимирцов Б. Я. Указ. соч. С. 178). Одним словом, когда «жажда мести соединилась с жаждой крови, богатства и власти» (Иванин М. И. Указ. соч. С. 106), по свидетельству «Юань

ши», Чингисхан «стал замышлять поход на Цзинь… захотел отомстить… определенно решил направить карательную экспедицию, однако не осмелился двинуться необдуманно» (Юань ши. Указ соч. С. 456).

Помимо действий административного, военного и дипломатического характера, осуществленных Чингисханом в 1206–1210 гг. и свидетельствовавших о целенаправленной подготовке к войне с державой чжурчжэней, в самый канун вторжения, как свидетельствуют древние источники, Чингисхан уделил особое внимание мерам предосторожности в тылу, организации войска, получению информации о внутреннем положении в державе Алтан-хана, привлечению на свою сторону всех антицзиньских сил, прежде всего киданей, которых впоследствии «Чингисхан блестяще использовал для того, чтобы взорвать империю Алтан-хана изнутри» (Сайшал. Указ. соч. С. 584).

И когда Чингисхан в 1209 году, после провозглашения в Цзинь нового императора Вэй Шао Ван Ваньгинь Юн Цзи, окончательно убедился в том, что имперская политика чжурчжэней в отношении Великого Монгольского Улуса осталась неизменной, он, как явствует из «Юань ши», «порвал с Цзинь, увеличил строгости (дисциплину) в войсках, чтобы быть готовыми…» (Юань ши. См.: указ. соч. С. 459).

С. 199. *Год Овцы* — 1211 год; русский военный историк М. И. Иванин, основываясь на древних летописях, так описывает начальный период (1211 год) похода Чингисхана в Северный Китай: «Окончив приготовление к походу, Чингисхан в марте 1211 года с берегов реки Керулен двинулся к пределам Китая… Все пространство пути от Керулена до ближайшей части Китайской стены составляет около 750 верст, следовательно, могло быть пройдено в сорок дней…

Начав поход в марте месяце, Чингисхан прошел степь (в основном восточную часть пустыни Гоби. — *А.М.*) до жары; войдя в землю онгудов, он, по обыкновению, в течение лета откармливал лошадей, чтобы с осени выступить в поход…

Онгудский хан Алахуши дигитхури был на стороне Чингисхана еще с 1204 года и поддался ему (вероятно, до времени тайно). С приближением Чингисхана к его владениям он (Алахуши дигитхури. — *А.М.*) явно перешел на его сторону. Это облегчило первые военные действия монголов, преимущественно потому, что большая часть табунов лошадей, верблюдов и прочего скота, принадлежавших императору цзиньцев, досталась монголам…

В Китае, исключая мулов и ослов, скота держат мало…

лошадей для двора и войск в Пекин брали из казенных табунов, пасшихся у онгудов, на севере Китайской стены… Эти табуны и стада, в случае войны и особенно спешных походов составлявшие главное пособие для конницы, обозов и продовольствия, хотя находились в непосредственном владении правительства, но были под надзором пастухов из кочевого народа; доставки же этих животных от прочих кочевых народов можно было ожидать только в случае покорности или личных выгод их… Нет сомнения, что Китай (здесь имеется в виду империя Цзинь. — *А.М.*)… до вторжения Чингисхана не мог иметь внутри своих пределов значительного скотоводства, и способы формирования конницы состояли в казенных табунах, которые Чингисхану удалось отогнать при содействии хана онгудов (Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. Санкт-Петербург: АО «Славия», 2003. С. 107–109).

С. 199. …*Чингисхан пошел повоевать хятадский народ.* — Здесь имеется в виду чжурчжэньская империя Цзинь Алтан-хана, находившаяся на северо-востоке Китая и занимавшая ее третью часть.

В XII веке вождь племени Ваньгинь Агуда объединил все родственные чжурчжэньские племена, народа маньчжуро-тунгусского происхождения, и в 1115 году на территории теперешней Маньчжурии и северо-восточной половины собственно Китая образовал империю Цзинь, «Золотую державу». Территория державы Алтан-хана («Золотого императора») простиралась на востоке до Японского и Охотского морей и Внешнего Хинганского хребта, на северо-западе достигала границ современной Монголии, на западе примыкала к Бортохою, Шаньси, горам Хэншань, восточной части Ганьсу и державе тангудов, на юге достигала хребта Чиньлин, реки Хуанхэ и границ южно-сунского государства, в котором правила национальная китайская династия Сун. В начале вторжения Чингисхана в империю Цзинь ее императором был Юнь-цзи.

Чжурчжэни назвали свою державу «Айсин гурун», что в переводе означает «Золотая держава». Поэтому монголы называли чжурчжэньских императоров «Алтан-хан», что означает «Золотой император».

Хятад — так назывался монголами, а вслед за ними и всеми завоеванными ими на западе народами (населением Туркестана, персами, русскими и т. д.) Северный Китай. Впоследствии это название было перенесено на всю территорию современного Китая. В конце XII — начале XIII века Китай (в нашем нынешнем понимании) был разделен на три государства: империю Цзинь,

повоевать которую и отправился Чингисхан в 1211 году; тангудское государство Си-ся, которое в 1209 году признало сюзеренитет Великого Монгольского Улуса; и, наконец, государство династии Сун, названное так по имени собственно китайской династии, в нем правившей.

Освобождение от вассальной зависимости от Алтан-хана империи Цзинь было главной целью походов Чингисхана.

С. 199. *И захватил он город Фу Жиу…* — Суд я по китайским и персидским древним источникам, после взятия этого города войска Чингисхана были разделены и двинулись в двух направлениях. Вот что об этом пишет М. И. Иванин: «Идти прямо на Пекин (в то время Средняя столица Алтан-хана, Чжунду. — *А.М.*) было невыгодно. В нем в то время находилось место пребывания императора гинов (цзиньцев. — *А.М.*); нет сомнения, что горные входы в Китай напротив столицы были хорошо укреплены и защищены лучшими войсками.

Нынешняя Маньчжурия была во власти гинов, и так как там местность пересечена горами и лесами, то оттуда легко можно было обеспокоить Чингисхана с тыла и с левого крыла и истреблять или угонять скот, назначенный для продовольствия. Эти причины, вероятно, заставили Чингисхана идти не прямо на Пекин, а на Датун (Си-цзин, западная столица Алтан-хана. — *А.М.*), отстоящий от Пекина на 360 верст; но вероятно также, что Чингисхан угрожал Пекину, чтобы лучше скрыть настоящее место, откуда он хотел вторгнуться в Китай. Об этом можно судить из того, что гины не успели сделать распоряжений для обороны крепости Ву-ша-пху (Ушапу, Ушабуу. — *А.М.*), защищавшей важный проход в горах. Монголы, взяв ее без большого сопротивления, прямо устремились на Датун и оттуда уже направились между двумя ветвями Великой стены на Пекин (Чжунду. — *А.М.*) (Иванин М. И. О военном искусстве и завоеваниях монголо-татар и среднеазиатских народов при Чингисхане и Тамерлане. Санкт-Петербург: АО «Славия», 2003. С. 107–109).

С. 199. *…И отослал он с передовым отрядом Зэва и Гуйгунэг-батора. И достигли они перевала Цавчал, где на пути их стояла сильно укрепленная вражеская застава.* — Судя по китайской летописи «Юань ши», наступление главных сил Чингисхана на Жунду началось в сентябре 1211 года: «В восьмой луне (9 сентября — 8 октября 1211 г.) император (Чингисхан. — А.М.) сражался с цзиньским командующим у [города] Сюаньпин (Сюань Дэ; совр. Сюаньхуа. — *А.М.*) при реке Хуйхэ и разбил его. В девятой луне (9 октября — 6 ноября 1211 г. [Чингисхан] захватил (город) Дэсинфу (Дэ Син. — *А.М.*). Защищавший заставу Цзюй-

юн-гуань (Цав-чаал. — *А.М.*) полководец, спасая себя, сбежал. Тогда Зэв вошел в [эту] заставу и приблизился к Средней столице (Жунду. — *А.М.*)» (Храпачевский РП. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, ВЗОИ, 2004. С. 459).

…И стал Чингисхан станом в Шар дэгтэр. — имеется в виду северо-западный пригород Жунду.

И стал Чингисхан станом в Шар дэгтэр, и отослал оттуда мужей своих, дабы захватили они город Жунду и другие города и городища хятадские. — Скупые сведения, приведенные автором «Сокровенного сказания монголов», не позволяют представить себе масштаб боевых действий в первый год похода Чингисхана и их результаты. А вот как оценивает эти результаты российский военный историк Р. П. Храпачевский: «…Именно кампания 1211 года была переломным моментом в ходе всей внешней экспансии державы Чингисхана. Ее результаты были ошеломляющими — военный крах Цзинь (захват территорий пока не был особенно важен для монголов) и уничтожение лучших кадровых частей чжурчжэньской армии. Это привело к общей катастрофе империи чжурчжэней — началось отпадение ранее завоеванных ими народов, создание на окраинах Цзинь марионеточных государств (зависимых от монголов и союзных им), а разрушение защитных линий и общее ослабление чжурчжэньской армии дали операционную свободу монгольским силам, которые после 1211 года легко проникают туда, куда им надо, и бьют разрозненные цзиньские силы тогда, когда им нужно…

Результаты кампании 1211 г. оказались для Цзинь плачевными в первую очередь с политической точки зрения — военное поражение развеяло страхи перед военными силами чжурчжэней у многих подвластных им киданьских, китайских и прочих феодалов и подтолкнуло их к отделению от Цзинь и к союзу с монголами. Первым на такой шаг пошел Елюй Люгэ. В начале 1212 г. он делается союзником посланного в Ляоси монгольского темника Алчи-нойона… а позже объявил об учреждении государства Ляо, независимого от Цзинь. Стратегически рассуждая, это было смертельным ударом для империи, созданной на основе покорения народов, по численности превосходящих (и намного) имперскую нацию, т. е. чжурчжэней. По мере отпадения и перехода к монголам киданей и китайцев гибель Цзинь становилась только вопросом времени.

С военной точки зрения поражения чжурчжэней в 1211 году имели двойственный эффект: были разгромлены их лучшие части регулярной армии и потеряны важные ресурсы — мобилизационные (отпадение приграничных племен), конского поголовья и экономические (население приграничных округов

было или угнано монголами, причем угонялись мастера ремесел, или бежало в глубь страны), это с одной стороны; а с другой — чжурчжэни сумели оценить опасность и начали организовывать прочную оборону своих городов. Последнее обстоятельство сказалось на ходе кампании 1212 г. в тактическом плане, но уже не могло повлиять на общую стратегическую ситуацию — пассивная оборона, к которой перешли чжурчжэни, позволила им оттянуть гибель государства, но не выиграть войну с монголами. С этой точки зрения кампания 1212 г. показательна — чжурчжэни отбили нападения на все крупные города, но при этом бросили на произвол монголов остальные территории, т. е. инициатива осталась в руках монголов, и они последовательно уничтожали материальную базу чжурчжэней в разоряемых землях, а те демонстрировали свою неспособность защищаться нигде, кроме как в нескольких крупных городах» (Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, ВЗОИ, 2004. С. 287, 293–294).

Поскольку в «Сокровенном сказании монголов» отсутствуют сведения о военных действиях в 1212 году, мы процитируем Гарольда Лэмба, который дает оценку основным событиям этого года в войне между монголами и чжурчжэнями: «Весной (1212 года. — *А.М.*)… Чингисхан вновь появился у Великой стены. Он обнаружил, что сдавшиеся ему в первую кампанию города теперь имели гарнизоны и не желали подчиняться, так что все приходилось делать заново. Западная столица была обложена вновь, и теперь он стянул туда всю орду. По-видимому, он использовал осаду в качестве приманки, поджидая войска, посланные на помощь осажденным, и разбил их, когда они подошли.

Эта война выявила две вещи. Монгольская конница могла добиваться преимущества искусным маневром и уничтожать китайскую армию (армию империи Цзинь. — *А.М.*) в открытом поле. Однако она все еще была не в состоянии брать сильно укрепленные города…

Между тем в ходе осады Западной столицы получил ранение Чингисхан. Его орда ушла из Китая, подобно отливу с морского берега, увозя с собой своего раненого вождя. К тому же возвращаться они должны были каждый раз с наступлением осени. Нужно было собрать новых лошадей. Летом орда находила еду для себя и корм для животных в стране пребывания, но зимой в Северном Китае не было достаточного для нее пропитания…В своей первой широкомасштабной войне Чингисхан оказался в патовой ситуации… Он не мог оставить свои гарнизоны в захваченных городах империи. Его монголы, не привыкшие в то время к боевым действиям из-за крепостных стен, были бы

уничтожены китайцами в течение зимы. Ряд побед на равнине был одержан над китайской армией благодаря скрытым передвижениям его эскадронов и соединению их путем невероятно быстрой переброски. Однако в результате войска противника просто укрывались за городскими стенами… а главу цзиньской империи невозможно было изгнать из почти неприступной цитадели…

При сложившихся обстоятельствах от вождя кочевников можно было бы ожидать, что он бросит все и не станет больше появляться из-за пределов Великой стены, довольствуясь своей добычей предыдущих кампаний и лаврами победителя цзиньской империи. Однако раненый и все-таки непреклонный Чингисхан накапливал опыт, используя его с выгодой для себя, в то время как Золотого императора (чжурчжэньского императора. — *А.М.*) стали терзать тяжелые предчувствия» (ЛэмбГ. Чингисхан — властелин мира. М.: Центрполиграф, 2002. С. 107–110).

С. 199. …*И послан был Зэв подчинить город Дун чан.* — Дун-чан — Восточная столица империи Цзинь; ученые-монголоведы склонны относить этот поход Зэва к 1213 году, а штурм Восточной столицы датируется 14 января 1213 года; различные источники и исследователи (переводчики) называют Восточную столицу по-разному: Дун чан, Дунцзин, Тун-кин. Современный город Ляоян.

Американский ученый Джек Уэзерфорд, анализируя стратегию и тактику Чингисхана в этом походе на чжурчжэньскую империю Цзинь, так охарактеризовал значение этого похода Зэва на Восток: «Чингисхан старался ослабить противника, используя внутренние противоречия в обществе. В кампании против чжурчжэней его первым шагом стала последовательная работа над тем, чтобы разделить киданей и их повелителей чжурчжэней… Монголы провели великолепную пропагандистскую кампанию, объявив себя освободительной армией, целью которой было восстановление владычества старого киданьского царского рода, который был отстранен от власти столетие назад. Прежде чем начались настоящие сражения, многие кидани бежали, чтобы присоединиться к монголам, которые говорили на одном с ними языке.

Одним из первых действий в этой войне стал поход, который возглавили Зэв и брат Чингисхана Хасар. Они провели монгольские войска прямо на историческую родину киданей в долине реки Ляо. Монголы сразу получили поддержку со стороны киданей… Чингисхан официально восстановил на троне киданского монарха (Елюй Люгэ. — *А.М.*), конечно же, в качестве вассала Монгольской империи. Разумеется, монголы еще не

покорили все земли чжурчжэней, но, создав такое вассальное государство, они смогли внести раздор в стан чжурчжэней и привлечь больше сторонников на свою сторону» (Уэзерфорд Джек. Чингисхан и рождение современного мира. М.: АСТ, 2005. С. 191–192).

Французский ученый Рене Груссе в своей книге так обрисовал основные события второй половины 1213 года в этой войне: «Воспользовавшись смутой, вызванной этим переворотом (убийство прежнего императора и возведение на престол нового. — *А.М.*), Чингисхан осенью того же года предпринял поход в самое сердце цзиньской империи. В соответствии с необыкновенно тщательно разработанным планом он разделил свои войска на три армии. За собой Чингисхан оставил армию центра, которой предстояло вторгнуться на Великую равнину. Некоторые военачальники предлагали взять Пекин (Чжунду. — *А.М.*), но здравомыслие подсказало этого не делать; город имел слишком хорошие укрепления, а монголы не были достаточно оснащены техникой для его осады, да и умения им недоставало. Поставив перед Пекином заслон из своих войск, сопровождаемый Толуем Чингисхан со своей конницей устремился на юг…

Спускаясь от Пекина на юг, Завоеватель преодолел не менее 500 километров и остановился лишь тогда, когда уткнулся в широкую, как морской пролив, Хуанхэ, форсировать которую его коннице было не под силу. Но поход продолжался. Взяв курс на юго-восток, Чингисхан пересек из края в край всю плодородную долину Шаньдун, главный город которой, Цзин Нань, занял… Не изменяя своему жестокому правилу, монголы использовали во время штурмов имевшихся у них пленных, равно как и местных крестьян, ставя их в первые шеренги своих войск… За исключением немногих крепостей, действительно неприступных, все встречные города пали один за другим. Чингисхан вернулся к Великой стене с богатой добычей…

В то время как Завоеватель грабил Великую равнину, его сыновья Жочи и Цагадай с Угэдэем, приняв командование над второй армией, «правым крылом» прошли по западному краю Хэбэя, миновали Бао-динь и Шаньдун и вышли к Хуэй-цзиню, в ту часть Хэнаня, что лежит севернее Желтой реки. Затем, пересекши последние южные отроги массива Тайхан, армия вступила на обширное плато, где располагалась старая сельскохозяйственная провинция Шаньси… Монголы заняли все три главных города: Бинъян, Фучжоу и Сучжоу. Несмотря на систему укреплений и рвов, отпугнувших стольких агрессоров в эпоху античных китайских войн, пала и столица этого края, город Тайюань, крупный металлургический и винодельческий центр, богатством

которого восхищались Марко Поло и другие знаменитые путешественники XIII века.

Легкость, с какой были захвачены китайские города, свидетельствует о том, что монгольское военное искусство буквально ставило китайцев в тупик. Например, приготовившимся к нападению с севера, им, к их недоумению, приходилось отражать конную атаку кочевников с юга…

Третью конную дивизию Чингисхан доверил своему брату Хасару. Оставив окрестности Пекина и держа направление на северо-восток, Хасар прошел вдоль побережья… он двинулся в Верхнюю Маньчжурию, отчизну первых «Золотых царей», древних чжурчжэней…» (Груссе Рене. Чингисхан покоритель вселенной. М.: Молодая гвардия. 2000. С. 155–157).

С. 199. …*Повоевав дунчанцев, Зэв воротился в ставку Чингисхана. Тем временем ратаи наши осаждали Жунду.* — Описываемые далее события относятся к весне 1214 года. Американский исследователь Джон Мэн попытался реконструировать картину крепостных укреплений Чжунду, которые монголы Чингисхана пытались взять штурмом: «Но Бейджин (Чжунду. — *А.М.*) держался, так как еще за сто лет до этого его превратили в неприступную твердыню. За пределами городских стен построили четыре форта-деревни, в каждом вмещались собственные зернохранилище и арсенал, и каждый был соединен со столицей подземным ходом. В этих фортах спрятались военачальники и вельможи, и с ними по 4000 солдат в каждом. Стены крепости толщиной 15 метров у основания защищались тремя рвами, питавшимися водой из озера Кунь-мын. Крепость была построена в форме прямоугольника с периметром в 15 километров. Зубчатый парапет возвышался над землей на 12 метров, стены имели 13 ворот и сторожевые башни каждые 15 метров, всего их насчитывалось 900 штук.

Защитники этих основательных оборонительных сооружений располагали не менее серьезным вооружением. Двойные и тройные арбалеты стреляли трехметровыми стрелами на километр (эти поразительные данные были засвидетельствованы персидским источником во время нападения монголов на замок ассасинов в 1256 году). Другой осадный лук времен Тан мог стрелять семью видами стрел на 500 метров, и они «пробивают все, во что бы ни попадали, даже городские стены и валы».

Роль артиллерии выполняли катапульты, которые называют «боевой рогаткой», они были установлены на подвижной платформе с рычагами до 10 метров длиной, на одном конце которых нагружали камни, а другую оттягивали канатами. Команда из шести человек под руководством «артиллериста» со

стены могла, натянув канаты, швырнуть 25-килограммовый булыжник на 200–300 метров. Все это оружие могло быть приспособлено для стрельбы широким набором зажигательных снарядов, ибо шли первые пробы применения пороха в военном деле. Горящие стрелы, выпускаемые осадными луками, зажигательные ядра, забрасываемые боевыми рогатками, — некоторые делали из воска, если они должны были гореть медленно, другие со специальными острыми шипами, чтобы те застревали в дереве, иные — изготовленные из керамики и наполненные расплавленным металлом, — все они были предназначены для поджигания штурмовых лестниц и осадных башен…

Это оружие не только сдерживало монголов, но и служило учебным пособием. Для того чтобы брать и удерживать города, следовало овладеть этим оружием с помощью пленных и перебежчиков.

Осада Бейджина длилась почти год, до весны 1214 года. Это было трудным временем для монголов, у которых, как рассказывали, разразилась какая-то эпидемия, у них закончились припасы… К весне положение защитников было еще хуже» (Мэн Джон. Чингисхан. М.: Эксмо, 2006. С. 160–162).

С. 200. *И приступил тогда великий ноён Вангин чинсан к владыке своему Алтан-хану со словами…* — Совещание у Алтан-хана и принятие решения об обращении к Чингисхану с просьбой о перемирии состоялось весной 1214 года; чинсан (кит. чэнсян) — министр, канцлер; Вангин чинсан в различных источниках и исследованиях называется по-разному: Ваньянь Фусин, Ваньгинь Чэнхой.

И выразил Алтан-хан свою покорность Чингисхану, и пожаловал ему свою дочь по имени Гунжу… — По «Юань ши», девушка, пожалованная Чингисхану цзиньским Алтан-ханом, была дочерью Вэй Шао вана, по имени Чиху (Циго); Гунжу (кит. гун-чжу) — титул принцесс крови в Китае.

И пошел Чингисхан оттуда в страну Хашин. — Здесь имеется в виду Тангудское царство или государство Си-ся, основанное в 1038 году и находившееся на северо-западе Китая. Судя по древним китайским источникам, описываемый далее поход в Тангудское царство имел место в 1209 году (кстати, это был уже третий поход войск Чингисхана в страну тангудов после походов 1205 и 1207 гг.). Однозначного мнения о причине и целях этого похода Чингисхана не существует. Исследователи предполагают, что Чингисхан хотел гарантировать себе поддержку (в первую очередь материальную) со стороны тангудов в надвигавшейся войне против чжурчжэней. Другие считают, что Чингисхан хотел

«попрактиковаться» в штурме крепостей, ведь, как ему было известно, в Китае его ждали непреступные крепостные укрепления.

С. 200. *…правитель страны по имени Бурхан…* — Имеется в виду тогдашний правитель страны тангудов Ли Ань Цуань.

С. 201. *И, понудив в год Овцы покориться Ахутай Алтан-хана хятадского и Илаху Бурхана тангудского, Чингисхан возвратился восвояси, пришел и сел в местечке Саарь хээр.* — Очевидно, что в тексте «Сокровенного сказания монголов» допущена неточность или ошибка: судя по другим (китайским, персидским) источникам, события, о которых там идет речь, произошли в разные годы, соответственно в 1214 и 1209 гг.

…Чингисхан направил многочисленное посольство… к Жау гону… — Жау гон был императором династии Сун (960—1279). Собственно, китайские императоры, которые во времена Киданьской империи были оттеснены на юг от Желтой реки, создали государство Сун; в середине XII века, когда северный Китай был захвачен чжурчжэнями, государство Сун по заключенному с ними договору вынуждено было платить чжурчжэням большую дань, размеры которой возросли после очередного (1206 г.) нападения Алтан-хана на китайцев. Чингисхан, направляя свое посольство к императору династии Сун — Жау гону, стремился вовлечь его в сферу своего влияния, дабы в дальнейшем в союзе с китайцами выступить против чжурчжэней. Этому противился Алтан-хан.

С. 202. *Год Собаки* — 1214 год.

…снова выступил супротив него. — Помимо причины, о которой поведали нам авторы «Сокровенного сказания монголов», очевидно, была и другая: отъезд Алтан-хана из средней в южную столицу империи Цзинь (апрель-май 1214 года), о котором в «Сокровенном сказании монголов» все же будет упомянуто позже. Чингисхан расценил этот отъезд Алтан-хана как нарушение договоренностей о перемирии и вынашивание коварных планов как в войне против монголов, так и против государства южных сунов. По китайским источникам, Чингисхан выступил в направлении Жунду в июле 1214 года

Намгин — южная столица империи Цзинь; судя по китайским источникам, Алтан-хан покинул Жунду в мае 1214 года, оставив там наместником своего сына, которого в июле того же года в связи с началом наступления Чингисхана на Жунду отозвал в южную столицу.

С. 202. *Оставшиеся в живых после сечи кровавой этой хятадские ратаи до смерти изголодались, и убивали они друг друга, и поедали мясо человеческое.* — Судя по китайским источникам,

подобное положение сложилось в Жунду к началу 1215 года. Продовольствие и дополнительные воинские части, направленные Алтан-ханом в Жунду в феврале 1215 года, были перехвачены монголами. И вскоре Жунду пал.

И послал Чингисхан в Жунду Унгура бурча, Архай хасара и Шигиху-туга, дабы счесть злато и серебро и прочие богатства, оставшиеся в граде том. — Эпизод, описанный далее автором «Сокровенного сказания монголов», относится к моменту захвата войсками Чингисхана средней столицы империи Цзинь, Жунду, весной 1215 года.

С. 203. *И благословил Чингисхан покорность, выказанную Алтан-ханом, и пожелал он возвратиться восвояси…* — Чингисхан возвратился на родину осенью 1215 года, перед этим, как пишет китайский ученый Сайшал, «в июне 1215 года Чингисхан, находясь ставкой на озере Загасан нуур (Рыбном озере), в целях захвата цзиньских городов разделил свои войска на три части и двинул их по трем направлениям: монгольские войска «правой руки» под командованием салжудского Самухэ-батора выступили в направлении Гуаньчжун, монголо-киданьское соединение под командованием хонхотанского Толун чэрби наступало в центральном направлении на Чжэньдин, подчинившиеся монголам китайские части, объединенные под командованием Ши Тян-нина, которому было присвоено звание заместителя главнокомандующего и вручена золотая пайцза с изображением головы тигра, двинулись в восточном направлении на Пинчжоу…

Причины его возвращения были следующими. Во-первых, была достигнута главная цель кампании: захвачен город Жунду и обескровлен противник, войска цзиньского Алтан-хана; во-вторых, предстояло подавить вспыхнувшие в собственном тылу смуту и возмущения ранее покоренных племен» (Сайшал. История Чингисхана (на монг. яз.). Улан-Батор. 2004. Т. 2. С. 582–583).

После своего возвращения в Монголию в 1215 году Чингисхан больше никогда не принимал личного участия в дальнейших военных действиях на территории империи Цзинь. В августе 1217 года гуй ван Мухали был наделен полномочиями наместника на захваченных чжурчжэньских территориях; он руководил последующими военными действиями и управлением этими территориями.

Бэйжин — северная столица империи Цзинь.

С. 204. *…в землях Сартаульских пленена и перебита сотня мужей наших…* — После того как монгольский военачальник Зэв в 1218 году захватил государство Западное Ляо (кара-киданей),

находившееся в Восточном Туркестане, границы монгольского государства придвинулись к Хорезму. Монголы были крайне заинтересованы в развитии торговых связей с Хорезмом, поэтому гостеприимно приняли пришедший оттуда торговый караван. Торговцы были приняты Чингисханом, получили хорошую цену за свои товары. В обратный путь в 1216 году вместе с ними было направлено монгольское торговое представительство в составе 400 человек с разными товарами, а также послание Чингисхана, адресованное шаху Хорезма. Однако в конце 1216 — начале 1217 годов монгольские торговцы были остановлены в Отраре его губернатором, который позарился на монгольские товары и донес хорезмскому шаху, что им задержаны монгольские лазутчики. Шах, не разобравшись толком, повелел всех казнить. Это и послужило одной из главных причин похода Чингисхана на Хорезм.

…поводьями златыми… — Монголы на протяжении всей истории проводили гибкую политику в отношениях с другими государствами. Вот почему издревле они называли свою политику, направленную на установление добрососедских связей с другими странами, «золотыми поводьями державы».

Так повоюем лиходеев-сартаульцев! За муки смертные Ухуны, за поруганье над мужами нашими сполна им поруганьем воздадим!.. — Как свидетельствует Рашид ад-Дин, «Когда Чингисхан соизволил вверить Мухали гуй вану тот край (назначить его наместником в захваченных районах Северного Китая в 1217 году. — *А.М.*), он собрался направиться (в поход) со всеми войсками правого и левого крыла и остальными на Туркестан и Иран (на хорезмшаха. — *А.М.*), но прежде он счел необходимым принять меры против Хучулуга найманского и других племен, которые бунтовали по всем углам (его владений), и (уже) тогда привести в исполнение то намерение…» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: Ладомир, 2002. Т. 1. Кн. 2. С. 179).

Покончить с Хучулугом, который в то время сумел захватить власть в государстве кара-киданей, Чингисхан поручил Зэву. Ата-Мелик Джувейни в своей книге «Чингисхан. История завоевателя мира» так описал бесславный конец Хучулуга:

«И монгольская армия отправилась вдогонку за Хучулугом; и где бы он ни останавливался, они настигали его; и так они преследовали его как бешеную собаку, пока он не дошел до границ Бадахшана и не вступил в долину, называемую Дарра-и-Дарази. Когда он приблизился к Сарык-Чопан, он спутал дороги (как и следовало) и вступил в долину, из которой не было выхода. Несколько бадахшанских охотников охотились в горах неподалеку. Они заметили Хучулуга и его людей и направились к

ним; а монголы (Зэв. — *А.М.*) подошли с другой стороны. Так как долина была каменистая и передвигаться по ней было трудно, монголы пришли к согласию с охотниками. «Эти люди, сказали они, — Хучулуг и его сторонники, которые ускользнули от нас. Если вы захватите Хучулуга и доставите его к нам, мы больше ничего у вас не попросим. И тогда эти люди окружили Хучулуга и его сторонников, взяли его в плен и передали монголам, которые отрезали ему голову и увезли ее с собой. Жители Бадахшана получили бесчисленное множество денег и драгоценностей и вернулись домой» (Ата-Мелик Джувейни «Чингисхан. История завоевателя мира», С. 43–44).

Интересно, что в «Сокровенном сказании монголов» также сообщается «о принятых Чингисханом мерах против найманов и других племен»: «Субэгэдэй-батор, отправившийся с мужами своими вдогонку за сыновьями мэргэдского Тогтога — Худу и Чулуном, нагнал их на реке Чуй. И истребил он их на побоище и вернулся восвояси. Зэв настиг Хучулуг хана найманского в местности, именуемой Сариг хун, и, убив его, возвратился к владыке…» По неизвестным причинам эти свидетельства, а также эпизод с походом Борохула на хори тумэдов, помещены среди событий, относящихся к более раннему периоду (см. главу «История покорения харлугов, уйгуров и лесных народов»).

…Я славы твоей, и всесилия знамя? — Согласно верованиям монголов, после смерти человека его «сулдэ» («жизненная сила») становится гением-хранителем семьи, рода и может воплощаться в разных предметах, в том числе и в знамени.

С. 205. *Ужели нами править суждено ему, мэргэдскому ублюдку?!* — Цагадай намекает на тот факт, что их мать Бортэ хатан была пленена мэргэдами и якобы возвратилась оттуда беременной.

С. 210. *Когда же возвратимся восвояси, милостью Неба Вечного держа бразды державные златые, мы с ними посчитаемся наверно!* — Китайские историки свидетельствуют о том, что в феврале 1218 года Чингисхан на короткое время пришел с частью своих войск к столице Си-ся (Тангудского царства), чтобы потребовать участия тангудов в его походе против хорезмшаха. Сам тангудский правитель Ли Цзунь Сюй, попросту говоря, сбежал из столицы, передоверив ее защиту сыну Ли Дэ Вану, приближенный которого по имени Аша Хамбу имел наглость отказать Чингисхану. Взбешенный Чингисхан тем не менее не стал менять свои планы и отправился дальше на запад, во владения хорезмшаха. При этом среди его нукеров никто не сомневался, что он в свой срок обязательно «посчитается» с надменными тангудами.

С. 210. *Рассказ о том, как Чингисхан выступил повоевать сартаулов.* — После возвращения из Китая (осенью 1215 года) и вплоть до начала похода на хорезмшаха (весна 1219 года) Чингисхан покончил с не подчинившимися ему остатками племен мэргэд, хори тумэд, хиргис и лесными народами. Разгромив в 1218 году войско Хучулуга и убив его самого, Чингисхан присоединил к себе территорию прекратившего свое существование государства кара-киданей, в результате чего рубежи монгольской империи были передвинуты на запад, и теперь она непосредственно граничила с владениями хорезмшаха.

Монголы называли располагавшееся в нижнем течении Амударьи древнее государство хорезмшаха Сартуул, а его жителей сартаульцами. Это слово произошло от санскритского слова «сарт» — торговец. Это государство находилось на перекрестке торговых путей и было признанным центром международной торговли того времени. Современные ученые выдвигают различные гипотезы о причинах и целях этого похода Чингисхана. Китайский ученый Сайшал, резюмируя различные точки зрения, пишет о четырех чаще всего называемых причинах.

1. Сторонники гипотезы «грабительской войны» утверждают, что Чингисхан и его окружение добивались лишь одного: захвата богатого Хорезма и его полного разграбления.

2. Другие ученые считают, что причина этого похода вытекает из «потребностей военной политики» Чингисхана: лишь захватив Хорезм и овладев его ресурсами, он мог ускорить завоевание Китая.

3. Есть сторонники у гипотезы «двух потребностей», которые утверждают, что в то время для Чингисхана было жизненно важно, во-пер-вых, расширить свою территорию, а во-вторых, окончательно «замкнуть окружение империи Цзинь» путем захвата Хорезма.

4. И, наконец, большинство ученых, опираясь на многочисленные свидетельства древних источников, пишут о стремлении Чингисхана «наказать» сартаульцев за убийство нескольких сотен торговых людей, посланных Чингисханом в Хорезм для налаживания торговых отношений.

Надо отметить, что Чингисхан даже после этой кровавой резни, устроенной градоначальником Отрара, надеялся на разрешение этого происшествия малой кровью и потребовал выдать ему виновного. Однако хорезмшах расправился и со вторым посольством Чингисхана, и это делало военный конфликт неминуемым.

После принятия на хуралдане в 1218 году окончательного решения о походе на Хорезм Чингисхан в течение целого года

планомерно готовился к войне уже на два фронта. Он передал бразды правления военными действиями в Китае гуй вану Мухали; оставил наместником в самой Монголии своего младшего брата; назначил преемником своего третьего сына Угэдэя. Перед дальним походом в Среднюю Азию Чингисхан значительно укрепил боеспособность собственной армии: в нее влились части и военные подразделения из Китая, специализировавшиеся на осаде крепостей и городов, строительстве плавсредств и мостов, появилось соответствующее вооружение (дальнобойные, камне- и огнеметные орудия) и необходимые приспособления. Как и перед предыдущими походами, и на этот раз была проделана большая разведывательная работа.

С. 210. *В год Зайца выступил Чингисхан через Арайский перевал повоевать сартаулов.* — В апреле 1219 года армия Чингисхана, насчитывавшая, по различным источникам, 150–200 тысяч воинов, двинулась на запад. Лето этого года пятидесятивосьмилетний Чингисхан провел на Иртыше, в землях уйгуров, которые вместе с харлугами, как и обещали, присоединились к его войску.

У Чингисхана было несколько вариантов проникновения в Хорезм. Традиционным путем проникновения азиатских кочевников на Запад считалась дорога через Джунгарскую крепость, а оттуда по безводной пустыне до реки Сырдарья. Этот путь требовал предварительного решения вопросов обеспечения многотысячной армии Чингисхана продовольствием, водой и фуражом. Существовали и более благоприятные по природным условиям обходные пути, но это удлиняло дорогу на несколько сот километров и увеличивало риск немедленного столкновения с вражеским войском.

Самым близким путем проникновения в Хорезм с востока был путь по горным проходам Памира. Этот многотрудный, особенно в зимних условиях, путь выбрал неустрашимый монгольский полководец Зэв со своим передовым отрядом. Его войско смогло преодолеть все препятствия и весной 1220 года вступило в Ферганскую долину. Основные силы Чингисхана, двигаясь южнее озера Балхаш, форсировали реку Чуй и уже осенью 1219 года были у стен Отрара. Так начался Западный поход Чингисхана.

Как считает китайский исследователь Сайшал, этот поход монгольских войск в Хорезм можно разделить на три фазы:

первая — «Сражения в Мавераннахре», в ходе которых были уничтожены основные силы хорезмшаха;

вторая — «Сражения на Инде», проходившие на юге страны; в них Чингисхану уже противостоял Джелал ад-Дин, сумевший

объединить вокруг себя остатки войска отца;

третья — «Сражения в Прикаспии»; в отличие от первых двух фаз, во время которых военными действиями руководил лично Чингисхан, походом в Прикаспийские земли и далее руководили полководцы Чингисхана — Зэв и Субэгэдэй (Сайшал. История Чингисхана (на монг. яз.). УБ, 2004. Т. 2. С. 628).

С. 210. *…вслед за Субэгэдэем шел Тохучар.* — Это был тот самый Тохучар, которого Чингисхан перед тем, как выступить войной на империю Цзинь, дабы обезопасить свой тыл, а также северо-западные рубежи своей державы, оставил в Монголии с небольшим отрядом воинов.

В «Сборнике летописей» Рашид ад-Дина мы читаем: «Весною года Барана… когда Чингисхан соизволил отправиться в поход на страну Хи-тай, то [опасаясь], как бы несколько из рассеянных [им] племен еще раз не объединились между собой и не восстали бы, он, прежде всего, послал в низовья [реки] в дозор две тысячи человек под начальством Тохучара из племени Хонгирад… для того, чтобы, когда он [сам] пойдет на страну Хитай, тому быть у него в тылу в целях безопасности от племен монгол, хэрэйд, найман и других, большинство которых он подчинил [себе], да чтобы и [его] орды были также в безопасности. После того как он принял эти предосторожности и организовал войска, он счастливо выступил… на завоевание… Джурджэ (империи Цзинь. — *А.М*)…» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: Ладомир, 2002. Т. 1. Кн. 2. С. 163).

И отправил Чингисхан с передовым отрядом Зэва, а вслед ему выслал Субэгэдэя, а вслед за Субэгэдэем шел Тохучар. — Автор «Сокровенного сказания монголов», рассказывая о походе Чингисхана на хорезмшаха, описывает лишь некоторые эпизоды этого похода, причем это описание, судя по другим источникам, в частности «Сборнику летописей» Рашид ад-Дина, не всегда дается в хронологической последовательности. Так, рассказываемый далее эпизод, связанный с направлением Зэва, Субэгэдэя и Тохучара с передовым отрядом, с разгромом Шигихутуга и бегством Джелал-эд-Дина, относится к 1220–1221 гг. (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: Лабиринт, 2002, Т. 1, Кн. 2, С. 218–224).

С. 211. *Хан Мелиг* — Тимур-Мелик, прославленный военачальник Хорезмского царства.

Известясь о полонении городов своих, хан Мелиг выступил с ратью и воссоединился с Жалалдин султаном. — Джелал ад-Дин, сын и наследник хорезмшаха Мухаммеда, на нем прервалась династия хорезмшахов. После разгрома войсками Чингисхана основных сил хорезмшаха, его бегства и гибели весной 1221 года

остатки воинства хорезмшаха стали объединяться вокруг его наследника Джелал ад-Дина.

С. 211. *И наехали Жалалдин султан и хан Мелиг на Шигихутуга, и повергли они мужей наших, и преследовали их аж до стана Чингисхана.* — С весны по осень 1221 года воинство Джелал ад-Дина провело ряд успешных сражений против отдельных отрядов армии Чингисхана. Об одном из таких успешных сражений и сообщает автор «Сокровенного сказания монголов».

И гнали мужи наши ворогов сартаульских до реки Шин, в водах коей множество сартаульцев и сгинуло. Спасаясь от мужей наших, Жалалдин султан и хан Мелиг бежали вверх по Шину. — Автор «Сокровенного сказания монголов» сообщает о том, как армия Чингисхана настигла остатки воинства Джелал ад-Дина и разбила их на берегу реки Шин (река Инд) в октябре-ноябре 1221 года.

Следуя в верховья реки Шин, Чингисхан прошел через город Бадхэшэн (Бадахшан. — А.М.) и, достигнув речек Эх горхи и Гун горхи, стал станом в местности Бараан хээр. — Разгромив Джелал ад-Дина, Чингисхан в течение 1222 года совершил боевые рейды в Афганистане и Северной Индии; весну и лето он провел недалеко от Бадахшана. Именно сюда осенью 1222 года к Чингисхану прибыл приглашенный им даосский монах Чан Чунь (материалы о путешествии даосского монаха из Китая в Среднюю Азию, в ставку Чингисхана, помещены в 4-й раздел нашего сборника).

И послал он оттуда ноёна Бала Жалайрдайского в погоню за Жалалдин султаном и ханом Мелигом. — Этот эпизод датируется концом 1221 — началом 1222 года.

Но смиловался потом Чингисхан и лишь выговорил ему сурово и лишил права предводить мужами его. — По свидетельству Рашид ад-Дина, Тохучар, не выполнивший приказа Чингисхана и напавший на города, которые ему уже хотел сдать Тимур-Мелик, был вскоре убит при осаде одного из городов. Об этом Тимур-Мелик и известил Чингисхана: «Я, раб, перед этим послал к тебе, изъявил покорность и сказал, что я буду служить тебе от искреннего сердца и что я отстал от султана. Теперь Джэбэ-нойон (Зэв. — *А.М.*) пришел и прошел, не обижая. Следом за ним пришел Субэ-гэдэй-нойон и точно так же прошел, не причинив вреда. За ними пришел Тохучар, и сколько ни говорили [ему] гурцы, что мы-де покорны, он не внял, угнал много народа и таракчиев и вступил в войну с народом, пока не был убит. Куда же девались хорошие люди у державы Чингисхана, что он послал подобных невежд на великие дела!» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: Лабиринт, 2002. Т. 1. Кн. 2. С. 220).

С. 211. *Урунгэчи* — город Ургенч, столица Хорезмского царства.

А сам Чингисхан пришел и сел в Удураре. — Суд я по персидским источникам, Удурар или Отрар был первым городом Хорезма, к которому осенью 1219 года подошло войско Чингисхана, осуществив многотрудный переход из монгольских степей.

Ата-Мелик Джувейни в своей «Истории завоевателя мира» поведал нам о том, что Чингисхан предпринял далее: «Армия окружила крепость, образовав несколько колец; и когда все войска собрались там, Чингисхан направил всех полководцев в разные стороны.

Своего старшего сына (Жочи. — А.М.) он послал в Дженд Барджлык-Кент с несколькими тумэнами храбрых и энергичных воинов; а несколько своих военачальников он отправил к Ходженту и Фанакату.

Сам он двинулся к Бухаре, оставив Угэдэя и Цагадая командовать армией, которой была поручена осада Отрара» (Джувейни Ата-Мелик. Чингисхан. История завоевателя мира. С. 55–57).

По свидетельству Рашид ад-Дина, в январе-феврале 1220 года полководцы Чингисхана выполнили поставленные перед ними задачи. Как пишет китайский ученый Сайшал, Отрар был захвачен в середине весны 1220 года.

С. 212. *«Да будет впредь над всеми вами воля Угэдэя!»* — Жочи и Цагадай, которые первыми подошли к Ургенчу и начали в июле-августе 1220 года его осаду, разошлись во мнениях, как следует брать столицу Хорезма: требовать капитуляции или сразу штурмовать город. Пользуясь несогласованностью в действиях монголов, защитники Ургенча наносили им ощутимые потери. Поэтому, когда Угэдэй подошел к Ургенчу с новыми силами, Чингисхан повелел именно ему руководить штурмом города. Используя стенобитные орудия и горючие вещества, монголы взяли столицу Хорезма в апреле 1221 года.

…Чингисхан пришел и сел в Самарканде. — Как свидетельствует Рашид ад-Дин, Самарканд был взят в марте 1220 года.

Потом, выступив из Самарканда, Чингисхан пришел и сел в Бухаре. — На самом деле взятие Бухары в марте 1220 года предшествовало штурму Самарканда. Как считает российский военный историк Р. П. Храпачевский: «Падение Бухары окончательно деморализовало хорезмшаза, который навсегда покинул Мавераннахр. Узнавший об этом Чингисхан послал за ним от Бухары тумэны Зэва и Субэгэдэя, которые и преследовали

хорезмшаха по всей территории его государства вплоть до декабря

1220 года, когда загнанный их погоней Мухаммед ибн-Текеш скончался на острове Абескун в Каспийском море» (Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, ВЗОИ, 2004. С. 318–319).

С. 212. *В ожидании ноёна Бала Чингисхан провел лето в летнем дворце султана, что в горах на речушке Алтан горхи. И отослал Чингисхан оттуда посла к Толую со словами: «В сей летний зной дай рати передышку. И самолично к нам приди!»* — Описываемые события относятся к лету 1223 года; возможно, вызов Толуя в ставку был связан с проведением хуралдая, на котором присутствовали все сыновья и полководцы Чингисхана (за исключением Зэва и Субэдэгэя, отосланных в знаменитый «западный рейд»). На этом хуралдае подводились итоги похода в Среднюю Азию. Сообщения автора «Сокровенного сказания монголов» о поощрении отличившихся в этом походе и об осуждении и наказании провинившихся также, возможно, имеет отношение к хуралдаю 1223 года.

С. 213. *Халибай султан* — властитель Багдада Насир Калиф.

Хиндусы — индийцы.

И послал Чингисхан тогда же дурбэдейского Турбэя догшина повоевать город Абту, что стоит между землями хиндусов и багдадцев и населен народами ару, мару и мадасари. — Здесь идет речь о завоевании земель южнее Каспийского моря, в районе Мазандарана.

И был отослан с ратью Субэгэдэй-батор на север. — Российский военный историк Р. П. Храпачевский дал следующую краткую характеристику этому «западному походу» знаменитых полководцев Чингисхана — Субэгэдэя и Зэва: «…начавшись в 1220 году с частной задачи схватить хорезмшаха Мухаммеда ибн-Текеша, погоня за ним тумэнов Субэгэдэя и Зэва (которые выступили по отдельности и разными путями) закончилась у Каспийского моря (как свидетельствуют историки, 11 января

1221 года на одном из островов в Каспийском море, близ Мазандарана скончался хорезмшах Мухаммед ибн-Текеша. — А.М.), где в Мазандаране эти тумэны соединились и получили новую задачу — завоевать западную часть государства хорезмшаха, в то время как Чингисхан с остальными своими полководцами был занят в Мавераннахре, Хорасане, Центральном Иране и Афганистане…

Субэгэдэй и Зэв выполнили свои задачи по покорению западной части государства Ануштегинидов и вышли к новым, неизведанным еще землям — в Закавказье и далее, в степи

Северного Кавказа и Причерноморья. Там они сразились и победили алан, половцев-кипчаков и соединенное русско-половецкое войско, после чего двинулись в приволжские степи. Но на Волге им не удалось разграбить Булгар, а наоборот, они сами попали в ловушки, и, поражаемые кипчакскими и булгарскими атаками из засад, туманы Субэгэдэя и Зэва перешли Волгу и вернулись через казахские степи к Чингисхану, в Среднюю Азию в 1224 году» (Храпачевский Р. П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ, ВЗОИ, 2004. С. 325–326).

С. 213. *Бажигиды* — башкиры.

Адил— река Волга.

Жаяг — река Урал.

Кивамэн — Киев.

Когда закончил Чингисхан завоевывать земли сартаульские… — Описываемые далее события относятся к весне — осеки 1223 года.

С. 214. *Эрдис (Эрчис)* — река Иртыш.

Год Курицы — 1225 год.

Год Собаки — 1226 год.

…выступил Чингисхан в поход на ворогов-тангудов. — Чингисхан, вернувшись из Туркестана, практически сразу же пошел войной на страну тангудов, т. к. понимал, что, не сокрушив тангудов, не избавившись от опасности нападения с запада, не оставив Алтан-хана без союзников в лице тангудов, он не сможет окончательно одолеть Алтан-хана. И откладывать этот поход на тангудов было нельзя, потому что Алтан-хан в то время уже вел переговоры с тангудами (осень 1224 года) о совместных действиях против монголов.

С. 215. *Теперь же, милостию Неба Вечного повоевав и покорив сартаулов, пришли мы переведаться с тобой.* — Чингисхан напомнил тангудскому хану свое обещание поквитаться с ним, данное перед походом в Хорезм. Чингисхан всегда держал свое слово. И это было еще одной из причин, почему он сразу по возвращении на родину стал готовиться к походу на тангудов. По свидетельству некоторых источников, Чингисхан потребовал от хана тангудов прислать в заложники своего сына, но тот отказался. После этого вопрос о походе на тангудов был решен Чингисханом окончательно.

С. 216. *Бурхан*— миниатюрная статуя Будды.

…имя Шудрага (монг. справедливый, честный). — Чингисхан намеренно (в переносном смысле) дал Илуху Бурхану это имя, тем самым желая подчеркнуть его неверность данному однажды слову.

С. 217. *Год Свиньи* — 1227 год.

…в год Свиньи Чингисхан вознесся на небеса. — 25 августа 1227 года в возрасте 66 лет Чингисхан скончался; причинами смерти считаются либо болезнь, либо последствия его падения с лошади во время охоты на куланов зимой 1226 года.

Существуют разные мнения о месте захоронения останков Чингисхана. По одной версии, Чингисхан мог быть захоронен в районе горы Муна (ныне территория Внутренней Монголии КНР), которая так восхитила его в 1226 году, когда он вместе с войском направлялся в страну тангудов. По-видимому, с этим как-то связана легенда об остановке траурной процессии у горы Муна, которую приводят в своих исторических хрониках многие монгольские летописцы.

Некоторые ученые считают, что остановка у горы Муна и распространившийся после этого слух о захоронении там Чингисхана были специально инспирированы организаторами похорон, дабы скрыть от людей истинное место захоронения Чингисхана. По другой версии, место его захоронения находится на родине Чингисхана (нынешний Хэнтэйский аймак Монголии).

С. 218. *Год Мыши* — 1228 год.

Цагадай (1183–1242) — второй сын Чингисхана; отличался мужеством и самоотверженностью во всех походах Чингисхана. Стал надежной опорой и мудрым советчиком младшего брата Угэдэя после его возведения на ханский престол, был инициатором направления во второй «западный поход» в 1235 году старших сыновей всех своих братьев (Жочи, Угэдэя и Толуя). По этой причине некоторые исследователи называют этот поход «походом старших сыновей».

Бат — второй сын Жочи, старшего сына Чингисхана; известен в России как хан Батый; после смерти своего отца в 1225 году стал его преемником. В 1235–1242 гг. в числе монгольских полководцев участвовал во втором походе на Запад. В 1243 году основал Золотую орду.

Ноён Отчигин (1168—?) — младший брат Чингисхана; во время похода Чингисхана в Хорезм был оставлен старшим братом — наместником в исконных монгольских землях; после смерти Чингисхана приложил немало усилий, чтобы выполнить его завет и возвести на ханский престол Угэдэя.

Егу, Есунхэ — старшие сыновья Хасара, брата Чингисхана.

Толуй (1193–1232) — младший сын Чингисхана; стал одним из лучших монгольских полководцев, принимал участие во всех зарубежных походах. Существует легенда о том, что Толуй пожертвовал собственной жизнью, чтобы вылечить от страшного недуга брата Угэдэя, в то время правившего Великим Монгольским Улусом.

Угэдэй (1186–1241) — третий сын Чингисхана; взойдя на ханский престол в 1229 году, стал достойным преемником и продолжателем дела своего великого отца. Он не только продолжил военные походы Чингисхана (в Китай, на Запад), но и осуществил много мероприятий по совершенствованию налоговой и правовой системы, развитию ямской службы, рытью колодцев. В период его правления, очевидно, было закончено составление «Сокровенного сказания монголов» (1240).

С. 219. *Бури* — второй сын Цагадая.

Мунх — старший сын Толуя.

Гуюг — старший сын Угэдэй-хана.

…и потому в далекий мы отправили поход Бата, Бури, Мунха и Гуюга. — Речь идет о втором походе монголов на Запад в 1235–1242 гг.

«Взошел я на престол, мне уготовленный отцом-владыкой

Чингисханом. Терзаюсь думой я теперь: чем заслужил я честь такую?!» — Как свидетельствует Рашид ад-Дин, Чингисхан не сомневался в способностях Угэдэя и постоянно готовил сына к тому, чтобы он стал его преемником:

«Он (Угэдэй. — *А.М.*) был известен и знаменит высокомерием, умом, способностями, суждением, рассудительностью, твердостью, степенностью, великодушием и справедливостью, однако любил наслаждения и пил вино. По этому поводу Чингисхан иногда с него взыскивал и давал [ему] наставления.

Так как Чингисхан испытал сыновей в делах и знал, на что пригоден каждый из них, то он колебался относительно [передачи] престола и ханства: временами он помышлял об Угэдэй-хане, а иногда подумывал о младшем сыне Толуй-хане, потому что у монголов издревле обычай и правило таковы, чтобы коренным юртом и домом отца ведал младший сын. Потом он сказал: «Дело престола и царства — дело трудное, пусть [им] ведает Угэдэй, а всем, что составляет юрт, дом, имущество, казну и войско, которые я собрал, — пусть ведает Толуй». И всегда, когда он по этому поводу советовался с сыновьями, все они, видя, что мнение отца таково, с ним соглашались и это одобряли. В конце концов, когда в области Тангуд он внезапно заболел… он устроил тайное совещание и, сделав его (Угэдэя) наследником, утвердил за ним престол и ханство» (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.: Ладомир, 2002. Т. 2. С. 8).

…задумал я пойти в поход на Алтан-хана и не оконченное Чингисханом дело завершить. — В 1230–1234 гг. Угэдэй окончательно завоевал Державу Алтан-хана. Таким образом, чжурчжэньская империя Цзинь прекратила свое существование.

С. 220. *Год Зайца* — 1231 год.

С. 222. *И вышел Толуй из ставки и пал замертво.* — Толуй скоропостижно скончался в 1232 году, во время решающего похода на империю Цзинь. В этом походе он проявил себя как смелый и решительный воин. Очевидно, впоследствии появилась и легенда, объясняющая его скоропостижную кончину.

Каракорум (Хар Хорум) — столица монгольской империи. Чингисхан задумал построить свою столицу на этом месте еще в 1220 г., но так и не успел до конца реализовать свой замысел. В годы правления Угэдэя, Гуюга и Мунха Каракорум обретает городской образ, становится центром политической, экономической, торговой и религиозной жизни монгольской империи. Во время правления Хубилая в 1260 г. столица монгольской империи была перенесена в Китай.

С. 231. *Год Мыши* — 1240 год.

…стали ставкой на Худо арале, что на Керулене… — По мнению Ц. Дамдинсурэна, местность Худо арал (монг. остров Худо) находилась между рекой Керулен и ее рукавом — речкой Ургун ус.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ХАНЕ — РОДОНАЧАЛЬНИКЕ

С. 368. *Генеалогия монголов.* — Фрагмент летописи «Хрустальное зерцало» («Болор толь») Джамбадорджа (1825) воспроизводится по изданию «История в трудах ученых лам» (М.: Товарищество научных изданий КМК, 2005. С. 71–75). Об истории изучения этой летописи можно прочесть на стр. 254–257 указанного выше издания.

В первой книге… — Известно, что большинство списков «Хрустального зерцала» состоит из трех томов (книг).

С. 369. *…возведем его в ноёны.* — Здесь имеется в виду возведение в ханы.

Он известен под именем тибетского хана Худзун-Сандалиту… — То есть «обремененный царской властью» (дословно: «имеющий престол на шее»).

…стал жить на горе Бурхан-Халдун около реки Байкал. — Имеется в виду озеро Байкал.

Марал — в «Сокровенном сказании монголов» зовется Хоо марал. В дальнейшем в скобках будут даваться варианты имен по «Сокровенному сказанию монголов».

Что касается Бортэ чоно, то как будто он жил в период правления Танской династии в Китае. — Танская династия существовала в Китае в 619–907 гг.

С. 370. *Тамцуг-хан жил как будто бы в эпоху тибетского хана Лан-дармы.* — Конец IX века нашей эры.

…Ужим борохул… — По «Сокровенному сказанию монголов», Ужим борохул имел сына Сали хачагу, а уже тот — сына Их нудэна.

…Сэм сочи… — По «Сокровенному сказанию монголов», у Сэм сочи был сын Харчу, а уже у того — сын Борджигидай мэргэн.

С. 370. *…Боржигидай-Мэргэн…* — У него был сын Торголжин баян, а уже у того — сыновья Дува сохор и Добун мэргэн.

У Добу-Мэргэн-хана от первой жены Булган было два сына — Буху (Бугу хатаги) и Бухучар (Бугуту салжи). — По «Сокровенному сказанию монголов», этих двух сыновей так же, как и Бодончара, родила Алан гоо после смерти мужа.

ПОВЕСТВОВАНИЕ О ЧИНГИСХАНЕ

С. 377. *Легенда о вещей птице.* — Этот фрагмент взят из «Алтан тобчи» («Золотой изборник»), монгольской летописи, созданной ученым ламой Лубсан Данзаном в пятидесятых годах XVII века. Этот фрагмент относится к особому слою повествований в монгольских летописях, который составляют мотивы предзнаменований, вещих знаков, превращений и чудесной силы. Они не объединены в какие-либо циклы, не концентрируются вокруг определенного персонажа, а рассредоточены по всему повествованию и основаны на наличии в их природе магического начала.

В год Черной лошади… — в 1162 году.

…остров, что лежит посередь моря-океана… — Должно быть, это упоминание восходит к народному преданию о трех озерах на родине Чингисхана, на среднем из которых был остров, где и стояла юрта его родителей.

С. 378. *…и предстала взору его печать нефритовая.* — Здесь идет речь о легендарной печати династии Юань.

Сказ о стычке с тайчудами на пиру. — Этот фрагмент взят из анонимной монгольской летописи «Краткое Золотое сказание» (ок. 1625; другая датировка — 1655); «Сокровенное сказание монголов» свидетельствует о том, что противной стороной в этом инциденте были журхинцы, а не тайчуды, о которых пишут Лувсан Данзан, анонимный автор «Золотого сказания», и Рашид ад-Дин в своем «Сборнике летописей».

Это происшествие имело место после сражения «тринадцати куреней» в 1190 году, в котором Чингисхану противостояли в том числе и тайчуды.

С. 379. *Беседа Хасара и Бэлгудэя со старцем.* — Этот легендарный эпизод (так называемый «мотив превращений»), включенный Лувсан Данзаном в «Золотой изборник», является продолжением предыдущего эпизода и, по-видимому, относится к периоду «сражения тринадцати куреней» (1190 г.) и отражает некие трения, возникшие между Чингисханом и его братьями, в первую очередь Хасаром. Это подтвердил и Мэргэн гэгэн в своей летописи: «Четыре старших и младших брата всегда были дружны и равноправны. Но в то время некоторые араты сообщали [сплетни] каждому из них отдельно, посему четыре эдзэна (владыки. — *А.М.*) стали относиться друг к другу равнодушно и проявлять стремление к разделу кочевий. Тогда Субэгэдэй-батор сказал стихами:

> «Если родные по пуповине будут разъединяться и разъезжаться,
> то от этого будет польза только чужим.

Если многодетная семья будет разъединяться и разъезжаться,
то от этого [будет] плодиться только сиротство.
Все желания исполняются легко,
[но] не приобретается родня по пуповине.
Любые желания исполняются сполна,
но не приобретаются [старшие и младшие] братья».

Так было сказано. Братья выразили свое согласие со сказанным и назначили Субэгэдэй-батора домашним учителем. Так были пресечены сплетни» (Балданжапов П. Б. Алтан тобчи. Монгольская летопись XVII в. Улан-Удэ, 1970. С. 145–147).

С. 379. *…пять цветных и четыре чужих народа…* — Данное выражение, появившееся, по-видимому, уже после написания «Сокровенного сказания монголов», зафиксировало в народной памяти, а затем и в последующих летописях представления, бытовавшие в средневековой Монголии о народах, завоеванных Чингисханом и вошедших в состав Великого Монгольского Улуса: как реально существовавших «пяти цветных» — синих монголах, красных китайцах, черных тибетцах, желтых туркестанцах, белых корейцах, так и мифических, «четырех чужих» — народе, имеющем лишь одну ногу; народе-девицах; народе с глазом в груди; народе с песьей головой.

С. 381. *Легенда об избиении трехсот недругов-тайчудов.* — Легенда взята из «Золотого изборника» Лувсан Данзана; ученые сходятся во мнении, что эта легенда основана на реальных событиях противоборства монголов Чингисхана с тайчудами в 1200–1202 гг., описанных в «Сокровенном сказании монголов».

…вместе с девятью своими мудрыми сайдами (монг. министр; здесь — ближайшие сподвижники)… — Число девять издревле традиционно почитается монголами; именно с этим числом связаны такие понятия, как «Девять прегрешений», «монголы девяти наречий», «девятибунчужное знамя».

…Чу мэргэном… — Монгольский ученый Ц. Дамдинсурэн предположил, что под этим именем в легенде мог быть изображен Елюй Чу-цай (1190–1244), потомок в девятом колене основателя Киданьского государства на территории Монголии — Елюй Абужи; он примкнул к Чингисхану во время похода последнего в Китай (1215); в дальнейшем Елюй Чу-цай внес большой вклад в укрепление Монгольской империи, особенно ее государственного механизма, как при Чингисхане, так и при Угэдэй-хане; при Угэдэй-хане занимал пост министра Главной канцелярии в Каракоруме, что соответствует нынешней должности премьер-

министра, занимал пост главы гражданской администрации Северного Китая.

С. 389. *…Когда страдал, бывало, я от жажды, ты утолял ее — и не однажды.* — Здесь упоминается эпизод, известный нам по «Сокровенному сказанию монголов», в котором его автор сообщает, что после того, как было рассеяно воинство античингисовой коалиции в сражении в урочище Хойтэн (1202), Чингисхан направил своих ратников вслед за остатками тайчудских войск. Чингисхан решил раз и навсегда покончить с вождями тайчудов, по вине которых 30 лет назад распался улус его отца Есухэй-батора, а он сам перенес столько бед и лишений, преследований и унижений. В этом сражении Чингисхановой рати против «лучших мужей тайчудских» он был тяжело ранен; спас его преданный и готовый к самопожертвованию соратник Зэлмэ, которому Чингисхан воистину «животом обязан».

С. 393. *Предание об Аргасуне — верном стрелке.* — По мнению ученых, в основе «Легенды об Аргасун-хорчи» (Аргасуне — верном стрелке), взятой нами из «Золотого изборника» Лувсан Данзана, лежат реальные исторические события и факты, которые впоследствии были литературно обработаны и дошли до нас в монгольских летописях различных авторов. Во-первых, в 1204 году Чингисхан взял в жены Хулан, дочь вождя увас мэргэдов Дайр усуна; в это время Чингисхан действительно долгое время не был в главной ставке, сражаясь с различными племенами. На время своего отсутствия Чингисхан обычно оставлял наместника в главной ставке, которым и мог быть Аргасун — верный стрелок, который за реальную провинность (нарушение военного устава) вполне мог лишиться жизни.

Некоторые ученые считают, что в этой легенде объединены два реальных события: женитьба на Хулан (1204) и поход Чингисхана в Хорезм (1218–1224), в котором его сопровождала именно Хулан. В главной ставке в то время мог оставаться наместником Аргасун — верный стрелок, которого Чингисхан по возвращении из похода заподозрил в интимной связи со своей женой Бортэ. В легенде этот конфликт мог быть изложен в иносказательной форме.

…направил стопы свои… в земли солонгов. — По-видимому, это земли увас мэргэдов Дайр усуна и родственных им баргудов (в легенде они названы «барсгарьд» и «буха солонго»), которые располагались по течению реки Селенги.

С. 393. *Выслушав волю Владыки, солонгоский Буха цаган хан усадил в челны свой люд из родов барсгарьд и буха солонго и дочь свою по имени Хулан и кланялся ими Владыке.* — Предводитель увас мэргэдов Дайр усун в 1204 году, в период примирения с

Чингисханом, отдал ему в жены свою дочь Хулан. Этот факт зафиксирован многими источниками.

«Невместно сочетаться браком прямо в степи!» — отвращали Владыку его вельможи. — Во времена Чингисхана бракосочетание во время военных набегов считалось неуместным.

С. 396. *Взбешенный этим известием Чингисхан отправил Борчу и Мухали на поиски лиходея и повелел погубить его без лишних слов и пререканий.* — Аргасун-хорчи грубо нарушил военный устав: ушел со службы, не сдав оружия (в данном случае — золотые стрелы), поэтому Чингисхан так строго решил покарать одного из своих сподвижников за его проступок. В «Сокровенном сказании монголов» так описан устав, который нарушил Аргасун-хорчи: «И провозгласил Чингисхан свое повеление старшим в сменах хишигтэна: «Пускай дневальные мои — хорчины и турхаги, в свой сменный заступив дозор, в местах назначенных нас охраняют и пред закатом солнца, сдав пост ночным охранникам — хэвтулам, покидают ставку. И пусть всю ночь стоят при нас хэвтулы в карауле. Сдают хорчины им, сменяясь, колчаны и луки, а кравчие — всю ханскую посуду, и лишь тогда уходят на ночлег».

С. 399. *Повесть о мудрых беседах отрока-сироты с девятью витязями Чингисхана.* — Исторические корни этой легенды, вошедшей в «Золотой изборник» Лувсан Данзана, однозначно установить пока не удалось. Более или менее правдоподобной нам видится гипотеза монгольского литературоведа М. Гаадамбы, который, опираясь на свидетельства «Юань ши», предположил, что подобное обсуждение могло иметь место в 1204 году, когда посол хана онгудов прибыл к Чингисхану с сообщением о намерении найманов на него напасть. Посол преподнес Чингисхану подарок своего вождя — несколько корчаг с вином, которое, по всей видимости, было в ту пору в монгольских степях редкостью. Попробовав вино, Чингисхан изрек: «Если выпить этого вина в меру, поднимается настроение, но, коли перебрать, можно потерять рассудок!» Это зафиксированное в китайской династийной хронике событие и дало основание М. Гаадамбе выдвинуть приведенную выше гипотезу. Что же касается участия во взрослой дискуссии отрока-сироты, то, по мнению монгольского ученого Ц. Дамдинсурэна, это «позднее добавление, сделанное под влиянием народного фольклора».

С. 399. *…зурчидский Чу мэргэн…* — если здесь идет речь об Елюй Чу-цае, то он не был зурчидом, т. е. чжурчжэнем. Его предки были киданями, а вот служил он поначалу действительно чжурчжэням, а затем был взят Чингисханом к себе на службу.

С. 408. *История Тататунги.* — Взятая нами из летописи

Джамбадорджи «Хрустальное зерцало» «История Тататунги» относится к периоду войны с найманами и мэргэдами (1204) и повествует о заимствовании и использовании монголами письменности, получившей впоследствии название уйгуро-монгольской. Это событие Джамбадордж (а до него и Мэргэн-гэгэн в своей летописи «Алтан тобчи») связывает с именами брата Чингисхана, Хасара, и хранителя печати найманской канцелярии, уйгура по происхождению, Тадтунги (Тататунги). Если последний, по свидетельству «Юань ши», действительно в это время поступил на службу к Чингисхану, то особые заслуги Хасара наши другие источники не подтверждают. Это обстоятельство позволило монгольскому ученому, автору биографии Чингисхана — Ш. Нацагдоржу предположить, что Мэргэн-гэгэн и Джамбадордж, всячески возвеличивавшие в своих вышеназванных хрониках брата Чингисхана, мягко говоря, преувеличивали заслуги Хасара в деле принятия и распространения уйгурской письменности среди монголов. Подобная роль Хасара в этом и многих других эпизодах, описанных в летописях Мэргэн-гэгэна и Джамбадорджа, опирается на традицию почитания Хасара в южных районах Монголии, где проживали племена, считавшие себя его потомками.

С. 409. *Легенда о беседе Владыки с братьями.* — Эта легенда относится к циклу мотивов предзнаменований, вещих знаков, превращений и чудесной силы. В «Золотом изборнике» Лувсан Данзана эта легенда не привязана к какому-либо конкретному историческому событию; неизвестный автор летописи «Краткое Золотое сказание» относит это событие к хуралдаю, который состоялся после возвращения Чингисхана из похода в Среднюю Азию (1225). На мой взгляд (*А.М.*), эта легенда может восходить и к событиям Великого хуралдая 1206 года, когда Тэмужин был провозглашен Чингисханом Великого Монгольского Улуса.

…Всевышний Хурмаст тэнгри… — верховный повелитель, в ламаистской космологии главный из тридцати трех тэнгри, небесных богов, пребывающих на вершине мифической горы Сумеру.

Рашияна — освященная вода, «нектар страны богов».

Лусы — злые духи, живущие под землей.

С. 410. *Легенда об установлении Владыкой празднования дня рождения.* — Чингисхан, реальный исторический деятель монгольской истории XIII века, попав в фольклор архаического типа, приобретает черты «культурного героя», сакрального источника многих навыков, обычаев, народной мудрости. Данная легенда относится к числу подобных сказаний и легенд об

обычаях и традициях монголов, возникновение которых связывают с именем Чингисхана. В этой легенде, взятой нами из «Золотого изборника» Лувсан Данзана, отражено особое отношение Чингисхана к своему сыну Угэдэю, которое, возможно, повлияло на его окончательный выбор своего преемника.

С. 411. *Сказ о том, как Хасар отошел от Чингисхана.* — Этот сказ взят нами из анонимного «Золотого сказания», в котором он следует сразу после рассказа о Великом хуралдае 1206 года. Однако, судя по другим летописям, в которых этот эпизод также присутствует, можно предположить, что в нем описываются события 1210 года, связанные с противоборством Чингисхана и его рода с шаманом Тэв тэнгэром.

«Сокровенное сказание монголов» так описывает причину обиды и временного ухода Хасара от Чингисхана: «И сошлись семеро братьев хон-хотанских вместе и, подкараулив Хасара, избили его. Хасар, известивший Чингисхана об избиении своем хонхотанцами, попал под горячую руку, и вознегодовал владыка пуще прежнего и вскричал на него: «Не ты ли, брат Хасар, слывешь в народе неодолимым?! Почто же ты позволил одолеть себя!» И вскочил тогда с места своего Хасар и пошел прочь, роняя слезы. И осерчал Хасар на брата и три дня не являлся в ставку».

Ваджра — ритуальный предмет, символ молнии.

С. 413. *Сказ о том, как Чингисхан повоевал зурчидского Алтан-хана.* — Эта небольшая легенда, взятая нами из анонимного «Краткого Золотого сказания», переносит нас ко времени похода Чингисхана на империю Цзинь (1211–1215)

Буряты — предки бурят были составной частью «лесных народов», о которых говорилось в «Сокровенном сказании монголов», и селились вокруг озера Байкал. С образованием единого Монгольского государства вошли в его состав, так же как хори и тумэды.

…Улхой-гол… — Эта река стекает с Хинганского хребта и течет по Восточной Гоби.

…Зурчидский Вангин-хан… — Имеется в виду император цзиньской Державы (1115–1234 гг.). Императорский род цзиньской династии назывался Ваньян или Вангин.

Чин тайж — княжеский титул.

Легенда о Чингисхане — покровителе буддизма. — Монгольские летописи XVII–XIX вв. (в том числе и анонимное «Золотое сказание», из которого нами взята эта легенда) говорят об особом отношении Чингисхана к буддизму, пишут о походе Чингисхана в Тибет (ориентировочно в 1205–1207 гг.), о его выражении почтения сакъяскому иерарху Гунга-Нинбо и об установлении с последним отношений хана-милостынедателя и

буддийского учителя.

Ставя под сомнение эти свидетельства, монгольский ученый Ш. Бира пишет: «В большинстве монгольских, китайских и тибетских источников, содержащих богатые сведения о контактах между Монголией и Тибетом, нет известий об отношениях Чингисхана с тибетским монастырем Сакъя. Эти сообщения, имеющиеся в некоторых монгольских исторических сочинениях, появились в результате попыток историков, испытывавших большое влияние буддизма, возвысить Чингисхана среди верующих. С другой стороны, данные сведения могут быть искаженным известием о связях между Монголией и Тангудом, а через Тангуд — с Тибетом, имевших место в эпоху Чингисхана или до него» (Бира Ш. Изучение монгольской истории, культуры и историографии. Токио, 1994. С. 143). Подтверждение последнему тезису Ш. Бира мы находим в летописи «Хрустальное зерцало» Джамбадорджи, в которой автор явно смешивает два понятия, «Тангуд» и «Тибет» (см. далее легенду о волшебном существе).

И все же, на наш взгляд, этот миф родился, конечно, не в результате сознательного авторского действия, а как плод мифопоэтического мышления, характерного для «творческого метода» монгольских летописцев.

Буддийская историографическая традиция принесла в монгольскую литературу новое клише, согласно которому идеальный монарх должен быть покровителем буддизма. И Чингисхан стал приобретать черты идеального правителя по буддийскому канону. В нашем случае он даже стал рассматриваться в качестве «буддийского культурного героя», познакомившего впервые монголов с буддизмом. Затем на это клише о буддийском идеальном монархе наложился другой стереотип: о союзе великого хана и ламы-наставника. Таким вкратце нам представляется путь проникновения буддийских мотивов в монгольские летописи.

С. 413. *…три аймака верхнего Нгари, четыре племени центральных провинций Уй и Цзана, три долины нижнего Кхама…* — области Тибета.

Саджа-Гунганинбо-лама… — иерарх монастыря Саджа (Сакья) (1092–1158). Он жил ранее Чингисхана и не мог состоять с ним в отношениях.

С. 414. *Хуварак* — послушник в монастыре.

…вера Бурхана… — Имеется в виду буддийская религия.

С. 414. *Дамцуг-хан и Хурца-Мэргэн* — видимо, Тамача и Хоричар-Мэргэн в «Сокровенном сказании монголов».

Чойджуны — жанр исторической литературы тибетцев и

монголов, так называемые «истории религии».

Легенда о бескорыстии верного нукера Борчу и милости Владыки. — Очевидно, события, о которых рассказывается в этой легенде, могут быть отнесены к завершающему этапу похода Чингисхана в Хорезм, к 1222–1223 гг. Но возможно, что эта легенда как-то связана с предыдущим мифом о Чингисхане — покровителе буддизма.

С. 417. *Легенда о волшебном животном и борьбе Хасара с заклинателем-тангудом.* — В этой легенде повествуется о событиях, непосредственно предшествовавших последнему походу Чингисхана в царство тангудов (1225–1227). Отметим, что эта легенда практически повторяет рассказ о причине возвращения войск Чингисхана из Восточной Индии, который содержится в сочинении китайца Сун Цзы-чжэня «Стела пути духа (Шэнь-дао бэй) его превосходительства [гун] чжун-шу лина («начальника великого императорского секретариата») Елюй [Чу-цая]» (между 1261 и 1265 гг.) (в кн. Мункуев Н. Ц. Китайский источник о первых монгольских ханах». М.: Наука, 1965). Из чего можно сделать вывод, что эта легенда имеет китайские корни.

Эта легенда, взятая нами из летописи Джамбадорджи «Хрустальное зерцало», в первой своей части содержит мотив так называемых магических, вещих знаков, довольно часто встречающийся в монгольских летописях. По-видимому, этот мотив относится к весьма архаичным представлениям, основанным на древнейших формах магии.

Последующее повествование возвращает нас к теме взаимоотношений Чингисхана и его брата Хасара, свидетельствует об очередной размолвке, произошедшей между братьями во время последнего похода монголов на тангудов.

Чингисхан наказал Хасара за провинность, но потом был вынужден его освободить, нуждаясь в его силе и помощи. При этом Чингисхан как бы отходит на задний план. На передний же план выступает богатырь Хасар.

Такое «расположение» персонажей, где хан-владыка присутствует лишь как олицетворение высшей гармонии, а его сподвижник, главный богатырь (здесь — брат), осуществляет всю героическую «работу», типично для эпических произведений. Подобная роль Хасара в этой и некоторых других летописях южномонгольского происхождения, несомненно, опирается на местную традицию почитания Хасара. Этот культ явно носил локальный характер, ограничиваясь южными районами Монголии, где проживали племена, считавшие себя потомками Хасара, и не вступал в противоречие с «большим» культом Чингисхана, охватывавшим все монгольские народы. Именно эта

устная традиция, отразившая культ Хасара и имевшая локальный характер, послужила основанием, на котором сформировались летописи Мэргэн-гэгэна и Джамбадорджа, которые включили в них легенды (подобные нашей) и эпические сказания, в которых Хасар уже не столько историческая личность, сколько эпический герой.

С. 417. *Таким образом, в то время… только лишь одна часть Тибета под названием Миньяг…* — Имеются в виду тангуды, народ на северо-востоке Тибетского нагорья.

…человек, по имени Алауд-Цуши… — По-видимому, имеется в виду Елюй Чу-цай, сановник Чингисхана.

Зверь называется Шиу-Тува — персонаж китайской мифологии, в других летописях — единорог.

С. 419. *Легенда о Гурбэлджин-Гоа-хатун.* — В первой части этой легенды, взятой нами из анонимного «Краткого Золотого сказания», кратко изложены события 1209–1218 гг., предшествовавшие походу Чингисхана в Хорезм. Во второй части легенды, рассказывающей о событиях 1225–1227 гг. (окончательном завоевании страны тангудов), мы снова обнаруживаем мотивы чудесного — мотивы превращений и чудесной силы, которые характерны для более поздних стадий развития сказочного эпоса, и поэтому крайне редко встречающиеся в летописях XVII–XIX вв., что свидетельствует об их сравнительно позднем происхождении.

В данной легенде продолжает развиваться конфликт между Чингисханом и его братом Хасаром. И на этом фоне, опираясь все на ту же местную традицию почитания Хасара, проявляется героизация и даже мифологизация его образа. В нем отчетливо проглядываются черты эпического героя. Наверное, он действительно обладал недюжинной силой, метким глазом, храбростью и ловкостью — чертами личного геройства, которые были так уважаемы в обществе воинственных номадов. Эти качества Хасара быстро обросли легендарными чертами и нашли свое отражение в сказаниях и легендах монголов.

…Святейший Владыка покорил Китайское государство и воссел на трон Алтан-хана. — Речь идет об империи Цзинь. Алтан-ханами монголы называли императоров государства чжурчжэней Цзинь, расположенного на северо-востоке Китая (1115–1234).

С. 419. *…тангудский Шидургу-хан* — правитель Тангудского государства Си-ся (1032–1227).

С. 420. *«Я [сейчас] отправляюсь на войну с Сартагульским государством. Так выступай же и ты!»* — Имеется в виду поход Чингисхана на Хорезм.

С. 421. *…Раньше Хасар соединился с семью хонхотанцами…* —

Чингисхан подозревал Хасара в измене и сговоре с шаманом Тэв тэнгэром и его братьями из племени хонхотан.

«Если в облаву попадут бурый волк и красавица маралиха, то их не убивать». — Волк и маралиха были тотемными животными у монголов, поэтому во время охоты их запрещалось убивать.

С. 423. *Гаруди* — мифическая птица, пожирающая змей.

«…Мою ханшу Гурбэлджин-Гоа обыщи вплоть до ее черных ногтей». — Намек на известную легенду, по которой Гурбэлджин-Гоа спрятала на теле ножницы, которыми пыталась убить Чингисхана, когда тот спал.

Хатны-гол — монгольское название Хуанхэ, «река Ханши».

С. 424. *Сказ о кончине Чингисхана.* — Этот сказ взят нами из анонимного «Краткого Золотого сказания». Предсмертные наставления Чингисхана являются свидетельством того, что тибетская религия, и в частности тибетская историография, привнесла в монгольскую летописную традицию не только элементы своей клерикальной истории, но и понятия буддийского канона, такие как «карма», «бренность бытия», «перерождения» и т. д.

Уж не совершил ли я какого греха / В своих прошлых перерождениях? — В рассуждениях Чингисхана содержится понятие «кармы» буддийского канона.

…от нукеров верных — Борчу и Мухали. — Мухали в 1227 году уже не было в живых; он скончался в 1223 году.

С. 425. *Слова мальчика Хубилая особые. Слушайтесь его приказаний.* — Здесь имеется в виду внук Чингисхана; тем самым Владыка Чингисхан как бы предрекал своему внуку великую судьбу основателя династии Юань.

С. 426. *Хвала Гилугэдэй-батора почившему Владыке.* — Данное восхваление взято нами из «Золотого изборника» Лувсан Данзана.

Когда процессия достигла горы Муна, ступицы телеги увязли в грязи так, что и пять лошадей не смогли ее сдвинуть с места. — Существуют разные мнения о месте захоронения останков Чингисхана. По одной версии, Чингисхан мог быть захоронен в районе горы Муна (ныне территория Внутренней Монголии, КНР), которая так восхитила его в 1226 году, когда он вместе с войском направлялся в страну тангудов. По-видимому, с этим как-то связан легендарный эпизод с остановкой траурной процессии у горы Муна.

ЛЕГЕНДЫ О ЧИНГИСХАНЕ В УСТНОЙ ТРАДИЦИИ

С. 433. *…Владыка Чингисхан, / Лично двинув тысячную*

облаву… — Очевидно, в этой облавной охоте участвовала тысяча воинов Чингисхана.

Айл — группа юрт; обычно семья, кочующая со скотом.

С. 434. *Меня зовут Баян-Хан-Мани.* — По-видимому, другое имя Манахана, божества охоты, духа-хозяина диких зверей.

С. 435. *…пригнали к северному склону горы Муна.* — Горный массив в Ордосе. Считается священным. Место действия многих фольклорных повествований южных монголов.

С. 437. *«…Если я тебе нравлюсь, пойдем в лагерь, распустим пояса и соединим наши печени…»* — Имеется в виду вступить в интимные отношения.

С. 438. *Он тут же стал читать магические заклинания и дуть.* — Ритуальное действие, часто сопровождающее чтение заклинаний.

Демон ролон (от тиб. го langs, «поднявшийся труп») — мифический персонаж тибетского и монгольского фольклора.

«ВЕЛИКАЯ ЯСА»

С. 463. *Из сочинения А. М. Джувейни «История завоевателя мира».* — Ала-ад-Дин Ата-Мелик Джувейни, персидский историк XIII века; с 1255 года и до самой смерти (умер в 1283 г.) Джувейни находился на службе основателя династии ильханов Персии — Хулагу и его наследников; свою знаменитую книгу «История завоевателя мира» Джувейни писал в 1252–1260 гг. О значении и авторитетности этой книги говорит тот факт, что Рашид ад-Дин при написании своего «Сборника летописей» неоднократно пересказывает многие части книги Джувейни.

…о ясах, кои он повелел. — Приведенный ниже перевод В. Ф. Минорского главы о Великой Ясе из сочинения Джувейни «История завоевателя мира» взят из книги Г. В. Вернадского «О составе Великой Ясы Чингисхана» (Брюссель, 1939. С. 40–50).

С. 466. *Тогда на два-три фарсаха понавяжут вервий одно к одному и понабросают [на них] войлок.* — Фарсах (парасанг) — персидская мера длины, ок. 5–6 км; замкнутый круг облавы обозначается специальными веревками, на который привязывают разноцветные тряпки, войлок, отпугивающие зверей.

С. 468. Ям — селение на почтовом тракте, жители которого несли ямскую повинность (обязанность предоставлять для государственных нужд подводы, лошадей, возчиков).

Места смотра и учета войска так устроены, что через них уничтожена необходимость смотрового приказа… — «Приказ» здесь употребляется в смысле «правительственное учреждение, министерство, департамент».

С. 469. *Не замедляют ни часа, ниже упреждают его…* — Коран, VII, 32.

Начальник тьмы — начальник тумэна, военно-административной единицы, которая при необходимости должна выставить «тьму» — 10 000 воинов.

С 471. *Из Сирийской «Летописи» Григория Аб-уль-Фараджа.* — Этот фрагмент «Летописи» включен в книгу Г. В. Вернадского «О составе Великой Ясы Чингисхана» (Брюссель, 1939. С. 53–54).

С. 473. *Аль-Макризи* (1364–1442) — арабский географ, историк, был проинформирован своим другом Абу-Нашимом о списке «Ясы», имеющемся в Багдадской библиотеке. На основании этой информации Макризи попытался представить полный отчет о содержании «Ясы». Фактически же ему удалось очертить лишь часть кодекса: в основном статьи, посвященные уголовному законодательству и наказанию. Его отчет вошел в книгу Sylvestre de Sacy «Chrestomatie arabe» (1826 г.). Перевод фрагментов «Ясы» по версии Макризи взят нами из книги Г. В. Вернадского «Монголы и Русь», а также из издания: Э. Хара-Даван. «Чингисхан как полководец и его наследие», в которых авторы следуют В. А. Рязановскому («Монгольское право», Харбин, 1931).

Тот, кто мочится в воду или на пепел, также предается смерти. — Вода и огонь (пепел) считаются у монголов очистительными началами.

С. 475. *Фрагменты «Великой Ясы» по Г. Лэмбу.* — Гарольд Лэмб в своей книге «Genghis Khan/ Emperor of all man» (Лондон, 1928) в качестве источника приводимых им фрагментов «Ясы» называет Пети де ла Круа. Книга последнего «История Чингисхана» вышла в 1710 году на французском языке, а в 1722 году появился ее английский перевод. Глава этой книги «О законах Чингисхана», по мнению Г. В. Вернадского, представляет собой компиляцию, заимствованную из различных источников. Переводы этих фрагментов даны по книге: Хара-Даван Э. Чингисхан как полководец и его наследие. Элиста, 1991.

С. 476. *Фрагменты «Великой Ясы» по другим источникам.* — Нижеследующие фрагменты «Ясы» цитируются по изданию Э. Хара-Давана «Чингисхан как полководец и его наследие» (Элиста, 1991).

«БИЛИК»

С. 478. Данный фрагмент печатается по изданию: Сборник летописей. История Монголов. Сочинение Рашида-ад-Дина. История Чингисхана от восшествия его на престол до кончины. СПб., 1888.

Ёс (монг.) — установленный обычай.

Яса — от монг. «засаг» или тюркского — «йаса»; здесь — Верховный закон Чингисхана.

С. 479. *Юрт* — здесь: удел, полученный от хана.

С. 485. *Хубилай* — один из военачальников Чингисхана.

Фрагменты наставлений Чингисхана переведены по изданию «Лув-санданзан. Алтан товч» (на монг. яз.). Улан-Батор, 1990).

Из наставлений дочерям. — Фрагменты, содержащиеся в этой части, относятся к 1210–1211 гг. Все дочери Чингисхана, о которых идет речь, родились от его старшей жены Бортэ.

С. 492. *…из «Поучений Чингисхана его младшим братьям и сыновьям».* — Фрагменты биликов Чингисхана, опубликованные В. Котвичем в журнале «Восток» (1923, № 2. С. 94–96), были переведены им из «Монгольской хрестоматии» (1836) А. Попова.

…положить ноги на почву и руки на землю… — Это образное выражение у монголов символизирует спокойную, благодатную жизнь.

ИЗ ТЮРКСКИХ ИСТОЧНИКОВ

С. 509. Фрагменты перевода Г. С. Саблукова «Родословного древа тюрков» печатаются по изданию «Родословное древо тюрков. Сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана». (Казань, 1906 г.)

При воспроизведении этих фрагментов в целом сохранен стиль переводчика.

С. 510. *Страны (владения. — А.М.) Татар были многолюдны; жителей в них было более у нежели во всех Монгольских поколениях…* — В дальнейшем Абуль-Гази сообщает, что в описываемое им время насчитывалось семьдесят тысяч татарских семей.

С. 511. *Монголы, собрав в одно место свои кибитки и имущество, окопали кибитки рвом.* — Абуль-Гази описывает т. н. «куренной» способ ведения сражения, который в древности применяли монголы.

ИЗ ПЕРСИДСКИХ ИСТОЧНИКОВ

С. 514. Фрагменты первой части первого тома «Сборника летописей» печатаются по изданию: Сборник летописей. История монголов, сочинение Рашид-Эддина. Введение: о турецких и монгольских племенах. Перевод с персидского, с введением и примечаниями И. Н. Березина. СПб, 1868. При воспроизведении этих фрагментов в целом сохранен стиль переводчика.

В случае расхождения в написании русской транскрипции монгольских собственных имен, географических и племенных названий в данном переводе с текстом перевода «Сокровенного сказания монголов» предпочтение отдается варианту написания последнего.

С. 515. *…до пределов Хитая и Джурджэ…* — В эпоху Рашид ад-Дина название Хитай обозначало Северный Китай, Джурджэ — чжурчжэньскую империю Цзинь, которая располагалась в северо-восточной части Китая.

С. 516. *Не более двух-трех человек были старше его по званию.* — Один из первых нукеров Чингисхана, Зэлмэ впоследствии стал одним из четырех командующих войском Чингисхана и одним из девяти самых близких его соратников-урлюков.

Субэгэдэй-батор… — Верой и правдой служивший Чингисхану и его наследнику Угэдэю прославленный полководец Субэгэдэй был родным братом Зэлмэ.

С. 517. *…под тем самым деревом воздвигли его большой шатер.* — Очевидно, имеется в виду захоронение Чингисхана.

Стойбища хонгирадов располагались в пределах стены Уткух… — речь идет не о древней Великой Китайской стене, а о построенной чжурчжэнями «Новой стене», которая должна была защитить их от набегов кочевников с севера.

…Дай-нойон препятствовал этому. — Это свидетельство Рашид ад-Дина не подтверждается другими источниками, поэтому можно предположить, что в его рассказе речь идет не о действительном препятствии со стороны отца Бортэ ее браку с Чингисханом, а о соблюдении некоего ритуала сватовства, когда отец девушки соглашается выдать свою дочь замуж не сразу, а после некоторых препирательств.

С. 518. *…они (зятья из племени Хонгирад. — А.М.) сидели выше сыновей Чингисхана…* — занимали более почетные места, рядом с Чингисханом.

…Чингисхан отделил четыре тысячи человек из других племен хонгирадских и пожаловал в управление Шинку-хургэну… — Судя по «Сокровенному сказанию монголов», Чингисхан в 1206 году отдал в управление Алчи-хургэну три тысячи хонгирадов. Очевидно, четыре тысячи подданных Шинку-хургэна, о которых говорилось выше, были собраны из других племен, родственных хонгирадам.

Чингисхан дал ему мать свою Огэлун… — По монгольской традиции, после смерти отца старший сын имел право брать в жены всех его вдов, кроме своей родной матери. Ее же с согласия старшего сына мог взять в жены другой сородич или человек из другого племени. Очевидно, о подобном случае и свидетельствует Рашид ад-Дин.

С. 519. *…Борохул…* — По «Сокровенному сказанию монголов», Борохул был найден еще ребенком в стойбище журхинцев и отдан на воспитание матушки Огэлун, поэтому среди исследователей бытует мнение, что он по происхождению журхинец.

С. 519. *Букаул* — отведыватель ханской пищи.

С. 521. *…они осадили город Жунду…* — Описываемые Рашид ад-Дином события «Юань ши» относит к 1.214 году (см.: Бичурин Н. (о. Иоакинф). История первых четырех ханов из дома Чингисова. — В кн.: История монголов. М.: АСТ, Транзиткнига, 2005. С. 57.

С. 522. *…потомки Гэнду чоно и Улугчин чоно взяли сторону Чингисхана.* — Эти двое были родоначальниками племени чонос, что в переводе с монгольского означает «волки». В 1190 году после «сражения тринадцати куреней» тайчуды и Жамуха

отомстили их роду, который пошел супротив родичей-тайчудов и выступил на стороне Чингисхана: юноши из этого рода были заживо сварены в семидесяти котлах.

Буда (Тодойн Хирту. — *А.М.*) был сыном Хадан тайши… — Тодойн Хирту был помощником вождя тайчудов Таргудай Хирилтуга, сыграл активную роль в отделении тайчудов от рода боржигинов после смерти его вождя Есухэй-батора, отца Чингисхана.

С. 523. *…от его детей происходят три ветви: одну называют племя Ноёхан, другую — племя Уругуд, третью — племя Мангуд.* — История происхождения этих племен передана в «Сокровенном сказании монголов» иначе: отцом Уругудая и Мангудая, родоначальников племен Уругуд и Мангуд, был Начин-батор, а род, а затем и племя Ноёхан пошли от сына Хачина — Ноёгидая.

…это племя также называют Джаджирад. — Еще одно его название — Жадаран; в отличие от Рашид ад-Дина, в «Сокровенном сказании монголов» родоначальником этого племени назван приемный сын Бодончара — Жажирадай.

С. 525. *…когда Чингисхан был в области Балха и Талекана…* — Имеется в виду поход Чингисхана в 1218–1223 гг. в Среднюю Азию.

С. 526. *В то время, когда Чингисхан оставил его с войском в местности, называемой Хараун жидун…* — Очевидно, речь идет о том, что в 1217 году Чингисхан передал командование всеми военными действиями в Китае Мухали, которого подобострастные китайцы и титуловали гуй ваном.

…когда мэргэды, улучив момент, разграбили стойбище Чингисхана, они отправили его жену Бортэ, беременную Жочи, к Ван-хану, с которым в то время у мэргэдов был мир. — Свидетельство Рашид ад-Дина (со слов неизвестного источника) в корне противоречит варианту описания этого события (похищение и вызволение Бортэ), который имеется в «Сокровенном сказании монголов». Возможно, это было сделано Рашид ад-Дином намеренно, дабы прекратить пересуды по поводу происхождения старшего сына Чингисхана, Жочи.

С. 526. *По причине того, что ребенок неожиданно появился на свет, его назвали Жочи.* — Некоторые исследователи считают, что имя старшего сына Чингисхана происходит от монгольского слова «зочин» — «гость» (в данном случае — нежданный гость). По другой версии китайского ученого Баяра, это имя могло происходить от названия должности, титула времен хунну — зучи («просвещенный министр»).

С. 527. *…в Чине и Мачине…* — Чин обозначает Китай, Мачин

— Южный Китай.

Дешт-и Кипчак — Кипчакская степь; название обширного степного пространства между Иртышом и Волгой.

…был ханом монгольской общины… — Очевидно, имеется в виду улус «Все Монголы», который, по свидетельству «Сокровенного сказания монголов», в то время возглавлял Хабул-хан.

С. 528. *…Амбагай-хана, который был одним из предводителей тайчудов…* — По свидетельству «Сокровенного сказания монголов», в описываемое Рашид ад-Дином время Хабул-хан уже скончался, а Амбагай-хан был не только одним из предводителей тайчудов, но и возглавил улус «Все Монголы».

…Алтан-хан хитайский осерчал на Хабул-хана за то, что он убил его послов и слуг… — Это событие относится примерно к 1135 году.

После этого Хутула-хан выступил с монгольским войском на войну против хитайского императора и разграбил его страну. — После насильственной смерти Амбагай-хана престол хана улуса «Все Монголы» занял Хутула-хан: его походы в Китай и неоднократные сражения с войсками чжурчжэней относятся к 40—50-м гг. XII века.

С. 529. *[Как верховный судья], он судил всех по справедливости…* — По свидетельству «Сокровенного сказания монголов», в 1206 году на Великом хуралдае Чингисхан назначил Шигихутуга «судьей Верховным в государстве», с обязанностями которого, судя по утверждению Рашид ад-Дина, он прекрасно справлялся.

С. 530. *Ими было воспринято Слово Иисуса — мир ему! — и они приняли его веру.* — Среди хэрэйдов было распространено христианство несторианского толка.

С. 532. *…когда Чингисхан ушел в Балжун…* — Имеются в виду события 1203 года, когда Чингисхан после первого сражения с Ван-ханом и его союзниками был вынужден отступить с остатками своего войска в местность под названием Балжун.

С. 533. *Заговорщики предприняли эти шаги, подозревая, что Чингисхан заодно с Таян-ханом найманским.* — Здесь идет речь не о заговоре против Ван-хана, а о предшествующих этим событиям действиях врагов Чингисхана, которые смогли перетянуть на свою сторону Ван-хана, убедив его в том, что Чингисхан находится в сговоре с найманами против улуса хэрэйдов.

С. 534. *[Страной тангудов] правил Илуху Шударга.* — В то время в стране тангудов царствовал шестой монарх Ли Цунь Ю.

В первый раз… — Первый набег войск Чингисхана на страну тангудов относится к 1205 году. Поводом для этого набега было

то, что в стране тангудов нашли прибежище недобитые остатки монгольских племен, поверженных Чингисханом. Но главное было лишить империю Цзинь своего союзника на западе. Этот и два последующих похода Чингисхана в страну тангудов (1207 и 1209 гг.) были осуществлены именно с этой целью, а также для того, чтобы отработать тактику осады крепостей и городов. Прежде такой практики у воинов Чингисхана не было, а в грядущей войне с империей Цзинь она бы им, несомненно, пригодилась.

С. 535. *Хашин* — одно из названий страны тангудов; означает «местность на западном берегу реки».

С. 537. Фрагменты из второй части первого тома книги «Сборник летописей» печатаются по изданиям: Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид-ад-Дина. История Чингиз-хана до восшествия его на престол. Спб, 1868; Сборник летописей. История монголов. Сочинение Рашид-ад-Дина. История Чингиз-хана от восшествия его на престол до кончины. Спб, 1888.

Он имел сына по имени Тайчу… — По «Сокровенному сказанию монголов», Тайчу — сын Сурхагту журхи (Хутугту журхи), а у Хутугту Мунгура был сын по имени Бури бух, впоследствии прославленный борец.

С. 539. *Из числа шести сыновей Хабул-хана Хутула-хан стал предводителем и несколько времени ханствовал.* — После смерти Хабул-хана, как свидетельствует «Сокровенное сказание монголов», ханом улуса «Все Монголы» стал вождь тайчудов Амбагай-хан. Когда он был схвачен татарами и казнен Алтан-ханом, на ханский престол был возведен Хутула-хан.

С. 543. *Он был ханом-предводителем большинства монгольских племен…* — Очевидно, речь идет о племенах, которые входили в улус «Все Монголы».

С. 544. *…наследовал ему Элджидай.* — Возможно, это тот самый Элджидэй-нойон, которому Чингисхан отдал Жамуху и который его впоследствии казнил.

С. 548. *…в упомянутом году Свиньи, Чингисхан явился на свет…* — Рашид ад-Дин, в отличие от других летописцев, придерживается той точки зрения, что годом рождения Чингисхана следует считать 1153 год.

С. 550. *…о разделении войска [Чингисхана] на тринадцать куреней и поражении врага.* — Речь идет о событиях 1190 года, известных в истории как «сражение тринадцати куреней», первом противостоянии бывших побратимов — Жамухи и Чингисхана, который за год до этих событий был возведен на престол хана улуса «Все Монголы».

Чингисхан, узнав об этом, тотчас занялся устроением войска и известил все дружественные ему племена. Когда они собрались, разделил их по тумэнам, тысячам, сотням и десяткам. — По свидетельству «Сокровенного сказания монголов», реорганизацией своего войска Чингисхан занялся в 1204 году, перед решающим сражением с найманами.

С. 552. *В том месте, на берегу реки, был огромный лес. Чингисхан остановился там и приказал, чтобы в семидесяти котлах заживо сварили злобных врагов, которые были пленены.* — В отличие от «Сокровенного сказания монголов», Рашид ад-Дин дает иное описание событий, которые последовали после «сражения тринадцати куреней»: у него не Жамуха, Чингисхан казнит своих врагов столь жестоким способом. По Рашид ад-Дину, благодаря своей жестокости Чингисхан смог запугать и заставить своих врагов покориться ему. Однако не только жестокость, но и проявление дружелюбия и человечности позволили Чингисхану привлечь многочисленные племена и роды на свою сторону. Ярким тому свидетельством является следующий цитируемый нами фрагмент из «Сборника летописей».

С. 555. *…он пришел весной в год Луу, который есть год Дракона.* — Очевидно, описываемые Рашид ад-Дином события имели место в 1196 году.

С. 556. *Весной года Бичин, который есть год Обезьяны…* — Речь идет о событиях 1200 года.

Чингисхан пошел войной на войско собравшихся вместе племен Мэргэд, Тайчуд и Татар. — Очевидно, здесь описаны события 1199–1200 годов.

С. 557. *По этой причине Чингисхан рассердился на Жочи Хасара и укорял его.* — Очевидно, по замыслу Рашид ад-Дина, этот эпизод несогласованных действий Хасара должен был свидетельствовать о том, что он порой своевольничал, тем самым выказывая свои претензии на власть.

С. 560. *После этого Ван-хан и Сэнгум замыслили идти войной на Чингисхана…* — После этих действий Сэнгума и его приспешников о примирении не могло быть и речи; пойдя на поводу у Жамухи, хэрэйды во главе со своим ханом подписали себе смертный приговор, который Чингисхан вскоре, осенью 1203 года, и привел в исполнение.

С. 561. *Тогда он устроил великое собрание и… установил хорошие и твердые уставы (яса) и благополучно воссел на ханский престол…* — Возможно, «великое собрание» 1203 года и «сейм, курилтай» 1204 года, которые проходили в одном и том же месте, это один «общий» хуралдай, на котором не только (сначала) отмечалась, несомненно, историческая победа Чингисхана над

хэрэйдами, но и (затем) обсуждался план решающего похода против найманов. Исследователи сходятся во мнении, что первые параграфы Великой Ясы Чингисхана были зафиксированы все же в 1206 году, но, как свидетельствует «Сокровенное сказание монголов», именно перед решающим походом на найманов Чингисхан произвел кардинальную перестройку в своем войске. Возможно, именно это имел в виду Рашид ад-Дин, когда писал «об установлении хороших и твердых уставов».

С. 562. *…изменился боевой порядок войска моего анды-побратима.* — Очевидно, Жамуха отметил, что, вместо расположения войска куренями, дружина Чингисхана была разбита на подразделения: десятки, сотни, тысячи; эту реорганизацию своего войска Чингисхан осуществил накануне решающего сражения с найманами.

С. 565. *Чингисхан ополчился на страну тангудов.* — Начало третьего похода Чингисхана в страну тангудов другие исторические хроники относят к 1209 году.

..монголы называют Джаокут. — Имеется в виду империя Цзинь.

С. 566. *Сыновья Чингисхана Жочи, Цагадай и Угэдэй взяли города…* — В августе 1211 года Чингисхан подчинил сыновьям западную группировку своих войск, которая в результате самостоятельного рейда по провинции Шанси и территории современной Внутренней Монголии захватила ряд городов, далее перечисленных Рашид ад-Дином.

…один чрезвычайно большой город — Сибкин (Си-цзин)… — Здесь идет речь о западной столице империи Цзинь (совр. Датун), которую монголы впервые осадили и, по свидетельствам некоторых источников («Ган му»), захватили в 1211 году. Все китайские города, которые Рашид ад-Дин перечислил выше, были взяты монгольскими войсками уже к августу 1211 года, после чего и была захвачена западная столица империи Цзинь.

Помимо этой столицы, во времена династии Цзинь на территории северного Китая было еще четыре столицы: Жунду (нынешний Пекин) — средняя столица; Бэй-цзин (совр. Данин-чэн) — северная столица; Нан-цзин (совр. Кайфэн) — южная столица; Дун-цзин (совр. Ляоян) — восточная столица.

С. 566. *….не делая обхода, прошли и ушли…* — Очевидно, здесь имеется в виду, во-первых, то, что монгольские войска в этом походе захватывали и разоряли города империи Цзинь, но затем, не оставляя в них свои гарнизоны, уходили. А во-вторых, как свидетельствуют некоторые источники, зимой 1211/12 г. Чингисхан вместе со своим войском покинул пределы Китая и перезимовал в приграничных районах.

Следует отметить, что у Рашид ад-Дина полностью отсутствует информация о том, что уже в первый год своего похода в Китай Чингисхан приложил немало усилий для взятия средней столицы империи Цзинь, города Жунду, в котором в то время находился цзиньский император.

Чингисхан остановился у города, называемого Фучжоу, и осадил его. — Большинство источников свидетельствуют о том, что это и последующие события («сражение на перевале Унэгэн даваа») относятся к 1212 году.

…Командующие войском Джурджэ — Гю-гянь Нарду (Ванъянъ-гю-гянь)… (Чжиутай Утедд джау-тау Цзю-цзинь), Ану-Нарду (цзянь-цзюнь Вань-ну) и Мянган… — в «Ган-му» эти военачальники названы генералами; как пишет китайский исследователь Сайшал, в то время главнокомандующим цзиньской трехсоттысячной армией был назначен Хишли Хушаху, который год назад без особого сопротивления сдал западную столицу империи Цзинь.

Ваньян Хуша — командовал войсками арьергарда цзиньской армии во время сражения на перевале Унэгэн даваа.

С. 569. *…взяли крепость Чжу и возвратились.* — Очевидно, это была последняя военная операция монголов в Китае в 1212 году, целью которой был выход к Цавчалскому перевалу, прикрывавшему среднюю столицу империи Цзинь, город Жунду.

[Цзиньцы] вторично возмутились, и Чингисхан осенью (1213 года. — А.М.) сам пошел [на Дэ син], захватил и разрушил его. — Отсюда Рашид ад-Дин начинает рассказ о военной кампании Чингисхана в 1213 году.

Чингисхан подошел к одному из самых больших городов Алтан-хана, который называется Хуай-лай. — В июле-августе 1213 года Чингисхан продолжил свое продвижение к средней столице империи Цзинь, городу Жунду, который он намеревался захватить и вынудить цзиньского императора капитулировать. Узнав, что в августе 1213 года в средней столице империи Цзинь бывший главнокомандующий цзиньской армией Хушаху сверг и убил прежнего императора Ваньгинь Юнь Цзи, а на его место посадил Ваньгинь Сюаня, Чингисхан активизирует продвижение своего войска к Жунду.

С. 569. *И после двадцати дней осады взял его.* — По свидетельству «Юань ши» и «Ган-му», в 1213 году Чингисхану не удалось захватить Жунду, поэтому, разделив свои войска на три части, он отправил эти корпуса по трем направлениям. Об этих походах и повествует далее Рашид ад-Дин.

С. 570. *…они захватили все попадавшиеся по пути города, деревни и укрепления, разрушили их и возвратились.* — Нет ничего

удивительного, что три корпуса войск Чингисхана победоносно прошли по Северному Китаю, практически по всей территории империи Цзинь, и, как сообщают древние источники, захватили более девяноста городов-крепостей и селений. Дело в том, что все военные силы цзиньцев были сосредоточены в средней столице Жунду, да еще в нескольких, стратегически важных городах. Остальная же территория осталась беззащитной и была легко пройдена и разграблена войсками Чингисхана.

С. 571. *Гунж-хатан* — это не имя дочери Алтан-хана; «гунж» — означает «принцесса», а «хатан» — жена хана; некоторые исследователи называют ее принцессой Чиху.

С. 573. *В год Барса (1218-й — А.М.) Чингисхан закрепил за Мухали титул гуй ван.* — Как утверждает китайский исследователь Сайшал, эти события произошли годом раньше, в августе 1217 года (История Чингисхана (на монг. яз.). Улан-Батор, 2004. Т. 2. С. 583).

С. 574. *…сам направился в западные пределы.* — Чингисхан выступил в поход на Запад в апреле 1219 года. Этому предшествовала тщательная подготовка: в 1217 году были подавлены восстания тумэдов, лесных народов, было покончено с остатками мэргэдов, в 1218 году монгольские войска во главе с Зэвом разделались и с Хучулугом, сыном найманского Таян-хана.

Зэв-нойон огласил [высочайшее повеление] о том, что каждый человек свободен в вероисповедании и вправе следовать путем веры своих дедов и отцов. — Во время похода против Хучулуга и возглавляемых им кара-киданей в 1218 году монгольские войска сыграли на чувствах верующих мусульман: в то время как Хучулуг насаждал здесь буддизм, Чингисхан объявил свободу вероисповедания. В результате в преддверии похода на хорезмшаха в глазах верующих мусульман Чингисхан предстал человеком, который, во всяком случае, не оскорбляет их религиозные чувства.

С. 575. *…отомстить султану за убиение купцов.* — В период с 1216 по 1218 г. Чингисхан и его соратники приложили много усилий для установления нормальных, добрососедских отношений с владетелем Хорезма, хорезмшахом Мухаммедом, включая торговые отношения. В результате в 1216 году из Монголии в Хорезм была направлена группа торговцев в составе четырехсот подданных Чингисхана с традиционным, монгольским товаром, который предполагалось продать и затем закупить в Хорезме необходимые монголам товары. Однако все они были признаны шпионами и казнены. Затем, в 1218 году, в Хорезме был убит и еще один посланник Чингисхана, который привез хорезмшаху письмо своего владыки с требованием выдать ему

виновных в смерти монгольских купцов. На созванном после этого хуралдае было принято окончательное решение о походе на Хорезм.

С. 575. *Осенью он приказал выступить в поход.* — Согласно «Юань ши» и другим источникам, Чингисхан выступил в поход на Хорезм в апреле 1219 года, лето этого года провел на Иртыше, а осенью 1219 года вторгся во владения хорезмшаха и осадил приграничный город Отрар.

Отрар — в описываемый период город на правом берегу Сырдарьи; принадлежал к владениям хара-киданей, затем был присоединен хорезм-шахом к своим владениям; стал их приграничным пунктом.

В конце осени упомянутого года Дракона… — По другим источникам, осада Отрара началась осенью 1219 года, а взят он был весной 1220 г.

С. 576. *Кук-сарай* — дворец в пригороде Самарканда.

Бухара — город, расположенный в нижнем течении Зарафшана.

Их нойон. — Великий господин.

Зарнук — укрепленное поселение на левом берегу Сырдарьи.

…хагиар Бухары… — Пленные, которые затем были отправлены к стенам Бухары для осадных работ и штурма города.

С. 577. *Нур* — селение, располагавшееся на границе культурных областей и степи и имевшее важное стратегическое значение.

…он остановился у самого дальнего места храма. — Имеется в виду максурэ, особое помещение в мечети около мембера (кафедры), где во время богослужения и произнесения хутбы находился правитель.

Мембер — кафедра в мечети, откуда произносятся проповеди.

С. 578. *Чингисхан в конце весны упомянутого года (1220 г. — А.М.)… двинулся оттуда (из Бухары) к Самарканду.* — Как явствует из других источников, Самарканд был взят в марте 1220 года.

С. 581. *…по дороге, которую монголы называют Тумур-хаалга…* — То есть «Железные ворота»; под этим названием понималась самая узкая часть ущелья, где стояли железные ворота, закрывавшие проход. В данном конкретном случае имелось в виду ущелье в Байсунских горах под названием Тумур-хаалга, по которому проходил караванный путь из Самарканда в Хисарскую долину.

С. 582. *…сыновья Жочи, Цагадай и Угэдэй находились на взятии Хорезма.* — Точнее будет сказать, столицы Хорезма, города Ургенча, куда они были направлены Чингисханом в июле-

августе 1220 года. Его осада началась зимой того же года и затянулась на шесть месяцев. По одной из версий, это произошло из-за разногласий, возникших между Жочи и Цагадаем, по вопросу тактики захвата этого города. (Поскольку Чингисхан пообещал отдать этот город во владение Жочи, тот настаивал на тактике нанесения наименьшего ущерба самому городу.) И только после того, как приказом Чингисхана главнокомандующим всеми войсками, штурмовавшими столицу Хорезма, был назначен Угэдэй, в мае 1221 года город пал.

С. 583. *В то время султан Джалал ад-Дин находился в Газни.* — После того, как султан Мухаммед-хорезмшах, преследуемый монгольскими войсками во главе с Зэвом и Субэгэдэй-батором, в декабре 1220 года нашел пристанище на маленьком острове в юго-восточной части Каспийского моря, недалеко от города Мазандеран, и вскоре, в январе 1221 года, умер, султаном и правителем Хорезма стал его сын и наследник Джалал ад-Дин, который смог объединить вокруг себя раздробленные части войск Хорезма и какое-то время оказывать достойное сопротивление войскам Чингисхана.

Хан-Мелик, наместник Мерва… — После побед монгольских войск и краха хорезмшаха он хотел присягнуть на верность Чингисхану. Однако из-за нерадивости Тохучара, который не выполнил приказ Чингисхана не причинять вреда подданным хана Мелика и разграбил их, наместник Мерва пришел на службу к наследнику хорезмшаха, султану Джалал ад-Дину, и привел к нему свою сорокатысячную армию.

После этого, собрав вокруг себя значительные силы, Джалал ад-Дин смог нанести ряд поражений монгольским войскам, в том числе (весной 1221 года) сокрушил войско, которым командовал приемный сын Чингисхана, Шигихутуг.

С. 584. *…все войска в год Лошади двинулись из пределов Талекана на султана Джалал ад-Дина.* — Год Лошади — 1222 год; некоторые исследователи считают, что эти события происходили осенью 1221 года.

С. 586. *…весной года Овцы возвратился к верховьям реки Синд…* — Год Овцы — 1223 год; современные исследователи полагают, что эти события происходили в 1222 году.

С. 587. *Сделав несколько [дневных] переходов [в том направлении]…* — Описываемые события относятся к весне 1223 года.

…пришло известие о восстании жителей [царства] Тангуд… — Имеется в виду набег тангудских войск на монгольскую территорию в районе реки Эзнэй-гол зимой 1223 года.

С. 588. *И повелел Чингисхан воздвигнуть золотую ставку и устроил там хуралдай и большой пир.* — Это событие датируется концом 1224 или началом 1225 года. Событие, происшедшее во время этого пира (меткая стрельба лучника по имени Есунхэ), было впоследствии увековечено на так называемом Чингисовом камне, который сохранился до нашего времени. Ставка Чингисхана называлась «золотой» потому, что опоры и порог этой огромной юрты были обернуты золотом. Эта юрта воздвигалась в особо торжественных случаях и вмещала несколько сот человек.

…его оповестили, что тангуды снова восстали… — К осени 1225 года тангуды укрепили свои оборонительные сооружения и договорились с чжурчжэнями о получении от них военной помощи.

С. 590. *…сам выступил с войском в Нанкияс.* — Имеется в виду Южный Китай, где располагалось государство Южных Сунов.

ИЗ КИТАЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Н. Бичурин (о. Иакинф).

История первых четырех ханов из дома Чингисова (фрагменты)

С. 593. *Незадолго пред сим нючженьский государь казнил Чингисханова родственника Хамбухай-хана (Амбагай-хана — А.М.), за которого Чингисхан и помышлял отмстить.* — Амбагай-хан был казнен Алтан-ха-ном еще до рождения Тэмужина.

…Гинь… — Слово «Гинь» по южному выговору, а по северному — Цзинь. Я удержал в переводе южный выговор для различения сего дома от династии Дзинь, начавшейся в 265, кончившейся в 449 г. по Р. Х. Впрочем, слово Гинь удерживаемо было только в одних текстах; в описаниях же, для легкости в слоге, оно заменено словом нючжень и нючжи, собственным именем народа.

Царство Сун в описаниях также называемо было Южным Китаем. В Китае, когда по ниспровержении одного царствующего дома получает престол другая фамилия, то последняя принимает новое наименование, которое служит названием и царствующему дому, и царству его. Посему царство, династия, дамб, двор суть в китайской истории однозначащие слова. Царство Гинь по-маньчжурски называлось Айжин-гурун, т. е. Золотое царство; золото по-китайски «гин», по-монгольски «алтан». Потому-то историк Абулгази называл нючженьского государя Алтан-ханом,

что значит: золотой царь.

С. 594. *…Хиад Тэмужин…* — У китайцев прозвание важнее имени и поставляется прежде оного, посему в тексте Чингисхан назван Хиад Тэмужин.

…и от каждого произошло особливое колено. — Колено есть побочная линия от владетельного дома, получившая во владения участок земли вместе с народом. У нас такие отделы в древности назывались уделами. У монголов нередко прозвание владетельного дома также служит названием всему его владению; равным образом нередко под названием колена разумеется и самый владетель.

С. 596. *Хучулэй бежал в Кидань.* — Здесь под Киданью разумеются земли потомков Киданьского дома, лежавшие в Туркестане.

…Весною владение Хойхор вступило в подданство монгольское. — Хой-хор, на китайском Бэй-вур, у Абулгази назван Уйгур, туркестанское название владения.

Чингисхан еще завоевал Урянхай… — Урянхайцы у Абулгази названы кергизами. Эту погрешность должно отнести к неточности перевода или к ошибке переписчиков. Урянхайцы тогда кочевали на нынешних корциньских землях.

С. 603. *По его же предписанию генерал Мухури (Мухали. — А.М.) вырубил город Ми-чжоу.* — Вырубить город означало предать острию меча всех жителей города, не разбирая ни возраста, ни пола, ни состояния.

…расположенных по северную сторону Пекина. — Ниже, для ясности, вместо средней столицы я употреблял нынешнее название города — Пекин.

С. 605. *…Гао-цц, явившись во дворец, просил судить себя.* — В Китае высшие чины, совершив погрешность или преступление по должности, предварительно просят государя предать их суду.

С. 606. *…войска со всех дорог…* — При династии Юань провинции назывались дорогами, по-китайски — лу.

С. 617. *Летом, в шестой месяц, в Западном краю убили посланников, и Чингисхан сам повел армию туда…* — Имеется в виду расправа в Хорезме над торговым посольством Чингисхана и последовавший за этим поход Чингисхана в пределы хорезмшаха Мухаммеда.

Чжао Хун. Записка о монголо-татарах (Мэн-да бэй-лу) (фрагменты)

С. 618. *«Мэн-да бэй-лу»* — фрагменты перевода В. Васильева

«Записки о монголо-татарах» печатаются по изданию: История и древности Восточной части Средней Азии от X до XIII века. СПб, 1857.

«Мэн-да» — это сокращенное от «Мэн-гу» (монголы) и «да-тань» (татары). Подобные сокращения, как пишет В. Васильев, «свойственны в китайском языке».

С. 618. *Земля, в которой в первый раз являются татары…* — Как писал Н. Ц. Мункуев, «Китайцы, которые столкнулись с некоторыми из этих племен, распространили их название на все монгольские и даже немонгольские племена, обитавшие на территории современной Внешней и Внутренней Монголии и Западной и Южной Маньчжурии» (Мэн да бэй лу (Полное описание монголо-татар). М.: Наука, 1975. С. 91).

Белые татары… — Имеется в виду племя онгудов.

…их провинция управляется [ныне] Би-цзи, дочерью (гун-чжу) повелителя татарского Чингисхана. — Здесь идет речь о дочери Чингисхана и Бортэ, Алага бэхи, которая в 1207 году была выдана замуж за Буян-шболда, сына вождя онгудов. После смерти мужа и свекра Алага бэхи, заручившись поддержкой отца, правила племенем онгудов, поэтому и прославилась как «правительница-принцесса».

Непокорные татары. — Непокорными или «дикими… татарами» китайцы называли т. н «лесные племена».

…все принадлежат к черным татарам. — Так китайцы именовали коренные монгольские племена.

Чингисхан, в малолетстве, попал в плен к цзиньцам (т. е. чжурчжэ-ням), провел у них в рабстве более десяти лет и потом бежал. — Данное утверждение автора не находит подтверждения в других источниках, поэтому, очевидно, является ошибочным.

С. 619. *…нападали на разбойников чжурчжэней…* — Так как это пишет китаец, принадлежавший к Сунской династии, которая была чжурчжэнями разбита и потеснена на юг Китая, то он и называет своих заклятых врагов, чжурчжэней, разбойниками.

С. 620. *…всегда оставляют одну долю для поднесения императору Чингису.* — Здесь имеется в виду десятая часть всей добычи.

Всякое совещание о начале войны производится в 3-й или 4-й луне… — Третья и четвертая луны приходятся, соответственно, на вторую половину марта — первую половину апреля и вторую половину апреля — первую половину мая.

Пятая луна — вторая половина мая — первая половина июня.

Восьмая луна — вторая половина августа — первая половина сентября.

С. 621. *Цзиньский глава…* — то есть император. Слово «глава» употреблено автором умышленно с намерением оскорбить цзиньского императора, которого китайцы считали захватчиком их страны и территории.

С. 622. *Когда ложный Чжан-цзун…* — Автор имеет в виду императора цзиньцев, которого он считает самозванцем; «ложный» — это тоже оскорбительный эпитет со стороны автора-китайца Сунской династии, в глазах которого один только его государь имел право на звание императора.

С. 624. *…«Святая воля ниспосланного Небом императора Чингиса должна по возможности [с благоговением] исполняться».* — «Тянь-цы Чэн-цы-сы Хуан-ди Шэн-чжи дан бянь и син ши». Слова «тянь-цы» в этой фразе, с одной стороны, напоминают известную по найденной пайцзе монгольскую надпись «Тэнгэрийн хучин дор» (по благоволению Неба), а с другой — представляют те самые иероглифы, из которых, по словам автора, производно имя «Чингис».

Первого числа первой луны они непременно поклоняются Небу… — Имеется в виду празднование Нового года по лунному календарю.

Путешествие на запад монаха Чан Чуня… (фрагменты)

С. 626. *Путешествие на запад…* — Фрагменты произведения цитируются по изданию: Арабески истории. Кн. 2. (Мир Льва Гумилева). Пустыня Тартары. М.: Ди-Дик, 1995.

Чан Чунь — даосский монах (1148–1227), пользовался в свое время большой славой в Северном Китае и почетом при дворах Сунском и Цзиньском; был адептом внутренней, или духовной, алхимии; искал в психическом мире человека тайны бессмертия, долголетия.

…описано учеником его Чжень Чан Цзы… — Похвальное имя одного из его спутников-учеников — Ли Чжи Чана, который вел путевой журнал во время путешествия Чан Чуня к Чингисхану.

Ли Чжи Чан — настоящее имя ученика Чан Чуня, прекрасно описавшего путешествие учителя к Чингисхану; этот труд был опубликован в 1228 году.

Император Чин ги сы (Чингисхан) отправил своего приближенного Лю чжун лу… — Чингисхан, узнав о полусвятом мудреце монахе Чан Чуне, в 1219 году призвал его к себе, дабы воспользоваться секретами даосов, касающимися продления жизни. Важной целью их встречи было и то, что Чингисхан хотел привлечь мудреца на свою сторону и использовать в дальнейшем

в целях усмирения населения Китая, захваченного войском Чингисхана.

Лю чжун лу — подданный империи Цзинь, перешедший на сторону монголов; приближенный Чингисхана.

С. 626. *…с тигроголовой золотой дощечкой…* — Имеется в виду пайцза — подорожная дщица, даваемая ханским порученцам.

…«Предоставляется полновластно распоряжаться, как бы я сам путешествовал»… — общепринятая фраза для выражения полномочия.

Послание Чингиса. — Это послание Чингисхана Чан Чуню было извлечено переводчиком из сочинения Чэгэн лу.

…я в тех же лохмотьях… — По преданию, Чингисхан носил простое холщовое платье.

Тьма — тумэн, военно-административная единица; количественный состав тумэна мог доходить до 10 ООО воинов.

С. 627. *Такого царства еще не было с давних времен наших…* — Чингисхан, по-видимому, причисляет к потомкам племени хунну.

…приглашают мудрецов и избирают помощников для успокоения вселенной. — Чингисхану в династической хронике «Юань ши» приписывалось такое изречение: «Владыка людей управляет Поднебесной, как правая рука держит вещь непременно с помощью левой руки (т. е. министра)».

…не видел еще достойных людей для занятия санов трех гунов и девяти цинов. — Указывает на учреждение древней династии Чжоу. Три гуна были высшие советники государя. Девять цинов занимали разные посты в государстве.

Я только схожу со своего места и стою подле… — то есть уступаю тебе свое место как учителю.

…постился и омылся… — китайское вежливое выражение: достойно приготовился принять учителя.

…приготовил легких всадников и простой экипаж… — Чингисхан намекает на обычай древних государей посылать экипажи за мудрецами.

…«Имя твое уважается в четырех морях…» — то есть среди четырех морей; во всей вселенной.

С. 628. *…и там и здесь, всюду границы…* — то есть границы охраняются военной силой.

…служение по случаю Шан юаня… — Первое, или верхнее, начало; так называется праздник 15-го числа 1-й луны; иначе праздник фонарей.

Узнав, что Чингис переходит на запад… — Чингисхан отправился в это время в поход на Туркестан, не дождавшись Чан

Чуня.

Чжун лу хотел было взять с собой набранных им девиц… — Очевидно, выбранных для Чингисхана.

Чжун лу отправил Хэла… — Хэла и Гэла, кажется, не собственные имена, а общее наименование курьеров.

С. 628. *…учитель также отправил человека к нему с адресом.* — Этого адреса (послания) в «Записках» нет; он помещен в сочинении Чэгэн Лу и оттуда заимствован переводчиком. Свое послание Чингисхану Чан Чунь отправил в феврале 1220 года из Жунду (Пекина).

С. 629. *…по первому зову Драконова двора…* — Имеется в виду Чингисхан.

Вскоре прибыл Али сянь из ставки великого князя Огинь… — Великий князь Огинь — это младший брат Чингисхана, Тэмугэ отчигин, которому Чингис, отправляясь в поход на Запад, поручил управление делами. Отчигин кочевал в это время на реке Керулене, близ впадения ее в озеро Буйр, где был и удел его.

С. 630. *…я послал сановника с пригласительным даром…* — С куском ткани; намек на старинный обычай приглашать с подарками.

С. 632. *…виднелись людские обиталища, состоявшие из черных телег и белых юрт…* — Эти телеги были не что иное, как юрты на колесах.

Лу гюй — так в китайской истории называется река Керулен.

…мы прибыли в ставку великого князя Огиня… — Эти события относятся к середине 1220 года. Вероятно, ставка Тэмугэ отчигина была на реке Халха (Халхин-Гол), которая впадает в озеро Буйр. Некоторые исследователи считают, что это могла быть ставка Тэмугэ отчигина в районе в то время строящейся столицы монголов, города Каракорум.

…приехали с кобыльим молоком, для вспоможения… — Помощь оказывалась не по бедности праздновавших, а по обычаю привозить подарки на свадьбу.

…учитель представлялся великому князю, который спрашивал его о способах продления жизни. — То есть о способах секретных.

«…Как же я осмелюсь прежде его слушать тебя?» — Очевидно, падение снега было указанием, что Чан Чунь не должен был сообщать своих секретов, не повидавшись с Чингисханом. И это осознал младший брат Чингисхана, Тэмугэ отчигин.

С. 633. *Мало-помалу показались пики высоких гор.* — Это, вероятно, отроги Голтэйского хребта, направляющиеся с востока; они незаметно сходятся с протяжением хребта Канхайского (с юго-запада), из которого берет начало река Селенга.

…хвосты этих шапок походят видом на гуся или утку и называются гугу… — В головной убор под названием гугу втыкались перья около фута вышиной.

…договариваются только на словах и заключают контракты нарезыванием меток на дереве. — Уйгурская письменность была введена Чингисханом в 1204 году, но овладели ею, естественно, не все монголы, особенно среди простолюдинов.

С. 633. *…мы переправились через реку…* — Это река Орхон или Тола…на западе и востоке есть основания древнего города… — Китайский исследователь Шень яо предполагает, что были два городища: оба в бассейне реки Орхон. Выражение «на западе и востоке», вероятно, означает по направлению с востока на запад.

…город Сюнь-сыгань… — Так назван Самарканд, иногда упоминаемый в китайской истории как Хэ-чжун-фу (имя, данное ему кара-киданями).

…который составляет столицу киданей… — По «Сокровенному сказанию монголов», кара-киданьский Гур-хан имел ставку на реке Чуй.

…мы остановились на восток от орды. — Волидо, по китайскому тексту; это была временная резиденция ханши; у Чингисхана было четыре постоянных орды; в каждой орде жила одна из главных его ханш.

С. 634. *Царевны из дома Хитайского и Ся…* — царевны, взятые Чингисханом от Гиньского (Цзиньского) и Тангудского царств.

…прислали в подарок одно доу рису и 10 лан серебра… — Доу — китайский четверик, а 10 лан составляют около фунта.

…из-за северных гор, более чем за 2000 ли. — Это, очевидно, из нынешней Сибири.

…торгующие варвары западных стран… — Вероятно, купцы, служившие посредниками в торговле.

…у древних Шаньюев. — Ханов древнего племени хунну.

…на севере этих снежных гор стоит Балгасун Тянь чжень хая… — По «Юань ши» (Цз. 120,10), Чингисхан завел военное поселение на Алу хуане (Орхоне?), где построен был городок Чжинь хай чэн, по имени Чжинь хая, которому Чингисхан поручил управление этой страной. Чжинь хай начальствовал над тремястами с лишком домами золототкачей из западных краев и тремястами домами шерстяноткачей из Китая. Ремесленники разных наций с запада также переселены были сюда по возвращении Чингисхана из похода в Туркестан.

…живущие здесь ремесленники и рабочие из китайцев… — По-видимому, переселенные сюда Чингисханом.

…с северной стороны гор Абу хань. — Где было военное

поселение.

В Шамо… — Здесь говорится вообще о монгольских степях.

С. 635. *«…после я поставлю тебя на доброй земле».* — Дам тебе добрую награду.

С. 636. *Железные ворота* — знаменитый горный проход в Туркестане.

С. 636. *Когда устроено было помещение для учителя, он представился Императору.* — Данные события происходили в августе 1222 года.

…«Другие дворы приглашали тебя…» — то есть сунский и цзиньский.

«Есть средства хранить свою жизнь, но нет лекарства для бессмертия». — Ответ Чан Чуня Чингисхану, по-разному воспроизводимый разными писателями, сделался историческим.

Переводчик спросил его (Чан Чуня…)… — Разумеется, по приказанию Чингисхана.

…«Люди называют тебя Тэн ги ли мэн гу кун (т. е. небесным человеком)… — «Тянь жень» — человек, который живет на земле, но выше условий земных; похвальный титул даосов.

…люди называли меня Сянь шен. — «Сянь шен» в переводе с китайского означает «преждеродившийся»; это общее почтительное наименование; в особенности оно прилагалось к даосам, как наставникам в духовных секретах. Со времени воцарения монголов в Китае все вообще даосы назывались Сянь шенами; это слово произносилось монголами, как «Шан шин».

С. 637. *Император назначил для слушания наставлений Чан Чуня 14-е число 4-й луны* (1223 года. — *А.М.*). — В эти сроки встреча и беседа Чингисхана и Чан Чуня не состоялись, т. к. в тех краях, где они были, активизировались вражеские войска.

…только наклонялись и складывали ладони. — Складывать ладони — знак почтения у китайских монахов.

С. 638. *Слова его были крайне приятны и по мысли Чингиса.* — Чан Чунь объяснял Чингисхану способы внутреннего преображения посредством управления дыханием. Пишут, что эти наставления изложены в особой книге, которой, однако ж, не оказывается в каталоге полного собрания даосских книг.

С. 639. *…боятся небесного гнева…* — то есть убиения громом.

Я слышал… — принятый у китайцев вежливый оборот речи.

…приказал записать хойхэскими письменами. — Может быть, уйгурским письмом.

С. 640. *Святой* — титул, даваемый Государю.

Хан, обращаясь к Гисили дала ханю… — «Гисили дала хань» есть имя Хишилига, открывшего Чингисхану заговор его врагов-хэрэйдов. Он был пастухом; Чингис за услугу эту пожаловал ему

звание дархана, «свободного»; звание это весьма уважалось у монголов.

Ион пожаловал ему грамоту… с императорским указом, с приложением императорской печати. — Враги Чан Чуня эту льготную грамоту, как и другие, прямо называют подложной.

ИЗ ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИХ ИСТОЧНИКОВ

Джованни дель Плано Карпини.

«История монгалов» (фрагменты)

С. 642. «История монгалов»… — Печатается по изданию: Плано Карпини Дж. Дель. История монгалов; Гильон де Рубрук. Путешествие в восточные страны; «Книга Марко Поло». М.: Мысль, 1997.

Татары — широко распространенное в русской летописной и западноевропейской литературе название монголов, хотя в действительности это было название только одного из монгольских племен, часть которого кочевала около оз. Буйр-нур и в бассейне р. Керулен. В китайских летописях татары известны под названием «да-да». Этим наименованием китайцы также называли вообще кочевников, обитавших в районе Северной Маньчжурии и Восточной Монголии. Благодаря кара-киданям это название проникло на Запад. Впоследствии оно сохранилось в Золотой Орде, а после ее распада применялось к народностям, образовавшим Казанское, Астраханское и Крымское ханства.

С. 643. …*солангов*… — Средневековые авторы под этим названием подразумевали обитателей восточной части Маньчжурии и Кореи.

сарацины… — Античные авторы так именовали одно кочующее племя, жившее в Аравии, затем это название было распространено на все арабские племена, а в эпоху Крестовых походов — вообще на все народы, исповедующие ислам.

Гуиров — то есть уйгуров, народа тюркского происхождения, первоначально обитавшего между Хангаем и Алтаем. Уйгуры были довольно культурным народом, имели свою письменность, в основу которой был положен согдийский алфавит. Именно от уйгуров монголы заимствовали письменность. Среди уйгуров было распространено несторианство.

Найманы — одно из наиболее крупных монгольских племен, кочевавших на обширной территории между Хангаем и горными хребтами Алтайн-Нуру, в долине р. Черный Иртыш и оз. Зайсан-

нор.

…почти вся она смешана с хрящом… — Имеется в виду щебень.

…Каракарон — то есть Каракорум, столица Монгольской империи, находившийся в долине реки Орхон.

…когда находились в Сыр-Орде — в одной из временных (сезонных) ставок императора.

С. 645. *Букаран* — шерстяная ткань.

Балдакин — узорчатая ткань из золотых и шелковых нитей. Слово это производили от названия Вавилона в Средние века — Балдакка.

С. 646. *…наверху имеет один длинный и тонкий прутик из золота, серебра или дерева или даже перо…* — Здесь описан женский головной убор богтаг.

С. 647. *Они веруют в единого Бога…* — Плано Карпини, как и другие средневековые авторы (Г. Рубрук, Марко Поло и др.), считал, что у монголов существовало единобожие и что богом в христианском смысле этого слова у них почиталось божество Тэнгри (Тэнгэр. — *А.М.*), или Небо. На самом же деле монголы в XIII в. были шаманистами и под именем Тэнгри почитали Небо как часть природы.

…у них есть какие-то идолы из войлока… — Монголы-шаманисты почитали не только Небо, Землю, Огонь, но и множество других, второстепенных божеств, в том числе покровителей отдельных местностей, гор, рек, охранителей стада и т. п. Некоторых из этих почитаемых божеств монголы изображали в виде грубо вырезанного из войлока подобия человека или просто шкурки какого-либо животного.

С. 648. *…Михаила, который был одним из великих князей русских…* — Плано Карпини передает известный по русским летописям случай, происшедший в ставке Бат-хана в 1246 г. с русским великим князем Михаилом Всеволодовичем Черниговским и его боярином Федором, которые отказались пройти между двух огней, за что поплатились жизнью.

Бат (1208–1256) — в русской литературе Батый, был вторым сыном Жочи и внуком Чингисхана. Возглавлял поход против Юго-Восточной Европы. Его войсками был захвачен в 1240 г. Киев и покорены русские княжества. Батый совершил поход на Польшу, Венгрию и Далмацию, но не смог удержать этих стран, так как был ослаблен длительной борьбой с русскими княжествами, которые, оставаясь в тылу его войск, тревожили его. Одновременно в Поволжье восстали булгары и на юге — половцы. Поэтому, получив известие о смерти великого хана Угэдэя, Батый прервал поход на Запад и возвратился в Монголию. Получив в

удел земли своего отца Жочи, Батый основал новое монгольское государство, получившее название Золотой Орды, центром которого был город Сарай в низовьях Волги. Батый пользовался большим авторитетом среди монгольских князей и играл большую роль при выдвижении великого хана, приняв активное участие в перевороте 1251 г., во время которого при его поддержке выдвинулся род Тулуя в лице четвертого великого хана Мунха.

С. 649. *…Андрей, князь Чернигова…* — В одной летописи под 1245 г. упоминается о смерти князя Андрея Мстиславича, убитого Батыем; Плано Карпини называет его князем Черниговским.

С. 650. *Итога* — искажение монгольского названия богини земли Этугэн. Земле приписывались особые свойства плодородия и производительности. Земле приносились в жертву молоко, кумыс и чай.

Команы — то есть кипчаки, народ тюркского происхождения, населявший южнорусские степи в XI–XV вв. Византийские авторы, а также авторы, писавшие на латинском языке, называют кипчаков команами. В русских летописях они называются половцами.

С. 652. *…знатный муж Ярослав, великий князь Руссии…* — Ярослав Всеволодович (1190–1246), князь новгородский, впоследствии великий князь, не раз бывал в Орде. В 1243 г. получил от Батыя утверждение на великое княжение. В Новгородской летописи имеется об этом следующий рассказ: «Великий князь Ярослав поехал в татары к Батыеви, а сына своего Константина посла к Канови. Батый же почти Ярослава великого честью и мужи его и отпусти и рек ему: «Ярославе. Буди ты старей всем князем в Русском языце». Ярослав же возвратился в свою землю с великою честью». Но монгольский хан не удовольствовался посещением Каракорума Константином, а потребовал приезда самого великого князя Ярослава, которого Плано Карпини и застал в ханской ставке. По сведениям русских летописей, князь Ярослав был отравлен в Орде и умер через неделю после отъезда оттуда, 30 сентября 1246 г. В последующих главах своего рассказа Плано Карпини также утверждает, что Ярослав был отравлен в ставке Гуюг-хана.

…сын царя и царицы грузинской… — царевич Давид, сын умершего в 1238 г. царя Грузии Георга IV Лашена, и его двоюродный брат, сын царицы Русудан, также называвшийся Давидом.

С. 655. *…один назывался йека-монгал…* — то есть великие монголы. Так стали именовать себя монголы после объединения Чингисханом монгольских племен и образования Монгольского

государства.

…су-монгал… — Термин «су-монгол» встречается только у Плано Карпини и Гильома Рубрука. Предположительно можно дать два варианта объяснения этого термина.

1. Название «су-монгол» представляет собой тюркское слово «су» — вода, присоединенное к племенному названию «монгол», что можно перевести как «водяные монголы», или «монголы вод», как это и делает А. И. Малеин.

2. Название «су-монгол» происходит от монгольского su, что значит «обладающий счастьем, величием» или «августейший». Можно предположить, что выражение «су-монгол» может значить «монголы, принадлежащие августейшему», т. е. монголы, покоренные Чингисханом. Плано

Карпини употребляет это выражение по отношению к татарам, одному из монгольских племен, покоренных Чингисханом.

С. 655. *…татары* — средневековые западноевропейские историки часто употребляют для обозначения монголов термин «татары», который они производят от «тартар» — ад, подземное царство. Такая подмена одного слова другим диктовалась, вероятно, тем ужасом, который был внушен Западной Европе монгольским вторжением в Юго-Восточную Европу.

Меркиты — мэргэды, одно из крупных монгольских племен, обитавших в бассейне р. Селенги. Меркиты отличались воинственностью.

Мекриты — то же самое, что и мэргэды.

Чингис — великий монгольский хан и полководец, основатель Монгольской империи. Собственное его имя Тэмужин. Титул Чингисхана Тэмужин получил в 1206 г., когда был провозглашен верховным ханом.

С. 657. *…Кара-китаи* — в дословном переводе «черный Китай», в отличие от Китая в собственном смысле (т. е. от Северного Китая). Кара-китаями назывался народ, обитавший в Южной Маньчжурии, т. е. кидани. В XII в. кара-китаи были вытеснены из Маньчжурии чжурчжэнями и переселились на запад. Затем кара-китаи подчинили Восточный Туркестан и покорили Хорезм, основав государство, известное в истории под названием Кара-Китай. Совместное выступление найманов и кара-кита-ев против Чингисхана, очевидно, относится к тому времени, когда сын Таян-хана найманского, Хучулуг, захватил власть в державе кара-китаев.

Оккодай-хан — Угэдэй-хан.

…Омыл… — У кочевников-монголов во времена Монгольской империи было, по-видимому, несколько городов, о которых

известно до сих пор немногое. Омыл у Плано Карпини можно локализовать на месте города Имиль, находящегося к западу от оз. Кизилбаш. Город был построен кара-китаями около 1125 г.

…живут лесные люди… — Воображение кочевников населяло пустыню фантастическими обитателями, в существование которых Плано Карпини мог легко поверить, так как средневековые географы распространяли немало легенд о существовании людей с глазами в груди, с одной ногой и т. д. Одну из легенд о них, бытовавших в XIII в., и повторяет Плано Карпини.

С. 657–658. *«Некогда мы также были убиты, и нас осталось только семь, а теперь мы выросли в огромную толпу, поэтому нас не страшит подобное».* — Возможно, рассказ автора отражает события войны против хэрэйдов Ван-хана, когда монголы были вынуждены отступить и некоторое время провели у озера Балжуна, собираясь с силами для решающего сражения.

С. 658. *…татары приняли их грамоту, ибо прежде не имели никаких письмен; теперь же эту грамоту именуют монгольскою.* — Монголы во времена Чингисхана (после 1204 г.) начали употреблять для монгольского языка уйгурские буквы. Наиболее древним образцом монгольской письменности на уйгурской основе является так называемый Чингисов камень, надпись на котором датируется первой половиной XIII века.

Саригуйюр — то есть желтые уйгуры, подразделение племени уйгуров, жившее в Северном Тибете.

…каранитов… — Плано Карпини, возможно, имеет в виду монгольское племя каранут (харануд).

…войратов… — Имеются в виду ойраты, племя монгольского происхождения, обитавшее первоначально в районе верховьев Енисея.

…на войну против китаев… — Речь идет о Северном Китае, находившемся под властью династии Цзинь чжурчжэньского происхождения. Чингисхан в течение ряда лет вел войну с Цзинями; монгольские войска зашли глубоко в пределы Северного Китая и в 1215 г. заняли его столицу Жунду (нынешний Пекин). Взяв огромную добычу и множество пленных, Чингисхан, Оставив там ограниченный контингент своих войск под командованием гуй вана Мухали, сам ушел из Северного Китая. Покорение империи Цзинь было завершено Угэдэй-ханом. Южный Китай находился в это время во власти китайской династии Сун, завоевание его монголами было осуществлено через 50 лет после смерти Чингисхана.

…императора же их заперли в его главном городе… — Впоследствии на этом месте Хубилай выстроил свою новую

столицу Дайду (Ханбалык у Марко Поло).

С. 659. *Одного из своих сыновей, по имени Тоссука…* — Имеется в виду Жочи, старший сын Чингисхана (1184(?)—1224), получивший в удел земли, находившиеся на запад от Иртыша, весь Северный Хорезм, низовья рек Амударьи и Сырдарьи, степи Дешт-и-Кипчак, т. е. земли до тех отдаленных пределов, куда ступали копыта монгольских коней. Ставка Жочи находилась в долине Иртыша.

Кан — то есть хан, широко распространенный титул тюркско-монгольского происхождения. Первоначальная форма этого слова была, по-видимому, «хан», «хаган». Титул встречается в Орхонских памятниках, в китайских летописях в отношении государей кочевых народов.

…против команов… — Завоевание кипчаков (команов) завершил сын Жочи, Батый.

…он покорил Малую Индию… — По-видимому, Плано Карпини имеет в виду поход против султана Джелал ад-Дина, бежавшего под натиском монголов к берегам Инда, где он и был окончательно разбит. В этом походе принимал активное участие младший сын Чингисхана, Толуй, сопровождавший отца, а также третий его сын, Угэдэй.

С. 659. *…царь той страны, который именовался в народе Пресвитером Иоанном.* — В. Бартольд считал, что в данном контексте речь идет о кереитах (хэрэйдах). Кереиты — одно из монгольских племен, образовавших раннефеодальное государство в Монголии. Монгольское происхождение кереитов некоторыми исследователями подвергается сомнению. Среди кереитов были христиане-несторианцы.

С. 660. *…многочисленные законы и постановления…* — то есть так называемую Ясу, представляющую собой кодекс законов и распоряжений, приписываемых Чингисхану. Датой составления Ясы считают 1206 г. Законы Ясы были чрезвычайно суровы, и за неисполнение их, за малейшее нарушение правил виновнику часто грозила смертная казнь. Яса узаконила закрепощение монголов. Согласно Ясе, в мирное время все кочевники должны были нести различные повинности в пользу хана и нойонов.

Куйюк-хан — то есть Гуюг-хан (1205–1248) — старший сын Угэдэй-хана, наследовавший престол великого хана. Был избран ханом на хуралдае 1246 г., ценное описание которого находится у Плано Карпини. Возведение на престол Гуюга произошло после шестилетнего междуцарствия, во время которого регентшей оставалась вдова Угэдэя, Туракина, властная женщина, которая была, судя по имени, тюркского происхождения. Избрание Гуюга не было единодушным. В частности, оказал противодействие

Батый, который не признал нового великого хана и не принес ему присяги. Гуюг, став великим ханом, выступил даже в поход против Батыя, но по дороге умер.

…их войско должно быть разделено под начальством тысячников… — Чингисхан организовал свое государство на военно-административный лад. Все население Монголии было разделено на два крыла: правое и левое. Каждое крыло было разбито на «тьмы» (тумэны. — *А.М.*); «тьма» состояла из 10 тыс. человек, во главе ее находился темник, во главе каждой тысячи стоял тысячник, во главе сотни — сотник и т. д. Всего Чингис образовал 95 отрядов по тысяче человек.

…он был убит ударом грома. — Это сообщение Плано Карпини отражает, вероятно, какие-то легенды об обстоятельствах смерти Чингисхана и не подтверждается другими источниками. Чингисхан умер 28 августа 1227 г. во время похода на страну Тангуд.

…у него… было четыре сына… — У Чингисхана было четыре сына от старшей жены Бортегельджин-хатун (Бортэ): Жочи (1185(4?) —1224), Угэдэй (1186–1241), Цагадай (1190(?)-1242(?) и Толуй (1192–1232). Кроме того, у него был еще сын Кулкан от Хулан-хатун, второй жены, который был убит во время похода на русские княжества при осаде одного из городов.

…имени четвертого мы не знаем. — Имеется в виду Толуй, который, согласно древнемонгольскому обычаю, как младший сын являлся хранителем домашнего очага, носил титул «иеке нойон» (великий господин) и наследовал основное имущество отца. Именно поэтому Толуй после смерти Чингисхана наследовал почти все его войска — 101 тыс. из 129 тыс. воинов.

Император же этих татар имеет изумительную власть над всеми. — Великий хан не только обладал полнотой власти, но и являлся верховным собственником всех земель и полным распорядителем жизни своих подданных. Плано Карпини, по-видимому, в этом разделе излагает положения Ясы, относящиеся к власти великого хана.

С. 661. *…сколько бы и куда бы он ни отправлял послов, им должно давать без замедления подводы и содержание…* — В Монгольской империи для обслуживания всей системы управления была организована в 1235 г. почтовая служба, обязанная перевозить послов, гонцов и всяких чиновных лиц. Были организованы почтовые станции — ямы, на которых должны были находиться по 20 человек улачинов и табун свежих лошадей, а также стадо баранов для питания приезжающих. Содержание ямов и средств передвижения — «ула» ложилось тяжелой повинностью на население.

С. 667. *…если они не могут овладеть укреплением таким способом, то бросают на него греческий огонь.* — Так назывались зажигательные смеси, употреблявшиеся для военных целей в античное время и в Средние века. Впервые подобная смесь была применена греками, вследствие чего и получила название греческого огня. В его состав входили нефть и смола. Почти все народы знали его применение, монголы позаимствовали употребление его, по-видимому, у китайцев.

С. 670. *Башафов (Baschathos)* — по-русски «баскаков».

С. 671. *…и на печати его написано следующее: «Бог на небе и Гуйюг-хан над землею — храбрость Божья. Печать императора всех людей».* — Текст надписи, приведенный у Плано Карпини, значительно отличается от надписи печати, скрепляющей письмо Гуюг-хана, привезенное Плано Карпини и найденное в архивах Ватикана.

Текст печати состоит из шести строк, вырезанных монгольским шрифтом, и означает: «Силою вечного Неба народа великих монголов Далай-хана приказ. Если он прибудет к покорившемуся народу, то пусть они почитают его и пусть они боятся». Надпись эта чрезвычайно интересна. В ней упомянуты «великие монголы» — одно из четырех монгольских племен, о которых говорит Плано Карпини. Монгольский великий хан в ней назван необычным титулом — Далай-хан, что переводится как «океан-хан», т. е. всемирный хан. Последняя строка надписи является запрещением, очень близким к тем формулировкам, которыми заканчиваются монгольские указы: «Бойтесь и повинуйтесь». Подобное же запрещение обычно заканчивает текст, выгравированный на дававшихся посланцам хана пропусках-пайцзах: «Кто не повинуется, пусть умрет».

Завоевательные тенденции монгольских ханов нашли яркое выражение в этой надписи на ханской печати. Частично они отражены в варианте, приведенном в тексте Плано Карпини, который записал содержание надписи со слов ханских секретарей, но перевел ее на латинский язык не точно. Нам особенно интересен этот оттиск потому, что надпись была выгравирована и вся печать сделана русским мастером, ювелиром Козьмой, тем самым Козьмой (Космой), который помогал Плано Карпини в трудные для него минуты, о чем с такой теплотой вспоминает путешественник. По-видимому, Козьма был одним из тех русских мастеров, которые во время походов на русские княжества были захвачены в плен и уведены в далекую Монголию. Мастерство русского умельца создало вещи высокой художественной ценности, вызывавшие восхищение всех окружающих (например, трон для великого хана), о чем мы

узнаем из описания Плано Карпини.

Гильом де Рубрук.

Путешествие в восточные страны (фрагменты)

С. 672. Путешествие в восточные страны… — Печатается по изданию Плано Карпини Дж. Дель. История монгалов; Гильом де Рубрук. Путешествие в восточные страны; «Книга Марко Поло». М.: Мысль, 1997.

С. 672. *…всякий начальник (capitaneus) знает, смотря по тому, имеет ли он под своею властью большее или меньшее количество людей, границы своих пастбищ…* — У монголов в период Монгольской империи вся земля номинально являлась собственностью великого хана, но каждый феодальный сеньор в пределах пожалованных ему земельных угодий распоряжался кочевками зависящих от него людей, распределяя лучшие пастбища по своему усмотрению. Эту черту монгольской жизни заметил Рубрук, который был вообще очень внимательным и наблюдательным путешественником.

С. 674. *Моал* — то есть монгол. Употребляемое Рубруком название «моал» вместо «монгол» вызвано, вероятно, тем, что он слышал, как произносили одну из монгольских форм этого слова.

…один двор… — в оригинале una curia. Этим словом Рубрук передает татарское «орда».

С. 676. *…превосходный напиток из рису, проса, ячменя и меду…* — так называемая террацина (монгольское «тарасун») — молочная водка.

С. 677. *…затем острием ножика или вилочки…* — Вилка в Европе стала распространенной принадлежностью столовой посуды только в середине XIV в.

С. 678. *Погребение… того, кто умирает, остается неизвестным.* — Монголы держали в тайне место захоронения своих ханов. Неизвестно, где был похоронен Чингис. В одной из монгольских летописей рассказано, что над могилой Чингисхана был прогнан табун в 20 лошадей, чтобы сровнять место и чтобы никто не мог найти его.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ХРОНОЛОГИЯ ЖИЗНИ ЧИНГИСХАНА

1162

(год Черной лошади) — В семье Есухэй-батора и Огэлун родился первенец, которого назвали Тэмужин.

1164

(год Синей обезьяны) — Тэмужину три года[19].
Родился его младший брат Жочи Хасар.

1166

(год Красной собаки) — Тэмужину пять лет.
Родился его второй младший брат Хачигун.

1168

(год Желтой мыши) — Тэмужину семь лет.
Родился его третий младший брат Тэмугэ отчигин.

1169

(год Желтого быка) — Тэмужину восемь лет.
Родилась его младшая сестра Тэмулун.

1170

(год Белого тигра) — Тэмужину девять лет.
Тэмужин был помолвлен с Бортэ, своей будущей женой. Есухэй-батор, отец Тэмужина, был отравлен татарами и скончался.

1171

(год Белого зайца) — Тэмужину десять лет.
Аймак (объединение родственных племен, проживавших на определенной территории), который до своей смерти возглавлял Есухэй-батор, распался. Покинутая соплеменниками, семья Тэмужина столкнулась с многочисленными житейскими трудностями.

1172

(год Черного дракона) — Тэмужину одиннадцать лет.
Тэмужин и Жамуха стали побратимами.

1173

(год Черной змеи) — Тэмужину двенадцать лет.

Тэмужин убивает из лука своего сводного брата Бэхтэра.

1177

(год Красной курицы) — Тэмужину шестнадцать лет.

Тэмужин был пленен тайчудами, но вскоре с помощью семьи Сор-хан шара бежал.

Конокрады увели восемь соловых коней Тэмужина; во время преследования конокрадов Тэмужин повстречался с Борчу, который стал его верным нукером (сподвижником) на всю жизнь.

1178

(год Желтой собаки) — Тэмужину семнадцать лет.

Тэмужин взял в жены Бортэ, с которой был обручен в детстве. Тэмужин устанавливает союз с ханом хэрэйдов Торил ом (Ван-ханом), который был побратимом его отца, Есухэй-батора.

Тэмужин призвал к себе на постоянную службу нукера Борчу. Старик Жарчигудай привел к Тэмужину своего сына Зэлмэ, который с тех пор стал верным нукером Тэмужина.

Мэргиды неожиданно напали на стойбище Тэмужина и увели в плен его жену, Бортэ.

Тэмужин начинает формировать свою дружину.

1179

(год Желтой свиньи) — Тэмужину восемнадцать лет.

Тэмужин, разгромив с помощью хэрэйдского Торил-хана и побратима Жамухи мэргэдов в сражении при Буур хээре, возвратил жену Бортэ.

Родился старший сын Тэмужина — Жочи.

Зиму этого года и весь следующий год семья Тэмужина кочевала вместе с Жамухой в местности Хурхунаг жубур.

1181

(год Белого быка) — Тэмужину двадцать лет.

Весной этого года побратимы Тэмужин и Жамуха в результате размолвки расстались.

В течение последующих нескольких лет Тэмужин обрел много союзников среди степной знати.

1183

(год Черного зайца) — Тэмужину двадцать два года.

Родился второй сын Тэмужина и Бортэ — Цагадай.

1186

(год Красной лошади) — Тэмужину двадцать пять лет.

Родился третий сын Тэмужина и Бортэ — Угэдэй.

1189

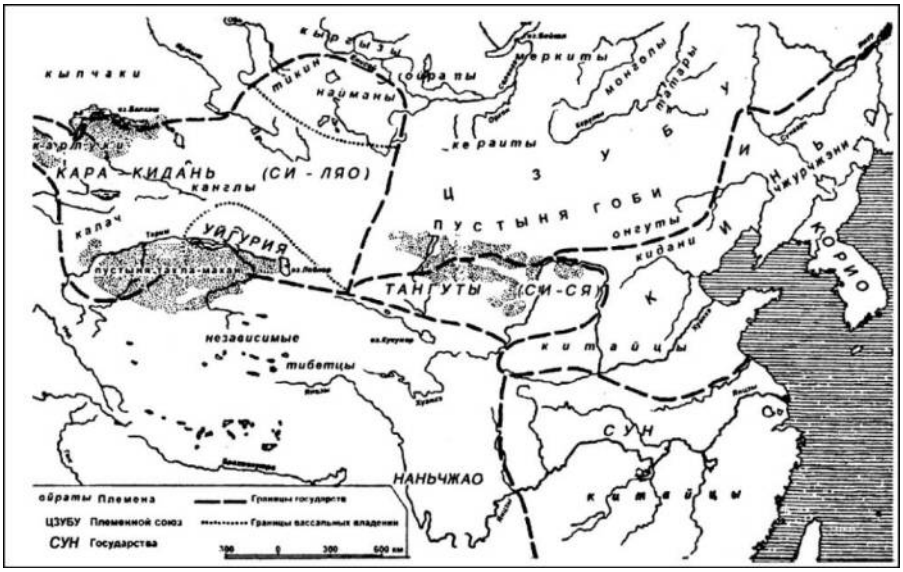
(год Желтой курицы) — Тэмужину двадцать восемь лет.

Тэмужин был возведен на ханский престол улуса Хамаг Монгол («Все Монголы») и титулован Чингисханом.

Чингисхан заложил основы организационной структуры своего улуса.

1190

(год Белой собаки) — Чингисхану двадцать девять лет. Произошло первое сражение между Чингисханом и Жамухой, которое известно в монгольской истории как «сражение тринадцати куреней».



Средняя и Центральная Азия в XII веке (по Гумилеву)

1193

(год Черного быка) — Чингисхану тридцать два года.

Родился четвертый сын Чингисхана и Бортэ — Толуй.

1194

(год Синего барса) — Чингисхану тридцать три года. Монгольские племена — хатагин и салжуд — совершили набег на приграничные районы владений Алтан-хана (чжурчжэньская империя Цзинь на северо-востоке Китая).

1195

(год Синего зайца) — Чингисхану тридцать четыре года.

Войска, посланные Алтан-ханом, совместно со своими вассалами, татарами, захватили и разграбили четырнадцать куреней племен хатагин, салжуд. Однако затем между аймаком татарских племен и чжурчжэнями произошла распря из-за дележа трофеев.

1196

(год Синего зайца) — Чингисхану тридцать пять лет.

Чингисхан и Торил-хан оказали помощь войскам Алтан-хана и первый раз нанесли поражение татарскому аймаку.

В результате борьбы за власть в племени хэрэйдов Торил-хан был вынужден бежать в государство кара-киданей (на реке Чуй, в Туркестане) и нашел приют у его правителя Гур-хана.

1197

(год Красной змеи) — Чингисхану тридцать шесть лет.

Размолвка, произошедшая ранее между Тэмужином и вождями племени журхин, переросла в вооруженное противостояние и закончилась полным крахом журхинцев.

Мухулай из племени жалайр пополнил ряды нукеров Чингисхана.

Младший брат Ван-хана, Жаха Гомбу, пришел в подчинение к Чингисхану.

1198

(год Желтой лошади) — Чингисхану тридцать семь лет. Торил-хан возвратился в Монголию. Чингисхан призрел его в своей орде и оказал помощь в возвращении ему его подданных. Чингисхан сразился с мэргэдским Тогтога бэхи.

Ван-хан, без согласования своих действий с Чингисханом, напал на остатки мэргэдов, захваченной им добычей он не поделился с Чингисханом.

1199

(год Желтого барана) — Чингисхану тридцать восемь лет. Чингисхан и Ван-хан вместе отправились завоевывать племя найманов. Однако в ночь перед сражением с Хугсэгу сабрагом Ван-хан тайно снялся со стоянки и оставил Тэмужина один на один с врагами-найманами.

Когда зимой того же года найманский богатырь Хугсэгу сабраг учинил разор Ван-хану, тогда последний попросил Чингисхана прислать четырех его богатырей, чтобы отбить у найманов захваченное ими имущество и вернуть подданных. Тэмужин исполнил его просьбу и оказал Ван-хану военную помощь.

1200

(год Белой обезьяны) — Чингисхану тридцать девять лет.

Войска мэргэдов и тайчудов напали на Тэмужина, но были разгромлены совместными силами Тэмужина и Ван-хана в районе реки Онон.

Хатагинцы и салжуды — всего одиннадцать племен — совместными усилиями ополчились в районе озера Буйр на Чингисхана, но были им разгромлены.

Зимой этого года Ван-хан отстранился от Чингисхана.

«Четверо татар» (родо-племенное объединение) ополчились на Чингисхана, но были во второй раз им разгромлены.

1201

(год Белой курицы) — Чингисхану сорок лет.

Вожди племен хангирад, горлос, ихирэс и ряда других провозгласили Жамуху Гур-ханом (всеобщим ханом). Образовавшийся союз племен ополчился на Чингисхана, но был разбит последним.

1202

(год Черной собаки) — Чингисхану сорок один год.

В местности Далан нумруг Чингисхан в третий раз сразился с объединением татарских племен и окончательно их разбил.

Осенью и зимой того же года в местности Хойтэн Чингисхан вторично сразился с Жамухой и его союзниками и одолел их.

Затем Чингисхан разбил тайчудов; в этом сражении он был ранен.

Зэбэ стал нукером Чингисхана; в дальнейшем Зэбэ стал одним из лучших военачальников Чингисхана.

1203

(год Черной свиньи) — Чингисхану сорок два года.

Весной Жамуха, Ван-хан и его сын Сэнгум замыслили расправиться с Чингисханом, но пастухи Бадай и Хишилиг вовремя сообщили ему о заговоре.

В местности Му ундур сошлись рати Чингисхана и Ван-хана, но, так и не выявив победителя, оба отступили.

В местности Балжун нуур, испив мутной воды из озера, Чингисхан дал клятву, что вовек не забудет заслуг своих воинов-нукеров. Осенью того же года в местности Зэгзгэр ундур Чингисхан повоевал Ван-хана и окончательно разбил и присоединил к своему улусу племя хэрэйдов.

1204

(год Синей мыши) — Чингисхану сорок три года.

Весной этого года хан найманов, Таян-хан, хотел натравить на Чингисхана вождя онгудов Алахушдигитхури.

Об этом онгудский хан тайно сообщил Чингисхану и изъявил свою покорность.

Чингисхан осуществил реорганизацию своего войска: разделил его на десятки, сотни и тысячи.

В апреле в местности Наху хун найманы были разгромлены Чингисханом; найманский улус перестал существовать.

Во время сражений с найманами был пленен уйгур по имени Тататунга, у которого была найдена печать.

Тататунга был приставлен к сыновьям Чингисхана преподавать уйгурскую письменность. Вскоре эта письменность стала широко употребляться в государственных делах.

1205

(год Синего быка) — Чингисхану сорок четыре года.

Чингисхан разгромил остатки войск найманов и мэргэдов. Чингисхан совершил первый поход на тангудов, в землях которых нашел убежище сын Ван-хана, Сэнгум.

Чингисхан предал смерти Жамуху, своего последнего соперника в деле объединения всех монгольских племен.

Чингисханом было завершено объединение всех монгольских племен.

1806

(год Красного тигра) — Чингисхану сорок пять лет.

На Великом хуралдае он был провозглашен Чингисханом Великого Монгольского Улуса.

Им были вознаграждены за ратный труд восемьдесят восемь его ближайших соратников.

Началось формирование государственных институтов: были созданы девяносто пять тысяч, которые составили четыре тумэна — главных военно-административных единиц государства. Заново был сформирован один тумэн хишигтэна — гвардии Чингисхану.

Была утверждена первая редакция «Великой Ясы».

Чингисхан отправил Хубилай-нойона подчинить себе харлугудов, а Зэва — покончить с остатками найманов во главе с Хучулугом, сыном Таян-хана.

1207

(год Красного зайца) — Чингисхану сорок шесть лет.

Старший сын Чингисхана, Жочи, посланный им покорить лесные народы, достойно выполнил приказ отца.

Продолжение монголо-тангудской войны (второй поход монголов) из-за того, что тангуды отказались быть данниками монголов.

Чингисхан разделил уделы вместе с подданными между ближайшими сродниками.

1209

(год Желтой змеи) — Чингисхану сорок восемь лет.

Уйгурский Идугуд убил наместника кара-киданей и предался Чингисхану.

Третий военный поход Чингисхана в страну тангудов.

1210

(год Белой лошади) — Чингисхану сорок девять лет.

Чингисхан расправился с верховным шаманом Тэв тэнгэром (Ху-хучу), который пытался соперничать с ним в борьбе за власть в государстве.

Чингисхан провел подготовку к военной кампании против державы Алтан-хана.

1211

(год Белой овцы) — Чингисхану пятьдесят лет.

Улус харлугудов, в который был отправлен Хубилай-нойон, не противясь, присоединился к Чингисхану.

В феврале того же года Чингисхан выступил со своим войском повоевать империю Цзинь (Алтан-хана).

В июле монгольские войска левого крыла под командованием Зэва захватили ряд городов и поселений чжурчжэньской империи.

Монгольские войска под командованием Зэва захватили крепости Ушабуу, У Юай Ин, а затем монгольские войска в первый раз захватили западную столицу чжурчжэньской империи — город Датун.

Чингисхан наступал в направлении Чжанчжоу, Фучжоу и разгромил в местности Цуйбиншань и Хуйхэбао главные силы Алтан-хана и захватил города Сюань дэ и Дэ Син.

Городские власти и военные чины армии Алтан-хана повсеместно капитулировали перед монголами.

В сентябре монгольский полководец Зэбэ впервые захватил укрепленную заставу на перевале Цавчал и подошел к столице чжурчжэньского государства Цзинь — городу Жунду.

Город был сильно укреплен, и взять его с ходу не удалось. Чингисхан отступил вместе с войсками и зимовал в тот год в приграничных районах.

Монгольские войска правого крыла захватили Юньнэй и другие города.

1212

(год Черной обезьяны) — Чингисхану пятьдесят один год.

Весной монгольские войска начали второе наступление на среднюю столицу цзиньской империи — Жунду.

Монгольские войска вели тяжелое сражение с войсками Алтан-хана на перевале Унэгэн даваа, в местности Хуй Хэ Бао были уничтожены тридцать тумэнов, которыми командовал Цзиньский полководец Хушаху и вторично захвачен город Сюаньдэ. Цзиньский полководец Шимо Мянган перешел на сторону Чингисхана.

В августе того же года Чингисхан вновь ополчился на западную столицу Алтан-хана — город Датун. Во время штурма Чингисхан был ранен стрелой.

Войска монголов отступили.

В сентябре после продолжительного штурма был захвачен Дэ-Син.

Кидане провозгласили создание государства «Восточное Ляо» и стали вассалом Чингисхана.

1213

(год Черной курицы) — Чингисхану пятьдесят два года. Чингисхан продолжил военные действия против Алтан-хана и в начале весны направил своего полководца Зэва захватить восточную столицу империи Цзинь — город Ляо Янь.

В июле Чингисхан возглавил войска и снова разрушил Дэ Син.

В августе в сражении на реке Гуйчуань была разбита цзиньская армия под командованием Ваньгинь Гана и Жуху Гуучи.

Так как цзиньцы снова хорошо укрепили заставу Цавчал, прикрывавшую среднюю столицу Жунду, Чингисхан отправил небольшой отряд в обход, неожиданно напал и преодолел заставу Цзицзингуань, затем захватил крепость И-чжоу. Отправленный Чингисханом полководец Зэв захватил крепость Нань-коу и ударил по крепости Цавчал с тыла.

Гарнизон, защищавший крепость, сдался, и крепость была взята. Во дворце Алтан-хана полководец Хушаху отравил императора династии Цзинь. Ваньгинь Сюань был провозглашен восьмым императором династии Цзинь.

В октябре Чингисхан отправил своего посла к новому императору династии Цзинь с требованием о капитуляции.

Средняя столица Жунду была сильно укреплена, и осада ее была временно приостановлена.

Чингисхан разделил свои войска на три части и направил их в глубь территории империи Цзинь. Монгольские войска захватили девяносто городов и населенных пунктов в провинциях Шаньдун, Шаньси, Хэбэй и Ляоси.

Зиму этого года Чингисхан провел в местности Шар хээр в окрестностях Жунду.

1214

(год Синей собаки) — Чингисхану пятьдесят три года.

В первый весенний месяц император династии Цзинь запросил у Чингисхана мира. Чингисхан ответил согласием.

В марте монгольские войска отступили от границ империи Цзинь.

Чингисхан провел лето на озере Загасан.

В июне император династии Цзинь перенес столицу из Жунду в южную столицу — Бяньлян.

Поскольку император династии Цзинь нарушил мирное

соглашение и перенес свою столицу, Чингисхан крайне разгневался и в июле в третий раз осадил Жунду.

В октябре Мухулай-нойон был отправлен во главе войска в Ляоси.

1215

(год Синего кабана) — Чингисхану пятьдесят четыре года.

Весной монгольские войска захватили всю территорию Ляоси. Перед монголами капитулировал командующий правым крылом армии Алтан-хана, Пуча Чигин.

В марте были разгромлены войска Алтан-хана, которые направлялись на помощь осажденному Жунду.

В мае Чингисхан захватил среднюю столицу империи Цзинь — город Жунду.

Чингисхан встретился с образованным киданьским чиновником Елюй Чу-цаем и взял его к себе на службу.

«Лесные народы» возмутились против Чингисхана.

Чингисхан разделил свои войска на три части и направил продолжить завоевание территории империи Цзинь, а сам возвратился в Великую ставку на реке Керулен.

1216

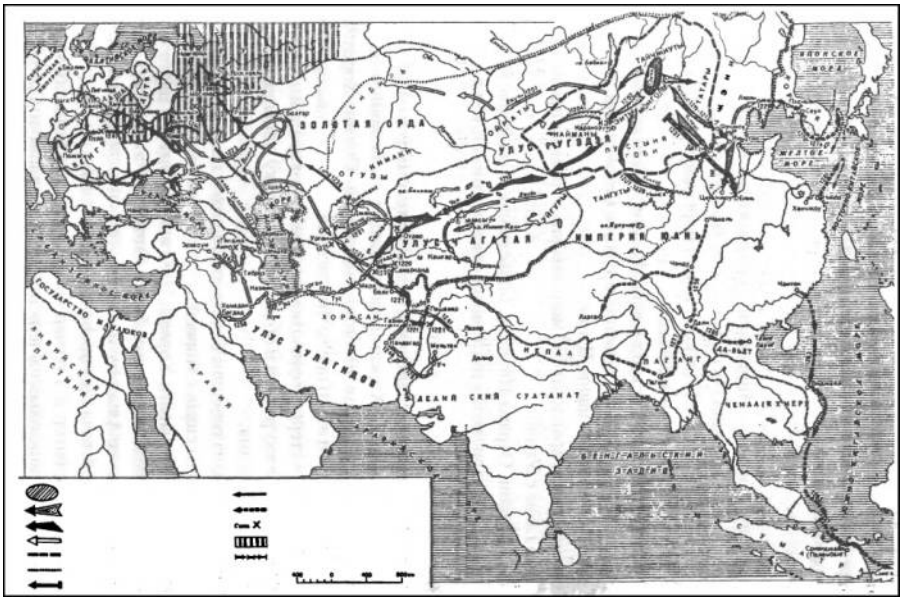
(год Красной мыши) — Чингисхану пятьдесят пять лет. Чингисхан направил свои войска, чтобы подавить восстание племени тумэдов и «лесных народов».

Чингисхан направил Зэбэ с войсками в государство кара-кида-ней, чтобы уничтожить осевшего там сына хана найманов — Ху-чулуга.

Военные походы монголов в XIII веке

Субэгэдэй-батора совместно с конницей Тохучара направили вслед за остатками племени мэргэдов.

В Хорезм Чингисханом были отправлены послы, и был заключен договор о торговле.



Военные походы монголов в XIII веке

1217

(год Красного быка) — Чингисхану пятьдесят шесть лет.

Дурбэй догшин подавил восстание «лесных народов». Субэгэдэй-батор настиг остатки племени мэргэдов у реки Чуй, где они были полностью истреблены.

В августе Чингисхан удостоил ноёна Мухали звания гуй ван, вручил ему золотую печать и девятибунчужное белое знамя и поручил захватить всю империю Цзинь.

В Хорезм были отправлены 450 монгольских торговых представителей во главе с Ухной.

Градоначальник Отрара Иналчук, польстившись на привезенные ими товары, конфисковал их, а торговцев арестовал и убил.

1218

(год Желтого тигра) — Чингисхану пятьдесят семь лет. Чингисхан отправил в Хорезм своего посла с требованием разъяснить причину убийства его торговых людей. Султан Хорезма Мухаммед казнил и этого посла Чингисхана.

Зэбэ захватил всю территорию государства кара-киданей.

Чингисхан провел хуралдай и объявил подготовку к военному походу против Хорезма.

Войска Чингисхана совершили четвертый поход на тангудов. Были установлены связи с Кореей.

Отправляясь завоевывать Хорезм, Чингисхан поручил вести государственные дела младшему брату, Отчигину, а помогать ему приказал принцессе Алага бэхи.

Наследником престола был провозглашен Угэдэй.

Зэбэ, Субэгэдэй-батор и Тохучар были назначены командующими авангардом монгольских войск, отправленными в Среднюю Азию.

1219

(год Желтого зайца) — Чингисхану пятьдесят восемь лет.

В апреле, встав во главе монгольской армии, Чингисхан выступил на Хорезм.

Проследовав по землям бывшего улуса найманов, монгольские войска провели лето на берегу реки Иртыш. Здесь собрались двадцать туманов монгольских воинов, которым предстоял поход во владения хорезмшаха.

Чингисхан направил своих послов Лю Чжун лу и Жабара, чтобы пригласить к себе даосского монаха Чан Чуня.

Осенью монгольские войска двинулись от Иртыша, пересекли границу Хорезма и в сентябре осадили город Отрар.

Чингисхан разделил свои войска и направил по четырем направлениям для захвата хорезмских городов, находившихся между Амударьей и Сырдарьей.

Зимой этого года по пути в Бухару и Самарканд войска, которые возглавлял сам Чингисхан, взяли города Зернук и Нур.

1220

(год Белого дракона) — Чингисхану пятьдесят девять лет.

В марте Чингисхан захватил Бухару.

В том же месяце была захвачена новая столица Хорезма — город Самарканд.

Хорезмшах Мухаммед удрал из Самарканда, поэтому Чингисхан приказал Зэбэ, Субэгэдэй-батору и Тохучару преследовать и схватить Мухаммеда.

Сыновья Чингисхана — Цагадай и Угэдэй после полугодовой осады весной этого года захватили город Отрар.

Вторая и третья группы монгольских войск под командованием старшего сына Чингисхана, Жочи, и командиров Алага, Суйхэту и Тахая, наступая по определенным им направлениям, захватили все города, находившиеся вдоль Сырдарьи от Ходжента до Енд-жикента.

Чингисхан выступил с войсками на Хорасан.

Осенью Чингисхан занял Термез.

В декабре хорезмшах Мухаммед, спасаясь бегством от преследовавших его монгольских войск Зэва, Субэгэдэй-батора и Тохучара, нашел пристанище на одном из островов в Каспийском море.

Зимой того же года был осажден Ургенч.

1221

(год Белой змеи) — Чингисхану шестьдесят лет.

Хорезмшах Мухаммед заболел и умер на небольшом острове в Каспийском море. Ему наследовал его сын Джалал ад-Дин. Весной войска Чингисхана форсировали Амударью и захватили город Балх.

Джалал ад-Дин напал на передовые части монгольских войск и нанес им значительный урон. Пришедшие им на помощь войска, ведомые Шигихутугом, были также потеснены воинами Джалал ад-Дина.

После шести месяцев осады и кровопролитных боев в мае был захвачен город Ургенч.

Чингисхан провел лето в нагорье Талахан.

Во время боев у города Бамиан был убит сын Цагадая, Мугаду-ган.

В июле к Чингисхану прибыл посол Алтан-хана с посланием, в котором предлагалось заключить мир.

В октябре войска Чингисхана на берегу реки Синд разбили остатки войска Джалал ад-Дина.

Зимой Чингисхан послал вслед за Джалал ад-Дином Бала нойона, а Дурбэя догшина повоевать области Ару, Маару, Мадасари.

Войска Зэва и Субэгэдэй-батора вторглись в юго-восточную часть Армении и Грузии.

1222

(год Черной лошади) — Чингисхану шестьдесят один год.

В начале года четвертый сын Чингисхана Толуй захватил Иру, Исэбур, Систен, Чухчэрэн и многие другие города Хорасана.

Весной войска Чингисхана снова осадили Балх.

5 апреля Чингисхан впервые встретился с Чан Чунем.

Лето Чингисхан провел в Бараан-хээре, куда к нему явились все части монгольских войск.

Во все города Хорезма Чингисхан назначил своих наместников.

В августе состоялась вторая встреча и беседа Чингисхана с Чан Чунем.

Зэбэ и Субэгэдэй-батор проникли в Азербайджан, вторглись в Армению и Грузию, перевалив через Кавказский хребет, пришли в земли кипчаков, где и провели зиму.

Главные силы монгольских войск зимовали в горах Буя-Катур в верховьях Синда.

1223

(год Черного барана) — Чингисхану шестьдесят два года.

Главные силы монгольских войск, намереваясь возвратиться в Монголию через территорию Индии и Тибета, после нескольких дней пути отказались от этого маршрута по причине тяжелых климатических условий, вернулись назад, после чего пошли в Монголию тем же маршрутом, которым пришли в Хорезм.

В марте даосский монах Чан Чунь покинул Чингисхана, чтобы вернуться на родину.

В марте скончался гуй ван Мухали. Наследовал отцу сын Бор.

В мае Зэв и Субэгэдэй-батор на реке Калке разбили совместные военные силы русских и кипчаков.

Лето этого года войска Чингисхана провели в местности под названием Бараан-хээр.

Зиму Чингисхан провел недалеко от Самарканда: там была организована большая облавная охота.

Когда Чингисхан находился недалеко от реки Черный Иртыш, тангуды вторглись на монгольскую территорию со стороны реки Эзнэй.

В конце года Зэбэ и Субэгэдэй-батор, завоевав волжских булгар, соединились с основными силами, возвращавшимися в Монголию.

1224

(год Синей обезьяны) — Чингисхану шестьдесят три года.

Весной на правом берегу реки Сырдарья собрался Великий хуралдай, на котором обсуждали порядок возвращения на родину.

В мае сын Мухали, Бор, разбил тангудов вблизи города Иньчжоу и договорился об отправке в заложники детей тангудского предводителя.

Осенью, когда монгольское войско было на пути в Монголию, Алтан-хан заключил союз с тангудами, направленный против Чингисхана.

Зимой того же года внуки Чингисхана — Хубилай и Улэху встречали Чингисхана на реке Эмил.

Славный монгольский полководец Зэв на обратном пути в Монголию заболел и умер.

1225

(год Синей курицы) — Чингисхану шестьдесят четыре года.

В начале весны Чингисхан возвратился из похода в свою ставку в Черной роще на берегу Толы.

Чингисхан отослал к тангудам своего посла и спросил их вождя, почему он не отправил к нему сына в заложники.

Осенью Чингисхан выступил в поход на тангудов во главе стотысячного войска.

Тангуды укрепили свои крепости и заставы и в октябре заключили с императором династии Цзинь соглашение о военной помощи, о котором открыто заявили в ноябре.

Зимой того же года Чингисхан во время облавной охоты упал с лошади и сильно занемог.

1226

(год Красной собаки) — Чингисхану шестьдесят пять лет.

В первый весенний месяц началось военное вторжение монгольских войск в тангудские земли, был захвачен город Хар балгас.

К ноябрю были захвачены все тангудские бастионы, а затем монгольские войска осадили столицу страны тангудов — город Иргай (Яргай).

1227

(год Красной свиньи) — Чингисхану исполнилось 66 лет.

В первый весенний месяц монгольские войска, ведомые Чингисханом, переправились через реку Хатан-гол и напали на приграничные города империи Цзинь и захватили многие из них. Чингисхан провел лето в нагорье Лу Пань Шань.

Когда Чингисхан был в Циньшуе, явился посол тангудов и сообщил, что они капитулируют через месяц.

Предводитель тангудов капитулировал и явился с дарами.

Тогда же он был умерщвлен.

18 августа состояние здоровья Чингисхана ухудшилось, и 25 августа в возрасте 66 лет он скончался.

Останки Чингисхана были захоронены на его родине.

notes

Примечания

1

Цифры в скобках отсылают к разделу ПРИМЕЧАНИЯ в конце каждой главы. (Так в оригинале — mefysto.)

2

О версиях, существующих по этому поводу, будет сказано ниже.

3

Империя Хунну — первое на территории современной Монголии государство кочевых народов возникло в конце III века до н. э., распалось в I веке нашей эры.

4

В смысле «коренные».

5

Северо-восток современной Монголии.

6

Орхо — верхнее отверстие в юрте, дымник.

7

Шигихутуг — как свидетельствует «Сокровенное сказание монголов», нареченный брат Чингисхана; в 1196 году он был найден воинами Чингисхана в захваченном стойбище татар и передан матери Чингисхана, которая нарекла «имя ему Шигихэн хутугу (Шигихутуг) и воспитывала его как сына родного». Шигихутуг отплатил сторицей усыновившей его семье, став верным соратником Чингисхана, который после создания единого монгольского государства доверил ему всю судебную власть в улусе.

8

Харгасун хорчи — по мнению монгольского ученого Ш. Гаадамбы, являлся одним из сподвижников Чингисхана, его тысяцким, которого он отрядил в распоряжение своей матушки Огэлун и младшего брата Тэмугэ отчигина, когда в 1204–1205 гг. отправился в поход на найманов, а затем и на мэргэдов.

9

Тататунга — чиновник улуса найманов, уйгур по происхождению; как свидетельствует автор исторической хроники «Алтан тобчи» Мэргэн гэгэн (XVIII в.), Тататунга после его пленения способствовал распространению уйгурского письма среди монголов; при Угэдэй-хане Тататунга служил хранителем государственной печати.

10

Звездочки отсылают к разделу КОММЕНТАРИИ, находящемуся в конце книги. (Так в оригинале — mefysto.)

11

Перевод имени Махасаммата.

12

Каноническая биография Будды описывает его 12 религиозных подвигов.

13

Смерть.

14

Искаженное слово «бэда», которым китайцы называли северные народы.

15

Мифический первопредок монголов.

16

«Сохор» означает «слепой». В других источниках его имя Дува-Сохор.

17

Военачальник, командир.

Подготовка текста О. Ю. Клокова, ООО Издательство Мидгард», 2007

19

По существующей у монголов традиции, возраст человека включает год его «внутриутробной жизни». Здесь и в дальнейшем возраст Чингисхана дан с учетом именно этого года.